

А.А.ШАХМАТОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

*Академия наук СССР
Отделение литературы и языка*

А.А. ШАХМАТОВ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
РУССКОГО
ЯЗЫКА**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА * 1957

*Издание осуществлено под наблюдением
Комиссии по истории филологических наук
при Отделении литературы и языка
Академии наук СССР.*

**ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
АКАД. С. П. ОБНОРСКОГО**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) — крупнейшее имя в истории русской филологической науки. Являясь признанным лингвистом, он вместе с тем выступает как ученый с широкими филологическими концепциями. В громадном наследии, оставшемся от А. А. Шахматова¹, действительно половина работ — собственно лингвистических, а другая половина — это его многообразные монументальные исследования по древней русской литературе (проблемы русского летописания), по истории, этнографии и т. д. Вся сила А. А. Шахматова, однако, не в том, что он был и лингвистом, и литературоведом, и историком и т. д., а в том, что он всюду был филологом и историком в широком смысле. Недаром первое, детское еще, написанное в десятилетнем возрасте „сочинение“ А. А. Шахматова относится к области русской истории. Это, между прочим, сохранившаяся в архиве А. А. Шахматова рукопись, озаглавленная „Русская старина“, в целых трех частях: ч. I — до Ярослава I, ч. II — от Ярослава Мудрого до Всеволода III, ч. III — от Георгия и татар до Василия Дмитриевича и Василия Темного (на 175—178 страницх¹).

Постоянное внимание к разнообразным явлениям русской культуры не самим по себе, а в обязательной исторической взаимосвязанности и обусловленности, разгадка исторической подоплеки тех или иных, подчас очень сложных явлений языка или литературы и т. д., как порожденных определенной исторической ситуацией, наконец, длительные, на протяжении всей научной деятельности, поиски цельной концепции по основному вопросу о последовательных эпохах образования русской народности, русской народной культуры в целом составляют отличительную черту всего творчества А. А. Шахматова. Поэтому наследие А. А. Шахматова так для нас важно и ценно в условиях современных научных требований все возрастает. Действительно, общая историческая кон-

¹ Общее представление о научно-общественном облике А. А. Шахматова можно извлечь из посвященного его памяти двадцать пятого тома „Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук“ (за 1920 год); ср. еще составленную О. А. Шахматовой-Коплен и В. И. Копленом брошюру „Алексей Александрович Шахматов. 1864—1920“ (издание Академии наук в серии „Очерки по истории знаний“, вып. VIII, Ленинград, 1930), которая содержит основную канву жизни и научно-общественной деятельности А. А. Шахматова и полную библиографию его печатных и рукописных работ.

цепция А. А. Шахматова, касающаяся судеб восточного славянства, затрагивающая основные проблемы образования русской, белорусской, украинской народностей, хотя и устарела, имеет все же научное значение. Мы не имеем во всяком случае иного столь же стройного и научно аргументированного построения на эту труднейшую для исследования тему. Громадны по своему значению и многообразные исследования А. А. Шахматова по древней русской литературе. Они все концентрируются вокруг основного, самого сложного в литературоведении вопроса, связанного с историей русской летописи. Здесь труды А. А. Шахматова имеют основополагающий характер. Если прежде в задачах изучения летописной проблемы дело сводилось к восстановлению Несторовой летописи как чего-то раз навсегда сложившегося или к определению ее первоначальных источников в виде погодных записей или разнообразных сказаний, исторических повестей, местных преданий и т. п., то А. А. Шахматов впервые поставил задачами летописного исследования вопросы происхождения, времени составления летописи, вопросы редакций и списков летописи, их взаимоотношения с иными родственными и близкими сводами и т. д. Так впервые оказалась приоткрытой завеса над тем, как фактически осуществлялась на протяжении веков при монастырях и княжеских дворах работа летописания. При этом старое, окутанное поэтической дымкой представление о летописце как о каком-то отшельнике-подвижнике, бесстрашном наблюдателе и фотографe тех или иных развертывавшихся вокруг него событий оказалось исторической фальшью. Поднялась, напротив, реальная фигура старого летописца как человека, жившего в гуще политики и творившего свой труд в сложной обстановке окружающей политической борьбы и давления мирских интересов то церковной, то княжеской власти. Так под пером А. А. Шахматова в результате многолетних его кропотливых изысканий проблема русского летописания была поставлена по-новому, и летопись приобрела значение первостепенного источника собственно политической нашей истории, начиная со старейшей эпохи жизни Руси.

Как лингвист, исследователь русского языка А. А. Шахматов бесспорно занимает первое место. Широта тематики, затрагиваемой исследованиями А. А. Шахматова, можно сказать, абсолютная. Он с одинаковой пытливостью и научной проникновенностью относится к изучению истории русского языка, современного русского языка, диалектологии. Он с одинаковой глубиной исследовательского анализа трактует как вопросы фонетики, так и проблемы морфологии и синтаксиса. Понятно поэтому, что во всех областях науки о русском языке ощутим след, оставленный деятельностью А. А. Шахматова.

Общая эрудиция А. А. Шахматова была громадна. Живой русский язык (диалекты) он знал во всей широте в первоисточнике. Можно вспомнить о ряде диалектологических поездок, предпринятых А. А. Шахматовым, начиная еще со студенческих лет (с 20-летнего возраста). Известна громадная роль А. А. Шахматова по организации в недрах Академии наук собирания особенностей говоров: по его инициативе и при его участии разрабатывались программы для собирания диалектных особенностей, благодаря его личному труду в течение ряда лет обрабатывались и печатались ответы на эти программы и т. д. Если не говорить о работах А. А. Шахматова, целиком посвященных диалектологии, то во всех его лингвистических трудах показания диалектов используются очень широко.

Такой же была ориентация А. А. Шахматова в письменных памятниках русского языка. Еще будучи учеником V класса гимназии, А. А. Шахматов по особому разрешению уже занимается изучением рукописей в Румянцевском музее (ныне Библиотека имени В. И. Ленина) и, между прочим, через два года печатает статью о Сборнике 1073 года; гимназистом VIII класса, в 1882 году, он выступает неофициальным оппонентом на диспуте А. И. Соболевского при защите им магистерской диссертации по истории русского языка (соответственная статья А. А. Шахматова была тогда же опубликована в VII томе „Archiv für slavische Philologie“); спустя два года, в 1884 году, будучи студентом II курса Московского университета, он представляет к печати свое известное „Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV века“ (изд. в 1886 г.), которое является незаменимым трудом и в настоящее время, и т. д., и т. д. Многочисленные труды А. А. Шахматова по истории русского языка, по исследованию памятников, по изучению летописей (в основе чего лежало кропотливое текстологическое изучение большого рукописного материала) лучше всего говорят о широком и непосредственном его знакомстве с источниками письменного русского языка. Исследователь русского языка и его истории, А. А. Шахматов обладал вообще очень широким лингвистическим кругозором. Он знал все славянские языки, знал настолько глубоко, что в области каждого из них оставил самостоятельные исследования. В кругу языков индоевропейской семьи, помимо классических языков, ему были известны во всей научной полноте санскрит, литовский, готский, кельтский языки. Кроме индоевропейских, он изучил финский и мордовский языки. На всем протяжении своей деятельности А. А. Шахматов неослабно следил за движением европейской науки в области сравнительного языкознания. Вне связи со сравнительной грамматикой славянских языков, как и сравнительной грамматикой индоевропейских языков, А. А. Шахматов вообще не мыслил возможным научное изучение славянских языков.

В своих общелингвистических взглядах А. А. Шахматов ближайшим образом примыкает к современной ему сравнительно-исторической школе языкознания. Будучи учеником известного профессора Московского университета, позднее академика, Филиппа Федоровича Фортунатова, который принял под свое научное покровительство еще юношу Шахматова, гимназиста, А. А. Шахматов явился самым блестящим из многих учеников этого крупнейшего нашего ученого, главы русской лингвистической школы. Основные принципы фортунатовского учения, естественно, сохраняются и у Шахматова, который их углубил и расширил на материале русского языка и истории русского языка. Отсюда у А. А. Шахматова особенное внимание к живому языку, в частности к диалектам, как к отправному источнику в построении истории того или иного языка. Отсюда у А. А. Шахматова и максимально критическое отношение ко всякому письменному источнику как свидетельству о языке и требование возможно глубокого предварительного анализа подобного рода источников для определения того, что здесь собственно принадлежит языку в подлинном смысле и т. д. Всякий источник русской письменности для А. А. Шахматова есть лишь памятник письменности, и только после всестороннего его анализа и установления таким путем его языковых черт и соотнесения последних с современностью он становится для него подлинным источником русского языка. Для всего современного, включая мельчайшие диалектные особенности. А. А. Шахматов, следуя за своим учителем Ф. Ф. Фортунатовым, искал корней

в прошлом. Тем более явления прошлого, если указания на них извлекаются из памятников старой письменности, должны быть определены по своей связи с современным языком.

Деятельность А. А. Шахматова в исследовании русского языка громадна. Однако основным устремлением его научных исканий была история русского языка. В этой области ему принадлежит ряд специальных исследований, ряд специальных обследований памятников, ряд обобщающих статей по основной проблеме происхождения русского языка и русских наречий. Итогом всех этих изучений должна была явиться цельная „История русского языка“. Таковую цельную „историю языка“, однако, А. А. Шахматов не успел оставить в печатном виде. Он успел лишь приступить к ее обнародованию. Таковым именно было его издание под названием „Очерк древнейшего периода истории русского языка“ (в серии „Энциклопедия славянской филологии“, издававшейся Академией наук, вып. 11, I, Петроград, 1915). Это издание, как видно из заглавия, охватывает явления из жизни языка лишь древнейшего периода, кроме того, содержание рассматриваемых явлений ограничено областью одной фонетики. Появление в печати этого „Очерка“ должно быть поставлено в связь с привлечением А. А. Шахматова для преподавания в Ленинградский университет. Свои занятия в университете А. А. Шахматов начал в 1908 году и открыл их именно курсом истории русского языка, который был читан им в течение трех лет (в 1908—1909, 1909—1910, 1910—1911 гг.). Эти чтения А. А. Шахматова, по его же записям, тогда же выпускались в литографированном издании. Таким образом с 1908 по 1911 год был выпущен в трех томах его „Курс истории русского языка“. По содержанию этот „Курс“ охватывает введение (том I), историческую фонетику (том II) и часть морфологии, все то, что было А. А. Шахматовым прочитано,—именное и местоименное склонения (том III). В результате повторных занятий по истории русского языка в последующие годы А. А. Шахматов нашел возможным приступить к печатной его обработке. Но дело остановилось на издании указанного выше „Очерка“, т. е. лишь фонетического отдела из общего содержания истории языка. К такой же обработке раздела морфологии, т. е. того, что частично (в отношении именного и местоименного склонений) представлено томом III его литографированных лекционных чтений по истории русского языка, А. А. Шахматов так и не успел приступить. Эта морфологическая часть в общем „Курсе истории русского языка“ А. А. Шахматова, сама по себе представляющая достаточно самостоятельный и цельный отдел общей исторической морфологии русского языка, имеет большую ценность. Эта часть и публикуется в настоящем издании.

В научной литературе по истории русского языка нет современных изданий с самостоятельным изложением морфологических разделов исторической русской грамматики, исключая известное пособие А. И. Соболевского¹: в его „Лекциях по истории русского языка“ (3-е или 4-е издание, СПб, 1903, 1907) 9-я и

¹ Морфологический раздел в „Очерке истории русского языка“ Н. Н. Дурново (Л.—М., 1924), без изменений воспроизводящий соответственное печатное издание его „Лекций“ (Харьков, 1913), оригинальный в своем построении, и по фактическому материалу, и в иных отношениях не представляет чего-либо значительно обогащающего наши знания по предмету исследования сравнительно с „Лекциями“ А. И. Соболевского.

10-я главы посвящены изложению судеб склонения и спряжения в русском языке. Эти две главы из „Лекций“ А. И. Соболевского — единственный обобщающего характера источник прежних наших сведений по исторической морфологии русского языка. Это обстоятельство заставляет с особым вниманием отнестись к морфологическому разделу „Курса истории русского языка“ А. А. Шахматова, представляемому настоящим изданием. Этот раздел „Курса“ А. А. Шахматова, как замечено выше, обнимает лишь часть морфологии русского языка, именно — вопросы именного и местоименного склонений. Но именно история склонения в русском языке отличается особенной сложностью явлений. Настоящий раздел „Курса“ А. А. Шахматова издается в том виде, в каком он преподносился с университетской аудитории в 1910/11 учебном году, в каком он был воспроизведен в свое время в литографированном издании (по записям автора). Это, таким образом, лекционные чтения А. А. Шахматова, но не обработанный им для печатного издания труд. Это обстоятельство должно быть учитываемо, но, конечно, оно само по себе не умаляет значения самого труда А. А. Шахматова. В рукописном наследии, оставшемся от А. А. Шахматова, оказалось немало трудов первостепенного научного значения. Многие из них (вроде „Очерка современного русского литературного языка“, „Синтаксиса русского языка“, „Русских летописных сводов XIV—XVI вв.“, „Повести временных лет“, т. II, и др.) изданы печатно, при этом в отдельных случаях воспроизводились в повторных переизданиях. В этом свидетельстве их обогащающего значения в области наших современных научных знаний. Нет никакого сомнения, что таковым должно стать и настоящее издание „Исторической морфологии русского языка“ А. А. Шахматова.

Морфологический раздел истории русского языка А. А. Шахматова построен, как и раздел фонетики, в согласии с общими его концепциями по вопросу образования русского языка. Здесь в первой части дается трактовка явлений склонения (сначала именного, применительно к отдельным основам, потом местоименного, включая обозрение склонения прилагательных, кратких и полных, положительной и сравнительной степени, причастий действительного залога, а также числительных) старейшей поры общерусского языка, по терминологии А. А. Шахматова, поры единства восточнославянской языковой группы. Эти явления поэтому оправдываются показаниями русских источников старшей поры, а также сопоставляются со свидетельствами старославянских памятников и с данными иных славянских, особенно сербского, польского, чешского, языков старшей поры и современными. Вторая часть посвящена обозрению тех явлений в области склонения, которые были общи всем восточнославянским языкам, но развились в них самостоятельно. Третий раздел должен был представить изложение позднейших явлений в области склонения, имевших место в отдельности в русском, в белорусском и в украинском языках. Об этом содержании третьего раздела свидетельствуют сохранившиеся в рукописи черновые, достаточно детализированные наброски плана для каждого из трех намечавшихся его подразделов. Фактически, однако, А. А. Шахматов ограничился обработкой первого, великорусского, отдела; он и составляет третью часть данного курса морфологии.

Характеристика общего содержания морфологии А. А. Шахматова излишня. Значение этого его труда чрезвычайно важно с различных точек зрения. Следует отметить обилие материала, современного и из старых источников, исполь-

зованного и влитого А. А. Шахматовым в свое изложение. Это предопределило исключительную полноту общего содержания морфологии, т. е. самой проблематики, затронутой изложением. Если не считать 9-й главы (на 70 страницах) в „Лекциях“ А. И. Соболевского, посвященных всей истории склонения в русском языке, мы можем сказать, что в данном курсе морфологии А. А. Шахматова дано первое для своего времени и единственное по полноте изложение судеб склонения во всем течении жизни русского языка. Но само собой разумеется, основное значение морфологии А. А. Шахматова—в цельной синтезирующей мысли автора, пронизавшей, как систему, все многочисленные, разного периода образования, разного масштаба действия, явления из области русского склонения. Конечно, здесь могут встретиться частные случаи недосмотров, отдельные выдвинутые объяснения могут представиться спорными, недоказанными и т. д. Дальнейшие специальные исследования, естественно, должны внести коррективы в соответственные места изложения А. А. Шахматова. Но это частности, не затеняющие основного громадного значения труда А. А. Шахматова, впервые в системе и со всей полнотой вскрывшего сложные процессы в прошлой истории русского склонения.

Настоящее издание печатается по рукописи автора, находящейся в Архиве Академии наук СССР и числящейся под № 134, I, 64. При подготовке издания принимался во внимание также упомянутый выше III том литографированных лекционных чтений А. А. Шахматова по истории русского языка.

Акад. С. П. Обнорский

ОБЩИЕ ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В прошлом году я предложил вашему вниманию исторический очерк звуков русского языка; в нем, а в особенности в предшествовавшем ему введении, которое я читал в позапрошлом году, я сообщил необходимые сведения о составе и происхождении русского языка: без таких сведений может оказаться темным многое из того, чем мы займемся в нынешнем году. Ввиду этого я принужден просить лиц, не слушавших меня в прошлые два года, обратиться к тем двум прочитанным мною частям курса. Впрочем, все существенно важное можно найти и в других пособиях. Назову „Лекции по истории русского языка“ А. И. Соболевского, где, кроме того, найдется ряд фактов, пополняющих и то, что я намерен сообщить вам в этом году. Возвращаться к изложенному в прошлых курсах я не буду, предполагая уже известными основные, в них содержащиеся данные. Предметом наших занятий будет исторический очерк грамматических форм русского языка.

Грамматическими формами называются те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (нереальной) связи его с другими словами. Формальные и реальные связи между словами устанавливаются их значениями: реальному значению слова соответствует отдельное представление в мышлении, отличное от других представлений (например, *купец*, *купчик*, *купчиха*, *купеческий*, *покупать*); между тем формальное значение слова познается только по связи одних слов с другими (*долг купца*, при *купец идет*; *дочь купчихи*, при *купчиха продает*; *купеческие ухватки*, при *купеческая ухватка*; *он покупает*, при *мы покупаем*). Тогда как *купчик*, *купчиха* вызывают сами по себе в нашем мышлении другие реальные представления, чем, например, слово *купец*, — словам, как *купца*, *купчихи*, *купеческая*, *покупает*, не соответствуют в мышлении представления,

отличные от слов *купец, купчиха, купеческий, покупаем*. Тем не менее между теми и этими словами существуют различия в значении; эти различия, не находящие себе соответствия в реальных представлениях, называются различиями формальными. Формальные различия устанавливают те или иные отношения между словами и вызываемыми ими реальными представлениями; *покупает* соединяется, например, со словами *он, купец, брат* и т. п., между тем *покупаем* соединяется только со словом *мы*; реальное представление, вызываемое словами *покупает, покупаете, покупаем, покупаю* и т. д., тождественно, но каждое из этих слов в своем употреблении зависит от различных реальных представлений, с ними сочетающихся. Разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами), называются его грамматическими формами.

Реальные значения слов каждого языка так же разнообразны, как разнообразны представления, возникающие в мышлении в результате знакомства с внешним миром. Формальные значения слов, напротив, ограничиваются вообще немногочисленными категориями. Категории эти зависят прежде всего от реальных значений, связанных с теми или иными словами; но зависимость эта не прямая, а производная, производная именно от тех трех главных категорий реальных значений, которые возникают в уме говорящего. С одними реальными значениями связывается представление о предметах и явлениях, видимых или познаваемых, — категория этих значений объединяется термином „имя существительное“. С другими реальными значениями связывается представление о качестве, свойстве, присущем предмету или явлению, — категория этих значений объединяется термином „имя прилагательное“. Наконец, с третьими реальными значениями связывается представление о действии, состоянии того или иного предмета или явления — категория этих значений объединяется термином „глагол“. К этим трем категориям присоединяются еще „местоимения“, т. е. те слова, которым присвоено значение более общего определения имен существительных, не зависящее от того или иного индивидуального их свойства, что имеет последствием замену некоторыми местоименными словами самих существительных. Указанные четыре категории реальных значений, определяющие формальные значения слов, называются изменяемыми частями речи: результатом этих изменений являются грамматические формы. Но, кроме

того, в языке существует ряд слов, не выделяющих из себя формальных значений. Это, во-первых, слова, имеющие сами только формальное значение и потому не мыслимые вне сочетания с другими словами: сюда относятся предлоги, обозначающие различные отношения между самими предметами или между предметами и действиями, состояниями; союзы, связывающие предметы мысли в одно представление и выражающие отношение одного предложения к другому; во-вторых, это слова, служащие для выражения наших чувств и нашего отношения к тем или другим действиям или качествам (ближайшего их определения); с одними из них связываются определенные реальные представления — это наречия; с другими такие представления не связываются — это междометия. Союзы, предлоги, наречия, междометия суть неизменяемые части речи.

Изменяемые части речи, вступая во взаимные отношения, создают ряд категорий формальных значений. Существительные, вступая в связь с другими существительными или с глаголами, тою или иною своею формой выражают, в каком именно отношении находятся они к этим другим членам предложения: различные формы существительных, определяющие эти отношения, называются падежами; кроме того, вступая в ассоциацию с представлениями о числе, существительные своею внешней формой могут выражать представление об единственном или множественном, а в некоторых языках и о двойственном числе. Итак, существительные изменяются по падежам и по числам. Прилагательные согласуют свои формы с существительными, к которым они относятся; сообразно с этим они изменяются по падежам и по числам; но, кроме того, они принимают и родовой признак существительного; в зависимости от того, что существительные бывают разного рода в индоевропейских языках (мужеского, женского, а в некоторых языках и среднего), и прилагательные могут принимать разные виды, соответственно роду определяемого ими существительного; наконец, качество, выражаемое прилагательным, может представляться или безотносительно к большему или меньшему его проявлению и напряжению, или содержащим указание на такие его свойства, и это в особенности при сравнениях (степени сравнения). Таким образом, прилагательные изменяются по падежам, числам, родам и степеням. Так же, как прилагательные, изменяются и местоимения, ибо они, определяя и заменяя существительные, должны передавать те самые формы, которые могут прини-

мать существительные, между прочим, и родовые признаки, так как местоимения, как и прилагательные, могут определять существительные разных родов; но, конечно, по степеням местоимения не изменяются, ибо они дают только общие определения существительным. В местоимениях находят себе выражение категории лица; заменяя и определяя все вообще существительные, местоимения являются общим определением и заменой не только предметов и лиц, о которых мыслит и говорит человек, но также и лица говорящего и лица, к которому обращена речь; таким образом, создается формальное противоположение лица говорящего и лица, к которому обращена речь, всем остальным лицам и предметам, о которых идет речь; это противоположение вызывает представление о трех грамматических лицах и порождает особые слова, однородные с местоимениями, для выражения первых двух лиц (*я, мы — ты, вы*), между тем как другие местоимения оказываются выразителями третьего лица (*он, тот, сей*). Глагол изменяется, во-первых, по категориям лица и числа (*я говорю, они говорят*); во-вторых, по категориям времени, ибо действие может представляться в отношении¹ к носителю (субъекту) действия, между прочим, уже прошедшим, или продолжающимся в настоящем, или имеющим наступить в будущем (*я говорил, я говорю, я буду говорить*); в-третьих, по категориям наклонения, ибо действие может представляться, между прочим, как происходящее, происходившее или имеющее произойти независимо от каких-либо других условий или же в зависимости от них (*ты говоришь и рядом говори, ты говорил бы*); в-четвертых, по категориям залога, которыми выражается, между прочим, отношение действия к субъекту, представляющемуся или действующим, или испытывающим на себе действие (*любящий и любимый, он убил и он был убит*); в-пятых, по категориям вида, которыми действие определяется, между прочим, как оконченное или неоконченное в прошедшем или будущем (*бросил и бросал, брошу и буду бросать*); в-шестых, по категориям, свойственным именам, когда действие не связывается с представлением о трех грамматических лицах, действующих или испытывающих действие (инфинитив, причастия, деепричастия, в старом языке — супин).

Изменение имен существительных, прилагательных, местоимений и причастий по падежам называется склонением. Изменение глагола

¹ В рукописи: „в отношении его“. (Ред.)

по вышеуказанным категориям называется спряжением. Но учение о формах обнимает и такие изменения частей речи, которые не покрываются понятиями склонение и спряжение; сюда относится, например, изменение прилагательных и местоимений по родам, изменение прилагательных по степеням.

В нашем мышлении, благодаря взаимной ассоциации форм изменяемого слова, выделяется представление об общей, или неизменяемой части слова, и представление об изменяемой части слова, или окончании; впрочем, эти представления, не получая реального значения, не могут быть обнаружены иначе, как путем анализа грамматического строя нашего языка; так, мы пользуемся сочетанием звуков *купц* (не вызывающим никакого реального представления) для образования форм *купца, купцу, купцами*; пользуемся окончаниями *-а, -у, -ами*, например, и тогда, когда употребляем слова, только что нами усвоенные или даже впервые услышанные, как, например, *аэроплан — аэропланами, дипломат — дипломату*.

Неизменяемые части изменяемых слов называются основами: *стульчик-* (ср. *стульчики, стульчиками*), *нес-* (ср. *несу, нести, несла*), *бел-* (*белый, белая, белому*); изменяемые части слов называются окончаниями: *-а* (*стульчика*), *-ешь* (*несешь*), *-ое* (*белое*). Грамматическая форма слова определяется или присутствием в ней окончания, или отсутствием его: *домами* — это творительный множественного, так как *-ами* — окончание названного падежа; *дом* — это именительный и винительный единственного, так как именно эти два падежа в склонении слов мужского рода отличаются от других падежей отсутствием окончания.

В вводной части курса, о которой я упоминал выше, я указал на процессы, приводящие к изменениям в области форм. Напомню здесь, что изменения форм зависят от двух главных причин: 1) изменений звуков самих по себе, 2) взаимного влияния грамматических форм. Обе причины должны быть одинаково выяснены исследователем; при этом то обстоятельство, что каждая грамматическая форма связывается с известным формальным (грамматическим) значением, служит причиной того, что взаимное влияние грамматических форм приводит к изменениям: или 1) звуковой стороны формы, или 2) формального (грамматического) значения формы.

Очерк истории форм русского языка я расположу приблизительно по тому же плану, что прочитанный в прошлом году очерк истории звуков русского языка. Впрочем, самое содержание пред-

мета потребует некоторых изменений. Я начну свой очерк с изложения того наличного состава форм, который можно определить как восходящий к эпохе общерусского праязыка. Затем изложу общие всем русским наречиям морфологические изменения, причем одни из них восходят к эпохе общерусского единства, а другие произошли уже в отдельных наречиях после распада этого единства. Наконец, остановлюсь на изменениях, свойственных только отдельным наречиям, — украинскому, белорусскому и великорусскому¹. Для удобства изложения я разобью весь предмет на два больших отдела: в первом буду говорить о склонении, во втором — о спряжении, и в каждом из обоих отделов я прослежу намеченные выше категории явлений — прарусских, общих всем русским наречиям, и свойственных только отдельным русским наречиям.

¹ Звуковые изменения резко и определенно разграничивают отдельные эпохи в жизни русского языка. Вслед за явлениями общерусского праязыка мы излагали поэтому явления, возникавшие уже в отдельных русских наречиях, отметив, что общим для всех наречий, выделившихся из общего праязыка, явлением было только падение глухих. Явления морфологические не разграничиваются так резко, после распада русского языка на наречия эти наречия продолжают переживать общие грамматические изменения, частью они возникали в каждом из наречий самостоятельно, но частью появление общих изменений вызывалось взаимным влиянием наречий, продолжавшимся между ними единением.

СОСТАВ ФОРМ ОБЩЕРУССКОГО ЯЗЫКА

При восстановлении форм общерусского праязыка исследователь пользуется данными, извлекаемыми, во-первых, из сравнения с другими славянскими языками, ибо оно приводит к восстановлению форм общеславянского праязыка, непосредственно предшествовавшего общерусскому праязыку; во-вторых, данными, извлекаемыми из древнерусских памятников; в-третьих, данными современных русских наречий и говоров. Только сопоставление этих данных между собой и сравнительная их оценка может привести к вероятным заключениям, относящимся к той доисторической эпохе, в которой протекала жизнь общерусского праязыка. Напомню вам, что в историческую эпоху — а историческая эпоха начинается с момента появления письменных памятников, изготовленных русскими людьми, — русский язык уже не был единым, он распадался на несколько наречий; об этом свидетельствует та обширная площадь, которая была занята в то время русским племенем, площадь, исключающая возможность сохранения языка единым; о том же говорят дошедшие до нас памятники, ибо уже в древнейших рукописях, написанных в Новгороде, замечаются резкие диалектические особенности, чуждые киевскому югу. Итак, в дальнейшем изложении мы различаем общерусский праязык — язык эпохи доисторического единства, и древнерусский язык — язык древних русских памятников, хотя мы и не сомневаемся в значительном сходстве, в особенности в области грамматических форм, общерусского праязыка и языка древнейших русских памятников XI и первой половины XII века. Равным образом незначительно было отличие общерусского праязыка в области грамматических форм от праязыка общеславянского. Это, а также желание оттенить существовавшие между обоими праязыками отличия, побуждает меня в

предварительных вводных замечаниях относительно состава падежей, вида склоняемых основ, происхождения грамматических окончаний исходить из фактов общеславянского праязыка, отлагая ниже сообщение фактов общерусского праязыка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Общеславянский праязык унаследовал из эпохи общеиндоевропейского единства семь падежей, считая в том числе именительный и звательный; кроме названных падежей,— это родительный, дательный, винительный, творительный и местный (или предложный). Отложительный падеж общеиндоевропейского праязыка не сохранился в общеславянском. Грамматическое значение всех семи падежных форм, образуемых существительными, осталось то же, что в языке старшего периода, периода индоевропейского праязыка, но синтаксическое употребление падежей в общеславянском праязыке существенно отличалось от употребления их в языке этого старшего периода. Отмечу здесь, что в форме родительного падежа совпали по значению древние падежи родительный и отложительный. Кроме того,— и это имело место, по-видимому, уже в позднейшую эпоху жизни общеславянского праязыка,— форма родительного падежа единственного числа на *-a* от имен мужского рода, означающих одушевленные предметы (лица и животные), стала употребляться и вместо винительного падежа единственного числа на *-ъ*, хотя форма на *-ъ* продолжала свое существование и в указанных словах для одушевленных предметов. Такая замена объясняется тем, что форма винительного единственного на *-ъ* совпадала по звуку с формой существующего именительного падежа единственного числа, и это могло стать источником недоразумений, так как субъект совпадал по звуковой форме с объектом: „отць любить брать“ было заменено через „отць любить брата“.

Важно указать на то, что такая замена винительного падежа родительным в известной, определенной категории слов породила уже в общеславянском праязыке новые грамматические категории: категорию существительных мужского рода, означающих одушевленные предметы, и категорию существительных мужского рода, озна-

чающих предметы неодушевленные; мы увидим впоследствии, какое значение имело в истории склонения появление этих двух категорий.

Общеславянский праязык унаследовал из индоевропейской эпохи три числа: различными формами выражались падежи, относящиеся к единственному, двойственному и множественному числу.

Таким образом, каждое существительное в общеславянском праязыке, изменяясь по числам и падежам, могло бы являться в двадцати одной форме, если бы некоторые падежи не совпадали между собой по звуку. Так, издревле (еще в общеиндоевропейскую эпоху) в одном звуке совпадали отдельные падежи двойственного числа: одна общая форма употреблялась для именительного, винительного и звательного, другая форма — для дательного и творительного, третья — для родительного и местного; далее, издревле совпадали в одной форме именительный, винительный и звательный падежи среднего рода как в единственном, так и во множественном числе; наконец, звательный падеж множественного числа не отличался от именительного падежа множественного числа в именах мужского и женского рода. Так, с течением времени совпали, частью еще в литовско-славянскую эпоху, формы дательного и местного падежей единственного числа женского рода (хотя в некоторых словах, как увидим, различие поддерживалось ударением); далее формы именительного-винительного падежей множественного числа женского рода, причем во многих словах с ними совпала и форма родительного падежа единственного числа (но в значительном количестве слов родительный падеж множественного отличался от именительного-винительного ударением) и др. Ввиду только что сделанных оговорок отмечу теперь же, что место и качество ударения имели существенное значение при различении падежных форм как в общеславянском, так и в общерусском праязыке: место ударения послужило и в позднейшем языке основанием для появления различных категорий склоняемых слов.

Как видно из предыдущего, общеславянский праязык имел имена существительные трех грамматических родов: мужского, женского и среднего. Изменения по числам и падежам каждого из трех родов различались существенно; но тем не менее категорию рода нельзя отнести к числу тех грамматических категорий, по которым изменялись имена существительные, ибо каждое существительное вообще имело только один род и не переходило в другой. Впрочем, ряд слов на *-а*, как *воевода*, *слуга*, могли употребляться и в муже-

ском, и женском роде, но это обстоятельство не выражалось в изменении их грамматической формы.

Прежде чем выяснить вид падежных окончаний в общеславянском склонении имен существительных, остановлюсь на звуковой форме тех основ, к которым присоединялись эти окончания. В общеиндоевропейском праязыке были известны основы на гласные и согласные; равным образом в начале падежных окончаний могли быть и гласные, и согласные; но гласные падежных окончаний в основах на гласную сливались с гласной основы, и в результате затемнялось древнее, первоначальное представление об основе и о падежном окончании. Таким образом, большая часть основ на гласную фактически переходила в основы на согласную; так, например, в склонении слова *ˆjugom* (иго), образованного от основы *jug-*, с течением времени выделялось представление об основе *jug-*, разумея под основой неизменяемую часть склоняемого слова (ср. им.-вин. **jug-om*, им. дв. **jug-ōi*, р. мн. **jug-ōm*, им.-вин. мн. *jug-ā*). Большая часть индоевропейских основ была унаследована и общеславянским праязыком, но здесь поглощение основы падежными окончаниями было проведено еще резче. Для говорящих древний вид большей части основ был затемнен окончательно, а это имело большое значение в истории форм склонения, представляющей, между прочим, примеры смешения основ, некогда различавшихся своим склонением. Можно предположить, что в грамматических представлениях лиц, говоривших на общеславянском праязыке, все основы оканчивались на согласные (*rod-ъ*, ср. *rod-a*; *žen-a*, ср. *žen-y*; *gost-ъ*, ср. *gost-i*; *syn-ъ*, ср. *syn-u* и т. д.).

В дальнейшем изложении, которое имеет в виду не только описать создавшиеся в общерусскую эпоху грамматические формы, но также возвести их к более древним, общеславянским, а отчасти и к индоевропейским, я исхожу не из позднейших основ, обнаруживаемых анализом общеславянского праязыка, а из древних основ общеиндоевропейской эпохи. Разные типы склонений общеславянского праязыка могут быть объяснены только из отношений общеиндоевропейской эпохи; из общеславянских отношений ясно, почему, например, склонения слов *vyk-ъ* и *syn-ъ* сблизились, что повело в позднейшие эпохи к полному их совпадению; но только восстановление общеиндоевропейских форм склонения этих слов объяснит то различие в склонении их, которое замечается и в общеславянском, и в общерусском праязыках, а отчасти и в позднейших эпохах жизни русского и других славянских языков; *vykъ*

восходит к *vǫǫko-s* с основой на *-ǫ*, а *supъ* к *sūpu-s* с основой на *-ū*.

Перечислю индоевропейские основы, обнаруживающиеся в общеславянском праязыке; существование их в этом языке доказывается сравнительным изучением славянских языков.

Основы на *-ǫ* мужского и среднего рода: им. п. *vykъ* (ср. ст.-слав. *влькъ*, др.-русск. *вѣлкѣ*), *godъ*, *vozъ*; *igo* (ср. ст.-слав. *игѣ*), *gnǫzdo*, *lǫto*. Сопоставьте общеиндоевр. *vǫǫkō-s*, *jugō-m*. Основы на *-a* женского рода: *roka* (ср. ст.-слав. *рѣка*, польск. *reka*, русск. *рука*), *zīma*, *žena*. Сопоставьте общеиндоевр. **rank-ā* (лит. *rankà*), **ekū-ā* (лат. *equa*, др.-инд. *aṣvā*). Основы на *-ū* мужского рода: *supъ* (ср. ст.-слав. *супъ*), *medъ*. Сопоставьте общеиндоевр. **supū-s* (др.-инд. *sūpūś*, лит. *sūpūs*). Основы на *-ī* мужского и женского рода: *gostъ* (ср. ст.-слав. *гостъ*), *zvǫgъ*, *roť*, *poščъ* (ср. ст.-слав. *ношть*, русск. *ночь*, польск. *noc*), *kostъ*, *solъ*. Сопоставьте общеиндоевр. **naktī-s* (ср. лит. *naktis*), **agnī-s* (ср. др.-инд. *agnīś*, лат. *ignis*). Основы на *-i* женского рода: *svekry* (ср. ст.-слав. *свекры*, русск. древнее и современное диалектическое *свекры*), *l'ubъ*. Сопоставьте общеиндоевр. **svekrū-s* (ср. др.-инд. *ṣvaṣrūś*). Основы мужского и среднего рода на *-on*, *-en*, *-n*: *kapu* (ср. ст.-слав. *камъ*), *sǫmę* (ср. ст.-слав. *сѣмя*, др.-русск. *сѣмя*). Сопоставьте общеиндоевр. **sēman* (ср. лат. *sēmen*), **aktmōn* (ср. греч. *ἄκτωυ*). Основы среднего рода на *-es*, *-s*: *pebo* (ср. ст.-слав. *нево*, *несевь*), *slovo*. Сопоставьте общеиндоевр. **nepos* (ср. др.-инд. *mānas*, греч. *μάυς*). Основы среднего рода на *-ent*, *-nt*: *porse* (ср. ст.-слав. *преса*, русск. *пороса*). Основы женского рода на *-ter*: *matī* (ср. ст.-слав. *мати*, укр. *мати*, родительный ст.-слав. *матерѣ*), *dǫščī* (ст.-слав. *дѣшчи*). Сопоставьте общеиндоевр. **mātē* (ср. лит. *mótė*). Основы мужского рода на *-an*, известные только в формах множественного числа: *gorǫan-* (*горожанин*), *pol'an-* (*полянин*); ср. индоевр. основы на *-on*, греч. *τέχτωυ*, *δρόμωυ*, лат. *bibo*, *-ōpis*. Основы мужского рода на *-ar*, известные также только в множественном: *bojar-* (*боярин*). Основы мужского и женского рода на *-t*: *oľkът-* (в именительном основа на *-i*: *oľkътъ* — *локоть*), числительное *desęt-*; ср. индоевр. основы на *-t*, лат. *comet-* (*comes*), др.-инд. *daṣat* (*десяток*). Основы мужского рода на *-tel*, обнаруживающиеся только в некоторых падежах, например родительный множественного *dǫlateľ-* (ст.-слав. *дѣлатель*), ср. индоевр. основы на *-ter*.

Необходимо отметить, что основы мужского и среднего рода на *-ǫ* распадаются в общеславянском праязыке на две группы в

зависимости от предшествующей согласной, твердой или мягкой: после твердой согласной являются одни окончания, после мягкой согласной и *ĭ* другие; ср., с одной стороны: *vozъ, godъ, местн. ед. vozѣ, твор. ед. vozomъ, вин. мн. gody, дат. мн. godomъ*, а с другой — *kon'ь, moъ, местн. ед. moѣ, твор. ед. kon'emъ, вин. мн. moѣ, дат. мн. kon'emъ*; также, с одной стороны: *l'bo, stado, местн. ед. l'btѣ, твор. ед. stadomъ, им. дв. l'btѣ, род. мн. l'btѣ, твор. мн. stady*, а с другой — *pol'e, љoже, местн. ед. pol'i, твор. ед. љoземъ, им. дв. pol'i, род. мн. pol'ь, твор. мн. љoѣ*. Равным образом распадаются на две группы и древние основы женского рода на *-a* в зависимости от тех же условий; с одной стороны, находим, например, *љena, zima, род. ед. љeny, дат. zimѣ, вин. мн. љeny*, а с другой — *duša, vol'a, род. ед. vol'ѣ, дат. duši, вин. мн. dušѣ*. Кроме того, обнаруживаются еще подразделения в пределах и других основ, например на основы мужского и женского рода. Далее выясняется существование некоторых основ на согласную в ряде отдельных падежных форм. Все это побуждает нас рассмотреть ниже формы склонения общерусского языка по нескольким категориям, чем те, которые устанавливаются перечисленными выше индоевропейскими основами. Об этих категориях скажу дальше, здесь же отмечу, что уже в общеславянском праязыке замечается отсутствие строгого разграничения между основами в склонении имен. Наиболее чисто сохранилось склонение основ на *-a*; в основах на *-o* с предшествующею мягкой согласною звательный падеж получил окончание *-i*, заимствованное из основ на *-i*: *kon'i* вместо ожидаемого в результате фонетического изменения формы *kon'je* — *kon'ь*; диалектически в основах на *-o* обнаруживается в творительном единственного окончание *-omъ* (откуда после мягких согласных *-omъ*) вместо *-omъ*; окончание *-omъ* заимствовано из основ на *-i*. Основы на *-i* мужского рода в отдельных словах смешивались с основами на *-o* с предшествующею мягкой согласною: ср. род. ед. *zv'rgi* и *zv'rg'a*. Основы на *-i* уже в общеславянском праязыке могли переходить отдельными падежными формами в основы на *-o*, ср., например, винительный и родительный пад. *supa*. В особенности же подверглись влиянию других основ женские основы на *-a*, а также вообще основы на согласную; в склонении женских основ на *-a* видим новообразования с основами на *-i*, например творительный единственного *svekgъv'jo*, и с основами на *-a*: *svekgъvatĭ*; в склонении основ мужского, женского и среднего рода на согласную наблюдается ряд форм, образованных по скло-

нению основ на -ї, ср. им. ед. камень при кату, твор. ед. матерью, им. дв. сѣпені при сѣпенѣ; кроме того, в склонении основ мужского и среднего рода на согласную обнаруживаются образования от основ на -ѡ, например дательный множественного teletoпъ, goržanoпъ (ст.-слав. гражданомъ при гражданемъ), губагомъ. Ближайшие указания будут даны ниже.

Перехожу к рассмотрению падежных окончаний, причем даю несколько указаний на их происхождение.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПАДЕЖНЫЕ ОКОНЧАНИЯ

Единственное число

Именительный падеж

Обычным окончанием в словах мужского и женского рода было -s, сохранявшееся еще и в литовско-славянскую эпоху, но затем в общеславянскую эпоху утраченное (вследствие общей утраты звука s в конце слова); общеслав. bogъ, godъ, vozъ, kopъ восходят к *godo-s, *vozo-s, *konjo-s, непосредственно же к godъs, vozъs, kopъs, причем -ъs заменило -os по общему закону, требовавшему перехода o в ѡ перед s и t в конце слова, а -jъs заменило -jes, которое из -jos (под влиянием на o предшествующего j); ср. др.-инд. áçvas, vřkas, řśabhás (бык), греч. ἵππος, κύκλος, θάνατος, лат. equus, deus, лит. sarnas (сон), kraĩtas (крутой берег). Так же общеслав. sunъ, oľъ, vьrхъ восходят к *sunu-s, *oľu-s, *virxu-s, ср. лит. sũnũs, olũs, wirszũs, др.-инд. sũnuř, bhãnuř (солнце). Так же общеслав. gostъ, zvьrъ восходят к *gosti-s, *zvėri-s, ср. лит. wagis (вор), лат. hostis, др.-инд. kavis (поэт). Так же общеслав. поць, нить, ось восходят к *nokti-s, *niti-s, *osi-s, ср. лит. naktis, pũtis (гребень в прялке), aszis (ось), др.-инд. gatiř (ход). Так же, наконец, общеслав. svekry, l'uby восходят к *svekrũ-s, *leubũ-s, ср. др.-инд. řvaçruř, лат. socrus.

Слова среднего рода с основой на -o принимали исконно окончание -m; в общеслав. праязыке -om, согласно предыдущему, изменилось в -ѡm, откуда носовое ѡ и далее ѡ неносовое; -jom должно было измениться в -jet, откуда дальше -je; но окончания -ѡ, -je не удержались в среднем роде, а заменились окончанием -o, откуда после мягких согласных -e, заимствованным из местоимения среднего рода to, непосредственно из tod (ср. лат. quod, istud из istod). Таким образом, общеслав. sьno, l'ьto, stado, mydlo

являются новообразованиями вместо ожидаемых *sъпъ, *stadъ из *sъпо-т, *stado-т, ср. греч. ζυγόν, лат. jugum, др.-инд. çivam (счастье), yugam; равным образом ѓоже, gor'e заменили ожидаемые *ѓоже, *gor'e из *lozjo-т, *gorjo-т.

Другие основы образовали именительный падеж без всякого окончания; его форма совпадала, следовательно, с самой основой. Сюда относятся, во-первых, основы женского рода на -ā: общеслав. zīma, rōka, žena, vol'a, koža, ср. др.-инд. açvā (кобыла), ūṅā (шерсть, волна), лит. vīlna (шерстинка), rankā (рука), греч. τιμή, дорийск. τιμᾶ, χωρᾶ, лат. aqua, equa, fama. Рядом с окончанием -a в некоторых словах с древнею основой на -iā является в именительном окончании -ī: bogynī (ср. ст.-слав. богыни), gorsynī, kъneгynī (ср. др.-русск. княгыни, др.-чешск. pragoкynī), ср. окончание в др.-инд. jānitṛī (родительница), готск. frijōndi (подруга). Во-вторых, основы мужского рода на -n: общеслав. kamu, вероятно, непосредственно из *kamīn, индоевр. *aktōn (с таким видом долготы ō, который давал в общеслав. ī), ср. греч. ἄκτων, лит. aktū, др.-инд. основа açman-. В-третьих, основы женского рода на -r: общеслав. mati, непосредственно из *mātē, ср. лит. motė, др.-инд. mātā. В-четвертых, основы среднего рода на -s; в именительном они оканчивались на -os; это -os, согласно предыдущему, должно было перейти в -os, откуда -ъ, но -ъ было заменено окончанием -o, заимствованным из местоимения to (ср. выше); итак, slovo, nebo заменили *slovъ, *nebъ, непосредственно из *slovъs, *nebъs, которые вместо *slovos, *nebos, ср. греч. γένος, μένος, ἕφος, лат. genus, др.-инд. mānas (дух). В-пятых, основы среднего рода на -n имели в именительном падеже основу, отличную от основы прочих падежей, а именно, она оканчивалась на -ten, в прочих же падежах — на -ten: sъtne из *sēmēn (лат. sēmen, pōmen, др.-инд. pāma восходят к основам на -tan). В-шестых, основы среднего рода на -ent представляют ее в именительном падеже, например tele, porse из telent, *porsent вследствие отпадения конечной согласной и перехода в -e.

Звательный падеж

Исконно форма звательного падежа не принимала окончаний и представляла основу обыкновенно в том или ином измененном (ослабленном или, напротив, усиленном) виде. Основы мужского рода на -ō и женского на -ā представляли в звательном падеже ослабленные формы на -e и на -ā: общеслав. gode, bože, ср. др.-инд.

áçva, vřka (*a* из *e*), греч. ἵππς, лат. corve, lupе, лит. ropè (пан); общеслав. ženo, sestro, ср. греч. γυναῖς (у Гомера). Как было указано выше, мужские основы на *-jǫ* заимствуют окончание звательного *-и* из основ на *-ǫ*: *kopje в звательном должно было перейти фонетически в *kop'ь, но во избежание совпадения с именительным падежом оно заменено через kop'u. Основы мужского и женского рода на *-ǫ* получали в звательном падеже усиленный вид основы на *-ei*: gosti, niti из *gostei, *nītei, ср. др.-инд. kavē из kavai, kavei, лит. vagē, naktē. Основы мужского рода на *-ǫ* получали также усиленный вид основы на *-ei*, вместо чего в литовско-славянском *-oi* под влиянием *-oi* в других падежах: общеслав. supu из supou тождественно с литовским supai, žmogai, dangai и т. д.; др.-инд. bhānō из bhānau восходит, вероятно, к *bhāneu. Остальные основы в звательном падеже представляют ее в неизменном виде: общеслав. svekrъ из svekrū, ср. греч. ἰχθῦς (основа мужского рода). В основах мужского рода на *-л*, женского рода на *-r* форма звательного падежа тождественна с формой именительного: kamy, ср. в лит., так же как в именительном, aktū; dъčci из duktē, ср. в лит., так же как в именительном, duktē. В основах среднего рода звательный падеж вообще тождествен с именительным: slovo, tele, sъme; также и в основах на *-ǫ*, где находим в индоевропейском языке *-om*: *jugom, откуда в общеславянском, согласно предыдущему, igo, как и в именительном.

Родительный падеж

Общеславянские формы родительного падежа обнаруживают следующие окончания. Окончание *-s*, после согласных *-es*. Оно является в основах мужского и женского рода на *-ǫ*, причем *-s* присоединяется к усиленному виду основы на *-oi*: gosti, zeti, pameti, niti из *gostois, *nītois, ср. лит. vagēs, naktēs, др.-инд. gatēṣ из *gatais. В основах мужского рода на *-ǫ*, *-s* присоединяется к усиленному виду основы на *-oi*: supu из supou-s, ср. лит. sūpai (др.-инд. bhānōṣ из bhānau, готск. sunaus). В основах женского рода на *-ǫ* окончание *-es* присоединяется к тому виду основы, который являлся вообще перед гласными окончаний, к основе на *-и*: svekrъve из svekrъv-es. В основах на согласную видим *-es*: kamene из *kamen-es, ср. лат. hominis из *homen-es; sъmene из *sъmen-es, ср. лат. sēminis из *sēmen-es; tele из *telēt-es; matere из *mater-es.

Окончание *-io* в основах мужского и среднего рода на *-ō*. Общеслав. *voza*, *gnъzda* восходят, по предположению Фортунатова, к **vozojo*, **gnoizdojo*, ср. окончание *-oio* в греч. диалект.: *ἴπποιο*; ср. также лит. окончание *-o* в *kraszto*, *ropo*, *snėgo*; литовское *-ō* из *aia*; можно было бы возвести общеслав. *-ā* в *vozā* к общеиндоевр. окончанию аблатива *-ōd* (лат. *equo* из *equōd*), но связь его с литовским *ō* в *ropo* очевидна, а литовское *ō* не может восходить к индоевропейскому *ōd* (индоевр. *ō* давало в литовском *ū*).

Основы женского рода на *-ā* имеют в родительном падеже форму на *-y*: *ženų*, *zimų*, а после мягких согласных *-ŋ* (носовое *ŋ*, откуда в общерусском праязыке *нь*, а в старославянском *є*): *vol'ŋ*, *kož'ŋ*. Эти *y—ŋ* восходят к более древним *-yns* и *-[j]ens* из *-ons* и *-[j]ons*. Но в общеиндоевропейском языке родительный падеж женского рода не мог иметь такого окончания; он оканчивался здесь на *-ās*, где *ā* — окончание основы, ср. греч. *χόρᾱ-ς*, лит. *gaikō-s*, *vāgnō-s*, лат. *pater familiās*. Ввиду этого надо думать, что *-ons* вытеснило *-ās* по следующей морфологической причине: отпадение *-s* в конце слова имело последствием совпадение формы родительного падежа с формой именительного: *gōkā* и *gōkā* (ср. лит. *gaikā* при *gaikos*); вместе с тем тождественная форма оказывалась в именительном множественного вследствие такого же отпадения *-s*: *gōka* (ср. лит. *gaikos*); но форма именительного множественного *gōka* была вытеснена формой винительного множественного *gōkops* (откуда *gōkъps*), о происхождении которой скажу ниже; вытеснение *gōka* через *gōkops* в именительном множественного имело последствием вытеснение *gōka* через *gōkops* в родительном единственного. Из *-ons* путем перехода его в *-yns* получилось *-y*, а из *-jens* получилось *-jŋ*: *gōky*, *vol'ŋ*.

Дательный падеж

Окончание индоевропейского праязыка *-ai* обнаруживается, во-первых, в мужеских основах на *-i*: *synovi* непосредственно из **synovъ* с таким видом *нь*, который, сокращаясь в конце слова, переходил в *i*; **synovъ* восходит к **synovoi* из индоевр. **sūnevai* с заменой *ev* через *ov*; ср. др.-инд. *sūpāvē*; во-вторых, в мужеских и женских основах на *-i*: *gosti*, *nīti* восходят, по-видимому, непосредственно к **gostyi*, **nītyi* из **gostejai*, **nītejai*, ср. др.-инд. *matauē* из **matai-ai*, *gatauē* из **gatai-ai*; в-третьих, в женских основах на *-i*: *svekrъvi* из **svekrъv-oi*, ср. др.-инд. *çvaçrūvē*; в-четвертых, в основах на согласные: *kameni*, *teleti*, *materi*, *slovesi*, ср. др.-инд.

manasē из *manas-ai, лат. generi из *genes-ai и т. д.; в-пятых, в основах на -ā, причем еще в индоевр. праязыке ā основы стянулось с окончанием -ai в дифтонг āi: общеслав. žepъ из genāi, ср. греч. χόρα, лат. eque, лит. wāpai, meīgai. Общеслав. ъ восходит непосредственно не к āi, а к oi, что видно из появления i (из ei) в положении после мягких согласных: vol'i, duši; сокращение āi в āi, откуда oi, произошло бы по общему закону, требовавшему сокращения первой части дифтонгических сочетаний с тем видом долготы, который называется длительным. Но первоначально, как кажется, в дательном падеже было окончание -āi с прерывистой долготой: оно дало бы в конце слова не ъ, а i; можно думать поэтому, что окончание -ъ (-oi) перенесено из местного падежа. Вероятно, то же окончание -ai содержится в форме дательного падежа от основ мужеского и среднего рода на -ō: vьlku, seŭ из лит.-слав. vilkuī (ср. лит. vilkuī), восходящего к valkōi, ср. греч. λόφος, лат. equō; общеиндоевропейское ōi восходит к o-ai.

Винительный падеж

В основах мужеского и женского рода обычным окончанием является -m. В мужеских основах на -ō сочетание om изменилось в -om, -om и далее в носовое ъ, откуда ъ неносовое: godъ из *godo-m; ср. лит. darba (darbas = работа), viŭka, др.-инд. vřkam, греч. λόφος, лат. lupum из *lupom; в положении после мягких согласных находим -ь: kop'ь, moъь; происхождение этого ь не ясно; кажется, фонетически вместо *kopjom надо ждать *kopjem и далее *kop'e; в таком случае ь в винительном kop'ь заимствовано из именительного kop'ь. Как было указано выше, совпадение винительного падежа с именительным вызвало в именах, означающих одушевленные предметы, замену винительного падежа родительным: vьlka, kop'a. В мужеских основах на -i сочетание -im, откуда -om, также перешло в ъ: sunъ, ср. лит. sūnų, др.-инд. sūnim, лат. donum. В мужеских и женских основах на -i сочетание -im, откуда -om, перешло в -ь: gostъ, niъ, ср. лит. vagi, avi, pakti, лат. sitim, др.-инд. kavim, gātim. В женских основах на -i к тому виду основы, который является перед гласными, -иц, -иш, присоединяется ь: svektъь; это ь восходит к -im; вероятно, -im явилось (еще в литовско-славянскую эпоху) на место индоевр. am. Такое же -ь, восходящее к -im и далее, вероятно, к am, является после согласных в основах на -n, -r, как камень, materъ; ср. лит. akmeni, moteri,

др.-инд. mātāram, греч. μητέρα. (Восходящие к общеславянскому праязыку формы matere, svekrъve, в значении винительного падежа, заимствовали свое окончание из форм родительного падежа.) В основах на -ā находим в положении как после твердых, так и после мягких согласных -r, восходящее к первоначальному -ām: общеслав. ženr, zimr, vol'or, dužr, ср. с лит. ranka, merga, лат. equam, deam, греч. χοραυ, др.-инд. aṣvām.

Основы среднего рода вообще имеют для винительного падежа форму именительного; поэтому: l'bo, s'me, tele.

Творительный падеж

Основы мужеского и среднего рода имеют окончание -ть, восходящее в индоевр. -mī; впрочем, -mī является почти только еще в литовском языке. В основах мужеского и среднего рода на -ō: godo-ть, l'bo-ть. В основах мужеского рода на -ū: supъ-ть, ср. лит. sūpimī, dangumī. В основах мужеского рода на -ī: zęть-ть, gostъ-ть, ср. лит. vagimī, а также и в женском роде: paktimī. Из основ на -ī окончание -īmī, откуда -ьть, перешло и в основы на согласную: kamenъ-ть, s'menъ-ть teleť-ть, slovesъ-ть.

В женских основах на -ā известны два образования: во-первых, на -r, во-вторых, на -oīr; первое из этих образований восходит к индоевр. -am, где ā принадлежит основе, а -m окончанию; общеслав. ror (ср. ст.-слав. рѣгъ), ср. лит. ranka (из rankam), merga; второе из этих образований явилось под влиянием склонения местоимения ta — toīr; общеслав. roroīr (ср. старослав. рѣкою, русск. рукою). После мягких согласных вместо -oīr является -eīr: voleīr, duzeīr. Из основ на -ā окончание -r было перенесено во все остальные основы женского рода: nit'jor, svekrъv'jor, mater'jor.

Местный падеж

Окончание -i обнаруживается в основах мужеского и среднего рода на -ō и в основах женского рода на -ā. В основах на -ō: общеслав. vozъ, l'btъ из *vozoī, ср. греч. οἶκος, др.-инд. vīkē; oī после мягких согласных переходило в ei, откуда далее в общеславянском i: kop'i. В основах на -ā: общеслав. ženъ, zimъ, вероятно, из *genoi, которое заменило *genāi вследствие сокращения дифтонга с длительной долготой (ср. сказанное выше о дательном падеже), ср. лат. Romae; в положении после мягких согласных находим -i, восходящее к -ei из -oi: duši, vol'i.

Основы на согласную, а также основы на $-i$ (на $-iv$) принимают окончание $-e$ неясного происхождения: *kamen-e*, *sloves-e*, *telęt-e*, *mater-e*, *svekrъv-e*.

Основы на $-i$ и на $-i$ представляют в местном падеже основу в усиленном виде, т. е. с дифтонгическим окончанием $-ei$ и $-eu$; эти дифтонги заменялись в общеславянском праязыке дифтонгами ei и ou . В основах мужского и женского рода на $-i$: *gosti*, *niti* из $*gostei$, $*nitei$; в основах на $-i$: *supu* из $*sūpu$, которое вместо $*sūpeu$ (др.-инд. *sūpāu*).

Двойственное число

Именительный-звательный-винительный падежи

Окончание $-i$ обнаруживается в основах среднего рода на $-o$ и в основах женского рода на $-a$. В основах на $-o$: *gnъzdъ* из $*gnoizdoi$, ср. др.-инд. *yugē* из $*jugai$, $*jugoi$; $-oi$ после мягких согласных переходило в $-ei$, откуда $-i$, ср. *pol'i*, *lozi*. В основах на $-a$: *грсъ*, по-видимому, непосредственно из $*rōkoī$; $*rōkoī$ заменило $*ronkai$, вследствие сокращения $ā$ в дифтонге ai ; то, что *грсъ* именно из $*ronkoī$, видно из того, что окончание $-oi$ этого падежа после мягких согласных переходит в $-ei$, откуда $-i$.

Основы на $-i$ мужского и женского рода, а также основы на $-i$ представляют в этом падеже основу в усиленном виде, т. е. с окончаниями $-i$ и $-i$ вместо $-u$ и $-i$. Основы на $-i$: общеслав. *supu* из $*sūnū$, ср. лит. *sūnu*, *dangū*, др.-инд. *sūnū*. Основы на $-i$: общеслав. *gosti*, *niti* из $*gosti$, $*niti$, ср. лит. *vagi*, *nakti*, др.-инд. *kavī*, *gātī*. Из основ на $-i$ заимствовали окончание $-i$ основы на согласные: *kameni*, *materi*, *slovesi*, *telęti*. Впрочем, слова среднего рода могли иметь в общеславянском языке, судя по старославянскому и старочешскому, окончание $-ъ$, заимствованное, очевидно, из основ на $-o$: *telęтъ*, *slovesъ*.

Основы мужского рода на $-o$ имеют форму на $-a$: *voza*, *kon'a*; это a восходит к индоевр. o , ср. греч. $\acute{\epsilon}\pi\omega$, лит. *viķū*, *ropū*, *dārbu* с u из $ū$, сократившегося в конце слова.

Родительный-местный падежи

Общим индоевропейским окончанием было, по-видимому, $-ons$, отсюда в общеслав. $-u$ во всех основах. Основы на $-o$: *vozu*, *lbtu*; основы на $-a$: *rōku*. Основы на согласную: *kamenu*, *materu*, *slovesu*, *telętu*, ср. др.-инд. *manasōṣ* из $*menesous$. Основы на $-i$ и на $-i$

присоединяют окончание *-и* к усиленному виду основы, к *оц* и к *ei*: *synov-u*, *gost'j-u*. Основы на *-й* образуют формы, как *svekgъv-u*.

Дательный-творительный падежи

Окончанием является *-та*, которое не находит себе полного соответствия в других языках, хотя, быть может, с ним тождественно литовское окончание дательного и творительного двойственного *-т* из *-та* или из *-ти*, которые восходят к *-тō* или к *-тū*. Основы на *-ō*: *godo-та*, *vozo-та*, *l'eto-та*, ср. лит. *darbām*, *rātam*; после мягких согласных: *pože-та*, *pol'e-та*. Основы на *-ā*: *roka-та*, *dūsa-та*; ср. лит. *mergóm*, *raikom*. Основы на *-й*: *synъ-та*, ср. лит. *sūnūm*. Основы на *-й̄*: *roť-та*, *pitъ-та*, ср. лит. *vagīm*, *avīm*. Основы на согласные имеют *-ьта* под влиянием основ на *-й̄*: *каменьша*, *materъша*, *slovesъша*, *teleťша*.

Множественное число

Именительный и звательный падежи

В основах мужского рода известны два окончания. Окончание *-i* является в основах на *-ō*; сочетание *oi* переходит вообще в *ль*, но в конце слова *ль* при особом виде долготы, сокращаясь, изменяется в *i*: *rodī*, *vьlci* из **rod-oi*, **vilkoī*, ср. греч. *ἵπποι*, лат. *lupi*; образования на *-oi* первоначально не были свойственны именам существительным и проникли сюда из местоимений; ср. то же явление во всех других европейских языках индоевропейской семьи, кроме германских. Окончание *-s*, *-es* является во всех прочих именах мужского рода. Основы на согласную: *камепе*, *дьпе*. Основы на *-i* и на *-й* присоединяют *-es* к распространенному виду основы: *gostъje* из **gostejes*, ср. др.-инд. *kaváyas* из **kavejes*, лат. *ovēs* из **ovejes*; *synove* из **sūpoves* вместо *sūneves*, ср. др.-инд. *sūnavas*.

В основах женского рода древние формы именительного падежа всюду заменены формами винительного падежа (об образовании последних см. ниже). В основах на *-ā* причиной такой замены, как указано выше, было совпадение древней формы именительного множественного, оканчивавшейся на *-ās*, с формой именительного единственного после отпадения конечного *-s*: **roka* из **rokas* заменилось формой винительного множественного **rokons*.

В основах среднего рода общим окончанием является *-а*: *l'eta*, *pebesa*, *teleťa*, *s'šmena*. Это окончание восходит к индоевропейскому

окончанию *-ā* только в основах на *-ā*: общеслав. *īga*, ср. др.-инд. *yugā*, лат. *juga*; в прочие основы оно перенесено уже на почве общеславянского праязыка.

Родительный падеж

Общим окончанием во всех падежах является *-ъ* непосредственно из *-ъn*, *-ъm*, а это из *-om*, явившегося в результате сокращения *-om* с длительной долготой в конце слова. Основы на *-ō*: *vozъ*, *lѣтъ* из **vozōm*, ср. греч. *ἵππου*, лит. *darbu*, лат. *deum*; после мягких согласных является *-ь* путем грамматической аналогии, так как фонетически, например, из **konjom* должно было получиться **konjem* и далее **kon'е*. Основы на *-ā*: *гркъ* из **grom*, которое из *gopkām* с сокращением *ām* в *ām*, откуда *ōm*, ср. лит. *mergu*, *gaiki*; * после мягких согласных является *-ь*: *дишь*. Основы на согласную: *каменьъ*, *сѣменьъ*, *небесъ*, *телѣтъ*, *матеръ*, ср. лит. диалект. *akmenū*, лит. *moterū*, греч. *μητέρου*, *μευέου*, др.-инд. *manasām*. Основы на *-ī* и *-ī* присоединяют окончание *-ъ* к распространенному виду этих основ: *gostъ-жь* из **gosteī-ъ*, *nitъ-жь* из **niteī-ъ*, ср. лат. *ovium*; *суповъ* непосредственно из **sūnev-ъ*, ср. греч. *πηχέου* из **πηχευ-ου*.

Дательный падеж

Общим из всех основ окончанием является *-тъ*, восходящее, вероятно, к *-tos*, но не вполне ясное по происхождению; др.-прусск. *-tans* и др.-лит. *-tus*, откуда *-ts*, не могут быть тождественны со славянским окончанием. Основы на *-ō*: *godo-тъ*, *lѣto-тъ*; после мягких согласных: *kon'е-тъ*; основы на *-ā*: *ryba-тъ*, *diša-тъ*; основы на *-ī*: *domъ-тъ*; основы на *-ī*: *kostъ-тъ*, *gostъ-тъ*. Основы на согласные заимствуют свое *-тъ* из основы на *-ī*: *каменьтъ*, *матертъ*, *словастьтъ*, *телѣтътъ*. Впрочем, основы, как *goržan-*, имели в дательном множественного *-еть*: *goržanеть*; это *-еть* заменило *-тъ*, по вероятному объяснению Лескина, под влиянием формы именительного множественного *goržanē*. Кроме того, основы на *-an* могли получать *-тъ* непосредственно за основой: *pol'an-тъ*, откуда *pol'aтъ* (др.-русск. *полямъ*).

Винительный падеж

Для основ мужского и женского рода общим исконным окончанием было *-ns* после гласных, *-ans* после согласных. Это окончание вытеснило в общеславянском и индоевропейское окончание

-ās в основах на *-ā*, которое, впрочем, само образовалось из *-āns*. Основы на *-ō*: *rody*, *vyky*, из **rodo-ns*, **vilko-ns*, ср. готск. *wulfans*, др.-прусск. *deiwan* (богов), *tāwan* (отцов); после мягких согласных *-ons* изменилось в *-ens*, откуда далее носовое *ŋ* (ст.-слав. *ę*, русск. *н* неносовое): *kon'f* из **kon'ens*, **kon'ons*. Основы на *-ū*: *syny* из **sūnŋ-ns*, ср. готск. *sununs*. Основы на *-ī*: *gosti*, *niti* из **gostŋ-ns*, **nītŋ-ns*, ср. греч. диалект. *πόλις*, готск. *gastins* (*gasts* = гость). В основах на согласную общеслав. *-ī* восходит к *-ŋns*, которое заменило более древнее *-ins*, явившееся в литовско-славянскую эпоху заместителем индоевропейского *-ens*: *kaŋeni*, *goržani*, *matēri*. То же окончание в основах на *-ū*, *-uv*: *svekrŋvi*. В основах на *-ā* находим окончание *-ons*, вытеснившее исконное *-ās* под влиянием основ на *-ō*, причем *-ons* является, по-видимому, фонетическим сокращением старшего *-āns* (ср. сокращение *-om* в *-om* в род. мн.); общеслав. *roky* из **roko-ns*, а это из **rokā-ns*; в положении после мягких согласных вместо *-ons* является *-ens*, откуда далее носовое *ŋ* (ст.-слав. *ę*, др.-русск. *н*): *dušf* из **duxje-ns*, **duxjo-ns*.

Основы среднего рода в форме винительного падежа употребляют форму именительного.

Творительный падеж

Основы на *-ā*, *-ī*, *-ū* образуют этот падеж посредством окончания *-mi*; отношение его к литовскому *-mis*, которое из *-mīs*, указывает на более первоначальную форму *-mīs*. Основы на *-ā*: *žena-mi*, *roka-mi*, ср. лит. *raikomis*, *mergomis*. Основы на *-ī*: *gostŋ-mi*, *nītŋ-mi*, ср. лит. *avimīs*, *vagimīs*. Основы на *-ū*: *synŋ-mi*, ср. лит. *sūnimīs*. Основы мужского и женского рода на согласные имеют *-mi*, заимствованное из основы на *-ī*: *kaŋenŋ-mi*, *matēŋ-mi*. Основы на *-ū*, *-uv* заимствуют из основы на *-ā* окончание *-ami*: *svekrŋvamī*.

Основы на *-ō* мужского и среднего рода имеют в творительном форму на *-u*: *rody*, *lŋty*. Ближайшим образом *-u* должно быть сопоставлено с лит. *-ais* в *rŋpais*, *dorbaīs*; лит. *-ais* из *-ois*: греч. *ἴπποις*; дифтонг. *oi*, по-видимому, нового происхождения на *-ohi*. Это дало Фортунатову основание объяснить общеславянское *-u* из *-ohis*, где *-his* — окончание творительного множественного, родственное с др.-инд. окончанием *-bhiš*. В положении после мягких согласных находим в соответствии с *-u* — *-ī*: *požī*; *ī* восходит к *eī* из *oi*. Основы среднего рода на согласные заимствовали в творительном множественного окончание *-u* из основ на *-ō*: *sŋmen-u*, *telŋt-u*, *sloves-u*.

Общим окончанием для всех основ является -хъ непосредственно из -*su*, ср. др.-лит. -*su*, например в *namasu*, *dienosu*, др.-инд. -*su* в *çivāsu*, *kavīṣu*. Основы на -*ā*: *žena-xъ*, *ryba-xъ*, ср. др.-инд. *āçvāsu*. Основы на -*ī*: *gostъ-xъ*, *nitъ-xъ*, ср. др.-инд. *kavīṣu*, *gatiṣu*. Основы на -*ū*: *supъ-xъ*, *domъ-xъ*, ср. др.-инд. *bhānuṣu*, *sūpāṣu*. Основы на согласные заимствуют из основ на -*ī* окончание -*ьхъ*, например: *kaпen-ьхъ*, *пater-ьхъ*, *sloves-ьхъ*, *teletъ-ьхъ*. Но основы мужского рода, как *goržan-* (*горожанин*), получали окончание -*exъ*, заменившее -*ьхъ*, по вероятному объяснению Лескина, под влиянием формы именительного множественного (*goržan-e*). Основы на -*ū*, -*uv* заимствовали окончание -*axъ* из основы на -*ā*: *svekrъvaxъ*.

Основы на -*ō* присоединяли окончание -*su* к распространенной посредством прибавления *ь* основе: общеслав. *lѣtѣхъ*, *vъ|сѣхъ* восходят к **vilkoī-su*, ср. др.-инд. *vṛkēṣu* (из *vṛkaī-su*, *vṛkoī-su*), греч. *λύκοι-σι* (с измененным окончанием). В положении после мягких согласных *oi* изменялось в *ei*, откуда *i*: *трѣихъ*, *роl'ихъ*.

Основы мужского рода на -*an* образовывали местный множественный путем непосредственного присоединения -*sъ* к окончанию основы: *dol'an* (*долянин*) — *dol'an-sъ*, отсюда *dol'aсъ*, ср. др.-чешск. *Dolas*, *Brežas*, *Lužas*, *Dobřas*. Рядом были известны и образования *Pol'aхъ*, *Dol'aхъ*, ср. др.-русск. *поляхъ*.

УДАРЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Необходимо сказать несколько слов об ударении падежных форм в общеславянском праязыке. В нем имелись основы с неподвижным ударением на самой основе или на падежных окончаниях и основы с подвижным ударением, в которых одна часть падежей имела ударение на основе, а другая на окончаниях. Остановлюсь сначала на основах с неподвижным ударением. Различное ударение — в одних основах на самой основе, в других на окончаниях — зависело от унаследованных еще из индоевропейской эпохи отношений. Общеславянскими причинами нельзя, например, объяснить, почему слова *porъ*, *dvorъ*, *korl'ъ*, *гpкavъ*, *starikъ* (мужеск. р.), *žena*, *groza*, *piṭa*, *krasa*, *xvaṭa* (женск. р.) имели в общеславянском праязыке ударение на падежных окончаниях, ср. русск. *попá*, *попу́*, *на дворé*, *короли́*, *рукава́*, *старикóм*, *жену́*, *пилу́*; сербско-чакавск. *porà*, *krāljà*, *гukāvà*, *ženù* и т. д.; между тем слова *gorxъ*, *klipъ*, *porгъ* (мужеск. р.), *slava*, *lipa*, *vorna*, *berza* (женск. р.) сохраняли

ударение на основе во всех падежах: ср. русск. *горóх, горóха, лѣпам, берѣзами, ворóне*; сербско-чакавск. и штокавск. *грáха, лѣпи, слáве, брѣзама* и т. д. Впрочем, ближайшее рассмотрение этих слов показывает, что гласная основы в словах с ударением окончательным была или краткой, или с тем видом долготы, который мы будем называть прерывистым, между тем как гласная основы в словах с ударением на основе имела в древнем языке долготу длительного вида; это обстоятельство наводит на предположение, что только в словах первого рода сохранилось древнее место ударения, между тем как слова второго рода восходят к двум категориям, из которых одна исконно имела ударение на гласной основе, а другая перенесла ударение на гласную основы в силу притяжения со стороны длительной долготы; возможно, например, что слово *dědъ* отличалось некогда по месту ударения от слова *xľbъ*; *dědъ* имело исконно ударение на основе: поэтому русск. *дѣда, дѣду*, мн. ч. *дѣды*, а *xľbъ* могло иметь исконно ударение на окончании: поэтому в русском рядом с *хлѣба, хлѣбу* является во множественном числе *хлѣбá*. Ср. сказанное ниже относительно переноса ударения на окончания с длительно долгой гласной. Относительно слов женского рода той категории, которая имеет ударение на окончаниях, необходимо заметить, что неподвижность в них ударения подвергается одному ограничению, а именно в формах им.-вин. мн. они имели, кажется, ударение не на окончании, а на основе; ср. русск. *жѣны, пѣлы, струны, слуги, стрѣлы* и т. д. (в случаях, как именительный множественного *толпы, похвалы* и т. п., можно видеть искусственное книжное произношение), ср. также сербско-штокавск. *јѣле, вѣле, слуге, стрѣјеле, сѣзе, снахе, пчѣле, бѣхе* (при винительном *јѣлу, вилу, слугу, стрѣјелу, сѣзу, снаху, пчѣлу, бѣху* из более древних *јѣлѹ, вилѹ, стрѣјелѹ* и т. д.). Впрочем, я не решился бы утверждать на основании одного русского языка, что в общеславянском праязыке перенос ударения был в именительном-винительном множественного слов женского рода обязательным; сербско-штокавск. *жѣне, стáзе, кóзе, грóзе, врсте, глисте* и др., чакавск. *ženè, kozè, sestrè, spahè, krùrè, svíc'è* и др. свидетельствуют о возможности и окончательного ударения в указанных падежах. Во всяком случае согласные данные русского и сербского языка доказывают, что в общеславянском праязыке подобный перенос ударения мог иметь место в некоторых словах женского рода. Задумываясь над причиной подобного переноса, мы должны иметь в виду, что окончание *-у* для именитель-

ного-винительного множественного в общеславянском праязыке нового происхождения; *-ons* (откуда *-у*) заменило более древнее *-ās* в именительном множественного; это *-ās* после отпадения *-s* перешло в *-ā*, и форма именительного множественного совпала по звуку с формой именительного единственного: *lira* — *lira*, что и было причиной замены ее формой винительного множественного *liry* (из **lirons*). Но в словах с подвижным ударением именительный множественного, как увидим, отличался по ударению от винительного множественного (*grkà*, но винительный множественного *grka*); это и было причиной переноса ударения на основу с окончания в словах, как *ženà*, *kozà* и т. д.; перенос произошел для того, чтобы отличить именительный множественного от именительного единственного: *ženà*, но множественный *žèna*; это *žèna* впоследствии заменено через *žèny*. Вероятнее всего, что такой перенос был в общеславянском праязыке обязательным для формы именительного множественного, следовательно: *žèny*, *kòzy*, *spěxu*, *krùry*; но винительный множественного в общеславянском сохранял старое место ударения: *ženù*, *kozù*, *spěxù*, *krūrù*. В русском языке перевес получило ударение именительного множественного, а в сербском — винительного множественного, за исключением лишь некоторых слов (как вышеуказанных *slùge*, *sùze*, *bùxe* и т. д.). Относительно слов мужского рода с неподвижным ударением на окончаниях необходимо иметь в виду, что еще в общеславянскую эпоху окончания *-ъ* и *-ь* переносили ударение на предшествующий слог; поэтому именительный-винительный падеж единственного числа и родительный множественного от слов, как *ropъ*, *dvogъ*, *grěxъ*, *korl'ъ* и т. д., имели ударение на основе: *ròpъ*, *dvòrъ*, *grěxъ*, *kòrl'ъ* вместо более древних *ropъ*, *dvogъ*, *grěxъ*, *korl'ъ*.

Перехожу к основам с подвижным ударением. Подвижность ударения, т. е. перемещение его в различных падежах в зависимости от того или иного падежного окончания, зависела от того, что еще в литовско-славянскую эпоху гласные длительно долгие перетягивали на себя ударение как с кратких, так и с прерывисто долгих гласных. Ввиду того, что гласная основы могла быть длительно долгой, прерывисто долгой и краткой и что те же виды могла иметь гласная окончаний, надо заключить, что первоначальное место ударения вообще сохранялось только: 1) в основах с длительно долгою гласною и ударением на этой гласной, 2) в основах с краткою или прерывисто долгою гласною, когда ударение падало на окончания. Основы же с длительно долгою гласною и ударением

на окончаниях в некоторых падежах (в которых окончания имели краткую гласную или прерывисто долгую) получали ударение на основу, а в других (где окончания имели длительно долгую гласную) сохраняли его на окончании; ср. сказанное выше относительно слов *хлеб*, ср. русск. *хлебá*. Основы с краткою или прерывисто долгою гласною и ударением на этой гласной становились в отношении к ударению подвижными, ибо падежные окончания с длительно долгими гласными перетягивали ударение на себя. Оставляя в стороне те основы, подвижность ударения которых зависела от длительно долгой гласной в основе, остановимся на тех основах, в которых подвижность ударения зависела от длительной долготы гласных в падежных окончаниях.

Перечислю падежные окончания с длительно долгими гласными.

В основах мужеского рода на *-ǫ* сюда относится:

а) Окончание местного единственного *-ль (-i)*; длительность долготы *ль* доказывается, с одной стороны, тем, что *ль* не сократилось в *i* (так сокращалось в конце слова *ль* с прерывистою долготою), с другой стороны, сопоставлением с греческим окончанием *-οι*, например, в *οἶχοι*, *ἰσθμοῖ*; ударение этих слов свидетельствует о длительности долготы дифтонга *οι*, ибо прерывисто долгое *οι* (так же как краткая гласная) требовало перед собой облегченное ударение на долгой гласной (ср. именительный множественного *οἶχοι*), а на себе — острое, а не облегченное ударение (ср. им. мн. *ποταμοῖ*). Отсюда заключаем, что общеславянское место ударения в *гòдѣ*, *пòсѣ*, *гòрдѣ*, *зòбѣ*, *дòбѣ*, *дрùзѣ* (ср. русск. *в рòде*, *о дрùге*, *в гòроде*), также и среднего рода — *тѣстѣ*, *сѣпѣ* (ср. русск. *в тѣсте*, *в сѣне*) не может быть первоначальным; оно заменило первоначальное *годѣ*, *posѣ*, *sѣпѣ* и т. д., по-видимому, под влиянием ударения других падежей единственного числа, ибо местный падеж оказывался единственным падежом, отступавшим по месту ударения от прочих падежей единственного числа в словах мужеского и среднего рода.

б) Окончание местного множественного *-льхъ (-ixъ)* имело, вероятно, *-ль* длительно долгое: ср. чакавск. диалектическое *vlāsīh* (при *vlāsa*, *vlāsi*), *vozīh* (при *vōza*, *vōzi*); ср. также и русское ударение в *зубáх*, *возáх*, *носáх*, хотя мы имеем в русском новое окончание.

в) Окончание винительного множественного *-у (-ŋ)* из *-ons* с длительной долготою сочетания *-on*; длительная долгота доказывается литовским окончанием *-us* с кратким *и* (в литовском подвергалась сокращению только длительная долгота в конце слова),

а также местом ударения в русских формах, как *сады́, носы́, возы́, плоды́* и т. д. (при *са́да, во́за, пло́да*); сербский язык не знает перенесенного ударения в винительном множественного, ибо имеет в этом падеже то же ударение, что в именительном множественного.

г) Окончание родительного множественного *-ъ* также по происхождению своему восходит к длительно долгому окончанию *-оп* (ср. выше), ибо в общеславянском сокращали первую часть свою только дифтонгические сочетания с длительно долгой; общеславянское конечное *ъ* утратило ударение; поэтому доказать ударение *rodъ, vozъ, drugъ* и т. п. нельзя; впрочем, русск. *волос* (при именительном *во́лос*), словенск. *vlás* при именительном *vlās*, сербск.-штокавск. *drûgā, vlāsā* при *drûg, vlās* указывают на то, что родительный множественного имел в общеславянском праязыке в словах с подвижным ударением другое ударение, чем именительный единственного, а различие это зависело именно от того, что в именительном ударение исконно падало в таких словах на основу, а в родительном множественного на окончание.

д) Окончание именительного-винительного двойственного *-а* имело длительную долготу как по свидетельству литовского языка, где окончание *-и* (*krasztù, ropù*) из *-ī*, сократившегося именно в силу своей длительной долготы (прерывисто долгие гласные не сокращались в литовском в конце слов), так и по свидетельству русского языка: ср. ударение *два шага́* при *ша́га, ша́гу; два ряда́*, при *ря́да, ря́ду; глаза́, рога́* (формы по происхождению своему двойственного числа).

е) Окончание родительного-местного двойственного *-ī* также имело, вероятно, длительную долготу.

В основах среднего рода на *-ō* длительную долготу, кроме местного единственного и местного множественного (о которых выше), имело еще окончание именительного-винительного двойственного числа *-ī* (*-ī*) из первоначального *-oī*; длительность *ī* доказываем тем, что оно не сократилось в *i*, несмотря на свое положение в конце слова. Относительно ударения других форм среднего рода скажу особо ниже. Точно так же длительно долгим было *-а* в окончании именительного-винительного множественного; это доказываем, между прочим, общеславянским ударением форм, как *lětà, sītà, stadà* (ср. русск. *летá, ситá, стадá*, сербск. диалект. *ljetá*). Впрочем, об ударении и этой формы среднего рода скажу особо ниже. В основах на согласную длительно долгими были окончания *-ē*, например *tel'ē, plem'ē*.

В основах на *-ĩ* мужского рода длительную долготу имели следующие окончания: а) Окончание местного единственного *-ĩ*; поэтому местный *domĩ* при родительном *dõmi*, ср. совр. русские ударения *в до́мѹ, в са́дѹ, на пухѹ, в ря́дѹ* и т. д., сербск.-штокавск. у носу, у брѹду, у гѹду, у мѹду, у дѹму, что восходит к праштокавскому у носѹ, у домѹ и т. д.

б) Окончание именительного-винительного двойственного *-у*, что свидетельствуется соответствующим литовским окончанием — кратким *-и*, сокращенным, очевидно, из длительно долгого *ĩ* в конце слова (*dangũ*).

в) Окончание винительного множественного *-у*, что видно из литовского окончания *-us* с кратким *и*, восходящим к долгому *ũ* (носовому *и*) в *ũs* из *ĩns* (лит. *dangũs*), а также из родственного славянского окончания *-у* из *-ops* в основах мужского рода: общеслав. *domũ, voũ* при *dõma, võtu*.

В основах на *-ĩ* мужского и женского рода длительную долготу имели: а) Окончание *-i* в местном единственного, ср. русск. *на костѹ, на мазѹ, в далѹ*, сербск.-чакавск. *va nos'ĩ, va solĩ, va stvãri, va mãsti, va žũćĩ*, штокавск. у пѣни, у нѣни, у кѹсти (при родительном и дательном пѣни, нѣни, кѹсти).

б) Окончание *-i* в именительном-винительном двойственного, что видно из литовского окончания с *ĩ* из *ẽ* (*ie*) с длительною долготой: *aki, pakti*; следовательно, мы ожидали бы **oći*, вместо чего в позднейшем языке *õći* под влиянием формы именительного множественного; ср. еще ударение в *oćima* (штокавск. *õчима* вместо праштокавск. *oчѹма*), *uźima, pleććima*, также в сербск.-штокавском дательный множественного *пѣнима, кѹстима, прѹсима*.

в) Окончание *-i* в винительном множественного из *-ĩs*, восходящего к *-ĩns*, ср. лит. *-is* с кратким *ĩ* из *ĩ* с длительною долготой; ударение винительного множественного *kõsti, čẽsti, põćći* и т. д., о котором свидетельствуют современные славянские языки, новое, заимствованное из именительного множественного (ср. русск. *кѹсти, нѹчи, чãсти, печи*, сербск.-штокавск. *кѹсти, нѣни, чãсти, пѣни*).

В основах на *-a* женского рода длительную долготу имели окончания:

а) Именительный единственного *-ã*, что доказывается соответствующим литовским окончанием *-ã* из *-ã* с длительною долготой (*rankã*); поэтому в общеслав. *nogã, vodã, dъskã, rѹkã, dušã* и т. д., ср. русск. *водã, рукã, ногã*, чакавск. *gorã, nogã, daskã, buhã, čelã*.

б) Древнее окончание родительного падежа на *-ās* (замененное, как мы видели, окончанием *-ons, -ōns, -u*, заимствованным из формы именительного множественного) имело длительное *a* и потому перетягивало на себя ударение; заключаем об этом из того, что форма родительного падежа единственного числа женского рода всегда имеет то же место ударения, что форма именительного единственного: сербск.-чакавск. *goré, vodé*, русск. *горы́, воды́, ноги́, доски́* и т. д.

в) Окончание местного единственного *-ь (-i)*; длительная долгота *ь* доказывается тем, что оно не сократилось в *i*, несмотря на свое положение в конце слова; оно перетягивало поэтому на себя ударение; ср. русск. *на воде́, в руке́* и т. д., чакавск. *па vodi*, штокавск. *на рѹци* вместо более древнего *на рѹцѣ*.

г) Окончание дательного падежа *-ь (-i)*; длительность его доказывается теми же соображениями; но, как было указано и выше, *ь* заменило другое окончание, а именно прерывистое долгое *ь* (откуда получилось бы *i*) под влиянием формы местного единственного; старые формы не сохранились, но ударение их держится в нескольких русских и сербских словах: русск. — *к зѣме́, к стѣне́*; сербск.-штокавск. — *вѹди, дѣци, дѹши, гла́ви, рѹци*; чакавск. — *ki pŏgi*.

д) Окончание именительного-винительного двойственного *-ь (-i)*; длительность его долготы обнаруживается литовским окончанием *-i* из *ĕ (ie)*: *gaŋki, mergi*; ср. ударение церковнославянских форм *роуцѣ, нозѣ*.

е) Окончание дательного-творительного двойственного *-ата*, дательного множественного *-атъ*, творительного множественного *-ати*, местного множественного *-ахъ* имели длительно долгое *a*, как можно заключить из русских ударений: *рука́ми, нога́ми, голова́ми*; сербск.-штокавск. — *водама, рѹкама, странама*; чакавск. — *gorāti, rukāti*; перенесение ударения в русск. *гора́ми, к до́скам* и т. п. позднейшее, вызванное влиянием ударения именительного-винительного множественного.

ж) Окончание родительного-местного двойственного *-ѣ* также могло иметь длительную долготу, как можно думать на основании церковного *ѣ руку́*.

Передвижение ударения на длительно долгие окончания относится еще к литовско-славянской эпохе; ср. лит. *gaŋkà — gaŋka* (вин.) — *gaŋkos* (им. мн.) — *gaŋki* (им. дв.) с общеслав. *gŏkà — gŏkŏ — gŏkŏ — gŏkŏ*. Но, кроме этого передвижения, общеславянский

п्रायः имел еще другое, новейшее по происхождению передвижение, вызванное, по-видимому, появлением новых длительных долгот на месте кратких и прерывисто долгих гласных. А именно редукция *й* и *ї* в двусложных падежных окончаниях имела следствием удлинение гласной предшествующего слога и перенос на него ударения с третьего от конца слога, с гласной основы. В силу этой причины древние *gòdomŭ, dòmŭmŭ, drugomŭ, kòstŭmŭ* — дательный множественного; *dòmŭxŭ, kòstŭxŭ* — местный множественного; *gòdomŭ, dòmŭmŭ, gòstŭmŭ* — творительный единственного; *dòmovŭ, kòstijŭ* — родительный множественного должны были перейти в *gòdòmŭ, drugòmŭ, dòmŭmŭ, kòstŭmŭ, dòmŭxŭ, kòstŭxŭ, godòmŭ, domŭmŭ, gostŭmŭ, domòvŭ, kostŭjŭ*. В творительном единственного ударение *godòmŭ, domŭmŭ, gostŭmŭ* не удержалось вследствие влияния ударения других падежных форм единственного числа; но во множественном числе новое ударение сохранилось, ср. великорус. *домóв, костéй, домáм, костя́м*; ср. сербск.-штокавск. *змајѣвā* (вместо *змајѣвā*), *рòгòвā*, а отсюда и *змајєви, рòгови* (вм. *змајєви, рогòви*), также *гòстĭ* (вместо *гостĭ*), *гòстима*. Впрочем, основы с неподвижным вообще ударением удержали его неподвижным, несмотря на действие этого нового закона; ср. *lĭrāŭŭ, brātoŭŭ* (не *lĭrāŭŭ, brātoŭŭ*).

Особо должно быть рассмотрено ударение слов среднего рода с основой на *-ǫ*, которому предшествует твердая согласная (следовательно, не на *-jǫ*). Основы с краткой или прерывисто долгой гласной переносят ударение с основы на окончание именительного-винительного *-o*, причем и все остальные падежи единственного числа получают окончание ударение: *seǫ, vesǫ, perǫ, čeǫ, gnǫzǫ, čisǫ, l'ikǫ* (отсюда *l'ic'ó*); ср. соответствующие русские слова, сербск.-чакавск. — *seǫ, lĭcĕ, perǫ, штокавск. гнијѣздо*; между тем как в форме именительного-винительного множественного числа (а также и в других падежах множественного числа) эти слова имеют ударение на корне *seǫa, vesǫa, gnǫzǫa, čisǫa, lĭca, rĕbra*, и т. д.; ср. совр. великорус. *сѣла, вѣсла, лица*, сербск.-чакавск. *sĕla, rĕra, lĭca* и т. д. Ясно, что мы имеем при этом дело с каким-то, очевидно, позднейшим перемещением ударения, ибо, во-первых, окончание *-o*, как краткое, не могло перетягивать на себя ударение (ср. сохранение его, например, в *slòvo, pĕbo*); во-вторых, напротив, *-a* в окончании именительного-винительного множественного имело исконно длительную долготу, почему во множественном числе можно было бы ожидать ударение *seǫa, vesǫa, gnǫzǫa* и т. п.

Вероятнее всего предположить, что ударение слов среднего рода подвергалось изменению под влиянием слов женского рода. Там, как мы знаем, исконным окончанием именительного множественного и винительного множественного было *-ās* (откуда *-ā*), причем *ā* было прерывисто долгим, не перетягивавшим поэтому на себя ударения (на его прерывистость указывает и литовское окончание именительного множественного *-os*). Следовательно, рядом с именительным единственным *vodà*, *gòkà* именительный множественного звучал *vòda*, *gòka*. Совпадение окончаний именительного-винительного множественного в словах женского и среднего рода имело последствием перенесение ударения как в именительном-винительном множественного числа, так и в именительном-винительном единственного числа слов среднего рода; *vodà* — *vòda* (откуда впоследствии, как мы видели, *vodà* — *vòdy*) в женском роде вызывало *seò* — *sèla* в среднем роде, вместо первоначальных *sèla* — *selà*. Доказательством в пользу предложенного объяснения может служить ударение слов, как *tǐsto*, *sǐno*, *měso*; в корне этих слов находились прерывисто долгие гласные и тем не менее ударение не перелвинулось в них на окончание; это зависело от того, что слова эти не образовывали (по самому значению своему) множественного числа. Что касается ударений, как *lǐtà*, *sità*, *mǐstà*, то очевидно, что здесь сохранилось первоначальное место ударения, между тем как в формах единственного числа *lǐto*, *mǐsto*, *sìto* ударение передвинулось на корень еще в ту эпоху, когда длительно долгие гласные (а таковыми были гласные в первом слого этих слов) перетягивали на себя ударение соседних слогов. Исконным представляется и ударение именительного множественного *pebesà*, *słowesà*, ср. то же окончное ударение в других падежах: *pebesè*, *słowesè*. Под влиянием таких форм явилось, как кажется, и ударение форм *sǐmenà*, *bermenà* (от **bermę* = *беремя*), *plēmenà*, ср. родительный единственного *sǐmene*, *plēmene*. Судя по сербск.-штокавск. *вријеме* — *врѐмена* (род. ед.), слово, соответствующее церковнослав. *врѣма*, др.-русск. *веремя*, в именительном-винительном единственного имело ударение на окончании, а в других падежах на корне (*vermę* — *vèrmene*), причем это зависело от длительности долгой гласной в окончании именительного-винительного и прерывистости сочетания *er* в основе (*vèrmę* поэтому перешло в *vermǐ*); церковнослав. *врѣма* (ср. русск. книжн. *врѐмя*) явилось под влиянием косвенных падежей; ср. еще ударение *плѐмя*.

Общерусский праязык значительно видоизменил звуковую сторону приведенных выше общеславянских окончаний, а также звуковую сторону самых основ. Скажу сначала об основах.

В общеславянском праязыке твердая согласная основы становилась полумягкой перед гласными переднего ряда; в общерусском праязыке полумягкие согласные перешли в мягкие; поэтому, например, при *rodъ* являлись *rod'ъ*, *rod'i*, при *žen-a* находим *žen'ъ*, при *s'ъm'en-a* — *s'ъm'en'e*. Равным образом мягкая согласная вместо полумягкой проникла и в основы на *-i*; слова *kostъ*, *gost-i* стали звучать *kos't'ъ*, *gos't'-i*. То же в основах на согласные: *mat'er'-e*, *t'el'at'-e*, *pol'an'-e*, *d'ьn'-e*. Вследствие перехода *ę* в *a* основы на *-ęt* стали основами на *-at*: *t'el'ata*, *otročat'e*. Переход *e* в *o* перед твердой согласной вызвал изменение *s'ьmenъ*, *s'ьvesa* в *s'ьm'õnъ*, *s'ьov'õsa*. Согласная *z'* на месте смягчившегося *g* перешла в *z*: *druz'-i*, *poz'-i*.

Звуковые изменения, которым в общерусском праязыке подверглись падежные окончания, зависели, во-первых, от потери носовых и перехода *o* в *u*, *ę* в *a*, *ь* в *ь*; ср. общерусские формы винительного множественного *pižъ*, *kop'ъ*, родительного единственного *dušъ*, именительного-винительного множественного *stajъ*, творительного единственного *vodoju*, *kos't'ъju*, *mat'er'ъju*, ср. также именительный единственного *t'el'a*, *s'ъm'a*; во-вторых, от перехода *e* в конечном открытом слоге в *ä*: звательный единственного *plod'ä*, именительный множественного *synov'ä*, родительный единственного *s'em'en'ä*, *kam'en'ä*, *mat'er'ä*, именительный-винительный единственного *žit'ъjä*, *kor'ъjä* (из общеслав. *žit'ъje*, *kor'ъje*); в-третьих, от перехода *e* в *o* в положении перед твердой согласной, а также *ь* в звук близкий к *ъ* (*ь*) при тех же условиях: *gogožan'õхъ* вместо общеслав. *goržanexъ*, *kos't'õхъ*, *t'el'at'õхъ*, *kam'en'õхъ*, *put'ъmъ*, *mat'er'ъmъ* и т. д.; в-четвертых, от перехода *o* в *o*, т. е. звук средний между *o* и *o*: звательный единственного *božo*, именительный-винительный *pol'o*, дательный-творительный двойственного *pol'õta*, дательный множественного *pozõmъ*, звательный единственного *dušõ*; в-пятых, от перехода полумягких согласных в мягкие *syn-ov'i* вместо *syn-ovi*, *voř-ov'ä* вместо *voř-ove*, *vod-am'i* вместо *vod-amí*, *syn-ъmъ* вместо *syn-ъmъ* и т. д.; в-шестых, от сокращения тех долгих гласных, которые не успели сократиться в общеславянском праязыке: *l'iratъ* вместо обще-

слав. *lirānъ*, *brat'ъхъ* вместо общеслав. *bratъхъ*, *l'btá* вместо общеслав. *lbtá*.

Кроме этих звуковых изменений, общерусский праязык допустил, по-видимому, и несколько изменений морфологического характера в склонении имен. Сюда относится систематическая замена окончания *-оть*, *-еть* в творительном единственного слов мужского и среднего рода через *-ѣть*, *-ьть*; окончание *-ѣть* заимствовано из склонения основ на *-й*, а окончание *-ьть* явилось в соответствии с этим *-ѣть* под влиянием склонения основ на *-й*. Имеем полное основание думать, что подобная замена происходила уже в говорах общеславянского праязыка; так, западнославянские языки свидетельствуют именно об окончании *-ѣть*, а не *-оть* в склонении имен мужского рода на *-ѣ*, ср. польск. *rapet*, чешск. *klínem* и т. д., причем *e* в приведенных формах восходит к *ѣ*; так, окончание *-ѣть* вместо *-оть*, правда изредка, попадает и в памятниках старославянского языка, например: Зогр. ев.—*гльѣть*, *сьнѣть*, *слѣхъть*; чаще сравнительно это окончание попадает в Супр.—*гладѣть*, *врашѣть*; ср. также *-ьть* в Зогр. ев.—*сѣпърьть*, Супр.—*отѣцьть* Савв.—*отѣцьть*. Окончание *-ьть* в старославянском заменяло более древнее *-вь* довольно последовательно в положении за *j* (*-jьть* переходило далее в *-jьть*, писавшееся *-ннъ*), ср. в Супр. частое окончание *-ннъ* в творительном единственного слов среднего рода на *-нъ*, также в Ассем. ев., *ѡукрѡнъ* в соответствии с *ѡукрѡвь* Зографского евангелия. Но старославянский язык, так же как и остальные южнославянские языки, не позволяет думать о последовательном вытеснении в общеславянском праязыке окончания *-оть* через *-ѣть*; окончание *-оть* во всяком случае оставалось в общеславянском праязыке преобладающим, и вытеснение его произошло, конечно, уже на почве отдельных славянских языков, между прочим русского. Что русское *-ом* в творительном единственного (*попѡм*, *лѣтом*) восходит именно к *-ѣть*, доказывается не только памятниками, которые (в древнейшую эпоху, до XII в. включительно) писали *-ѣть*, но и украинской формой этого окончания: украинское *-ом* может восходить только к *-ѣть*, ибо — *-оть* изменилось бы в *-ѡть*, *-иѡть*, откуда в украинском получилось бы *-им*. Вытеснение окончания *-оть* окончанием *-ѣть*, заимствованным из склонения основ на *-й*, могло бы быть поставлено в связь с проникновением в склонение основ на *-ѣ* и других падежных окончаний из склонения основ на *-й*; но ни одно из этих окончаний даже в позднейшую эпоху не успело вытеснить окончательно соответствующее окон-

чание по склонению основ на -*ǫ*. Ввиду этого вытеснение -*оть* через -*ѣть* в русском и других славянских наречиях надо рассматривать отдельно от влияния склонения основ на -*й* на склонение основ на -*ǫ*; можно думать, что такое вытеснение зависело от звуковой ассоциации формы творительного единственного с формами именительного-винительного единственного числа, подобно как при *z'atъ*, *рѣть* творительный был *z'atъ-ть*, *рѣть-ть*, при *камень* (вин. п.) — *камень-ть*; при *супъ* — *супъ-ть*; при *лѣто* — *лѣто-ть*; так же точно при *годъ*, *носъ*, *братъ*, *отъсь*, *конъ* явились формы *годъ-ть*, *носъ-ть*, *братъ-ть*, *отъсь-ть*, *конъ-ть* вместо *годо-ть* и т. д. При этом позже вытеснение *nosotъ*, *bratotъ* через *nosъ-ть*, *bratъ-ть* повело за собой и вытеснение *lѣtotъ* через *lѣтъ-ть*. Кроме того, общерусский праязык утратил образование на -*и* (из *o*) в творительном единственного женского рода: вместо *vodoju* и *vodu* (общеслав. *vodojo* и *vodo*) сохранилось только образование *vodoju*.

Других морфологических утрат (окончания -*оть*, -*еть* были общерусским праязыком утрачены) для общерусского периода я указать не могу. Общерусские новообразования и другие морфологические изменения рассмотрю попутно с обзором форм склонения общерусского праязыка.

Этот обзор я располагаю по причинам, выясненным раньше, по старым индоевропейским основам: 1) основы мужского рода на -*ǫ*; 2) основы среднего рода на -*ǫ*; 3) основы женского рода на -*a*; 4) основы мужского рода на -*й*; 5) основы мужского рода на -*ї*; 6) основы женского рода на -*ї*; 7) основы мужского рода на согласную; 8) основы среднего рода на согласные; 9) основы женского рода на согласную и на долгое -*и*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

І. ОСНОВЫ НА -*ǫ* МУЖЕСКОГО РОДА

Ввиду тех звуковых изменений, которым подвергались согласные в окончании относящихся сюда основ, а также гласные падежных окончаний — согласные основы в зависимости от предшествующих им гласных переднего ряда, а гласные падежных окончаний в зависимости от предшествующих им *j* и мягких согласных, — слова мужского рода с первоначальной основой на -*ǫ* могут быть в их склонении рассмотрены по следующим трем категориям:

1) основы, в общеславянском праязыке оканчивавшиеся на твердую согласную; 2) основы, в общеславянском праязыке оканчивавшиеся на смягченные аффрикаты *c'*, *z'* (*z'*), *s'*; 3) основы, в общеславянском праязыке оканчивавшиеся на *j* (*i*) или на иные, кроме только что названных, смягченные согласные.

Рассмотрю отдельно склонение слов каждой из этих категорий в общерусском праязыке.

1. Основы на твердую согласную

Ед. И.	<i>rodъ</i>	(родъ)	<i>drugъ</i>	(другъ)
З.	<i>rod'а</i>	(роде)	<i>drugò</i>	(друге)
Р.	<i>roda</i>	(рода)	<i>druga</i>	(друга)
Д.	<i>rodu</i>	(родоу)	<i>drugu</i>	(другоу)
В.	<i>rodъ</i>	(родъ)	<i>drugъ, druga</i>	(другъ, друга)
Т.	<i>rodъm'ь</i>	(родъмь)	<i>drugъm'ь</i>	(другъмь)
М.	<i>rod'ѣ</i>	(родѣ)	<i>drug'ѣ</i>	(другѣ)
Дв. И. В. З.	<i>rodà</i>	(рода)	<i>drugà</i>	(друга)
Р. М.	<i>rodu</i>	(родоу)	<i>drugù</i>	(другоу)
Д. Тв.	<i>rodoma</i>	(родома)	<i>drugoma</i>	(другома)
Мн. И. З.	<i>rod'i</i>	(роди)	<i>drug'i</i>	(други)
Р.	<i>rodъ</i>	(родъ)	<i>drugъ</i>	(другъ)
Д.	<i>rodomъ</i>	(родомъ)	<i>drugomъ</i>	(другомъ)
В.	<i>rody</i>	(роды)	<i>drugy</i>	(другы)
Т.	<i>rody</i>	(роды)	<i>drugy</i>	(другы)
М.	<i>rod'ѣхъ</i>	(родѣхъ)	<i>drug'ѣхъ</i>	(другѣхъ)

Здесь приведены два образца: в первом (*rodъ*) согласная основы в некоторых падежах заменяется соответствующею мягкой согласною, а именно перед окончаниями *-e*, откуда *ă* в звательном, *ь* (т. е. *iè*) в местном единственного и множественного, *i* в именительном множественного; во втором (*drugъ*) задненебная (*k, g, γ, x*) согласная основы перед теми же окончаниями, смягчаясь, заменяется соответствующею шипящею (*č, ž, š*) перед *e* в звательном, соответствующею свистящею (*c', z', s'*) перед *i, ь* в местном единственного и именительном множественного; ср. еще такъ — *račò* (раче), *rac'i*, *rac'ѣ*; *sarogъ* — *saroz'ѣ*, *saroz'i*; *boуъ* — *božò*, *boz'i*, *boz'ѣ*; *gogoňъ* — *gogošò¹*, *gogos'i*, *gogos'ѣ*; имя собственное *Ol'ьgъ* — звательное *Ol'ьžò* (Ольже) и т. п.

¹ В рукописи *gogoše*. (Ред.)

В обоих образцах видим слова с подвижным ударением. Примерами для слов с ударением неподвижным могут быть: bràтъ, goròхъ, gràдъ, plùgъ, svàтъ, moròzъ, lùкъ — с одной стороны (в них ударение всегда на основе); ròръ, sarògъ, sudъ, grѣхъ — с другой стороны (в них ударение на падежных окончаниях, кроме окончания -ѣ).

Приведенные в образцах падежные формы восстанавливаются: 1) сопоставлением с другими славянскими языками, ведущим к восстановлению форм общеславянского праязыка; 2) данными памятников древнерусского языка; 3) свидетельством форм современного русского языка во всем его объеме.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке восстановленные формы находят себе полное соответствие, если оставить в стороне звуковую сторону падежных окончаний; только в творительном единственного окончанием в старославянском является не -ьмь, а -омь; -ьмь встречается как исключение: Зогр. ев.: гласьмь, съньмь, слоухьмь; Син. псалт.: законьмь, равьмь, штигьмь, гласьмь; Син. молитв.: гласьмь; Супр.: гладьмь, съньмь, трепетьмь и др. Винительный от одушевленных встречается в форме родительного: оупьва на бога, благослєви бога, имь Ноана, възьрь на Петра; но рядом и: призови мажь.

В польском языке отметим: звательный единственного — panie, boże, człowiecze, др.-польск. dusze; винительный единственного — др.-польск. człowieka, gospodyna, czeliadzina, Marcina (от имен одушевленных) при skotъ, sokoł, mir, duch; творительный единственного — panem, listem, głosem и т. д. (-em восходит к -ьмь); именительный-винительный двойственного — др.-польск. dwa szczyta; родительный двойственного — dwu panu, dwu bogu; местный двойственного — na obu boku, na obu, dwu rogu; дательный — bratoma; творительный — dwiema zakonoma; именительный множественного — sąsiedzi, chłopi, kapłani, Włosi; родительный множественного — др.-польск. ząb, sąsiad, woz, do tych czas; дательный множественного — panom, dworom; творительный множественного — др.-польск. panu, skoty, braty, strachy; местный множественного — др.-польск. na woziech, w progociech, w grzeszech, w zębiech. В сербском: лаве, друже, човече; винительный единственного — др.-сербск.: уз конь, бијућ скот; в современном только — друга, лава от одушевленных; местный единственного — др.-сербск.: градъ, граде, бозъ, двори; современ. чакавск.: časi, vlasi,

va gradi, na brigi; именительный-винительный двойственного — др.-сербск.: два винограда, ѿ чловѣка; родительный-местный двойственного — др.-сербск.: апостолоу, по двею чловѣку; дательный-творительный двойственного — др.-сербск.: господинома, чловикома; именительный множественного — друзи, лави; творительный множественного — др.-сербск.: дари, гради, лави; современ. чакавск.: vlašī, časī, kosci, ropi; местный множественного — др.-сербск.: народих, дворијех, језицијех, современ. чакавск.: susedih, krđvih, časih, vlaših.

Примеры из древнерусских памятников.

Именительный единственного: пьсь, повозьникъ, дѣлгъ, стѣлпъ, Жит. Феод. по сп. XII в.; Мьстиславъ, Гр. 1128—1132.

Зват. ед.: брате, Лавр., Виленск. сп. Западнорус. лет.; господине, Догов. ок. 1433, № 46; чловѣче, Еванг. XIII в., № 6, 113а; вороже, Ипат., 76в; Рюриче, ів., 203б; Кюриче, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 36); яр туре Всеволоде, Сл. о п. Иг., 13.

Род. ед.: города, Къюва, Глѣба, Жит. Феод.; ѿ лѣса, Дв. гр. XV в., № 22.

Дат. ед.: овадоу, городоу, Жит. Феод.; бѹ, дѣху, Дѣду, Рюрику, Борису, Лавр.; по врагу, Дв. гр. XV в., № 27.

Вин. ед.: хѣлмъ, дворъ, возъ, Жит. Феод.; на бѣ, на братъ свои, въ новыи Адамъ облечеса, чему ѹси слѣпилъ братъ свои, налѣзоша бѣкъ великъ и силенъ, посла^х ѿтрокъ свои, бѣ бо имущи презвутерь, на снѣ твои, за челадинъ, Лавр.; тивоунъ свои държати, Новг. догов. 1265, № 1; а в ладогоу ти кнѣже слати ѿсетръникъ и медовара, ів.; а за холопъ за робу за поручникъ за должникъ за та та не стоѣти, Новг. дог. 1373, № 17; послалъ посолъ свои Вячеслава, Ипат., 264а; посади посадникъ свои, ів., 30б; своѣкъ свои, Новг. 1-я, 89; нѣмецкыи посолъ, Гр. 1189—1199 (в копии ок. 1263); на богъ, Виленск. сп. Западнор. лет.; оубѣжить въ хоромъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 30); брата, чловѣка, Петра, Изаслава, еже такого свѣтильника имать в области своеи, Жит. Феод.; ѿзыкъ на ѿзыка, Гал. ев. 1144, 100а; похвати бѣка, на Ѡлга брата своего, вдаи сына своего, Лавр.; на посадника и на всѣ Новгородъ, Новг. дог. 1270, № 3.

Твор. ед.: макъмь, бѣъмь, сѣмѣслъмь, подвигомь, одрѣъмь, Жит. Феод.

Местн. ед.: столъ, возъ, вѣцъ, соуѣцъ, страѣ, Жит. Феод.; въ томъ портъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., II, 53); на носъ, Лавр. 314; въ хлѣбѣ, Новг. дог. 1471, № 20; на судъ, Двинск.

гр. XV в., № 87; Новгородъ, Гр. 1189—1199 (ок. 1263), Остр. ев.; на Волоцѣ, Новг. дог. 1265, № 1; в Прилуцѣ, Гр. 1434—1447 (А. Калач., I, № 31); по сроцы, Гр. 1588 (А. Ю., № 251); въ пламянѣ розѣ, Сл. о п. Иг., 20.

Им.-вин.-зват. дв.: а иже то распустилася малжена, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 48); апла (им.), слоуха, псалма (вин.), Жит. Феод.; mezi вала, Ипат., 83г; посла попа своѣ, Ипат., 217г; 2 братеника, Лавр. 458; се ба твоѣ Лавр; в чума, Дух. Моск. 1328.

Род.-местн. дв.: рабоу (род.), Жит. Феод.; на двоу двороу, Ипат., 279а; по шци и по братоу, ib., 576; рабу бию, Парем. 1313 (Каринский); въ двоу посадоу, Новг. гр. до 1308, № 6; аже не боудѣтъ двою послоухоу, Гр. 1229 (А).

Дат.-твор. дв.: с клеветникома, Новг. 1-я, 146; снѣкома, Ипат. 62в; mezi валома, ib., 81а; со сима штрокома, ib., 91а; mezi шбѣима полкома, Ермол., 46в; ко братома, Ипат., 224а; съ городскимъ или съ волостнымъ человѣкома, Гр. 1437—1461 (А. А. Э., I, № 35); обѣима полкома, Ипат., 110г, соколома (дат.), Сл. о п. Иг., 24; мальженома, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 50).

Им.-зват. мн.: человѣци, Жит. Феод.; дѣди, Новг. гр. 1265, № 1, Новг. 1-я, 158; дѣкони, Ипат., 676; игумени, дѣкони, Гр. 1468 (А. А. Э., I, № 85); тивоуні, Гр. 1439 (А. Калач., I, № 31); отроци, Жит. Феод.; бобровьници, Гр. 1423 (А. Калач., I, № 31); намѣстници, Гр. 1391—1425 (ib.); сли, Ипат., 216; паробци, ib., 286г; конюси, ib., 286г; холопи, ib., 193в; послуси, Гр. 1189—1199 (ок. 1263), Дв. гр. 1535 (Собр. Бел., № 8), Дв. гр. XV в., № 17, Дух. Калиты 1328; мои сусѣди, Дв. гр. XV в., № 117; стязи, Сл. о п. Иг., 7; вьются голоси, ib., 45.

Род. мн.: городъ Дунайскыхъ, Лавр.; возъ по себе не возаше, Лавр.; а хоромъ на томъ дворѣ, Гр. 1589 (АЮ, № 91); двоихъ жерновъ, Гр. 1652 (А. Калач., II, 513); моихъ портъ, Дух. Калиты 1328, № 21; хлѣбъ, сыръ, Жит. Феод.; городъ, Новг. 1-я, 194; хоромъ, Ипат., 79в; триста берковъскъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 58г; зубъ, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 216в; велики кнѣзи прадѣдъ и дѣдъ, Гр. 1425—1462 (Сборн. Мух., № 34); проити порогъ грѣхъ ради нашихъ, съгладяхъ колодникъ, в инѣхъ городъ, Лавр.; в дѣдъ, Новг. гр. 1265, № 1; е годъ, Дв. гр. XV в., № 98; смердъ дѣла, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 147); колико боудеть возъ оукрадено, Русск. Пр. (Р. Д., I, 52).

Дат. мн.: часомъ, правдѣникомъ, Жит. Феод.; позовнико^м,
Новг. гр. 1471, № 20; по берего^м, Западнорус. сб. XV в., № 391
(Карский); полкомъ, Виленск. сп. Западнорус. лет.; къ Трокомъ,
ib.; намѣсткумъ, Молд. гр. 1433, № 31; пса моклокомъ, а ему
то и по зубомъ, Послов. XVII в. (Симони, 162).

Вин. мн.: тиоуны, оукроухы, плоды, Жит. Феод.; Волохы,
Ипат., 106; городы, Лавр. 311; про послы, Новг. гр. 1270, № 3;
а холопы и долъжники и поручники выдавати по исправѣ,
Новг. гр. до 1301, № 4; а что поймали на Вологдѣ кречеты и
серебро, Новг. гр. 1317, № 14; свои намѣстники... свести, Новг.
гр. 1373, № 17; лоскутъ земли на д̄ пузы, Дв. гр. XV в.,
№ 3; лѣсы, Дв. гр. XV в., № 97; бобры бити, Дв. гр. XV в., № 108.

Твор. мн.: грѣхы, троуды, съвѣрьстьники, Жит. Феод.; по-
слоухы, Гр. 1189—1899 (ок. 1263); з бортники и с оброчники,
Дух. 1371, № 30; съ сѣнными наволоки, Дв. гр. XV в., № 33;
тими лоскуты, Дв. гр. XV в., № 77; с послы Новгородскыи,
Новг. гр. 1314, № 12; с притеребы, Дв. гр. XV в., № 1; с на-
волоки с ѣстоки, Дв. гр. XV в., № 122; с бобровыми гоны,
с огороды, со всеми вжитки и доходы, Вкладн. кн. Анофрия 1399
(Л. Васильев); коулаки быють, пороки бити, Увар. сп. Западнорус.
лет.; со ѡхонты, Хожд. Афан. Ник., 385а; съ ящики, Послов.
XVII в. (Симони, 77); глаза пива не выпить, ib., 90; грѣхи со
смѣхи избывають со слезами, ib., 91; гнѣвливъ з горшки не
ѣздитъ, ib.; мухи с обухи, клопы с ослопы, комары с топоры,
тораканы з самапалы, сверчки с лучки, ib., 121; чево глаза не
доглядишь, то мѣшчою доплотиш, ib., 156; ѣсть арбузы ходить
с гологузы, ib., 160.

Местн. мн.: возѣхъ, скотѣхъ, Жит. Феод.; в сусѣдехъ, Поуч.
Ефр. Сир. 1377, 2376; в dospѣсе, Хожд. Афан. Ник.; приказницѣ,
Гр. 1471 (А. Калач., I, № 31); на веблоуде, w члонце, Западно-
рус. сб. XV в., № 391 (Карский); у портехъ, при своихъ живо-
техъ, у Троицехъ, Виленск. сп. Западнорусск. лет.; на поруч-
ницѣ, Договор. 1368 (XV), № 28; на лузѣ, Гр. 1462—1505 (С. М.,
№ 50); на многихъ роцѣхъ, Гал. гр. 1404; при послуѣхъ, Гр.
1229 (А); на плоте, на возе, Домостр. Конш. 40; в полѣхъ, Послов.
XVII в. (Симони, 148); въ лесѣхъ, Дв. гр. XV, № 80; в лѣсѣхъ,
Дв. гр. XV в., № 116; в порозехъ, Ермол., 13 об.

Примеры из современного языка.

Зват. ед.: белорус.—человече, Новогр. (Отв. № 29); гороше, Пинск. (Отв. № 3); пане, друже, дубе, боже, Пруж. (Отв. № 9); воўче, Дисн. (Отв. № 6); куме, Новоалекс. (Отв. № 11); божа мой, Минск. (Отв. № 23); укр.—брате, козаче, народе, друже, вовче.

Твор. ед.: укр.—братом, паном.

Местн. ед.: великорус.—на угле, в суде, во лбе, в заде, Холмог. (Отв. № 50); в саде, Шуйск. (Отв. № 19); в лесе, Гдов. (Отв. № 11); южновеликорус. диалект.—на парозе, Грайвор. (Отв. № 279); у Прося в гарося, Обоян. (Резанова); на бѣрези, на верся, Новосил. (Тр. диал. комм., I); белорус.—ў леси, Минск. (Отв. № 23); кожуси, бѣрези, Пинск. (Отв. № 1); у парозе, у гаросе, Игум. (Отв. № 8); при бѣрезе, на стозе, на дубе, у садзе, *ib.*; *na lodzi*, Волков (Fedegowski, I, 42); *ў łuzie nad takoј*, Свенц. (Zbiór wiad., XVII, 167); укр.—в носі, на бѣрезі, в горосі, в лүзі, на тóрзі, на рóзі, на вѣрсі; угрорус.—зубі, Верхр., I; на боцы, *ib.*, II.

Вин. ед.: угрорус.—про милый бѣг, Верхр., II.

Им. мн.: великорус.—холопи, соседи, черти, льни, суседи, Мышк. (Отв. № 78), крести (в картах), льни, Петроз.; аньдели, Шенк. (Плечев. Арх. II Отд.); белорус.—черци, гони, цыгани, Могил. (Отв. № 4); черци, суседзи, гони, Слуцк. (Отв. № 5); укр.лемк.—птаси, друзи, дуси, пастуси, урядници, парібци, рыбаці, Верхр., I; угрорус.—пастуси, волци, вояци, Верхр., II.

Род. мн.: великорус.—без зуб, Скоп. (Будде); карта ап трех ллас (глаз), Скоп. (Будде); шесть год, Великолуц. (Отв. № 45); сем гот, Жиздр. (А. Никольский); волос, пуд, аршин, солдат, чулок, сапог; белорус.—глаз, рог, Быхов. (Отв. № 16); 5 год, Новоалекс. (Отв. № 14); укр.—чобіт, сто вóрог, сім рік, сто раз; угрорус.—сім год, шість віз, сім рік (Огоновский); укр.—пять аршин, сім сяг, сто раз (Осадца).

Дат. мн.: белорус.—к братом, Быхов. (Ром., III, 94); к тром кустом, Рогач., *ib.*, 152; паном, пастухом, Себеж. (Отв. № 28); зубом, Минск. (Отв. № 7); паном, Могил. (Отв. № 4); пятахом, Быхов. (Ром. III, 343); зубцом, Новогр. (Отв. № 29); укр.лемк.—стромім, псім, быкім, Верхр., I; угрорус.—псім, хлопім, снопім, Верхр., II; угрорус.—псом, быкѡм, воўкѡм, Верхр., I; (ѡ читайте как немецкое *ü*); бойк.—псім, Огоновский.

Вин. мн.: укр.угрорус.—волкы, Верхр., II; укр.—топчи вороги під ноги, Тимченко.

Твор. мн.: великорус.— со кресты пойдуть на воду, Борович, (Пардалоцкий, Обл. сл., 112); укр.угрорус.— трьома годѣ, з свойіма хлѣпы, Верхр., I; лемк.— пред образы, давными часы, Верхр. II; берѣгы, плѹгы, цвѣты, винограды, Огоновский.

Местн. мн.: укр. лемк.— о перших кочутѣх, Верхр.; бойк.— возіх, версіх, Огоновский; угрорус.— в сусідіх, на псіх, Верхр.

Замечания к отдельным падежным формам.

В именительном падеже единственного числа вместо окончания *-ъ* является окончание *-о* в именах собственных, означающих лица. Происхождение этого окончания не ясно; но вероятнее всего думать, что еще в общеславянском праязыке в форме звательного падежа явилось новообразование, состоявшее в замене окончания *-е* окончанием *-о*; это *-о*, как кажется, заимствовано из тех основ на *-ā*, которые по своему значению перешли в мужеский род (*sľugo*, *vojevodo* и т. п. при *sľuga*, *vojevoda*). Формы звательного падежа получили значение именительного падежа. Ср. в церковнославянских памятниках формы именительного единственного, как Вакъхо, Маръко, в др.-сербск.— Клименьто, Маръко, Павло, Филипо, Михаило (XV в.), Александро, Данило, Исидоро, Поликарпо (в позднейших текстах); в современ. сербск.— Мѳјсило, а также *hurosoristica* как Пѣро, Ёво, Крїсто, Рáдо; чакавск.— Fránko, Frđinándo, Sándro (зват. Sándro). Приведу примеры из древнерусских памятников: Олександро, Ипат., 256а; Лестько, ів., 246а; Малко, Лавр.; Данило, Федорко, Гр. 1284; Марко, Новорос. сп. Новгор. 4-й, 110а; Алѣзандро, Гр. 1529 (Собр. Бел., № 47); Данило, Дух. Климента XIII в., Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 63); Михаило, Гр. 1448—1468 (А. Калач., I, № 35); Содко, Новг. 1-я, 6 в; Марко, Сотко, Михаило, Курило, Личко, Степанко, Лет. Авр. (Карский); Машко, Новг. гр. 1314, № 12; Гаврило, Дв. гр. XV в., № 132; Дюдѣтко, Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); Семянко, Гр. до 1491, ів., № 7; Шварно, Ипат., 287г; Мишко, Ивашко, Вкладн. кн. Анофрия 1399 (Л. Васильев); Спѣтко, Александро, Увар. сп. Лит. лет.; мы Александро, Молд. гр. 1402, № 15; Костько, Гал. ев. 1378; Бенко, Воронко, Гр. Галиц. 1398; Лехно, Ходько, Гаврилько, ів.; Ходоро, Гал. гр. 1400; на семь князь

Михаило целуя крѣть Новг. гр. до 1301, № 5; ср. еще немецкое имя в форме Гѣлмико, Рижск. гр. 1285 (Р. Л. А.). Все эти имена в остальных падежах образовывали формы от основ мужеского рода на *-ō*: оу Машка, Новгор. гр. 1314, № 12; Мартынѣкомѣ, Дв.

гр. XV в., № 86; и зъ Гриньком, Гал. гр. 1409. В современном языке находим: великорус.— Гашко́, Пашко́, Ванько́, Холмог. (Отв. № 50); белорус.— Пятро́, Могил. (Отв. № 4); Петро́, Дани́ло, Быхов. (Отв. № 9); Змитро́, Речицк. (Отв. № 17); укр.— Павло́, Петро́, Марко, Карпо́, Дмитро, Левко́, Дани́ло, Ове́рко, Володько и др. Относительно ударения отметим, что двусложные имена (но не имена на *-ко*, которые были раньше трехсложными) переносят его на окончание; быть может, в древнем языке этот перенос ударения отличал форму именительного единственного от формы звательного единственного, сохранявшей ударение на первом слоге. Окончание *-о* из имен переносилось и в некоторые нарицательные, обозначавшие лица; ср.: пано Яшко Мазовшанин, Гал. гр. 1400; такого же происхождения *-о* в *батьошко*, *дя-дюшко*, ср. северновеликорусское произношение этих слов, а также украинское *ба́тько*.

Предложенное объяснение окончания *-о* в именительном единственного имен мужского рода дает основание выводить окончание *-е* в именительном единственного имен того же рода из формы звательного единственного. Приведу примеры из памятников: Акиме, в приписке к Минее 1096 года; Павле, Дмитре, Петре, Иване, Унтоне, Костантине, Смене, Филиксе, Дв. гр. XV в.; Веньямине, Палея 1494 (Каринский); Александре Фомини, Лет. Авр.; Иване, Федоре, гр. 1539 (Барсов, Палеостр., 129); Иванъ, Олѣксандръ, Дв. Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9). Из таких имен *-е* переносилось на место *-о* в именах на *-ко*: Савке, Кондратке, Васке, Дв. гр. XV в., вм. Савко и т. д., а также в именах на *-но*: Грихне, Дв. гр. XV в.; Грихне Ноѣгородецъ, Гр. 1462—1505 (Собр. Мух., № 46). Самостоятельное употребление без предшествующего имени отечественных имен на *-овъ* и на *-инъ* имело следствием образование ими звательного падежа; формы на *-ове*, *-ине* употреблялись также и в именительном падеже, переносясь и в такие случаи, где отечественное имя сопровождало личное имя: Демиде Волосове сынъ Сукова, Гр. 1539; Иване Фомине, ib.; Смене Ночине, Дв. гр. XV в., № 86. О появлении *-е* в окончании именительного единственного имен нарицательных скажу впоследствии.

Как видно из приведенных выше примеров для винительного падежа, имена, означавшие лица, долго удерживали рядом с новой формой этого падежа, тождественной с формой родительного падежа, и древнюю форму его, тождественную с именительным

падежом. Каждый случай употребления такой древней формы винительного падежа заслуживает ближайшего внимания; в числе условий, благоприятствовавших ее сохранению, укажу: 1) соединение с притяжательным местоимением *свой*: очевидно, соединение существительного с *свой* само по себе было достаточным указанием на то, что здесь не может быть речи об именительном падеже; поэтому не было необходимости прибегать к замене его формой родительного падежа; 2) употребление в виде приложения к другому существительному: *сына же своего Ярославъ посади Туровъ*, Лавр., 298; 3) употребление при приложении, уже принявшем форму родительного вместо винительного: *послалъ посоль свои Вячеслава*, Ипат., 264а; 4) употребление при стоящем рядом существительном, принявшем форму родительного вместо винительного: *слати всетръникъ и медовара*. Насколько распространилось в древнем языке употребление форм на *-а* на имена, означающие неодушевленные предметы, не ясно; ср. приведенное выше *свѣтъильника*; ср. в позднейшем языке: *плъни Иерлма*, *положша Иерлма яко вощное хранилище*, Лет. Авр.

В древнем языке не встречается случаев замены винительного множественного формой родительного множественного в именах, означающих одушевленные предметы; очевидно, эту замену нельзя возвести к общерусскому праязыку, где винительный множественного имел другое окончание, чем именительный множественного, а потому не мог быть с ним смешан. Но различие именительного и винительного падежей особыми формами в одушевленных предметах в единственном числе не могло не отразиться на различии именительного и винительного падежей в одушевленных предметах в двойственном числе, ибо оба эти падежа исконно имели одну форму; и действительно, можно привести из древних памятников примеры для замены винительного двойственного родительным падежом двойственного числа в именах, означающих одушевленные предметы, например: *снѣде кудеснику*, Ипат. под 1071 годом; *перенесоша братья вся святою мученику Бориса и Гльба*, Лавр. 276.

Как видно из второго образца, в соответствии с задненебными перед окончаниями с переднею гласною являлись шипящие или свистящие согласные; перед *е* в звательном единственного вместо *k*, *g* (γ), *x* являлись *č*, *ž*, *š*, перед *i* в именительном множественного, *ь* в местном единственного и множественного являлись *с'*,

z', *s'* (примеры из памятников приведены выше). Но, по-видимому, еще в общерусском праязыке группы *sk'*, *zg'* вытесняли группы *s'c'*, *z'z'* в окончании основы в формах местного единственного и множественного числа. Ср., например, *воскъ* вместо *восць* в XIII Сл. Гр. Бог.; укажу еще примеры: Смоленське, Новг. 1-я, 93; оу Смоленськѣ, Ипат., 84б; в Туринскѣ, ib., 92а; на Долобскѣ, ib., 95б, Свирильскѣ, ib., 212б, Дѣбрманскѣ, ib., 124в; Коурьскѣ, Новорос. сп. Новгор. 4-й, 113б; Смоленськѣ, 111в; в Полоцкѣ, Тр. сп. Новг. 1-й, и т. д. Рядом продолжали существовать и формы на *-сць*; ср. *Смоленьце* в Риж. гр. ок. 1300, где *šć* (*щ*) из *s'c'* в результате диалектического звукового изменения. Случай, как *архистратиге* — зв. ед., Минея XI в., № 179, 34а и 345б (при *архистратиже*, 33б, 34а, 35а), можно признать грецизмом.

2. Основы на смягченные аффрикаты *c'* и *z'*

В общеславянском праязыке *c'* и *z'* (откуда в общерусском *z'*) восходят в относящихся сюда именах к *k* и *g*, перешедшим в *k'* и *g'* и далее в *c'* и *z'* под влиянием предшествовавших им гласных переднего ряда *i*, *ь*, *ѣ*. Вследствие этого изменения окончания основы подверглись изменению, а частью замене падежных окончаний; заменялись они окончаниями, заимствованными из склонения основ на мягкие согласные. Только форма звательного падежа осталась без изменения, и эта форма отличает склонение относящихся к настоящему отделу основ от склонения основ на мягкую согласную.

Ед. И.	от'ьс'ь	(отьць)	Мн. И. З.	от'ьс'і	(отьци)
З.	от'ьс'о	(отьче)	Р.	от'ьс'ь	(отьць)
Р.	от'ьс'а	(отьца)	Д.	от'ьс'омъ	(отьцемъ)
Д.	от'ьс'ѹ	(отьцоу)	В.	от'ьс'ѣ	(отьцѣ)
В.	от'ьс'ь, -а	(отьць, -а)	Т.	от'ьс'і	(отьци)
Т.	от'ьс'ьм'ь	(отьцьмь)	М.	от'ьс'іхъ	(отьцихъ)
М.	от'ьс'і	(отьци)			
Дв. И. В. З.	от'ьс'а	(отьца)			
Р. М.	от'ьс'ѹ	(отьцоу)			
Д. Т.	от'ьс'омѧ	(отьцема)			

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке находим те же формы, что в древнерусском, оставляя в стороне отличия в произношении; но в тво-

рительном падеже не *-ьтъ*, а *-еть*: *отцьемь*, *кѣназемь*; однако *отцьемь* в Супр. и Савв. кн., в винительном множественного *-ѣ* (*ѣ*), восходящее, так же как русское *тъ*, к общеславянскому *тѣ*. В сербском отметим звательный единственного: др.-сербск. — *кнеже*, *витеже*, *втьче*; современ.: *скупче* от *скупац*, *старче*, *оче*, *кошче* от *косац*; творительный единственного: *старцем*, *скупцем*, древн.: *кнеземь*; местный единственного: древн. — *отци*; винительный множественного: *скупце*, древн. — *кнезе* (с *e* из *тѣ*); творительный множественного: древн. — *мѣсеци*, *пичнези*; местный множественного: древн. — *трыговцихь*. В польском звательный единственного: *księże*, *starcze*, *skarpcze*; творительный: *kursem*; винительный множественного: *zajęce*, древн. *ojce*, *Niemce*; местный единственного: древн. *na stolcy*, *na garpcy*, именительный множественного: древн. *młodcy*, *otcy*, *mędcy*, *Niemcy*, творительный множественного: древн. *pieńędzy*, *ojcy*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: *князь*, *старьць*, *чърньць*, Жит. Феод., XII в.

Зват. ед.: *оѣ*, *чърноризьче*, Жит. Феод.; *втьче*, Новг. гр. до 1301, № 4; *кнѣже*, Новг. гр. 1265, № 1; *кнажо*, Риж. гр. ок. 1300; о Донче словутичю, Сл. о п. Иг., 41.

Род. ед.: *старьца*, *оѣа*, Жит. Феод.; *кназа*, *ив.*; оу Новгородца, Новг. гр. до 1305, № 10.

Дат. ед.: *чърноризьцю*, *скопью*, Жит. Феод.; *кнзю*, Новг. гр. 1265, № 2; *Новгородцю*, Новг. гр. до 1305, № 10; *къ втьцю*, Новг. гр. до 1301, № 4.

Вин. ед.: *коньць*, *вѣньць*, Жит. Феод.; *примша князь*, Ипат. 64в; *ѣновьць*, *соуждальць*, Новг. 1-я, 55, 73; *тивоунь свои държати на свои части държати*, а *новгородьць на свои части държати*, Новг. гр. 1265, № 1; *вземши младенець*, Лавр.; *роптати на князь*, *хоче за вашь князь*, Лавр.; *оѣа*, *кнази*, Жит. Феод.; *кназа*, Новг. гр. ок. 1300; *на княза своего*, *преда княза своего*, Лавр.; *слати Новгородца*, Новг. гр. 1265, № 2; *тивоунь свои държати на свои части*, а *Новгородца на свои части*, Новг. гр. до 1305, № 9.

Твор. ед.: *князьмь*, *оцьмь*, *коньцьмь*, Жит. Феод.; *кназемь*, Новг. гр. до 1305, № 10; с Новгородце, Новг. гр. до 1461, № 18; *оцьмь*, Мстисл. ев. XII в.

Местн. ед.: *коньци*, *оѣи*, Жит. Феод.; *по вѣи*, Ипат., 536; в Людини коньци, Новг. 1-я, 108; *при князи*, Парем. 1313 (Каринский); *при вѣи твоємь*, Новг. гр. до 1305, № 10.

Им.-вин. дв.: два княза Половѣцкаш, Ипат., 245в.

Род.-местн. дв.: дву кнѣю, Ипат. 182в; тою зломысльною кнѣю Новг., 1-я, 178; ѿ двою ѿцю, Ипат. 316.

Дат.-твор. дв.: къ обѣма кнѣзема, Новг. 1-я, 197; чьрьноризь-цема, Жит. Феод.; стрѣлцема, Луцк. гр. 1445.

Им. мн.: новотържыци, Новг. 1-я; князи, Жит. Феод.; князи, Лавр. 298; колодази, Дв. гр. XV в., № 98.

Род. мн.: ѿ князь, Новг. 1-я, 151; Новгородьць, ів., 165; хто всихъ князь, Ипат., 94в; Половецъ, Ипат., 252а; ѿ немецъ, Гр. 1284; коупѣчь, Гр. ок. 1300; чьрьньць, коузньць, Жит. Феод.; от Половецъ, Лавр., 289; бес трии мць, Новг. 1-я, 38; ѿ оць, Новг. гр. 1265, № 1; оу коупѣць, Новг. гр. до 1305, № 9; из нѣмецъ, Новг. гр. 1471, № 20.

Дат. мн.: Новгородьцемъ, Новг. гр. 1265, № 2; новѣторжцемъ, Новг. гр. до 1461, № 18; кнѣзѣ, Новг. гр. 1471, № 20; черень-цемъ, Дв. гр. XV в., № 9; коупьцомъ, немьцомъ, Гр. 1284; коуп-цомъ, немцомъ, Гр. 1229 (Д); не всѣмъ чернцомъ в ыгумнахъ бѣть, Послов. XVII в. (Симони, 126).

Вин. мн.: новгородцѣ, Новг. 1-я, 161; кнѣѣ, Ипат., 178а, жьрьцѣ, Стих. XII в., № 279, 117в; кнѣазѣ нашѣ, ів., 116в, мць, Новг. 1-я, 40; хлѣбьць, Жит. Феод.; боларьць, Володи-мерць, письць многы, такы чьрьньць, чьрьноризьць, в Половць, Лавр.; за Нѣмць, Новг. гр. до 1305, № 11; черѣ ѿце, Зап.-рус. сб. XV в., № 391 (Карский); про коупче Новгородьскыи, Новг. гр. до 1270, № 3.

Твор. мн.: князи, Жит. Феод.; съ Новгородци, Новг. гр. 1265, № 1; съ всеми князи, Виленск. сп. Зап.-рус. лет.; д гривны коунами или пенази, Гр. 1229 (Д); с пѣнази, Зап.-рус. сб. XV в., № 391 (Карский); с княжьѿстровци, Дв. гр. XV в., № 81; с Нѣмчи, Новг. гр. 1371, № 8; з женою и з домочатцы, Домостр. Конш. 11; со многими иноземцы, ів., 62.

Местн. мн.: кнѣихъ, Новг. 1-я, 195; князихъ, Жит. Феод.; торговьчихъ, Гр. 1284.

Примеры из современного языка.

Зват. ед.: укр. — мѣсяче, Осадца; хлопче, отче, кравче; бело-рус. — хлопче и хлопча, Новогр. (Отв. № 29).

Твор. ед.: укр.— хлопцем.

Местн. ед.: укр. галицк.— хлопци; белорус.— живе у канцы вёски, Свенц. (Отв. № 13); у царським дворцы, Рогач. (Ром., III, 385); па кансу, Волков. (Federowski, I, 15); южновеликорус.— на етам канцы, Мосал. (Шахм.).

Дат. мн.: укр. диалект.— хлопцім; лемк.— вітцым (Верхр. I).

Вин. мн.: укр.— кінці, місяці.

3. Основы на прочие смягченные согласные и на *i* (*j*)

Все эти основы восходят к древним основам на *-jǫ*. Падежные окончания совпадают со склонением основ на твердую согласную только в род. ед. *-а*, им.-вин. дв. *-а*, дат. ед. *-и*, род.-местн. дв. *-и*, им. мн. *-i*; в других падежах окончания твердых основ изменились под влиянием предшествующего *j*: вместо *-ǫ* находим в им.-вин. ед., твор. ед. и род. мн. *-ь*, вместо *-о* — *-е* (откуда *ǫ* перед твердой согласной), вместо *-ь* (из *oi*) в местн. ед. и мн. — *-i* (из *ei*), вместо *-у* (из *o-i*) в твор. мн. — *-i* (из *e-i*), вместо *у* (из *ъns — ons*) в вин. мн. *ь* (из *ъ — ens*). Возможно, что *-и* в дат. ед., род. местн. дв. отличалось после *j* и смягченных согласных от *-и* после твердых согласных и приближалось к *-ī* (изображаю этот звук через *и*). О происхождении окончания зват. ед. на *-и* см. ниже.

Рассмотрим отдельно в двух парадигмах склонение основ на *i* (*j*) и основ на смягченную согласную. Отличие замечается в формах им.-вин. ед., род. мн. и твор. ед., т. е. там, где после смягченных согласных является *ь*; это *ь* после *ī*, становившегося слоговым, переходило в *ь* и, по-видимому, отпадало еще в общеславянском праязыке; предшествующее *ī* было звуком слоговым, но не полного образования: *краī* вместо *краīь* (из *кгаīь*); в положении перед слогом с звуком *ь* слабым такое *ī* переходило в *ī* полного образования.

Ед. И.	kràì	(краи)	tùžь	(моужь)
З.	kràjù	(краю)	tùžù	(моужю)
Р.	kràja	(края)	tùža	(моужа)
Д.	kràjù	(краю)	tùžù	(моужю)
В.	kràì	(краи)	tùžь, -а	(моужь, -а)
Т.	kràimь	(краимь)	tùžьть	(моужьть)
М.	kràji	(краи)	tùži	(моужи)

Дв. И. В. З.	krajà	(края)	mužà	(моужа)
Р. М.	kraju	(краю)	mužù	(моужю)
Д. Т.	krajeta	(краюма)	mužòta	(моужема)
Мн. И. З.	kraji	(краи)	muži	(моужи)
Р.	kraj	(краи)	mužь	(моужь)
Д.	krajemъ	(краюмъ)	mužòтъ	(моужемъ)
В.	krajь	(краѣ)	mužь	(моужѣ)
Т.	kraji	(краи)	muži	(моужи)
М.	krajixъ	(краихъ)	mužixъ	(моужихъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке в общем те же падежные окончания, что в древнерусском. Но в творительном падеже находим: *краюмь*, *моужемь*; впрочем, в памятниках встречаются и формы с *-ьмь* в единичных случаях, как *платюмь*, Супр., *сѣпърьмь*, Зогр. ев., и соответственно с этим после гласной *-нмь*: *оукроньмь*, Ассем. ев., ср. др.-русск. — *краимь*. В винительном множественного находим, конечно: *края*, *моужа*. В сербском находим: *краљем*, *змајем*, др.-сербск. — *зноием*; *звательный* единственного: *краљу*, *змају*, *мужу*; *местный* единственного: *чакавск. kraji, poži*, древн. — *цари, кони, крагуи*; *родительный* множественного: древн. — *конь, царь, краи*; *дательный* множественного: древн. — *царемь, коьемь, мужемь*; *винительный* множественного: *краље, змаје*; *творительный* множественного: *чакавск. — miši, bići*, древн. — *кони, мачи*; *местный* множественного: *чакавск. — miših*, древн. — *крајих, конихь, царихь*; *родительный* двойственного: древн. — *врачу*. В польском: *творительный* единственного — *meżem, krajem* (причем *krajem* заменило предположительно **kraim* под влиянием *meżem, koniem* и т. п.; уже в Флор. псалт. — *olejem*); *звательный* единственного — *koniu, kraju, meżu*; *именительный* множественного — древн. *panicy, strozi (=stroži), dziedzicy*; *винительный* множественного — *kraje, konie*, древн. — *może, struje*; *творительный* множественного древн. — *godzicy*; *именительный* двойственного древн. — *dwa konia, dwa kroła*; *родительный* двойственного: *dwa krołu, dwu koniu, dwu groszu*; *местный* двойственного: *o dwu strożu*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: *моужь, ключь, дъждь*, Жит. Феод.; *обычай, покои, ив.*

Зват. ед.: *строю*, Ипат., 293в, 301б; *Игорю, ив., 217б, встрыи мечю, ив., 250г; Лоука Иванковичю, ив., 284а; в милыи приштелю,*

Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); w преневѣрнѣи злодею, *ib.*; соловію стараго времени, Сл. о п. Иг., 6; Игорю, *ib.*, 7.

Род. ед.; зълѡдѣи, покои, моужа, Жит. Феод.; ѿ бои, Ипат., 307б; без рубежа, Новгор. гр. 1317, № 14; с верхного края, Дв. гр. XV в., № 22.

Дат. ед.: дѣждю, обычаю, сѣлоучаю, Жит. Феод.; мужю, манастырю, Феодосью, Гевргию, Володарю, Лавр.; рубежю, Новг. гр. 1368—1371, № 16; по верхному краю, Дв. гр. XV в., № 22; по жеребью, *ib.*, № 113; Василию, Дух. Климента XIII в.

Вин. ед.: кошь, плачь, покои, обычаи, Жит. Феод.; (вѣдасть) конь, (всѣдъ на) конь, Лавр.; на конь, Ипат., 76в; конь воронь, Дв. гр. XV в., № 90; за 30 копъ... и за кунь, Гал. гр. 1400; посади мужь свои, Лавр.; посла моужь свои, Ипат., 240г; дати подо нь конь, Ипат., 300г; на воеводу на Косначь, Ипат., 63в; за црвичь за шлѣсиничь, *ib.*, 96в; а поиде за моужь, Дв. гр. XV в., № 117; моужа твоего оубихомь, Лавр.; моужа, Жит. Феод.

Твор. ед.: плачьмь, моужьмь, Жит. Феод.; шлѣтарьмь, манастырьмь, Жит. Феод.; олтарьмь, Остр. ев.

Местн. ед.: моужи, Феодосии, Жит. Феод.; w стрѣи, Ипат.; 305б; в Володимири, Новг. 1-я, 172; на рубежи, Новг. гр. 1317, № 14; при Васильи, при Дмитрии, при Андрѣи, Новг. гр. до 1327, № 15.

Им.-вин.-зват. дв.: мечя свои (вин.), Новг. 1-я, 178; Олговица (им.), *ib.*, 127; си мужа (им.), Лавр., 300; два жеребья, Догов. 1371, № 29; на двоу коню, Русск. Пр. (Р. Д., I, 46).

Род.-местн. дв.: ѿ сажению, Ипат., 58в; аже боудоуть двою моужю дѣти, Русск. Пр. (Р. Д., I, 46), ѿ црѣю, Лавр.; оу доброу родителю, Домостр. Конш., 62.

Дат.-твор. дв.: двема конома, Западнорус. сб. XV в., № 39 (Карский); манастырема, Жит. Феод.; строема, Ипат., 74г, 224а.

Им. мн.: кони, Новг. 1-я, 166; моужи, Ипат., 28г; свѣдѣтели, Дв. гр. XV в., № 76.

Род. мн.: съ конь, Новг. 1-я, 170, 190; с конь, Ипат., 119б; конь шестеро, Вкладн. Варл. до 1207; до Пльсковичь, Новг. 1-я 207; оу Володимерь вои, Ипат., 57г; дванадѣсать моужь, Тр. сп. Новг. 1-й 53а; ѿ Ватичь, *ib.*, 57а; ис конь, Дух. моск. 1353; Тферичь, Новг. гр. 1426—1461; съ конь, Жит. Феод.; зълѡдѣи, Жит. Феод.; пришетель, Ипат., 181б; мужь твоихъ, Лавр.; святыхъ манастырь, Отв. митр. Иоанна 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV, № 4).

Дат. мн.: моужемъ, Жит. Феод., Новг. гр. 1265, № 1; wspo- даремъ, Новг. гр. 1368—1371, № 16; радовиче^м, Новг. гр. 1471, № 20; жеребие^м, Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82); Костроми- чомъ, Гр. 1442—1443 (Собр. Мух., № 32); дѣдичомъ, дѣдичоумъ, Молд. гр. 1434, № 35; к сторожем, Домоостр. Конш., 70.

Вин. мн.: ключѣ, Гал. ев. 1144, 36а; воѣ, ib., 66в; ключѣ, Стих. XII в., № 279, 101в; цѣсарѣ, 116в; Кривичѣ, Лавр. 282; воѣ, Ватичѣ, княжичѣ, на конѣ, в кораблѣ своѣ, манастыръ, мечѣ, мужѣ, wбручѣ, царѣ, сторожѣ, Лавр.; своѣ манастыръ, Пандекты Ник. Черног. XII—XIII в. (Тихвин. Р. Ф. В., 1894); моуже, За- паднорус. сб. XV в., № 391 (Карский); на моѣ неприятелѣ, Во- лынск. гр. 1366.

Твор. мн.: с товарищи, Гр. 1462—1505 (А. Калач., I, № 32); Афанасьевичи, Гр. 1432—1443 (ib., № 63); своими моужи, Новг. гр. 1265, № 1; с моужи своими, Лет. Авр.; с Тферици, ib.; мѣчи, Гр. 1229 (А).

Местн. мн.: на конихъ, Усп. Минея XII в., № 175 (18); въ Бѣ- жичихъ, Тервиничихъ, Уст. 1137 (в сп. 1262 г.); на конихъ, Новг. 1-я, 137; на кораблихъ, ib., 136; цѣрихъ, Ипат., 13а; на Ватичихъ, ib., 8в; конихъ, Жит. Феод.; манастырихъ, ib.

Примеры из современного языка.

Зват. ед.: укр. — краю, слухачу, коню, багачу, селезеню, со- болю, Семёновичу; белорус. — коню, селезню, Могил. (Ром., Отв. № 3); краю, Мозыр. (Отв. № 10); чаю, Новоалекс. (Отв. № 11); короваю, Игум. (Отв. № 15); Василю, силезеню, Пинск. (Отв. № 6); коню мой дорогой, Рогач. (Ром., III, 150). Единично в северно- великорусской сказке: вот, царю, я ѣхаю той же путью-дорогой, Петроз. (Шахм.); да, царю, говорит, я в ваших руках, Петроз. (Шахм.).

Вин. ед. в наречных выражениях: великорус. — идти замуж, укр. — заміж. Ср. еще белорус. — сев на конь и поехыв ўв огонь (загадка), Витеб. (Отв. № 18).

Твор. ед.: укр. — слухачём, конём, ножём. Относительно слу- чаев, как укр., белорус. и великорус. *крајем, ројем* и т. п. скажу ниже.

Местн. ед.: белорус. — у гноі, Быхов. (Ром., III, 197); на коні, Рогач. (Ром., III, 228); на пни, Быхов. (Ром., III, 271); ў тым огни, Быхов. (Ром., III, 310).

Род. мн.: укр.— прїятель мало.

Дат. мн.: укр. диал.— конїм, грошїм; угрорус.— **кѡным** (Верхр I); лемк.— коньїм (Верхр.).

Вин. мн.: укр.— краї, конї, ножї, мечї.

Твор. мн.: укр. диал.— мѣчи (Огоновский).

Замечанія об отдельных падежах.

Вместо окончания -ю в именах собственных на -и находим в звательном падеже¹ уже в древних памятниках -е; Матѣѣ апостоле, Стих. 1157, 172 в; Закъхеѣ, Гал. ев. 1144, 163 а; Герьгие, Минея XI в., № 221, 50 в, 52 а; Ианоуарие, ib., 73 а; Николаѣ, рукопись XII в. (Срезневский, Св. и зам. № XXXII, 25), Исаиѣ, Гр. ок. 1130. Вероятно, это грецизмы. Ср. в Зогр. и Мар. ев.— *злѣхѣе* (греч. *Заχχαϊε*), в Супр.— *Арниѣ*, *Варлхишѣ*, в Ассем. ев.— *Зухарис*, в Клоц. сборн.— *Юдѣе*. Отмечу форму *Гевргши*, Ипат., 179 а.

В твор. ед. в образце выставлена форма *країть*; доказать из древнерусских оригинальных памятников подобную форму (ср. еще предполагаемое ею: *гаїть*, *гоїть*, *струїть*, *зъюдѣїть*) я не могу. Ср. в церковнославянских памятниках русской редакции: *оукроїмь*, Усп. Минея XII в., № 175 (18), 232 а (при *оукроѣмь*, ib., 231 в); *гноїмь*, *елеїмь*, *оукроїмь*, Мстисл. ев. XII в. (Карский). Предполагаю, что *їь* в сильной позиции давало *ї* на основании, например, формы род. мн. *јаїс* из *јаїс'ь* (= *јаїсь*). Вероятно, что *ї* в *країть* еще в общерусском праязыке вытеснялось формой *країть* под влиянием *шизьшь*, *коп'ьшь* и т. п., ср. отсюда великорус. *краем*, укр. *краєм*. Уже в Жит. Феод.— *Февдосїемь* (церк.); ср. *Олексѣемь*, *Юрьемь*, Новг. гр. 1373, № 17.

Формы им. ед., как *Василиѣ*, *Лет. Авр.*; *Василие*, *Еугение*, *Фотїѣ*, *Николаѣ*, *Палея* 1477 (Каринский); *Гевргее*, *Далматїѣ*, *Артемїѣ*, *їтъи Николаѣ*, *Арие*, *Чуд. сп.* 1270, № 68 (Каринский),— следует, вероятно, признавать за формы зв. ед. (см. об этих формах выше); ср. сказанное выше о таких формах, как *Петре*, *Павле*. Из подобных форм -е переносилось и в имя, совсем обрусевшее, *Юрий*: кнѧ Юрьѣ Володимерови, *Дог.* 1371, № 31.

Некоторые из имен на *иш* (т. е. др.-русск. -*ѣи* могли получать в им. ед. окончание -*ѣи* (с слабым *ѣ* и *и* полного образования), откуда дальше *їи* (после выпадения глухого). Так объяс-

¹ В рукописи отсутствует. (Ред.)

няется, например, форма Jug'бі вместо Jug'бі. Ср. написание *Юрьи* в Ипат., 110 а, Лавр. 445, Новор. сп. Новг. 4-й, 241 а (там же *Юрьи*, 235 б, 239 б), Дв. гр. XV в., № 8, 15, 105, Новг. гр. 1314, № 12. Также *Григорьи* — им. ед., Дв. гр. XV в. № 5, 27, 69 и др.; *Васильи*, Дв. гр., № 5, 25, 97, 104; *Олуфтьри*, № 1, *Власьи*, № 36, *Дементьи*, № 36, *Левонтьи*, № 5, *Игнатьи*, № 25. Возможны следующие еще написания: *Юрьи*, *Юрги*, *Горги* попъ, Прол. 1383 (Оч. Собол., 127), *Гюрги*, Лавр., 311. Объяснение этих форм предложено ниже в разделе, посвященном склонению женских основ на *-ja*, *-ja*. Сообразно с этим объяснением, формы, как *Гюрга* — род. ед. — Новг. гр. до 1305, № 9, за *Гюргемь*, Новг. гр. 1270, № 3, также *Акака* — род. ед., Ев. 1092, 61 в, и т. п., должны быть признаны новообразованиями.

В старославянском языке имена на *-си* и *-ъи*, заимствованные из греческого, образуют весьма охотно падежи не от основы на *і* (*ј*), а прямо от основы на *-е*, *-ъ*, присоединяя к ней окончания основ на *-ѣ*: *мосяѣ*, *нюдъомъ*, *неревѣи* вместо *мосяи*, *нюдъемь*, *неревѣи*; ср. в памятниках русской редакции: *неревѣи*, Усп. Минейя XII в. 1432; *нюдъомъ*, Микул. ев., 177 б; *лентиомъ*, Ев. 1092, 93 в; также — *моисѣви*, Ипат., 37 б. Но русскому языку такие образования были, конечно, чужды.

II. ОСНОВЫ НА *Ѣ* СРЕДНЕГО РОДА

Здесь различаются так же, как в основах мужеского рода, основы, оканчивавшиеся в общерусском праязыке на твердую согласную, и основы, оканчивавшиеся на мягкую согласную. Отдельно рассмотрю основы на *-іѣ* и *-јѣ* вследствие различия в некоторых окончаниях, вызванного фонетическими причинами. Падежные окончания в склонении тех и других основ были различны в зависимости от влияния, оказанного мягкой согласной на гласные падежных окончаний.

1. Основы на твердую согласную

Ед. И. В. З.	l'ѣto	(лѣто)	s'ѣlò	(село)
Р.	l'ѣta	(лѣта)	s'ѣlà	(села)
Д.	l'ѣtu	(лѣтоу)	s'ѣlù	(селѣу)
Тв.	l'ѣtъm'ь	(лѣтъмь)	s'ѣl'ъm'ь	(селѣтъмь)
М.	l'ѣt'ѣ	(лѣтѣ)	s'el'ѣ	(селѣ)

Дв. И. В. З.	l'ǫt'ǫ	(лѣтѣ)	s'el'ǫ	(селѣ)
Р. М.	l'ǫtù	(лѣтоу)	s'ǫlù	(селоу)
Дв. Т.	l'ǫtoma	(лѣтома)	s'ǫloma	(селома)
Мн. И. В. З.	l'ǫta	(лѣта)	s'ǫla	(села)
Р.	l'ǫtǫ	(лѣтѣ)	s'ǫlǫ	(сель)
Д.	l'ǫtomǫ	(лѣтомѣ)	s'ǫlomǫ	(селомѣ)
Т.	l'ǫty	(лѣты)	s'ǫty	(селы)
М.	l'ǫt'ǫxǫ	(лѣтѣхѣ)	s'el'ǫxǫ	(селѣхѣ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке те же формы, что в общерусском языке, но в творительном единственного окончание -омѣ: лѣтомѣ, селомѣ; формы на -ѣмѣ в Супр.— брашѣмѣ, божьствѣмѣ, господьствѣмѣ, оубожьствѣмѣ. В др.-сербск.— брьдѣ, мѣстѣ, мѣстие, мести, јутри; чакавск.— mīstī; в творительном единственного: пером, вретеном, с -ом, а не -ам, в родительном множественного: чакавск.— sel, gal, let, древн.— лиеть, мисть, лјет; в дательном множественного: чакавск.— galon, древн.— дѣломѣ, селомѣ; в творительном множественного: чакавск.— galī, sedlī; древн.— оусти, дѣли; в местном множественном: чакавск.— galih, sedlih, kolih; древн.— селихѣ, чедихѣ, вратехѣ, писмѣхѣ. В польском: творительный единственного — jeziorom, drzewom с -em из -ѣмѣ; дательный множественного — jeziorom, drzewom; творительный множественного древн.— miasty, ustu, pismy, drwy; местный множественного древн.— we wlociech, w pismiech, na skrzydlech; именительный-винительный двойственного древн.— dwie drzewie, dwie lecie; родительный-местный — dwi latu, na kolanu; дательный-творительный — dwiema latoma, czołoma.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. вин. зват. ед.: стадо, мѣсто (им.), желѣзо, зрно, пышено, село (вин.), Жит. Феод.

Род. ед.: вина, тенета, золота, Жит. Феод.; стогъ сѣна, Дв. гр. XV в., № 23; болота, ib.

Дат. ед.: маслоу, сочивоу, Жит. Феод.; по болоту, Дв. гр. XV в., № 27.

Твор. ед.: дѣльмѣ, масльмѣ, винѣмѣ, мнужьствѣмѣ, Жит. Феод.; дѣльмѣ, Мстисл. ев. (Карский); пивомѣ, Дв. гр. XV в., № 15.

Местн. ед.: лѣтѣ, селѣ, мѣстѣ, стадѣ, Жит. Феод.; на лѣвемѣ

килрѣ, Ипат., 56 в; сътѣ, Дух. Климента XIII в. (сотня); лѣтѣ, Новг. гр. до 1305, № 9; в серебрѣ, Новг. гр. 1471, № 20.

Им.-вин.-зват. дв.: колѣнѣ (вин.), Жит. Феод.; двѣнадцате лѣтѣ, Жит. Феод.; по двѣ лоукнѣ, Ипат., 306 б; крилѣ свои, Колом. Пал. 85; в селѣ, Дух. 1328, № 22; двѣ селѣ, Молд. гр. 1412; за две лете, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); двѣ лѣтѣ, Виленск. сп. Лит. лет.; колѣнѣ ми изнемагають, Лет. Авр.; воробѣи сидитъ на тынѣ надѣется на крылѣ, Послов. XVII в. (Симони, 90).

Род.-местн. дв.: колѣноу (местн.), Жит. Феод.; подо бедру ему, Ипат., 71 г; оу ковану сѣдлу, ib., 180 в; до дву лѣту, ib., 40 а; на колѣноу, ib., 271 б; на мѣсту, Лавр., 276.

Им.-вин.-зват. мн.: чада (им.), села, дрѣва (вин.), Жит. Феод.; села (вин. и им. мн.), Новг. гр. 1314, № 12; сѣна (вин.), Новг. 1-я, 212; вси лѣта, Ипат., 77 в; наши крестьянишка, Гр. 1539 (Барсов, Палеостр., 126).

Род. мн.: селѣ, лѣтѣ, Жит. Феод.; селѣ, Новг. гр. 1314, № 12; лѣтѣ, Ипат., 200 а.

Дат. мн.: дрѣвомѣ, оустомѣ, воротомѣ, колѣномѣ, Жит. Феод.; по селомѣ, Новг. гр. 1265, № 1; по малымѣ шзеркомѣ, Дв. гр. XV в., № 72.

Твор. мн.: оусты, дѣлы, Жит. Феод.; селы, Новг. рядн. XV в.; озеры, Гр. 1474—1778 (А. Калач., I, № 163), Гр. 1459—1470 (А. А. Э, I, № 62); с селы, Дух. 1356, № 21; с озѣры, Дв. гр. XV в., № 122; лечити многы лѣкарствы, Виленск. сп. Западнорус. лет.; с войскы, ib.; под лѣты розства Христова, Молд. гр. 1400, № 13; иными стады, Дух. 1328, № 21; шдиными вороты, Ипат., 12 в.; съ шчки, Домостр. Конш., 41; перед вороты, ib., 59; ушми кушай усты слушай, Послов. XVII в. (Симони, 145).

Местн. мн.: оустѣхѣ, селѣхѣ, дѣлѣхѣ, ребрѣхѣ, Жит. Феод.; селех, Гр. 1425—1428 (А. Калач., I, № 55), 1462—1478 (ib., № 38); на селѣхѣ, Новг. гр. до 1305, № 11; дѣлѣ^х, Новг. гр. 1471, № 20; оу тро^х лете^х, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); на воротехѣ, Ипат., 77 в; на всѣхѣ дѣлехѣ его, Послов. XVII в. (Симони, 158).

Примеры из современного языка.

Им. дв.: белорус. — дзье сяле, Слуцк. (Отв. № 12), Минск. (Отв. № 23), Речицк. (Отв. № 17), Пинск. (Отв. № 1); по колени, Рогач. (Ром., III, 161); укр. — дві дереві, дві відрі, дві

яблуці; русск. — шуль¹, Дон. (Калмыков); сюда же относятся: колени, также двести (вместо колънъ, двѣсть).

Местн. ед.: укр. — в оці, угрорус. — льіты (как наречие *летом*, Верхр., I); великорус. — утресь (как наречие), Орл.-Вят. (Отв. № 63); утре, Соликам. (Луканин, Обл. сл., 137), Котельн. (Отв. № 46).

Им.-вин. мн.: великорус. — на коленка, Мосал. (Шахм.); ребя-тишка, Петроз. (Шахм.); заецѣи ушкѣ, Пудож. (Шахм.).

Твор. мн.: угрорус. — пуд ворóты (Верхр., I); лемк. — дривы, вороты (Огоновский).

Местн. мн.: белорус. — у лецех, на коленех, Речицк. (Отв. № 17); у варóцих, Могил. (Рамзевич, Отв. № 4); вороцех, ў ле-цех, Пинск. (Отв. № 1); укр. — літіх, воротіх; бойк. — сѣлых, во-рóтых (Огоновский); угрорус. — по правіх, у селых (Верхр., I).

Замечания по поводу некоторых форм.

Слово *яблѣко* существовало рядом с *яблѣкъ*, ср. соврем. *большой яблоч*, Устюжн. (Отв. № 28); *этот яблоч*, Котельн. (Отв. № 35). Великолук. (Отв. № 45), Кологр. (Отв. № 61). Слова *дрѣва*, *ворóта* или *воротѣ*, *устѣ* употребляются только во множественном. Великорус. диалект. в *лисах*, *вмистях*, у *летях* явились след-ствием комбинации произношения *лесах* и *лесех*, *местах* и *ме-стех* (об этих формах скажем поэтому ниже).

2. Основы на мягкую согласную

В этих основах совпали: 1) основы на древнее *-jǫ* (*iǫ*), перед которым смягчались согласные; 2) основы на древнее *-ko* в положении после гласных переднего ряда (*k* в таком положении пере-шло в *c'* в общеславянском праязыке и повело за собой измене-ние следовавших за ним гласных).

Ед. И. В. З.	рòl'ò	(полѣ, поле)	l'ic'ò	(лице)
Р.	рòl'a	(поля)	l'ic'à	(лица)
Д.	рòl'ù	(полю)	l'ic'ù	(лицю)
Т.	рòl'ьт'ь	(польмь)	l'ic'ьт'ь	(лицьмь)
М.	рòl'i	(поли)	l'ic'i	(лици)
Дв. И. В. З.	роl'i	(поли)	l'ic'i	(лици)
Р. М.	роl'ù	(полю)	l'ic'ù	(лицю)
Д. Т.	рòl'òта	(полюма, полема)	l'ic'òта	(лицема)

¹ Шуло (диалект.) — заборный столб. (Ред.)

Мн. И. В. З.	rol'á	(поля)	l'ic'a	(лица)
Р.	ròl'ь	(поль)	l'ic'ь	(лиць)
Д.	rol'òтѣ	(полюмъ, полемъ)	l'ic'òтѣ	(лицемъ)
Т.	rol'i	(поли)	l'ic'i	(лици)
М.	rol'ixъ	(полихъ)	l'ic'ixъ	(лицихъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке отметим творительный единственного *полюмъ*, *лицемъ* вместо *польмъ*, *лицьмъ* древнерусских памятников, однако *сръмъ* в Слуцк. пс. В сербск. твор. ед.—*пољем*, что указывает на *-емъ*, а не *-ьмъ*; твор. мн.: *чакавск.*—*poli*, *древн.*—*лици*, *годишти*; *местн. мн.*: *древн.*—*срцих*, *чакавск.*—*pluc'ih*; *род. мн.*: *древн.*—*годишт*, *срцац*; *чакавск.*—*plec'*, *srdašc*, *pluc'*. В польском твор. ед.—*połem*, *местн. ед.*—*древн. w siercy*, *w slyp'sy*, *род. мн.*—*ról*, *mórz*, *твор. мн. древн.*—*sercy*, *jajcy*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им.-вин.-зват.: *лице*, *слнце*, *лоукъньце* (*вин.*), *жилице* (*им.*), *Жит. Феод.*; *вда плече*, *Новг. 1-я, 170*; *гумнищо* (*вин.*), *Дв. гр. XV в., № 12*.

Род.: *моря*, *лица*, *слнца*, *Жит. Феод.*

Дат.: *полю*, *слнцю*, *Жит. Феод.*

Твор.: *лицьмъ*, *срдцьмъ*, *Жит. Феод.*; *за моромъ*, *Дв. гр. XV в., № 15*; *подъ... дворищемъ*, *ib., № 24*.

Местн.: *поли*, *ложи*, *становици*, *Жит. Феод.*; *на томъ победиши*, *Новг. 1-я, 172*; *дворищи*, *Гр. 1535* (*Бел., № 8*); *на городищи*, *Новг. гр. 1471, № 20*; *в опцемъ поли*, *Дв. гр. XV в., № 3*.

Им.-вин.-зват. дв.: *вда плещи*, *Новг. 1-я, 170*; *в слнци*, *Ипат., 96 в*; *двѣ дворищи*, *Гр. Перемышл. 1391 г. (Соб., № 26)*¹.

Род.-местн. дв.: *тяжно ти головы кромѣ плечю*, *Сл. о п. Иг., 44*.

Им.-вин.-зват. мн.: *срьдьца*, *копытъца* (*вин.*), *Жит. Феод.*; *три слнца*, *Ипат., 144 в*; *логовища*, *Вкладн. Варл. до 1207*; *за плеча*, *Ипат., 75 а*; *за малыи селца*, *Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15)*; *три поля*, *Дв. гр. XV в., № 1*; *рѣпища*, *ловища*, *ib.*; *местца*, *Западнорус. сб., № 391* (*Карский*).

Род.: *ложь*, *попърищъ*, *Жит. Феод.*; *межи поль*, *Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15)*; *поль*, *Гр. 1576* (*А. Ю., № 178*); *семь поль*, *Дв. гр. XV в., № 28*; *что сельць тагнуоло*, *Новг. гр. до 1308, № 6*.

¹ В рукописи *двѣ дворищи* и впереди неясное „ад.“; печатается по изданию В. Розова „Южнорусские грамоты“, Киев, 1917, стр. 45. (*Ред.*)

Дат. копытьцемъ, Жит. Феод.

Твор.: с колци, Дух. 1356, № 25; з бобровыми ловищи, Дв. гр. XV в., № 33; с поли, Луцк. гр. 1445; с перевѣсищи, Переясл. гр. после 1356; с ящи, Послов. XVII в. (Симони, 158).

Местн.: лицихъ, Поуч. Влад. Мон.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: полё, Слобод. (Отв. № 48).

Род. мн.: великорус.—полотёнец, блюдоц, Устюжн. (Отв. № 28); поль, Котельн. (отв. № 35), Орл.-Вят. (Отв. № 37), Нолин. (Отв. № 51), Петроз. (Шахм.); между наших поль, Мосал. (Шахм.); снег сошел с поль, Великолуцк. (Отв. № 202); с плеч, Обоян. (Резанов); морь, поль, Тотем. (Отв. № 192); укр.—пліч; западно-укр.—піль.

Твор. ед.: укр.—лицём.

Дат. мн.: великорус.—по сярцём, Жиздр. (А. Никольск., в песне).

Местн. ед.: белорус.—на крылцы, Рогач. (Ром., III, 228); укр. галицк.—лици, поли, сонци; угрорус.—на яйці (Верхр., I).

Им. дв.: великорус.—плечи; укр.угрорус.—плечи (Верхр., I).

Замечания об отдельных падежах.

Форма тв. дв. *плечима*, Ипат., 304 а, 217 б, Западнорус. пс. XVI—XVII в. (Карский, 206),—ср. современ. укр. твор. мн. *плечима*, белорус. *плячыма*, Мозыр. (Отв. № 10), Слуцк. (Отв. № 12),—явилась, вероятно, под влиянием *очима*, *ушима* или ближе под влиянием формы им.-вин. *плечи*. Отмечу, что рядом со словом *детище* существовало слово *детищъ*; ср. в *детища*, Ипат. 61 г; смешение обоих слов приводило к такому согласованию, как *дѣтищъ повито*, Пантел. ев., 113 б.

3. Основы на *-i (j)*

Здесь различаются два образца: в первом окончание основы *i (j)* стоит после гласной полного образования (*oie*), во втором—после гласной *ѣ* (напряженного *ь*) (*корѣе*). Быть может, следует допустить в первом случае звук *i*, а во втором *j*. Оба образца различались там, где за *i—j* следовало *e*; *e* после *i* сохраняло свой звук в общерусском праязыке, а после *j* переходило в *ѣ* в открытом конечном слоге, в *o* перед твердой согласной. Кроме того, в творительном единственного в первом образце

было, по-видимому, окончание *-itъ* (из *-iьtъ*), а во втором *-jьtъ*. Впрочем, еще в общерусском праязыке могло наступить неизбежное влияние одного образца на другой: ср. *-jьtъ* в *оjьtъ* (откуда далее — *оjеть*). Возможно, что второй образец сохранял еще и общеславянскую форму на *-ъjеть* в творительном единственного и передавал ее в первый образец.

Ед. И. В. З.	оjѣ	кор'ѣjа̇	(копiе)
Р.	оjа̇	кор'ѣjа̇	(копiи)
Д.	оjѹ	кор'ѣjѹ	(копiю)
Т.	оjт'ь	кор'ѣjѣт'ь	(копiемь)
М.	оjѣ	кор'ѣjѣ	(копiи)
Дв. И. В. З.	оjѣ	кор'ѣjѣ	(копiи)
Р. М.	оjѹ	кор'ѣjѹ	(копiю)
Д. Т.	оjѣта	кор'ѣjѣта	(копiема)
Мн. И. В. З.	оjа	кòр'ѣjа	(копiи)
Р.	оjѣ	кòр'ѣjѣ	(копiи)
Д.	оjеть	кòр'ѣjѣтъ	(копiемь)
Т.	оjѣ	кòр'ѣjѣ	(копiи)
М.	оjѣхъ	кòр'ѣjѣхъ	(копiихъ)

Сопоставление с другими славянскими языками

В старославянском языке те же формы, но, конечно, с отличным произношением; в творительном падеже обычным окончанием является *-юмь*, но известно и *-нмь*, а именно в словах на *нѣ*: Супр.—*оуученнмь*, *каменнмь*, *лесканинмь* (и так всего 140 раз); Клоц. сборн.—*псаннмь*, *хотѣннмь*, а также со стяжением—*внѣцанинмь*, *испытанинмь*; Хиланд. листки—*спѣсннмь*, *оустроенинмь*; Слуцк. пс.—*униенинмь*¹. По-видимому, *оуученнмь* заменило *оуучениюмь* под влиянием аналогии (ср. *вранмь*, *оуфонмь*); сопоставьте с этим в той же Супрасльской рукописи дат. мн.—*мносеръднѣмь*, *сѣгрѣшеннмь*, *внѣннмь* вместо *сѣгрѣшеннѣмь*; в Слуцк. пс.—*опрѣвданнмь*, Клоц. сборн.—*похотнѣмь*. В сербском языке отметим в именительном-винительном единственного: *оjе*, *jаjе*; древн. творительный единственного: *повелинѣмь*—представляет стяжение *ije* в одно *i*; ср. такое же стяжение в именительном единственного: *безакони*, *хтѣни*, *ули*, *окушени*; современ. чакавск.—*zāgōrī*, *zelī*, *grozdōvī*; в родительном множественного древн.: *повелѣнеи*, а также *копaj*, *зелаj* непо-

¹ Далее в рукописи. Савв. кн. *мвѣннмь*; по изданию В. Н. Щепкина, этой формы в Саввиной книге не встречается. (Ред.)

средственно из *копѣ* с ненапряженным *ѣ*, заимствованным из таких случаев, как *сръдць*, *тъль*; что до форм как *деанѣ*, *одлученѣ*, *чиѣнѣ*, то, по-видимому, *ѣ* заменило фонетически *ѣѣ* из *ѣѣѣ*; в дательном множественного древн.: *оучениѣмъ*, *дилованѣмъ*; в творительном множественного: *безакони*, *засельи*, *зелѣи*, *копѣи*; в местном множественного: *писаѣихъ*, *зламенѣихъ*, *тугованѣихъ*. В польск. древн. рядом с творительным единственного 'на *-em* (*lubowaniem*) является *-im*: *korijim*, *korim*, *węglim*, *zielim*, *weselim*, *kazanim*; возможно, что *-im* восходит к *-imь* из *-iьmь*; в местном единственного: *w weseli*, *we zdrowi*, *w trzymani*; в родительном множественного: *staj*, *rokoleni*, *stajeni*; в местном множественного: *w rokolenich*; в именительном двойственного: *dwie rokoleni*, в родительном двойственного: *dwu rokoleniu*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им.-вин.-зват. ед.: *житиѣ*, *имѣниѣ*, *пѣниѣ*, *повелѣниѣ*, *търпѣниѣ*, Жит. Феод.; *акы сноповѣе*, Ипат., 284 в., 294 б; *оузорочьѣ*, *ib.*, 12 г; *троупиѣ*, Новг. 1-я 162; *полюдиѣ*, Гр. ок. 1130; *кнажениѣ*, *ib.*; *нелюбьѣ*, Новг. гр. 1314, № 12; *все могыльѣ*, Лет. Авр. (Карский); *на тоѣ сосновѣе*, Гр. 1493—1494 (А. Ю. З. Р., I, № 233); ^в*дереѣ*, *оугольѣ*, *лозьѣ*, *гольѣ*, Западнорус. пс. XVI—XVII в. (Карский).

Род. ед.: *пѣниѣ*, *печениѣ*, Жит. Феод.; *пирениѣ*, Новг. 1-я 178; *до новоторского взатьѣ*, Новг. гр. 1373, № 17; *ѣ оустѣ* и *до верховѣ*, Дв. гр. XV в., № 33.

Дат. ед.: *повелѣниѣ*, *полоудьниѣ*, Жит. Феод.; *по троупьѣ*, Ипат., 284 в; *по деревьѣ*, Лавр., 457; *по кольѣ*, Гр. 1428—1434 (XVI) (А. Ю., № 232); *по кустовьѣ*, Дв. гр. XV в., № 17; *хлѣба к завтраѣ* *оставливай* *а не дѣла*, Послов. XVII в. (Симони, 151).

Твор. ед.: *житиѣмъ*, *повелѣниѣмъ*, Жит. Феод.; *пособиѣмъ*, Ипат., 141 г; *повелѣнѣмъ*, 97 в; *заступлениѣмъ*, 158 б.

Местн. ед.; *житиѣ*, *прогънаниѣ*, *въ згражениѣ*, Жит. Феод.; *въ трупѣ*, Ипат., 50 в; *оустѣ*, Гр. 1527 (Бел., № 5); *црѣствѣ*, Ипат., 199 с, 213 в; *кнажениѣ*, Гр. ок. 1130; *перемирьѣ*, *докончанѣ*, Дог. 1371, № 31; *во очищенѣ*, Дв. гр. XV в., № 93; *в том орудѣ*, Дв. гр. XV в., № 86.

Дат.-твор. дв.: *двѣма копиѣма*, Ипат., 142; *двѣма копѣма*, Лавр., 308.

Им.-вин.-зват. мн.: *шьствѣмъ*, Жит. Феод.; *на самаѣ коупальѣ*, Ипат., 285 а; *оугодьѣ*, Дв. гр. XV в., № 105.

Род. мн.: имѣнии, Жит. Феод.; княженеи, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); промежи говенеи, Новорос. сп. Новг. 4-й, 632 а; помѣстеи, 1619 (Письма русск. госуд., № 25); рукодѣлеи, Домостр. Конш., 66; кромѣ говѣнии, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 50); сколько воскресенеи столко и новоселеи, Послов. XVII в. (Симони, 141).

Дат. мн.: по подворьемь, Хожд. Афан. Ник., 373 а; к тым имѣньсм, Луцк. гр. 1438.

Твор. мн.: оуказании, Жит. Феод.; треми копыи, Ипат., 225 г; с каменьи драгими, 206 а; со всими оугоды, Гр. 1507 (Бел., № 30); копии, Жит. Бор. и Гл. XII в.; своими орудии, Новг. 1-я, 173; всими оугоды, Дв. гр. XV в., № 81; дванадцати оустьи, Крас. сп. Западнорус. лет.

Местн. мн.: в евангелиих, Жит. Бор. и Гл. XII в.; въ писаниихъ, Усп. Минея XII в., 5 б; въ подвижениихъ, ib., 108 в; съгрѣшениихъ, Лет. Авр. (Карский); хоженыхъ, ib.; въ черевыхъ, Ипат., 72 б.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: укр.—життя, весілля, безземелля, щастя, зілля, волосся, збіжжа и т. д.; по аналогии их, как кажется, явилось *війя* при и вместо *війе* (дышло у воловьяго воза) вместо общерусск. **оіе*, причем *ві* вместо *во* (**воіе*). Ср. с *в* в *вічі* при *воко*; оно заимствовано из уменьшительного **війце* или из формы род. мн. **вій*. Белорус. имеет *a* только в неударяемом слогѣ: товстое кóлля, жовтое лістя, Могил. (Ром., Отв. № 3); полóззя, брúссия, колля, Быхов. (Отв. № 9). Великорус.—*лістья, кóлья, трúпья, клíнья, дeрeвья* по происхождению формы именительного-винительного единственного, но получили, именно в силу своего окончания, значение именительного-винительного множественного¹.

Замечания об отдельных падежах.

В формах местного единственного, творительного множественного и местного множественного, а также и в именительном-винительном двойственного находим сочетание *ьji*; возможно, что такое сочетание фонетически стягивалось в древнерусском языке, восстанавливаясь, однако, по аналогии других падежных форм. Ср. стяженные формы в местном единственного: наказани, Жит. Феод.; стриже-

¹ В рукописи по опiske вместо „множественного“ стоит „единственного“.
(Ред.)

ни, *ib.*; в алкани, Усп. Минея XII в., 108 в; в пакыбыти, Арханг. ев. 1092, 26 а; по боивлени, Пантел. ев., 118 а. Быть может, так же явилась форма *на завтра* (вместо ожидаемого *на завтраш*) и уже из этой формы следует объяснять *на завтра* (вместо ожидаемого *на завтрая*), *завтра*. В местном множественного стяженные формы находим, например, в *дѣвнѣхъ, искоушенихъ*, Жит. Феод.

Неясно, можно ли признать русскими формы на *-ими* в творительном множественного вместо *-и*, например: оруужиими, Минея 1096, 43 а; мѣнѣими, 48 а (со стяжением двух *и*); повелѣнѣими, Сборн. 1073, 27 а; прѣбываниими, Поуч. Konst. Болг. XIII в., 45 д; знамениими, 51 а; врачеваниими, прѣщениими, XIII Сл. Гр. Бог. (Будилович). Ср. такие же формы в старославянских памятниках: оучениими, цѣсарьствениими, Супр., орѣжьниими, Зогр. ев. Эти формы явились или под влиянием основ на *-ї* (как *kostьmi, gostьmi*), или, что вероятнее, под влиянием склонения прилагательных. Отмечу чуждые русскому языку формы, как старославянские *дрѣвкольми*, Зогр. ев., Клоц. сборн., Ассем. ев.

В творительном единственного вместо окончания *-jetь* являлось *-jьть* и далее по аналогии *-їьть*, откуда *-it'ь*; ср. формы на *-bit'ь* (пишется *имь*), например, в Остр. ев.: каменѣимь, 78 д; помѣшлѣнѣимь, 102 д; обѣдениимь, 120 в; в Мстисл. ев.: жада-ниимь (Карский); в Поуч. Konst. Болг. XIII в.: хотѣнѣимь, 7 а; тыщаниимь, 19 д; крещениимь, 14 д, и др.; в Западнорус. сб. XV в., № 391: пере^д *вблѣчи*^м (Карский). Отмечу еще стяженную форму — *послоушаниимь* — в Жит. Феод., *вдѣнѣимь* — Домостр. Конш., 16.

В родительном множественного переход *éi* из *bi* в *ei* (ср. приведенные выше формы *княженеи, говѣнеи*) произошел уже на великорусской почве.

III. ОСНОВЫ НА *-ā* ЖЕНСКОГО РОДА

Рассмотрю отдельно склонение основ на *-ā* с предшествующею твердою согласною, склонение основ на *-ā* с предшествующею мягкою согласною и склонение основ на *-ā* с предшествующим *i* (*j*). Отмечу теперь же, что многие из основ на *-ā* под влиянием своего значения перешли в мужеский род (названия лиц мужеского пола). Склонение основ мужеского рода с основой на *-ā* не отличается от склонения женских слов.

1. Основы на -ā с предшествующею твердою согласною

Ед. И.	žòpà	(жена)	rukà	(роука)
З.	žòpo	(жено)	rukò	(роуко)
Р.	žòpŷ	(жены)	rukŷ	(роукуы)
Д.	žen'ǣ	(женѣ)	ruc'ǣ	(роуцѣ)
В.	žòpù	(женоу)	rukù	(роукоу)
Т.	žòpòju	(женою)	rukòju	(роукою)
М.	žen'ǣ	(женѣ)	ruc'ǣ	(роуцѣ)
Дв. И. В. З.	žen'ǣ	(женѣ)	ruc'ǣ	(роуцѣ)
Р. М.	žòpù	(женоу)	rukù	(роукоу)
Дв. Т.	žòpàma	(женама)	rukàma	(роукама)
Мн. И. З.	žòpy	(жены)	rukŷ	(роукуы)
Р.	žòpъ	(женъ)	rukъ	(роукъ)
Д.	žòpàtъ	(женамъ)	rukàtъ	(роукамъ)
В.	žòpy	(жены)	rukŷ	(роукуы)
Т.	žòpàt'i	(женами)	rukàt'i	(роуками)
М.	žòpàхъ	(женахъ)	rukàхъ	(роукахъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке находим те же формы, оставляя в стороне отличия в их произношении; но рядом с формами на -ǫm в творительном единственного там известны формы на -mъ (женъ, рукъ), чуждые русскому языку. В сербском языке: звательный единственного — rŷko, slŷgo, ženò; дательный единственного — глави, жени, с конечным *i* из *ъ*; то же в местном единственного; формы, как *женама*, *рукама*, употребляются в значении дательного множественного; древн.: именительный-винительный двойственного — две ноzi, рѣци, wбие странѣ, по wби страни, двие книзи; родительный-местный двойственного — мою оустноу, ногоу, на ногоу свою; в современном языке известны формы *slŷgŷ*, *rukŷ* в значении родительного множественного; дательный-местный двойственного — странама, рукама; в родительном множественного древн. — слѣгъ, воеводъ, жен, књиг; чакавск.современ. — *krav*, *rib*, *mac'eh*, *gor*; в дательном множественного чакавск. современ. — *goràp*, *ženàp*, из *gogap*, *ženap*; древн. — джевојкам, звиздам; в творительном множественного чакавск. совр. — *ženapì*, *gogapì*; древн. — руками, водами; в местном множественного чакавск. современ. — *gogah*, *vodah*; древн. — дубравах, бесједах, молитвах. В польск. языке: звательный единственного — *głowo*, *matko*; дательный множественного древн. — *drogam*, *podam*, *gąkam*; осталь-

ные формы и в современном языке соответствуют русским; впрочем, в творительном единственного является исключительно *-a* (*voda, rēka*), причем это *-a*, как кажется, восходит не к общеславянскому окончанию *o* (ср. старослав. ѡ), а к общеславянскому *oiŕ*. Это доказывает долгота носового звука (древнепольская долгая носовая перешла в современное *a*, а краткая — в *e*); именительный-винительный двойственного древн.—*rōse, dwie dziewse, obie stronie*; родительный-местный двойственного — *rōku, swuch rēku, dwu dziewku*; дательный-творительный двойственного древн.—*žonama, rōkama, obiema niewiastama*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: вода, жена, свита, Жит. Феод.

Зват. ед.: жено, Жит. Феод.; дружино, Ипат., 95 б; господо, Гр. 1459—1470 (А. А. д., I, № 62); премилаш матко, Мариа матоухно милостиваш, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский).

Род. ед.: воды, котеры, роуки, Жит. Феод.; ни холопа, ни робы... не соудити, Новг. гр. до 1305, № 9; без шбиды, Новг. гр. до 1308, № 7; тое зимы, Дв. гр. XV в., № 15; з горы, № 23; з березы, № 27.

Дат. ед.: водѣ, горѣ, зимѣ, Жит. Феод.; сносѣ, Ипат., 148 б; к матцѣ, ib., 262 г; а холопоу и робѣ, Новг. гр. до 1305, № 10; по пошлинѣ, Новг. гр. до 1308, № 7.

Вин. ед.: роукоу, водоу, гороу, Жит. Феод.; на кривую иву, Дв. гр. XV в., № 22; кобылу, ib., № 79; девку, ib., № 96; шюбу, ib., № 96; рѣку, Дв. гр. XV в., № 111.

Твор. ед.: водою, роукою, зимою, Жит. Феод.; под ивкою, Дв. гр. XV в., № 12.

Местн. ед.; моуцѣ, бесѣдѣ, пазоусѣ, хлѣвинѣ, Жит. Феод.; по исправѣ, Новг. гр. до 1305, № 11; рѣцѣ, Лавр., 442; на дѣвцѣ, Рядн. 1266; в тамзѣ, Дух. 1356, № 25; по дензе, Копия, с дог. 1381, № 32; на Волзѣ, Новг. гр. 1314, № 12; на избѣ, Дв. гр. XV в., № 19; по згадцѣ, Дог. 1362, № 27; оу Вѣкшензѣ, Уст. 1137 (Кормч. 1282).

Им.-вин.-зват. дв.: роуцѣ, нозѣ, гривнѣ (вин.), Жит. Феод.; двѣ кубарѣ, Ипат., 178; а се шѣинѣ межи нама двѣ, ib., 160 в; двѣ гривне, Уст. 1137 (Кормч. 1282); ѣ паволоцѣ, по ѣ гривнѣ, подѣ нозѣ, подѣ пазусѣ, на руцѣ, Лавр.; по ѣ коуне, Новг. гр. 1270, № 3; двѣ стене, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); жонцѣ двѣ, Виленск. сп. Лит. лет.; на пороуцѣ его дати, Гр. ок. 1240; двѣ корови (вин.), Дв. гр. XV в., № 117; сѣть мужу крѣпка свои устнѣ, Послов. XVII в. (Симони, 140).

Род.-местн. дв.: роукоу, ногоу (род.), Жит. Феод.; из роукоу, Ипат., 248 б; ѿ робу двою, ів., 36 г; своєю роукоу, Новг. 1-я; до ногу, твоею руку, Лавр.; ѿ обою сторону, Гр. 1264 (Р. Л. А); без в-ю ногатоу, Дух. Климента XIII в.; с убою сторону, Гал. гр. 1378; безо дву копу, Гал. гр. 1400.

Дат.-твор. дв.: ногама, роукама (твор.), Жит. Феод.; ногама, роукама (дат.), Жит. Феод.; роукама ѡша, Новг. 1-я, 183; грабашима роукама, отр. Парем. 1313 (Каринский); mezi двѣма колодама, Лавр.

Им.-зват. мн.: а куны у нихъ будутъ, Дв. гр. XV в., № 8.

Род. мн.: женъ, кънигъ, Жит. Феод.; бес коунъ, Новг. гр. до 1305, № 11; за ѣ вѣрсть, Новг. гр. до 1308, № 6; головъ новгородскы^х, Новг. гр. 1373, № 17; а свободъ ти и сель състоупитиса, Новг. гр. до 1308, № 6; нивъ, Вкладн. Варл. до 1207.

Дат. мн.: играмъ, Жит. Феод.; грамотамъ, Новг. гр. 1372, № 13; кунамъ, Дв. гр. XV в., № 87.

Вин. мн.: слъзы, иконы, Жит. Феод.; про коуны, Новг. гр. до 1305, № 9; а холопы и роботы... выдати, Новг. гр. до 1461, № 18; имахоу рыбы, Лет. Авр.

Твор. мн.: слъзами, Жит. Феод.; коунами, Дв. гр. XV в., № 98.

Местн. мн.: слоужьбахъ, роукахъ, кънигахъ, Жит. Феод.; в ѿ бѣлахъ, Дв. гр. XV в., № 7; в тѣхъ кунахъ, ів., № 8; въ водахъ, ів., № 9.

Примеры для слов мужеского рода. Им. ед.: Юрьи калѣка, Новг. гр. 1314, № 12; Гаврила, Дв. XV в., № 3; Михала, ів., № 1; Михаила, ів., № 35; Тимошка, ів., № 5; стѣи Никола, ів., № 14, Кузма, ів., № 15; Ёрмола, ів., № 27; Карпа попъ, ів., № 94; Климата, ів., № 35; вин. ед.: Михайлоу Фефилатова, Лет. Авр.; старѣшиноу, влѣкоу, Жит. Феод.; твор. ед.: съ влѣкою, Новг. гр. 1314, № 12; с Маноулоу, Дв. гр. XV в., № 107; дат. ед.: слузѣ, Гр. 1398 (XVI) (А. А. Э., I, № 13); к кнзю к Михайлѣ, Новг. гр. 1372, № 13; старѣшинѣ, Жит. Феод.; старостѣ, Новг. гр. до 1305, № 9; местн. ед.: Савѣ, Жит. Феод.; род. ед.: Николы, владыкы, Жит. Феод.; коупцины, Новг. гр. до 1305, № 10; оу Онашькы, Дв. гр. XV в., № 33; дат. мн.: моимъ слугамъ, Новг. гр. до 1301, № 4; старѣшинамъ, Жит. Феод. Любопытно: два воѣводѣ — вин. дв.¹,

¹ Исправлено. в рукописи по описке „вин. ед“. (Ред.)

Новг. 1-я, 174. В старом церковном языке слово *слоуге* женского рода, например в Остр. ев., также: слоугамъ хвамъ и сотони-намъ, Толк. апост. 1220 (Воскресенский, 171).

Примеры из современного языка.

Зват. ед.: великорус., а именно южновеликорус. — мамо, Жиздр. (Добровольский, Арх. II Отд.); северновеликорус. — бабо, бабко, маминько, Настахо, Петроз. (Шахм.); бабушко, *ib.*; мамó, девкó, сястрó, Ванькó, мачкó, Рязанск. (Тр. диал. ком., I); нянькó, Дмитр.—Моск. (В. Чернышев); батюшкó, Егорьев. (В. Чернышев); белорус. — старшыно́, старостó, сэстро, Хомó, ба́бко, голу́бко, Мозыр. (Отв. № 10); мамо, жонко, Речицк. (Отв. № 17); укр. — го́лово, бабо, воєводо.

Дат. ед.: русск. — зíме, Кирилл. (Отв. № 167); к стéне, Красноуф. (Отв. № 154); зíме (а местн. — зимé), Нолинск. (Отв. № 51); к зíме, Кологрив. (Отв. № 61); к стéне (и к стенé), Онеж. (Отв. № 262); эти формы любопытны по ударению. Белорус. — дарóзи, дзѣўцы, Могил. (Отв. № 4); дацце, Игум. (Отв. № 8) дзеўцы, Слуцк. (Отв. № 5); к старуси, Быхов. (Ром., III, 196). Укр. — нозі, руці, мусі.

Твор. ед.: великорус. — с женою и с женой, Орл.-Вят. (Отв. № 37); зимóю, с женóю, Богородск. (В. Чернышев); залoю, Егорьев. (В. Чернышев); укр. — ногóю; белорус. — жонкаю, рыба́й, Дисн. (Отв. № 6).

Местн. ед.: великорус. — на го́лове, в стóроне, Кологрив. (Отв. № 61); южновеликорус. — на дарóзе, на назе, Грайвор. (Отв. № 279); при дарозе, Новосил. (Тр. диал. ком., I); у поли при дарози, Обоян. (Резанов); белорус. — пры речцы, на лаўцы, Пинск. (Карский, № 1); ны лаўцы, ны руцэ, ны назе, Могил. (Отв. № 4); на дорози, Рогач. (Ром., III, 176); укр. — на руці, на нозі, на мусі; адвербиально: зíмі — угрорус. (Верхр., I).

Им.-вин. дв.: белорус. — дзьве ха́це, рутцé, назé, Игум. (Отв. № 8); дзьве бядзе, Мозыр. (Отв. № 10); дзьве хаце, рутце, назе, Речиц. (Отв. № 17); укр. — дві рибі, дві зімі (реже: дві руці, дві нозі); лемк. — в руцы, нозы (Верхр.); угрорус. — рúцы, нóзы (Верхр., I); великорус. — скуле, Дон. (Калмыков), Курск. (Малыревский, Обл. сл. 88).

Дат.-твор. мн.: великорус. — рукама, ногама (когда говорится о двух руках, ногах), Петроз. (Отв. № 34); ср. вашима, чужиима рукама, Белоз. (Отв. № 166); белорус. — рукама, ныгама, Могил. (Отв. № 4); ныгама, Свенц. (Отв. № 13); ногама, Быхов. (Ром., III, 271).

Вин. мн.: белорус.— дайць каровы, Могил. (Отв. № 4), Минск. (Отв. № 18).

Замечания к отдельным падежам и формам падежей.

В старом языке, как видно из приведенных примеров, в дательном-местном единственного и именительном-винительном двойственного перед *ь* вместо *k, g, x* всегда *c', z', s'*; то же в современном украинском и белорусском. Но после *s* уже и в старом языке известны образования с этимологически сохранными *k, g, x* средненебными: ср. пасхѣ, Стих. 1157, 220 а, 256 с.

Слово *господа* в старом языке имело значение единственного числа с собирательным смыслом. Ср. вадити на гоподоу, Новг. гр. 1270, № 3; доби́ли чело́ свое́ гдѣ вели́ки кнѣзѣ, Новг. гр. 1471, № 20; и всеи́ луки Чюхъченимъской моеи́ wspоди, Дв. гр. XV в., № 117; вам гдѣ свое́ кланѣмса, Лет. Авр. Поэтому в звательном падеже: гдо́, Лет. Авр. (Карский); простите ма́ гдо́, Соф. XV в., № 1262 (Каринский); гдо́ брае́, Лет. Авр. В более позднем языке, как увидим, *господа* получило значение именительного множественного числа, поэтому: но вы́ гда́ ісправаче́ чтите, Апостол 1309—1312; и вы́ гда́ ісправливающе́ чтите, Прол. 1383 (Оч. Собол. 127).

2. Основы на *-ā* с предшествующею мягкой согласною

Относящиеся сюда основы получили мягкую согласную в результате палатализации согласной перед следующим *j* и исчезновения этого *j*: *duša* из **dux-jā*. К ним присоединились в позднейшую эпоху жизни общеславянского языка основы на *c', z', s'* перед падежными окончаниями, причем *c', z', s'* явились на месте *k, g, x* под влиянием предшествующей гласной переднего ряда.

Ед. И.	<i>duša</i>	(доуша)	<i>ov'ьc'а</i>	(овьца)
З.	<i>dušo</i>	(доуше)	<i>òv'ьc'ò</i>	(овьце)
Р.	<i>dušĕ</i>	(доушĕ)	<i>ov'ьc'ĕ</i>	(овьцĕ)
Д.	<i>duši</i>	(доуши)	<i>ov'ьc'ì</i>	(овьци)
В.	<i>dušu</i>	(доушоу)	<i>òv'ьc'ù</i>	(овьцю)
Т.	<i>dušèju</i>	(доушею)	<i>ov'ьc'èju</i>	(овьцею)
М.	<i>duši</i>	(доуши)	<i>ov'ьc'ì</i>	(овьци)

Дв. И. З. В.	dušì (доуши)	ov'ьс'ì (овьци)
Р. М.	dušù (доушоу)	ov'ьс'ù (овьцю)
Д. Т.	dušàma (доушама)	ov'ьс'àma (овьцама)
Мн. И. З.	dùšѣ (доушѣ)	òv'ьс'ѣ (овьцѣ)
Р.	dùšь (доушь)	òv'ьс'ь (овьць)
Д.	dušàмъ (доушамъ)	ov'ьс'àмъ (овьцамъ)
В.	dùšѣ (доушѣ)	òv'ьс'ѣ (овьцѣ)
Т.	dušàм'ì (доушами)	ov'ьс'àм'ì (овьцами)
М.	dušàхъ (доушахъ)	ov'ьс'àхъ (овьцахъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке в родительном единственного, именительном-винительном множественного в соответствии с русским *ль* является *ѣ* из *ль*: доуша; в творительном единственного при окончании *ѣмъ* еще окончание *ѣ*: одеждѣ, ноуждѣ, доушѣ, земьѣ, Супр. В сербском склонение относящихся сюда основ совпало со склонением основ с предшествующей твердой согласной, но в древнесербском они еще различались, например: при родительном единственного *глави, владыкы — земле, богородице*. В польском дательный единственного — *duszy, ziemi* (при *głowie, matce*), то же в местном единственного; именительный-винительный множественного — *dusze, ziemie* (при *głowy*); древнепольский звательный единственного — *dusze, gospodze, dziewice*; родительный единственного — *ziemie, wole, świece*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: воли, земли, вдовица, пѣтица, вдежа, Жит. Феод.; земля, Дв. гр. XV в., № 2; лжа, Ипат., 183.

Зват. ед.: ноуже, Жит. Феод.; свечо, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); о руская земле, Сл. о п. Иг., 10.

Род. ед.: недѣль, тьмницѣ, Жит. Феод.; землѣ, вонѣ, ключницѣ, пшеницѣ, Лавр.; отъ землѣ, от вонѣ, лоучии юсть овьцѣ, Мстисл. ев. XII в.; дѣвицѣ, Стих. XII в., № 279, 87 в; недѣль Ев. 1092, 86в, 88в; мѣчинцѣ, *ib.*, 119; землѣ, Ев. XII в. Типогр., № 1; без недѣль, Новг. 1-я, 62; до землѣ, Поуч. Konst. Болг. XIII в., 241а; тысяцѣ, Ипат., 199б; душе, Рижск. гр. ок. 1300; одежѣ, ноужѣ, земле, волю, пище, Толк. апост. 1220; недѣль, Стих. 1157, 12с, 19д; Надеже, Добрил. ев., 248с; из доброй волѣ, Молд. гр. 1393, № 8; землѣ, Дв. гр. XV в., № 28.

Дат. ед.: воли, земли, дѣши, Жит. Феод.; вдовици, *ib.*; твои княгыни, Новг. гр. 1265, № 1; по оулицы, Дв. гр. XV в., № 2;

той тони, *ib.*, № 115. Встречающееся у Ломоносова, В. Майкова, И. Дмитриева, Крылова *земли* можно признать (за В. И. Чернышевым) славянизмом.

Вин. ед.: *wдежю*, *сорочицю*, *землю*, *вечерю*, *скважню*, Жит. Феод.; за *кнагыню*, Новг. гр. 1314, № 12; *землю*, Дв. гр. XV в., № 2; *wвцю*, *ib.*, № 24; *тонию*, *ib.*, № 115; за *телицю*, *ib.*, № 28.

Твор. ед.: *надежею*, *волюю*, Жит. Феод.; за *кнагынею*, Новг. гр. до 1308, № 6; *землею*, Дв. гр. XV в., № 3; за *оулицею*, *ib.*, № 34.

Местн. ед.: *одежи*, *земли*, Жит. Феод.; *поустыни*, *ib.*; а на *души былъ*, Дв. гр. XV в., № 9; на *лужи*, *ib.*, № 19; в *тони*, *ib.*, № 28; *w торговли*, *ib.*, № 22; у Литовской *земли*, Виленск. сп. Западнорус. лет. У упомянутых выше (писателей. — *Ред.*) при дательном падеже встречается и местный единственного *земли*, которое может быть славянизмом.

Им.-вин.-зват. дв.: по *v* *векши* (вин.), Новг. 1265, № 1.

Дат.-твор. дв.: *душама* (твор.), Лавр.

Им.-зват. мн.: *каплѣ*, Стих. 1157, 160а; *птицѣ*, Ев. XIII в., № 6, 52а, 119в; *крохотѣцѣ*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 40); *оучѣцѣ*, Ркп. 1296 г., Син. 68а; *вежѣ*, *птицѣ*, *оусобицѣ*, Лавр.; *пожнѣ*, Дв. гр. XV в., № 28; *придоша птицѣ*, Мстисл. ев.; *овьцѣ*, *ib.*

Род. мн.: *овьцѣ*, *пѣтицѣ*, Жит. Феод.; *земль*, Лавр., Гр. 1391—1425 (А. Калач., I, № 31); *деревень*, Гр. 1462—1464 (XVI) (А. Калач., I, № 103); на *г* *кучѣ*, Дв. гр. XV в., № 10; *половина тонѣ*, *ib.*, № 113; *w судов* и *w пень*, Догов. гр. 1436 (№ 56); *свѣчѣ*, Вопр. Кир. (Р. И. Б., VI, 24).

Дат. мн.: *въдовицамѣ*, *зоримѣ*, Жит. Феод.; *кнѣга*, Новг. гр. 1471, № 20; *панямѣ*, Гал. гр. 1404.

Вин. мн.: *пригърѣцѣ*, *свѣщѣ*, Жит. Феод.; *лучѣ*, Ипат., 616; на *птицѣ*, Мстисл. ев.; *пожне*, Новг. гр. 1265, № 1; *бронѣ*, *вежѣ*, *дѣцѣ*, *лучѣ*, *wвцѣ*, *wдежѣ*, *лжицѣ*, *доушѣ*, Лавр.; *роукавицѣ*, Гр. 1229 (А); в *деревнѣ*, Гр. 1439 (А. Калач. I, № 31); *тонѣ*, *пожнѣ*, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); *wвьцѣ*, Стих. XII в., № 279, 7а, Ев. XIII в., № 6, 150а; *усобицѣ*, Сл. о п. Иг., 9.

Твор. мн.: *неделями*, Жит. Феод.; *промежу землями*, Дв. гр. XV в., № 2; с *твержами*, Северск. гр. 1388.

Местн. мн.: *колесницахѣ*, *одежахѣ*, Жит. Феод.; на *тихѣ земляхѣ*, Дв. гр. XV в., № 2; на *пожнахѣ*, *ib.*, № 5; в *межахѣ*, *ib.*, № 10; в *всѣхѣ тажахѣ*, Гр. ок. 1240.

Сюда же относится ряд слов мужеского рода. Им. ед.: Селюша, Дв. гр. XV в., № 5; Левуша, *ib.*; Дороша, *ib.*, № 35; невѣжа, Жит. Феод.; *Юрта*, Дв. гр. XV в., № 128; Федоръ Кравъча, Дв. гр. XV в., № 121; а истыца начнеть головою клепати, Русск. Пр. в сп. 1282 (Р. Д., I, 32); род. ед.: Павше, Новг. гр. 1270, № 3; оу Станше, Дв. гр. XV в., № 28; оу Стошѣ, Лавр.; прѣдътечѣ, Стих. XII в. № 279; оу Климушѣ, Дв. гр. XV в. № 80; дат. ед.: коуноемъчи (вместо — коуноемъци), Гр. ок. 1240; оуноши, Жит. Феод.; твор. ед.: Костюшею, Дв. гр. XV в., № 94; им. дв.: две оуноши, Ипат., 71б; им. мн.: оубици, Лавр.; вин. мн.: шны оуноше, Колом. Палея; род. мн.: вельможь, Жит. Феод.; дядь, Стогл. Казанск. изд., 35; в дадь своихъ мѣсто, Дв. гр. XV в., № 127; дадь своихъ, Киевск. гр. 1446.

Имена на *-n'a* в им. ед. имеют восходящую к общеславянскому языку форму на *-n'i*: уже пустыни силу прикрыла, Сл. о п. Иг., 19; рабъни, Жит. Феод.; княгыни, Лавр., 278, 319; княгини, Ипат., 161а, 176г и др., Гр. 1441—1442 (А. Калач., I, № 31), Дух. 1328, № 21, Виленск. сп. Лит. лет., Ермол. лет., 288 об; Мѣзыни (название местности), Дух. 1356, № 25; пани (из польск.), Перемышл. гр. 1378; им. ед. — гдрни, Домостр. Конш. 28 (*ib.*: гдрна, 28). Зват. ед. также оканчивается от этих слов на *-n'i*: княгини, Ипат., 298в. Ср. ст. слав. богыни, господыни, рабъни, княгыни, сватыни, мнлостыни и т. д. Ср. в польск. — *pani* (им. и зват.), древн. — *gospodyni, prorożkini, ksieni, bogini, przezdziadkini, jaskini, łani*, то же в зват. — *posełkini, o ksieni, pani, bogini*.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: великорус. — барыни, барычни, сударыни, Петроз. (Отв. № 30); барыни, барышни, сударыни, Орл.-Вят. (Отв. № 42); барони, сударони, барошни, Сольвыч. (Отв. № 193); складыни (складчина), Нолин. (Отв. № 51); белорус. — пани, княгини, гаспадыни, Новоалекс. (Отв. № 14).

Зват. ед.: юноше, Петров. (Шахм., в сказке); укр. — дүше, зѣмле; белорус. — молодзіцо, зарó, Пинск. (Отв. № 5).

Род. ед.: укр. — душі, свічі, бані, грижі, вежі.

Дат. и местн. ед.: великорус. — к зарі, к радні, в душі, на зямлі, в сямьі (при — к жане, на старане), Брянск. (Отв. № 259); укр. галицк. — вівці, землі.

Им. мн.: укр. — вівці.

Род. мн.: сотню вѣкош, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.).

Замечания об отдельных падежах и формах.

Слово *pol'ъza* древнерусским языком заимствовано из такого старославянского (древнеболгарского) диалекта, в котором отвердели аффрикаты *с'* и *з'*. Поэтому род. ед.—пользы, Гал. ев. 1144, 79а, 195а, Ев. 1092, 139а, Ев. 1339, 14а. Однако было известно и *pol'ъz'a*, ср. пользю, Поуч. Konst. Болг. XIII в., 160а, 60с; на пользю, Стих. XII в., № 279, 169. Ср. также форму *нльзьтѣ* — дат. при и вместо *нльзи*: нелзѣ, Гр. 1229 (Д.).

3. Основы на *-iā* и *-jā*

В этих основах видим *i* в положении между гласными полного образования, а *j* в положении между *ь* слабым и гласной; поэтому *staja*, *struja*, но *lod'ъjā*, *brat'ъja*. Звук *j* влиял на изменение следующего *e* в *ä*, а после *i* звук *e* сохранялся без изменения; это положение основываем на относящихся сюда случаях в склонении имен среднего рода.

Ед. И.	<i>staja</i>	(стаю)	<i>lod'ъjā</i>	(лодия)
З.	<i>staje</i>	(стаю)	<i>lod'ъjā</i>	(лодия)
Р.	<i>stajѣ</i>	(стаѣ)	<i>lod'ъjѣ</i>	(лодиѣ)
Д.	<i>staji</i>	(стаи)	<i>lod'ъji</i>	(лодии)
В.	<i>staju</i>	(стаю)	<i>lod'ъju</i>	(лодию)
Т.	<i>stajeju</i>	(стаюю)	<i>lod'ъjèju</i>	(лодияю)
М.	<i>staji</i>	(стаи)	<i>lod'ъji</i>	(лодии)
Дв. И. В. З.	<i>staji</i>	(стаи)	<i>lod'ъji</i>	(лодии)
Р. М.	<i>staju</i>	(стаю)	<i>lod'ъju</i>	(лодию)
Д. Т.	<i>stajama</i>	(стаиама)	<i>lod'ъjāma</i>	(лодияма)
Мн. И. З.	<i>stajѣ</i>	(стаѣ)	<i>lod'ъjѣ</i>	(лодиѣ)
Р.	<i>stai</i>	(стаи)	<i>lod'ъi</i>	(лодии)
Д.	<i>stajamъ</i>	(стаимъ)	<i>lod'ъjāmъ</i>	(лодиямъ)
В.	<i>stajѣ</i>	(стаѣ)	<i>lod'ъjѣ</i>	(лодиѣ)
Т.	<i>stajam'i</i>	(стаими)	<i>lod'ъjām'i</i>	(лодиями) ¹
М.	<i>stajaxъ</i>	(стаихъ)	<i>lod'ъjāxъ</i>	(лодияхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском те же окончания, но, конечно, *ъ* в род. ед., им.-вин. мн., например: *змна*, *ладна*. В сербском отметим род. мн.

¹ По описке в рукописи: *lod'ъjāmъ* (лодиямъ), т. е. форма дательного падежа. (Ред.)

лађӣ (а лађа̄ — другая параллельная форма — это новообразование); древн. сербск. род. мн.: ладај — новообразование вместо ладј̄ под влиянием вставного (беглого) а в мраваль, трубаль, дасак, сестар и т. д. В польск. род. мн. — ś'wini, zbroj, szyi.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: братиѡ, Жит. Феод.

Зват. ед.: братье, Ипат., 1926.

Род. ед.: братиѡ, келиѡ, Жит. Феод.; ѿ змиѡ, Ркп. 1296, 35в; Еуфимиѡ, Ев. XV в., № 1, 130а; Софью, Добрил. ев., 248с; Мръю, ib., 267в.; седмь братьѡ, Ев. XIII в., № 6, 68а; Ефимиѡ, ib., 197в; Анастасьѡ, ib., 200в, Еупраксию, Стих. 1157, 161а; Наталию, ib., 185в; Юфимиѡ, Стих. XII в., № 279, 111 в.; Юфимию, ib., 113в; Натальѡ, ib., 152а; Евдокью, Гал. ев. XIII в.; Огафью, братьѡ, Дух. Климента XIII в.; братью, ib.; оу стѣи Софию, Новг. 1-я, 8; ѿ лодью, Новг. гр. 1265, № 1; ѿ братью, стѣи мѣнцѡ Евдокиѡ, Анастасиѡ, Палагиѡ, Софиѡ, Мстисл. ев (Карский); школо шіе, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский).

Дат. ед.: братии, Жит. Феод.; братьи, Дух. Климента, XIII в., Волынск. гр. 1366.

Вин. ед.: братию, келию, Жит. Феод.; свиною, Дв. гр. XV в., № 19; подли ту же верѣтию, ib., № 18.

Твор. ед.: братию, епитимию, Жит. Феод.; нашею братию, Новг. гр. 1270, № 3; Семень Микитычь с братью, Переясл. гр. после 1356.

Местн. ед.: келии, Жит. Феод.; при нашей братии, Новг. гр. до 1305, № 10.

Род. местн. дв.: на двою харатью, Лавр., Ипат., 20г.

Им.-зват. мн.: змиѡ, Лавр.

Род. мн.: келии, Жит. Феод.; из лодей, Лавр.; из лодѣи, Новг. гр. 1373, № 17.

Дат. мн.: келиямъ, Жит. Феод.; лодѣимъ, Новг. гр. 1373, № 17.

Вин. мн.: строуѡ, Стих. XII в., № 279, 118а; змиѡ, лодѡ, Лавр.; свиною бити, Новг. гр. до 1305, № 9.

Сюда же относится ряд слов мужеского рода. Им. ед.: Захарьѡ Климентѣви, Дв. гр. XV в., № 32; Ортѣмьѡ, Дв. гр. XV в., № 80; Назарьѡ ^чВндріеви, ib., № 110; Макарьѡ ^чСеменови, ib., № 115; Григорья, Новг. гр. 1392; Григорья ^кдѡ, Псковск. 1-я лет. Погод. № 1413 (Каринский); род. ед.: ^чВнаниѡ, Пантел. ев., 109г;

Илиѣ, Ев. 1092, 169в; Захариѣ, *ib.*, 167а; Ананье, Добрил. ев., 248д; Илиѣ, *ib.*, 267в; Захарьѣ, Ев. XIII в., № 6; Еремиѣ, Усп. ^оМинейя XII в.; Илиѣ, Стих. XII в., № 279, 116а; пррѣка Илиѣ, ^опррѣка Захариѣ, Мстисл. ев. (Карский); ^остѣго Ильѣ, Лавр.; дат. ед.: Прокопии, Рижск. гр. ок. 1300; ^остѣму Ильи, Дв. гр. XV в., № 117; ^оУртемьѣ Дементьевѣ, Дв. гр. XV в., № 81; соудии твоѣмоу, Новг. гр. 1265, № 2; ^оѣздити соудьи, Новг. гр. до 1327, № 15; вин. ед.: Исаяю, Жит. Феод.; ищею, Гр. 1462—1505 (Собр. Мух., № 269); твор. ед.: с Онаньею, Дв. гр. XV в., № 77; Григорьею, Гр. 1373; местн. ед.: на Онаньи, Дв. гр. XV в., № 77; зват. ед.: Исаяю, Гр. ок. 1130; дат. мн.: твоимѣ соудиямѣ. Новг. гр. до 1305, № 9; твор. мн.: соудиями, Жит. Феод., на Ортимью, с Ортимьею, Новг. гр. 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 41).

В им. ед. (так же как от рассмотренных выше слов на *-n'a*) известно окончание *-ii* вместо *-ia*. Сюда относятся: молнии, Добрил. ев., 81а; молнии, Ев. 1339, 65б; молньѣ, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 179б; молонии, Ипат., 98г; бездушна хартиѣ, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 118а; Евѣпраксии, Ипат., 97г; также — судьи, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 202г. Трудно утверждать, чтобы эти и подобные им формы не были свойственны русскому языку; *мълнѣи*, Остр. ев., и Соболевский и Карский признают русизмом; ср. в Ипат.: молньѣ, 272б, молъньѣ, 55г, молоньѣ, 17г. В старославянском языке большая часть относящихся сюда слов мужского рода имела окончание *-ни*, ср. *сѣдѣни*, *кѣнигѣѣни*, *крѣмьѣѣни*, *вѣтѣни* (вития), *валѣни* (врач), *сѣкаѣѣни* (повар); то же окончание в словах женского рода: *ладѣни* или *алдѣни*, *мълѣни*. Ср. в др.-польск. — *sądzi*, в др.-сербск. — соудии. Думаю, что это окончание в именах мужского рода было свойственно и древнерусскому языку. Ср. отмеченные раньше (в склонении мужеских основ на смягченные согласные и *i* (*j*) перед *ѣ* формы им. ед. *Юрьѣ*, *Григорьѣ*, *Васильѣ*, *Игнатьѣ*, также *Гюрѣ*. Сопоставьте при *Григорьѣ* форму *Григорьею* или им. ед. *Григорья* (см. выше). Отмечу: *игоуменьѣ*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. В., VI, 34).

Примеры из современного языка.

Укр.: род. ед. — *шиї*, им. мн. — *змії*, зват. — *надіє*. В великорус. и белорус. слово *судья* диалектически женского рода: *мировая судья*, Новг. (Колосов); *мировая судзьдзя*, Свенц. (Отв. № 13).

Замечания об отдельных формах и падежах.

Сюда в древнем языке относился ряд слов с собирательным значением. Кроме *братии*, отмечу *кѣннжси*; ср. сѣдаху кнажѣм, Ипат., 126; вса кнажѣа Роуськаа, Новг. 1-я, 93; Полотьюскою кнажѣею, ib., 100; *зятси*, ср. затью, Дух. 1356, № 26; дат. — затьи свои, Дв. гр. XV в., № 5; ее зятьи, Новг. дог. 1456 (А. А. Э., I, № 58); от отца дѣтемъ или отъ тестя зятіи или от братіи братіи, Стогл., изд. Казанск., с. 43; *шюрии*, ср. своей шоурьи, Лет. Авр. (Карский); шюрьи своей, Увар. сп. Западнорус. лет.; и ина шурья даша ему многы дары, Пов. о Девг. (Пыпин, Очерки, 88); с шоуріею своею, Дв. гр. XV в., № 107; *дядси*, ср. с дядьею, Гр. 158 (А. Ю., № 24); *дружси*, ср. современное *дружья*, Венев. (Тр. диал. ком.), но в значении множественного числа. Как увидим ниже, эти слова в позднейшем языке получили значение множественного числа; однако диалектически единственное число сохраняется до сих пор: тая брацьця, Рогач. (Ром., III, 158). Этим объясняется, например, употребление формы *брат* в звательном падеже: ѿдаите братья мои, Дв. гр. XV в., № 11; братья и дружино, Ипат.; 162а; братья мои милая, ib., 294а (ср. там же: братья русции, 104г); братья, Лавр. 300, 310, 439. Неясна форма звательного множественного *братий* в Гр. Мстислава ок. 1130; возможно, что это окончание именительного множественного; мало вероятно, чтобы ѣ в этом памятнике можно было признать графической заменой буквы ю.

Любопытно отметить, что рассматриваемые основы на *-ъjā* уже в очень древних памятниках имеют в родительном падеже единственного вместо ожидаемого окончания *-иъ* окончание *-ии*. Объяснить это *ъji* фонетически заменой *ъ* через *i* представляется невероятным, потому что *ъ*, если бы даже при известных условиях являлась необходимостью изменить его в *i*, поддерживалось грамматической ассоциацией, например, слов, как *доушь*, *воль*. Быть может, перед нами влияние основ на *-i*, причем можно было бы допустить, что основы на *-i* (*ъ*) влияли на те основы на *-jā*, которые в именительном единственном оканчивались на *-ъji*, между тем как на основы, оканчивавшиеся в именительном единственном на *-ā*, влияние их не распространялось. То обстоятельство, что подобные формы родительного единственного встречаются в памятниках именно русской редакции, могло бы доказывать, что и в именительном единственном древнерусский язык знал окончание *-ии* (*-ъji*); сопоставьте с этим сказанное выше. Приведу примеры род.

ед. на *-ъji* (-ии) вместо *-ъjъ*: пррка Захарии, Стих. XII в., № 279, 8а; Наталии, *ib.*, 161в; Соломонии, *ib.*, 130в; Зиновии, *ib.*, 42в, 43а; Анастасии, *ib.*, 83а; Захарии, Стих. 1157, 7а; Зиновии, *ib.*, 39в; Марии, *ib.*, 156в; Соломонии, *ib.*, 164а (ср. еще там же *вгуптанъни* — род. ед., 133в, при им. ед. на *-ыни*); *стѣмъ мѣнца Фотинии*, Мстисл. ев. (Карский); *ѡже бѣ ѡ соудии обидима*, Жит. Феод.; да и *мнѣ* поможетъ *обидимѣ* соуши бес правды ѡ соудии, *ib.*, л. 61, столб. „с“ и „д“ рукописи XII в. (что здесь единственное число, видно из дальнейшего: и блаженъи иде къ соудии). Ввиду древности указанных памятников, приведенные из них формы нельзя сравнивать, например, с родительным единственного *братии* в Новг. гр. ок. 1301 или *бра(т)и свожи* в Новг. 1-2, 200; в этих последних формах *ь* заменено через *и* по другой морфологической причине, о которой скажу ниже. Не следует упускать из виду, что основы на *-i* сближались с основами, имевшими в именительном-звательном окончании *-ъji*, тем, что в звательном имели *-i*: зват. *kosti*, с одной стороны, *кѣнагъни*, *Евъпраксии* — с другой.

IV. ОСНОВЫ НА *-i* МУЖЕСКОГО РОДА

Эти основы весьма рано, может быть, частью еще в общеславянском праязыке стали смешиваться с основами на *-o*, что зависело от совпадения тех и других основ в формах именительного и винительного единственного. С другой стороны, слова с основами на *-o* могли образовывать отдельные падежи и даже ряд падежей по склонению основ на *-i*. Поэтому даже затруднительно на основании данных одного русского языка определить, какие именно слова склонялись исконно как основы на *-i*. Ниже сделаю соответствующие ссылки на памятники старославянского языка.

Ед. И.	<i>сѹпъ</i>	(сынъ)	Мн. И. З.	<i>супòv'ǎ</i>	(сынове)
З.	<i>сѹпи</i>	(сыноу)	Р.	<i>супòvъ</i>	(сыновъ)
Р.	<i>сѹпи</i>	(сыноу)	Д.	<i>супѣмъ</i>	(сынѣмъ)
Д.	<i>сѹпов'и</i>	(сынови)	В.	<i>супù</i>	(сыны)
В.	<i>сѹпъ</i>	(сынъ)	Т.	<i>супѣм'и</i>	(сынѣми)
Т.	<i>сѹпѣм'ь</i>	(сынѣмь)	М.	<i>супѣхъ</i>	(сынѣхъ)
М.	<i>супù</i>	(сыноу)			
Дв. И. В. З.	<i>супù</i>	(сыны)			
Р. М.	<i>супòви</i>	(сыновоу)			
Д. Т.	<i>супѣмǎ</i>	(сынѣма)			

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянских памятниках склоняются как основы на *й* следующие слова: *домъ, врьхъ, сынъ, полъ, низъ, волъ, долъ, вѣнь, крѣтъ, уннъ, медъ, миръ, оль, быть может, также сынъ* (в значении „башня“) и *сань*¹. Окончания те же, что выставленные в парадигме. В сербском языке весьма рано совершился переход основ на *-й* в основы на *-ѡ*; форма зват. ед. *сыноу* держалась, однако, долго в памятниках; окончания основ на *-й* перешли в склонение основ на *-ѡ* в местн. ед., им. мн., род. мн., тв. мн. То же и в польском.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: *сынъ, домъ, Жит. Феод.*

Зват. ед.: *сноу* мой Юрьи, Ипат., 295г; брате и *сноу*, *ib.*, 138в; *сноу*, *ib.*, 256; *снѹ* мой, Лавр.; *сыну*, Гр. 1443 (А. А. Э., I, № 40); *снѹ*, Домостр. Конш., 62.

Род. ед.: *медоу, домоу, Жит. Феод.*; *медоу*, Ипат., 306б; *оу* всего дому, *ib.*, 208в; *волу*, *ib.*, 6а; *до долу*, *ib.*, 206а; *вина* и *шлоу*, *ib.*, 254а; *аплского чиноу*, *ib.*, 241г; *проса мироу*, *ib.*, 274г, *с полоу*, *ib.*, 301в, *изо вну*, *ib.*, 206б; *медоу*, Новг. 1-я, I; *сноу*, Дух. Климента XIII в; *без мироу*, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); *дому, меду*, Лавр.; *лишитса саноу*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 46); *ѡ врьхоу до низоу*, Гр. 1229 (А); *отъ миру* (*mundus*), Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); *на ель без верху*, Гр. XV—XVI в. (А. Калач., II, № 178); *мироу; медоу, изъ долу*, Лет. Авр. (Карский); *мироу не взаша*, Синод. лет. сб. № 154 (Каринский); *до мирѹ, медѹ*, Псковск. 1-я Погод. № 1413 (Каринский); *а не обидѣти ничимъ дому стои бѣи*, Переясл. гр. после 1356.

Дат. ед.: *ко снови*, Ипат., 305г; *к домови*, *ib.*, 249в; *сынови, домови*, Лавр., 462; *мирови*, Ипат., 207а; *снви*, Дух. Климента XIII в.; *сынови*, Новг. гр. 1360—1389 (А. Ю., I, № 409); *меншемоу сынови*, Русск. Пр. (Р. Д. Г., 55).

Вин. ед.: *посла сынъ свои Романа, посла сынъ свои другъи*, Лавр. 277; *снѣ*, Новг. 1-я, 17; *за снѣ свои за Володимира*, Ипат., 188б.

Твор. ед.: *сынѣмъ, Жит. Феод.*

Местн. ед.: *по сноу своемъ*, Ипат., 264б; *ѡ сноу*, *ib.*, 213г; *во своемъ домоу*, *ib.*, 290в; *въ домоу*, Жит. Феод.; *въ чиноу*, *ib.*; *врьхоу*, *ib.*; *въ полоу дне*, *ib.*; *w мироу*, Ипат., 142в; *о миру*,

¹ Приписка на полях карандашом: „сюда же надо отнести *сань*“. (Ред.)

Лавр., 450; в дому своемъ, ів. (Некрасов); в томъ мироу, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); о сыну, Догов. 1371, № 29; в миру, Догов. 1368, № 3; w мiрѣ, Лет. Авр. (Карский); а буда в миру, Новг. гр. 1373, № 17; о мироу, Синод. сб. № 154 (Каринский); в дому моемъ, Дв. гр. XV в., № 117; w моемъ сыноу, Западнорус. сб. XV в. № 391 (Карский); у Кнефла в дому, Гал. гр. 1370; на томъ мироу, Гр. 1229 (А); въ домоу, Русск. Пр. (Р. Д., I, 44).

Им.-вин.-зват. дв.: wба полты, Ипат., 96в; оба полты сего времени, Сл. о п. Иг., 6.

Род.-местн. дв.: с̄новоу (м.), Гал. ев. 1144, 44, Ев. XII в. Типогр. № 1, 76а.

Им.-зват. мн.: домове, Новг. 1-я, 107, Ипат., 98а; волове, Ипат., 32в; сынове, Дух. Калиты 1328; с̄нове, Жит. Феод.; домове, медове, Жит. Б. и Гл. по сп. XII в.; зв. мн.: сынове, Гр. 1462—1464 (XVI в.); сынове, Молд. гр. 1423.

Род. мн.: сновъ, Жит. Бор. и Гл. по сп. XII в.; върховъ, ів.

Вин. мн.: домы, Жит. Феод.

Твор. мн.: с сынъми, Лавр. 284; с с̄нъми, Ипат., 1466, 105г.

Местн. мн.: домъхъ, Жит. Феод.; в с̄нохъ, Лет. Авр. (Карский).

Кроме перечисленных выше слов, известных из старославянских памятников как основы на -й̄, в склонение этих основ перешли в древнерусском (а частью, может быть, и в общеславянском) еще следующие слова: *радъ*, ср. а радоу... не посоужати, Новг. гр. до 1305, № 9; без радоу, Русск. Пр. (Р. Д., I, 44); безъ ряду, ів., 55; до радоу, Ипат., 238а; радоу, Новг. 1-я, 55; местн. ед.— на Романове радоу, ів., 232б; род. мн.— радовъ, Ипат., 152б; дат. мн.— по радомъ, Новг. гр. 1471, № 20; местн. мн.— на своихъ радохъ, Ипат., 240в; — *даръ*, ср. на дароу, Лавр.; на дару, Ипат., 43г; род. ед.— дарѣ, Псковск. 1-я лет. Погод. № 1413 (Каринский); им. мн.— дарове, Ипат., 206г, 108в, 178в; род. мн.— даровъ, Ипат., 188г; твор. мн.— дарми, Ипат., 15а, 306г; даръми, ів., 234г. Ср. в старославянских памятниках: *радоу* — род. ед. в Супр., местн. ед. в Супр., Ассем.ев.; в памятниках русской редакции: двѣма радъма, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 244г; дарове, Усп. Минея XII в., 110 об. I; даровъ, Сб. 1073 и др.

Примеры из современного языка.

Во всех русских наречиях произошел переход основ на -й̄ в склонение основ на -ѣ̄, хотя последние и получили ряд падежных форм из склонения основ на -й̄. Отмечу здесь некоторые формы от известных уже нам слов, образованных по склонению основ на -й̄: великорус.

наречное выражение *дарма* (ср. дат.-твор. дв. *дарьма́*); для свою сыну́, Малмыж. (Отв. № 105); в каждом дому́, Дмитр. Моск. (В. Чернышев); белор. — з бацькового дому́, Быхов. (Отв. № 5); кто ў етым дому́, Могил. (Отв. № 3); дат. ед. — сынови, Пинск. (Отв. № 7); твор. мн. — валми, Пинск. (Отв. № 1); укр. диалект. им. мн. — синове; угрорус. зват. ед. — сыну; им. мн. — синове; дат. — сынови, волóви (Верхр., I); им. мн. — синове; твор. мн. — сынми, вiлми (Верхр., II); лемк. — синми, вiлми; местн. мн. — сынох, волох; дат. ед. — сынови, волови, зв. ед. — сыну (Верхр.).

Замечания об отдельных падежах.

Кроме окончаний *-тъ*, *-хъ*, в дат. и местн. мн. были известны, кажется, уже в древнем языке *-овотъ*, *-овъхъ*: *суповотъ*, *суповъхъ*; ср. в роускихъ снвѣхъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 56б. Относительно окончания дат. ед. *-овi* замечу, что фонетически мы ожидали бы еще в общеславянском праязыке *-овъ*, ибо конечное неударяемое *i* изменялось в общеславянском праязыке в *ъ*; но *овъ* было вытеснено через *овi* под влиянием *i* в основах на *-i* и в основах на согласную, а в этих основах сохранялось потому, что во многих словах было защищено ударением (так вероятно, что слово имело в дат. падеже ударение *ŕovesi*; возможно, что то же ударение в дат. *roti*; днь, во всяком случае дњи). Ср. в позднейшую эпоху диалектическое украинское *овi* вместо *ов'ї* (*синовi* вместо *синови*) под влиянием местн. ед. на *-i* (из *ъ*); *синi*, *городi*. Фонетическое изменение *-овi* в *-овъ* сохранилось в наречных выражениях: *домов'ъ*, *долов'ъ*, откуда после падения глухих: *домов'*, *доллов'*. Ср., с одной стороны, написания, как *домови* (чит. *домов'ъ*) в значении наречий, например, такое уже традиционное написание в Ипат., 12в, 156а, 196б; с другой: *домовъ*, Новг. 1-я, 2, 18, 111, 114, Гр. 1189—1199, Ипат., 208в; *домовъ*, Ипат., 156а, 152в, *доловъ*, Догов. 1371; № 31, Ипат., 231а; *доло*, Догов. 1368, № 3, а с *тъ* порука *доло*, Новг. гр. 1471, № 20; сюда же: *ежегодовъ*, например: *слати... ежегодо по старинъ*, Новг. гр. 1471, № 20.

Переход основ на *-й* в основы на *-ѡ*.

Подобный переход имел место, несомненно, еще в общеславянскую эпоху; так, общеславянский язык утратил основы на *-й* в именах прилагательных, ср. литовские прилагательные, как *saldus* — сладкий, *lygus* — ровный, греч. ἕλαχτος. Из др.-инд. *раци*, лат. *ресу*, готск. *faihu* (слова средн. рода) можно заключить, что слово *пъсь* перешло в основу на *-ѡ* мужеского рода, заменив основу на *-й* среднего рода.

Перечисленные выше основы на -й уже в древних памятниках старославянского языка могли образовывать отдельные падежи по склонению основ на -ǫ. Ср. в особенности дома (оїхо!) в Зогр. ев., Мар. ев., Савв. кн., Ассем. ев., Супр. Но также дат. домоу, Зогр., Мар., Ассем. ев., Супр., Савв. кн. Далее сюда относятся род. врѣхъ, Зогр., Мар., Охр. ев., Супр. Единичны: меда в Син. пс., медомъ — твор. ед., Супр. Особо должно быть поставлено слово сынъ: во всех названных старославянских памятниках находим формы, как сына — род. ед., сыноу — дат. ед., сини — им. мн., сынъ — местн. ед., сынѣ — зват. ед., сыномъ — твор. ед. Переход склонения сынъ в склонение основ на -ǫ объясняется, конечно, тем, что вместо вин. падежа сынъ для отличия его от именительного появилась форма сына (как в основах на -ǫ), а сына уже неминуемо вызвало и другие при себе падежные формы по склонению основ на -ǫ. В памятниках русской редакции видим те же отношения: два сѣа (вин. дв.), сѣа двѣвъ (при сѣоу двѣвъ), Мстисл. ев.; сѣа — зват. ед., Гал. ев. 1144, Усп. сборн.¹ XII в., № 175 (18), 126а; в домѣхъ, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 232в; до върха горы, Пантел. ев., 70г; ты бо свѣше борещиса съ же долѣ, Поуч. Ефр. Сир., 197в; чини, Колом. Палея, 115. В русских памятниках: два сѣа, Ипат., 156а, 177г; вин. — сѣа, Новг. 1-я, 56; сѣоу (дат. ед.), сѣа (вин. дв.), Лавр.; в сѣа своим, Новг. 1-я, 210; в сѣѣхъ, Лавр., 140б; дат. — сѣоу, Лавр.; сѣоу, Мстисл. гр. ок. 1130; съ сѣы, Ипат., 230б; двѣма сынома, Ипат., 245б. Для слова домъ: дому — дат., Лавр.; в домѣхъ, Ипат., 193а, 121а. Еще отмечу: в шти версѣхъ, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 5а; върха, Жит. Бор. и Гл. по сп. XII в.; днѣ и внѣ, Ипат., 282б; стояще долѣ, Ипат., 63г.

V. ОСНОВЫ НА -ї МУЖЕСКОГО РОДА

Приведу образец склонения.

Ед. И.	z'at'ь	(зять)	Мн. И.	z'at'ьjǫ	(зятю)
З.	z'at'i	(зяти)	З.	z'at'ьjǫ	(зятю)
Р.	z'at'i	(зяти)	Р.	z'at'ьi	(зяти)
Д.	z'at'i	(зяти)	Д.	z'at'ьmъ	(зятьмъ)
В.	z'at'ь	(зять)	В.	z'at'i	(зяти)
Т.	z'at'ьmъ	(зятьмъ)	Т.	z'at'ьm'i	(зятьми)
М.	z'at'i	(зяти)	М.	z'at'ьxъ	(зятьхъ)

¹ В рукописи: Усп. Минея. (Ред.)

Дв. И. З. В.	z'at'i	(зати)
Р. М.	z'at'ǫjǫ	(затию)
Д. Т.	z'at'ьmǫ	(зятьма)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском сюда относится *боль* (больной человек), *гвоздь*, *голъбъ*, *гость*, *грьтань*, *дръколь*, *звърь*, *зать*, *лакть*, *маломошь*, *мвдвъдь*, *ногъть*, *огнь*, *пвчать*, *пжть*, *тать*, *оушндъ* (разбойник), *уръвь*, *жгль*, а также употребляемое только во множественном лудн. Склонение тождественно с древнерусским. Возможно, что во множественном -нѹ, -нн вытеснялось окончаниями -ьѹ, -ьн с ь, проникшим из других падежей множественного числа (дательного, творительного, местного). В современном сербском эти основы перешли в склонение основ на -ѳ с предшествующей мягкой согласной; но в древнесербском известны были и формы, как род. ед.—зети, поути, грътани, тати; местн. ед.—пѳти; дат. ед.—поути; им. мн.—гостиѹ, кметиѹ, людиѹ, звѳрїе, пѳтїе; род. мн.—къмети, лѳди, пути, црви; вин. мн.—тати, гости, лакти, нокти, люди, црви; твор. мн.—гвоздми, црвми, лудми. В современном языке сохранились формы лѳди (мн. ч., новообразование), лѳди — род. мн., лѳдма и лѳдима, также форма род. мн.—црвї. В польском произошло совпадение основ на -ї с основами на -jѳ.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: поуть, Жит. Феод.

Род. ед.: гости, Гр. 1189—1199 (ок. 1263), Новг. гр. ок. 1301; поути, Жит. Феод.; до поути, Дв. гр. XV в., № 107, Гр. до 1136 (не позже XIV в.); от тести своего, Лавр., 332; тести свое^ѳ, Ипат., 239г; всакого голуби, Колом. Палея, 65.

Дат. ед.: гости, Гр. 1266—1272; гости нашему, Новг. гр. 1270, № 3; Соужьдальскомуу гости, Новг. гр. до 1327, № 15; къ зати, Ипат., 115б; зати, ів., 175д, къ зати, Новг. 1-я (1204 г.); тьсти, Жит. Феод.; к тести, Ипат., 239г; ко тести, ів., 255б; по голуби, Лавр.; поути, Гр. до 1136 (не позже XIV в.); поути, Жит. Феод.; а шпать начнетъ не дати гости коунъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 47).

Вин. ед.: зать Глѳбовъ, Ипат., 213г; на зать свои, Новг. 1-я, 166; поустити хлѳбъ и всакъи гость, Новг. гр. 1314, № 12; огнь, поуть, Жит. Феод.; вѳврѳжеса на брѳзь камень, Сл. о п. Иг., 40.

Твор. ед.: поутьмь, огньмь, Жит. Феод.; поутьмь, Новг. 1-я, 200; звѳремь, Ипат., 72г.

Местн.ед.: на $\widehat{м}$ дно локти, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский)¹.

Им.-зват. мн.: звѣриѣ, Жит. Бор. и Гл. по сп. XII в.; червѣе, Ипат., 71г; людие, *ib.*, 257в, 15г; гостие, *ib.*, 19а, гостѣе, *ib.*, 9г, звѣриѣ, Жит. Феод.; людие, *ib.*, людѣе, Новг. 1-я, 94, 107; людѣе, Лавр., 303; гостѣе (зват.), Лавр.; звѣрьѣе, путѣе, червѣе, татѣе, Лавр.; людие, Гр. 1229 (А); мозольѣе, Ипат., 25в; а вылѣзуть людѣе, Русск. Пр. (Р. Д., I, 41); татѣе, *ib.*, 38; людие, *ib.*, 37.

Род. мн.: поутія, Жит. Феод.; людии, *ib.*; людии, Догов. 1362, № 27, Лавр., Новг. гр. 1265, № 1; звѣрии гонить, Новг. гр. до 1308, № 6; ихъ затии... не приима^т, Новг. гр. 1471, № 20; безъ людии, Русск. Пр. (Р. Д., I, 42); лосей, рысей, Позн. об. Западнорус. лет.

Дат. мн.: людѣмъ, Жит. Феод.; люде^м, Гр. 1391—1425 (А. Калач., I № 31); гостемъ, Волынск. гр. 1366; по людемъ, Послов. XVII в. (Симони, 79).

Вин. мн.: люди, Новг. 1-я, 138; зати, *ib.*, 196; люди, Лавр.; по г голуби, Лавр.; звѣри гонить, Новг. гр. 1265, № 1; псы люди сдали, Крас. сп. Западнорус. лет.; гна по звѣри, Лавр.; люди своѣ послати, Волынск. гр. 1366.

Твор. мн.: з гостѣми, Послов. XVII в. (Симони, 110).

Местн. мн.: людѣхъ, Жит. Феод.; на людехъ, Новг. гр. 1305, 10; на оугълехъ, Ипат., 25г; в людехъ, Послов. XVII в. (Симони, 89).

Примеры из современного языка.

Род. ед.: великорус.—путі; белорус.—пуці, например Игум. (Отв. № 15); угрорус.—путі, огні (Верхр., I).

Дат. ед.: великорус.—путі; белорус.—пуці; угрорус.—пути, огні (Верхр., I).

Местн. ед.: великорус.—на путі; в дехті, Макар. (Отв. № 56); угрорус.—огні (Верхр., I).

Им.-вин. мн.: великорус.—гости, звери, голуби, люди, гвозди.

Род. мн.: великорус.—гостей, зверей, людей, голубей; укр.—гостей, людей.

Дат. мн.: великорус.—людѣм, гвоздѣм, Великол. (Отв. № 45); людѣм, Касим. (Отв. № 47); гастѣм, Холмск. (Сергеев, А. Г. О.); белорус.—людзѣм, Могил. (Отв. № 4); госьцѣм, *ib.*; людзѣм, Себеж. (Отв. № 28); укр.—людем (Осадца).

¹ Далее приписка в скобках: „не сюда: эга основа на согласную“.

Твор. мн: великорус.—людьми, диалект. госьмі, например Костр. (Отв. № 264); белорус.—людзьмі, Себеж. (Отв. № 28); гасцьмі, гусьмі, Могил. (Отв. № 4); укр.—гістьми, людьми; лемк.—гістми, путми, людми и людьмы (Верхр.); угрорус.—зятьмі (Верхр., I).

Местн. мн.: — великорус.—в людѣх, Великол. (Отв. № 45); а гастѣх, Холмск. (Сергеев, А. Г. О.); у людѣх, Мосал. (Шахм.); белорус.—ў гасцѣх, ў людзѣх, ў лапцѣх, например Могил. (Отв. № 4); укр.—людех (Осадца).

Замечания об отдельных словах.

Слово *господь* в древнерусском (и современном) языке образует по склонению на *-ї* только именительный, звательный падежи; в других падежах единственного числа видим основу на *-ѡ*: род. ед.—гѡс-пода, дат.—гѡсподу, твор.—гѡсподѣмъ, местн.—гѡсподѣ; ср. гѡ, Лавр.; гѡ^с гѡ^сѣ, Ипат., 636. Причиной было, быть может, новообразование в винительном единственного, который получил окончание *-а* из основ на *-ѡ*, причем *господ'а* (ср. *господѣ*, т. е. *господѣ* в Зогр. ев.) изменялось в *господа*. Впрочем, употребительна была еще форма *господеви* в дат. ед., ср. *господеви*, Лавр., 439; гѡи, Жит. Феод.; местн. ед.—по гѡи нашемъ Ісѣу Хѣ, Жит. Феод.; в старославянском твор. ед.—гѡмъ, Усп. Минея XII в., 21²в; в современ. укр. (церковном) языке указывается и форма твор. ед.—господемъ (при дат.—господеви). Во множественном числе держалось склонение на *-ї*: им.мн.—господиѣ, род. мн.—господии и т. д.

Возможно, что *огнь* и *звѣрь* уже в древнем языке стали склоняться, как основы на *-ѡ*.

О появлении в общерусском праязыке *-би* вместо *-ѡи* скажем ниже при обзоре склонения основ на *-ї* женского рода.

VI. ОСНОВЫ НА *-ї* ЖЕНСКОГО РОДА

В большей части падежных форм эти основы совпадают с основами на *-ї* мужского рода: отличия замечаются в образовании творительного единственного, где окончание *-јѡ* (*-ји*), между тем как в мужеских основах *-тъ*, и еще в образовании именительного множественного, где в женском роде произошла, как и в прочих основах, замена именительного множественного винительным. Склонение женских основ на *-ї* должно рассмотреть отдельно от склонения мужеских основ, особенно ввиду различной судьбы тех и

других в последующей жизни русского языка: женские основы сохраняют свое склонение до сих пор, а мужские вообще перешли в склонение основ на -*ǫ*.

Ед. И.	пòчь	(ночь)	Мн. И. З.	пòчи	(ночи)
З.	пòчи	(ночи)	Р.	поцьї	(ночи)
Р.	пòчи	(ночи)	Д.	поцьтѣ	(ночьмѣ)
Д.	пòчи	(ночи)	В.	пòчи	(ночи)
В.	пòчь	(ночь)	Т.	поцьт'ї	(ночьми)
Т.	пòчьїѹ	(ночию)	М.	поцьхѣ	(ночьхѣ)
М.	поцьї	(ночи)			
Дв. И. В. З.	поцьї	(ночи)			
Р. М.	поцьїѹ	(ночию)			
Д. Т.	поцьтѣ	(ночьма)			

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском падежные окончания те же, что в древнерусском (оставляю в стороне произношение). Те же окончания видим и в современном сербском; впрочем, во множественном числе вместо *-ьтѣ*, *-ьтї*, *-ьхѣ* является одно окончание *-їта*: пѣїма, нѣїма, влѣїма; это *-їта* заимствовано из дат.-твор. падежа двойственного числа, а здесь *-їта* существовало при *-ьта* в некоторых словах еще в общеславянском праязыке; в древнесербском являлись более древние окончания *-емь*, *-ехѣ* в дат. и местн. мн. (костемь, заповидем, прсем, стварем, крипостем; бранехѣ, ислехѣ, тамностех, писнех); представляют ли эти окончания *e* на месте *ь*, или *e* иного происхождения (церковнославянизм), мне не ясно, не ясно именно, почему не встречается окончаний *-амь*, *-ахѣ* как фонетических рефлексов *-ьмь*, *-ьхѣ*; в твор. мн.: пѣсьнми, прсми, ричми, напастми, мисалми. Равным образом в древнесербском известно и окончание *-ьма*, рано распространившееся и на множественное число: дат. и твор. мн.— стварма, ричма. В польском сохранились старые падежные окончания, например: зват.— *kości*, твор.— *kością*, твор. мн.— *kościmi*, но в дат., местн., а также частью и в твор. являются новообразования *kościom*, *kościach*, *pieśniami*, *rzeczami*, ср. в старом языке *-em* вместо *-ьтѣ*: *dzieciem*; *-ech* вместо *-ьхѣ*: *w postaciach*, *w daniach*, *w kaźniech*; твор. мн.— *rzeczmi*, *dźwirzmi*, *gośłmi* и т. п.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: рать, ѣдь, съмьрть, Жит. Феод.

Зват. ед.: многаѣ Роуси, Ипат., 250 г.

Род. ед.: скърби, плъти, вьси, радости, Жит. Феод.; болести, Жит. Бор. и Гл. XII в.; бес пакости, Новг. гр. 1317, № 14; без лъсти, Новг. гр. 1373, № 17; пудъ ржи, Дв. гр. XV в., № 22; оу свести свожи, *ib.*, № 97; своєї трети, *ib.*, № 127.

Дат. ед.: пустоши, Гр. 1490 (А. Калач., II, № 150); по всеи волости, Новг. гр. 1265, № 1.

Вин. ед.: скърбь, лъсть, дьбрь, оутварь, Жит. Феод.; болеть, любовь, Ипат., 304а; ѳздити ѳсень, Новг. гр. 1265, № 1.

Твор. ед.: печалию, плътию, радостию, лъстною, Жит. Феод.; любовью, Ипат., 304а; челадию, Вкладн. Варл. до 1207; данию, Гр. ок. 1130; съ печатью, Полоцк. гр. ок. 1265; волостью, Новг. гр. до 1327, № 15; ратью, Новг. гр. 1373, № 17; с Калитиною чадью, Дв. гр. XV в., № 12; тылѳсною, Русск. Пр. (Р. Д., I, 32).

Местн. ед.: оуности, пажити, оужасти, Жит. Феод.; ночи, Лавр., 458; на свожи части, Новг. гр. 1265, № 1; въ волости, Новг. гр. до 1305, № 10; на клѣти, Дв. гр. XV в., № 19.

Род.-местн. дв.: ѳ двою капию, Гр. 1229 (А); во обою волостью, Ипат., 1146.

Род. мн.: двьрии, Жит. Феод.; заповѣдии, *ib.*; дании, Новг. гр. 1270, № 3; волости, Новг. гр., 1265, № 1; сихъ памѣтеи, Дв. гр. XV в., № 54; волосты, Новг. гр. до 1308, № 6; ржеи, Погод. Псков. 2-я лет. № 1413 (Каринский).

Дат. мн.: кѳзньмѳ, Жит. Феод.; пустошем, Гр. 1391—1425 (А. Калач., I, № 31).

Вин. мн.: двьри, заповѣди, нити, сопѣли, Жит. Феод.; ты волости, Новг. гр. до 1305, № 10; печати приложити, Новг. гр. 1372, № 13.

Твор. мн.: двьрьми, кѳзньми, Жит. Феод.; напастыми, Сл. о п. Иг., 20; пустошми, Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 31); помочьми, Ипат., 226а; записми, Письмо 1619 (Письма русск. госуд., № 33); елми, Гр. 1519 (А. Ю., № 148); съ гранми, Гр. 1567 (А. Ю., № 152); мощьми, Лавр. (Некрасов); съ всеми волостыми, Новг. гр. 1265, № 2; сѣтми, Дв. гр. XV в., № 107; аслеми, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); великыми честми, Виленск. сп. Западнорус. лет.; сѣножатьми, Перемышл. гр. 1378; з бортьми, *ib.*; с поросльми, Житомирск. гр. 1433; с вѣстьми, Послов. XVII в. (Симони, 110); з гуслми, 162.

Местн. мн.: въ всѣхъ волостяхъ, Новг. гр. до 1308, № 6; в волостѣ, Гр. 1462—1505 (Г. Др., I, р. IV, № 8); пустошех, Гр. 1470

(А. Калач., I, № 31); на печенехъ, Ипат., 298а; в речѣ̄, Домостр. Конш., 32; ни в какихъ податехъ; ив., 60; в записехъ, ив; при корыстехъ, Послов. XVII в. (Симони, 131).

Примеры из современного языка.

Род. ед.: великорус. — кости, волости, диалект. — ѓт noci, Орл.-Вят. (Отв. № 63); белорус. — косци, noci; укр. — части, осени, кости, тїни (так в особенности в галицком, а в украинском известно и новое окончание -i).

Дат. ед.: великорус. — кости; белорус. — косци; укр. — кости.

Твор. ед.: великорус. — костью, ночью; белорус. — наччў, например Могил. (Отв. № 4); укр. — нїчу, сїлю, кїстю, мазю.

Местн. ед.: великорус. — в кости, в noci, в грязї, в печи, на двяри, у грязї, Грайвор. (Отв. № 279); укр. (галицк.) — кости, noci, осени.

Зват. ед.: угрорус. (в песне) — молодѳсти мѳя (Верхр. I).

Им.-вин. мн.: великорус. — кѳсти; белор. — кѳсци; укр. — кѳсти, чѳсти.

Род. мн.: великорус. — костѳй; белорус. — касцѳй; укр. — частѳй, рїчѳй, nociѳй, грудѳй (но диалектически и: рїчїй, nociй, также — грўдий).

Дат. мн.: великорус. — лѳшадѳм, Касим. (Отв. № 47); лошаде̄м, Холмск.-Псков. (Быстров, А. Г. О.); лошаде̄м, Валуйск. (Отв. № 261); белорус. — к санѳм, Быхов. (Ром., III, 394); укр. диалект. — костѳм (Огоновский).

Твор. мн.: великорус. — костьми, дверьми, лошадыми, добродѳтельми. (Ломонос. Грамм. § 160); диалект. — под саньми (В. Чернышев); речьми, Владим. (Бобров. Обл. слов., № 15); с саньми и с дугою, Обоян. (Резанов); дверьми, костьми, лошадыми, Скоп. (Будде); белорус. — сяньми, пѳчми, дзвярми, Игум. (Отв. № 8); саньми, Минск. (Отв. № 7); санми, Пинск. (Карский, Отв. № 1); укр. — грудьми, кїстьми; лемк. — кїстми, грудми (Огоновский); угрорус. — кустьми (Верхр.).

Местн. мн.: великорус. — на санѳх, Грайвор. (Отв. № 279); в сенѳх, в речѳх, Брянск. (Отв. № 259); на санѳх, на лошаде̄х, Жиздр. (А. Никольский); на санѳх, Новосил. (Тр. диал. ком., I); ѳ речѳх, Мосал. (Шахм.); на радостех, на санех, Вельск. (Баженнов), (Арх. II Отд.); в синѳх, Петроз. (Шахм.); белорус. — у сяне̄х, Могил. (Отв. № 4); на грудзѳх, Быхов. (Ром., III, 311); укр. диалект. — грўдех (Огоновский).

Замечания об отдельных словах и формах.

Слово *дѣти* как в древнем и современном языке русском, так и в старославянском (*дѣта*) образовывало множественное число от основ женского рода *дѣти*, ср. в старославянском памятнике дат. мн. — *дѣтьмъ съдѣшамъ*, Мстисл. ев. (Карский); в древнерусском вин. мн. — *дѣти*, Лавр.; знают своего истца или дѣти юго, Новг. гр. до 1308, № 6; род. мн. — ни юго дѣтеи, Дв. гр. XV в., № 86; ни дѣтии его, Новг. гр. до 1308, № 6; дат. мн. — дѣтемъ, Дв. гр. XV в., № 8; твор. мн. — з дѣтми, Новг. гр. 1314, № 12.

Склонение числительных *пять, шесть, семь, девять* рассмотрим ниже при обзоре числительных.

Древнее окончание род. мн. на *-bĭ* (*kos't'ĭbi*) еще в общерусском праязыке могло заменяться окончанием *-bĭ*, следовательно, с *ь* напряженным вместо *ь* напряженного; *ь* заимствовано из таких форм, как дат., твор., местн. мн. *kos't'ŷi* (и также *gos't'ŷi*) под влиянием *kos't'ŷpъ, kos't'ŷm'ĭ, kos't'ŷxъ*. Общерусская форма *kos't'ŷi* доказывается укр. — *костей*, белорус. — *касцей*: мы знаем, что *bĭ* изменялось в обоих этих языках в *ii, i*, ср. укр. — *грудий*. Быть может, *-bĭ* заменялось через *-bĭ* только под ударением, где влияние других падежей могло резче сказываться, удерживаясь как *-bĭ* в неударяемом положении. Однородное явление имело место и в других славянских языках, ср. Зогр. ев.: *заповѣди*, Марк. 12, 29; Мар.: *дѣрси* (люден, господен); Ассем. ев.; *дѣтеи* (люден); Син. пс.: *скръьки* (люды), *заповѣди*, *мыслен*, *скръьси*, *хлѣби* (пште), *люден*; Син. требн.: *заповѣден*, *дѣрси*, *дѣтеи*, *крѣпостен*, *псуален*, *сѣтен*, *скръьси*, *вользнен* (*гдѣ, гдѣн, люден*). По-видимому, формы с *-bĭ* не были чужды и древнесербскому, ср. отмеченные раньше: *ладај* в род. мн. вместо — *лађи*, от старого — *ладија*, *копај* — вместо *копи*, от *копије*, *зелај* — вместо *зели*, от *зелије*; это окончание *-aj* из *-bĭj* проникло, конечно, из основ на *-ĭ*. Что же касается древнесербского *заповѣдеи, нощеи, страстеи, властеи* (*людеи, нѣктеи*), то это, как кажется, болгаризмы (старославянизмы).

Ударение им.-вин. дв. *kos'ti*, вероятно, рано заменилось через *kòsti* под влиянием перехода *kos'ti* в *kòsti* в вин. мн. (под влиянием им. мн.).

Склонение слов *оѣи, уѣи* должно быть рассмотрено здесь, так как они женского рода. И действительно им. дв. — *оѣи, уѣи*, род.-местн. дв. — *оѣѣју, уѣѣју* ведут нас к склонению на *-ĭ*; но в дат.-твор. находим *-ита* вместо ожидаемого *-ьита*. Можно думать,

вслед за Лескином, что *-ита* явилось вместо *-ѣта* под влиянием формы им.-вин. Ср. отмеченное нами выше *плечима* вместо *плечема* под влиянием *плечи*. Итак:

Дв. И. В. З.	òčì	(очи)	ùši	(оуши)
Р. М.	očŕjù	(очию)	ušŕjù	(оушию)
Д. Т.	očìma	(очима)	ušìma	(оушима)

То же склонение в старославянском. Приведу из памятников русской редакции указания на женский род: *блоудьнама очима*, Сборн. 1073, 396; *оумьнама очима*, Майск. Миняя XII в., № 166, 286; *плтьскама wчима*, Стих. XII в., № 279, 136а; *тѣлесьнами очима*, Поуч. Konst. Болг. XIII в., 198д. В сербском слова: *очи*, *уши* — женского рода (а под их влиянием и — *плѣни*); формы *òчиjū*, *ùшиjū* надо признать новообразованиями (под влиянием — *òчима*, *ùшима* вместо — *òчу*, *ùшу*). Судя по памятникам, новообразования эти возникли очень рано; ср. в современном языке: *плѣниjū*, при древнем — на *плѣну*, по *плѣну*. В польском до сих пор *oszu*, *uszu*, *oszu*, *uszu*; в древнем языке известны *w oszu*, *w uszu*, *oszu poich*, *twu uszu* (из *očŕju*, *ušŕju*).

Из древнерусских памятников укажу: вин. — *wчи срчнѣи*, Ипат., 190а; *wчима*, *ib.*, 56б, 213а; *слезнама wчима*, *ib.*, 263а; на *wчью*, на *оушью*, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 94); *уши закладаше*, Сл. о п. Иг., 15; *ни очима съглядати*, *ib.*, 20; *wчима*, *изо wчью*, Лет. Авр.; *во wчью наши*, *за wчима*, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); *wчью*, *ŕшью*, *wчима*, *ŕшима*, Западнорус. пс. XVI—XVII в. (Карский); *храброму смерть пред очима*, Послов. XVII в. (Симони, 149); *косъ очми*, *кривъ рачми*, *ib.*, 113; *ушми*, *ib.*, 145. Средний род засвидетельствован, например, в Ипат. — *великома wчима*, 56б.

Из современного языка: *вкр.* — *ушима*, *очима*, *в очу*; *белорус.* — *ў ачу*, например Волков. (Fedetowski, I, 23); *великорус.* — *в очью* *верзится*, *Пошех.* (Обл. сл., 169); *великорус.* *воочью*, вероятно, форма, заимствованная из церковного языка; в им.-вин. рано стало известно и ударение *òčì*, *ùši* вместо *očì*, *uši* под влиянием форм им.-вин. мн. *kòsti*.

VII. ОСНОВЫ НА СОГЛАСНЫЕ МУЖЕСКОГО РОДА

В мужеском роде сохранилось склонение основ на *-n* и также в некоторых лишь падежных формах — основ на *-t*, *-r* и *-l*. Как и основы на согласные прочих родов, эти основы мужеского рода

образуют ряд падежей по склонению основ на *-ĭ*; образования от основ на согласные обнаруживаются преимущественно в род. и местн. ед., им. и род. мн., род. и местн. дв. В вин. мн., им.-вин. дв., дат. ед. основы мужского рода совпали фонетически с основами на *-ĭ*. В им. и твор. ед., дат., тв. и местн. мн., дат.-твор. дв. преобладают образования от основ на *-ĭ*, хотя, впрочем, некоторые имена мужского рода сохраняли в общеславянском языке и в им. ед. древнюю форму по склонению на согласные. Рассмотрю отдельно основы на *-n*, основы на *-t* и основы на *-r*, *-l*.

1. Основы на *-n*.

Здесь различаем основы на *-n*, образующие падежные формы единственного, двойственного и множественного числа, и основы на *-n*, образующие формы только множественного числа.

а) Основы на *-n*, образующие единственное, двойственное и множественное число.

Ед.	И.	kâtn'ep'ь	(камень)	d'ьp'ь	(день)
	З.	kâtn'ep'i	(камени)	d'ьp'i	(дни)
	Р.	kâtn'ep'ă	(камене)	d'ьp'ă	(дна)
	Д.	kâtn'ep'i	(камени)	d'ьp'i	(дни)
	В.	kâtn'ep'ь	(камень)	d'ьp'ь	(день)
	Т.	kâtn'ep'ьt'ь	(каменьь)	d'ьp'ьt'ь	(деньь)
	М.	kâtn'ep'ă	(камене)	d'ьp'ă	(дне)
Дв.	И. З. В.	kâtn'ep'i	(камени)	d'ьp'i	(дни)
	Р. М.	(kâtn'epu)	(камену)	(d'ьpù)	(дноу)
	Д. Т.	kâtn'ep'ьta	(каменьма)	d'ьp'ьta	(деньма)
Мн.	И. З.	(kâtn'ep'ă)	(камене)	(d'ьp'ă)	(дне)
	Р.	kâtn'epъ	(камень)	d'ьpъ	(дни)
	Д.	kâtn'ep'ьtъ	(каменьь)	d'ьp'ьtъ	(деньь)
	В.	kâtn'ep'i	(камени)	d'ьp'i	(дни)
	Т.	kâtn'ep'ьt'i	(каменьми)	d'ьp'ьt'i	(деньми)
	М.	kâtn'ep'ьxъ	(каменьхъ)	d'ьp'ьxъ	(деньхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке сюда относятся основы *кзмен-*, *пламен-*, *корен-*, *ремен-*, *юлен-*, *луьмен-*, *степен-*, *дън-*. Основы *камен-* и *пламен-* образовали формы им. ед. *камъ*, *памъ*; кажется, известно было и *къчъмы* в некоторых памятниках церковнославянского извода.

Впрочем, эти формы и в самом старославянском были только диалектическими: они встречаются в Супрасльской рукописи; Зогр., Мар. ев., Савв. кн. и др. имеют камсь; отмечу вин. п. пламы, камы в Супр., в Архивск. лествице XIII в.: о камы прѣтъкнувъ ногу (Р. Ф. В., 1884). Форма им. мн. днье обычна (Зогр. ев.), но камене не встречается; однако елене находим в XIII Сл. Гр. Бог. В двойственном числе доказаны формы яленн (Супр.), дьни, род. дв. днюу (Зогр. ев.), дат. дв. яленьма (Супр.). В вин. ед. в старославянском встречаются и формы на -в (а именно: камене), ср. в Юрьевском евангелии XII в.: обрътоша камене ѿваленъ ѿ гроба, 126а, видъ камене веать ѿ гроба, 126б; происхождение такой формы не ясно. В др.-сербском: камы, ками, плами — весьма обычны; рядом — плам (из *пламъ* съ неясного происхождения); род. ед. — корене, камене; вин. ед. — ками, плами, прами (плам), также камень, пламень, прамен; им. мн. — камене.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: днь, Жит. Феод.

Род. ед.: корене, Ипат., 31а; до сего дне, Ипат., 33а; дне того, ib., 273в; того дне, ib., 265б, шдиного дне, ib., 268б, в г часъ дне, ib., 97а; до того же дне, Рижск. гр. ок. 1300; дне Новг. 1-я, 134; в 9 часъ дне, Лавр., 278; до сего дне, Лавр.; дне, Догов. 1349 (Хрест. Смирнова); до Спсова дне, Гал. гр. 1386; ѿ полоудне, Ипат., 168а; дне, Гр. 1590 (А. Ю., 186); дне, Жит. Феод.; до осмага дне, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 26).

Дат. ед.: дни, Ипат., 79 г; дни праздничьноу, Жит. Феод.

Вин. ед.: пламань (вместо — пламень), Лавр., 20; на камень, Дв. гр. XV в. № 27; днь, Жит. Феод.; въ златъ стремянь, Сл. о п. Иг., 8.

Твор. ед.: днемь, Ипат., 78а.

Местн. ед.: во дне, Ипат., 79в, 98б; дне, Новг. 1-я, 155; дне, Жит. Феод.; в дне, Ипат., 185в; о оутрьнимь дне, Жит. Феод.; в полудне, Ипат., 93в; ве дне и ѿ ночи, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский).

Им.-вин.-зват. дв.: вѣ дни (вин.), Новг. 1-я, 159; по два дни, Лавр., 278.

Род.-местн. дв.: токмо тою днюю блюстиса, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 44).

Дат.-твор. дв.: межю дньма, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 31).

Род. мн.: аї день, Ипат., 228а; за м днь, Отв. митр. Иоанна 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4).

Дат. мн.: дньмъ, Жит. Феод.

Вин. мн.: дњи, Жит. Феод.

Твор. мн.: дньми, Ипат., 295в.

Местн. мн.: дньхъ, Жит. Феод.

Примеры из современного языка.

Род. ед.: укр. угрорус.— камене (Верхр., I, редко); лемк.— до корене, с камене (Верхр., в песнях); сегодня, дне (Гр. Осадца); зват. ед.: дни (Гр. Осадца).

Род. мн.: великорус.— дён, Гдов. (Отв. № 11), Буйск. (Отв. № 18), Холмог. (Отв. № 50), Валуйск. (Отв. № 261), Костр. (Отв. № 214) и т. д.; белорус.— дзён, Свенц. (Отв. № 13); дз'он, сажон, Новогр. (Клих); укр.— сяжен (Осадца).

Твор. мн.: деньми (Осадца).

Замечания по отдельным формам.

От основы на согласную можно считать образованными следующие падежные формы: род., дат., вин., местн. ед.; им.-вин. и род.-местн. дв.; им., род., вин. мн. Остальные формы образуются от параллельной основы на -ї. Формы им. мн. на -е (дьпе, каше) в древнерусских памятниках мне не известны; они заменяются формами на -ьја (дьп'ьја, каш'еп'ьја) от основ на -ї; такие же формы встречаются и в старославянском. То же должно сказать о род.-местн. дв.: вместо приведенных в образце обычными являются *дьнню*, *камению* по склонению основ на -ї. Об этих и других подобных формах от основ на -ї, вытеснявших приведенные в образце формы от основ на согласную, я скажу ниже.

Укажу здесь на параллельные образования от основ на -ѡ. В твор. ед. находим, например, в Ипат.— пламеномъ, 98а, ср. в Стих. XII в., № 279: пламеномъ, 40а, др.-сербск.— каменомъ, пламеном, кореном.

б) Основы на -п, образующие только множественное число.

Основы на -пѡ, означающие отдельное лицо, образовывали в общеславянском праязыке только формы единственного и двойственного числа; во множественном числе -пѡ выпускалось; если этому окончанию предшествовало п, то усеченная основа на -п склонялась как основа на согласную в формах множественного числа; ср. основу множественного числа в древнерусском: ро-л'ап — при основе ро-л'ап'п — в единственном и двойственном числе; слов'ѡп — при слов'ѡп'п — в единственном и двойственном числе.

Мн. И. З.	pol'ǎn'ǎ	(полянѣ)	slov'ǎn'ǎ	(словѣнѣ)
Р.	pol'ǎnъ	(полянъ)	slov'ǎnъ	(словѣнъ)
Д.	pol'ǎnomъ	(полиномъ)	slov'ǎnomъ	(словѣномъ)
В.	pol'ǎny	(поляны)	slov'ǎny	(словѣны)
Т.	pol'ǎny	(полянѣ)	slov'ǎny	(словѣнѣ)
М.	pol'ǎn'ǣxъ	(полянѣхъ)	slov'ǎn'ǣxъ	(словѣнѣхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянских памятниках в дат. мн. рядом с формами *срациномъ* (Супр.) находим *гоморѣнемъ* (Зогр. ев.), *жатељнемъ* (Ассм. ев., Супр.), *селоунанемъ*, *херсонанемъ* (Супр.); ср. еще в Служебн. Минее 1096 при *гортюнаномъ*, 41а — *кританемъ*, 40в; в Ев. Типогр. I: *гоморѣнемъ*, 68с. Неясно, заменили ли подобные формы на *-немъ* более древние формы на *-нѣмъ* (образованные от основы на *-ǐ*) или более древние формы на *-номъ* (образованные от основы на *-ǒ*): во всяком случае вероятно, что на появление таких форм повлияла форма именительного множественного. Винительный падеж является в виде *срацины*, *самараны*, *гражданы* (Супр.), но рядом *сг^юптынн* (Клоц.): первые формы от основы на *-ǒ*, а последняя от основы на *-л*. В местн. мн. — *самаранѣхъ*, Мстисл. ев. (Карский). В др. сербск. род. мн. — *крестјан*, *грађан*; дат. мн. — *дѣбровчаномъ*, *граѓаномъ*, *мишћаном*, *римљаном*; местн. мн. — *граѓанехъ*, *дѣбровчанехъ*, *поганехъ*, *краинанехъ*. Польск.: род. мн. — *roganzan*, *gzytnian*; дат. мн. древн. — *roganom*, *ziemianom*, *dworzansom*; вин. мн. — *roganzanu*, *kiowianu*; твор. мн. — *roganu*, *ziemianu*, *mieszczanu*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. мн.: *Торкмене*, Ипат., 86а; *Саракине*, *ib.*; *Вожане*, Новг. 1-я, 162; *Кычане*, *ib.*, 159; *Берестычане*, Ипат., 93б; *Полчане*, 177 г; *Деревлянне*, Лавр.; *Бесурмене*, Лавр., 452; *Галичане*, *ib.*; 323; *Кычане*, Новг. 1-я, 159; *Галичане* *ib.*, 183; *Витьблане*, Гр. ок. 1285; *Рижане*, Гр. 1281 — 1297; *Гтане*, Гр. ок. 1263; *хрѣстьяне*, Гр. 1448 — 1468 (А. Калач., 1, № 33); *горожане*, Гр. ок. 1330. В более позднем языке *вм.-не* находим *-ня*: *хрѣстьяня*, Гр. ок. 1490 (А. Ю., № 6); *хрѣстяня*, Гр. 1534 (*ib.*, № 20); *прихоженя*, Гр. 1684 (А. Калач., I, 33); *Древана*, Лавр.

Род. мн.: *Полчанъ*, Ипат., 177 г; *горожанъ*, Смол. гр. 1284; *оу Волочанъ*, Новг. гр. до 1301, № 4; *ѿ безбожьныхъ и нечистыхъ поганъ*, Опред. Влад. соб. 1274 (Кормч. XIV в., Р. И. Б., VI, 85).

Дат. мн.: *крѣстианомъ*, Жит. Феод.; *Гтаномъ*, Гр. 1189 — 1199 (копия ок. 1263); *горожаномъ*, *Витьбланомъ*, Полоцк. гр. 1265; *Ри-*

жаном, Смол. гр. ок. 1300; дворяномъ, Новг. гр. 1265, № 1; Бежичаномъ, Обонижаномъ, ib.; земляномъ, Луцк. гр. 1386; Полочаномъ, Сл. о п. Иг., 33.

Вин. мн.: дворяны, Новг. 1-я, 163; на Словѣны, Ипат., ба; гражены, Сѣвераны, Лавр.; Корьсуаны, Ипат., 206; Словены, ib., 53; Римляны, ib., 346, на кртыны, ib., 142в; Кианы, ib., 1616, Рижаны, Гр. ок. 1285, Гр. 1281—1297; на Бесурмены, Лавр., 453; Полочаны, ib., 290; Галичаны, ib., 323; хрстіаны лучшиа, Виленск. сп. Западнорус. лет.; про свое Смолнаны, Гр. ок. 1240; перед земляны, Перемышл. гр. 1391.

Твор. мн.: съ Роушаны, Новг. 1-я, 190; Коураны, Пинаны, Ипат., 255г; с Полочаны, Полоцк. гр. 1265; хрстьяны, Гр. 1448—1468 (А. Калач., 1, № 35); mezi хртіаны, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); mezi бояры и mezi крилошаны, Перемышл. гр. 1378; дворяны Степанкомъ і Иванкомъ, Дв. гр. XV в., № 87.

Местн. мн.: в хрестьянехъ, Ипат., 99а; хрестьянехъ, Гр. ок. 1460 (А. А. Э., I, 67); въ боарехъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 43); о челадѣхъ, ib., 34.

Примеры из современного языка.

Им. мн.: великорус. — крестьяне, мещане, дворяне и т. д.; диалект. — крестьяня, Костр. (Отв. № 44), Кинеш. (Отв. № 66), Малмыж. (Отв. № 103); хрисяня, Жиздр. (А. Никольский); укр. — міщане, бережане; угрорус. — горяне (Верхр., I).

Род. мн.: великорус. — дворян, мещан, славян, крестьян; укр. — селян, міщан; угрорус. — циган.

Дат. мн.: укр. лемк. — хрестиянім; угрорус. — циганум.

Замечания к отдельным формам.

Восстановленные в образце формы основываются на свидетельствах памятников. Только им. и род. мн. возводятся к основе на -n; дат., вин. и твор. мн. обнаруживают основу на -ǫ; местн. мн. — основу на -ї. Впрочем, в древнерусском языке, как и в старославянском, другие падежи могли образовываться также от основы на -ї: дат. мн. *хрестьянемъ* при *хрестьяномъ* в Гр. 1501 (А. Ю., № 62); твор. мн. *съ Словеньми*, Ипат., 106; для вин. мн. можно указать *во крестьяни*, Гр. 1578 (А. Ю., № 180); *Словѣни*, Лавр.; а также получившие значение им. мн. формы, как *Срацини*, Ипат., 86а; *Смольняни*, ib., 217а; *кртыни*, ib., 199в, *Словѣни*, ib., 9г, *Бѣлоберезяни*,

ни, ів., 206. Форма твор. мн. *гражани*, Тр. сп. Новг. 1-й, 21г, представляет или (графическую) замену *ы* через *и*, или искусственное новообразование под влиянием им. мн. *гражани*.

В ед. и дв. числе, как указано, употребляется распространенная основа: им. ед.—Новоторжанин, Новг. гр. 1372, № 13; Роусинъ, Гр. ок. 1240; Латининъ, Гр. 1229 (А); дат. ед.—Роусиноу, Немчиноу, Гр. 1229 (А); твор. ед.—двораниномъ, Дв. гр. XV в., № 86; самъ 2 братеника Бессерменина та утекла, Лавр., 458; с шоуринома, Ермол., 48 об. Во множественном числе распространенная основа проникает только уже в позднейших памятниках в виде редких исключений (ср. образования, как *господинамъ*, Гр. 1524, А. Ю., № 418, при *господамъ*, Гр. 1548, А. Ю., № 421, І): им. мн.—три крестьянины, Гр. 1626 (А. Ю., № 425); род. мн.—восмъ крестіяниновъ, ів.

Параллельные образования от других основ. В общеславянском праязыке падежи дат., твор., местн. вместо окончаний *-апоть*, *-ану*, *-альхъ* могли иметь окончания *-атъ*, *-ати*, *-ахъ* в относящихся сюда именах: *роl'апъ*, *роl'ам'і*, *роl'ахъ*; очевидно, перед нами образования от основы *роl'а-*, исчезнувшей вообще под влиянием основ *роl'ап-* и *роl'ані-* и сохранившейся только в указанных трех падежах. Для древнерусского выставляем образец:

Мн.	Д.	<i>роl'апъ</i>
	Т.	<i>роl'ам'і</i>
	М.	<i>роl'ахъ</i>

Приведу здесь же примеры из памятников. Дат. мн.: Полямъ, Радзив. (исправлено позднее в *поляномъ*, Лавр., 6); Волочамъ, Гр. 1229 (В); Вавилонамъ, Лавр.; в Новг. гр. 1371, № 8 *твоимъ дворамъ* может быть опискою. Твор. мн.: Деревлами, Лавр. Местн. мн.: в Деревлахъ, Ипат., 5в; в Полча, 177а; в Деревлахъ, Лавр.¹.

Сходные образования известны и из других славянских языков. В старославянских памятниках русской редакции находим, например, Содомлямъ, Ев. 1092, 125а, 174в; Галелѣяхъ, Поликарп. ев. 1307 (Собол., Очерки, 39); Галелияхъ (при Галелияне), ів., 26. В др.-сербском, кажется, только в местн. мн.: Височахъ, Дѣчахъ, Дечахъ, Заборахъ, Комарахъ, Папракихъ, Хращахъ, Тѣрахъ, грагахъ (т. е. гражданах). Ср. Даничич, Облицы, 135. Чешский язык имеет такие образования только в местн. мн., а именно в древнечешском нахо-

¹ Далее вставлено „в поляхъ“ без указания источника. (Ред.)

дим: Wranah в документе 1228 г., т. е. Vranách, новочешск. Vraňanech (Gebauer, Hist. ml. III, I, 78).

Весьма любопытно отметить, что в древнечешском, где *-ach* известно в единичном приведенном выше случае, вместо него является часто для обозначения нахождения в той или другой местности окончание *-as*; *-as* ведет нас к основам на *-ā*, подобным тем, которые известны в древнерусском и древнесербском, причем из последнего языка видно, что мы имеем дело именно с основой на *-ā*, а не на *-an*. Приведу примеры: *doleass* из Гр. 1057 (в копии XIII в.), т. е. *Dol'as*; *Brennas, Peschaz* из Гр. 1218, т. е. *Breňas, Pieščas*; *Wirbcas, Bresez, Comoraz, Ugoscas, Grinouas* из Гр. 1088 (в копии XIII в.), т. е. *Virbčas, Brežas, Komoras, Ugoščas*; *Frinovas; Lusas* из Гр. XIII в., т. е. *Lužas; Lubczas* из Гр. 1086, т. е. *L'ubčas, in villa Horaz* из Ркп. 1282, т. е. *Horas, in villis Wranas et Kowarzowicz* из Ркп. 1341, т. е. *vran'as*, и др. Подобные же образования на *-as* были известны на языке лехитских лютичей, например, в Гр. XII в. *in terra Lessaz* (при terra Lessone), т. е. *Léšas* (Gebauer, назван. соч., стр. 78). Возникает вопрос, как удержалось *s* в указанных образованиях при *x* в губахъ, *žepaxъ*? По-видимому, *s* в окончании местн. мн. изменялось в *x* только после *й, ї, ої* (*synъхъ, kostъхъ, listъхъ*, где *ь* из *ої*), но сохранялось после *a*: **gybasъ, *Pol'asъ*; под влиянием других основ **gybasъ* перешло в *губахъ*, между тем как образования **Pol'asъ*, стоявшие по значению своему в стороне, сохраняли *s*; однако в позднейших периодах языка и здесь являлось *x*: *Pol'axъ*. Что касается до *lircbas* в Библии кор. Соф. (Ant. Kalina, с. 195), то это едва ли не описка.

Кроме образований на *-ā*, рассматриваемые имена представляют и образования на *-ō* в указанных трех падежах. В древнерусском сюда относится: в *Деревѣхъ, Лавр.* В старославянских памятниках русской редакции: в *Содомѣхъ, Ев. 1144, 24а; Содомомъ, Ев. XII в., № 1, 48с; Александромъ, Указ. ев. чт. XIII в.; Галилѣихъ, Холмск. ев. XIII—XIV в. (Оч. Собол. 29).* Отмечу еще форму род. мн.: *ѿ Самаръ, Ев. XIV в. (Изв., VI, 284).*

2. Основы мужеского рода на *-t*

Число таких основ было весьма ограничено, и уже в общеславянском праязыке они образовывали только некоторые падежные формы единственного и множественного числа. Таковы в старославянском языке основы: *лкътъ-* (род. мн. *лъкътъ, Савв. кн.,*

Супр., Зогр. ев. и др., твор. мн. лкъты, Супр.; в памятниках русск. редакции: двѣстѣ локоть, Микул. ев., 178г; ѿ локоть, Пантел. ев.; вообще же склоняется, как основа на -ѣ), ногът- (род. мн. ногътъ, Син. молитв.; твор. мн. ногътъ, Супр.; в памятниках русской редакции род. мн.— ѿ младъ ногътъ, Минея XI в., № 221, 57в; ноготь, Поуч. Ефр. Сир., 216в), псуат- (им. мн. псуатъ, Супр.; по склонению основ на -ѣ: дат. мн. псуатомъ, Клоц. сборн.; вообще же склоняется, как основа на -ѣ (Ср. ѿ ѿ локоть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 14); укр.— пять локот сукна, Осадца).

Отмечу здесь же, что в древнерусском языке окончание род. ед. по склонению основ на согласную в некоторых памятниках образуют отдельные основы на -ѣ: вероятно, перед нами позднейший перенос окончания -е на место окончания -ѣ; но, может быть, такой перенос доказывает, что и в древнерусском имелось несколько основ на согласную -t. Сюда относятся формы род. и род.-вин.: поуте, тате, Гр. 1229 (Д), 1229 (Е); емлетъ тате, 1229 (Д); оу зате, Ипат., 114г; ѿ зате, ib, 172г; зате свое, ib, 118б; ѿ цте, ib, 182а.

Слово *Гѣтинъ* (житель острова Готланда) во множественном числе утрачивает суффикс -ин-; форма им. мн. образуется от основы на согласную -t: *Гѣте* (Готе, Ипат., 8в); а формы прочих падежей от основы *Гѣто*: дат. мн.— Гѣтомъ, местн. мн.— Гѣтѣхъ.

3. Основы мужеского рода на -r и -l

Основы на tel'о- и аг'о- образовывали в общеславянском языке, что видно из старославянского, отдельные падежи множественного числа от основ на tel- и аг-. Так в им. множественного находим в старославянском: мытаре, цѣсарѣ (им. ед. мытарѣ, цѣсарѣ), дѣлателе, оуунтеле, свѣдѣтеле, жателе (им. ед. дѣлатель и т. д.); при этом диалектически являлись и цѣсарѣ, дѣлатѣ, родитѣ и т. д. с мягкой согласной, заимствованной из прочих падежей. Ср. в памятниках русской редакции: цѣсарѣ, Стих. 1157, 174в.; свѣдѣтеле, Пантел. ев., 2 об; мытаре, Ев. 1339, 149б; мытаре, цре, грабителе, Мстисл. ев. XII в.; усподаре, Кн. зак. XV в. (изд. Павлова). В род. мн.— житель, дѣлатель, тажатель; в Син. молитв. также и пастырѣ. В твор. мн.— мытары, родители, дѣлатели, свѣдѣтели, сватители. Ср. подобные же формы в др.-сербском: им. мн.— родителе, приѣтеле, властеле (при приѣтеле, родителе,

свѣдѣтелю); род. мн.—властео, вместо —властель в XIV в. (властела — с новым окончанием -а).

В древнерусском языке от подобных основ на согласную *r, l* сохранились только формы им. мн.: приштеле, Ипат., 147в, 177в; предателе, *ib.*, 186г; рывънителе, подражателе, строителе, Жит. Феод.; в Жит. Бор. и Гл. XIII в. *здателе приведеъ* со значением вин. мн. Ср. современ. угрорус.—рыбаре; лемк.—учаре, боляре, горчаре, кизяре, боднаре (Верхр.).

Подобные же формы им. мн. образуются от некоторых основ, которые в единственном числе оканчиваются на -г'ипъ и -л'ипъ; при образовании множественного числа откидывается слог -ип-; форма именительного множественного образуется от согласной основы на -*r* и -*l*, а прочие падежи от основы на -*r'o-* и на -*l'o-*. Таким образом, склонение, например, слов *vołos'té'ipъ* и *bojar'ipъ* может быть представлено в таком образце:

Мн. И. В.	<i>vołos't'él'ä</i>	<i>bojar'ä</i>
Р.	<i>vołos't'él'ь</i>	<i>bojarъ</i>
Д.	<i>vołos't'élömъ</i>	<i>bojaromъ</i>
В.	<i>vołos't'él'ѣ</i>	<i>bojary</i>
Т.	<i>vołos't'él'i</i>	<i>bojary</i>
М.	<i>vołos't'él'ixъ</i>	<i>bojar'ѣхъ</i>

То же видим и в старославянском языке, где, впрочем, и другие падежи (род., твор.) могут образовываться от основы на согласную: *властеле, боляре, боляромъ*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. мн.—Оугре, Ипат., 248а, 260б; Татаре, *ib.*, 264г; Болгаре, *ib.*, 33б, Оугре, Новг. 1-я, 183; боьре, *ib.*, 139; Обре, Ипат., 6а; Болгаре, Лавр.; боьре, Новг. гр. 1368—1371, № 16; бояре, Виленск. сп. Западнорус. лет.; бояря, Гр. 1479 (А. Калач., 1, № 30), Гр. 1483 (Г. Др., 1, р. IV, № 10), Гр. 1471 (А. А. Э., 1, № 92), Хожд. Аф. Ник. по сп. XV в.

Приведу примеры и для прочих падежей, образованных не по склонению основ на согласную: род. мн.—Оугоръ, Ипат., 93а, 260г; дат. мн.—боьромъ, Новг. 1265, № 1; Татаромъ, Крас. сп. Западнорус. лет.; вин. мн.—боьры, Новг. 1-я, 178, 138; боьры свое, Ипат., 138г; Оугры, *ib.*, 149б; Болгары, *ib.*, 33а; Козары, *ib.*, 76б; твор. мн.—с боьры, Ипат., 67б; бояры, Виленск. сп. Западнорус. лет.; межи бояры и межи крилошаны, Перемышл. гр. 1378; с Татары, Увар. сп. Западнорус. лет.

Примеры из современного языка.

Великорус.: им. мн.— бояре, баре, болгаре; диалект.— баря, Котельн. (Отв. № 46), Кинеш. (Отв. № 66), Малмыж. (Отв. № 103); баяря, Жиздр. (А. Никольский), Щигр. (Халанский, Р.Ф.Б., 1880, № 3).

VIII. ОСНОВЫ НА СОГЛАСНЫЕ СРЕДНЕГО РОДА

Основы среднего рода на согласные распадаются на: а) основы на *-n* (*-en*); б) основы на *-s* (*-es*, *-os*); в) основы на *-t* (*-et*). Склонение этих трех групп рассмотрим отдельно:

1. Основы на *-n* (*-en*)

Приведу образец склонения.

Ед. И. В. З.	s' ĭm'a	(сѣмѣ, сѣмѣ)
Р.	s' ĭm'ep'ǎ	(сѣмене)
Д.	s' ĭm'ep'i	(сѣмени)
Тв.	s' ĭm'ep'ьm'ь	(сѣменьмь)
М.	s' ĭm'ep'ǎ	(сѣмене)
Дв. И. В. З.	s' ĭm'ep'ь	(сѣменѣ)
Р. М.	s' ĭm'ǒpi	(сѣмену)
Д. Т.	s' ĭm'ep'ьta	(сѣменьма)
Мн. И. В. З.	s' ĭm'ǒpa	(сѣмена)
Р.	s' ĭm'ǒpъ	(сѣменѣ)
Д.	s' ĭm'ep'ьmъ	(сѣменьмъ)
Т.	s' ĭm'ǒpu	(сѣмены)
М.	s' ĭm'ep'ьxъ	(сѣменьхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке находим те формы, которые приведены в настоящем образце, самый образец составлен на основании отчасти старославянской формы, ибо, как увидим, некоторые из древних падежных форм не могут быть подтверждены ссылкой на памятники русского языка. В именительном двойственном ряду с формой на *-и* (имѣни) известна и форма на *-ь* (имѣнѣ), ср. также эту форму в Гал. ев. 1144, 74в, быть может, более первоначальную. Отмечу, что уже в древнейших памятниках являются новообразования по склонению на *-ї*: род. ед.—врѣмени, имени, Супр. (хотя эти случаи сомнительны, ибо это, может быть, формы дат. ед.); местн. ед.—врѣмени, Зогр., Ассем.ев.; сѣмени, Супр.; имени, врѣмени, Савв. кн.; формы род.-местн. дв., твор. и местн. мн.

от основ на -л в древнейших памятниках неизвестны. Укажу *врѣменьхъ* в Усп. Минее XII в., 144б. От основ на -ѣ образуется, например, дат. мн.: *сѣменомъ*, Толк. апост., 1220 г. В др.-сербском отметим род. ед.— *камене, корене*; дат.— *врѣмени, имени*; твор.— *именемъ*; в множ.— *рамена, брѣмена*; твор. мн., дат. мн. образуются от основ на -ѣ: *бримени, вримени, сѣменом*; в местн. мн. находим два образования: *врѣменехъ* и *врѣменѣхъ, врименихъ*. В древнепольском твор. ед.— *siemieniem, plemieniem*, им. мн.— *siemiona*, род. мн.— *brzemion*, в твор. мн.— *jiemieni*; в местн. дв.— *na obu gationi*. Вообще же склонение основ среднего рода на -л перешло в склонение на -ѣ и на -*jѣ*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им.-вин.-зват.: *время, имя, Жит. Феод.*; *полосу на имя Со-кѣрку*, Дв. гр. XV в., № 14.

Род. ед.: *имене, Лавр.*; *которого племене, Новг. 1-я, 190*; *wt нашего племене, Молд. гр. 1412, Гр. 1442, № 53.*

Дат. ед.: *имени, Новг. гр. 1471, № 20.*

Твор. ед.: *племянемъ, Лавр.*; *племене, Ипат.*; *именьмъ, Жит. Феод.*; *племенемъ, Гал. гр. 1371*; *верременемъ, Молд. гр. 1395, № 10*; *никоторымъ верременемъ, Стародуб. гр. 1400.*

Им.-вин. дв.: *повѣди имени, Ипат., 35а.*

Им.-вин. мн.: *на сѣмена, Гр. 1571 (А. Ю., № 246)*; *времяна, имяна, Лавр.*

Дат. мн.: *вѣрьменьемъ, вѣрьменьемъ, Гр. 1229 (А).*

Твор. мн.: *бремены, Жит. Феод.*; *кои в закладной имени ле-жать, Дв. гр. XV в., № 99*; *имены, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15)*; *имяны, Гр. 1577 (А. Ю., № 179)*; *твердѣшимъ листомъ и знамены, Гал. гр. 1401*; *съ веремьяны, Луцк. гр. 1438.*

Ср.: *Лехко мнится время на чюжемъ рамѣ, Послов. XVII в. (Симони, 116).*

Примеры из современного языка.

В укр. известны формы род. ед. на -е: *сѣмене (у Осадцы)*. Дат. ед. рус.— *семени, имени*. Им.-вин. мн. великорус.— *именá, семенá и сѣмена*; укр.— *імена, сімена*. Род. мн. великорус.— *симѣн, Кадн.*; *сѣмин, Карсун. (Отв. № 67)*; укр.— *сімѣн, імѣн.*

Замечания об отдельных формах.

Уже в древнем языке некоторые из приведенных в образце форм заменялись новообразованиями от основ на -ї или от основ

на -ǫ. От основ на -ǫ образуются: род. ед.— того веремени, Моск. догов. 1381, № 32; сего времени, Сл. о п. Иг., 2; племени, сѣмени, Лавр., местн. ед.— сѣмени, времени, Жит. Феод.; по сѣмь веремени, Гр. 1229 (Д); по ихъ племени, Дв. гр. XV в., № 54. От основ на -ǫ: дат. мн.— временомъ, Гр. 1229 (В); имяномъ, Гр. 1547 (А. Ю., № 22); местн. мн.— временъ^х, Лавр.

2. Основы на -s (-es, -os)

Образец склонения.

Ед.	И.	В.	З.	słovo	(слово)
	Р.			słov'es'ǫ	(словесе)
	Д.			słov'es'i	(словеси)
	Т.			słov'es'ьm'ь	(словесьмь)
	М.			słov'es'ǫ	(словесе)
Дв.	И.	В.	З.	słov'es'ь	(словесѣ)
	Р.	М.		słov'osù	(словесоу)
	Д.	Т.		slov'es'ьmǫ	(словесьма)
Мн.	И.	В.	З.	słov'osǫ	(словеса)
	Р.			słov'osъ	(словесъ)
	Д.			słov'es'ьmъ	(словесьмъ)
	Т.			słov'osy	(словесы)
	М.			słoves'ьхъ	(словесьхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянских памятниках известны те самые формы, что приведены в образце. В род. ед. является по склонению на -i диалектически словесн, Ассем.ев., Слуцк. пс. В местн. ед. такое же образование довольно часто: тълесн, словесн, Зогр.ев., нѣсн, Мар.; тълесн, Клоц. сборн., небесн, оуесн, словесн, Ассем.ев.; уоудесн, небесн, колесн, дрѣвесн, тълесн, Супр.; словесн; нѣсн, Савв. кн. (форма на -в сравнительно реже). В им.-вин. дв., рядом с тълесъ, известны и тълесн. Отмечу из памятников русской редакции: род. ед. тълесе, Мстисл. ев.; дат. ед.— дивеси, Усп. Минея, XII в., 224а; твор. ед.— тълесьмь, Усп. Минея, 177б; словесьмь, ib., 167б, 175е; с нѣсѣмь, Колом. Пал., 8; местн. ед.— нѣсе, Усп. Минея, 194г; на нѣсѣ, Ев. XIII в., № 6, 156а, 156в; им. мн.— делеса, Колом. Пал., 111; оушеса, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 57в, Ркп. 1296 г., 1а; дат. мн.— дѣлесемъ, Усп. Минея, 176а; словесемъ, Остр.ев., 279а; словесѣмъ, Пантел.

ев., 121г; словесемь, Ев. 1339, 31а; твор. мн.—древесы, Колом. Пал., 26. Еще: род. ед.—словеси, Усп. Минея XII в., 165а, Мстисл. ев. (Карский); небеси, Юрьевск. ев., 208а; развѣ словеси, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 49); телеси, Ев. 1339, 2в; местн. ед.—дивеси, Усп. Минея, 224а; о словесі, Гал. ев. 1144, 40в; на чюдеси, Поуч. Konst. Болг., 155с; местн. мн.—нбсехъ, Мстисл. ев. XII в.; дат. мн.—очесом, Усп. Минея II в., 264г; словесомъ, Ев. XIII в., № 6, 216в. Формы дат. и местн. мн. в древнейших памятниках не встречаются; в Ассем. ев. от основы на -ѡ: небсехъ. В др.-сербском находим: род. ед.—словесе, телесе, небесе; в дат.—словеси, тѣлеси, чюдеси; дат. мн.—словесемь, чюдесемь; в твор. мн.—дѣлесы, словеси, чудеси, телеси, небеси (формы *телесми, чудесми*, по основам на -ї новее); в местн. мн.—формы по склонению на -ѡ: колесијех, небесијех, тилесих, чудесих. В древнепольском: *niebiosa* и *niebiesa*, род. мн.—*niebios*; местн. мн.—на *niebiesiech*, твор. мн.—*niebiosy* (кажется, только от основы *niebes-*).

Примеры из древнерусских памятников.

Им. вин. ед.: тѣло, нбо, Жит. Феод.

Род. ед.: нбсе, тѣлесе, Жит. Феод.; до нбсе, Ипат., 3г.

Дат. ед.: нбси, словеси, тѣлеси, Жит. Феод.

Им.-вин. мн.: словеса, чюдеса, Жит. Феод.

Род. мн.: словесъ, чюдесъ, Жит. Феод.; дѣвесь (вм. дивесъ), Новоросс. сп. Новг. 4-й, 595а.

Дат. мн.: словесемь, Ипат., 88б.

Твор. мн.: словесы, дѣлесы, Жит. Феод.; чюдесы, Жит. Бор. и Гл. XII в.; начяти старыми словесы, Сл. о п. Иг., I.

Местн. мн.: чюдесехъ, Жит. Феод.

Примеры из современного языка.

Остатки этого склонения в формах им. и род. мн. встречаются исключительно в книжном языке: *небеса, чудеса, реже словеса*. Отмечу великорус. *говорить словеса*, Кадник. (в заговоре, Отв. № 25); там же, *от земли до небеси*; в укр.—*небеса́, чудеса́*; угорус.—на *небеса, тілеса, до небеси*, еще бог з *небесі* (Верх., I).

Замечания об отдельных падежах.

Уже в древнем языке находим новообразования: а) по склонению основ на -ї: местн. ед.—на нбси, Новг. 1-я, 3; б) по основам на -ѡ: нбсехъ, Жит. Феод., Лавр.; в) по основам на -jѡ: сюда предположительно относятся: на нбсихъ, Ипат., 17г; ср. о *словесихъ* в Пантел.

ев., 70б, 121б; быть может, также твор. мн. *словеси*, как в Жит. Бор. и Гл. XII в., так и в Жит. Феод. (здесь: таче напоследъць о единѣмь блаженѣмь словеси поидоу).

Переход в основы на -*ǫ*. По-видимому, еще в общеславянском праязыке начался переход основ на -*s* в основы на -*ǫ*, вызванный тем, что форма именительного единственного от основ на -*s* (*slovo*) совпала с формой именительного единственного от основ на -*ǫ* (*seǫ*). В старославянских памятниках от *тѣло*, *слово*, *небо*, *ѡудѡ* производятся рядом с формами, как *тѣлесе*, *словеси*, *небесе*, — *тѣла*, *словомь*, *небоу*, *ѡудоу*; склонение слов *дѣло*, *днѡ*, *ѡухѡ*, *ѡко*, *дрѣво* по основам на -*ǫ* также обычно. Ср.: *словѣмь*, Мстисл. ев.; *словѣмь*, Усп. Минея, 167в, 244г; *тѣлѣ*, 299в; *нѡоу*, ib., 221б; в *малѣхъ словѣхъ*, Кол. Пал., 107; дат. мн.—*словомь*, Гал. ев. 1144, 219в, и др. В русском языке, как мы видели, основы на -*s* были с течением времени утрачены вполне. О том, что такие основы были чужды и древнему языку, можно было заключить, например, из того, что основа *тѣлес-* пишется в древнерусских памятниках последовательно с *e*, сообразно с тем, что церковнославянское *ѣ* русскими людьми произносится как *e*, между тем как основа *тѣл-* пишется с *ѣ*, очевидно, под влиянием русского живого произношения. О том же свидетельствуют формы основ на -*ǫ* на месте форм от основ на -*s* уже в древних наших памятниках; например, в Жит. Феод. находим: *словоу*, *слова*, *словѣмь*, *тѣла*, *тѣлоу*, *тѣлѣ*, *тѣлѣмь*, *дѣлѣ*, *дѣлѣхъ*, *дѣла*; в Жит. Бор. и Гл.: *въ тели* (вероятно, впрочем, это описка, вместо *въ телеси*); в Ипат.: *тѣлома*, 51г, *тѣломь*, 6а, с *тѣми* *слова*, 297г, 298г, *сими* же *слова*, 275г; Новг. 1-я: *теломь*, 119; Гр. 1229 (Д): *телѣ*; Лавр.: *лживы^м словомь* (в речи философа). Отметим еще другое изменение основ на -*s*: *koǫ* — *koǫes'e* в русском языке перешло в *kol'es*. Ср. еще *кѡдесомь* — твор. ед., Домостр. Конш., 22.

3. Основы на -*t* (-*et*)

Образец склонения.

Ед. И. В. З.	t'el'a	(тели)
Р.	t'el'at'a	(телите)
Д.	t'el'at'i	(теляти)
Т.	t'el'at'ьm'ь	(телятьмь)
М.	t'el'at'a	(телите)

Дв.	И. В. З.	t'el'at'ъ	(телятъ)
	Р. М.	t'el'atu	(телятоу)
	Д. Т.	t'el'at'ьма	(телятьма)
Мн.	И. В. З.	t'el'ata	(телята)
	Р.	t'el'atъ	(телятъ)
	Д.	t'el'at'ьмъ	(телятьмъ)
	Т.	t'el'aty	(телятьы)
	М.	t'el'at'ьхъ	(телятьхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке являются формы, выставленные в парадигме, хотя многие из них не могут быть доказаны из древнейших памятников. В местн. ед. рядом с жръбатъ, Зогр. ев., Супр., Клоц. сборн., является осылати, жръбатн, Супр.; отрочатн, жръбатн, Савв. кн.; ср. на осыли жръбатн, Юрьевск. ев. В др.-сербском: род. ед.— дѣтете, овчете, мръчете; твор. ед.— Климетемь, ѡгнѣтемь. Новообразованием по основе на -ō является дат. мн.— вноучетомъ. В польском языке уже в древнейшую эпоху эти основы в ед. числе перешли в склонение основ на -jō: род. ед.— cielęcia, skocięcia, kniężęcia, jagnięcia; дат. ед.— dziecięciu, dziewczęciu и т. д., но во мн. числе сохранились и до сих пор старые формы; в памятниках: księżęta, jagnięta, род. мн. lwiąt, wpuszczat; местн. мн.— w cielętach и т. д.

Примеры из древнерусских памятников.

Им.-вин. ед.: овъча, Жит. Феод.; звѣрѧ, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); курѧ, Дв. гр. XV в., дѣл^к Ива Циплѧ, Гр. 1445—1485 (С. М., № 43); богу жаль курѧ дати, Послов. XVII в. (Симони, 79); мило волку телѧ, Послов. XVII в. (Симони, 121); знаи рабѧ рабѧчью, Послов. XVII в. (Симони, 106).

Дат. ед.: молоудоу дѣтати, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 33); дитѧти, Вкл. Ив. Ник. XIV в. (Соболевский); даи бог нашему телѧти волка поимати, Послов. XVII в. (Симони, 97); не сохни мати по чюжемъ дитѧти, ib., 128; кнѣжати, Молд. гр. 1435, № 46.

Твор. ед.: с детѧтемь, Ипѧт., 229б; жеребѧтем, Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82); кнѣжете^м, Крас. сп. Западнорус. лет., 64.

Им.-вин. мн.: овчѧта, Лет. Авр.; кнѣжѧта, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский).

Род. мн.: внуцать, Дв. гр. XV в., № 5.

Твор. мн.: внучаты, Перемышл. гр. 1378.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: великорус.—дитя, устар.—теля; белорус.—дзиця, цяля, парася, зерня, Слуцк. (Отв. № 5); вивча, щеня, Быхов. (Отв. № 9); ягня, свинна, куреня, коценя, Речицк. (Отв. № 17); жеребя, Пинск. (Отв. № 1); укр.—ягня; лемк.—теля (Верхр.); угрорус.—теля, зерня, дїтя (Верхр., I).

Род. ед.: укр.—теляте (у Осадцы), лемк.—дїтяте, теляте (Верхр.).

Дат. ед.: белорус.—цяляци, Витеб. (Отв. № 18); дзицяци, Новоалекс. (Отв. № 11), dziciaci, Волков. (Federowski, I, 43); укр. угрорус.—теляти (Верхр., I).

Им. мн.: великорус.—телята, внучата, ребята, щенята, поросята, цыплята; тотемск.—зєрнята (Слов. Андр., Арх. II Отд.); шурьята, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); белорус.—парасята и др.; укр.—телята, ягнята, дївчата и др.

Род. мн.: великорус.—внучат, телят и т. д.; белорус.—парасят др.; укр.—телят и др.

Твор. мн.: укр. лемк.—с теляты (Верхр., Огоновский).

Замечания об отдельных словах и падежах.

Слово *дитя* (ст.-слав. дѣта) еще в общеславянском языке не употреблялось во множественном числе, заменяясь здесь формой *дѣти* (им. мн. женского рода по склонению основ на -ї).

Уже в древнем языке формы род. ед. и местн. ед. на -е заменялись под влиянием основ на -ї формами на -і: телати дашли, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 48); дроугаго дѣтати, ib., 87; ср. в современном языке: белорус.—род. ед.—парасяци, зерняци, Слуцк. (Отв. № 5); дзицяци, Новоалекс. (Отв. № 11); ягняци, Речицк. (Отв. № 17), зерняци, Пинск. (Отв. № 1); укр.—род. ед.—дытяти, Пинск. (Отв. № 7), лемк. местн. ед.—теляти; угрорус. род. ед.—зерняти, теляти (Верхр., I). Равным образом дат. мн. образовывался от основы на -ѡ: шоуратомъ, Ипат., 259г; кнѣжѣтомъ, Молд. гр. 1434, № 41; прѣоуноучатомъ, Молд. гр. 1434, № 36; прѣщоурѣтомъ, ib., совр. лемк.—телятїм (Верхр.); галицк.—дївчатїм (Головац.). К древней эпохе относятся и некоторые образования от основ на -jѡ: с дѣтьма дѣтьма, Ипат., 231а, вместо ожидаемого *дѣтьма*. Форма им. мн. *княжата*, например в Послании Ионы 1450 (XVI в.,

А. И., I, № 50) — ср. выше *кнѣжата*, *кнѣжете*^м в западнорусских памятниках явилась едва ли не под влиянием польского. С течением времени в великорусском основы на *-at* (из *-et*) исчезли в формах ед. числа, заменяясь, между прочим, образованиями на *-енок* (теленок, поросенок), о чем скажу ниже. Но в древнерусском живучесть образований на *-а* (им. ед.) доказывается, например, появлением таких косвенных падежей от имени половецкого князя Куря: *ѡ Курати кнѣзѧ*, Ермол. XV в., 14.

IX. ОСНОВЫ НА СОГЛАСНЫЕ И НА *-ŭ* ЖЕНСКОГО РОДА

Рассмотрю отдельно основы на *-r* и основы на *-ŭ* (*-ъv*).

1. Основы на *-r*

Образец склонения, к которому относятся в русском только две основы *mater-* и *dъcer-*.

Ед. И.	<i>mât'i, mât'ĕ</i>	(мати)
З.	<i>mât'i, mât'ĕ</i>	(мати)
Р.	<i>mât'er'ă</i>	(матере)
Д.	<i>mât'er'i</i>	(матери)
В.	<i>mât'er'ь</i>	(матерь)
Т.	<i>mâter'ĕjŭ</i>	(матерью)
М.	<i>mât'er'i</i>	(матери)
Дв. И. В. З.	<i>mât'er'i</i>	
Р. М.	<i>mât'eru</i>	
Д. Т.	<i>mât'er'ьта</i>	
Мн. И.	<i>mât'er'i</i>	(матере)
Р.	<i>mât'ŏgъ</i>	(матерь)
Д.	<i>mât'er'ьтъ</i>	(матерьмъ)
В.	<i>mâter'i</i>	(матери)
Т.	<i>mât'er'ьm'i</i>	(матерьми)
М.	<i>mât'er'ьхъ</i>	(матерьхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском языке основы *mater-*, *dъster-* склоняются так, как указано в образце; впрочем, и в древнерусских памятниках некоторые из приведенных в образце падежные формы не могут быть доказаны; таковы формы двойственного числа. Рядом с винительным *матерь*, *дъштерь* известны формы *матере*, *дъштере*:

снѣ дѣштере, Савв. кн., обратиши александра и матере юго Пуроннѣ, Супр. Происхождение таких форм для меня не ясно. Из памятников русской редакции приведу: на снѣ матере, XIII Сл. Гр. Бог.; иже оставить оца и матере, Мстисл. ев. Любопытно отметить с таким же значением *дѣщере* в Гал. ев. 1144, 81в. Уже в древнейших памятниках является в родительном окончание *-и* вместо *-е* (из основ на *-ĭ*): матери, Супр. В им. мн. только матери, дѣштери, не матере, дѣштере; ср. совпадение им. и вин. мн. во всех вообще именах женского рода. Для род. мн. укажу на от дѣштерѣ, Мстисл. ев. В др.-сербск.: им.-зват. мати, кѣи, род.— матере, кѣере; дат.— матери, кѣери; вин.— мать, кѣер (но один раз и — матере); твор.— матерю, кѣерю; местн.— матери; дат. дв.— кѣерма; им. мн.— кѣери; род. мн.— мать, кѣкерь; дат. мн.— кѣкеремь; вин. мн.— кѣери. Др.-польск. таć, род.— тасіерзе, дат.— тасіерзу, вин.— тасіерз, твор.— тасіерза, местн.— тасіерзу и тасіерзе (что ведет к более древней форме *matere*), им. мн.— тасіерзу и тасіерзе (последняя форма, быть может, образована по аналогии основ на *-jā*), род. мн. тасіог.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: дочи, Гр. 1459 (А. Калач. I, № 84), Гр. 1520 (Бел., № 2), Гр. 1527 (Бел., № 5), Ипат., 286а, Дв. гр. XV в., № 103, 107; дчи, Лет. Авр., Ипат. 188г; мати, Лавр., 449; мать, ів., 452; кому мати дасть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45); зват.: тки, дочи, Послов. XVII в. (Симони, 144).

Род. ед.: матере, Ипат., 85г, 90в, 189а, Лавр., 301; м̄тре, Новг. 1-я, 53; поста матере божии, Молд. гр. 1404, № 18; пр̄чтое б̄гомат̄ре, Вкладн. кн. Анофрия 1399 (Л. Васильев); матере, Отв. митр. Иоан. 1080—1889 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4).

Дат. ед.: дочери, Дв. гр. XV в., № 76; д̄чери, Дух. 1328, № 21; м̄три, Дв. гр. XV в., № 116; д̄чери, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45).

Вин. ед.: м̄трѣ твою, Ипат., 26г; м̄трѣ, Гр. 1474—1478 (А. Калач., I, № 63); нашу мать, Дог. 1428, № 44; чью дочь, Ипат., 229в: дочь, дчерь, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84).

Твор. ед.: дочерью, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84).

Им. мн.: д̄чери, Русск. Пр. (Р. Д., I, 43).

Дат. мн.: дочеремъ, Дв. гр. XV в., № 5; доцеремъ, ів., № 78; дочере^м, Гр. 1535 (Бел., № 8).

Вин. мн.: доцери, Дв. гр. XV в., № 78; м̄три поимати, Лавр.

Примеры из современного языка.

Им. ед.: великорус. *мать, дочь* восходят фонетически к произношению *mat'ъ, doščъ*; сохранились и формы *mat'i, doči*: мати, Кадник. (Отв. № 26), Петроз. (Отв. № 34); мати, дочи, Орл.-Вят. (Отв. № 37), Слобод. (Отв. № 48), Нолинск. (Отв. № 51), Яренск. (Отв. № 194); мати, Шенк. (Отв. № 235); доци, Никольск. (Отв. № 266), Вятск. (Колосов) и др.; белорус. — *маць, доч*, но рядом и: *ма́ци*, Слуцк. (Отв. № 5); мати, дочи, Новоалекс. (Отв. № 14); *ма́ци*, Речицк. (Отв. № 17), Новогр. (Отв. № 29); укр. — *ма́ти* и *мать*; лемк. — *мать*; угрорус.: *мати* (Верхр.).

Вин. ед.: формы *матеръ, дочеръ* весьма обычны в великорусских говорах, где они получили значение и им. ед.: *матеръ, дочеръ* (им.-вин.), Яренск. (Отв. № 194); *доцерь*, Никольск. (Отв. № 266); *матеръ, дочеръ*, Холмог. (Отв. № 50), Нолин. (Отв. № 51), Котельн. (Отв. № 35), Шуйск. (Отв. № 19), Белоз. (Отв. № 166) и т. д.; то же в белорус.: *дочар*, Игум. (Отв. № 8); в укр. — *ма́тир*; в лемк. — вин. ед. — *ма́тир*, при именительном — *мати*.

Род. ед.: древнее окончание *-е* сохранилось в говорах украинских: *матере* — лемк. (Верхр.), угрорус. (Верхр., I).

Дат. ед.: великорус. — *матери, дочери*; белорус. — *мацеры*, укр. — *матери*.

Твор. ед.: великорус. — *матерью, дочерью*; белорус. — *матэрю*, Пинск. (Отв. № 7).

Им.-вин. мн. великорус. — *матери, дочери*; укр. — *матери*.

Род. мн.: укр. лемк. — *матер* (Верхр.).

Твор. мн.: великорус. — *дочерми*; диалект. — *ма́терми*; укр. — *ма́тирми* и диалект. — *ма́тирми*.

Замечания об отдельных падежах.

В Лаврентьевской летописи встречаем им. мн. *матере* (*м̄тре ж чадъ сихъ плакаху по нихъ*). Происхождение такой формы не ясно: признать ее старой формой им. мн., образованной по склонению основ на согласную, затруднительно именно потому, что еще в общеславянском праязыке формы им. мн. женского рода систематически заменялись формами вин. мн.

Непонятными являются диалектические великорусские формы *дочера* (фонетически *вм. дочере*) в значении им. и вин. пад., например в Щигр. им. ед. — *дочера*, вин. ед. — *на дочера надену шелкову плётку, я дбчяря на улицу пушшу* (Халанский, Р. Ф. В., 1880). Не исключена возможность, что такое *дбчяря* восходит к указанной выше форме вин. ед. *дъсеге*, встречающейся в старо-

славянских памятниках (дъщѣръ). Фонетическим изменением формы *màti* в общеславянскую еще эпоху признаю переход ее в *matĭ* вследствие изменения *i* в *ĭ* в конечном открытом неударном слогѣ; но *dъщĭ* сохраняло свое *i*, как защищенное ударением; отсюда *i* переносилось и в *màti*, так же как обратно *matĭ* могло вызвать новообразование *dъщĭ*.

Уже в древнейшем языке обнаруживается влияние основ на *-ĭ* на основы на согласную; в приведенном для общерусского языка образце от основ на *-ĭ* образованы: твор. ед. *materĭju*, дат., твор. и местн. мн., дат.-твор. дв. *materĭmъ*, *-ъхъ*, *-ъmĭ*, *-ъma*; также и им. мн., хотя форма *matĕri* скорее форма вин. мн. от основ на согласную по своему происхождению. Но основы на *-ĭ* проникали и в образование других падежей; ср. формы, как род. ед.: а *wdinoi* матери, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45); *mĕtri*, Дух. 1328, № 21, Гр. 1453 (А. Калач., I, № 31); род. мн.: *mĕtri*, Ипат., 194 г.; дочери, Дв. XV в., № 5. Форма род. дв.—*дочерю* (*ŭ* дочерю Лотову), Лавр.—представляет новообразование вместо **дочеру* под влиянием мягкого *r* в остальных падежах.

2. Основы на *-ĭ* (*-ѣ*)

Образцы склонения.

Ед. И. З.	<i>сĕг'ку</i>	(църкы)
Р.	<i>сĕг'къв'а</i>	(църкъве)
Д.	<i>сĕг'къв'и</i>	(църкъви)
В.	<i>сĕг'къв'ь</i>	(църкъвь)
Т.	<i>сĕг'къв'ѣju</i>	(църкъвию)
М.	<i>сĕг'къ'v'а</i>	(църкъве)
Дв. И. В. З.	<i>сĕг'къв'и</i>	(църкъви)
Мн. И. В. З.	<i>сĕг'къв'и</i>	(църкъви)
Р.	<i>сĕг'къв'ь</i>	(църкъвь)
Д.	<i>сĕг'къв'амъ</i>	(църкъвамъ)
В.	<i>сĕг'къв'и</i>	(църкъви)
Т.	<i>сĕг'къв'ам'и</i>	(църкъвами)
М.	<i>сĕг'къв'ахъ</i>	(църкъвахъ)
Ед. И. В.	<i>кĕг'в'ь</i>	(кръвь)
Р.	<i>кĕг'в'а</i>	(кръве)
Д.	<i>кĕг'в'и</i>	(кръви)
В.	<i>кĕг'в'ь</i>	(кръвь)
Т.	<i>кĕг'в'ѣju</i>	(кръвию)
М.	<i>кĕг'в'и</i>	(кръви)

Мн. И. З.	кгъв'і	(кръви)
Р.	кгъв'ѣі	(кръвии)
Д.	кгъв'ьшъ	(кръвѣмъ)
В.	кгъв'і	(кръви)
Т.	кгъв'ьш'і	(кръвѣми)
М.	кгъв'ьхъ	(кръвѣхъ)

Сопоставление с другими славянскими языками.

Как *црѣкы*, в старославянском склоняются еще, например, *свекры*, *неплоды* (не имеющая детей), *смокы*, *ьрады* (топор), *локы* (лужа, болото), *хорѣгы*, *жръны* (жернов), *любы*, *воукы*, *цѣлы* (исцеление). Старославянское склонение то же, что древнерусское. Рядом со старыми формами встречаются новообразования от основ на -й: род. ед. — *црѣкъви* в Син. пс.; местн. ед. — *црѣкъви* при *црѣкъве* в Зогр. ев., Мар. ев., Савв. кн. только *црѣкъви* в Супр., Ассем. ев., Клоц. сборн.; в Остр. ев. — *црѣкъви*. Формы дательного, творительного, местного образованы от основы на -а; новообразование вызвано, вероятно, формой родительного множественного. Слово *кръвь* приближено в склонении еще более к основам на -й; ср. им. ед., род. мн., а также дат., твор., местн. мн.; равно также и местн. ед. Таким образом, по склонению на -и образуются только род. ед., хотя в старославянских памятниках известна и форма *кръви*. Встречающиеся формы вин. ед., например *разаръи црѣкве*, Зогр. ев., *въ црѣкъве* (in ecclesiam, ib.), *вндъ смокве*, ib., *въ црѣкъве* (in ecclesiam), *съборъиѣжъ ... црѣкъве*, *многъ ... любъве*, *великъиѣжъ црѣкъве*, Супр., *снѣж смокве*, ib.; *божнѣжъ любъве*, ib., не ясны мне по своему происхождению. Из памятников русской редакции приведу: *смокъве*, Юрьевск. ев., 193а; *ващъшо любъве*, Поуч. Констант. Болг., 15 в; *аще любъве имате*, Ев. 1092, 99а; *любъве*, Мстисл. ев., *любъве*, *црѣкве*, XIII Сл. Гр. Бог. Что касается *прелюбы* в *прелюбы дѣяти*, *любы* в *любы дѣяти*, то это не формы вин. ед.; возможно, что это формы вин. мн. прилагательных, после которых опущено слово *дѣла* (дела), как недавно объяснил их Н. П. Некрасов¹. В др.-сербском находим: *любы*, *люби*, *црѣкы*; род. ед. — *любъве*, *црѣкве*, *кръве*; дат. — *црѣкви*, *љубави*; вин. — *любовь*, *любавь*, *црѣкъвь*; твор. ед. — *любавю*, им. мн. — *црѣкви*, род. мн. — *црѣкв* (и *црѣкава*); дат. — *црѣкв*; тв. мн. — *црѣкв*ами. В древнепольском им. ед. — *кгу* (итак, форма, не изве-

¹ Заметка о старославянской форме *любы* в выражении *любы дѣяти* („Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук“, т. XIV, кн. 4, стр. 165—174). (Ред.)

стная ни из старославянского, ни из древнерусского), в вин. — рядом с *świekr̄ew*, *cerkiew* находим *świekr̄y sw̄o* в Библии королевы Софии; в род. — *krwie*, *cerekwie*, *cerkwie*, *bukwie*, *rzodkwie*, *kotwie*, *marchwie*, *dryakwie*, *brzoskwie*, *świekr̄wie*, *chorągwie*, *rzodekwie*, *konwie*, *ostrwie*; в дат. *jątrwi*; в вин. пад. любопытная форма *cyrkwiew*, *ostrwew*, которые, по мнению проф. А. Калины, восходят к старым формам вин. на *-e* (ст.-слав. *цръкъѣ* и т. п.), причем к ним прибавлено еще *w*; в твор. ед. — *bukwią*, *dryjakią*, *żagwią*; зват. ед. — *krwi*; местн. мн. — *we krwiech*.

Примеры из древнерусских памятников.

Им. ед.: *црк̄ы камена*, Новг. 1-я, 158а; *црк̄ы*, Ипат. XI в. 117в, 222а; *црки*, 77а; *церкы*, Лавр., 331, 341; *церки*, *ib.*, 296; *любы*, Ипат., 75г; *свекры*, Дух. 1453 (С. Г. Гр. и Д., № 83). Ср. еще — *Уды*, приток Донца.

Зват. ед.: *итры*, Ипат., 195в¹.

Род. ед.: *цркве*, Ипат., 78а, 138а, 277а; *церкве*, Лавр., 276, 280, 289, 377; *ѿ церкве*, Отв. митр. Иоанна 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4); *цркве*, Гр. 1229 (Л. Е.); *желве*, Ипат., 74а; *хороугве*, 247г; *оу Стракве*, Ипат., 138в; *ѿ крове праведнаго сего*, Лавр.; *крове*, Ипат., 916, 1126; *бес крове*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 28).

Дат. ед.: *по любъви*, Новгр. 1265, № 2; *по своей любви*, Дв. гр. XV, № 132.

Вин. ед.: *дорогъвь*, Новг. 1-я, 73; *дороговь*, 208; *на итровь*, Ипат., 102г; *Страковъ*, Ипат., 137г; *за оутовь*, Русск. Пр.; *любъвь*, Тр. сп. Новг. 1-й, 636.

Местн. ед.: *въ црк̄ви*, Новг. 1-я, 211; *в лутви*, Ипат., 225в.

Род. мн.: *буковъ*, Ипат., 11а; *букъвь*, Лавр.; *ѿ святыхъ божиихъ церкв̄ь*, Опред. Влад. соб. 1274 (Сов. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 96).

Примеры из современного языка.

Им. ед. на *-ы* сохраняется в единичных образованиях в великорусских говорах: *свекры́*, Егорьев. (В. Чернышев); *свьякры́*, Касим. (Отв. № 47), Новосил. (Отв. № 77); *мая свьякры́*, Скоп. (Будде); в Донской области записана загадка: „Его матушка ее матушке свекры. Кто они?“ (Отец и дочь), Калмыков; *свекры*, Ма-

¹ Указание на источник в рукописи по описке не дано, а приведено лишь указание на лист (195в) памятника. (Ред.)

лояроsl. (Шейн, № 91, стр. 139). Церковное: слѣпая любви ему же въ сердце ся влѣпить того охромить или ослѣпить, Послов. XVIII в. (Симони, 214).

Род. ед.: угрорус.— церькве, любвѣ, Верхр., I; галицк.— церкве, крове (Осадца).

Дат. ед.: великорус.— церкви.

Местн. ед.: в церковѣ, Буйск. (Отв. № 18), Мышк. (Отв. № 78); у церкви Слущк. (Отв. № 5); лемк.— церкви, Верхр.

Твор. ед.: белорус.— цѣркаўю, Игум. (Отв. № 8).

Им. мн.: брывѣ, Свенц. (Отв. № 13).

Род. мн.: галицк.— церков (Осадца), восходит, вероятно, к новообразованию — церква.

Дат. мн.: церквам, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); царквам, Новоалекс. (Отв. № 14); угрорус.— церьквам, Верхр., I.

Твор. мн.: царквами, Новоалекс. (Отв. № 14).

Местн. мн.: царквах, Новоалекс. (Отв. № 14).

Замечания об отдельных падежах.

О целом ряде новообразований в склонении относящихся сюда основ скажу ниже. Укажу здесь на весьма раннее появление форм по склонению на -ѣ: род. ед.— цѣрки, Ипат., 206а, 206б, 105в; любви, ів., 265в; цѣркѣви, Новг. 1-я, 107; крѣви, ів., 86, 169; крѣви, Жит. Бор. и Гл. XII в.; да быша не прольали мене ради крови, Лавр.; до крѣви, Гр. ок. 1240; крѣви, Гр. 1229 (Д. Е.); род. мн.— цѣркии, Новг. 1-я, 141; дат. мн.— свекровемъ, Лавр.; по цѣрквемъ, Дух. 1328, № 21; местн. мн.— в цѣрквехъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 26а. Рано являются новообразования и в им. ед.: роусская хороуговь, Ипат., 257а. Ср.современ. великорус.— церковь, морковь, любовь, свекровь, хороуговь; белорус.— мѣркаў, цѣркаў; укр.— хорогов, кроков, церков, мѣрков, любов.

Отмеченные выше формы, как любви, могил.— цѣркиви, род. мн.— церкавей, Минск. (Отв. № 7), в церковѣ, Буйск. (Отв. № 18), заимствуют свое о из формы именительного единственного.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В общерусском праязыке унаследовано из общеславянского изменение прилагательных по трем родам (мужескому, женскому и среднему), а также по тем категориям, по которым изменялись существительные, т. е. по падежам и числам. С определяемым

существительным прилагательное согласовалось, таким образом, в роде, числе и падеже; впрочем, звательная форма имени вообще не требовала при себе прилагательного в той же форме: прилагательное являлось при существительном в звательном падеже в форме именительного падежа (однако: *фѣрнсъю слѣпѣ*, Мстисл. ев.); в звательной форме прилагательное являлось тогда, когда имело значение существительного. Прилагательное употреблялось как субъект (когда являлось в фразе отдельно от существительного) и как атрибут (когда определяло существительное); в некоторых падежных формах прилагательное употреблялось и как предикат (сказуемое), а именно в именительном, винительном, дательном и творительном падежах. В общерусском, как и в общеславянском праязыке, прилагательное склонялось или по склонению именному, т. е. изменялось так же, как имя существительное, или по склонению, сложенному с местоимением, которое в русском языке, в виду значительного приближения к склонению местоимений, можно назвать склонением местоименным. Определить даже в общих чертах, в каких именно синтаксических соединениях прилагательные склонялись в древнерусском языке по именному склонению и в каких по местоименному, представляется затруднительным; важно отметить, что в значении сказуемого прилагательное склонялось только по именному склонению. Быть может, первоначально сложное с местоимением склонение являлось в прилагательных, употреблявшихся в функции существительных, т. е. не в атрибутивном употреблении. С течением времени, однако, это склонение распространилось и на прилагательные в атрибутивном употреблении; в древнерусском языке, однако, в атрибуте удерживалась и именная форма прилагательных; в современном она исчезла, удерживаясь в великорусском наречии, и между прочим и в литературном нашем языке, в предикате: *слепой, слепой человек* по местоименному склонению, но *он слеп* по именному (в украинском и здесь местоименная форма: *слипий*). Сложное или местоименное склонение прилагательных рассмотрим ниже, изложив склонение местоимений. Здесь остановлюсь на именном их склонении.

Основы прилагательных в общем тождественны с основами существительных, но при этом в мужеских основах на твердую согласную (перед падежными окончаниями) не замечается особой категории основ, восходящих к древним основам на *-й*: основы мужеского и среднего рода восходят к основам на *-ѡ*, основы

женского рода — к основам на *-ǎ*. Точно так же в основах на мягкую согласную (перед падежными окончаниями) не замечается особых категорий основ, восходящих к древним основам на *-ǐ*; основы мужского и среднего рода восходят к основам на *-jǝ*; основы женского рода — к основам на *-ǰǎ*. Ср. *pǝvъ*, *povǝ*, *povǎ*; *s'ǐn'ъ*, *s'ǐn'o*, *s'ǐn'ǎ* (общеслав. *s'ǐn'ъ*, *s'ǐn'e*, *s'ǐn'a*). Совершенно особое образование представляют формы сравнительной степени: они восходят к древней основе на согласную *s*.

Кроме указанных основ, склонение которых мы рассмотрим ниже, в общеславянском праязыке существовали прилагательные несклоняемые с окончанием *-b*; быть может, эти прилагательные восходят к древним основам на *-ǐ*; в древнерусском сюда относятся *испъльнь* (в Жит. Феод. им. ед. — *испъльнь*, вин. ед. — *испъльнь*), *ницъ* (в Лавр.: *падъ ниць*) и некоторые другие. Быть может, диалектическое великорус. *пѳлон*, несклоняемое, восходит к такому несклоняемому *пъльнь*: ср.: *пѳлон чашка*, *полон горница*, *полон вядрѳ*, Терск.-Моздок. (Караулов).

1. Склонение основ на *-ǝ*, *-ǎ* с предшествующею твердой согласной

Эти основы склоняются по следующему образцу.

Мужеский род		
Ед. И.	<i>таǎтъ</i>	(маль)
З.	<i>таǎ'ǎ</i>	(мале)
Р.	<i>таǎта</i>	(мала)
Д.	<i>таǎѳ</i>	(малоу)
В.	<i>таǎтъ, таǎта</i>	(маль, мала)
Т.	<i>таǎтъм'ъ</i>	(мальъмь)
М.	<i>таǎ'ѳъ</i>	(мальѳъ)
Дв. И. В. З.	<i>таǎта</i>	(мала)
Р. М.	<i>таǎѳ</i>	(малоу)
Д. Т.	<i>таǎѳота</i>	(малома)
Мн. И. З.	<i>таǎ'ǐ</i>	(мали)
Р.	<i>таǎтъ</i>	(маль)
Д.	<i>таǎѳомъ</i>	(маломъ)
В.	<i>таǎѳу</i>	(мальы)
Т.	<i>таǎѳу</i>	(мальы)
М.	<i>таǎ'ѳхъ</i>	(мальѳхъ)

Средний род

Ед.	И.	та̀ло	(мало)
	З.	та̀ло	(мало)
	Р.	та̀ла	(мала)
	Д.	та̀лу	(малоу)
	В.	та̀ло	(мало)
	Т.	та̀лѣмъ	(малѣмъ)
	М.	та̀лѣ	(малѣ)
Дв.	И. В. З.	та̀лѣ	(малѣ)
	Р. М.	та̀лу	(малоу)
	Д. Т.	та̀лома	(малома)
Мн.	И. З.	та̀ла	(мала)
	Р.	та̀лѣ	(малѣ)
	Д.	та̀лѣмъ	(малѣмъ)
	В.	та̀ла	(мала)
	Т.	та̀лу	(малы)
	М.	та̀лѣхъ	(малѣхъ)

Женский род

Ед.	И.	та̀ла	(мала)
	З.	та̀ла	(мала)
	Р.	та̀лу	(малы)
	Д.	та̀лѣ	(малѣ)
	В.	та̀лу	(малоу)
	Т.	та̀лою	(малою)
	М.	та̀лѣ	(малѣ)
Дв.	И. В. З.	та̀лѣ	(малѣ)
	Р. М.	та̀лу	(малоу)
	Д. Т.	та̀лама	(малама)
Мн.	И. З.	та̀лу	(малы)
	Р.	та̀лѣ	(малѣ)
	Д.	та̀ламъ	(маламъ)
	В.	та̀лу	(малы)
	Т.	та̀лам'и	(малами)
	М.	та̀лахъ	(малахъ)

Относительно выставленных здесь ударений отмечу, что основы прилагательных, как и основы существительных, могли иметь неподвижное ударение (на окончании, например: повà — род. ед., повò — ср. р., повà — ж. р.; на корне, например: ràдо, ràда, ràди)

или подвижное ударение (в одних падежах на окончаниях, в других на основах). Основа *mao-*, *malā-* имела подвижное ударение. При распределении их я руководствовался отношениями, наблюдаемыми на именах существительных. Современные данные указывали только ударения именительных форм: в словах с неподвижным ударением женский род имеет то же ударение, что средний, в великорусских и некоторых сербских говорах; между тем в словах с подвижным ударением эти говоры в женском роде имеют ударение на окончании, а в среднем роде на основе великорус. и диалект. сербск.: *gusto*, *gŭpo*, *bŭstro*, *t'ixo*, *t'ŭsno*, при *gustà*, *gŭpà*, *bystrà*, *t'ixà*, *t'ŭsnà*). Не ясно, какое ударение имели в основах с подвижным ударением формы им., вин. мн. ср. рода; вероятнее всего, что на окончании.

По-видимому, уже в общеславянском праязыке употребление прилагательных в именной форме суживалось в пользу форм местоименного (сложного) склонения. В древнерусском языке этот процесс пошел еще дальше. Ввиду этого не лишними представляется мне привести примеры употребления форм именного склонения, не отличая атрибутивного от предикативного их значения.

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. Им. ед.: *вътече в гуры* (т. е. утече в горы) *бось*, Крас. сп. лет. XVI в.; и *бѣ градъ великъ*, Лавр.; *богатъ ждетъ пакости*, а *убогъ радости*, Послов. XVII в. (Симони, 78).

Зват.: *рабе блги и вѣрне*, Жит. Феод.; *безумьне*, *ib.*; *силне*, Ипат., 51r.

Род.: *сверѣпа звѣри доушоу имоуще*, Жит. Бор. и Гл. XII в.; *Игорева броду*, Ипат., 181б; *ѿ цѣла камени*, *ib.*, 282a; *сынъ благовѣрна отца*, Лавр., 279; *ѿ рода Варяжска*, *ib.*; *ни права ни крива не оубивайте*, *ib.*; *ѿ хмелна короба*, Новг. гр. 1265, № 1; и *ѿ мала и ѿ велика*, Новг. гр. 1270, № 3; *до живота Андрѣева*, Новг. гр. до 1305, № 10; *от оустъ Хмелева роучья*, Дв. гр. XV в., № 107.

Дат.: или иномоу доброу члѣкоу, Гр. 1229 (А); *Словѣньску же ѿзыку*, Лавр.; *богату хотя глупу всякъ дѣеть мѣсто*, Послов. XVII в. (Симони, 81); *горду быть глупымъ слыть*, *ib.*, 92.

Вин.: *на Гыцкъ берегъ*, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); *хлѣбъ рѣжанъ*, Жит. Феод.; *помсѣ золо*, Дух. 1389, № 34; *на Петровъ днь*, Новг. гр. 1270, № 3; *прислалъ своего лоучьшого попа Юрьмея и с нимъ оумна мужа Пантеля*, Гр. 1229 (А); а *пополонка конь*

воронъ, Дв. гр. XV в., № 90; богата хоть дурака всякъ почитае, Послов. XVIII в. (Симони, 81).

Твор.: зрако голубиномъ, Ипат., 40б; с црвомъ посломъ, ib., 186в; тихо глмъ, 190а; съ многомъ полономъ, 106а; стомъ Михаиломъ, ib., 108в; плаче велико, ib., 15г; великомъ моужемъ, ib., 46в; съ снмъ своимъ съ дѣтскомъ, Лавр.; со всѣмъ новымъ городомъ. Новг. гр. 1368—1371, № 16; надъ младомъ дѣтатемъ, Вопр. Кир. (Р. И. Б., VI, 36); из лѣсомъ Гнилецкимъ, Томиловомъ, Ключовомъ, Бугаевомъ, Киевск. гр. 1459; трудомъ великомъ, Ипат., 60б; лютомъ звѣремъ, ib., 72г; золото шоломомъ, ib., 245а.

Местн.: въ своемъ цѣлѣ оумѣ, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84); на мале часоу, Новг. 1-я, 44а; въ домоу презвутерове, Жит. Феод.; темнѣ березѣ, Сл. о п. Иг., 42; по Петровѣ дни, Новг. гр. 1265, № 2; на камени висоцѣ, Новг. 1-я, 156б.

Им.-вин.-зват. дв.: вѣ порозна, Ипат., 152г; то выведеть свободна моужа два, Русск. Пр. (Р. Д., I, 33); рада быста, Лавр.; в чума золота болшаа (вин.), Дух. 1328¹; взяша Треполь и Халѣпъ пуста (вин.), Лавр., 288.

Дат.-твор. дв.: ведома (вм. ведомома) же има слепома, Новг. 1-я, 41а.

Им. мн.: ради быхомъ, Новг. 1-я, 91; вы чисти есте, Западно-рус. сб. XV в., № 391 (Карский); конюси Миндовгови, Ипат., 286г; быша пьани, Ермол., 59; скори суть, Ипат., 51а; баху мужи мудри и смыслени, Лавр.; ради даемъ, ib.; аще ли зли и лукави бывають, ib.; волки бы съти а овци бы цѣлы, Послов. XVII в. (Симони, 86); терезви, пьани, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 58); готови, осѣдлани, Сл. о п. Иг., 7; конецъ копя въскрѣмлени, ib., 8; а мы... жадни веселія, ib., 26.

Род.: и вда ему вои много, Лавр.

Дат.: днѣмъ многомъ, Жит. Феод.; намъ нагомъ, ib.

Вин.: пристроите меды многи, Лавр.; мнать и мрамораны суша, ib.

Твор.: над Василковы вои, Лавр.; с дары велики, Лавр., удалыми сыны Глѣбовы, Сл. о п. Иг., 29.

Местн.: мнозѣхъ, Жит. Феод.

Ср. р. им.: и бѣ... бещислено множество, Лавр.

¹ Указание на источник по описке опущено в рукописи. (Ред.)

Дат.: по правоу словоу, Дв. гр. XV в., № 98; по здоровоу придоша, Лет. Авр.

Вин.: даль ѡсмь блюдо серебряно, Гр. ок. 1130; имѣнье много, Лавр.

Твор.: со многомъ множствомъ, Ипат., 280б; повеленьемъ Глѣбовомъ, ів., 97в.; житиѣмъ чистѣмъ, Жит. Феод.; пошли есма соухъ, Хожд. Афан. Ник.; съ племене Хамовомъ, Ипат., 3г.

Местн.: в лисѣ, Ипат., 163а; о лисѣ, Дог. 1362, № 27; в селѣ манастырскѣ, Жит. Феод.; ѡ оубьеньи Борисовѣ, Лавр.

Дв.: под сѣнію зелену древу, Сл. о п. Иг., 42.

Дат. мн.: довольномъ, Жит. Феод.; оустомъ члвчѣскомъ, Жит. Феод.

Вин.: в мѣста лѣсна, Ипат., 281а; г̄ блюда серебряна, Дух. 1328, № 21.

Твор.: тѣмы селы Фенютины и Кѣиковы, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15).

Местн.: в малѣхъ словѣхъ, Колом. Пал., 107.

Ж. р. Им. ед.: а оумреть моя дочи мала, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84); вса Роуска земля, Новг. 1-я, 47; вса Чюдьска земля, ів., 81; рать Татарьска, Новорос. сп. Новг. 4-й, 410а; свита власна, Жит. Феод.

Зват.: кнагини моа мила Ѡлго, Ипат., 298в.

Род.: мѣре стары суша, Лавр.; ѡ Григорьевы межи до Дурневы межи, Дв. гр. XV в., № 1.

Дат.: в домъ сти (вместо — сватѣ) бѣци, Дв. гр. XV в., № 88.

Вин.: под стѣ бѣю, Дв. гр. XV в., № 88; в нѣмечьскоу землю, Гр. 1189—1899; в судину малу, Лавр.; дань легьку, Лавр.; Новгородьскоую волость поустоу положилъ, Новг. гр. до 1305, № 11; цркъв каменоу, Новг. 1-я, 152б.

Твор. (примеры не могут быть отличены от соответствующей формы по местоименному склонению).

Местн.: в велицѣ чти, Лавр.; въ скърби велицѣ, Жит. Феод.; по Фектистовѣ грамотѣ, Новг. гр. 1314, № 12; по црвѣ грамоте, Новг. гр. 1270, № 3.

Им.-вин. дв.: роуцѣ съгъбенѣ имѣи, Жит. Феод.

Род. местн. дв.: ѡ руку Егупетьску, Ипат. 37б.

Дат.-тв. дв.: слезнама ѡчима, Ипат., 263а.

Им. мн.: земли игумну Василью чисты, Дв. гр. XV в., № 19; аже боудоуть въ домоу дѣти малы, Русск. Пр. (Р. Д., I, 54).

Род.: по семидесяти женъ красенъ, Ипат., 33б.

Дат.: по роснамъ землямъ, Жит. Бор. и Гл. XII в.

Вин.: привода к собѣ мужьски жены, Лавр.: ѿдати же пьрвѣе гостины коуны, Русск. Пр. (Р. Д., I, 47); в отперты двери лѣзуть звѣри, Послов. XVII в. (Симони, 87).

Твор.: со многими слезами, Лавр. 42; стѣнами силнами, Ипат., 225а; пречюдными иконами, Ипат., 282б; ризами худами, Жит. Феод.; бжтвенами лучами, Лавр.; Ѳеодосьѣвами млтвами, Лавр.; неготовами дорогами, Сл. о п. Иг., 9.

Также склоняются причастия страд. настоящего на -мъ (несомъ, -о, -а) и прошедшего на -нъ (несенъ, -о, -а).

Причастия на -ѣ утратили падежные формы и изменялись только по родам и числам: даѣ, даѣа, даѣо, мн. даѣи, даѣу, даѣа, дв. даѣа, даѣѣ, даѣѣ.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В других славянских языках также держалось в древности именное склонение прилагательных. Так, в др.-сербском находим род. ед. мужского рода: мртва, лахка; род. ед. женского: прѣдътечеви; дат. ед. мужского: бистру, тужну, лачну; дат. ед. женского: хльмьсцѣ, неговѣ, градьскѣ (так в акте XV в.), млади, бистри, славни; зват. ед. мужского: свете, безначелне (но также — боже милостив, приближен); твор. ед. мужского и среднего рода: маломъ, бѣгарскомъ, смешеномъ; местн. ед. мужского и среднего: добрѣ, Дмитрове, Грьньчаревѣ; местн. ед. женского: срьдченѣ, пѣне, кралевѣ, крвави, велици; им. мн. мужского: глуси, дрази, мали, дузи; дат. мн. мужского: довольномъ; твор. мн. мужского: хитри, љути, гвоздени; твор. мн. женского: многими, желѣзнами, христовами; местн. мн. мужского: кралѣвѣхъ; местн. мн. женского: w злащенахъ, господьнехъ. То же было и в древнепольском: муж. р. им. ед.: bogat, nag, czyst; mił, cał, czworonog, blizek wiotech; р. ед. муж.: Adamowa, Krolowa, biała; дат. ед.: żywu, krolowu; вин. ед. при одушевленном: cała, laskonoga; твор. ед.: Melehidesechowem; зват.: boże Abrahamon; вин. мн.: zbawiony, Iosefowy; твор. мн.: twoimi święty apostoły; ср. р. им. вин. ед. lubo, rano, wielko, cało, wdowino, твор. ед. ср. р. małem; им.-вин. мн. dobra, wysoka, końska, biała, twarda, niebieska, dziwna; жен. р. род. ед.: dobry, krwawy, biały, krolowu, miły; дат. ед.: drudze, niebodze, serdecznie, dostojnie; вин. ед. ojcowę, lnianę, wielikę и т. д.

Примеры из современного языка.

В великорусском наречии удерживаются именные формы прилагательных в предикате: *прав, правá, право*, им. мн. *пра́вы* вместо *пра́ви* под влиянием формы вин. мн. Отмечу диалект. *млади, ради, голодни, сыти, виновати, глуховати, прави, богати, молоди, довольни, согласни* (Мещов., Жиздр., Мышк., Скоп. и др.). В атрибуте подобные формы удержались только в песенном языке: *он са кудрями, он са русами разговариваеть*, Тульск. (Благов. Р. Ф. В., 1880). Чаше встречаются такие формы в белорусском: *дóбру малóйчыку, маладзе жане*, Слуцк. (Отв. № 5), *ворона́ коня*, Речицк. (Отв. № 17); *у мяне нима дóбра поля, на нашей ўлицы, не знайдзеш ни гóдного разумна чаловека*, Пинск. (Отв. № 11). В украинском сравнительно редко найдем такие формы даже в предикате: *зóлот, жив, готов, лáсков, рад, стар, похож, сив, чо́рон, сла́вен*.

Замечания об отдельных падежах.

О замене именных форм формами местоименного склонения, происшедшей постепенно для разных падежей, я скажу ниже.

О форме им. ед. отечественных имен на *-овъ* и *-инъ* с окончанием *-е*, извлеченным из звательного падежа, я говорил выше при склонении имен; ср., например, в Двинских грамотах XV в.: Григорьи Иванове, № 5, Селюша Павлове, *ib.*, Грихне Иванъве, № 26, Онтане Кузmine, № 35, Климата Васильеве, *ib.*, Зѣновеи Иванове, *ib.*, Сидоръ Труфанове, № 74, Тимофѣи Иванове, *ib.*, Ефимеи Степанове, № 78, Смене Ночине, № 86, и др.; в Ипатьевской летописи: Чюдине бра, ^т63г.

Отдельно должны быть рассмотрены формы на *-е* в причастиях на *-ль* и *-нъ*, как *въдале, възале, обрътене*. Скажу об этих формах ниже при обзоре позднейших явлений в области склонения.

2. Склонение основ на *-jǫ, -jā*

а) Основы на мягкие согласные

Эти основы, когда окончаниям предшествуют мягкие согласные, склоняются по следующему образцу.

Мужеский род		
Ед. И. З.	s'ip'ь	(сиѣь)
Р.	s'ip'a	(синѣ)
Д.	s'ip'u	(синю)
В.	s'ip'ь, s'ip'a	(сиѣь, синѣ)
Т.	s'ip'ьm'ь	(сиѣьмь)
М.	s'ip'i	(сиѣи)

Дв.	И. В. З.	s'ln'a	(синя)
	Р. М.	s'ln'u	(синю)
	Д. Т.	s'ln'óta	(синяма)
Мн.	И. З.	s'ln'i	(сини)
	Р.	s'ln'ь	(синь)
	Д.	s'ln'ómъ	(синямъ)
	В.	s'ln'ѣ	(синѣ)
	Т.	s'ln'i	(сини)
	М.	s'ln'ихъ	(синихъ)

Средний род

Ед.	И. З.	s'ln'ó	(синю)
	Р.	s'ln'a	(синя)
	Д.	s'ln'u	(синю)
	В.	s'ln'ó	(синю)
	Т.	s'ln'ьmъ	(синямъ)
	М.	s'ln'i	(сини)
Дв.	И. В. З.	s'ln'i	(сини)
	Р. М.	s'ln'u	(синю)
	Д. Т.	s'ln'óta	(синяма)
Мн.	И. З.	s'ln'a	(синя)
	Р.	s'ln'ь	(синь)
	Д.	s'ln'ómъ	(синямъ)
	В.	s'ln'a	(синя)
	Т.	s'ln'i	(сини)
	М.	s'ln'ихъ	(синихъ)

Женский род

Ед.	И. З.	s'ln'a	(синя)
	Р.	s'ln'ѣ	(синѣ)
	Д.	s'ln'i	(сини)
	В.	s'ln'u	(синю)
	Т.	s'ln'eju	(синюю)
	М.	s'ln'i	(сини)
Дв.	И. В. З.	s'ln'i	(сини)
	Р. М.	s'ln'u	(синю)
	Д. Т.	s'ln'ama	(синяма)
Мн.	И. З.	s'ln'ѣ	(синѣ)
	Р.	s'ln'ь	(синь)
	Д.	s'ln'amъ	(синямъ)

В.	s'ip'ѣ	(сипѣ)
Т.	s'ip'am'i	(синими)
М.	s'ip'axъ	(синихъ)

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. Им. ед.: тѣщъ, Жит. Феод.; мужъ Володимерь, Лавр.
Род.: рода княжа, Лавр.; братна вчастка, Дв. гр. XV в., № 6;
Дажь Божа внука, Сл. о п. Иг., 19.

Дат.: княжю хълопоу, Гр. 1229 (А); гню, Жит. Феод.; Костян-
тинию градоу, ib.

Вин.: тѣщъ, тѣща, Жит. Феод.; нища, Костянтинь, гнѣ, княжъ,
Жит. Феод.; въ дворъ теремнѣи штенъ, Лавр.; аже оубьютъ ти-
воуна княжа, Гр. ок. 1240; на чюжь конь, Русск. Пр. (Р. Д., I, 34).

Твор.: диввольмь, Жит. Феод.

Местн.: на столѣ штъни и дѣдни, Лавр.; на княжи острови, Дв. гр.
XV в., № 54; Костянтини градѣ, Жит. Феод.: на далечи пути,
Лавр.; на дворѣ Поромони, Лавр.; на Бошни оулкѣ, Новг. 1-я, 1526;
на столѣ оци, Новг. 1-я, 76а.

Им.-вин. Дв.: оба есвѣ Святѣславличя, Сл. о п. Иг., 7.

Им. мн.: Стрибожи внуци, Сл. о п. Иг., 12; любо боирьстии,
любо чернѣчи, Русск. Пр. (Р. Д., I, 38; холопи).

Род. мн.: оу Володимерь вои, Ипат., 57г.

Вин. мн.: боиры Ідрославлѣ, Лавр.

Ср. р. Им.-вин. ед.: гне, Жит. Феод., дыволе наѣченъе, ib.;
а то кнже, Новг. гр. 1265, № 2.

Род.. матернѣи чрева, Жит. Феод.; без княжа слова, Русск.
Пр. (Р. Д., I, 51).

Местн.: на игумени мѣстѣ, Лавр.; а въ прочи княжю поточити и,
Русск. Пр. (Р. Д., I, 52), въ обчі, ib., 29.

Им.-вин. дв.: гни, Жит. Феод.

Ж. р. Им. ед.: Мстиславля, Лавр. 278; Володимеря, ib., 281;
шбѣча смртѣ, Лавр.; глава конача, мати Ідрославла, ib.; а руска
земля далеча, Лавр.; аще и вѣща душа, Сл. о п. Иг., 36; матерна
часть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45).

Род. ед.: княжѣ правдѣ¹, Ипат., 80а; вѣры Бохѣмичѣ, Лавр.;
Пасынѣчѣ бесѣды, Лавр.; жены дулѣблѣ, ib.; до смрти Ідрославлѣ,
Лавр.; штънѣ смрти, Лавр.

Дат. ед.: по зависти дыволи, Лавр.

¹ В рукописи *правды* с ?, в оригинале *правдѣ*, но в вариантах *правды*. (Ред.)

Вин. ед.: братъню тѣщерь Ароню, Лавр., въ чюжую землю, Русск. Пр. (Р. Д., I, 36).

Местн. ед.: въ прельсти дьволи, Лавр.

Им. дв.: ать не тѣщи роуцѣ боудуть, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54).

Вин. мн.: вса рѣчи Стославлѣ, Лавр.; расѣкоша лодѣѣ Грославлѣ, Лавр.

Сопоставление с другими славянскими языками.

Из др.-сербского приведу род. ед. м. р.: господня Миколи дъне; род. ед. ж. р.: тоуге (туђе), медвѣгю; дат. ед. м. р.: господню; дат. ед. ж. р.: Степани; местн. ед. м. и ср. р.: господни; местн. ед. ж. р.: кнежи; им.-вин. ср. р.: послѣдња; дат. мн. м. и ср. р.: владичьнемь. Из др.-польского: род. м. и ср. р. *cus* (т. е. *czudz*), из Библии кор. Софии, *gowpia*, вин. ед., м. р. *groźnia*, *gowpia* и т. д.

Замечания об отдельных падежах.

Отмечу в Жит. Феод. *княжемь повелениѣмь* вместо ожидаемого *княжьмь*; форма неясная; быть может, церковнославянская.

б) Основы на \dot{i} (\dot{j})

Когда окончания предшествуют \dot{i} (\dot{j}), то рассматриваемые основы склоняются по следующему образцу:

Мужеский род

Ед. И.	bòžĭi (божи)	Дв. И. В.	bòžĭja (божи)
Р.	bòžĭja (божи)	Р. М.	bòžĭju (божию)
Д.	bòžĭju (божию)	Д. Т.	bòžĭjota (божиѣма)
В.	bòžĭi , (божи, bòžĭja божи)	Мн. И.	bòžĭji (божи)
Т.	bòžĭim'ь (божимь)	Р.	bòžĭi (божи)
М.	bòžĭji (божи)	Д.	bòžĭjot'ь (божимь)
		В.	bòžĭjĕ (божиѣ)
		Т.	bòžĭji (божи)
		М.	bòžĭjix'ь (божихь)

Средний род

Ед. И.	bòžĭjò	(божиѣ)
Р.	bòžĭja	(божи)
Д.	bòžĭju	(божию)
В.	bòžĭjò	(божиѣ)
Т.	bòžĭjim'ь	(божимь)
М.	bòžĭji	(божи)

Женский род

bòžĭja	(божи)
bòžĭjĕ	(божиѣ)
bòžĭji	(божи)
bòžĭju	(божию)
bòžĭjeju	(божиѣю)
bòžĭji	(божи)

Дв. И. В.	bòžĚji	(божини)	bòžĚji	(божини)
Р. М.	bòžĚju	(божию)	bòžĚju	(божию)
Д. Т.	bòžĚjōma	(божиѣма)	bòžĚjata	(божиѣма)
Мн. И.	bòžĚja	(божиѣ)	bòžĚjĚ	(божиѣ)
Р.	bòžĚi	(божини)	božĚi	(божини)
Д.	bòžĚjōmъ	(божиѣмъ)	božĚjamъ	(божиѣмъ)
В.	bòžĚja	(божиѣ)	bòžĚjĚ	(божиѣ)
Т.	bòžĚji	(божини)	bòžĚjam' i	(божиѣми)
М.	bòžĚjixъ	(божи ихъ)	bòžĚjaxъ	(божи ихъ)

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. Им. ед.: wбра³... песеи, Палея 1477; за смердии холопъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 31); смердеи сынъ, Послов. XVII в. (Симони, 99); холопеи отвѣтъ, Послов. XVII в. (Симони, 150); видяль коровеи сле, ^а ib., 152; заечье сердце, ib., 147; бабеи то промысль, ib., 174.

Род.: полътретии десате, Гр. ок. 1130; бѣи, Жит. Феод.; ѿ бѣи повелѣнѣи, Жит. Феод.

Дат.: божию, Жит. Феод.

Вин.: божиѣ, божиѣ, Жит. Феод.

Твор.: пособиемъ бѣемъ, Ипат., 111 г. бѣиѣмъ, Новг. 1-я, 192; бѣиѣмъ, Жит. Феод.

Местн.: бѣи, Жит. Феод.

Ср. р. Им.-вин. ед.: на третие лѣто, Новг. гр. 1456 (А. А. Э., I, № 57); бѣиѣ, Жит. Феод.; за коровиѣ молоко, Русск. Пр. (Р. Д., I, 38).

Им.-вин. мн.: божиѣ, Жит. Феод.

Род.: бѣиѣ чудесъ, Жит. Феод.

Женск. р. Им. ед.: бѣиѣ, Жит. Феод.; шюба боранѣи, Дв. гр. XV в., № 116; шюба овечья, а душа чловѣчья, Послов. XVII в. (Симони, 158).

Дат.: по бѣиѣ правдѣ, Гр. 1285.

Вин.: по третю зиму, Новг. гр. 1456 (А. А. Э., I, № 57); божию, Жит. Феод.; вражию, Жит. Феод.; шюбу боранью, Дв. гр. XV в., № 121; кровь рыбию, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 47).

Твор.: бѣиѣю, Жит. Феод.

Местн.: медвѣжьи, Ипат., 72 г.; в бѣиѣ воли, Дог. 1371, № 31; бѣиѣ, Жит. Феод.; по холопѣи речи, Русск. Пр. (Р. Д., I, 53).

Им.-вин. дв.: бѣиѣи, Жит. Феод.

Им.-вин. мн.: а робъѣ дѣти (им.), Русск. Пр. (Р. Д., I, 54).

Дат.: волнамъ вельѣмъ, Лавр.

Твор.: вражими къзньми, Жит. Феод.

Местн.: въ сватыхъ божиихъ церкъвахъ, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 95).

Замечания об отдельных падежах.

В твор. ед. вместо ожидаемого — *-b̆jĭt'ь* находим *-b̆jet'ь* (см. в примерах); возможно, что это старое окончание, не вытесненное еще через *-b̆jyt'ь* (откуда — *-b̆jĭt'ь*) под влиянием именных основ на *-ĭ* и *-ĭ̆*.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском видим то же склонение. Отдельные формы можно привести и из древнесербских памятников: твор. ед. — *божиемъ*, *божию*; твор. мн. жен. — *вражими*.

Примеры из современного языка.

Об отношении современных форм, как великорус. *козья* — им. ед. ж. р., *кунью* — вин. ед. ж. р., *божья* — им. мн., к древним формам именного склонения будем говорить впоследствии; отмечу здесь, что современное *козья шерсть* не может быть отождествлено с древним *козья шерсть*, как видно, например, из того, что род. ед. м. и ср. рода будет не *козья*, а *козьего* (из *козьего меха*); очевидно, наши *козья*, *божья*, *третья* и т. п. вместо *козьья*, *божьья*, *третьья*.

Польск. *samołrzec'*, вероятно, под влиянием *samoczwart* и т. п.

3. Склонение основ со значением сравнительной степени

Присоединение известных суффиксов к основам имен прилагательных придает им значение сравнительной степени. Таким образом, в изменении прилагательных (или точнее — многих прилагательных, так как не все прилагательные допускают по самому своему значению степени сравнения) возникает новая грамматическая категория, состоящая в том, что одни прилагательные имеют значение положительное, а другие относительное или сравнительное. Сравнительное значение сохранялось, однако, в общеславянском и древнерусском только при наличии сравнения; иначе формы сравнительной степени получали значение превосходной степени, которое может иметь и самостоятельное образование, а именно посредством префикса *наи-*, предпосылаемого основе сравнительной степени прилагательных. Сравнительная степень

образовывалась посредством суффикса *-jъs*, который присоединялся или непосредственно к основе, например, *xid-* (*хоуд, худой*) образует *xid-jъs*, откуда **xijъs-* (ср. им. мн. др.-русск. *хоужьше*), *dorg-* (*дорог, дорогой*) — *dorg-jъs-*, откуда *dorg-ъs-* (ср. им. ед. ж. р. др.-русск. *дорожьши*), или же присоединялся к основе, распространенной окончанием *-ъ*: *nov-* (*нов, новый*) образует **novъ-jъs-*, откуда **novъjъs-* (ср. им. мн. др.-русск. *новъйше*). Основы на уменьшительные суффиксы *-ъk*, *-ьk*, а также на суффикс *-ok* обыкновенно отбрасывали перед *-jъs* эти суффиксы и присоединяли таким образом *-jъs* непосредственно к основе прилагательного: **kort-ъk-ъ* (русск. *короток*, ст.-слав. *кратъкъ*) образует *kort-jъs-* (ср. эту основу в др.-русск. им. ср. р. *короче*); *vys-ok-ъ* образует **vys-jъs* (ср. др.-русск. *выше*), *tež-ъk-ъ* образует *težjъs* (ср. др.-русск. *тяжьши*) и т. д. Впрочем, встречаются и образования на *-ajъs* (из *-ejъs*, *-ъjъs*), присоединенное непосредственно к основе на указанные суффиксы, например: др.-русск. *мякъчашш-*, современ. русск. *высочайш-*, церковнослав. *кратъчанш-*.

Согласная *s* суффикса *-jъs* еще в общеславянском праязыке перешла в *x*; это *x* смягчилось перед гласными переднего ряда в падежных окончаниях (а большинство этих падежных окончаний содержало именно такие гласные) в *š*, которое вытеснило по аналогии и то *x*, что оставалось несмягченным перед гласным заднего ряда. Появление во всех падежных формах согласной *š* (а именно *š'*) в окончании основы имело последствием отождествление склонения основ сравнительной степени со склонением вообще всех основ на мягкую согласную (из согласной $+j$); сохранились лишь некоторые следы старых окончаний склонения на согласную (на согласную *s* суффикса *-jъs*): окончание им. мн. м. р. *-e*, например: *xijъš-e* (при *xijъši*, ср. *s'in'i*); окончание им.-вин. ед. ж. р. *-i*: *xijъš-i* (не *xijъša*, ср. *s'in'a*); им. ед. на *-ъi* (*nov'ъi*) восходит непосредственно к **-ъjъš* с утратой *š* в конце слова; ожидаемые формы им. ед. на *-ь* (**xijъь*) из **jъš*, по-видимому, не сохранились, а заменены окончанием *-ъi*; вероятно, что конечное *i* из таких форм, как *nov'ъi*, *dovъi*. Формы им.-вин. ср. р. общеслав. *xize*, *nov'ъje* имеют *e*, по-видимому, из исконного *-es*, *-jes*. Во всех остальных падежах видим образования по склонению основ на *-jъš*; в частности, вин. ед. м. р. *xijъšь*, *nov'ъiшь* (при *nov'ъi*) — новообразования, вызванные (еще в общеславянском праязыке) аналогией других падежных форм.

Образец склонения в древнерусском языке.

Мужеский род

Ед. И. З.	xùžyĭ	pòv'ĕi
Р.	xùžьša	pov'ĕiša
Д.	xùžьšu	pov'ĕišu
В.	xùžyĭ (-ьшь)	pòv'ĕi (-iшь)
Т.	xùžьшьm'ь	pov'ĕi ŝym'ь
М.	xùžьši	pov'ĕi ši
Дв. И. В. З.	xùžьša	pov'ĕiša
Р. М.	xùžьšu	pov'ĕišu
Д. Т.	xùžьšoma	pov'ĕišoma

Средний род

Женский род

Ед. И. З.	xùžò	pov'ĕje (xùžьšò, pov'ĕjšò)	xùžьši	pov'ĕiši
Р.	—	—	xùžьшь	pov'ĕiшь
Д.	—	—	xùžьši	pov'ĕiši
В.	xùžò	pov'ĕje (xùžьšò, pov'ĕjšò)	xùžьšu	pov'ĕišu
Т.	—	—	xùžьшеju	pov'ĕiŝcju
М.	—	—	xùžьši	pov'ĕiši
Дв. И. В. З.	xùžьši	pov'ĕiši	xùžьši	pov'ĕiši
Р. М.	—	—	—	—
Д. Т.	—	—	xùžьšama	pov'ĕišama

Мужеский род

Мн. И. З.	xùžьšò	pov'ĕišò
Р.	xùžьшь	pov'ĕiшь
Д.	xùžьšomъ	pov'ĕišomъ
В.	xùžьшь	pov'ĕiшь
Т.	xùžьši	pov'ĕiši
М.	xùžьшихъ	pov'ĕiŝixъ

Средний род

Женский род

Мн. И. З.	xùžьša	pov'ĕiša	xùžьшь	pov'ĕiшь
Р.	—	—	xùžьшь	pov'ĕiшь
Д.	—	—	xùžьšamъ	pov'ĕišamъ
В.	xùžьša	pov'ĕiša	xùžьшь	pov'ĕiшь
Т.	—	—	xùžьšam'i	pov'ĕišam'i
М.	—	—	xùžьсахъ	pov'ĕiŝaxъ

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. Им. ед.: азъ всмь мнии тебе, Лавр.; премудрѣи, старѣи, мьнии, Жит. Феод.; не хужии бѣ первы праведни, Лавр.; то токмо (чит.: кто) имъ ближе боудоуть (чит.: боудеть), Русск. Пр. (Р. Д., I, 54).

Дат.: старѣишо, Жит. Феод.; мьньшо, ів.

Вин.: кто лучеи створить пиръ, Отв. митр. Иоан. 1080—1889 (Чуд. Кормч. XIV в. № 4).

Ср. р. Им.-вин. ед.: больше, тѣснѣше, Жит. Феод.; болше зло наводитъ на землю, Жит. Феод.; луче бы ми оумрети, Лавр.

Род.: желая больша имѣнья, Лавр.

Жен. р. Им. ед.: вода бы больши, Новг. 1-я, 47; больши сила, ів., 193, дѣа ми своя лутши всего свѣта, Лавр.; (честь) пуци ны Игоревы смрти, Лавр.; крѣпцѣиши брань належить, Ипат., 253а; та бо естъ млтва всѣ лѣпши, Лавр.

Вин.: ващю, Жит. Феод.; на болшо крѣпость, Гал. гр. 1404; болшо рану въсприяти, Новг. 1-я, 32 б.

Им. мн.: оунше, Жит. Феод., и лѣпше будемъ яко и пре, Лавр.; лѣпше суть измерли, Лавр.

Вин. мн.: послаша к нему дары больша первыхъ, Лавр.

Дат. мн.: большомъ, Поуч. Конст. Болг., 81 в.

Замечания об отдельных формах и окончаниях.

Появление *-ѣе*, *-ѣиш* вместо *-ае*, *-аиш* после шипящих обязано влиянию аналогии; например: крѣпцѣиши брань, Ипат. 253 а; лѣжѣе, Лавр. 282; ср. в церковнославянских памятниках русской редакции: множѣе, Гал. ев. 1144, 99 в, 145 а; множѣиша, ів.; лѣжѣе, Поуч. Конст. Болг., 215 в; легъчею, Добрил. ев., 53 д (ср. легъчаю, 53 д); легъчѣе, Ев. XIII в., № 6, 48 в (ср. легъчаю 49 а), множѣиша, 78 в (ср. множайша, 165 а).

Образование им. ед. ж. р. — *драгѣиши* (есть каменя многоцѣнна), Лавр., вместо *дражѣиши* под влиянием *драг-*; *лѣпше*, *лѣпши* вместо *лѣпльше*, *лѣпльши*.

В им. ед. отмечу — не хужь естъ, Ипат., 51 а.

Им. мн. на *-і* вм. *-е*: нѣ скорѣиши быхомъ на зло, Новг. 1-я, 110 а.

По-видимому, еще в общерусском праязыке формы среднего рода, как *хижѣо*, *пов'ѣје* (новѣю), стали заменять формы именительного

падежа¹ всех трех чисел и родов. Причина этой замены для меня не ясна. Она повела к полной утрате склонения форм сравнительной степени; возможность изменяться по падежам сохранилась только за теми основами, которые потеряли значение сравнительной степени, ср. *большій, меньшій, лучшій*. Впрочем, правильнее, быть может, поставить вопрос так: формы среднего рода вытеснили формы других родов в предикативном употреблении; в атрибутивном употреблении сохранились формы с местоименным склонением. Следовательно, перед нами собственно исчезновение именного склонения основ сравнительной степени. Приведу примеры из памятников: *сиа же бѣшетъ емоу всихъ милѣе*, Ипат. 287 б; *взлѣ зла чѣтъ Татарская*, *ib.*, 271 б; *се азъ старѣ Ярославъ, а ты Игорю старѣ Всеволода*, *ib.*, 217 б; *сего суть кметье луче*, Лавр. Подобную же замену в атрибуте находили, например, в таком примере: *грозна боронивъ ѿчиноу свою ѿ сильнѣе себѣ кнѣзи*, Лет. Авр. Отметим в церковнославянских памятниках русской редакции: *аше ли хочещи добрѣе мира быти*, Поуч. Ефр. Сир., 243 б; *сунни ѡсть тебе тать и соулѣе ѡсть тебе блудникъ*, *ib.*, 116 г; *и се множа*, *Иѡны сде*, Пантел. ев., 84а (ср.: *и се множаи Соломона сде*, *ib.*, 84а), *всѣ же чтиѣе семаи нела*, Сб. XV в. № 53, 255; *яко црѣ боле кнѣе, азъ ѡсмь горѣе всѣ*, *ib.* (Каринск.); *в теле бо члѣку всего чтее очи*, Соф. XV в. № 1262 (Каринск.); *не душа ли боле тѣла есть*, Новг. ев. XIV в. (Фп. I, 17), Публ. библ. (Л. Васильев).

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянском то же склонение, что в древнерусском: при формах винительного падежа мужского рода, сходных с именительным (как *мьни*), встречаются образования, как *ѡууѣшь* (вместо *ѡууѣшь*); в им. мн. ср. рода, кроме окончания *-а*, известно также окончание *-і*: *ѡльши*, Супр.; *горѣши*, Зогр. ев.; в им. мн. м. р. вместо *-е* является окончание *-і*, впрочем, сравнительно редко; отметим из памятника русской редакции: *ѡуѣши*, Гал. ев. 1144, 13 а.

4. Склонение причастных основ настоящего времени

Основа причастия настоящего времени оканчивалась некогда на *-ont*, в им. ед. м. р. являлось *-ons* (из *-ont-s*); в основах на

¹ В рукописи по описке „числа“ (вместо „падежа“). (Ред.)

-ī вместо *-ont* под влиянием форм настоящего времени (*xvalitŭ, letitŭ*) являлось *-int* (*xvalint-, letint-*), откуда затем *-et* (*xvalēt-, letēt-*); также вместо *-ens* ждем *-ins* (откуда было бы *ī*), но вместо *-i* находим под влиянием других падежей *-e* (*xvalē*). В середине слова *-ont* изменилось в *-ot* как после твердых, так и после мягких согласных (*idot-, nesot-, znajot-*); в конце слова, а именно в им. ед. вместо *-ons* являлось после мягких согласных *-ens*, откуда *-ŋ* (**znajŋ, *rŋacŋ*), а после твердых согласных *-ŋns*, откуда *-y*. Таким образом, отношение **znajŋ* к *nesy* аналогично отношению **vol'ŋ* к *vody* в род. ед., *konŋ* к *rŋody* в вин. мн., но, по-видимому, еще в общеславянском праязыке **snajŋ, *rŋacŋ, *riŋŋ* и т. п. заменялись через *znajē, rŋacē, riŋē* под влиянием образований, как *ходē, проŋē, letē, sŋdē* и т. п. (Ср. вытеснение через *e* также и окончания *-y* в отдельных славянских языках.) Что касается формы им.-вин. ср. рода, как *nesy, idy*, то они заменили **nesŋ, *idŋ* (во что должно было измениться **neson, *idon*) под влиянием форм муж. рода вследствие того, что в основах на *-ī* (как *xvalē, letē*) и в основах на *-jŋ* формы им.-вин. ср. рода были тождественны с формами им. падежа мужеского рода. Однако основы на *-ot, -jot, -et* являлись в таком (нераспространенном) виде только в им. падеже мужеского и среднего рода (ср. выше), а также некогда и в формах им. мн. мужеского рода и им. ед. женского рода (**nesote, *xvalēte, *nesoti, *xvalēti, *znajoti*); во всех остальных падежах они заменялись распространенными основами на *-otjo, -jotjo, -etjo* с дальнейшими изменениями в *-oŋŋo, -joŋŋo, -eŋŋo* (**nesoŋŋo-, *znajoŋŋo-, xvalēŋŋo-*). Из этих падежей измененная согласная *ŋŋ* заменяла *t* также и в формах им. мн. муж. рода и им. ед. жен. рода (*nesoŋŋe, xvalēŋŋe, nesoŋŋi, xvalēŋŋi*). Замечательно отличие винительного ср. р. от именительного.

Приведу образец склонения в древнерусском.

	Мужеский род		Средний род	
Ед. И. З.	п'ösŷ	(несы)	п'ösŷ	(несы)
Р.	п'ösùča	(несоуча)		
Д.	п'ösùču	(несоучю)		
В.	п'ösùčъ, -а	(несоучъ, -а)	п'ösùčò	(несоуче)
Т.	п'ösučъm'ь	(несоучьмь)		
М.	п'ösùči	(несоучи)		
Дв. И. В. З.	п'ösùča	(несоуча)	п'ösùči	(несоучи)
Р. М.	п'ösùču	(несоучоу)		
Д. Т.	п'ösùčòma	(несоучема)		

Мн. И. З.	п'ösùčò	(несоуче)	п'ösùča (несоуча)
Р.	п'ösùčь	(несоучь)	
Д.	п'ösùčòтъ	(несоучемъ)	
В.	п'ösùčѣ	(несоучѣ)	п'ösùča (несоуча)
Т.	п'ösùči	(несоучи)	
М.	п'ösùčixъ	(несоучихъ)	

Женский род

Ед. И. З.	п'ösùči	(несоучи)
Р.	п'ösùčѣ	(несоучѣ)
Д.	п'ösùči	(несоучи)
В.	п'ösùču	(несоучоу)
Т.	п'ösùčeju	(несоучею)
М.	п'ösùči	(несоучи)
Дв. И. В. З.	п'ösùči	(несоучи)
Р. М.	п'ösùču	(несоучоу)
Д. Т.	п'ösùčama	(несоучама)
Мн. И. З.	п'ösùčѣ	(несоучѣ)
Р.	п'ösùчь	(несоучь)
Д.	п'ösùčamъ	(несоучамъ)
В.	п'ösùčѣ	(несоучѣ)
Т.	п'ösùčam'i	(несоучами)
М.	п'ösùčaxъ	(несоучахъ)

Так же склоняются основы на *-jot*, отличаясь только в формах им. ед. муж. и средн. рода: *zpaja* (из *zpaje*).

В основах на *-et*, откуда в древнерусском *-at*, вместо *и* и вместо *у* приведенного образца всюду являются в древнерусском *a*: *pos'a*, *pos'ača*, *pos'aču*, *pos'ačixъ*, *pos'ači* и т. д.

Замечания об отдельных падежах.

Уже в древнерусскую эпоху жизни русского языка окончание *-a* из формы, как *zpaja*, *pos'a*, перенеслось в формы после твердых согласных на место *у*: *pesa*, *veda* вместо *pesy*, *vedy*. Быть может, такой перенос имел место еще в ту эпоху, когда существовали носовые: *a* в *pesa*, *veda* восходило бы к *a*, явившемуся под влиянием *a* из *e* в *zpaja*, *pos'a*. Формы на *a* находим уже в древнейших русских памятниках: не дада, Жит. Феод.; река, зова, доведа, донеса, Ипат.; в церковнославянских памятниках русской редакции: не мога, Толк. апост. 1220; неса, мога, буда, ида, пекаса, Кормч. XIII в. Ср. еще современное *как мога* в наречном выражении. Дальнейшее влияние

формы на *ja, ia* сказались в том, что перед *a* такого происхождения (заменившего *y*) являлась мягкая согласная: *градѧ* в Сл. Ипп. об Ант. по сп. XII в.; ср. современ. *неся, идя, ведя*. Вообще не ясно, можно ли признать формы на *ы*, встречающиеся в памятниках, русскими.

Вообще уже очень рано склонение причастий настоящего времени в древнерусском языке утрачивается; большая часть выставленных в образце форм не может быть доказана памятниками, в книжном языке держатся старославянские формы, отличающиеся от русских тем, что имеют *шт* вместо *ч*. Отмечу появление окончания *-и* вместо *-е* в им. мн.: его же оумѣючи того не забываете доброго, да сю грамотицю прочитаючи потъснѣте сѧ на всѧ дѣла добраѧ, Лавр.; не идоуче мѧсъ ни медуу пьючи, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 4). Любопытны случаи, как: а хотаче комоу причащатисѧ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 38); а попови идоуче въ шлтарь, *ib.*, 55.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В некоторых памятниках старославянского языка известны образования в им. ед. м. р. на *ѧ* (глаголическая буква ѣ) вместо *ы*; возможно, что это *ѧ* следует читать как *ѧ* в противоположность *ѧ*, обозначающему *ѧ*: Зогр. ев.—*нѧѧ*, также в сложном склонении: *градѧн, сѧн, ѧдѧн*; в Мар. ев.—*ѧдѧн, сѧн*. Подобные образования ближайшим образом связаны с русскими причастиями на *-а* после твердых согласных: *нѧѧ*, вероятно, тождественно с русским *неса*. Вместо *ѧ* известно и *ѧ*: Савв. кн.—*живѧ, сѧн*; в Клоц. сборн.—*сѧн, градѧн*; Син. молитв.—*живѧн*; Ассем. ев.—*ѧдѧн*. Эти образования могут быть отождествлены с русскими образованиями на *а* после мягкой согласной, как *неся, ведя*, хотя мало вероятным представляется допустить генетическую связь между ними; они могли появиться независимо под действием сходных причин и в русском, и в старославянском языке. В остальных падежах склонение причастий в старославянских памятниках представляет формы, тождественные с восстанавливаемыми для древнерусского. Рядом с обычным окончанием *-е* в им. мн. встречается также *-и*, например в Мар. ев.—*выходаштѧ*. В чешском языке в им. ед. известны те же образования, что в древнерусском: *reka, veda, pesa, pleta, buda, sedna*; *-a* объясняется переносом из старочешских форм, как *trp'a, mlát'a, chod'a, sed'a, teša*; диалектически известны и образования, как *ved'a, id'a, bud'a, pl'et'a, sedn'a*, очевидно, тождественные с современными русскими *неся, ведя* и т. п. В древне-

польском языке также не известно окончание -у в им. ед.: оно заменено через *ą, o*, вероятно, под влиянием формы косвенных падежей: *nieoą, moą, zeko, przydą* — под влиянием **nieoąca *przydące* и т. п. Это причастие настоящего времени в польском уже искони потеряло способность склоняться и употребляется как деепричастие, оканчиваясь в древнейшем периоде на -*ą* (*zową, każą, sałują, dają, proszą, mówią, leżą, stoją*), а также на -*ąc*, очевидно, из *ącъ* (по форме это вин. пад. ед. ч. м. р.): *zekaąc, siekaąc, moгаąc, mys'łaąc, wiodąc, chwatając* и т. д. Впрочем, древний язык знал еще форму ж. р. на -*ący* (из общеславянского -*otji*): *modlący się prosiła* и т. п. В др.-сербских памятниках встречается в им. ед. м. р. окончание -*ы*, как *дады, цвьты, иды, некы, моги*, но возможно, что это церковнославянизмы; уже в древнейшую эпоху это окончание заменяется через *e* (восходящее к общеславянскому *ę*), которое заимствуется из таких основ, как *просе, носе, држе, виде*, с одной стороны, *гледае, пише, плаче, прашаје* — с другой. И в сербском причастие настоящего времени весьма рано утратило способность склоняться; оно встречается почти исключительно в им. пад. ед. и мн. числа (для последней формы отмечу в виде примеров: *гредјће, сидеке, видеће, кѣпјюке*, рядом также окончание -*и*: *бѣдѣћи, бијући, седећи, носећи, зовући*), причем в им. ед. известно новообразование на -*ућ* и -*ећ*, тождественное с отмеченными выше польскими -*ąc* (*идућ, горећ, бра-нећ, делајућ, пишајућ*). Косвенные падежи весьма редки в древних памятниках (в стороне оставим церковнославянские образования с *щ*); ср. дат. ед. м. р. — *боудоукоу*; дат. ед. ж. р. — *боудоуки*. Но в памятниках XV—XVII вв. встречаются формы, как род. ед. муж. и ср. р. — *умијућа, говорећа*; дат. ед. ж. р. — *текући*, в ж. р. — *траву посећу сјеме* и т. д.

Примеры из древних памятников.

В Лавр. лет.: *Половьци... пустиша по земли воююче; не вѣдуче что сѧ надъ Кътаномъ створи; и за руки емлюче сѣцахусѧ; се же рѣша*
Гръци льстаче подъ Русью, си словца прочитаюче дѣти моѧ бжтвная
похвалите бѧ, братьѧ посылаючи по нь призываху брата к монасты-
рю; в Новг. 1-й: вести не дадуце Къеву къ Мьстиславу (34б), а Свя-
тослава силою местяце въ городъ (34б), идоша по Волзѣ воююче
(84), Новгородци же много уимаша и молячеса (101б). Ср. еще:
своѧ злобы не останучесѧ, Отв. митр. Иоан. 1080—1889 (Чуд.
Кормч. XIV в., № 4); не смѣслаче, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI,

35), жены дѣлауче, ib., 58; врани... трупіа себѣ дѣлаче, Сл. о. п. Иг., 17; не дадоуче ѿмоу коунѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 47); под лежачь вода не идетъ, Послов. XVII в. (Симони, 132).

5. Склонение причастных основ прошедшего времени

Основа причастия прошедшего времени является с окончанием *-ъs* после согласных и *-ъs* после гласных: *vedъs-*, *znavъs-*. Вместо *-ъs* после мягких согласных (точнее — после *ʃ*) находим *-ъs*: *xval'ъs-*, *цъs-* и т. п. В им. ед. м. р. видим *vedъ*, *znavъ* в результате отпадения *s* (на месте *ъs*); в им. ед. ср. р. также *vedъ*, *znavъ* в результате отпадения *s*. Окончание *s* основы переходило в *x* в положении между гласными; *x* перед гласными переднего ряда изменялось в *š*: им. мн. *vedъše*, им. ед. ж. р. *znavъši*, им. дв. ср. р. *vedъši*. Появление такого *š* вместо *x* в ряде форм имело последствием неорганическое вытеснение *x* через *š* во всех вообще падежных формах; так явилась производная основа на *-ъšo*, *-ъšo*; от нее образуются все те падежи, которые не представляются образованными от основ на согласную, например: род. ед. м. р. *vedъša*; дат. ед. *znavъšu*, вин. ед. ж. р. *znavъšo* и т. д. В вин. ед. м. р. является новообразование на *-ъšъ* от основы на *-ъšo*: *vedъšъ*, *znavъšъ*, *xval'ъšъ*. Ср. сходные явления в склонении форм сравнительной степени.

Приведу образец склонения в древнерусском:

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И. З.	п'òsъ	п'òsъ	п'òsъši
Р.	п'òsъša	—	п'òsъšъ
Д.	п'òsъšu	—	п'òsъši
В.	п'òsъšъ	п'òsъšo	п'òsъšu
Т.	п'òsъšъm'ъ	—	п'òsъšeju
М.	п'òsъši	—	п'òsъši
Дв. И. В. З.	п'òsъša	п'òsъši	п'òsъši
Р. М.	п'òsъšu	—	—
Д. Т.	п'òsъšoma	—	п'òsъšama
Мн. И. З.	п'òsъšo	п'òsъša	п'òsъšъ
Р.	п'òsъšъ	—	—
Д.	п'òsъšomъ	—	п'òsъšamъ
В.	п'òsъšъ	п'òsъša	п'òsъšъ
Т.	п'òsъši	—	п'òsъšam'i
М.	п'òsъšixъ	—	п'òsъšaxъ

Сопоставление с другими славянскими языками.

Настоящий образец составлен преимущественно на основании фактов старославянского языка, представляющего вообще тождественные с приведенными формы склонения, отличающиеся от русских форм только фонетически. В множественном числе при обычном окончании *-e* (*несъше*) известно также более редкое *-и* (*вндѣвъши*, Мар. ев.). Приведу примеры из др.-сербского: *шад* (т. е. *шьдъ*), *падъ*, *прочъть*, *довед*, *понесъ*, *изънесъ*, *улиз*, *раждегъ*, *утек*, *ѡзамъ*, *поимъ* (т. е. *ројъшъ* вм. ожидаемого *ројѣшъ* — *поимъ*), *вставль*, *створъ*, *коупль*, *давъ*, *знав*, *дигнув*, *гледав*, *обратив*; им. мн.: *узамше*, *пришаче*, *регше*, *вставльше*, *разумѣвше*, *промисливше*; им. ед. ж. р.: *пришьдъши*; дат. м. р.: *процвѣтшѣ*, *извольшоу*; род. ед. ж. р.: *вставше*; вин. ед. ж. р.: *сподобальшѣ*, *бившѣ*; твор. мн. м. р.: *ѡгодивши*; им. дв. м. р. *вженивша се*. Весьма рано формы им. ед. м. р. (как *шад*, *утек* и т. п.) стали употребляться на месте им. мн. м. и ж. р., им. ед. ж. р., а форма им. мн. м. р. (как *смотривше*, *познавше*, *пошадче*) — на месте им. ед. м., ж. и ср. р., им. мн. ж. р. — В польском языке весьма рано в основах на согласную на месте отпавшего *-ѣ* является *-w*, заимствованный из основ на гласную: *staw*, *skryw*, *połbw*, *pińaw* и т. п. вызвали *wyszędw*, *spadw*, *wsiadw*, *wzniosw*, *rzekw*, *przetogw*. Но подобные формы на *-w* после гласных и согласных с XV в. вытесняются формами на *-wszy*, которые по происхождению могут восходить частью к формам им. мн., частью им. ед. ж. р.: *wstawszy*, *bywszy*, *obuwszy*, *chwaciwszy*, *bieżawszy*, *rzekwszy*, *zbiegwszy*, *ostrzygwszy*, *wzmogwszy*, *uciekwszy*, *posiekwszy* и т. п.

Примеры из древнерусских памятников.

Избивъше стороже двърныя, Новг. 1-я, 39а; попадъ мечь, *ib.*; ту же мысль примъ, *ib.*, 89; съньтошемъся всѣмъ на Исадѣхъ; *ib.*, 89а; изъмъше мечя своя, *ib.*, 89б; не мало ти величїя лелѣявщу князя на влѣнахъ, Сл. о п. Иг., 42; то повѣдавше юмоу пошти оу него штрокъ и шедъши оувазати и, Русск. Пр. (Р. Д., I, 56).

Замечания об отдельных падежах.

В им. мн. вместо окончания *-e* является также окончание *-и*. Формы им. ед. м. и ж. р., так же как формы им. мн., рано стали употребляться как деепричастия; ср. и такое употребление: *князю же очютивъше*, Новг. 1-я, 39а, но об этом скажу подробнее в отделе спряжения¹. Там же отмечу появление окончания *-а*

¹ Этот отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

(с предшествующею твердою или мягкою согласною) вместо -ѣ, отпавшего в им. ед. м. р.: *възѣма* (Лавр. лет.) вместо старой формы *възѣмѣ*, *сверга* (ib.) вм. *сѣвѣргѣ*, *повѣргѣ* (Новг. гр. 1305—1308, № 11) вм. *повѣргѣ*. Так же объясняются формы на -а с предшествующею мягкой согласною вместо -ивѣ, точнее вместо формы на -ѣ с предшествующею смягченною (действием *j*) согласною: Лавр.—*выступа*, современ. *потупя взор*, *спустя рукава*, *сломя голову*, *наклонясь*, *возвратясь* и т. п.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СКЛОНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Имена числительные в древнерусском языке были частью прилагательными: *один* (*едѣнь*), *дѣва*, *три*, *четыре*; частью существительными: *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, *десять*, *съто*, *тысяча*. Склонение *один* (*едѣнь*) и *дѣва* рассмотрю ниже в отделе склонения местоименного. Здесь укажу на склонение прилагательных *три* и *четыре*, а также существительных *пять*, *десять*, *съто*, *тысяча*. Различие между обеими категориями числительных сказывается в следующем: числительные прилагательные изменяются по родам, согласуются с определяемыми ими существительными в роде, числе и падеже, употребляются поэтому только во множественном числе; числительные существительные употребляются только в единственном числе, а зависящие от них существительные ставятся в род. мн. (*пять* означает собственно пяток, *съто* — сотню).

Склонение числительных 3 и 4 сопоставьте со склонением основ на -ї.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
И.	tr'ĭjā (трию)	tr'i (три)	tr'i (три)
Р.	tr'ĭi (трии)	—	—
Д.	tr'ĭmъ (трѣмъ)	—	—
В.	tr'i (три)	tr'i (три)	tr'i (три)
Т.	tr'ĭm'i (трѣми)	—	—
М.	tr'ĭxъ (трѣхъ)	—	—

Так же склоняется *три* в старославянском языке. В др.-сербском: *трѣ* сынове, *трѣ*, *три* лита; дат.—*трѣ*, вин.—*три*, твор.—*трѣми*, местн.—*трѣхъ*. В древнепольском: *trze*, *trzie*; род мн.—*trzy*; дат.—*trzem*. Примеры из древнерусских памятников

Грославичи же трие, Лавр.; три попришь, Новорос. сп. Новг. 4-й, 1996; бес три мць, ^с ib., 238б; три сестрениць, Лет. Авр.; бес трѣи кунь, ^с ib.; бес три коунь, Русск. Пр. (Р. Д., I, 46); преже трѣи лѣтъ, Ипат., 200а; во всѣхъ трии (вм. оу всѣхъ трии), Гал. гр. 1371; въ трехъ лица, ^х Лавр.; в трехъ тысячахъ, ^х ib.; въ трехъ сорокахъ бѣлки, Дв. гр. XV в., № 15; тро, ^х Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); на тихъ трехъ селехъ, Дв. гр. XV в., № 90; другимъ тремъ селамъ, ^х ib.; трети копы, Ипат., 225г; а купиль... ти три села, Дв. гр. XV в., № 90. Отмечу: тремѣ, Кадник. (Отв. № 26); трямѣ, Касим. (Отв. № 47); трети, Зубцов. (Отв. № 60). Что касается угрорус. *трие*, лемк. *трие* для им. мн. м. р., то я затруднился бы отождествить эти формы с древнерусским *трию*; ср. новообразование *дваѣ* — угрорус. (Верхр., I).

Мужеский род

И.	čotŭg'ǎ	(четыре)
Р.	čotŭgъ	(четырь)
Д.	čotŭg'ьтъ	(четырьмъ)
В.	čotŭg'i	(четыри)
Т.	čotŭg'ьм'i	(четырьми)
М.	čotŭg'ьхъ	(четырьхъ)

Средний род

Женский род

И.	čotŭg'i	(четыри)	čotŭg'i	(четыри)
Р.	čotŭgъ	(четырь)		
Д.	čotŭg'ьтъ	(четырьмъ)		
В.	čotŭg'i	(четыри)		
Т.	čotŭg'ьм'i	(четырьми)	čotŭg'i	(четыри)
М.	čotŭg'ьхъ	(четырьхъ)		

Как видно, большая часть падежей образована от основы на *-i* (četŭg'i); исключение составляют только им. и род. мн., которые указывают на основу, оканчивающуюся на согласную; впрочем, вин. мн. *четыри* может также объясняться из основы на согласную. Те же формы, как в приведенном образце, являются в старославянских памятниках. Отмечу при этом, что в род. мн. при *четырь* известна и форма *хетърь* (Зогр. ев.), представляющая окончание *-ь* вместо *ь* под влиянием *ь* в других падежах. В древнесербском: им. мн. м. р. — *четири* (не *четыре*); дат. — *четиремь*; вин. — *четири*; местн. — *четирехъ*; твор. — *четирьми*. В древнеполь-

ском: им. мн.— *cztyrze, czterze*; род. мн.— *cztyr palcow*; дат.— *czterom*. Примеры из древнерусских памятников: род. мн.—четыре дни, Лавр., 437; с четырьми члѣкы, Ипат., 54а. Новообразованием по склонению основ на -ї является форма *četyr'ǫj* (четырьми): ср. *отъ четыреи вѣтрѣ*, Новг. ев. XIV в., Публ. библ. (Fn. I, 17) (Л. Васильев). Современные *четыря*, Котельн. (Отв. № 46); *четремъ, четырёх*, Нолинск. (Отв. № 51); *четырьми*—Зубцов. (Отв. № 60), Новосил. (Отв. № 77) и др.; укр. *чотири* и *чотириє*; лемк. и угрорус. *штыриє* является новообразованием (ср. выше триє). Рядом с *četyre* в общеславянском праязыке существовало и *čtyre*, ср. укр. *штыри, штыре*.

Числительные *пять — девять* склоняются как существительные (женского рода) на -ї, только в единственном числе.

И.	<i>šes't'ь</i>	(шесть)
Р.	<i>šes't'i</i>	(шести)
Д.	<i>šes't'i</i>	(шести)
В.	<i>šes't'ь</i>	(шесть)
Т.	<i>šes't'ǫj</i>	(шестью)
М.	<i>šes't'i</i>	(шести)

Так же склоняются эти числительные в старославянском языке. В древнепольском: им.— *druga pięc', wszystka szes'c', piąci, szes'ci, siedmi, os'm'i*; вин.— *druga os'm', onę dziewięc'*, местн.— *wszes'ci, w piąci panien, po dziesięci*, твор.— *piącią, os'mią, dziewięcią* и т. д. Примеры из древнерусских памятников: *ѿ княза по пати коунѣ*, а *ѿ тиоуна по двѣ коунѣ*, Новг. гр. до 1305, № 10; а *изоиде та ѣ лѣ*, Дв. гр. XV в., № 15; а *другаѣ ѣ пудовѣ ржи*, Дв. гр. XV в., № 116; *вса ѣ верховѣ златаѣ сгорѣ*, Ипат., 221а; *съ з городѣ пустыхѣ*, Ипат., 179а; позднее — *изо всихѣ пати кончевѣ*, Новг. гр. 1732, № 13. Вместо формы *šes't'i* уже, вероятно, в общерусском праязыке явилась форма *šys't'i*, неясная по происхождению, отсюда дальше *šti*; ср. *шшти верѣхѣ*, Новорос. сп. Новг. 4-й, 5а; *по шшти дѣии*, Микул. ев., 68г, *в тои шшстидесатѣ*, Новг. гр. до 1327, № 15. Ср.: *шшти годковѣ*, Ки-неш. (Леонов, Обл. слов., № 79); *саженѣ до пяти-шшти*, Соликам. (Луканин). Отмечу в современном языке *вот и вся пять* (также — *десять, тысяча, пятьдесят*) *человек*, Холмог. (Отв. № 50).

Числительное *десять* отличалось в склонении от других числительных, бывших по происхождению существительными женского рода, тем, что образовало некоторые формы от основы на соглас-

ную. Кроме того, *десять* образует также формы дв. и мн. числа, соединяясь с предшествующими числительными для выражения чисел 20—90. От основы *desę-* в общеславянском праязыке образовались падежи: местн. ед.—*desęte*, род. дв.—*desętu*, им. мн.—*desęte*, род. мн.—*desęть*, твор. мн.—*desęty*. Прочие падежи образовались от основы *desęti-*. Можно думать, что в самостоятельном употреблении (не в соединениях с другими числительными) *desęть* было существительным женского рода; ср. твор. ед.—*desętǫ* (а не *desęть*); между тем в сложениях с другими числительными *desęть* являлось в формах мужского рода; ср. в дв. числе *dъvadesęti* (не *dъvǫdesęti*). Сопоставьте с этим и то, что в местном единственном является окончание *-i* в самостоятельном употреблении: старославянское *о десяти дъвнць*, между тем как в сложениях, после предлога *на*, является форма *desęte*; ст.-слав. *дъва на десатъ*. Приведу склонение *desęть* в языке древнерусском.

Ед. И.	d'ès'at'ъ	Дв. И. В.	d'es'at'i
Р.	d'es'at'i, d'es'at'ǎ	Р. М.	d'es'atù
Д.	d'es'at'i	Д. Т	d'es'at'ьmǎ
В.	d'ès'at'ъ	Мн. И.	d'es'at'ǎ, de's'at'i
Т.	d'es'at'ǫ	Р.	d'es'at'ъ
М.	d'es'at'i	Д.	d'es'at'ьnǫ
		В.	d'es'at'i
		Т.	d'es'at'ьm'i
		М.	d'es'at'ьхъ

Те же формы, как мы видели, употребляются в старославянских памятниках. При им. мн. *десатъ*, например, в *четырѣдесатѣ*, является и *десати*, например, *четырѣдесати*, Супр. (от основы *desęti-* женск. р.); в твор. мн. известно *десаты* в Зогр. ев., Супр.: вместо обыкновенного *десатъ* новообразование *десати* в Зогр. и Мар. ев.; при обыкновенном *дъвадесати* в Мар. ев. является и *дъвадесатъ*, что как будто указывает на основу ср. р. *десат-* (ср. двойственное число *словесъ*, *телатъ*); однако предшествующее *дъва* (не *дъвъ*) относится к основе мужского рода. В различных славянских языках видим сокращение формы *desęte* в местн. ед., *desęti* в дв., *desęte* и *desęti* в мн. в *desęt'* (*deset*) вследствие энклитического ее употребления; ср. в др.-сербском: *два на десетъ*, *шест на десет*, *осам на десет* (а также при еще большем сокращении: *два на дест*, *дванаест*, *петнаест*, *петнаес*) *при—десетъ*, *четиридесетъ* (и даже *триес*); в старшем языке является: *два на десете*, *wsам на десете*,

осам на десте, дванајесте, три десети, четири десети, три дести, четири дести. В современных польских *jedenaście, dwanaście* сохраняется до сих пор старославянское окончание местн. ед., в формах *trzydzieści, czterdzieści* видим во второй части формы им. мн. Приведу примеры из древнерусских памятников: в дѣсати рублехъ, Дв. гр. XV в., № 15; ино дати... десять рубловъ, *ib.*; безъ десяти бѣль, Дв. гр. XV в., № 38; двема копы а дѣсатью стрѣлцовъ, Крак. гр. 1394. Род. п. *десате* является в форме *польтритиадесате* в Гр. 1130. Укажу на современное: прышли у дзесяти, Свенц. (Отв. № 13).

Приведу примеры для числительных *11—19*, отметив, что уже в древнейшую эпоху *десате* во второй части сложения сократилось в *десять*: в ту семнатцать лѣтъ, Гр. 1493—1494 г. (А. Калач., I, № 103); в тоу же двѣнадцать тысячи серебра, Новг. гр. 1314, № 12; чetyренатцать оужищъ, Гр. 1472—1479 (С. М., № 60); патьнатца, Дух. 1389, № 34; по двѣнатьчать гривнѣ, Ипат., 126; чetyренадцать, Гр. 1562 (А. Ю., № 243); чetyренаца рублевъ, Гр. 1525 (Бел., № 39). В косвенных падежах видим склонение обеих частей сложения, что объясняется, конечно, уже позднейшими отношениями: ср. двунадцати сажень, Гр. 1585 (А. Ю., № 230); по пятадцати, Гр. 1584 (А. Ю., № 24).

Числительные *20—40* представляют соединение *dъva, tr'i, čotyг'ä* с им. дв. или мн. от *d'es'at'ь* (дв. *d'es'at'i*, мн. *d'es'at'i* или *d'es'at'ä*): *dъvad'es'at'i, tr'id'es'at'i* или *tr'id'es'at'ä, čotyг'ed'es'at'i* или *čotyг'ed'es'at'ä* (впрочем, вместо последнего числительного обычно употребляется форма *сорок*, о которой см. ниже); *d'es'at'i, d'es'at'ä* вследствие энклитического употребления рано перешли в *d'ьs'at'*, откуда после падения глухих *d'c'at', c'at'*. Ср. сию м̄ д̄нии, Ипат., 686; денье чetyредеса, Тр. сп., Новг. 1-й, 42г.; чetyрѣдѣсать и два лѣта, Тр. сп. Новг. 1-й, 326; тѣю тридца, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); в ту дватцать лѣтъ, Гр. 1462—1464 (А. Калач. I, № 103); а другую к̄ пудовъ жита, Дв. гр. XV в., № 116; Понятно, что склонялись обе части таких сложений: до дву десату, Лавр. В современном языке кое-где сохраняется старая форма для *40*: галицк.-горск. — чetyридесать (Осадца); лемк. — чотырдесят, чetyрдесят (Верхр.)

Числительные *50—90* представляют соединение числительных *пять, шесть* и т. д. с род. мн. от числительного *10* — *d'es'at'ь*.

В этих соединениях первоначально склонению подвергалась только первая часть, вместо d'es'atъ рано явилось d'es'at'ь, ср. отмеченную выше форму род. п. čötyr'ь вм. čötyr'ь. Примеры: рублевъ на патьдесать, Дв. гр. XV в., № 86; за шестьдесать версть,

Новг. гр. до 1327, № 15; семьдетъ ру, падеть ру, Дух. 1389, № 34; по семидесать женъ красенъ, Ипат., 33б; седьмьюдесать, Ипат., 4а; в тои шьстидесать, Новг. гр. до 1327, № 15; быти въ пятидесать человѣкъ, Гр. 1470—1471 (А. А. Э., I, № 87); по пѣтитцать десатъкъвъ лноу, Ипат., 306б; боль шестидесать тысьачь, Ипат., 297а, по шсмидесать гривенъ, ib., 54а. Отмечу старую форму для 90 в современном языке: дзэвяцьдзесят, Дисн. (Отв. № 6); дзевяцьдзясат, Игум. (Отв. № 8); дзэвяцьдзэсят Новоалекс. (№ 11); укр. девядесѣт и девятьдесѣть.

Вместо d'ev'at'ь d'es'atъ обычно d'ev'anos'ьto, общеславянское *devenos'ьto. Для склонения ср.: во едине деваност'ь, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 369а; два же деваноста моужь, ib., 369а; с трема (вм. трьма) деваноста, ib., 368б. В современном языке: девяносто пуд, Петроз. (Шахм.); двяносто, двяноста, двяносту, Леппельск. (Отв. № 27); укр.: девяно́сто, род.—девяно́ста. Счет на 90 ср.: блиско, из окна в окно, два девяноста, Послов. XVIII в. (Симони, 210).

Сорокъ склоняется как существительные с основой на -ѣ: полпата сорока бѣлки, Дв. гр. XV в., № 2; взати оу вась сорокъ куней, ib., № 86; даша... дѣва сѣрока бѣкы, ib., № 94; оу сороце, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); а даль... шесть сорокъ бѣлкѣ, Дв. гр. XV в., № 127; даль... три сороки бѣлки, ib., № 19 (сороки вм. сорокы); въ трехъ сорокехъ бѣлки, ib., № 15 (сорокехъ вм. сороцѣхъ). Современное: сорок, род. сорока́ — русск., белорус., укр. (у Ломоносова: со́рок и т. д., мн. со́роки, сороков, сорокам, сороки, сорока́ми, сорока́х).

Числительные 21, 22, 33, 65 и т. п. представляют соединение названий десятков с присоединением к ним непосредственно или посредством союза и названий единиц: d'vad'es'at'i odinъ или i odinъ, šes't'ьd'es'atъ p'at'ь, или i p'at'ь. Отмечу в современном языке: русск.—двадцать один, укр.—двацѣть один; диалектически: один двацѣть, два двацѣть, галицк.-горск. (Осадца); еден i двадцет — угрорус. (Верхр., II), еден двадцет — угрорус. (Верхр., I), два двадцѣть — Владим. (Бодров, Обл. слов., 15).

Числительное *100* (*съто*) склоняется, как существительное ср. рода; ср. *съто* в значении существительного (сотни): кто коупьць поидеть в своѣ сто, Новг. гр. до 1308, № 6; кто купецъ тотъ въ сто, а кто смердь а тотъ потагнетъ въ свои погость, Новг. гр. 1270, № 3. Для склонения укажу: сту челоуѣкомъ, 1619 г. (Письма русск. госуд., № 25; в древнем языке было бы — сътоу челоуѣкъ); въ дѣхъ стѣхъ, Новг. 1-я, 182; во стѣ рублѣхъ, Дог. 1440, № 60; со стомъ тысящами вои, Ермол., 12 об. (вм. съ сътъмъ тысящъ вои); и убиша ихъ Новѣгородьци нѣ о трѣхъ стехъ, Новг. 1-я, 44а; и паде головъ о сте кѣметьства, *ib.*, 48а. У Ломоносова еще полное склонение: сто, ста, сту, сто, стом, стѣ; мн. — ста, сот, стам, ста, стами, стах.

Числа *200—400* представляютъ соединение числительныхъ прилагательныхъ *дѣвѣ*, *дѣва* с существительнымъ *съто*: *дѣвѣ стѣ* (дв. ч.), *три съта*, *ѣотуре съта*. Склоняются поэтому обе части сложения. Ср.: *двѣстѣ* гривень русскихъ, Луцк. гр. 1398 (С. М., № 21); *двѣстѣ*, Гр. Новг. 1314, № 12; *двѣма стома*, *ib.*; *безъ ѣ* *ѣ* *сту*, *ib.*; *въ двою сту* кораблии, Ипат.; *двѣстѣ ру*, Дух. 1389, № 34; *нѣ о трѣхъ стехъ*, Новг. 1-я, 87; *ваше трѣи сотѣ*, Новг. ев. XIV в. Публ. Библ. (Фн. I, 17) (Л. Васильев). Новыми явлениями в области синтаксиса обуславливается такое словоупотребление, как: *въ двою сотѣ* корабль, Лавр. (вм. *въ дѣвою сътоу*); *двоусотѣ* *ѣ* *гриве*, Тр. сп. Новг. 1-й, 1г (вм. *дѣвою сътоу*); *въ дѣвою сотѣ*, Лет. Авр.

Число *1000* (*tys'аѣа*) склоняется как существительное женского рода: *нѣ въ тысящи*, Новг. 1-я, 52в; *тре тысячахъ*, Лавр.; *дасть... тысяцю бѣлки*, Дв. гр. XIII в., № 77; *и взале... двѣ тысячи бѣлкѣ*, Дв. гр. XV в., № 86; *тремъ тысячамъ*, Новг. гр. 1314, № 12; *взяти... двѣнадцать тысячи серебра*, *ib.* (тысячи — это дв. число, зависящее от 12); *аше бы пристроилъ и ѣ* *тысячъ*, Лавр.; *дасть... ѣ* *тысячъ бѣлкѣ*, Дв. гр. XV в., № 86. Ср. твор. ед. — *тысячей* (при *тысячью*, что новообразование), например Покров. (Отв. № 247), Кадник. (Отв. № 26), Петроз. (Отв. № 30) и др.

Собирательные *дѣвои* и *обои*, *трои*, *ѣет'v'огъ*, *р'ат'огъ*, *с'es't'огъ*, *с'em'огъ*, *os'm'огъ*, *d'ev'at'огъ*, *d'es'at'огъ* и др. в древнем языке имели ограниченное употребление. Во-первых, они употреблялись в значении „двойной“, „тройной“ и т. д.: *двои денги дати*, Домостр. Конш., 39; *двою радость*, Ипат., 193а. Во-вторых, в на-

речных выражениях, как на двоје, на чет'v'ого и т. п.: и расту-
 писа вода на двое, црквиам запона раздраса на двое, Лавр.
 В-третьих, для обозначения числительных количественных при-
 именах, употребляющихся только во мн. числе (при pluralia tan-
 tum): въ двоѣ шковы, Ипат., 89а; трои пчелы, Гр. 1391—1428
 (А. Калач., I, № 82), где *пчелы* означает „улей“, „пенек со пче-
 лами“; двои двери, Гр. 1583 (А. Ю., № 94); четверы двери, Гр.
 1568 (А. Ю., № 85); двои ворота, Гр. 1579 (А. Ю., № 91); и
 шковаша въ двои шков, Лавр., двои гоны, Дв. гр. XV в., № 1, 12;
 патели тонѣ (вм. тони), Дв. гр. XV в., № 28; шко се съ троѣ
 или съ четверы пригъръщѣ, Жит. Феод. Сюда же: и паде обоихъ
 множество много, Новг. 1-я, 40б; такъ платити како то бы шбоимъ
 любо былы, Гр. 1229 (А). В-четвертых, в форме им.-вин. ср.
 рода как существительное; эти числительные употребляются вза-
 мен количественных числительных, причем определяемые ими су-
 ществительные полагаются в род. мн.: двое конев, Гр. 1391—
 1428 (А. Калач., I, № 82); конь шестеро, Вкладн. Варл. до 1207;
 десятеро хлѣбов, Гр. 1455—1462 (А. Калач., I, № 31); нищихъ
 трое сгорѣша, Новорос. сп. Новг. 4-й, 537а; двоенатцатеро хлѣ-
 бовъ, Новг. писц., I, 309; тритцатеро куровъ, ib., 335; трое си-
 неи годовыхъ, пятеро куриць Русьскихъ, Гр. 1697 (А. Калач., I,
 573); продалъ двое лошадей, Гр. 1603—1604 (А. Калач., II, 282);
 кормити шестеро животины рогатые, Гр. 1608 (А. Ю., № 423);
 девятеронатцатеро, Новг. писц., I, 284; се дасть... двое портъ,
 Дв. гр. XV в., № 96; а коуръ по двою на день, Русск. Пр.
 (Р. Д., I, 30); двое дѣтеи, Крас. сп. Западнорус. лет. и т. д.
 В позднейшем языке употребление *двои*, *обои* вместе *два*, *оба*
 сильно расширилось отчасти в связи с исчезновением дв. числа;
 укажу на это словоупотребление ниже. Быть может, при указан-
 ных формах ма *-ro* (чет'v'ого, р'at'ого и т. д.) существовали и
 формы на *-rgъ*: сошлюсь на род. падеж *овець осмерга* в Ист.
 слов. Тимченка; слово *четвѣргъ* указывает также на такие обра-
 зования; *четвѣргъ* по значению было бы тождественно с *чет-
 вѣртѣкъ*. Ср. еще *двоигá* в род. и твор. при *двое*, Пинск. (Отв.
 № 4), укр.—*іти в двійзі* (Огоновский). В древнепольском: род.
dwojga, obojga, trojga, dwojganaście pokolenia. В современном
 употреблении отмечу: трое сутки, Петров. (Шахм.); двои ворота,
 трои двери, Кадник. (Отв. № 25); девятеры двири, ворота, Пет-
 роз. (Отв. № 30); трои двери и трое дверей, Меленк. (Отв.
 № 247); двои часы, Орл.-Вят. (Отв. № 63); трое человек, двое

баб, Касим. (Отв. № 47); вижу трое коров, Котельн. (Отв. № 46); пятеро ребят, Орл.-Вят. (Отв. № 37); двое мужиков да три бабы, Кадник. (Отв. № 26); В белорус.— дwoя, тpoя, чацвѣра, пяцѣра, васьмѣра, дзівяцѣра, дзисяцѣра; Новоалекс. (Отв. № 11); пятѣра при сямѣра, Новоалекс. (Отв. № 14).

Существительное *poľъ*, склонявшееся как основа на *-й*, по синтаксическому своему употреблению сблизилось с числительными. Ср.: та моя полдвора, Гр. 1612 (А. Калач., II, 386), хотя, может быть, женский род был обусловлен влиянием слова *половина*. В сложениях с существительными *poľъ* является или в форме именительного падежа, или в форме *poľu*. Ср. в свое польвстровѣ, Гр. 1525 (Бел., № 39); възмѣтъ по полугривнѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 37), хотя и: до полоугривнѣны (ib., 55); на томъ полуселѣ, Дв. гр. XV в., № 42; на той полуполовини тони, ib., № 110; полуоучасткомъ Филиповымъ, ib., № 24; ср. современ.: *полуостровъ, полустанок, к полуночи при — близко к полноче, до полночи*, Соликам. (Луканин). Там же: *близ полдня, после полден.*

Порядковые числительные: *първъ, вторъ, или другъ, трети, четвѣртъ, пятъ, шесть, семь, осмъ, девятъ, десятъ* — склоняются обыкновенно по сложному склонению, но в некоторых случаях также и по именному склонению. Ср. современ. *сам друг, сам третьей, четверт, пят, шост, сѣм, девѣт, десят*. Ср. также в наречных выражениях: *испърва, топърво* (отсюда *топере, тепере*, быть может, непосредственно из *топерев*, ср. чешск. *tergv*). Кроме того, обычно именное склонение порядковых в соединении с *поль* для обозначения числа, уменьшенного на половину единицы или десятка, сотни (ср. современное *полтора*, т. е. $1\frac{1}{2}$): *нѣ съ полуоторы тысяці*, Новг. 1-я, 36; дал... *полтора сорока бѣлкѣ*, Дв. гр. XV в., № 17; *полуоторы* (вм. ожидаемого — *полторы*?) *гривны серебра платити юмоу*, Гр. 1229 (А); *полпата сорока бѣлки*, Дв. гр. XV в., № 2; *полчетверта сорока бѣлки*, ib., № 31; *польсема сорока бѣлки*, ib., № 80; а даль... *польтрѣтъя рубля*, ib., № 84; *полоутретья мѣа*, Лет. Авр.; *польшесты верьсты*, ib. Замечательно несогласование со словом *тысяча* в выражении: с *полторомъ тысячѣ*, Ипат., 210в.: очевидно, согласование стало возможно только в им.-вин. и в род. падеже; однако: с *полуторою четью пшеницы*, Новг. писц., I, 330. В соединении с десятками находим, например: *безъ полутрѣтидчати*

серебра, Новг. гр. 1314, № 12 (т. е. без 25); польтретьацать бѣль, Дв. гр. XV в., № 28; пол' шестадысать сороковъ бѣлки, ib., № 90; польшестатьцать бѣль, ib., № 108 (т. е. 55); поль-
тредидесате, Гр. 1130; в полоушестадысать шнекъ, Новг. 1-я, 32б; польпатадысать, ib., 96; польдроугынатца нѣли, Лет. Авр. (т. е. 11^{1/2}). В соединении с сотнями: в полутретьѣсте, Ермол. 41 (т. е. в 250). Ср. в современном языке: пывтриця, пывшиста, Витебск. (Отв. № 18); укр.— півторá, півтори (ж.), півтретя, півреті (ib.), півчвѣрта, півчвѣрти (ж.); по полтора рубли пуд, Соликам. (Луканин).

ГЛАВА ПЯТАЯ

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНІЙ

Под термином „местоимение“ разумеется в грамматике ряд служебных слов, не имеющих самостоятельного реального значения, т. е. не обозначающих ни предметов или лиц в отношении их к определенным постоянным признакам, ни качеств или свойств, взятых сами по себе, безотносительно к другим качествам или свойствам. Значение местоимений прежде всего относительное, т. е. они служат показателями отношений предмета или лица к тем или иным явлениям; при известных условиях местоимения могут оказаться заместителями каждого вообще предмета, лица или быть присоединены к каждому вообще предмету, лицу для обозначения его отношений к другим предметам, лицам. Так, местоимение 1-го лица *я* употребляется каждым говорящим, кто бы он ни был, для обозначения своей личности и противоположения ее как лицу, к которому обращена речь, так и ко всему вообще остальному, внешнему миру; местоимение *он, она, оно* может заменять всякое лицо и всякий предмет, о котором идет речь; местоимение *тот, та, то* служит для указания на всякое более или менее отдаленное лицо или предмет; местоимение *каждый (-ая, -ое)* точно так же можно присоединить ко всякому лицу или предмету для обозначения его связи с другими однородными лицами или предметами. Атрибутивные местоимения в отличие от прилагательных не отвечают на вопрос „какой?“, но на вопрос „который?“ или „чей?“ (притяжательные местоимения). Сообразно со своим значением местоимения распадаются на несколько категорий: во-первых, это местоимения в точном смысле, т. е. служебные слова, заменяющие при известных условиях названия лиц или предметов и не

употребляющиеся атрибутивно; во-вторых, это слова, определяющие те или иные отношения, существующие между говорящим лицом и другими лицами или предметами, или же между самими предметами; употребление этих слов атрибутивно. К первой категории относятся, например, слова *я, ты, мы, вы, он*, а также вопросительные *кто, что*. Ко второй — слова, как *тот, мой, всякий, другой*. Деление местоимений может основываться и на других признаках: во-первых, сюда относятся слова, заменяющие лица — личные местоимения (*я, ты, мы, себя*); во-вторых, слова, заменяющие и лица, и предметы (*он, она, оно*); в-третьих, вопросительные слова, заменяющие лица и предметы (*кто, что*), а также вопросительные с атрибутивным значением; в-четвертых, атрибутивные слова с притяжательным значением; в-пятых, атрибутивные слова с указательным значением; в-шестых, относительные местоимения; в-седьмых, атрибутивные слова с обобщающим значением. Формально слова первой категории (личные местоимения) отличаются от слов других категорий как своеобразным своим склонением, так и отсутствием изменения по родам и числам (*я* и *мы* — это разные слова, с разными основами). В славянских языках слова третьей категории точно так же не изменяются по родам и числам. Все остальные категории объединяются как способностью изменяться по родам и числам, так и изменением по падежам при помощи одинаковых падежных окончаний. Рассмотрю склонение местоимений по отмеченным семи категориям.

1. СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ (МЕСТОИМЕНЕЙ, ЗАМЕНЯЮЩИХ ЛИЦА)

В общеславянском и общерусском праязыке сюда относятся: а) личное местоимение 1-го лица ед. числа (*jazъ, ja*); б) личное местоимение 2-го лица ед. числа (*ty*); в) личное местоимение 1-го лица дв. числа (*vъbъ*); г) личное местоимение 2-го лица дв. числа (*va*); д) личное местоимение 1-го лица мн. числа (*my*); е) личное местоимение 2-го лица мн. числа (*vy*); ж) возвратное местоимение, относящееся к 1-му и 2-му лицам ед., дв. и мн. чисел, так и к 3-му лицу всех трех чисел (*sebe*).

Не буду долго останавливаться на анализе основ и падежных окончаний в склонении личных местоимений. Отмечу выясняющиеся при анализе относящихся сюда падежных форм основы. В склонении 1-го лица ед. числа, кроме именительного *jazъ* и *ja*

(неясных по происхождению), являются три основы: *теп-*, *тъп-* и *тъпа-* (ошибочно, как кажется, предполагать еще основу *тъпа-* на основании старославянских памятников). В склонении 2-го лица ед. числа, кроме именительного *ty* (индоевропейское *tū*), являются основы *теb-* и *тоба-* (заменявшие под влиянием формы дат. падежа с окончанием *-bъ* основы **teu-*, **tova-*). В склонении возвратного местоимения видим основы *сеb-* *соба-* (заменившие основы **seu-*, **sova-*). Кроме того, в дат. (энклитически) и вин. пад. местоимений 1-го и 2-го лица, а также возвратного являются формы, образованные от основы *те-* (1-е лицо), *те-* (2-е лицо) и *се-* (возвратное). В склонении 1-го лица множественного, кроме именительного *пу*, является основа *па-*, а в дат. (энклитически) и вин.— формы, образованные, как кажется, от основы *по-*. В склонении 2-го лица множественного, кроме именительного *ву*, является основа *ва-* и основа *во-*, от которой образованы энклитические формы для дательного и форма винительного. В склонении 1-го лица дв. ч. является основа *ва-* в им.-вин. (*vъ-* так относится к основе как им.-вин. дв. *ъепъ* к основе *ъепа-*), основа *па-* в других падежах; кроме того, известна основа *во-*, от которой произведено вин. дв. *ва-*. В склонении 2-го лица дв. ч. в им.-вин. обнаруживается основа *во-* (*ва-* так относится к основе *во-*, как например им.-вин. дв. *brata* к основе *brato-*), а в прочих падежах основа *ва-*.

Основы *теп-* (*тъп-*), *теb-*, *сеb-* получали окончания, свойственные основам на согласную, ср. род. *тепе* (*тъпе*), *тебе*, *себе*. Основы *тъпа-*, *тоба-*, *соба-* склонялись, как основы женского рода на *-ā*, ср. дат., местн.: *тъпъ*, *тобъ*, *собъ*; твор.: *тъпою*, *тобою*, *собою*. Впрочем, диалектически еще в общеславянском праязыке вместо *тъпъ*, *тобъ*, *собъ* в дат. и местн. под влиянием форм род. ед. *тъпе* (*мене*), *тебе*, *себе* являлись формы *тъпъ*, *тебъ*, *себъ*, а в общерусском диалектически, как увидим, и обратно в род. падеже вместо *m'ep'e*, *t'eb'e*, *s'eb'e* — формы *тъп'е*, *тоб'е*, *соб'е*. Основы *па-* (мн. и дв.) и *ва-* (мн. и дв.) склонялись, как женские основы на *-ā*: *пашъ*, *vamī*, *пама*; в местн. мн. *пашъ*, *вашъ* с сохранением *s* (в *tъxъ*, *pъodъxъ*, *ъепахъ* вместо *s* является *x*; ср. чешские формы, как *Pol'as*, *Dol'as*, о которых мы говорили выше); в род. местн. дв. является, как кажется, распространенная основа *паю-*, *ваю-* (отсюда *пају*, *вају*). Формы *те*, *те*, *се* в вин. восходят к **теп*, **теп*, **сен*; энклитические *mi*, *ti*, *si* восходят к **mei*, **tei*, **sei*. Формы *пу*, *ву* в вин. мн. восходят, вероятно, к **пъпс*, **въпс* из

*pops, *vops; не ясно, почему пу, ву получили также функцию дат. мн. (энклитически); не произошла ли здесь нефонетическая замена а через у, подобная замене а через у в им. мн. и род. ед. склонения слов женского рода с основой на -ā; ср. древнерусские энклитические формы па, ва со значением дат. мн., а также па, ва со значением дат. дв. Необходимо заметить, что пу, ву в вин. п. известно не только в энклитическом употреблении; ср. па — пу, ва — ву. Возможно, что и пу, ву заменили в вин. мн. па, ва (из *nas, *vas) под влиянием замены *ženās, *vodas через ženū, vodu.

Замечательно, что еще в общеславянском праязыке формы вин. пад. как единственного, так и множественного (и двойственного?) числа совпали с род. падежом; видим здесь так же, как в именах мужского рода, обозначающих одушевленные предметы, замену форм винительного падежа формами родительного; по-видимому, здесь сказалось влияние склонения мужеских основ на -ǫ, означающих одушевленные предметы; появление brata, kop'a вместо bratъ, kop'ъ в вин. падеже повело за собой вытеснение древних форм вин. падежа формами род. падежа: mēne, tebe, sebe; вытеснение же вин. падежа родительным в ед. числе повело к такому же вытеснению в множ., хотя пу, ву сохранились и не в энклитическом употреблении.

Приведу формы склонения для общерусского праязыка:

Ед. И.	jǫzъ, ja
Р.	m'ep'ǫ, m'ьp'ǫ, mъp'ǫ
Д.	mъp'ѣ, энклит. m'і
В.	m'ep'ǫ, m'ьp'ǫ, m'a
Т.	mъpǫju
М.	mъp'ѣ
Дв. И.	v'ѣ
Р. М.	pǫju
Д. Т.	pǫta, энклит. дательн. па
В.	па, pǫju
Мн. И.	mu
Р.	pǫsъ
Д.	pǫmъ, энклит. пу, па
В.	pǫsъ, пу
Т.	pǫm'і
М.	pǫsъ

Ед. И.	ty	
Р.	t'eb'ǎ, tob'ǎ	s'eb'ǎ, sob'ǎ
Д.	tob'ǃ, t'eb'ǃ, энклит. t'i	sob'ǃ, s'eb'ǃ, энклит. s'i
В.	t'eb'ǎ, tob'ǎ, t'a	s'eb'ǎ, sob'ǎ, s'a
Т.	tobòju	sobòju
М.	tob'ǃ, t'eb'ǃ	sob'ǃ, s'eb'ǃ
Дв. М.	va	
Р. М.	vàju	
Д. Т.	vàma, энклит. дат. va	
В.	va, vaju	
Мн. И.	vy	
Р.	vàsъ	
Д.	vàтъ, энклит. vу, va	
В.	vàsъ, vу	
Т.	vàm'i	
М.	vàsъ	

Сопоставление с другими славянскими языками.

Те же формы склонения в старославянском языке. В дат. и местн., по-видимому, преобладающею формой является не *мънъ*, а *мьнъ*, также исключительно — *тебъ*, *себъ*. В род. ед. в Син. пс. мис из *мьне*. Ср. в памятниках русской редакции: *ваще мне*, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 54д; *ѿвържетсѧ мне*, Гал. ев. 1144, 22а; *не приѡмлете мне*, Типогр. ев. XII в., № 7; *мне ради*, ѿ *мне*, *ib.* (Собол. Очерки). В дат. дв. форма *на* встречается (в энклитическом употреблении) в Супр.; энклитиками можно признать формы дат. мн. *тн*, *сн* и *мн*. *ны*, *вы*; что до *ма*, *та*, *са* в вин. ед., *ны*, *вы* в вин. мн., то они употребляются и не как энклитики, например в положении после предлогов. В 1-м лице ед. только *азъ*, фонетически вместо *изъ*. — В сербском языке находим в 1-м лице ед. *ја*, а в древнем языке и *изъ* (*ѣзь*, *изъ*); в родительном при обыкновенном *мене* один раз в памятнике XV в. *мене*; в дательном при древней форме *мнѣ* (*мни*) рано появляется новообразование *менѣ* (*мени*) под влиянием родительного, а также *манѣ* (*мани*), где *а* на месте *ь* (*ѣ*); в дательном только *тебѣ*, *себѣ* (не *тобѣ*, *собѣ*); в творительном при обычных *мною*, *мновь*, *мноь* (*мно*) рано — *маном* с *а* из *ѣ* (*ь*); в местном то же, что в дательном; в дат. мн. известны и энклитики *ны* (*ни*), *вы* (*ви*); в дв. числе в 1-м лице им. *вѣ*, вин. *на*; в род. и местн. *наю*, *ваю*, в дат. и твор. *нама*, *вама*, а в дат., кроме того, *ва*: *миръ ва боуди*. В древнепольском *jaz* при *ја*; в родительном

обычна форма *mnie* уже из древнейших памятников; напротив, вместо *mnie* находим в Флор. пс. *menie* под влиянием формы род. падежа; в дат. всегда *tobie, sobie* (при энклитиках *ci, si*), в вин. *mię* и *cię, się*, а также *mnie, siebie, siebie*; в местн. *tobie, sobie*; в твор. *mna, toba, soba* — формы стяженные из *mъпою, тобою, собою*; в вин. мн. всегда *pás, vás*; в им. дв. *pa, wa* для 1-го лица ед. (ст.-слав. и др.-русск. *въ*) и 2-го лица дв. ч.; в род. *paju, waju*, та же форма и в вин.; в дат.-твор. дв. *paпа, waпа*. Замечу, что в современном польском *mię, cię, się* — энклитики (после предлога в начале фразы под ударением они не употребляются).

Примеры из древнерусских памятников.

1-е лицо ед. Им.: *азъ, а*, Гр. 1285—1315; *изъ, ѡ*, Гр. ок. 1130; *изъ*, Дв. гр. XV в., № 6, Дух. 1328, № 21, Ипат., 306б; *ѡ*, *изъ*, Лавр. и др. Род.: *мене*, Жит. Феод.; *ѡ мене*, Лавр.; *у мене*, Гр. 1515 (Бел., № 1); *моложии мене*, Ипат., 155б. Форма *меня* явилась вм. *m'ep'ä* фонетически в безударном употреблении. Дат.: *мнѣ, ми*, Жит. Феод.; *мнѣ дайте*, Лавр.; *ко мнѣ*, Лавр.; *дша ми свою*, Лавр.; а в то ми са доспѣло рублевъ на патьдесать оубытка, Дв. гр. XV в., № 86. Вин.: *изъбьютъ дружину мою и мене*, Лавр.; да аще ма просите право, *ив.*; на мене, Дв. гр. XV в., № 87; *пришедъ перед мя*, Гал. гр. 1401. Твор.: *мною*, Жит. Феод.; *со мною*, Новг. гр. до 1301, № 4. Местн.: *мнѣ*, Жит. Феод.; *ко мнѣ*, Новг. гр. до 1301, № 4.

2-е лицо ед. Им.: *ты*, Жит. Феод., Род.: *тебе*, Жит. Феод.; *ѡ тебе*, Лавр.; *близъ тебе, оу тебе*, Лавр.; *вдесную тебе*, Микул. ев., 73а; *ищють тебе, ив.*, 55в; *да знаютъ тебе, ив.*, 172в; *безъ тебе*, Догов. 1362, № 27; *бесъ тебе*, Догов. 1388, № 33; *оу тебе*, Догов. 1389, № 35. Дат.: *тебѣ, ти*, Жит. Феод.; *идуть к тебѣ Варязи*, Лавр.; *тебѣ*, Догов. 1405, № 38; *к тебѣ*, Лавр.; *азъ буду тебѣ в срѣце*, Лавр.; *тебѣ*, Юрьевск. ев., 187с, 188в, Догов. 1428, № 43; *тебе*, Новг. гр.; 1265, № 1; *прислю ти*, Лавр.; *тогда ти дамъ, ив.* Вин.: *тебе, ты*, Жит. Феод.; *дарихъ тѣ*, Лавр.; *иде на тѣ, ив.*; *по тѣ*, Ипат., 301; *на тебе*, Копия с Догов. 1388, № 28 (*тебя* — Догов. 1428, № 43 — фонетически из *тебе*), *оувѣдѣти тебе*, Лавр.; *ищють тебе*, Микул. ев., 55в; *да знаютъ тебе, ив.*, 172в; *тебе*, Догов. 1362, № 27; Догов. 1389, № 35 (*тобя* — Догов. 1428, № 44 — фонетически из *тебе*); *пред тоба*, Домостр. Конш., 10. Твор.: *тобою*, Жит. Феод.; *передъ тобою*, Новг. гр. до 1305, № 11. Местн.: *тебѣ*, Жит. Феод.; *по тебѣ бороти*, Лавр.;

но и проказа ѿго прилѣпиться тобѣ, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 88).

1-е лицо дв. Им.-вин.: а вѣ соколца опутаевѣ красною дивичею, Сл. о п. Иг., 43; вѣ, Ипат., 141б; вѣ порозна, *ib.*, 152 г; се вѣ всталася старѣши, *ib.*, 235в; вѣ вѣвѣ, Лавр.; вѣ пославѣ, *ib.* Род.: оу наю, Новг. 1-я, 167. Вин.: аще на пустиши, Лавр.; имуть на прогнати, *ib.*; с заменой через род. падеж: аще ли наю погубиши, Лавр.; начнутъ наю птици бити в полѣ Половецкомъ, Сл. о п. Иг., 44. Дат.: вѣвѣма нама, Ипат., 133в, 264в; штожь нама все то исправити, Луцк. ев. 138в; ни нама будетъ сокольца, Сл. о п. Иг., 44; энклитически: аче кдѣ на будетъ мочно, Ипат., 152б; поустити на, помози на, *ib.*, 152г; аще будетъ на (позже исправлено в нама), *ib.*, 74а.

2-е лицо дв. Вин.: ва, Ипат., 138в. Гр. ок. 1240; аще ва бѣ поиметь, Ипат.; с заменой через род. падеж: вѣзвѣсила бо есть ваю, Лавр.; есмь оустагывал ваю, Ипат., 155. Род.: ваю, Ипат. 193в.; вчи ваю, ваю кровью, градъ ваю славныи взхъ, Лавр. Дат. (энклитически): и аще на кто речеть, Ев. 1339, 135 в; и буди на Перемъшьль, Ипат., 94в.

1-е лицо мн. Им.: мы, Жит. Феод.; мы ради дамы, Ипат., 292б; Род.: насъ, Жит. Феод.; Дат.: намъ, Жит. Феод.; энклитически: не лѣпо ли ны бѣшетъ, Сл. о п. Иг., I; повѣжьте ны, вѣдаи ны Володимера, Лавр.; Вин.: нас, ны, Жит. Феод., се посла ны црь, нас послаша, понесѣте ны, все ны погубить, Лавр.; пришедъ передъ насъ; Гал. гр. 1398. Твор.: нами, Жит. Феод.; с нами, Дв. гр. XV в., № 6. Местн.: насъ, Жит. Феод.

2-е лицо мн. Им.: вы, Жит. Феод.; и вы творите память, Дв. гр. XV в., № 54; Род: васъ, Жит. Феод.; оу васъ, Дв. гр. XV в., № 86. Дат.: вамъ, Жит. Феод.; вото вы есть, Лавр.; добрали вы честь, *ib.*; пустити вы безъ вкупа, Новг. гр. 1368—1371, № 16; а боудѣтъ вы с нимъ свала, Гр. ок. 1240; вамъ потанути со мною, а не ѿступити вы ся мене, Новг. гр. до 1301, № 4; вы, Новг. 1-я, 143. Вин.: вас, вы, Жит. Феод.; молю вы, оукорать вы, Жит. Феод.; хочю вы почтити, Лавр.; зоветь вы Ѡльга, послю по вы, подъ вы, Лавр.; а изъ васъ постригаль, Лавр. Твор.: вами, Жит. Феод.; с вами, Дв. гр. XV в., № 86. Местн.: васъ, Жит. Феод.

Возвратное местоимение. Род.: а mezi себѣ оучинили, Дв. гр. XV в., № 132; mezi себе, Копия с Догов. 1368, № 28; хотя мѣстити себе, Лавр.; оу себе, Новг. гр. до 1305, № 11; себе, Жит. Феод.; между себе, Лавр.; оу себе, в себе мѣсто, *ib.*; ѿ себе, Колом. Пал.

1406, 79; межи собе, Копия с Догов. 1381, № 32, Догов. ок. 1433, № 46; промежи собе, Догов. ок. 1433, № 47; проме^ж собе, Новг. гр. 1471, № 20; ѿ собе, Поуч. Ефр. Сир. 1377, 206 г; да ѿвержеться собе, Микул. ев., 68в; собя, себя, в сп. XVI в. с Гр. 1498—1499 (А. Калач., I, № 70); собѧ ^мчистивъ, Домостр. Конш., 16 [фонетически вместо *собе* (*себе*)]. Дат.: себѣ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63), 1448 (ib.), 1471 (ib., № 31); купиль сѣбѣ, Дв. гр. XV в., № 18; купи... себе, Дв. гр. XV в., № 36, 38, 197; купи себѣ, ib., № 73, 84, 123; купиль себѣ, № 104; къ собѣ, Жит. Феод.; творять мовеньє собѣ, Лавр.; поищемъ собѣ князѧ, Лавр.; мы собѣ ^мбуде а ты собѣ, Лавр.; которъи ли вѣтворить соудъ собѣ, Новг. гр. до 1305, № 10; собе, Новг. 1-я, 177; къ собѣ, Юрьевск. ев. ок. 1128, 178с; собѣ, Догов. 1428, № 43, Гр. 1433 (А. Калач., I, № 31) и др.; энклитически: голову си розби ^хдважды, Лавр. Вин.: возмутъ на сѧ прутьє младое, Лавр.; покоривше ѧ подъ сѧ, ib.; сѧ, себе, Жит. Феод.; хотя мѣстити себе, Лавр.; ^мчистимъ собе братьѧ, Лавр.; *собя* вместо *себе*, *собе* фонетически: за себѧ, Коп. с Догов. 1381, № 32, Ермол., 190б; на собѧ, Хожд. Афан. Ник.; на собя, Гр. 1536 (Бел., № 9), 1530—1532 (Письма русск. госуд.). Твор.: собою, Жит. Феод. Местн.: рѣша сами в себѣ, Лавр.; по себѣ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); себѣ, на собѣ, Жит. Феод.; по собѣ, Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 63); и рече в собѣ, Лавр.

Данные из современного живого языка.

Для 1-го лица ед. числа отмечу: род. ед. — мене, Грайвор. (Отв. № 279); у мене, Дмитр.-Курск. (Отв. № 236); мене, Холмог. (Отв. № 50); мене, Дон. (Калмык.); мене, мене, Мещов. (В. Чернышев); мене, Белоз. (Отв. № 166); мене, Скоп. (Будде), Петроз. (Шахм.) и т. д.; как указано выше, *меня* — это фонетическое изменение формы *мене* (m'ep'ä) в положении ее не под ударением; *мня* на месте древнего *мие* (из *мьне*), которое видим в Мещов. (В. Чернышев), находим, например: *мня*, Шенк. (Отв. № 235); у *мня* нет денег, Кинеш. (Отв. № 66); у *мня*, Петроз. (Отв. № 30), Вытег. (Отв. № 22); *мня*, Устюж. (Отв. № 28), Белоз. (Отв. № 166); у *мня*, Кирилл. (Отв. № 186). В украинской области сохранилось *мя* (т. е. mja), например: до *мя*, лемк. (Верхр.), угрорус.; до *мя*, од *мня*, за *мя*, для *ня* (вместо *мня*), галицк.-горск. (Огоновский) (*мня* фонетически вместо *мя*, как *мнясо*); *мя* отмечено и в великорусском, например, Касим. (Будде), Холмог. (Отв. № 50), Котельн. (Отв. № 46).

Дат. *ми* в галицких говорах (Огоновский), а в русском — Холмог. (Отв. № 50); также в угрорус. (Верхр.)

Для 2-го лица ед. числа: род. и вин. северновеликорус. — тебя, южновеликорус. и белорус. — тебе, тебе, укр. — тебе, ср. тебе, Скоп. (Будде); тебе, Дон. (Калмык.); я тебе выучу, Петроз. (Шахм.); форму *тобе* ср.: у табе, Грайвор. (Отв. № 279), Дмитр.-Кур. (Отв. № 236), Новосил. (Отв. № 77); с то́бе, Петроз. (Шахм.); табе дружка дожидаивчи, Обоян. (Резанов); табé, Касим. (Отв. № 47), тобя, Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.); табя, Моршан. (Обл. сл., № 164); у тобя, Шенк. (Отв. № 235); тобя, Холмог. (Отв. № 50), Котельн. (Отв. № 46). Форму *тя* находим в угрорус. — до тя, для тя, на тя; лемк. — до тя (Верхр.), галицк.-горск. (Огоновский); с тя, лемк. (Верхр.); в великорус.: благодарим тя, Насим. (Будде); хто тя видит, Макар. (Отв. № 56); у тя, Нолин. (Отв. № 51); тя, Котельн. (Отв. № 46), Холмог. (Отв. № 50); за тя, Петроз. (Отв. № 34); ему какое дело до тя, Кадник. (Отв. № 31); с тя взятки-то гладки, *ib.*; я у тя был севодни, Устюжн. (Отв. № 28); у тя, Буйск. (Отв. № 18); едят тя мухи с комарами, *ib.* и др.; сюда же *те*: белорус. — *rajdú za cie zapuż*, Волков. (Federowski, I, 71); *ý те*, Петроз. (Шахм.); куда те нясе, Михайл. (Будде); я те, он те проучит, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); я те выучу, Горбат. (Обл. сл. № 105); у те, на те, Малмыж. (Отв. № 103); у те, ну те прочь, Покров. (Отв. № 10) и т. д. Формы родительного *тя*, *те*, очевидно, заимствованы из винительного, вследствие употребления родительного *тебе* в качестве винительного; объяснять *тя* как стяжение из *тебя*, *те* из *тебе* (ср. формы *тея*, *тее* в великорусских говорах) невероятно. Отмечу польские уже в XIV в.: *mie*, *cie*, *sie* с неносовым *e*. В дат. — тебе и тебе; ср. укр. *тобі* и *тибі*; тебе и тебе, Соликам. (Словцов); табе, Моршан. (Обл. сл., № 164), Брянск. (Отв. № 269), Новосил. (Отв. № 77); тебе, Холмог. (Отв. № 50); табе, Дон. (Калмыков); тябе и табе, Великолуцк. (Отв. № 45) и т. д. Форму *ти* находим в угрорусской (Верхр. I), в русск. весьма обычно *те*, заменившее *ти*, по-видимому, под влиянием *тебе*: вот те крест, Буйск. (Отв. № 18); я те дам, Вытегорск. (Отв. № 33); рядом *ти* (тамъ же *тиби* при *теби*); ср. я те дам, Макар. (Отв. № 56), Меленк. (Отв. № 247); вот те на, Солик. (Словцовъ); я те говорил, Горбат. (Обл. сл. № 105) и др. Для возвратного местоимения: род. и вин. — про себе, после себе, Мещов. (Черныш.); за сабé, Грайвор. (Отв. № 279); сибé, Дон. (Калмыков); у собя, Котельн. (Отв. № 46); себе и собя, Хол-

мог. (Отв. № 50); про себя, Шенк. (Отв. № 235); у сабѣ, Дмитровск. (Отв. № 236); сабя, Морш. Форму *си* диалект. въ украинск. (Осадца). В угрорус. — за ся (Верхр.); в белорус. *da sié*, Волков. (Feder, I, 64) (Обл. сл., № 114); для себя, Солик. (Словцов, Арх. II Отд.); форма *ся* въ украинск. области, например: до ся, лемк. (Верхр.), в великорус.: за ся, Касим. (Будде); про ся работа, Новгор. (Колосов); у ся, Котельн. (Отв. № 46); ся и се, Холмог. (Отв. № 50). В дат.: себе и себе, например украинск. — *сибі* и *собі*; сабе, Скоп. (Будде); себе Холмог. (Отв. № 50), Котельн. (Отв. № 46); сабе, Дон. (Калмыков); сабе и себе, Великолуцк. (Отв. № 45); сабе, Новосил. (Отв. № 77), Грайвор. (Отв. № 279); *си* — украинск. диалект. и угрорус. (Верхр., I). Для 1-го лица мн. отмечу *ны* вм. *мы*, Гдов. (Отв. № 11), причем *ны* по происхождению — форма вин. мн.

Замечания об отдельных формах.

В дат. и местн., как видно отчасти из приведенных выше примеров, формы *тоб'ѣ*, *соб'ѣ* были в древнерусском обычнее, чем формы *т'ѣб'ѣ*, *с'ѣб'ѣ*; возможно, что в некоторых говорах (например, южнорусских, ср. в современ. украинск. решительное преобладание *тобі*, *собі*) их совсем и не существовало; в связь с этим можно бы поставить следующее обстоятельство: формы дат. и местн. *тебѣ*, *себѣ* пишутся в русских памятниках, и именно в тех, которые вообще не смешивают букв „е“ и „ѣ“, как *тебе*, *себе*; например, в Житии Феодосия в первом почерке находили последовательно *тебе*, *себе*; также и во втором почерке является в себе; в Мстисл. ев. — *тебе* (Карский), в Лавр. — *помысли в себе рекѣ* (в речи философа) и т. д. Это доказывает, что формы *тебѣ*, *себѣ* принадлежали не живому народному языку, а заимствованы из церковнославянского, причем написания с „е“ передают церковное произношение, в котором, как мы знаем, *ѣ* в устах русских людей отождествилось с *е*; ср. в тех же памятниках написания с „е“ в церковнославянских словах, как *среда*, *вредѣ*, *время* и т. п. Но достаточных оснований для признания вообще во всех русских памятниках форм *тебѣ*, *себѣ* заимствованными из церковного языка или для признания современ. *тебе*, *себе* происшедшими фонетически из *тобѣ*, *собѣ* (ср. *теперь* вм. *топерь*) мы не имеем; по-видимому, многие русские говоры сохраняли общеслав. формы *тебѣ*, *себѣ*. С приведенными из современных говоров формами *те* в дат. ед. ср. *те*, *тѣ* в памятниках: а *тѣ* Семену, Гр. 1493 (XVI, А. Калач., I, № 118); *те*, Поуч. Зарубск. чернор. XIII в. (Свед. и зам., № 6, стр. 54); одесною *те*, Добрил. ев., 72д.

Энклитические *m'i*, *t'i*, *s'i* имели, по-видимому, не *i*, а *ǐ*, в которое еще в общеславянском праязыке обращалось вообще всякое конечное неударяемое *i*; отсюда в позднейшем языке: *m'*, *t'*, *s'*; ср. в Ипатьевской летописи: велела мь, 286в; всегда мь жалоуете, 291б; нѣколье емь, 299г; абы мь даль бѣ, 297г; а болшаи мь надежа, 298а; а проули мь оуже и на печенехъ, 298а; то бы мь с полоу было, 301в; тоуто ть ю дати, 299в; ѿ брата ть, 301г; а земля ть впасна, 288г; ср. в старших частях того же памятника: а чо ти бѣ дасть, 150а; а чо ми... ѿиаль, 151 г. Относительно ударения местоименных форм отмечу, что *m'ep'ǎ*, *t'eb'ǎ*, *s'eb'ǎ*, по крайней мере в положении за предложениями, имели ударение на первом слоге; ср. украинск. на тебе, за мене, про себе.

2. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕННИЯ 3-го ЛИЦА (ЗАМЕНЯЮЩЕГО И ЛИЦА, И ПРЕДМЕТЫ)

Формы этого местоимения в общеславянском праязыке производятся от основы *jo-* (изменившейся там, где *o* не слилось с падежными окончаниями в *je*) в мужеском роде, *jā-* в женском. В склонении этих местоименных основ встречаемся впервые с обычными для местоименного склонения окончаниями, они приставляются или к основам *jo-*, *jā-*, или к распространенной основе *joj-*. Именит.— *jo-s* изменился в *jъs* и далее в *jьs*, *jь*; точнее — (в *ij*, откуда *i*; в ср. роде *jo-d* (ср. лат. *istud*) перешло в *jed* и далее в *je*; в женск. роде *jā* (об употреблении форм им. падежа см. ниже). Род. м. и ср.— *jeho* (с *h*, на которое указывают северновеликорусские говоры) из *joho*, а это из *joo* (о происхождении этой формы скажу ниже); в род. женского рода окончание *-ops* (о происхождении его я говорил выше в обзоре окончаний имен существительных женского рода) приставлено к распространенной основе *joj-* — *jej-*; отсюда *jojops* — *jejeps* и далее *jejǫ* (ст.-слав. ѿи, др.-русск. ѿѣ). Дат. м. и ср. рода получило окончание *-smōi* (ср. др.-инд. *tasmāi*), откуда *-mi*: *jomi*, *jōmi*; в женск. роде окончание *-oi* приставлено к распространенной основе: *joj-oi*, отсюда *jejei*, *jeiī*, далее *jeiǫ* и затем *jeiǫ*, *jei*. В твор. м. и ср. рода окончание *-mǐ*, *-mь* приставлено к распространенной основе: *joj-мь*, отсюда *jeimь*, *jimь*; в женск. р. окончание *-ān* — *-o* приставляется также к распространенной основе: *joj-o*, отсюда *jeio*. В местн. м. и ср. рода окончание *-smip*, откуда *-mь*, приставляется к основе *jo*: *josmip* — *jomь* — *jemь*; в женск. р. та же форма, что в дат. ед. В вин. м. р. *-jom* изменилось в *-jъm*, откуда *-jь*; в женск. р. *jā-m* перешло в *jo*. В им.-вин. дв. м. р. *jā* (ср. *vъlkā*,

стар.-слав. ѡмѣ, ѡмѣ), в женск. и ср. р. *ji* из *jāi* и *joj* (ср. **ženāi*, откуда *ženъ*, **seļoj*, откуда *selъ*). В род.-местн. дв. всех трех родов видим окончание *-и* (из *-ōи*), приставленное к распространенной основе: *joju*, отсюда *jeju*. В дат.-твор. дв. окончание *-та* приставлено к распространенной основе: *joj-та*, отсюда *jej-та*, *jīта*. В род. мн. всех трех родов окончание *-хъ* из *-sōт* приставлено к распространенной основе: *joj-хъ*, отсюда *jej-хъ*, *jīхъ*. В дат. мн. окончание *-тъ* из *-тос* приставлено к той же основе: *joj-тъ*, откуда *jejtъ*, *jīтъ*. В твор. мн. окончание *-ті* приставлено к той же основе: *joj-ті*, отсюда *jejtі*, *jīті*. В местн. мн. *-хъ* из *-su* приставлено к той же основе: *joj-хъ*, отсюда *jejхъ*, *jīхъ*. В им. мн. м. р. *joj*, откуда *jej*, *ji*, в ср. р. *jā*; в женск. р. в им. мн. является форма, которая по своему происхождению — форма вин. мн. В вин. мн. м. р. *jo-ps* перешло в *jeps*, далее в *jѣ* (ст.-слав. ѡ, русск. ѣ); в женск. р. та же форма. Таким образом, видим, что простая, необословленная основа *jo*, *jā* является только в им. и вин. падежах всех трех родов и чисел; кроме того, в дат. и местн. падежах м. и ср. рода, имевших некогда окончание, начинавшееся с группы согласных *st*; *jostmōj*, *jostmīn*; *st* заменено через *t* едва ли не под влиянием окончаний *-тъ* в твор. ед., *-ті* в твор. мн., *-тъ* в дат. мн., *-та* в дат.-твор. дв. Отсюда вероятно думать, что и в родительном падеже должна была бы явиться или обословленная основа или что окончание род. падежа также начиналось со звука *s*; считаю вероятным предположить, что первоначальной формой род. падежа была *jo-so*; *s* выпущено не фонетически под влиянием (нефонетического же) выпущения его в формах дат. и местн. ед.: *jostmī*, *jostmь* переходили в *jostmī*, *jostmь* и повели за собой *joo*, откуда далее *joho*, *jeho*. Как увидим ниже, род. падежом от вопросительной основы *če-* и *čь* (*čī-*) является *česo* и *čьso*, окончание *-so* восходит к индоевропейскому *-so*, ср. готск. *pis*, древневерхненемецкое *des* из **t'eso*, готское *hvis* из **geso*.

Замечательно, что формы именительного падежа всех родов и чисел исчезли в общеславянском языке из употребления; ср. их в сложении с частицей *že* в относительном местоимении *iže*, *jaže*, *ježe*. Формы эти заменены формами *он*, *она*, *оно*, имевшими и сохранявшими (в косвенных падежах) указательное значение. Повидимому, в общеславянском праязыке исчезла связь между формами именительного падежа и формами косвенных падежей потому, что последние стали употребляться только постпозитивно (за другими словами, не впереди предложения), между тем как формы

именительного падежа по самому значению своему употреблялись антепозитивно; утрата связи между формами косвенных падежей и формами именительного падежа повела к полной утрате последних. В винительном падеже мужского рода, когда он заменял лиц мужского рода, употреблялась форма родительного падежа, как и в именах существительных.

В древнерусском языке рассматриваемое местоимение склонялось так.

	Мужеский и средний род	Женский род
Ед. И.	(онъ) (опо)	(она)
Р.	jòhò	jej'ǫ
Д.	jòmu	jei
В.	i, jòhò, jò	ju
Т.	jim'ь	jeju
М.	jem'ь	jej
Дв. И.	(она) (онѣ)	(онѣ)
Р. М.	jeju	jeju
Д. Т.	jima	jima
В.	ja, ji	ji
Мн. И.	(они) (она)	(ону)
Р.	jixъ	jixъ
Д.	jimъ	jimъ
В.	j'ѣ, ja	j'ѣ
Т.	jim'i	jim'i
М.	jixъ	jixъ

Все эти формы употреблялись, как указано, постпозитивно. В положении после предлогов они принимали перед собой звук *n'* (развившийся из окончания таких предлогов, как съ = saŋ и переносившийся также и в другие): за п'ь (п'ь — вин. пад.), др.-русск. за п'ѡ, к п'ei, съ п'имъ, въ п'ixъ.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянских памятниках те же формы, что приведены в образце; в вин. мн. в соответствии с древнерусским ѣ является ѡ, в соответствии с ѡѣ — ѡѡ; вместо -и в вин. ж. р. -ǫ.

Примеры из древнерусских памятников.

Ед. ч. м. р.: онъ, Жит. Феод.; и онъ ѡнхалъ, Новг. гр. до 1305, № 11. Род: не кърмити ѡго, Новг. гр. до 1305, № 11; оу него, Новг. гр. 1368—1371, № 16; въ него мѣсто, Новг. 1-я, 59.; Вин.: по нь, Ипат., 184а, 300в, 288г; подо нь, 306в; мимо нь, 291г; про нь,

231г; взъ градъ и пожъже и, Лавр.; внесоша и и положиша и на коврѣ, Лавр.; оустремишася на нь, то да идетъ за нь, *ib.*; ѿрѣваите его ѿ берега, *ib.*; блгви и ѿпусти юго, *ib.*; соудити юго, Новг. гр. д. 1305, № 10; а боудоуть на него послоуси, Гр. 1229 (А); то томоу за нь платити, Гр. ок. 1240; кто коли на нь (лист) возритъ, Крак. гр. 1394. Твор. ед.: имь, нимь, Жит. Феод.; съ нимь, Новг. гр. до 1305, № 11. Те же формы в ср. роде. Вин. п.: ю, Жит. Феод.; вселися в не (место), Лавр. Местн. ед.: нѣмь, Жит. Феод.

Ед. ч. женск. р.: она, Жит. Феод. Род.: еѣ, Гр. 1508 (А. Ю., № 13), Гр. XIV в. (А. Ю., № 257, IV); ее, Гр. 1536 (Бел., № 9); еѣ, Ев. XIII, № 6; 161а, Ипат., 296в, Коп. с Догов. 1371, № 31; ее, Дух. 1389, № 34; становища еѣ, село ее, сани ее, Лавр.; да аще еѣ не вдаста за ма, Лавр.; у ее мужа, Дв. гр. XV в., № 20; у неѣ, в еѣ деревна (х), Гр. 1472 (С. М., № 54); дѣтемь еѣ, Перемышл. гр. 1378¹; с неѣ, Гр. 1447—1459 (А. Калач., I, № 31). Дат.: ѿи, неи, Жит. Феод.; Вин.: ю, Жит. Феод.; а что на ню моужь възложить, Русск. Пр. (Р. Д., I, 44); ѿдадять ю замоужь, *ib.*, 44; засѣети ю, Виленск. сп. Западнорус. лет.; отпусті ю, *ib.*; ню, Жит. Феод. Твор.: юю, нюю, Жит. Феод. Местн. ед.: неи, нѣи, Жит. Феод.; даль не неи (т. е. на земле), Др. гр. XV в., № 26 а боудѣтъ пьреже на неи не былъ сорома, Гр. 1229 (А).

Дв. ч. Им. м. р.: она, Жит. Феод. Вин. м. р.: посла ѿ, Лавр.; се слышавъ црь посла по на, *ib.*; боудѣтъ ли тажа Смоленскѣ Немьчицю съ Смолнаниномь, соудити ѿ Смолѣньскомоу князю, Гр. ок. 1240. Род. местн.: юю (мужеск.), Жит. Феод.; иже ѿколо ю (мужеск.), Лавр.;— в значении вин. падежа: почтивъ ею, Лавр. 448; пою собѣ женѣ ею (женск.), юю же прокленше, Ипат., 436;

которыи юю роспускають, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 48). Дат.-твор.: надъ нима, Новг. 1-я, 47; с нима, Рижск. гр. ок. 1300.

Мн. ч. Им. м. р.: они, Гр. 1447—1453 (А. Калач. I, № 31), Жит. Феод.; ѿни же видѣвше, Лавр.; и не смаху ни си ѿнѣхъ ни ѿни сихъ начати, Лавр. Род. мн.: ихъ, нихъ, Жит. Феод. Дат. мн.: имь, нимь, Жит. Феод. Вин.: въсыпати ѣ (т. е. оукроухы), Жит. Феод.; сьрѣте е на рѣцѣ Пищанѣ, Лавр.; сбиша ѣ в маць, *ib.*; поидемъ на не, Лавр. Твор. мн.: ими, ними, Жит. Феод.; с ними, Дв. гр. XV в., № 87. Местн.: ихъ, нихъ, Жит. Феод.; коуны ѿмати на нихъ, Новг. гр. до 1305, № 9.

¹ В рукописи по описке „Парем.“. (Ред.)

Мн. ч. Вин. ср. р.: ѡ, Жит. Феод.

Мн. ч. Вин. ж. р.: пережъгутъ в (т. е. бани), Лавр.; даѡти часть на нѡ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 43).

Примеры из современного языка.

Отмечу некоторые старые формы. Вин. п. ж. р.: ю, Холмог. (Отв. № 50), Петроз. (Шахм.); он ударил ю, Петроз. (Отв. № 34), Каргон. (Колосов); ю, ню — в укр. Род. ед. ж. р.: еѣ, її, наї, укр., ее, Устюжн. (Отв. № 28), Богородск. (В. Черныш.); иé, иё, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В., 1880, № 3); яé — белорус., Могил. (Рамзевич); еіэ, Мозыр. (Отв. № 10) и т. д. Вин. мн.: на нї, лемк. (Верхр.), например: злетїѹ на нї, заробю собї на нї. Неясно появление *на ни* в значении „на него“, древнее *па п'ь*: за ни не піду, лемк. (Верхр.); быть может, здесь сказалось влияние формы вин. падежа *и*. Замечаемая в русских говорах непоследовательность в употреблении *п'*, причем одни говоры устраняют *п'* в положении за предлогами, а другие имеют его и в положении не после предлогов, зависела от тех или иных позднейших условий. Произношение с начальными *ј*: *јіх, јіп, јімі, јіп* — надо признать общим всем русским наречиям. Укр. — *його, нього, йому, ньому* имеет *о* вместо *о́, о̆* фонетически; напротив, в диалектах великорус. — *с нѣй, по нѣй о* под влиянием *той* и других подобных форм; также и укр. *їй*, восходящее к *јюі* (ср. современ. мозырск. по ю́і), заимствовало *ю* из *туі*.

3. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНІЙ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ

Вопросительные местоимения распадаются на две категории: 1) местоимения со значением не атрибутивным, употребляющиеся вместо существительных; 2) местоимения с атрибутивным значением. Формально обе категории различаются тем, что первая из них не образует множественного числа и не знает различия по родам, употребляя, однако, две разные основы для лиц и предметов. Во второй категории одна часть входящих в нее местоимений уже по самому образованию своему сближается со склонением прилагательных: во второй части сложения она содержит рассмотренное выше местоимение *и, ѡ, ю*, первая склоняется как местоимение. Рассмотрю отдельно склонение основ обеих категорий.

К первой категории принадлежат две основы: *ко-* для личного вопросительного местоимения и *ѡе-, ѡь-* для предметного вопросительного местоимения. Основа *ко-* является в этом виде перед окончаниями, имевшими некогда вначале группу *сі* или *ст*; она

является в виде распространенном *koj-* в твор. ед. перед окончанием *-ть*: *kojть* изменилось затем в *сѣть*. В им. ед. является форма *къто*, очевидно, заменившая первоначальную форму *къ* (*to* — приставка). Основа *ѣ-* является как в форме им.-вин. падежа: *ѣ*, так и в тех падежах, которые имели окончания, начинавшиеся с *s*: род. *ѣю* (из *ѣо*, а это нефонетически вместо *ѣсо*), дат. *ѣти*, местн. *ѣть*; в твор. падеже перед окончанием *-ть* являлась распространенная основа: *ѣј*: *ѣјть*, откуда *ѣпть*. Основа *ѣ-* (из *ki-*) являлась в форме им.-вин. *ѣто* (*to* — приставка), а кроме того, в форме род. падежа: *ѣсо*. Эта форма не могла ассоциироваться с формами *ѣти*, *ѣть* и потому сохраняла свое *s*; под влиянием *ѣсо* возникло и *ѣсо* вместо *ѣо* (*ѣю*). Кроме того, *ѣсо* вызвало при себе новообразования, как *ѣсоо*, *ѣсоту*, *ѣсоть*; это имело последствием появление *ѣсоту*, *ѣсоо*, *ѣсоть* при род. *ѣсо*. Привожу формы склонения местоимений *къто* и *ѣто* в древнерусском языке; вин. падеж от *къто* тождествен по форме с род. падежом; это объясняется тем, что *къто* относится только к лицам, а в именах лиц мужского рода еще в общеславянском праязыке на место винительного падежа проникала форма родительного.

Ед. И.	<i>къто</i>	<i>ѣто</i> , <i>ѣо</i>
Р.	<i>кою</i>	<i>ѣю</i>
Д.	<i>кому</i>	<i>ѣму</i>
В.	<i>кою</i>	<i>ѣто</i> , <i>ѣо</i>
Т.	<i>сѣтъ</i>	<i>ѣтъ</i>
М.	<i>комъ</i>	<i>ѣтъ</i>

Сопоставление с другими славянскими языками.

Склонение *къто* в старославянских памятниках ничем не отличается от восстановленного для древнерусского языка склонения. Но *ѣто* представляет некоторые особенности, а именно в род. падеже является не *чѣго*, а только *чѣсо* и *чѣю*; равным образом форма дат. *чѣмоу* вытеснена формами *чѣсомоу* и *чѣюмоу*; в местном встречается *чѣмь*, но рядом с нею *чѣсомь*. Кроме того, известно и новообразование *чѣсого* в род. падеже (в Савв. кн., Супр., XIII Сл. Гр. Бог.). Ввиду этого вероятно, что *чѣсо* проникало и в им.-вин. падежи; ср. *чѣо* вместо ожидаемого *чѣто*, например, в Типогр. ев. XII в., № 7: не вѣдаху чѣо ѿвѣдати (Соболевский). В др.-сербском находим, кроме формы *што*, *що* (из *чѣто*), форму *ча*, очевидно, ведущую к общеславянскому *чь* (ср. *чь* в *чѣто*, а также в старославянском *инчѣжѣ*, о котором ниже); также *ч*, восходящее равным

образом к *чь*, например: в *зач*, *прозач*, *вач*; а из формы *ча* переносилось на место *о* в *чѣта* вместо *чѣто*, ср. также *ща*; в род. падеже обычно *чеса* с *а*, заимствованным из склонения имен, вместо этого *чѣга* совершенно единично. Но, кроме того, известна в род. падеже и форма *шта*, *ща*, по-видимому, в результате смешения формы им.-вин. падежа с формой родительного; в дат. *чему* и *чесоу*; в местн. *чемь*. В польском языке в им.-вин. является форма *со*: она восходит к *ċso*; очевидно, эта форма род. падежа вытеснила древние формы им.-вин.; ср. написание *czso* в древнепольских памятниках; отмечу еще *cz* (ċ) на месте первоначального *чь*, например, в *rosz*, *pasz*, *osz*, *zacz*, а также в *pisz*, которое, впрочем, может быть, следует читать как *pis* с заменой *ċ* через *s* под влиянием *со*; в род. находим *czego*, в дат. *szemu*, в местн. *szem*, в твор. *szum*.

Примеры из древнерусских памятников.

Местоимение *къто*: *къто*, *кого* — род., *кого* — вин., *кому*, Жит. Феод.; *кому*, Гр. 1265 (Р. Л. А.); а *кому* раздашь волости братъ твои Александръ, Новг. гр. 1265, № 1; а *кто* почнетъ вадити к тебе, *тому* ти веры не ѡти, Новг. гр. 1270, № 3; а *кто* купецъ тотъ въ сто, а *кто* смердъ а тотъ потагнетъ въ свои погость, *ѡ*; или: *ѡ* иного *кого*, Новг. гр. до 1301, № 4; а *кто* будетъ давныхъ людии... *тѣмъ* тако и сѣдѣти, *ѡ*; *кто* оу *кого* боудеть коупиль знаеть своѣго истьца, Новг. гр. до 1305, № 9; *коуда* *кому* годно, Новг. гр. до 1305, № 10. Примера для *цѣмь* указать не могу; форма *цѣмь* рано вытеснена формой *кътѣ*. Замена произошла, вероятно, в виду несогласованности начального *с'* с *к* других падежей (*към* явилось в позднейшую¹ эпоху, едва ли не под влиянием *тем*). *Кѣмь*, Жит. Феод.; *кому* с *къмѣ* тажа, Полоцк. гр. 1265 (Р. Л. А.); с *ки*, Коп. с Догов. 1368, № 28; *пред* *къмѣ*, Молд. гр. 1400, № 12; *пре* *къмѣ*, с *къмѣ*, Псков. судн. гр.; сѣ *къмѣ* боудеть краль, Русск. Пр. (Р. Д., I, 58); *къмѣ* любо ѡбразомъ, *ѡ*, 53.

Местоимение *ѣто*: форму *чо* находим, например, в двинских грамотах: за все то *чо* ѡго, Дв. гр. XV в., № 86; за все то... *чо* ѡму доспеле оубытка, *ѡ*; ѡ земли ѡ карпови о участъки *чо* княжо-встровчи купили подѣ *стѣ* бѣю, Дв. гр. XV в., № 88; а *чо* ѡсми купиль село, Дв. гр. XV в., № 117; в Ипат.: а *чо* ти бѣ дасть,

¹ В рукописи слово написано сокращенно: „поздн.“. (Ред.)

150а; а чо ми... ѿдалъ, 151г.; чьто, Жит. Феод.; а што боудеть моихъ сель... тому буди судъ безъ перевода, Новг. гр. до 1301, № 4; а цто есть на бору колодазь солонои, а тьи колодазь... истьщистити, Дв. гр. XV в., № 99; а чего будеть искати мнѣ... а тому всему судъ дати, Новг. гр. до 1301, № 4. В твор. ед.— чимъ, Догов. 1341, № 23, гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 31), 1285—1315; чимъ то, Гр. 1285 (Р. Л. А.); с чимъ, Домостр. Конш., 33; чимъ, Дух. Климента XIII в., Догов. 1428, № 43; естеромъ чимъ, Лавр.; чимъ есмь володѣль, Дв. гр. XV в., № 12; оуцастокъ і лѣвѣща цимъ вѣлодѣваль ігуменъ і ѿго дѣти, Дв. гр. XV в., № 26. В местн. ед.—ни в чом, Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 31); чемъ, Жит. Феод.

Примеры из современного языка.

Твор. *ким*, о котором сказано выше, удерживался до сих пор в белорус. и укр. областях: хто, кого, кому, о кум, кым, Пинск. (Отв. № 2); никим, Могил. (Рамзевич); укр.—кто, кого, о кім, но—ким. Форма *чо* держится до сих пор: цѣ баять, цѣ баяць, Пудож. (Шахм.); чѣ, Васинька, Петроз. (Шахм.); чо, чо-шь ты молчишь, Новосил. (Тр. диал. ком.); чо или цо йно молчишь, Слобод. (Отв. № 120). Твор. *чим* (вместо чего в великорусском обычно *чем* под влиянием *тем*) держится в украинском *чим*, а также и в великорусских говорах: чим, Брянск. (Отв. № 259), чим тибѣ звать?, ів.; чим, зачим, Жиздр. (А. Никольский), в белорусском, например, Могил. (Рамзевич); чым, Быхов. (Отв. № 9).

Дополнительные замечания.

Местоимения *къто*, *сьто* еще в общеславянском праязыке употреблялись также в соединении с частицей *пѣ*: *пѣкъто*, *пѣсьто* и с отрицанием *пѣ*: *пѣкъто*, *пѣсьто*; формы склонения те же, что и в самостоятельном употреблении этих местоимений. В старославянском отмечу *ниутьже*, например в Син. пс. и в XIII Сл. Гр. Бог.; весьма обычно в памятниках русской редакции *ниутьсо* *вм.* *ниутьто*, например: *иже аще кльнѣтса црквѣю ниусо же веть*, Добрил. ев. (Собол.), *ниусо же достоинно съмьртн створено веть ѿ немь*, Типогр. ев., № 7 (Соболевский); *не гьнѣеть ниутьсо же*, Гал. ев. 1266—1301; *нѣ во ниусо же тинно*, Холмск. ев. XIII—XIV в. (Соболевский). Вероятно, такое словоупотребление восходит к старославянским оригиналам. В русских памятниках видим колебание *ничто же* и *ничего же*, например: а потомъ не надобѣ Левонтью... в томъ орудьи Смена Ночина ничего же, Дв. гр. XV в., № 88;

ни Савку, ни кнжоостровьчамъ не надобѣ... в томъ орудьи ничто же, *ib.* Еще примеры для *никто* и *ничто*: твор.—никимь, Дух. 1328, № 21 (вместо ожидаемого *ництьмь*, ср. выше *кымь* вм. *цтьмь*); ни соудомъ ни чим же, Новг. гр. 1270, № 3.

Ко второй категории относятся две основы, представляющиеся сложениями только что рассмотренных основ *ко-* и *сь-* с основой местоимения 3-го лица *ю-*; основа *кою-* имеет вопросительно-определительное значение, а основа *сью-* вопросительно-притяжательное значение.

Склонение *кою-* вряд ли дошло до нас в первоначальном виде; первоначально при образовании всех вообще падежных форм *ко-* оставалось без изменения, склонялась же только вторая часть сложения. Но позже *ко-* сохранилось без изменения почти только там, где поддерживалось влиянием форм склонения местоимения *къто* (*ко-но, ко-ти, ко-ть*) и местоимения *тъ* (например, *тоѣ, тоі, тоіо, тоіи* и т. д.); там, где вместо *ко-*, *то-* являлось *сѣ-, тѣ-* (например, *сѣшь, тѣхъ, тѣши* и др.), в склонении основы *кою-* в первой части ее вместо *ко-* явилось *ку-*, заимствованное, по-видимому, из формы сложного склонения прилагательных. В им. ед. м. рода находим *кѣі*, причем *-ѣ* вместо *-о* заимствуется из формы *къто*; в им. ж. р. является *каја* вместо и при *која*, ср. *та*; в им. м. дв. *каја*, ср. *та*; в им. ж. и ср. дв. *сѣіі*, ср. *тѣ*; в им. мн. *сііі*, ср. *ті*; в им. м. ср. *каја*, ср. *та*; в им.-вин. мн. ж. *куіѣ*, ср. *ту*; в вин. ж. ед. *коіо* при *коіо*, ср. *то*.

Приведу формы склонения основы *кою-* в древнерусском, отмечая курсивом новообразования.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И.	<i>кѣі</i>	<i>кѣе</i>	<i>кѣа, кѣа</i>
Р.	<i>кѣеѣо</i>	—	<i>кѣеѣѣ</i>
Д.	<i>кѣеѣи</i>	—	<i>кѣеѣі</i>
В.	<i>кѣі, кѣеѣо</i>	<i>кѣе</i>	<i>кѣи, кѣи</i>
Т.	<i>кујит'ѣ, кѣит'ѣ</i>	—	<i>кѣеѣи</i>
М.	<i>кѣет'ѣ</i>	—	<i>кѣеѣі</i>
Мн. И.	<i>кѣіі (сііі)</i>	<i>кѣа</i>	<i>кѣѣѣ</i>
Р.	<i>кѣііхъ, кѣѣііхъ</i>	—	—
Д.	<i>кѣіітѣ, кѣѣіітѣ</i>	—	—
В.	<i>кѣіѣ, кѣѣѣѣ</i>	<i>кѣа</i>	<i>кѣѣѣѣ</i>
Т.	<i>кѣііи'і, кѣѣііи'і</i>	—	—
М.	<i>кѣііхъ, кѣѣііхъ</i>	—	—

Дв. И. <i>kàia</i>	<i>сѣи</i>	<i>сѣи</i>
Р. М. <i>kòjeju</i>	—	—
Д. Т. <i>kỳjima</i>	—	—

В старославянских памятниках господствуют новообразования, однако, при *внхъ* в род. мн. встречается и *коихъ*, Зогр. ев. В др.-сербском находим в им. ед.: *никои*, *некои*, *нѣкои*, *нѣкоји*, *никоији*, *никоире*, что свидетельствует и об общеславянском им. ед. *кои*.

Приведу примеры из древнерусских памятников, указывая также ниже формы от сложных *никъи* и *нѣкъи*.

Им. ед. ж. р.: *коя*, Гр. 1490 (А. Калач., I, № 52); ^а *посемы нивы* *коя* вошла к нему, Данная до 1417 (С. М., № 26); *коя* земля, Тр. сп. Новг. 1-й, 68 в; *улицой коя* от Волкова къ Пятницѣ и на Хлѣбную горку дорога, Гр. 1593 (А. Ю., № 159); *коя* ваши златыи шеломы (=на что), Сл. о п. Иг., 33. Вин. ед. ж. р.: *в кою* пору, Послов. XVII в. (Симони, 107); *на кою* грамоту, Гр. 1439 (А. Калач., I, № 31); *кою* землю, Гр. 1470—1471 (XVI в., А. А. Э., I, № 87); *на кою* землю, Ипат., 55 в. Им. мн. м. р.: *ти же, кои* в закладной имены лежать грамоти, Дв. гр. XV в., № 99; *кои*, Новг. 1456 (XVI в., А. А. Э., I, № 58). Род.-вин. мн.: *а коихъ* Новгородцовъ... *привелѣ* к цѣлованью, Новг. гр. 1373, № 17; *коихъ*, Новг. гр. 1456 (А. А. Э., I, № 58). Местн. мн.: *на коихъ* грамоты *поималъ*, Новг. гр. 1373, № 17. Отмечу им.-вин. *кои*: это великорусское изменение общерусского *кѣи*: *а кои* долже ^н, Хожд. Аф. Ник. XV в.: ^а *горо кои* хощеша, Ермол., 390 б.

Нѣкъи, *нѣкоюмоу*, *нѣкоюш*, *нѣкоюю*, *нѣкою*, *нѣкоюго*, *нѣкъиныхъ*. Жит. Феод.; *никоюш*, *никови*, *ив.*; *никоюю* хитростью, Новг. гр. 1471, № 20. Любопытно *на нѣцѣхъ мѣсте* ^х, Ипат., 16а; это, очевидно, новообразование, под влиянием *тѣхъ*.

В современном языке: *коево* дни, Никол. (Отв. № 271); *кое* что, *на кой* чорт, от *коих* и др; укр. *угрорус.*—*кый* дідько, *кый* пропасник (Верхр. I); отмечу возможность образования некоторых форм под влиянием указательного *тѣ*: *коіѣ* *вм.* *коіейѣ* в род. ж. р.: *никоя* же, Гал. ев. 1144, 195 а, 218 в; *помощи* *никою* же, Лет. Авр.; ср. ниже *моѣ* вместо *моѣѣ* в родительном (единственного).

Основа *сѣю-* склоняется так же, как основа местоимения 3-го лица *ію-*. Приведу ее склонение в древнерусском.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И.	čŕi	čŕjǎ	čŕjǎ
Р.	čŕjǒhò	—	čŕjeiǎ
Д.	čŕjǒmù	—	čŕjei
В.	čŕi, čŕjǒhò	čŕjǎ	čŕju
Т.	čŕjim'ь	—	čŕjeju
М.	čŕjem'ь	—	čŕjei
Дв. И. В.	čŕjǎ	čŕji	čŕji
Р. М.	čŕjeju	—	—
Д. Т.	čŕjima	—	—
Мн. И.	čŕji	čŕjǎ	čŕjǎ
Р.	čŕjixъ	—	—
Д.	čŕjimъ	—	—
В.	čŕjǎ	čŕjǎ	čŕjǎ
Т.	čŕjim'i	—	—
М.	čŕjixъ	—	—

Так же склоняется это притяжательно-вопросительное местоимение в старославянских памятниках: *чни, чнѣго, чнѣмоу* и т. д.

Примеры из древнерусских памятников.

В чиемъ любо родѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 56); чии се городокъ, Лавр.; чии се городъ, Ипат., 9 а; чьи судьи (им. мн.), Коп. с Догов. 1368, № 28; чия то земля, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); чью дочь, Ипат., 229 в; то како любо тѣмъ, чье то коуны, Русск. Пр. (Р. Д., I, 47); конь чии любо (вин.) Русск. Пр. (ib., 49); чиею моцею, Западно-рус. ев. XV в., № 391 (Карский). Из современного языка: русск. — чей, чья, чье; чья, Красноуф. (Отв. № 137); чьих ты, Шадр. (Зырянов, Отв. № 140).

Об остальных вопросительно-относительных местоимениях можно сказать кратко: *какъ, како, какá, никакъ, пѣкакъ, каковъ, а, о* склоняются, как *тѣ* (указательное): *кака заповѣдь ваша*, Лавр.; *каку любовь имѣють Гръци с Русью, каци не суть таци, каци* ^м *суть поставлени слезами*, Лавр.; *кацѣмъ инымъ съсудо*, Ипат., ^т *20 в; вин. ед. жен. р.: нѣкаку*, Жит. Феод.; *а вже са сопру* *ш каковѣ дѣлѣ*, Новг. гр. 1471, № 20. Рядом находим формы, образованные по сложному склонению прилагательных: *какъи то бѣ сѣда безднѣ*, Лавр.; *о каки* ^х *шбинѣ* ^д *дѣле* ^х, Новг. гр. 1471, № 20.

Хотя *каковъ, а, о*, склоняются обычно по именному склонению [ср.: а складника г̃не въ тои земли не бывало никакова, Гр. 1536 (Бел., № 9)], но рядом известны формы и по местоименному склонению: *каковому, о каковом дѣль, о каковых, с каковым* вместо первоначальных *каковѣхъ, каковѣмь*.

Kotorĭi, katoraĭa, koroje склоняется только по сложному склонению прилагательных: аще которъи братъ, Лавр.; ^мвда ти которой ти городъ любъ, Лавр.; котораш дѣла, Догов. 1389, № 35; которъи (им. мн.), Гр. ок. 1130; а котораш села покуплена, Новг. гр. 1368—1371; или оу которого боырина, Новг. гр. 1314, № 12; а кто которые земли (род. ед.) запрѣса, Новг. гр. 1471, № 20; а которыѣ деревни (вин. мн.), Дух. 1389, № 14; а не ѡступити вы ея мене ни в которое же верема, Новг. гр. до 1301, № 4; котории (им. мн.), Полоцк. гр. ок. 1285. Форму *koterĭi* отмечу в Гр. 1229 (Д); форму *котрый* — в лемк., угрорус.

Kolikъ, а, о (рядом *колька, колько*) склоняется, как *тѣ*; ср.: нѣколицѣхъ, Жит. Феод. Но известно также употребление ср. рода *koliko (колько)* как существительного; ср. *поскольку*; повѣжьте ны колько васъ, Лавр.; взати юмоу коуны колико боудеть даль по исправѣ, Новг. гр. до 1308, № 6; коуны юмоу взати оу Новгорода, колько боудеть даль, Новг. гр. до 1327, № 15.

4. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ

Эти местоимения по значению своему тесно примыкают к прилагательным притяжательным, ибо отвечают так же, как они, на вопрос „чей?“ Но связь их с личными местоимениями делает необходимым отнесение их к местоимениям; да и склоняются они как местоимения, в противоположность притяжательным прилагательным, склоняющимся только по именному склонению. Притяжательные местоимения представляют основы *poĭo-* для 1-го лица единственного, *tvoio-* для 2-го лица ед., *svoio-* для возвратного местоимения, относящегося ко всем числам и лицам, *pašo-* для 1-го лица мн., *vašo-* для 2-го лица мн. Быть может, суффиксальную часть *-io-* можно отождествить с основой местоимения 3-го лица, которое таким образом присоединялось к основам *po-*, *tvo-*, *svo-*, *pas-*, *vas-*. Склоняются притяжательные местоимения так же, как основа *jo*, следовательно, представляют в одних падежах основу необословленную, а в других основу, обословленную через *ĭ* (*poĭoĭ-* дало затем *poĭej-*, *poĭi-*; *pašoĭ-* дало *pašej-*, *paši*).

Образцы склонения в древнерусском.

	Мужеский род	Средний род
Ед. И.	moj, našь	mojè, našó
Р.	mojehò, našóho	— —
Д.	mojemù, našómu	— —
В.	moj, mojehò, našь, našóho	mojè, našó
Т.	mojm'ь, našim'ь	— —
М.	mojem'ь, našem'ь	— —
Дв. И. В.	mojâ, naša,	moji, naši
Р. М.	mojèju, našeju	— —
Д. Т.	mojma, našima	— —
Мн. И.	moji, naši	mojâ, naša
Р.	mojixъ, našixъ	— —
Д.	mojmъ, našimъ	— —
В.	mojѣ, našѣ	mojâ, naša
Т.	mojm'i, našim'i	— —
М.	mojixъ, našixъ	— —

Женский род

Ед. И.	mojâ, naša	Мн. И.	mojѣ, našѣ
Р.	mojejѣ, našejѣ	Р.	mojixъ, našixъ
Д.	mojei, našei	Д.	mojmъ, našimъ
В.	moju, našu	В.	mojѣ, našѣ
Т.	mojeju, našeju	Т.	mojm'i, našim'i
М.	mojej, našej	М.	mojixъ, našixъ
Дв. И. В.	moji, naši		
Р. М.	mojèju, našeju		
Д. Т.	mojma, našima		

Так же вообще склоняются эти местоимения в старославянских памятниках.

Примеры из древнерусских памятников.

Мои, моя, мое, Жит. Феод.; вин. дв. ср.—мои; твор. дв. ср.—моима, Жит. Феод.; моихъ слугъ, Новг. гр. до 1301, № 4; моя села, Дух. 1371, № 30; вин. мн.—моѣ дѣти, Гр. ок. 1130; род. ед.—моеѣ, Гр. 1445—1462 (А. Калач., I, № 37); моею, Дух. 1328, № 21; моее, Догов. 1371, № 29; ѿ роукоу моею, Ипат., 258 а; просьбы моеѣ, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); о моя сыновчя (дв.), Сл. о п. Иг., 26.

Род. ж. — твоее, Догов. 1371, № 29; о твоее трети, Догов. 1388, № 33; паче браи твоею, Лавр.; вин. мн. ср.: твою, Жит. Феод.; а пожнѣ что твою (им. ед.) и твоихъ мужь пошло, то твою и твоихъ мужь, Новг. гр. до 1305, № 9; при дѣдѣ твою, Новг. гр. до 1308, № 6.

Своя мати, своя княгини, Догов. 1389, № 35; о своеѣ вотчины, Догов. 1405, № 38; своеѣ, Ипат., 115 а; вин. дв.—мечя свою, Новг. 1-я, 178; вин. мн.—дѣти своѣ, Полоцк. гр. 1285; местн. дв. ср.—свою, Жит. Феод.; дѣшъ своеѣ, Лавр.; а своее пагубы не вѣдуче, Лавр.; вин. мн.—мечѣ своѣ, ib.; исполчи воѣ своѣ, ib.; своѣ, Гр. 1471 (А. Калач., I, № 31); не держати (ти) своими мужи, Новг. гр. 1265, № 1; тебѣ потанути за Новъгородъ съ братомъ своимъ, Новг. гр. до 1301, № 5; како боудешь... оу своихъ мужь, Новг. гр. до 1305, № 11; пишу рукописанье при своемъ животѣ, Дв. гр. XV в., № 6; пишу рукописанье при своемъ животи своимъ цѣльмъ оумомъ, Дв. гр. XV в., № 117; поскотина оу нихъ своя и тагло оу нихъ свое, Дв. гр. XV в., № 81; или шроди своя дѣи, Русск. Пр. (Р. Д., I, 48); нашъ вси братъ княжьштровецъ, Дв. гр. XV в., № 87; братию нашу, Новг. гр. до 1305, № 11; твор. ед. м., —нашимъ Жит. Феод.; прѣ нашихъ, послѣхъ, Новг. гр. 1265, № 1; из нашеѣ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); в нашу нелюбье, Догов. 1440, № 60.

Ваша — им. мн. ср., Жит. Феод.; винограды вашѣ... истрохъ, Лавр.

Примеры из современного языка.

Им. мн.: мају, твају, Касим. (Отв. № 47); укр.—мій, мойого, моѣму, моїм, моя, моєї, моєю; им. мн. ж.—мої, моїх, моїми; наш, нашего, наша и т. д.

Дополнительные замечания.

Отмечу возможность образования некоторых форм по сложному склонению прилагательных. Уже в Жит. Феод.: дѣшъ нашихъ; по своимъ отцѣ, Гр. около половины XV в. (А. Ю., № 120); ш стрыи своимъ, Ипат., 305 б. Особенно часты подобные образования в род. ж. р.; *моиш* вместо *моеш* под влиянием *синиш*, *добрыш*, *тыш*: мои грамоты, Гр. 1447 (С. М., № 40); моеи, Гр. 1471 (А. Калач., I, № 30); съ твоиє съ даные, Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); из своеи волости, Погод. сп. Псков. 1-й лет.; своеи братие, своеи братье, Рижск. гр. ок. 1300; оу своеи жены, Гр. 1229 (С), твоиє правды, Коп. с Догов. 1368, № 28; вашиѣ вотчины, Коп. с До-

гов. 1381, № 82; нашии, Указ., ев. чт. XIII в., л. 251в.; радости вашии, Ев. 1339; нашии правды, Коп. с Догов. 1368, № 28. Ср. в современном языке: нашій, нашую, вашій, Петроз. (Рыбников); нашый, вашый, ая, ое, Слуцк. (Отв. № 7), нашій, вашій, Пинск. (Отв. № 1).

5. СКЛОНЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Рассмотрим отдельно склонение местоимений *tъ* (для безотносительного вообще указания), *опъ*, *овъ* (для указания на более отдаленные предметы), с одной стороны, и *съ* (для указания на ближайšie предметы), с другой стороны.

В склонении *tъ*, *опъ*, *овъ* чередуются две первоначальные основы: *to-*, *ta-* — для образования им. и вин. падежей всех трех родов и чисел, а также падежей дат., местн. и род. м. и ср. рода; *toi-* — для образования всех прочих падежей. Согласно с тем, что было указано выше, в дат., местн. и род. м. и ср. рода падежные окончания начинались некогда со звука *s*, исчезнувшего в силу нефонетических причин: *tomu*, *tomъ*, *too* (откуда *toho*) из *tosmu*, *tosmъ*, *toso*.

а) Склонение местоимения *tъ*

Привожу как образец склонение местоимения *tъ*

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И.	<i>tъ</i>	<i>to</i>	<i>ta</i>
Р.	<i>tohò</i>	—	<i>toj'ъ</i>
Д.	<i>tomù</i>	—	<i>toi</i>
В.	<i>tъ</i> , <i>tohò</i>	<i>to</i>	<i>tu</i>
Т.	<i>t'ъm'ъ</i>	—	<i>tòju</i>
М.	<i>tòmъ</i>	—	<i>tòì</i>
Дв. И. В.	<i>ta</i>	<i>t'ъ</i>	<i>t'ъ</i>
Р. Д.	<i>tòju</i>	—	—
Т. М.	<i>t'ъma</i>	—	—
Мн. И.	<i>t'i</i>	<i>ta</i>	<i>ty</i>
Р.	<i>t'ъxъ</i>	—	—
Д.	<i>t'ъmъ</i>	—	—
В.	<i>ty</i>	<i>ta</i>	<i>ty</i>
Т.	<i>t'ъm'i</i>	—	—
М.	<i>t'ъxъ</i>	—	—

В старославянском языке те же формы склонения.

Примеры из древнерусских памятников.

Муж. р. ед.: в то (вм. ть) чинь, Ипат., 190 г; ть, Гр. ок. 1130; рабъ то, Добрил. ев., 149а; ть, того, тѣмь, томь, Лавр.; а иже чететь книги сии то буди ми в мѣтвахъ, Лавр.; и созда столпъ то, ів.; то, Ипат., 77в; то же звонъ слыша, Сл. о п. Иг., 15. Отмечу постпозицию: штрокотъ, холмотъ, Лавр., и т. д.; аче кдѣ налѣзѣтъ оудареный ть своѣго истъча, Русск. Пр. (Р. Д., I, 50).

Средн. род ед.: тѣмъ, Дв. гр. XV в., № 86; въ томь кнзю измѣны не оучинити, Новг. гр. 1314, № 12; того ти са ѿступити, Новг. гр. 1270, № 3; то, им.-вин. Жит. Феод.

Жен. р. ед.: та земля, Дв. гр. XV в., № 15; противу тое (земли), Дв. гр. XV в., № 7; та, тоу, тои (дат.), тои (местн.), Лавр.; тоѣ noci 1620 (Письма русск. госуд., № 73); тоѣ же любви, Гр. ок. 1300 (Р. Л. А.); тоѣ ноши, Ермол., 32 об.; тое noci, Лавр., 281; в ту дватцать лѣтъ, Гр. 1462—1464 (XVI в., А. Калач., I, № 103); тоу грамотоу, Новг. гр. 1270, № 3; тое зимы, Дв. гр. XV в., № 15; на тои земли, ів.

Дв. ч.: въ та дѣи, Жит. Феод.; тою зломъисльною кнзю, Новг. 1-я, 178.

Мн. ч.: ти доконали и осудили, Гр. гал. 1401; ти поидоуть, Новг. гр. до 1305, № 10; ти словѣне, Лавр.; в та мѣста, Догов. 1405, № 38, Догов. 1371, № 29; ты (вин. мн.), Новг. 1-я, 126; а ты волости (вин.), Новг. гр. 1265, № 2; ты грамоты (вин.), Новг. гр. 1270, № 3; по та знамена, Гр. гал. 1491; городы ты, Лавр. 311; а тѣхъ (вин. мн.) кнаже выдавати, Новг. гр. до 1305, № 10; в тѣхъ селѣхъ, Новг. гр. 1368—1371, № 16; съ тѣми селы, Дух. 1389, № 34; тѣм, тѣх, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); къ ты рати, Сл. о п. Иг., 17.

Уже в общерусскую эпоху вместо *тъ* являлась в им. падеже удвоенная форма *тѣтѣ*; тотъ, Ипат., 126г, 70в; тотъ же, ів., 110в; тотъ ча, ів., 78а; тот ма враже оулови, Лавр.; хто коупецъ тотъ въ сто, а кто смердъ а тотъ потагнетъ въ свои погостъ, Новг. гр. 1270, № 3; за тотъ ручаи, Дв. гр. XV в., № 84; тотъ, Палея 1494 (Карский); то, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский).

Примеры из современного языка.

Род.: тае, Жиздр. (Никольский). Слуцк. (Отв. № 5); укр. — тої; вин.: ту (великорус., укр.); твор.: тою (укр.); местн.: том (великорус.), тим (укр.); твор.: тем (великорус.); дат.: той (великорус.), тій (укр.) и т. д.; тот (великорус. и укр.); здесь также: тотá, тото.

Дальнейшие замечания.

Вместо *tъ* рано явилось *tъi* с *ъ* ненапряженным (ср. сербск. *таj* с *a* из *ъ*); отсюда укр. *той*; ср.: на той рокъ, Галицк. гр. 1401; той, Новг. 1-я, 43, Ипат., 706; той же, *ib.*, 222а; в той бо днь, *ib.*, 228а; тыи, Рижск. гр. ок. 1300; тыи колодазь, Дв. гр. XV в., № 99; тыi, быть может, под влиянием *тоi* и т. п.

Весьма рано, по-видимому еще в общерусскую эпоху, *tъ* стало изменяться и по сложному склонению прилагательных: им. ед. *tъi*, *таја*, *таје*. Приведу примеры из памятников. Им.-вин. ед.: тыи, Ипат., 706, 1756; тыи же, *ib.*, 1666; тая земля, Вкладн. кн. Анофрия 1399 (Л. Васильев); тая звезда, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); тую, *ib.*; тая дъла, Виленск. сп. Западнорус. лет.; тую землю, тое дворище, Вкладн. кн. Анофрия; тую десятину, Луцк. гр. 1487; тоую же, Новгород. 1-я, 154; тую, Гр. 1285 (Р. Л. А.), Гр. 1264 (*ib.*); тую, тая, Рижск. гр. ок. 1300; жена тая, Палея 1494 (Каринский); тоую, *ib.*; тое даль есмь, Ипат., 2996; тое радъ учиню, Луцк. гр. 1386; на тую землю, Дв. гр. XV в., № 15; а кто коупиль а тыи знаютъ своѣго истьца, Новг. гр. до 1308, № 6; твор. ед. ср.: тымъ, Дв. гр. XV в., № 86; тымъ владѣти, Дв. гр. XV в., № 16; тымъ то листомъ, Молд. гр. 1435, № 46; тымже болото^м, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); с тымъ полемъ, Гал. гр. 1386; р. мн.: тыхъ, Полоцк. гр. ок. 1265; от тыхъ мѣсть, Северск. гр. 1388; им. мн.: ти, Сл. о п. Иг., 27; ти, Палея 1494 (Каринский); ти людье, Рижск. гр. ок. 1300, вин. мн.: тые, *ib.*; тыи, Новг. гр. 1456 (XVI, А. А. Э., I, № 58); за тыи землѣ, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); тыя, Жит. Феод. Еще: тыхъ, Полоцк. гр. ок. 1265; с тыхъ порука, Новг. гр. 1372, № 13; с тыхъ... цѣлованье сналъ, Новг. гр. 1373, № 17; на тыхъ, Догов. 1362, № 27; тымъ, тыми, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); къ тымъ свободамъ, Новг. гр. до 1308, № 6; тыхъ земель, Дв. гр. XV в., № 77; *w* тыхъ земляхъ, *ib.* Форму, как *тойе же зимы*, Ипат., 2346, если это не описка, можно бы сравнить с отмеченными выше *моие* (*моиъ*) вместо *моеъ* при *моъ* в род.: *моъ* при *моиъ* вызывало при *тоъ* — *моиъ* (ср. засвидетельствованное укр. *тоєi*). В современном языке находим: тыи, тые, тым, тых, тими, Крестецк. (Отв. № 160); тым местом, Кинеш. (№ 250); тоѣ (вместо — то), Слобод. (№ 222), Меленк. (№ 247); тую, Петергоф. (Отв. № 5); тую бабу, Петроз. (Отв. № 30); тая, тое, тыи (им. мн.), Великолуцк. (Отв. № 45); тыѣ-то нет, Орл.-Вят. (Отв. № 42);

с тыё недели, Макар. (Отв. № 56); тые (им. мн.), Шенк. (Отв. № 235); с тыё стороны, Никол. (Отв. № 266); тыё, Жиздр. (Никольский); тый и тэй (им.), Могил. (Рамзевич); тыё (р.), тая, тыя, тоя (мн.), *ib.*; тыё и тыя (р.), Слуцк. (Отв. № 5); укр.—тую, тая; тоё (вместо — то), Петроз. (Отв. № 30); тым (дат. мн.), Белоз. (Отв. № 162); тых и тых, с тым и с тым, к тым, Гдов. (Отв. № 11); укр.—тих, тим, тими, тих. Образования, как вин.—тою, Великоуст. (Отв. № 199), тв.—с тоёю рёкою, Киевск. гр. 1459; таёю, Слуцк. (Отв. № 5); род.—тоей, Минск. (Отв. № 23); таёю дарогаю, Пинск. (Отв. № 1); *tajeju rukoju*, Волков. (Federowski, I, 43); на тоей речыца (Бессонов, 18, 25); укр.—тоёю, род.—тоёї, местн.—тоём, Устюжн. (Отв. № 28), — вызваны, по-видимому, влиянием склонения *твой, мой, свой*: ср. сказанное выше об им. *той*, а также о древнерусской форме род. жен. *тоие*.

В сложении с указательной частицей *e* (из *he*, ср. белорус. *гэ*) *тэ* образует местоимение, служащее для ближайшего указания: великорус.—*этот, эта, это*, белорус.—*гэты*. И здесь *тэ* может склоняться по сложному склонению прилагательных: *этая, эту, Петергоф.* (Отв. № 5); *этую, Гдов.* (Отв. № 11); *этая, эту, этих, этим, Новг.* (Отв. № 20); с другим ударением: *этай, эту, Верхотур.* (Отв. № 51). Замечу здесь, что некогда указательная частица *e* (*he*) сознавалась как нечто отдельное, самостоятельное от следующего затем местоимения; вследствие этого предлоги повторялись и перед названной частицей и перед местоимением: *въ е въ то, па е па тошь, съ е съ тѣшь*; остатками такого словоупотребления являются наши речения, как *в это дело, на этом месте, с этим человеком*; ср.: *в эвтом, на энтом, с эстава, к этому, Влад.* (Бодров, Обл. сл., 15); *с ёстова, Богородск.* (Чернышев.); *в эфто время, в эфтых, с эстоуо, к этым, Повен.* (Шахм.); *з естыми з братьымы, Рогач.* (Ром., III, 228), *з естаго запячку, Рогач.* (Ром., III, 291); *з гэстым, Могил.* (Отв. № 4); *з гэстых яблоках, Быхов.* (Ром., III, 216); отсюда извлекаются и самостоятельные, не зависящие от предшествующего предлога, формы: *эвтом, энтом*; ср.: *с еным, Мещов.* (Шахм.); *эфтот, энто, Горбат.* (Обл. сл., 105); *йетот, йевтот, йентот, Медын.* (Обл. сл. 70); *энтот, Красноуф.* (Отв. № 154); *эфта курица, Костр.* (Отв. № 264); *эфти, Слобод.* (Отв. № 53); *эфтот, Холмск.* (Отв. № 54); *эфтова, Богородск.* (В. Черныш.); *энта, из эстава, Егорьев.* (В. Черныш.).

б) Склонение местоимений *онъ, оувъ, такъ, сись*

Как *тѣ*, склоняются *онъ, оувъ*. Об употреблении форм им. падежа от *онъ* в значении местоимений 3-го лица сказано выше. Примеры склонения: *оувъ, ова* (вин. мн. ср.), *увы* (вин. мн. м.), *овѣмъ* (дат. мн. м.), Жит. Феод.; *увому Полотескъ, увому Ростовъ, Лавр.* (дат. и ср.); *уви бо попове* (им. мн.), Лавр.; *увѣхъ растинаху* (р. мн.), *ив.*; *нача даати увѣмъ корзна* (дат. мн.), *ив.* По сложному склонению прилагательных: *увыхъ изби, Лавр.* Современный язык не знает уже этого местоимения. — Род. м. — *оного*, дат. м. — *оному*, твор. м. — *ономъ*, дат. — *онои*, дат. мн. — *увѣмъ*, вин. мн. — *оны*, местн. мн. — *онѣхъ*, дат. дв. — *онѣма*, Жит. Феод.; *увѣ двѣ части въземъ*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54): *увону страну, Лавр.*; *роптаны увѣхъ ра*, Лавр.; *к онѣмъ, ив.*; *об оноу страну Окъ, Новг. 1-я, 146*; *ономъ са прашати, Гр. ок. 1240*. Современный язык не знает и этого местоимения: оно сохранилось, например, в выражении *ономѣдни* из *ономъ дѣне*: *ономедни*, например., Слобод. (Отв. № 222), Кадник. (Обл. сл., 30), Шенк. (Плечев); *ономядни*, Белоз. (Отв. № 182); *ономяднесь*, Кирилл. (Отв. № 215) явилось под влиянием *сядни, посядни*; при *ономъдѣне*, откуда *ономедне*, существовало и новое сложение *ономдне* (возникшее после падения глухих); отсюда, например, *ономнѣся*, Чердын. (Обл. сл., 138 — 139).

Как *тѣ*, склоняется и *такъ*: *таку же любовь, Ипат., 13в*; *сель тацѣхъ, Лавр., 440*; *такого, Жит. Феод.*

Указательное *сись* (из *сикъ*) склоняется так же, с соответствующими изменениями звуков в окончаниях: ср. род. *сисе*, твор. — *сисѣмъ*, вин. мн. — *сисѣ*, род. мн. — *сисѣхъ* и т. д.: *сицими глѣы, Жит. Бор. и Гл. XV в.*; *сицими, Жит. Феод.*; *при — сицѣми, ив.*; *сицѣхъ, Сб. 1073, 15 в* (при — *сицихъ, ив.*).

tolikъ склоняется, как *тѣ*; равным образом *таковъ, сичевъ, s'akovъ*: *у саковехъ, Гр. сп. Новг. 1-й, 16г*; *сичева, сичево, Жит. Феод.*; *таковъ, Жит. Феод., въ таковѣ дѣлѣ, Гр. 1561 (А. Ю., № 23)*.

в) Склонение местоимения *сѣ*

Местоимение *сѣ* в своем склонении образует падежные формы от нескольких основ. Во-первых, от основы *сѣ-*: от нее образуются им.-вин. м. рода, им. мн. м. р. — *сѣ*, им. ед. ж. р. — *сѣ*, им.-вин. ср. р. мн. — *сѣ*. Во-вторых, от основы *се-*: *се, сею* (а это из *seo, seso* с нефо-

нетическим выпадением *s*), *setu*, *setь*. В-третьих, от обособленной основы *sej-*, откуда перед согласными *si: sĭmь*, *seju*, *sĭma*, *sĭxъ*, *sĭmъ*, *sĭmĭ*, *sĭxъ*, *sejѣ* (род. ед.), *sej* (дат. и местн. ед.), ср. в склонении местоимения *tъ* производство соответствующих форм от основы *toj* (перед согласными *tъ*). В-четвертых, от основы *sъjo-*, *sъjā-*: им. дв. — *sъja*, им. мн. — *sъji*, вин. мн. — *sъjѣ*, им. дв. ср. и ж. — *sъji*, вин. ж. — *sъjo*, им. вин. мн. — *sъjѣ*. Взаимное отношение этих основ не ясно; возможно, что *se-*, *si-* по происхождению своему восходят к *sjo-*, *sjoj-*, причем фонетически надо бы ожидать *še-*, *šĭ-*, но *š* заменено через *s* под влиянием форм от основ *si-* и *sъjo-*.

Приведу формы склонения местоимения *съ* в древнерусском языке.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И.	s'ь	s'ö	s'i
Р.	s'öhò	—	s'ejѣ
Д.	s'òmù	—	s'ej
В.	s'ь, s'öhò	s'ö	s'bjù
Т.	s'im'ь	—	s'èju
М.	s'em'ь	—	s'ej
Дв. И. В.	s'bjā	s'bjĭ	s'bjĭ
Р. М.	s'eiu	—	—
Д. Т.	s'ima	—	—
Мн. И.	s'i, s'bjĭ	s'i	s'bjѣ
Р.	s'ixъ	—	—
Д.	s'imъ	—	—
В.	s'bjѣ	s'i	s'bjѣ
Т.	s'im'i	—	—
М.	s'ixъ	—	—

В старославянских памятниках находим эти самые формы. В др.-сербск.: *съ*, *сь*, *са*; ср. род. — *се* (и *сию*); ж. р. — *си* (и *сиа*); род. — *сега* (и *сиюга*); род. ж. — *сеj* (и *сию*); дат. — *семоу* (и *сиюмоу*); дат. ж. — *сѣи* (и *сиюи*); вин. ж. — *сию* и *су*; твор. — *симвь*; твор. ж. — *сиумь*; местн. — *симвь* (и *сиюмь*); им. мн. ср. — *си*, *са* (и *сиа*); вин. мн. м. — *сию* и *се*; вин. мн. ж. — *си*; им.-вин. ср. — *си*, *сиа*. В польском языке это местоимение сохранилось только в постпозиции, в выражениях, как *dzis'*, *latos'*, но в древнем языке находим *siego*; им. мн. — *sie trzěj krolowie*, *do sich miast* и некоторые другие.

Примеры из древнерусских памятников.

М. р. ед.: до сего днѣ, Ипат. 33а; се же король, *ib.*, 287б; родъ се, Добрил. ев., 151с, 202а; се же Олегъ, Ипат., 9г; съ ми есть

б) Склонение местоимений *онъ, оувъ, такъ, сись*

Как *тѣ*, склоняются *онъ, оувъ*. Об употреблении форм им. падежа от *онъ* в значении местоимений 3-го лица сказано выше. Примеры склонения: *оувъ, ова* (вин. мн. ср.), *увы* (вин. мн. м.), *овѣмъ* (дат. мн. м.), Жит. Феод.; *увому Полотескъ, увому Ростовъ, Лавр.* (дат. и ср.); *уви бо попове* (им. мн.), Лавр.; *увѣхъ растинаху* (р. мн.), *ив.*; *нача даути увѣмъ корзна* (дат. мн.), *ив.* По сложному склонению прилагательных: *увыхъ изби, Лавр.* Современный язык не знает уже этого местоимения. — Род. м. — *оного*, дат. м. — *оному*, твор. м. — *ономъ*, дат. — *онои*, дат. мн. — *увѣмъ*, вин. мн. — *оны*, местн. мн. — *онѣхъ*, дат. дв. — *онѣма*, Жит. Феод.; *увѣ двѣ части въземъ*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54): *увону страну, Лавр.*; *роптаны увѣхъ ра*, Лавр.; *к онѣмъ, ив.*; *об оноу страну Окѣ, Новг. 1-я, 146*; *ономъ са прашати, Гр. ок. 1240*. Современный язык не знает и этого местоимения: оно сохранилось, например, в выражении *ономѣдни из ономъ дѣне*: *ономедни*, например., Слобод. (Отв. № 222), Кадник. (Обл. сл., 30), Шенк. (Плечев); *ономядни*, Белоз. (Отв. № 182); *ономяднесь*, Кирилл. (Отв. № 215) явилось под влиянием *сядни, посядни*; при *ономъдѣне*, откуда *ономедне*, существовало и новое сложение *ономдне* (возникшее после падения глухих); отсюда, например, *ономнѣся*, Чердын. (Обл. сл., 138 — 139).

Как *тѣ*, склоняется и *такъ*: *таку же любовь, Ипат., 13в*; *сель тацѣхъ, Лавр., 440*; *такого, Жит. Феод.*

Указательное *сись* (из *сикъ*) склоняется так же, с соответствующими изменениями звуков в окончаниях: ср. род. *сисе*, твор. — *сисѣмъ*, вин. мн. — *сисѣ*, род. мн. — *сисѣхъ* и т. д.: *сицими глѣы, Жит. Бор. и Гл. XV в.*; *сицими, Жит. Феод.*; *при — сицѣми, ив.*; *сицѣхъ, Сб. 1073, 15 в* (при — *сицихъ, ив.*).

толѣкъ склоняется, как *тѣ*; равным образом *таковъ, сичевъ, с'аковъ*: *у саковехъ, Гр. сп. Новг. 1-й, 16г*; *сичева, сичево, Жит. Феод.*; *таковъ, Жит. Феод., въ таковѣ дѣлѣ, Гр. 1561 (А. Ю., № 23)*.

в) Склонение местоимения *сѣ*

Местоимение *сѣ* в своем склонении образует падежные формы от нескольких основ. Во-первых, от основы *сѣ-*: от нее образуются им.-вин. м. рода, им. мн. м. р. — *сѣ*, им. ед. ж. р. — *сѣ*, им.-вин. ср. р. мн. — *сѣ*. Во-вторых, от основы *се-*: *се, сеho* (а это из *seo, seso* с нефо-

нетическим выпадением *s*), *setu*, *setь*. В-третьих, от обособленной основы *sej-*, откуда перед согласными *si: simь, seju, sima, sixъ, simъ, simi, sixъ, seiѣ* (род. ед.), *sei* (дат. и местн. ед.), ср. в склонении местоимения *tъ* производство соответствующих форм от основы *toi* (перед согласными *tъ*). В-четвертых, от основы *sъjo-*, *sъjā-*: им. дв. — *sъja*, им. мн. — *sъji*, вин. мн. — *sъjѣ*, им. дв. ср. и ж. — *sъji*, вин. ж. — *sъjo*, им. вин. мн. — *sъjѣ*. Взаимное отношение этих основ не ясно; возможно, что *se-*, *si-* по происхождению своему восходят к *sjo-*, *sjoj-*, причем фонетически надо бы ожидать *še-*, *šj-*, но *š* заменено через *s* под влиянием форм от основ *si-* и *sъjo-*.

Приведу формы склонения местоимения *sb* в древнерусском языке.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И.	s'ь	s'ö	s'i
Р.	s'öhò	—	s'ejѣ
Д.	s'òmù	—	s'ej
В.	s'ь, s'öhò	s'ö	s'bjù
Т.	s'im'ь	—	s'èju
М.	s'em'ь	—	s'ej
Дв. И. В.	s'bjà	s'bjl	s'bjl
Р. М.	s'eiu	—	—
Д. Т.	s'ima	—	—
Мн. И.	s'i, s'bjl	s'i	s'bjѣ
Р.	s'ixъ	—	—
Д.	s'imъ	—	—
В.	s'bjѣ	s'i	s'bjѣ
Т.	s'im'i	—	—
М.	s'ixъ	—	—

В старославянских памятниках находим эти самые формы. В др.-сербск.: *сь, съ, са*; ср. род. — *се* (и *сию*); ж. р. — *си* (и *сия*); род. — *сега* (и *сисяга*); род. ж. — *сеj* (и *сию*); дат. — *семоу* (и *сиюмоу*); дат. ж. — *сѣи* (и *сиюи*); вин. ж. — *сию* и *су*; твор. — *силь*; твор. ж. — *сильмь*; местн. — *силь* (и *сильмь*); им. мн. ср. — *си, са* (и *сия*); вин. мн. м. — *сию* и *се*; вин. мн. ж. — *си*; им.-вин. ср. — *си, сия*. В польском языке это местоимение сохранилось только в постпозиции, в выражениях, как *dzis'*, *latos'*, но в древнем языке находим *siego*; им. мн. — *sie trzëj krolowie, do sich miast* и некоторые другие.

Примеры из древнерусских памятников.

М. р. ед.: до сего днѣ, Ипат. 33а; се же король, ib., 287б; родъ се, Добрил. ев., 151с, 202а; се же Олегъ, Ипат., 9г; съ ми есть

бліжи, Лавр., 310; чии се градокъ, Лавр.; не се ли англъ вожь бы, Лавр.

Ср. р. ед.: на се цѣлованьѣ, Новг. гр. 1373, № 17; на семь, Новг. гр. 1265, № 1; въ се же лѣто, Новг. 1-я; се блюдо, Гр. ок. 1130; семь же лѣтѣ, Новг. 1-я. Ж. р. ед.: си (им.), Новг. 1-я, 193. Ипат., 298в; си грамота, си тажа, Гр. 1229 (Д); сию грамоту, Дух. Дм. Ив. (не напеч.), Гр. 1453 (А. Калач., I, № 31), Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84). Гр. 1432—1443 (С. М., № 38); си же грамота, Гр. 1284 (Р. Л. А.), грамота си, Гр. 1442 (С. М., № 39); сеѣ мое грамоты, Гр. 1483 (Г. Др., I, № 10); сеѣ, Гр. 1447—1453 (А. Калач., I, № 31); до сее братѣ, Лавр.; сию бо хвалать, ів.; си бо съше аки луна в ноши, а мнѣ буди си сторона, Лавр.; грамоту сию, Дв. гр. XV в., № 14; грамоту сию, Гр. Новг. конца XIV в. (Собол. и Пташ., № 436); дат. — сеи, Гр. 1425 — 1462 (А. Калач., I, № 55); дат. и местн. — сеи, Гр. 1450 (А. Калач., II, № 147); на сеи же сторонѣ Новг. 1-я, 8а.

Дв. ч.: сею снемше, (вин. м.), Ипат., 92а; со сима штрокома, ів.; вин. м. — сию, Ипат. 33а.

Мн. ч.: си (м. р.), Новг. 1-я, 193; в си лѣта, Ипат. 771в; вса си, Жит. Бор. и Гл. XII в.; си и сии (м. р.), Жит. Феод.; си суть свои ѡзъкъ имуще, Лавр.; си бо оугри, ів.; въ си же времена, Лавр.; по симъ грамотамъ, Новг. гр. 1314, № 12; сихъ паматеи Дв. гр. XV в., № 54; си врата небесьнаѣ, Жит. Феод.

Уже в древнейшем языке являются и иные образования. Во-первых, так же, как указательное *тѣ*, местоимение *сѣ* подвергается влиянию сложного склонения прилагательных; так являются формы им.: *с'ѣі*, *с'ѣја*, *с'ѣје*. Ср.: сии, Жит. Феод.; даю сии свои листѣ, Галицк. гр. 1409; вин. — сии мирѣ держати, Новг. гр. 1373, № 17;

а сии на дѣловаѣ и дертнаѣ, Дв. гр. XV в., № 132; а хто сии радѣ поруши, Дв. гр. XV в., № 86; вин. — сии, Гр. 1462—1505 (А. Калач., I, № 52); им. — сии, Гр. 1266; им. ж. — сиа, Ипат., 287б, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84). Во-вторых, вм. *с'ѣја* появляется *с'аја* (ср. *таја*) и при этом вин. *с'ији*: сѣя, Лет. Пер. Сузд. XV в., 51; сую (при — сию), Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); писалѣ

сую радничю, Дв. гр. XV в., № 88; оу сую но, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); сую, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 31). В-третьих, отсюда извлекаются формы *с'а*, *с'и*: са, Гр. 1229 (А); на сую сторону, Ипат., 46а; сую грамоту, Дух. 1328, № 21; сѣ, Гр. 1462—1464 (XVI, А. Калач., I, № 103), Гр. XV в. (А. Калач., II,

№ 149, I); сю, Гр. 1362—1374 (Г. Др., I, ркп. IV, № 1), Отв. митр. Иоан. 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4); сю грамотицю, Лавр.; са закладная, сю закладную, Дв. гр. 1497, № 135. Форма *ся* — им.-вин. мн. ср. — под влиянием *та*: по са мѣста, Домостр. Конш., 67; по ся шесть, Гр. 1530 (Бел., № 7).

Кроме того, отмечу *сии* в им.-вин. мн. ср. р.: яко сии съде въписахъ, Жит. Феод.; сии же слышавъ архиереи, Жит. Бор. и Гл. XII в.; им. мн. жен. *си*, Ипат., 65а. Форма род. *сия*, вероятно, под влиянием *тыя*, ср. *моия*: сия моиѣ, Гр. 1462—1478 (А. Калач., I, № 38). Редки образования как *сиимъ*, Жит. Феод., *сиими*, Усп. Мин. XII в., 183б, вероятно, под влиянием сложного склонения прилагательных. Форму *сей* (укр. *цей*, *сей*) ср. прежде всего с *той*; она ведет к *сьі* (не *сѣі*) и заменила *зь* под влиянием *поі*, *твоі*: на сеи листь, Галицк. гр. 1401; сеи, Ипат., 68в, 200г. Форма *сьсь* (ср. с *тѣтѣ*) представляет удвоение *сь*: сесь соромъ, Ипат., 145г; сесь же столпъ, ів., 98а; яко сесь взросль ѡсть под рукою твою, Лавр.; сесь, Палея 1494 (Каринский). *Сь* употребляется и постпозитивно: въ градось, градокось, Лавр.

Примеры из современного языка.

В великорусских говорах *сь* почти исчезло, сохраняясь в некоторых лишь выражениях: сѣй год, сѣ зимы, Шенк. (Отв. № 80); сѣ ночи, Никольск.-Вол. (Отв. № 199); сѣй зимы, Великоуст. (Отв. № 199); сѣ вечер, Шенк. (Плечев, Арх. II Отд.); сѣ зими, Петроз. (Шахм.); также наши *сегодня*, *сию минуту*, *сейчас*; диалект. — *сядня*, Брянск. (Отв. № 259), *посядни* Белоз. (Отв. № 162); в постпозиции в наречных выражениях: *летось*, *зимусь*, *осенось*, *вчєрась*, *утрось* и др. В белорусской области: *сяя* — им. ж., Могил. (Рамзевич); *сянни*, ів. Но особенно держится *сь* в укр.: сѣй, ся, сѣ, сѣго, сѣму, сым; ж. — сѣй, сѣй, сѣю, сѣй, Пинск. (Отв. № 3); укр. — сѣй, сѣй, сѣго, сѣго; ср. р. — це и сѣе; вин. ж. — цю и цюю и т. д.; диалектически известны формы род. — сѣі (и сѣі), твор. — сѣю, также — сѣсь (и сѣсь), сѣся, сѣсѣ.

Дополнительные замечания.

Неясно по происхождению указательное *оньси*, например Новг. 1-я по Синод. сп. под 1016 годом: и рекъ к нему оньси. Кажется, это слово не склонялось: ср. къ оньси, Ев. XIII в., № 6, 172а. Под влиянием *сии* является *онсии*: Новг. 1-я по Комм. списку в указанном месте — оньсий; в Поуч. Ефр. Сир. 1377 — оньсий мнихъ; помани онсего, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 24).

6. СКЛОНЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Местоимение *iže, jaže, ježe* склоняется, как местоимение 3-го лица, формы которого вошли в первую часть этих сложных образований. Ср. из древнерусских памятников: *уже нынѣ зовомаи Русь, Лавр.*; в Ылмерь шзеро из него же шзера потечеть Волховъ, *ib.*; *юго же тобѣ любо того нарци, ib.*; *юго же дѣтища въволокоша рыболове в неводѣ, ib.*; *ему же хоцеть даеть, Лавр.*; *юю же прокленше, Ипат., 43б*; и его же желавъ прия царство небесное, *Новг. 1-я, 56б*; и съкры я въ полостьници близъ шатра, въ немъже бе имъ пити, *ib., 89б*; и въсаженъ бысть въ бочку имущи 3 дна при единѣмъ конци, за нимъже Исаковиць сѣдѣше, *ib., 65а*; оже намъ нѣту Исаковиця, с нимъ же есме пришли, *ib., 68б*; и ныне есть (икона богородицы) на ююже надѣмъся, *ib., 71а*.

Весьма рано все падежные формы относительного местоимения получили возможность заменяться формой среднего рода *еже*, отождествленной с союзом *еже* (при *оже*): и ины градъ *еже* суть и до сего днѣ под Русью, *Лавр.*; *любовьъ уже къ стѣйма, Жит. Бор. и Гл. XII в.*; *свѣчноую одежу, уже нарицаашеса ефусь еврейскымъ словъмъ, Усп. Миней XII в., 5г*; *како могоу обыщникъ быти славы ономъ уже оуготована естъ правдѣникомъ, Жит. Феод. бѣлюбивыи же князь Изаславъ... уже послѣже положи дѣню свою за брата своего, Жит. Феод.*; *сицева нѣкака вещь бы уже аще нѣсть лѣпо съде съповѣдати, Жит. Феод.* Это вызвало употребление *иже* в таком же безразличном виде: и возмутъ землю нашу *иже* быша стажали шци ваши и дѣди ваши, *Лавр.*; *видѣ желѣза иже бѣша на немъ, Жит. Бор. и Гл. XII в.*; *наслажамса медоточныхъ тѣхъ словесъ, иже исхожаахоу из оустъ оцѣ тѣхъ, Жит. Феод.*; и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и срѣбро *иже* мѣняшеть имъ Исаковиць, *Новг. 1-я, 66а*.

Отмечу вместо *оу него же* — *оу него то* в Гр. ок. 1130.

Местоимения *какъ же, акъ же* склоняются так же, как *такъ*: кто боли въ васъ *акъ же* Феодосии, *Лавр.*; аци же и сами есте, *ib.*

Местоимения *jelikъ, olikъ* склоняются так же, как *tolikъ*.

Относительные *kъi, какъ, какоу, kolikъ, которъi* склоняются, как соответствующие вопросительные.

Относительные образуются еще посредством присоединения частицы *же* к *kъto* и *щto*; вместо *же* может употребляться и *то*: на семь кнѣже... на цѣмъ то (вм. *на чемъ то*) цѣловали дѣди и шци, *Новг. гр. 1265, № 1*.

7. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ С ОБОБЩАЮЩИМ
И ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Местоимение *v'bs'a*, общеславянское *vbs'b* из *vbxъ* (лит. *visas*) имеет основу *v'bs'e-*, *v'bs'a-* (из *vbxo-*) в тех падежах, где *tъ* представляет основу *to-*, *ta-*; напротив основу *vьsъ-* — там, где *tъ* представляет основу *tъ-*.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И.	<i>v'bs'ь</i>	<i>v'bs'ò</i>	<i>v'bs'à</i>
Р.	<i>v'bs'òhò</i>	—	<i>v'bs'eìs̃</i>
Д.	<i>v'bs'òmù</i>	—	<i>v'bs'èì</i>
В.	<i>v'bs'ь, v'bs'òhò</i>	<i>v'bs'ò</i>	<i>v'bs'ù</i>
Т.	<i>v'bs'ьm'ь</i>	—	<i>v'bs'èju</i>
М.	<i>v'bs'èm'ь</i>	—	<i>v'bs'èì</i>
Мн. И.	<i>v'bs'ì</i>	<i>v'bs'à</i>	<i>v'bs'ь</i>
Р.	<i>v'bs'ьхъ</i>	—	—
Д.	<i>v'bs'ьmъ</i>	—	—
В.	<i>v'bs'ь</i>	<i>v'bs'à</i>	<i>v'bs'ь</i>
Т.	<i>v'bs'ьm'ì</i>	—	—
М.	<i>v'bs'ьхъ</i>	—	—

То же склонение в старославянских памятниках, но в им. ед. женск. рода и им.-вин. мн. ср. рода вместо *вьсв* (чит. *vьs'a*) является также и форма *вьсѣ*. В польском языке общеславянское *s'* (из *x*) перешло в *ś(sz)*: ср. древнепольское *wsza, wszego, wszemu, wszej, wszym, wszem*; им. мн. — *wszy*, дат. мн. — *wszem*, род. мн. — *wszech* и т. д.

Примеры из древнерусских памятников.

Ед. ч. м. р.: къ всемоу Новоугородоу, Новг. гр. 1270, № 3. Ср.

р.: на томъ гнѣ на всемъ хртъ цѣлоуи, Новг. гр. 1270, № 3; *вьсѣмь* (тв.), Жит. Феод. Ж. р.: со все рѣчныѣ ловли, Гр. 1577 (А. Ю., № 179); *ѡ всею земли*, Уст. 1137 (Кормчая 1282, Р. Д., I): *вса таль*, Новг. гр. 1314, № 12; *всею волостью*, Новг. гр. 1327, № 15; *всею льстивости*, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский). Мн. ч.: *вси*, Жит. Феод.; *келиѣ мниховы вьсѣ*, Жит. Феод.; *городы ты всѣ*, Лавр., 311; *монастыри всѣ*, Лавр., 447; *все люді*, Новг. 1-я, 138; *вси*, Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82); *вса ѣмъ ѡкупати села*, Новг. гр. 1368—1371, № 16; *уся тая села*, Луцк. гр. 1454; *вса мѣста*, Виленск. сп. Западнорус. лет.; *вси оуси*, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский). Замечательны формы

вхе в им. м.: *вхе полъ*, Новг. 1-я (*вхе* вм. *весь* под влиянием **vxa*, **vxo*); *вху* — в. ед. ж. р., Вкладн. Варл. до 1207.

Из живого языка отмечу: им. мн. — *вси*, Белоз. (Отв. № 166), Великол. (Отв. № 45); род. ед. ж. р. — *ўсеё*, Речицк. (Отв. № 17); укр. — *всёго*, *всёму*, род. ж. — *всеї*, вин. — *всю*, твор. — *всею*, мн. — *всіх*, *всім* и т. д.

Местоимение *самъ* склоняется, как *тѣ*; известно также склонение его, как сложного прилагательного: самого, Жит. Феод.; *саму* ^х *поя женѣ*, Лавр.; в *самѣхъ* ^х *татарѣ*, Ипат., 287в; вин. мн. — *самѣхъ*, Новг. 1-я, 203; *самѣ* — р. мн., Ипат., 79в; дат. дв. — *самѣма*, Ипат., 35а; *самѣмъ*, Гр. 1229 (В); вин. дв. — *а самаю* (чит. „самою“) *опу-стоша* (чит. „опоуташа“) *въ путины*, Сл. о п. Иг., 24; *передъ самѣмъ холопомъ*, Русск. Пр. (Р. Д., I, 55); *рядом: на самаш коупальи*, Ипат., 285а; *рукама самыма*, Сб. XV в., № 53 (255, Каринский); дат. мн. — *самымъ*, Палея 1494 (Каринский).

Так же склоняется *инѣ*: *во инѣхъ рѣкахъ*, Ипат., 56 г; *с ѣною сторонѣ*, Новг. гр. 1371, № 8; *инѣхъ*, *инѣма*, Жит. Феод.; *ино-мь* — местн. м., *ив.*; *а на инѣхъ не складывати*, Русск. Пр. (Р. Д., I, 41); *а инемъ кормомъ*, *ив.*, 43; *рядом: иными*, Палея 1494 (Каринский); *по инымъ городомъ*, Новг. гр. 1270, № 3; род. ед. — *иные*, Гр. 1471 (А. Калач., I, № 31).

Местоимение *в'ѣс'акъ* склоняется, как *такъ*, *какъ*: *безо всякоу хитрости*, Догов. 1362, № 27; *всикъ* — вин. муж.; *всикоу*, *всьикоу* — женск; *всьицѣмъ* — твор. ср. Жит. Феод.; вин. — *всако оузорочье*, Ипат., 12 г; *безъ всякого извѣта*, Новг. 1317, № 14; *рядом: без всякые хитрости*, Догов. 1388, № 33; *безо всякиѣ хитрости*, Догов. ок. 1433, № 47.

Так же склоняется *другъ*: *въ другомъ концы*, Новг. 1-я 1204; *дроугого*, *ив.*, 184; *ѿ другоѣ*, Лавр.; *а из другоѣ*, *ив.*; *на другои стороны*, Дв. гр. XV в., № 17; *рядом: въ друузѣмъ монастыри*, Новг. 1-я, 187; *в друземъ кладзѣ*, Ипат., 48б; *къ друузѣи*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 49).

Так же склоняется *тѣпогъ*, хотя, впрочем, оно образует падежные формы и от именной основы, как прилагательное; по местоименному склонению, например, твор. мн. ж. р. — *мнозѣми*, Жит. Бор. и Гл. XII в.

Местоимение *къждо* только в ед. ч. м. р. склоняется, как *къто*: *къждо*, *когождо*, Жит. Феод. Возможно, что в ж. р. было *каждо*, ср. *ка* — в нашем *каждый*. *Рядом образовывались формы*

с кѣі вм. къ: кѣізьдо, каіазьдо, коіеһожьдо, коіеіѣзьдо, ср. *киждо*, Ипат., 2526. Вместо *коіеһожьдо*, *коіеһужьдо* рано *коіеһождо*, *коіеһуждо*: *коіеһуждо*, Луцк. гр. 1454; *коіеһождо*, Ипат., 86 и 131. Замечательно раннее появление *коіеһождо* вместо *коіеһо* (из *кѣзьдо*); очевидно, в *коіеһо* отсутствовал какой-либо признак того, что это им. ед. м. р.; ср.: *коіеһо*жьдо васъ въ субботу не отрѣшить ли во-лу своіеһо, Ев. 1092 (Собол., Очерки); *начаша глти ему коіеһо*ждо ихъ, Типогр. ев., № 7 (Собол.); ср. в более позднем памятнике: *живяху коіеһо*ждо съ родомъ своіеһомъ... *владѣюща коіеһо*ждо родомъ своіеһомъ, Ком. сп. Новг. 1-й.

8. СКЛОНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Выше мы рассмотрели склонение значительной части имен числительных, насколько они следуют склонению именному. Но некоторые числительные издавна склоняются, как местоимения.

Так числительное I — русское *одинъ*, *однѣнъ* и *једнѣнъ* — склоняется, как местоимение *тѣ*, *інѣ*, *затѣ*: *одинѣмъ*, Усп. Минея XII в., 191 г; *днѣмъ* *единѣмъ*, Ипат., 78а; *за вднѣмъ* ... *щитомъ*, Ипат., 237а; *вднѣмъ* *послухомъ*, Гр. 1229 (А); *вдиногѣ* *дне*, Ипат., 268б; *вдиногѣ*, Лавр.; *ни до вдиногѣ* *члвкѣ*, Новг. гр. до 1305, № 9; *вдиногѣ* *стороногѣ*, Лавр.; *на вдиногѣ* *земли*, *ів.*; *ни вдиногѣ* *же* *ночь*, Лавр.; *вдинѣ* *късмѣ*, Новг. гр. до 1301, № 4; *диногѣ* — *дат. ж.*, Жит. Феод.; *вдинѣхъ* — *род. мн. ж.*, Жит. Феод.; *одинѣхъ*, Новг. 1-я, 178; *одинѣхъ* *Смолнѣнъ* *на* *послоушьство* *не* *въводити*, Гр. ок. 1240; *вдинѣми* *вороты*, Лавр.: *вдино(гѣ)*, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский); *ни вдногѣ* *годинѣ*, *ів.*; *без* *одногѣ* *гривнѣ*, Галицк. гр. 1386; *едно* *село*, Молд. гр. 1443, № 54; *вдѣчи* *диногѣ* *бога* *предо* *очима*, Гал. гр. 1421. Рядом, в особенности в формах твор. ед. и в мн. ч., встречаются образования по сложному склонению прилагательных: *вднѣмъ*, Дух. Климента XIII в.; *вдинѣми* *вороты*, Ипат., 121в; *с* *диногѣмъ* *мужемъ*, Лавр.; *дат. мн.* — *одногѣмъ*, Погод. № 1413 (Каринский). Из современного языка: *одногѣ*, Покров. (Отв. № 10); *диногѣ*, Котельн. (Отв. № 35); *одногѣ*, *одногѣмъ*, *одногѣми* *Макар.* (Отв. № 56); *одногѣ*, *одногѣмъ*, *в* *диногѣмъ*, Камышл. (Отв. № 89); *род. ед.* — *диногѣ*, Игум. (Отв. № 8); *диногѣ*, *диногѣ*, *Пинск.* (Отв. № 4); *укр.* — *диногѣ*, *диногѣ*, *диногѣ*. Любопытно отметить формы по сложному склонению прилагательных: *диногѣ*, Гдов. (Отв. № 11); *диногѣ*, *диногѣ*, *Новг.* (Отв. № 20); *диногѣ*, *Котельн.* (Отв. № 35); *из* *диногѣ* *тебе* (= *диногѣмъ*), *Мещов.* (В. Чернышев.);

единый — им. м., Котельн. (Отв. № 48); одну, Холмск. (Отв. № 54); род. — одниё, Макар. (Отв. 56); одну, Сольвыч. (Отв. № 193); адныё — род., Могил. (Рамзевич), Жиздр. (Никольский); адные — род., Слуцк. (Отв. № 5). На то, что это числительное могло склоняться некогда, как имя, указывает *единъмь градомь*, XIII. Сл. Гр. Бог. (Будилович); *wдиномь послухомь*, Гр. 1229(В).

Числительное 2: *dъva, dъvъ, dъvъ* склоняется, как дв. число местоименных основ.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
И. В.	dъvà	dъvѣ	dъvѣ
Р. М.	dъvojù	—	—
Д. Т.	dъv'ѣтà	—	—

Примеры из древнерусских памятников.

Сна его два (вин.), Лавр.; дающю двѣ тысячѣ гривнѣ, *ib.*; двѣ капищи (вин.), *ib.*; на двою харатью, Лавр.; аже не боудѣтѣ двою послоухоу, Гр. 1229 (А); w двою капию, *ib.*; до двою гривноу, Русск. Пр. (Р. Д., I, 3); двою жеребьевѣ, Дух. 1389, № 34; wпрочѣ двою избѣ, Дв. гр. XV в., № 132; безѣ в ю ногатоу, Дух. Климентя XIII в.; w двою wцю, Ипат., 31б; w робу двою, *ib.*; 36 г; w двою главу, *ib.*, 61 г, w двою чепѣхѣ, Хожд. Афан. Ник., 388в; двѣма копиема, Ипат., 141а; двѣма деревнями, Гр. 1478 (XVI, А. Калач.—II, № 173); двѣма неводы, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); двѣма братома, Лавр.; mezi двѣма колодама, *ib.*; mezi двѣма wзерома, *ib.*; съ двѣма комнаты, Гр. 1568 (А. Ю., № 85); двѣма суды, Хожд. Афан. Ник. Ср. в современном языке: великорус. — два (м. и ср.), две (ж.); укр. — два (м.), дві (ж. и ср.).

По-видимому, *dъva* некогда склонялось, как имя; остатками такого склонения являются: форма родительного-местного *dъви*, известная и из старославянского языка, например: двоу десѣтоу, XIII. Сл. Гр. Бог. (Будилович); дат.-твор. *dъvота* (первоначально м. и ср. р.) и *dъvата* (первоначально ж. р.); последнюю форму встречаем и в старославянских памятниках: *dъвама*, Зогра. ев., 193а; *двама* (дат. м. р.), Минея XI в., № 194, 52а. Ср. в древнепольском *dwu, dwota*.

Примеры из древнерусских памятников.

Двоу двороу, Ипат., 279а; дву кнзю, *ib.*, 182 в; до двоу лѣту *ib.*, 40а; по дву же лету, Лавр.; въ двоу носадоу, Новг. гр. до 1308, № 6; оу дву мѣстехѣ, Дв. гр. XV в., № 12; w двѣ бортеи,

Гр. XV в. (С. М., № 15); дву неводовъ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); съ дву плу, Гр. 1455—1462 (А. Калач., I, № 31); отъ дву тѣхъ березъ, Гр. XV—XVI вв. (А. Калач., II, № 178); из дву жребьевъ, Дух. 1356, № 26; съ двама сны, Новорос. сп. Новг. 4-й, 369а. В современном языке: без дву тридцать, без дву сорок, Вадим. (Бодров, Обл. сл., № 15); двома, Белоз. (Отв. № 166); белорус.— двама́; укр.— двом в твор.

Числительное *оба*, *обѣ* склонялось, как *дѣва*. Ср.: во обою волостью, Ипат., 1146; ѿ обою сторону, Гр. 1264 (Р. Л. А.); въ цркви ѿбою братоу Бориса и Глѣба, Лет. Авр.; а наѣду насъ великихъ кнзеи ѿбою, Новг. гр. 1471, № 20; к обѣма кнзема, Новг. 1-я, 197; з обема береги, Вкладн. Холмск. 1376; обѣма великимъ княземъ, Новг. гр. 1471, № 20; обѣма тыми кнженъи, Крас. сп. Западнорус. лет. Ср. в современном языке: великорус.— оба (м. и ср.), обе (ж.); укр.— оба (м.), обі (ж. и ср.); обема, Белоз. (Отв. № 166), Арханг. (Кузмищев). Рядом *обу*: до обу сторону, Гал. гр. 1412 (там же: рѣчь обою).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЛОЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В общеславянском праязыке прилагательные, как мы видели, склонялись, как существительные, но когда прилагательное относилось к предмету, уже упомянутому в речи и вообще известному говорящим, к форме прилагательного присоединялся еще в литовско-славянскую эпоху член, имевший, по-видимому, такое же значение, какое член имеет при существительных, например, в германских и романских языках. Ср. присоединение постпозитивного местоимения к прилагательному, а не к соответствующему существительному в случаях, как старославянское: на долгиъсь поуть; или великорус. *мой-ет дом, первой-от блин да комом, к нашему-ту дому* и т. п. Этот своеобразный член при прилагательном выражался формами местоимения 3-го лица, употребленными (как вообще употреблялось это местоимение) постпозитивно. Итак, *dobru kon'u* говорилось тогда, когда конь не был известен говорящим; *dobrujети kon'u* — когда дело шло об известном коне. С течением времени этот прилагательный член теснейшим образом слился с предшествующими формами прилагательного и потерял связь с формами местоимения 3-го лица. Последствием

были прежде всего значительные звуковые изменения в образовавшихся указанным путем сложных формах имен прилагательных; *i* в начале местоименных форм исчезало по общему правилу перед следующими *e*, *i*, *ъ*: *повѣеѹ* перешло в *повѣеѹ*, *повѣеѹ* в *повѣеѹ*, *повѣеѹ* — в *повѣеѹ*, *повѣеѹ* — в *повѣеѹ* (отсюда *повѣеѹ*) — в *повѣеѹ*, *повѣеѹ* — в *повѣеѹ*, *повѣеѹ* — в *повѣеѹ*. Затем произошли некоторые нефонетические изменения и в формах местоимения, и в формах прилагательного, обязанные влиянию одних форм на другие; вместо *ѣеѹ*, *ѣеѹ*, *ѣеѹ*, *ѣеѹ* являлись окончания *и*, *ѹ*, *ѣ*, *и* под влиянием окончаний *ѣа*, *ѹ*, *ѣ*, *и* в других падежах; в твор. падеже ж. рода при *повѣеѹ* было известно *повѣеѹ*; первая форма перешла в *повѣеѹ*, а вторая в *повѣеѹ* (непосредственно из *повѣеѹ*). Прилагательные откидывали свои окончания *-ть*, *-ть*, *-та*, *-ти*, *-хъ*, когда в члене содержались те же окончания: *повѣеѹ* переходило в *повѣеѹ*, *повѣеѹ*; *повѣеѹ* — в *повѣеѹ*; *повѣеѹ* — в *повѣеѹ*; *повѣеѹ* — в *повѣеѹ*; *повѣеѹ* — в *повѣеѹ*; *повѣеѹ* — в *повѣеѹ*.

Все эти новые формы заменялись под влиянием форм род. и твор. мн. (м. и ср. р.) через *повѣеѹ*, *повѣеѹ*, *повѣеѹ*, *повѣеѹ*, *повѣеѹ*. Таким образом, для общеславянского праязыка предполагаю следующие формы сложного склонения прилагательных.

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И.	<i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>
Р.	<i>пѣѣѹ</i>	—	<i>пѣѣѹ</i>
Д.	<i>пѣѣѹ</i>	—	<i>пѣѣѹ</i>
В.	<i>пѣѣѹ</i> , <i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>
Т.	<i>пѣѣѹ</i>	—	<i>пѣѣѹ</i> , <i>пѣѣѹ</i>
М.	<i>пѣѣѹ</i>	—	<i>пѣѣѹ</i>
Дв. И. В.	<i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>
Р. М.	<i>пѣѣѹ</i>	—	—
Д. Т.	<i>пѣѣѹ</i>	—	—
Мн. И.	<i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>
Р.	<i>пѣѣѹ</i>	—	—
Д.	<i>пѣѣѹ</i>	—	—
В.	<i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>	<i>пѣѣѹ</i>
Т.	<i>пѣѣѹ</i>	—	—
М.	<i>пѣѣѹ</i>	—	—

Существование именно таких форм в общеславянском праязыке доказывается и старославянским, и другими славянскими языками.

Ср. для некоторых из приведенных форм: ст.-слав. *новѣи*, твор. *новѣимь*, местн. — *новѣемь* (с е, не ю, ср. Усп. Минея XII в.: *грѣшьнѣемь*, 204а; *уѣтвьрьтоднѣвнѣемь*, 222г), им. ж. — *новѣи*, род. — *новѣиа*, дат. *новѣи*, вин. — *новѣѣ*, твор. — *новѣѣи* и *новѣѣи*, м. — *новѣи*; дв. — *новѣи*, *новѣи*, *новоую*, *новѣимъ*; мн. — *новѣи*, *новѣи*, *новѣа*, *новѣихъ*, *новѣимь*, *новѣими*, *новѣисъ*. Не находят себе соответствия только формы ср. р. *повое*, а также род. и дат. *поваеио*, *поваеиу*; вместо них видим *новею*, *новѣюго*, *новоуемоу*. Вероятно допустить, что это новообразования, возникшие под влиянием форм местоимения *ю*, *юго*, *юмоу*, так же как *новѣемь* заменено через *новѣимь*; на это указывают также и параллельные формы *новаго*, *новоуемоу*, которые удовлетворительно объясняются из *новаго*, *новоуемоу*. Польский язык в род. и дат. имеет *повего*, *повеиу*; эти формы ведут именно к *поваеио*, *повеиети* (с польским переносом ударения на предпоследний слог); равным образом средн. род *пове* (первоначально *пове* с е *roschylonum*) ведет к *повое*.

Ввиду этого возможно думать, что подобные формы склонения существовали и в общерусском праязыке. Но значительная часть их с течением времени заменена была здесь другими образованиями. Доказать существование в древнерусском некоторых из приведенных в таблице форм представляется затруднительным. Так, является вопросом, знал ли древнерусский язык формы *поваеио*, *повеиети*, откуда дальше явились бы, вероятно, *поваио*, *повеиети*; в древних памятниках формы, как *новаго*, *новоуемоу*, обычны, но возможно, что они заимствованы книжным путем из церковнославянского языка. Я склоняюсь к допущению форм, как *поваио*, *повеиети*, в древнерусском языке ввиду следующих соображений: русскому языку не чужды формы, как род. ж. *новѣи*, далее твор. — *новѣимь*, мн. — *новѣихъ*, *новѣимь* (откуда рано *новѣимь*, *новѣихъ*, *новѣимь*). Эти формы могут быть объяснены только как формы древнего сложного склонения; следовательно, вероятно, что соответствующие формы были известны и для род., дат. мужеск. и ср. рода; еще более убеждает в этом существование местного на *-ѣмь* (*новѣмь* из *новѣемь*) в древнерусских памятниках. Но, как указано, еще в общерусском праязыке древние формы сложного склонения стали уступать место новообразованиям.

Как мы видели, многие местоимения (и это еще в общеславянском праязыке) склонялись не только по местоименному, но также и по сложному склонению прилагательных. Ср. *тѣи*, *таја*, *тоје* при *то*, *та*, *то*, *таковѣи*, *тѣпогѣи* при *тѣпогъ*, *самѣи* при *самъ*

и т. д. Думаю, что именно под влиянием этих и подобных им местоимений рядом с формами сложного склонения в общерусском праязыке стали образовываться от имен прилагательных формы и по местоименному склонению. Ср. в старославянских памятниках переход слова *штѣужь* (чужой) в склонение местоименное (Лескин): *уѣжего* в Усп. Минее XII в., 193, об. 2. Допустив, что *уі* еще в общерусском стянулось в *у*, а *ѣе* в *ѣ* (я не могу признать современные великорусские формы с *-ѣи* исконными: это новообразования под влиянием формы им. мн.), мы увидим, что известные затруднения для говорящих стали представлять именно формы род. и дат. мужеск. и ср. рода, как превышавшие числом слогов все прочие формы. Так, в склонении прилагательного *повѣі* после стяжения *уі* в *у* и *ѣе* в *ѣ* все падежные формы оказались трехсложными и только формы род. и дат. четырехсложными: *поваеһо*, *повѣети*. Это и было причиной появления новообразований по местоименному склонению именно в этих формах; вместо *поваеһо* явилось *повоһо* (как *сапоһо*, *іпоһо*, *одіпоһо*), вместо *повѣети* — *повоѣти*. Уже под влиянием этих наиболее ранних новообразований (по свидетельству памятников) могли являться и другие новые формы: род. — *повоѣ* (ср. *одіпоѣ*), вместо *повуѣ*, дат. и местн. — *повоі*, вместо *повѣі* (ср. *тоі*), род. дв. *повоіу*, вместо *повѣіу* (ср. *тоіу*). Огражденными от новообразований под влиянием местоименного склонения оказались, во-первых, им. и вин. падежи всех родов и чисел, которые в склонении местоимений имели окончания, сходные с окончаниями прилагательных, хотя, впрочем, им.-вин. ср. р. *повое*, под влиянием *је*, *тоје* и т. п., перешло в *повоје* (но украинское *нове* восходит непосредственно к *новое*); а *повіі*, вероятно, заменялось через *повііјі* под влиянием *јі*, *шојі* и т. п.; во-вторых, все те формы прилагательных, которые в местоимениях образовывались от обособленной основы, оканчивавшейся после твердых согласных на *-ѣ*, после мягких на *-і*; ср. *пѣвѣѣ*, *пѣхѣѣ*, *пѣѣі* при *тѣѣѣ*, *тѣѣхѣѣ*, *тѣѣі*.

Ввиду всего сказанного склонение прилагательных получило в общерусском праязыке следующие формы (подчеркиваю новообразования под влиянием местоимений).

	Мужеский род	Средний род
Ед. И.	<i>пѣѣі</i>	<i>пѣѣе</i> , <i>пѣѣје</i>
Р.	<i>пѣѣһо</i> , <i>пѣѣһо</i>	—
Д.	<i>пѣѣѣти</i> , <i>пѣѣѣти</i>	—

В.	pòv'fi (или как в род.)	pòvoe, pòvoje
Т.	pòvum'ь	—
М.	pòv'fm'ь, povom'ь	—

Женский род

Ед	И.	pòvaja
	Р.	pòvuj'ь, pòvoj'ь
	Д.	pòv'fi, pòvoi
	В.	pòvuju
	Т.	pòvoju
	М.	pòv'fi, pòvoi

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Дв. И. В.	pòvaja	pòv'fi	pòv'fi
Р. М.	pòvuju, povojju	—	—
Д. Т.	pòvuma	—	—
Мн. И.	pòvii, poviji	pòvaja	pòvuj'ь
Р.	pòvux'ь	—	—
Д.	pòvum'ь	—	—
В.	pòvuj'ь	pòvaja	pòvuj'ь
Т.	pòvum'i	—	—
М.	pòvux'ь	—	—

	Мужеский род	Средний род	Женский род
Ед. И.	s'in'fi	s'in'ee, s'in'eje	s'in'aja
Р.	s'in'aho, s'in'oho	—	s'in'bj'ь, s'in'ej'ь
Д.	s'in'umu, s'in'omu	—	s'in'ii, s'in'ei
В.	s'in'fi	s'in'ee, s'in'eje	s'in'uju
Т.	s'in'im'ь	—	s'in'eju
М.	s'in'im'ь, s'in'em'ь	—	s'in'ii, s'in'ei
Дв. И. В.	s'in'aja	s'in'ii	s'in'ii
Р. М.	s'in'uju	—	—
Д. Т.	s'in'ima	—	—
Мн. И.	s'in'ii, s'in'iji	s'in'aja	s'in'bj'ь
Р.	s'in'ix'ь	—	—
Д.	s'in'im'ь	—	—
В.	s'in'bj'ь	s'in'aja	s'in'bj'ь
Т.	s'in'im'i	—	—
М.	s'in'ix'ь	—	—

Примеры из древнерусских памятников.

Ед. им. м. р.: ковшь великии зоть гладъкии, Дух.гр., 1356, № 26; зват.: шстрыи мечю, Ипат., 250 г; в нынешней гw^д, Палея 1494 (Каринский).

Род. м. и ср. р.: вѣснаго, Гр. ок. 1263; Галича Мерьскаго, Лавр., 440; благочестиваго и правовѣрнаго великаго князя, Лавр., 446; тысячкаго, Лавр., 302; с Новаго Търгоу, Новг. 1-я, 586; до оугличьскаго берега, Новг. 1-я, 1296; в день страшнаго суда, Дв. гр. XV в., № 8; ѿ посадника новгородскаго, Гр. новг. 1471, № 20; с верхняго конца, Дв. гр. XV в., № 73; Римьскаго црства, Гр. 1229 (Д); тысацьскаго, Новг. гр. 1265, № 1; худаго смерда, Лавр.; внѣ двора теремнаго, Лавр.; тысяцьскаго, Новг. 1-я, 163; сочьскаго, ib., 169; великаго моста, ib., 212; Пльтьницьнаго, ib., 29. В Русск. Пр. по сп. 1282 года почти совсем отсутствуют славянизмы, между тем: до третьяго свода (Р. Д., I, 35, 36); на конечнаго, 35; до конечьнаго свода, 36; Станислава Пьремславьскаго тысачького, 40; до третьяго рѣза, 40; на боярьскаго тиоуна, 41; перекладнаго ѿ кунь, 43; а желѣзнаго платити ѿ кунь, 53; починить моста ветхаго, 54; и даже: но вже не боудеть свободьнааго, 41; слнчьного кроуга, Ев. 1339, 216а; нагого, тысячкаго, Лавр., 302; мърьтвого, Новг. 1-я, 149; тысачьского, ib., 201, 212; с Нового Торгу, Ипат., 182в; до Понетьскаго моря, Лавр.; построити мира первого, ib.; с Берестоваго, ib.; мертвого, живого, ѿ оученьи книжнаго, ib.; не выискивати было чюжего, ib.; деватого, Син. ркп. 1296, 25а; великаго, ib., 24 в; ѿ тысачького, Новг. гр. до 1305, № 9; до хртьного цѣловании, Новг. гр. до 1305, № 10; товара новгородьскаго или коупецьскаго или гостиного, Новг. гр. 1314, № 12; опорочѣ московьско митрополита, Новг. гр. 1471, № 20; ѿ тысацьскаго новгородскаго, ib.; ѿ ивового куста, Дв. гр. XV в., № 1; пресващеного архиепикупа новгородьскаго, Дв. гр. XV в., № 54; милостивого, ноного, едовитого, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); верхнего, ib.; а вазчего не пошло по новгородьской волости, Новг. гр. до 1305, № 10; третьяго бжьего, Западнорус. сб. XV в., № 391 (Карский); чюжего моужа, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. В., VI, 49).

Дат. м. и ср.: нѣмѣчьскоумоу, Новг. 1-я, 1204; по новому месу, Дв. гр. XV в., № 109; кртоу чтноумоу, Новг. 1-я, 1416; к

новоумоу городкоу, Лет. Авр.; (дом) стуму въскрснию, Дв. гр. XV в., № 93; послѣдньомуу, Жит. Феод.; славьномуу, стольномуу, великомуу, стомоу и др., Жит. Феод.; Варажьскому, великому, злomu, Рускому, чернечьскому, нишемоу и т. д., Лавр.; къ ты-
сацьскому, Новг. гр. до 1301, № 5; по старомуу роубежю, Новг. гр. до 1305, № 10; по новому месту, Дв. гр. XV в., № 109; князю великомуу, Новг. гр. до 1308, № 7; ко жельзоу горачемоу, Гр. 1229 (А); оубогомоу, немощномуу, Панд. Ник. Черног. XII—XIII в. (Тихвинский, Р. Ф. В., 1894); третьюмоу, Усп. Минея XII в., 119 г, Сборн. 1073, 27а.

Вин. м.: а роубежь ти дати правъи, Новг. гр. до 1305, № 10; городъ стольныи Плесковъ, Новг. гр. до 1305, 11; в низовьскыи весъ, Новг. гр. 1314, № 12.

Твор. ед.: с Гъцкымъ, Гр. ок. 1263; новгородскымъ хлѣбомъ, Новг. гр. до 1305, № 11; за Глухимъ погостомъ, Дв. гр. XV в., № 20; бголюбивымъ, Лет. Авр., 1766.

Местн. ед. м. и ср.: црквиѣмъ, Жит. Феод.; велицѣмъ, чьрнь-
чьскѣмъ, льнанѣмъ, Жит. Феод., в црковнемъ уставѣ, Ипат., 246; при благовѣрнѣмъ князи велицѣ, Лавр., 437; въ своемъ честнѣмъ княжении, ib., 444; въ городѣ Дунаистѣмъ, ib., 276; на новемъ Търгоу, Новг. 1-я, 49; в Неревьскомъ конца, ib., 75, 181, 204; Роусьтѣмъ, ib., 65; на Ламьскомъ волоце, ib., 82; на новемъ Търгоу, ib., 111; Печерьскомъ, ib., 57; Печерьстѣмъ, ib., 50; на первомъ поскоцѣ, Ипат., 171а; на лѣвемъ крилѣ, ib., 56в; в калѣ грѣховьнемъ, ib., 62 г; во шгни вѣчнемъ, ib., 65 г; на дворѣ теремь-
стѣмъ, Лавр.; при Стославѣ велицѣмъ князи Рустѣмъ, Лавр.; въ прѣвѣмъ, Лет. Авр.; оу Глухомъ погости, Дв. гр. XV в., № 20; в опцемъ поли, Дв. гр. XV в., № 3; на Имоволозьскомъ по-
госте... и на Важаньскомъ, Новг. гр. 1270, № 3; въ Немецьскомъ дворе, ib.; в Новоторьскомъ уѣздѣ, Новг. гр. 1317, № 14; въ шбразѣ звѣринѣмъ и скотьемъ, Лавр.; третьемъ, Новг. 1-я, 147; а въ сельскомъ тиоунѣ въ княжи или въ ратаинѣмъ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 31); в мѣсцнѣмъ рѣзѣ, ib., 40.

Им.-вин. ср.: въ хртъноу цѣлованию, Новг. гр. до 1305, № 10; шкуштити юму и доброу и худоу, Новг. гр. 1317, № 14; а Новь-
городскоеу Новоугородоу, Новг. гр. до 1305, № 9; кнженню великою, ib., Новг. гр. 1371, № 8; третьеу, Ипат., 236; на третьемъ лѣ, Новг. гр. 1265, № 2; а и третьемъ холопство, Русск. Пр. (Р. Д., I, 55).

лии, Лавр.; людье Нооугородьстии, *ib.*; житьи, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62).

Мн. вин. м. р.: Вышегородскыѣ болярцы, Лавр.; нарочитыѣ мужи, *ib.*; Болгары Дунаискыѣ, *ib.*; столпы серебряныѣ, Новг. 1-я, 139; 3 городы взаша Половечскыѣ, Лавр. 276.

Мн. им. ж. р.: а се волости Новгородскыѣ, Новг. гр. 1265, № 1.

Мн. вин. ж. р.: шрамые земли, Гр. 1520 (Бел., № 2); Московскыѣ, Догов. 1405, № 38; вежѣ Половечскыѣ, Лавр.; шрамые земли, Дв. гр. XV в., № 42.

Мн. им.-вин. ср. р.: дѣла Иванская и торговаа и гостинаа. Тр. сп. Новг. 1-й, 70г; на золотая ворота, Лавр., 438; и иная мѣста Рязанская которая ни будутъ на той сторонѣ, Копия с Догов. гр. 1381, № 32; в та мѣста в Татарская и в Мордовская, Догов. гр. 1405, № 38; частаа востаниа, Ипат., 255а; боброваа ловища, Дв. гр. XV в., № 54; а мѣста на корабли вольная, Гр. ок. 1240; села великаа пожгоша, Новг. 1-я, 1566; чресъ поля широкая, Сл. о п. Иг., 7, о нем же кто полезная обрѣтаеть, той того и прославляетъ, Послов. XVIII в. (Симони, 121).

Мн. род. всех родов¹: старыхъ (ж.), Гр. 1189—1199 (ок. 1263); добрыхъ, Гр. 1229 (А); волости Новгородскихъ, Новг. гр. 1265, № 1; ѿ всехъ соцьскихъ, Новг. гр. 1265, № 2; сель... княгининыхъ, Новг. гр. до 1305, № 10; свободъ дьмитриевыхъ, *ib.*; пожнь княжихъ, *ib.*; сель твоихъ и влдьчнихъ, Новг. гр. до 1308, № 6; а что Александровыхъ княжихъ сель коупленыхъ, Новг. гр. до 1327, № 15; княжихъ волости, *ib.*; грамотъ кртныхъ, Новг. гр. 1371, № 8; оу великихъ смердовъ. Дв. гр. XV в., № 33; ѿ житыхъ людѣи, Новг. гр. 1372, № 13; до человечихъ шчю, Западнорус. ев. XV в., № 391 (Карский). Образования на *-шихъ* явились, быть может, под влиянием формы им. мн.; а что волости Новгородскихъ, Новг. гр. до 1308, № 6; волости Новгородскихъ, *ib.*

Мн. дат. всех родов¹: посломъ новгородскимъ, Новг. гр. 1317, № 14; княжимъ лодьямъ Михайловымъ, Новг. гр. 1373, № 17.

Мн. твор.: коунами ветхыми, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); добрыми, Гр. 1229 (А); моужи Новгородскими, Новг. гр. 1265, № 1; съ всеми городы с нѣмѣчными, Новг. гр. 1371, № 8; з бобровыми ловищи, Дв. гр. XV в., № 33; поплавными неводы, № 42.

¹ В рукописи по описке: всех „чисел“. (Ред.)

Мн. местн.: Рускихъ, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); добрыхъ, Гр. 1229 (А); в зимнихъ тонахъ, Дв. гр. XV в., № 80; на смердихъ мѣстѣхъ, Дв. гр. XV в., № 54.

Формы сравнительной степени могут также склоняться по сложному склонению, допуская и новообразования, и по местоименному склонению. Приведу несколько примеров: старѣи Рюрикъ, Лавр.; снѣ меншеи, Лавр.; ты еси старѣишеи братъ, ів.; на старишии путь, Дух гр., Дм. Ив. (не напеч.); брате старишии (зват.), Догов. 1428, № 44; брате старѣишии, Копия с Догов. 1381, № 32; гомаъ болшии (вин.), Дух. 1328, № 21; им. ср.: болшеъ зло встанеть, Лавр.; вин. жен.: про лѣпшюю память, Луцк. гр. 1433; дружину свою молотшою, Лавр.; горчишоую смѣрть, Лет. Авр.; большую дань, Лавр.; род.: брата старишого, Дух. Дм. Ив.; изо тщере его изъ меньшеѣ, Лавр.; болшеъ власти, ів.; дат.: старѣишему, Лавр.; старишему, Дух. 1389, № 34; младшему, Догов. 1371, № 29; стареишому, Гр. 1229 (Д); твор.: съ братомъ своимъ съ старѣишимъ, Новг. гр. до 1301, № 4; местн.: в Лалинѣ Прилукѣ в болше^м и в меньше^м, Дв. гр. 1472 (изд. Шахматова). Дв. ч. вин. ср.: ѿ блюда меншии, Дух. 1328, № 2; им. мн.: лѣпшии мужи Ипат., 28 г; вин.: лѣпшиѣ мужи, Лавр.; лучшиѣ жены, ів.; лепшихъ, Новгор. 1-я, 41; род.: ѿ всѣхъ старѣишихъ, меньшихъ, Новг. гр. 1265, № 1; лѣпши^х князии, Лавр. Образования с нестянутыми *-ии-* или под книжнымъ влиянием, или под влиянием формы им. мн.: и ѿ всѣхъ мѣньшиихъ, Новг. гр. до 1308, № 6; меньшиими (твор. мн.), Лавр. По сложному склонению образуются также формы причастий настоящего и прошедшего времени. Затрудняюсь с приведением примеров для причастий настоящего времени из русских памятников, ибо в них обычны формы книжные с *щ* вместо русского *ч* (несущей, несущии). Для причастий прошедшего времени отмечу им. мн. на *-шеи* при *-шии*, ср. *-шии* в именномъ склонении причастий.

Сопоставление с другими славянскими языками.

В старославянскомъ языке известны только старые формы, образования по склонению местоименному вообще не встречаются (относительно *штоуждего*, *штоуждему* я говорил выше); но рядом с *новаго*, *новоуоумоу*, *новъемъ*, которые восходят к общеславянскимъ *поваепо*, *повиети*, *повѣеть*, являются и формы *новаѣго*, *новоуѣмоу*, *новъѣемъ*. Их надо признать, по-видимому, новообразованиями под влиянием форм местоимения *ѣго*, *ѣмоу*, *ѣмъ*. Вместо *-въемъ* в местномъ

встречается и *-ѣмь*, где видим регрессивную ассимиляцию, подобную той, которая изменила *ае* в *аа*, *не* в *ни*, *ѡуѡ* в *ѡуѡу*: ср. Супр. *дѡбрѣмь*, *прѣславнѣмь*; сюда же относится *-ѣмь*, *-ѣамь*, причем *аа*, а вместо *ѣ* вследствие положения после *і*: Супр. *грѡбнѣамь*, *адѣстѣамь*. Вместо *-немь* в основах на мягкую согласную в местн. ед. является *-нимь* (*вышнимь*) в результате той же регрессивной ассимиляции, причем новообразование на *-немь* (под влиянием местоимения *юмь*, ср. *новѣюмь*) неизвестно в старославянских памятниках. Рядом с нестяженными формами с *аа*, *ѡуѡу*, *ни*, *ѣи* (*ѣь*) известны во всех вообще старославянских памятниках также и стяженные с *а*, *ѡу*, *и*, *ѣ*: *новаго*, *новоуѡу*, *вышнимь*, *вышнихъ*, *новыхъ*, *богатѣмь*.

Сербский язык в своей истории представляет относительно сложного склонения прилагательных те же вопросы, что русский; не ясно, можно ли признать старые формы на *-аго*, *-ааго*, встречающиеся до XV в., за живые, народные, или это книжные, церковнославянские формы. Считаю вероятным, что *-аго* было известно сербскому языку и притом с *ā* (из *аа*, *ае*); только так я умею объяснить себе долготу *ō* в позднейшем (по памятникам с XV в.) окончании *-ōго*, *-ōга*: *новōга* имеет *ō* под влиянием старшего **новāга* с *ā*; то же относительно окончания дат. *-ōму*, заменившего старшее *-ити* (из *иити*, *иети*); сомнительно, чтобы *-ōга*, *-ōму* можно было объяснить как результат стяжения *-ојѣга*, *-ојѣти* (**повојѣга* с *пово-*, извлеченными из соответствующих форм местоименного склонения). Несомненно, что *-аго*, *-уму*, *-ѣмь* в тв., *-ѣмь* в местн. заменены через *-ога*, *-ому*, *-ѣмь* в тв. (твор. *чистѣмь*, *малѣмь*, ср. *тѣмь*), *-омь* в местн. под влиянием склонения местоимений.— В польском, как мы видели, *аего*, *иети* стянулось в *его*, *ети*; кроме того, *і* систематически выпущено (как и в сербском) в формах сложного склонения: *пова* вместо *поваја*, *повѡ* вместо *повѡјѡ* и т. д.

Примеры из современного языка.

Отмечу несколько старых форм. Род. ед. ж. р.: от молодые жены, от старые жизни, Кадник. (Отв. № 25); от молодые жены, Петроз. (Отв. № 34); от добрые бабушки, Котельн. (Отв. № 35); от красивые деўки, Кирилл. (Отв. № 167); род.: мыладэя, Могил. (Рамзевич, Отв. № 4). Вместо *-ые* (*-ыть*) в северновеликорусской области являются и *-ыѣ* и *-ыя*: с цужиѣ то ли дальниѣ стороны, Молож. (Обл. сл., 167); от добрыѣ сестры, Орл.-Вят. (Отв. № 42); у которой избе-то, у старыя или у новыя, Буйск. (Отв. № 18),

и т. д. В укр. *оє* в им.-вин. ср. стянулось в *е*: добре, нове; *еє* — в *е*: синє; быть может, чередованием форм на *-оє* с формами на *-оїє* (*повое* при *повоїє*) объясняется появление еще в древнейшую эпоху жизни русских наречий также форм на *-аа* при и вместо *аїа*, *ии* вместо *иїи*; ср. формы *нова*, *добра*, *нову* в украинском, а также в великорусских говорах. Что касается весьма обычных в великорусской области форм на *-ыим* в твор., *-ыих* в местн., *-ыим*, *-ыими* во мн. числе, то вряд ли можно возвести их к старым формам на *-уішь*, *-уіхъ*, *-уіші*; вероятнее думать, что это новообразования, возникшие сначала во множественном числе под влиянием формы им. мн. (*молодых* вместо *молодыи* под влиянием *молодыи*) и передававшие свои *ыи* (*ии*) также и в твор. ед.; уже под влиянием твор. ед. *большіим* являлась форма местн. *в большоём*, *в зелёноём саду* (например, Устюжн., Отв. № 28). Подобные новообразования не чужды и белорусскому наречию (*какиим родам*, пинск., *разным напйткам*, Шейн, 233); я рассмотрю их впоследствии, а здесь упоминаю о них только для того, чтобы отделить их от созвучных или старых общерусских форм. Там же скажу и о других новообразованиях в сложном склонении прилагательных.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СКЛОНЕНИЯ, ОБЩИЕ ВСЕМ ВОСТОЧНО- СЛАВЯНСКИМ¹ НАРЕЧИЯМ

В первой, законченной части курса я предложил вашему вниманию обзор тех форм склонения, которые свойственны общерусскому праязыку и лежат в основании всего последующего развития русского языка во всем его объеме. Эти формы почти всецело тождественны с формами общеславянского праязыка, восстанавливаемого путем сравнительно-исторического изучения всех славянских наречий. Любопытный вопрос, чем в области форм склонения отличался общерусский праязык от общеславянского, получает, как кажется, ответ отрицательный: сколько-нибудь крупных отличий указать нельзя; большинство характерных для общерусского праязыка особенностей были свойственны уже диалектам общеславянского праязыка и потому находят себе соответствие в других славянских языках. Так, окончание *-ьмь* вместо *-омь* в творительном единственного основ на *-ѡ* и *-ьмь* вместо *-емь* основ на *-јѡ* проникло из основ на *-й* в основы на *-ѡ* еще в диалектах общеславянского праязыка. Это доказывается польским и чешским языками, где находим в соответствии с ними *-em* из *-ьтъ*: польск. *dębet*, чешск. *chlaret*. Формы дательного, местного *тебѣ*, *себѣ* существовали диалектически при *тебѣ*, *себѣ* в общеславянском праязыке, как видно из польск. *tobie*, *sobie*, чешск. *tobě*, *sobě* (при ст.-слав. *тебѣ*, *себѣ*, сербск. *тебѣ*, *себѣ*). Исключительно русскими, и притом общерусскими, новообразованиями древнейшей, доисторической эпохи можно признать формы склонения имен прилагательных, явившиеся под влиянием склонения местоимений: ср. родительный *нового*, дательный *новому*, местный *новомь* и т. д. вместо общеславянских *новаеѡ*, *повиети*, *пов'ѣт'ь*, стянувшихся позже в *новаѡ*, *повити*, *пов'ѣт'ь*. Отмечу еще появление в обще-

¹ В рукописи — „восточнорусским“. (Ред.)

русском праязыке формы на *-скѣмь*, *-скѣ* вместо *-сѣмь*, *-сѣ* в склонении существительных и прилагательных: *дѣскѣ*, *женѣскѣ*, *человѣчьскѣмь*, причем *к* вместо *ц* под влиянием других падежных форм. Утверждать наличие в общерусском праязыке еще иных новообразований я бы не решился. Между тем в различных частях русского языка, уже издавна отделившихся друг от друга, имеется ряд общих им новообразований в области склонения¹. Возникает вопрос: имеются ли достаточные основания для возведения их к общерусскому праязыку, к эпохе, предшествующей распадению русского языка? Так, например, всем современным русским наречиям свойственны окончания *-ам*, *-ах*, *-ами* вместо окончаний мужеского и среднего рода *-омъ*, *-ѣхъ*, *-ы* (окончания *-ом*, *-ех*, *-ы* сохранились лишь в немногих говорах украинских и белорусских, как было указано в своем месте, а именно там, где древние формы подтверждались примерами из современного языка). Но решимся ли мы возводить новые окончания, заимствованные из склонения женского рода, к общерусскому праязыку? Думаю, что свидетельства древнерусских памятников, употребляющих до XIV в. и позже старые окончания, достаточны для утверждения, что отмеченные новообразования не могут быть возведены к X или IX в., т. е. ко времени русского единства. Но вместе с тем эти новообразования так же, как многие другие, общие всем русским наречиям, не могут быть рассматриваемы как диалектические явления русского языка. Они во всяком случае указывают на существование такой эпохи в жизни русских диалектов, когда они, отделившись уже от общего ствола и начавши свое обособленное развитие, переживали тем не менее общие явления. Замечательно, что изучение звуковой стороны русских диалектов не приводит к заключению о существовании подобной эпохи: только падение глухих и связанные с ним разнообразные явления роднят между собой уже ко времени начала этого процесса распавшиеся ветви русского языка. В курсе фонетики мы приводили основания, по-

¹ Как известно, А. А. Шахматов полагал, что три современных восточнославянских языка: русский, украинский и белорусский — являются тремя наречиями („великорусским“, „малорусским“ и „белорусским“, по его терминологии) одного русского языка и что эти последние развились на базе ранее существовавших диалектов трех племенных групп — „восточнорусов“, „севернорусов“ и „южнорусов“. Сказанное необходимо иметь в виду в дальнейшем для понимания общих рассуждений А. А. Шахматова об истории морфологической системы русского языка. (Ред.)

чему падение глухих должно отнести к середине XII в.; мы указывали там, что в это время русский язык уже распался на самостоятельные наречия. Переживание же ими во всем его объеме одного общего звукового процесса мы объясняли тем, что к тому времени произошло единение русских племен в их экономической и политической жизни. Не имея возможности возводить ряд морфологических новообразований к эпохе общерусского единства, я считаю возможным отнести их ко времени позднейшего воссоединения русских племен, явившегося следствием целого ряда сложных причин, но особенно ярко обнаруживавшегося в создании общерусского государства, в политическом объединении всех русских земель. Единение этих племен, отражавшееся и в единении русских наречий, было вызвано тесным общением, близким сожительством, колонизационными движениями. Оно не было, однако, настолько значительно, чтобы привести к единству, и потому главные наречия, на которые распался русский язык, продолжая свою обособленную жизнь, только в известной степени сблизились между собой. Вскоре, и притом не позже XIII в., новые обстоятельства разъединили русские земли. Эпоху единения русских племен после наступившего раньше их распада я отношу к X—XIII вв. В силу этого к этой именно эпохе возвожу те морфологические явления, к рассмотрению которых я перейду. Впрочем, осторожнее будет выразиться так, что к указанной эпохе относятся начала рассматриваемых явлений, развивавшихся впоследствии иногда в одинаковом направлении уже в отдельных русских наречиях. Определить, однако, как далеко заходили изменения в том или ином направлении в эпоху единения русских наречий и какие, напротив, изменения принадлежат уже позднейшей эпохе, едва ли возможно. В силу этого нам придется рассмотреть явления, бывшие последствиями общих морфологических изменений древнейшей эпохи, не отделяя позднейших от старших.

Нашей задачей в этой части курса является рассмотрение собственно морфологических явлений. Мы поэтому не будем останавливаться на звуковых изменениях падежных окончаний. Это тем более естественно вытекает из нашей задачи, что в рассматриваемую эпоху русские наречия не переживали общих звуковых явлений. Исключение, как указано, составляет падение глухих. Ввиду того значения, которое падение глухих оказало на звуковую сторону как основ, так и падежных окончаний, я сделаю несколько кратких замечаний относительно вызванных падением глухих из-

менений в склонении имен и местоимений. Вслед за этим перейду уже к чисто морфологическим явлениям. Сначала рассмотрю явления, свойственные всем вообще склоняемым словам: сюда относится исчезновение двойственного числа. Затем отмечу явления, относящиеся к смешению падежей, к замене одного падежа другим. Далее рассмотрю явления, состоящие в смешении основ, в замене падежных окончаний одной основы окончаниями другой, причем отдельно изложу случаи смешения основ одинакового рода и отдельно — случаи смешения основ разного рода. За этим приведу прочие морфологические явления в основах мужского, среднего и женского рода. Переходя к склоняемым словам, изменяющимся по родам, укажу на утрату категории рода во множественном числе. Затем рассмотрю именное склонение прилагательных, склонение местоимений, членное склонение прилагательных и склонение числительных, сравнительную степень.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В СКЛОНЕНИИ, ВЫЗВАННЫЕ ПАДЕНИЕМ ГЛУХИХ

В общерусском языке на *ѣ* и *ь* оканчивался ряд форм склонения, начиная с именительной формы; односложные падежные окончания на *ѣ*, *ь*, вследствие падения глухих, утратились совсем, а двусложные становились односложными. Так, слова *супъ* — им. ед., *воѡсъ* — им.-вин. ед., *годъ* — род. мн., *воѡсъ* — род. мн., *руть* — им.-вин. ед., *п'итъ* — им.-вин. ед., *конъ* — им. ед., *в'ьсь* — им.-вин. ед., *р'атъ* — им. ед. и т. д. стали звучать *суп*, *воѡс*, *год*, *воѡс*, *рут'*, *кон'*, *в'ьс'*, *р'ат'*; слова *воѡсьмъ* — твор. ед., *воѡсомъ* — дат. мн., *воѡс'ѣхъ* — местн. мн., *домъхъ* — местн. мн., *кон'ьмъ*, *рут'ьмъ* — твор. ед., *п'ит'ьхъ* — местн. мн. и т. д. стали звучать *воѡсом'*, *воѡсом*, *воѡс'ѣх*, *домох*, *кон'ем'*, *рут'ем'*, *п'ит'ех*. Последствием этого было значительное нарушение в ассоциативной связи между падежами и формами, унаследованной из более древней эпохи. Прежде всего формы именительного падежа, оказавшиеся без окончаний, стали отождествляться с основой, и это обстоятельство не осталось без влияния на смешение древних основ. Так, в словах мужского рода вместо древних основ на *-ѡ*, *-jѡ* и *-ї*, *-й* резко выступило представление об основах на твердую согласную (*дом*, *пос*) и на мягкую (*кон'*, *рут'*); это повело неминуемо к утрате древних форм склонения на *-й* и *-ї*, как относившихся

к менее численным категориям имен. Древние основы на *-ŷ* и *-ŷ* стали склоняться, как основы на *-ǫ* и *-jǫ*, передавая, однако, им и свои первоначальные особенные окончания. Отождествление в именах мужеского рода формы именительного падежа с основой повело за собой и то, что тождественная с именительной формой форма родительного множественного (как *god, kon'* из *godъ, kon'ъ*) стала заменяться новообразованиями, содержащими определенное окончание, присоединявшееся к основе (*godov, kon'ii*); древние формы родительного множественного продолжали сохраняться только там, где они не совпадали с формой основы (формой именительного падежа), как например *voľos* при *vólos*, или еще в соединении с числительными *r'at'* и т. д., где форма родительного множественного утрачивала свое падежное значение.

Отмечу, что в односложных указательных местоимениях *тъ* и *сь* звуки *ѣ* и *ь* выпадали тогда, когда они были слабы, например в постпозиции *otrokot* вместо *otrokotъ*; но когда они были сильны, *ѣ* и *ь* переходили здесь в *o* и *e*: *то, се*; примеры из древних памятников приведены выше. Возможно, что удвоенные формы *tot, s'es'* (примеры даны выше) возникли как результаты слития двух форм (*to* и *t, se* и *s'*) в одну. С другой стороны, существование формы *s'e (ce)* в им. ед. мужеского рода вызывало появление *vs'e* вместо *v'es'* (ср. *s'e* при *s'es'*); примеры дам ниже при обзоре местоимений.

Во всех почти именах мужеского рода после падения глухих все падежные формы стали отличаться от формы именительного падежа лишним слогом, односложным падежным окончанием. Только позднейшее окончание *-am'i*, перешедшее в мужеское склонение из женского, имело двусложное окончание; быть может, это обстоятельство было причиной появления в некоторых севернорусских говорах произношения *-am* вместо *-am'i*. Указанное обстоятельство, совпадение формы именительного падежа с основой, было причиной того, что во многих именах, содержащих некогда в предпоследнем слоге *ѣ* и *ь* и получивших поэтому в косвенных падежах формы, отличавшиеся и в слоге перед окончанием от формы именительного падежа, возникли новообразования, в основе которых лежала форма именительного падежа. Так, при именительном *тесть* (из *тъсть*), *лев* (из *лъвъ*), *рот* (из *рътъ*), *зов* (из *зѣвъ*) и т. п., вместо ожидаемых и существующих, а частью существовавших в более древнем языке форм *цти* или *цтя* (из *тъсти*), *лъва*, *рта*, *зва*, явились новообразования: *тестя*, *лѣва*

(диалект. *лѣва* — „зверя“), *рота* (диалект. русск.), *из рота* (Послов. XVIII в., Симони, 209), *зова*. В силу того же самого формы косвенных падежей, отличающиеся от именительного не одними только окончаниями, вызывают нередко новообразования в именительном падеже; особенно упорно являются новообразования в именах городов на *-ск* из *-ьск*: под влиянием *Курска*, *Пронска* и т. п. являются новообразования *Курск*, *Пронск* вместо *Куреск*, *Пронеск* (из *Курьскъ*, *Пръньскъ*).

Впрочем, в ряде слов не имели места подобные новообразования ни в именительном падеже, ни в косвенных; форма тех и других падежей вследствие падения глухих стала отличаться тем, что в именительном падеже в последнем слоге являлась гласная *о*, *е* (из *ъ*, *ь*), которой не было в соответствующем положении в косвенных падежах. Ср. ряды слов, подобных: *сон* — *сна* (из *сънь* — *съна*), *пес* — *пса*, *лен* — *льну*, *день* — *дня*, *купец* — *купца*, *посол* — *посла*, *кусок* — *куска*, *пень* — *пня*. Существование таких слов с подобным чередованием в именительном и косвенных падежах вызвало по аналогии выпущение исконных *о* и *е* (не из *ъ* и *ь*) в косвенных падежах. Так, первоначальные *лед* — *леду*, *потолок* — *потолока* (диалект. северновеликорус. *потолока*, ср. старинное *очи в потолоки*), *корень* — *корене*, *камень* — *камене* (ср. диалект. *каменя*) и др. заменились склонением *лед* — *льду*, *потолок* — *потолка*, *корня*, *камня*; *плетень* — *плетня* заменило, по-видимому, *плетень* — *плетеня*, *ремень* — *ремня* явилось вместо *ременя*. Точно так же заимствованное слово *игумен* получило в косвенных падежах: *игумна*, *игумну*.

Во многих словах следствием падения глухих было отсутствие звука *е* или *о* (на месте *ь*, *ъ*) в исконно третьем от конца слоге именительной формы, между тем как в прочих падежах в этом слоге являлось *о*, *е*. Действительно, слова *ръпѣтъ* — *ръпѣта*, *мольбѣнъ* — *мольбѣна*, *жъньць* — *жъньца*, *шьвьць* — *шьвьца*, *съньмъ* — *съньма*, *пришьльць* — *пришьльца*, а также имена собственные, как *Смольньскъ* — *Смольньска*, *Витьбѣскъ* — *Витьбѣска*, должны были в силу падения глухих перейти в *рпот* — *рпота*, *мольбен* — *молебна*, *жнец* — *женца*, *шевец* — *шевца*, *снем* — *сонма*, *пришлец* — *пришельца*, *Смольнеск* — *Смоленска*, *Витьбеск* — *Витебска*; ср. им. ед. *рпотъ* в Ев. 1307, 10а; *мольбен* в Псков. 2-й лет. и современное архангельское *снем*, обычное в древнерусских памятниках; *пришлец* в современном языке, ср. ту же форму в Новг. гр. 1317 года, № 14; *Смольнескъ* обычно в древне-

русском; *Козлескъ*, Ипат., 2, 520; рядом в родительном *ропта*, им. мн.—*зашелци* в Новг. гр. 1368—1371, № 16; *женьца* в современном олонецком, *Козельску*, Ипат., 2, 519 и т. д. Взаимное влияние таких форм вызывало, с одной стороны, новообразования в именительном падеже: так явились *ропот*, *молебен*, *пришелец* (*пришелець* в Определ. Влад. соб. 1274 по Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., 90), др.-русск. *Смоленск*, *Витебск*; с другой стороны — новообразования в косвенных падежах: современные *жнеца*, *пришлеца*, *швеца* (*ропта* — новообразование при новой форме именительного *ропот*, также *молебена*, диалект., при именительном *молебен*). Особую категорию составляют новообразования, как *Смоленск*, *Витебск*, *Козельск*, где именительная форма приблизилась вдвойне (и в предпоследнем, и третьем от конца слоге) к форме косвенных падежей; сюда же относится книжное слово *сонм* вместо *снем*, откуда под влиянием косвенных падежей — *сонем*. Если в предпоследнем слоге находились группы *ѣр*, *ѣр*, *ѣл*, то в именительном падеже мужского рода они заменялись через *оро*, *ере*, *оло* вслед за отпадением конечного глухого в силу так называемого второго полногласия, между тем как в косвенных падежах таким сочетаниям соответствовали *ор*, *ер*, *ол*. Древние *пѣлкѣ* — *пѣлка*, *чѣлнѣ* — *чѣлна*, *четвѣргѣ* — *четвѣрга*, *кѣрмѣ* — *кѣрма*, *гѣрбѣ* — *гѣрба* и т. д. перешли в *полок* — *полка*, *челон* — *челна*, *четверег* — *четверга*, *холон* — *холма*, *столоб* — *столба*, *сереп* — *серпа* и т. д., ср. полногласные формы, как: *верѣх*, Олон., Новгор. и др.; *горон*, Новгор.; *горон*, укр. Екатериносл.; *кором*, Новгор.; *перѣс*, Олон.; *полокѣ*, Ипат., 119б (под 6654 г.); *полон девок*, Покров.-Владим.; *столоб*, Псков., Петерб., Тверск.; *четверег*, Вятск., Пермск., Моск., Олон.; *холон*, Новгор.; *сереп*, Олон., Псков. и т. д. Влияние косвенных падежей вызвало новообразования, как *верх*, *полк*, *четверг*, *горн*, *волк* (вместо *волок*), *полк*, *столб* и т. д. То же в словах женского рода на *-ѣ*, как *шерсть*, *смерть*, *горсть*, *четверть* вместо *шересть*, *четверепѣ* и т. п. (ср. *четвереть*, Арханг.; *скатереть*, Арханг.; *горость*, Мещов.; *пересть*, Соф. 1-я по сп. Ак. Н. XVI в. и т. д.). Если в третьем от конца слоге находились группы *ѣр*, *ѣр*, *ѣл*, причем в следующем слоге также содержался глухой, то в именительном падеже мужского рода на месте *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* являлись сочетания *ор*, *ер*, *ол*, а в других падежах сочетания *оро*, *ере*, *оло* в силу так называемого второго полногласия. Древние: *тѣржѣкѣ* — *тѣржѣка*, *чѣрнѣцѣ* — *чѣрнѣца*, *попѣлнѣкѣ* — *попѣлнѣка*, *гѣрнѣцѣ* —

гърница, жьлтѣкъ — жьлтѣка, гълбѣць — гълбѣца (чулан), бълзнь — бълзнья и т. п. перешли в торжсек — торожка, чернец — черенца, попонок — пополонка (приплата), горнец — горонца, желток — желотка, голбец — голобца; ср. торжсекъ, Новг. гр. 1269—1270 при на торожскоу; черенци в Дв. гр. XV в.; череньцеск в Новг. 1-й Син. под 1229 г.; жолоткомъ яецъ в укр. лечебнике XVIII в., изд. Потебней (Киев. Ст., 1890, т. XXVIII, 3); свинью пополонка, Дв. гр. XV в., № 19; горонци — вин. мн., Новг. 1-я по Троицк. сп. под 6497; по гороньцы, Белорус. сборн. Романова, I, 141; голбец — современ. диалект. при голобца, Кашин.; болозни, Рязан. и т. д. Влияние косвенных падежей может вызвать новообразования в именительном: ср. б́олозень, Тихв., Олон. (вместо болезнь); голобец, Кашин.; пополонок, Дв. гр. XV в., № 29 и № 110; холомок, Псков. и Осташ.; челонок, Арханг. и Тихв.; столобок, Лужск. Аналогии того чередования, которое замечается в словах типа торжсек — торожку, чернец — черенца подчинились и некоторые другие слова, где сочетания оро, оло исконны; так, вместо Полотеск — Полотска (из Полотьскъ — Полотьска) — ср. реку Полота — находим в древнем языке Полтескъ — Полотска (наше современное Полотск [Полоцк] под влиянием косвенных падежей).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА

В общерусском праязыке двойственное число было в полной силе, как это видно из языка позднейшей исторической эпохи. Мы видели, что древнерусские памятники сначала вообще правильно употребляют формы двойственного числа там, где дело шло о двух предметах, не прибегая к замене их формами множественного числа. Но в словоупотреблении было дано несколько оснований для нарушения исконных отношений: 1) под влиянием того, что при формах множественного числа для более точного числового определения необходимо употреблять числительные *три*, *четыре*, числительное *два* необходимо сопровождало формы двойственного числа: *трие брата*, *четыре брата* делало необходимым *два брата*, и „брата“ без сопровождающего „два“ стало употребляться все реже для обозначения двойственного числа; тем более редко было самостоятельное употребление формы двойственного числа, что при них могло употребляться еще другое числительное: *оба* — *обе*, значение которого делало самостоятельное употребление

формы двойственного числа все более ограниченным; 2) при счете от 2 до 10 в общерусском праязыке и в древнерусском языке употреблялись три системы: при числительном 2, употреблявшемся как прилагательное, ставилось существительное в различных падежах двойственного числа (*дѣва брата, отъ дѣвоу братоу, дѣвѣма сестрама*); при числительных 3 и 4, употреблявшихся так же, как прилагательные, существительные ставились в падежах множественного числа (*трие города, трѣхъ сель, трѣмъ сестрамъ, четырьми сестрами*); наконец, при числительных *пять, шесть, семь, восемь, девять* и *десять*, употреблявшихся как существительные, зависящие от них существительные ставились в родительном падеже множественного числа (*пять сыновъ, от пяти городъ, к пяти сестрѣ*). Это обстоятельство неминуемо должно было приводить к попыткам обобщения той или другой системы. Сложнее представлялось обобщение системы, употреблявшей числительные как существительные, с системами, употреблявшими числительные как прилагательные; но обобщение обеих систем, употреблявших числительные как прилагательные, было вполне естественно, подобно как *дѣва brata* легко вызывало *tri, četyr'e brata*, так же легко, и притом до утраты двойственного числа, как грамматической категории, *triје, četyr'e brati* вызывало *дѣва brati*; 3) при числительных *дѣванадесѣте, обанадесѣте* существительное, согласуясь с *дѣва, оба*, естественно, склонялось в двойственном числе; ср.: *ѡбанадесѣте псалма, Жит. Феод., дѣвѣнадесѣте лѣтъ, Жит. Феод.; постави порока вѣ, Ипат., 265 б; то вѣ гривнѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 31); ср.: а за кормилца вѣ гривенѣ, ib., 31; а се наклади вѣ гривноу, ib., 42, когда *два, две* слились теснее со следующим *надесѣте*, причем *десѣте* вследствие энклигического употребления сократилось в *десять (дванадесѣть)* и далее в *дѣсѣть — дсѣть — дцѣть (двенадцѣть)*, двойственное число существительного ассоциировалось уже не с числом 2, а с числом 12. Это, как увидим, вело к появлению форм двойственного числа и после 13—14 и даже после 15—20, 30 и т. д., за которыми вообще следовали формы родительного множественного. Но во всяком случае появление двойственного числа и после 12 вело к утрате формами двойственного числа их первоначального значения. Кроме трех указанных причин, на утрату двойственного числа действовали и другие; некоторые из них выяснятся ниже. Приведу данные, освещающие последствия утраты двойственного числа. Но сначала укажу, что еще в XIV и даже в XV веке*

двойственное число было живуче. Ср. в Лавр. сп. пов. вр. лет.: подъ пазусѣ, створи двѣ главѣ златѣ, ходя в твоею руку, оуби два брата енохова, межи двѣма колодама, ѿ главы и до ногу, съвкуплена, тѣломъ паче же душама, по дву же лѣту, межи двѣма взерома, радуите са свѣтлѣи звѣздѣ заутра въсходящи и т. д. (другие примеры у Некрасова); разумеется, эти примеры возводятся к старшему изводу памятника, но замечательно, что писец XIV в. сохранил их без подновления; под 1284 годом в Лавр. читаем: побѣгоста 2 братеника та бесерменина г Курьску; в Рижск. гр. ок. 1300: шахмать жо Фредрихъ поведала; в Смол. гр. 1229 (сп. А): Гиндрикъ Готь, Илдигьрь, та два была исъ Жата; Гал. гр. 1378: по два гроша широкая; Дух. моск. 1328, № 21: в чума золота болшая, в блюдци меншии; Смол. гр. 1229 (А): та два была послѣмъ (мы ожидали бы *послома*) оу Ризе; Новг. гр. 1314 г., № 12: двема стома; Гр. Нсвг. 1371, № 8: въ дву насаду; Новг. гр. 1317, № 14: а тѣ грамотѣ Михаило князь порѣзалъ; Новг. гр. 1305—1308, № 7: двѣ дѣлгѣи (вместо *дѣлзти*). Можно допускать еще ненарушенное существование двойственного числа в языке того или другого памятника только в том случае, если формы двойственного числа употребляются и в глаголах, и в прилагательных, ибо сохранение форм двойственного числа в существительных, форм, прямо зависящих от предшествующих *два, оба, две, обе*, зависело от той новой связи, которая создавалась между числительными и формами зависевших от них существительных. Впрочем, о двойственном числе как таковом можно говорить и там, где после 2 ставятся формы двойственного числа, а после 3, 4 сохраняются формы множественного числа. Такое словоупотребление замечается, например, в Двинских грамотах XV в., где, с одной стороны: два пуда жита, оба брата, два сугроба железа, дві поланьки, двѣ корови, а с другой: на д̄ пузы, д̄ лоскуты, г̄ рубли, три оучастки. То же в Литовских летописях XV—XVI вв. (реже: два челоуѣкы, Виленск. сп.).

Памятники указывают, что с течением времени прилагательные ставились во множественном числе, между тем как определяемые ими существительные оставались в двойственном, очевидно, под влиянием формы предшествующих им числительных. Ясно, что представление о двойственном числе в языке таких памятников само по себе сменилось представлением о неединственном, множественном числе, сохраняясь, однако, в непосредственной связи с числительным 2. Так, в Лавр. летописи под 1284 читаем: самѣ

2 братеника бесерменина та утекла. За числительным 2 и существительные, и местоимение, и глагол стоят в двойственном числе, но перед ним уже форма множественного числа (*самъ* вместо *сами*, как *тъ* вместо *ти*); но там же: и тако розидошася обѣ свободѣ бесерменьскѣ, где прилагательное стоит в форме множественного числа, хотя, впрочем, здесь может быть и конструкция по смыслу, ибо *свобода* — имя с собирательным значением. Яснее примеры, как: *взя два города галичскыи*, Ипат., 230 в.; *въ чаши золоты*, Дух. моск. 1328, № 21; *два ковша золоты*, Дух. моск. 1389, № 39; *мои два жеребья*, Дух. моск. 1389, № 34; *въ селѣ коломеньскѣи*, Дух. моск. 1328, № 22; *двѣ ночи (мера) никольскыѣ*, Гр. 1432—1443 (Собр. Мух., № 38); *придаемъ наши двѣ селѣ*, Молд. гр. 1445—1459, № 78; *два малам* (подразумевается *блюды*), Дух. моск. 1328, № 22. Подобные обороты были, по-видимому, весьма обычны, и я признаю вероятным, что утрата двойственного числа началась в формах прилагательных тогда, когда в существительных оно еще поддерживалось влиянием предшествующих числительных. Что в обороте „*взя два города Галичскыи*“ (собственно *Галичскыѣ* — вин. мн. м. р.) „*города*“ — еще форма двойственного числа (следовательно, *городá*, а не *гóрода*), я усматриваю в том обстоятельстве, что позже он сменился оборотом „*взя два города Галичскыихъ*“ (причем *города* по форме род. п., поэтому *гóрода*, а не *городá*).

Указанием на частичное, а еще не полное исчезновение двойственного числа признаю появление форм множественного числа вместо форм двойственного в положении не за числительным 2. Ср. в Дух. Новг. Климента XIII в.: *на свои роукы* вместо ожидаемого *на свои роуцъ*; в Рижск. гр. ок. 1300: *и ту порты с него снемъ за шю оковаль и рукы и ногы* (вместо *и руцъ и нозъ*). Равным образом появление *вы* (формы множественного числа) вместо *ва* (формы двойственного) еще не доказывает полной утраты двойственного числа. Ср. уже в Жит. Бор. и Гл. по Усп. сп. XII в.: *вы юста*.

Случай замены двойственного числа существительного множественным после числительного 2 также не всегда доказывают полное исчезновение двойственного числа, ибо формы множественного числа после 2 могли переноситься по понятной ассоциации из оборотов с 3 и 4. В этом убеждают меня такие обороты, как *два кресты серебряная*, Гал. гр. 1393; *за два рокы цѣлна*, Молд. гр. 1411, № 22, где двойственное число имен прилагательных,

сопровождающее множественное число существительных, указывает на то, что с выражениями *два хресты, два рокы* сочеталось представление о двойственном, а не о множественном числе.

Можно думать, что формы косвенных падежей двойственного числа раньше уступили место формам множественного числа, чем формы именительного падежа. Это отчасти может объясняться тем, что неразличение родительного от местного, дательного от творительного в двойственном числе (между тем как во множественном эти падежи различались) порождало стремление различить их и побуждало прибегать к формам множественного числа. Так, в Двинских грамотах XV в., сохранявших, как мы видели, представление о двойственном числе, находим обороты, как: *оу дву мѣстехъ*, № 12; ср. в Дух. моск. 1389, № 34: *из двою мой^х жеребьевъ*; в Дух. 1356, № 26: *из дву жеребьевъ*; в Догов. моск. 1389, № 35: *двѣма жеребьи*; в Гр. 1432—1443: *двѣма неводъ монастырьскими* (Собр. Мух., № 38); Новг. рядн. XV в.: *ѿ дву бортеи* (Собр. Мух., № 15); в Ипат. лет.: *двѣма копы*, 199 б; в Краковск. гр. 1394: *двѣма копы*; Гр. XV—XVI вв.: *отъ дву тѣхъ березъ* (А. Калач., II, № 178); также в Новг. ев. XIV в. Публ. Библ. (Фп., I, 190) (См. Л. Васильев); *двѣма стомъ, двѣма сты*; *ващии е хлѣбъ и рыбъ двою*, Ев. 1339, 96а; в двѣ сихъ главизна^х, Домостр. Конш., 67.

Рано, как кажется, исчезла первоначальная форма именительного-винительного двойственного числа среднего рода на *-ь* (*-и*), заменяясь формой на *-а*, возникшею под влиянием склонения мужеского рода. То обстоятельство, что слова мужеского и среднего рода сходствовали в падежах единственного числа и что, кроме того, они сходствовали и в косвенных падежах двойственного (*городу, городома — лѣту, лѣтома*, ср. в женском роде *жену, женама*), повело к замене в именительном-винительном двойственного среднего рода формы на *-ь* (*-и*) формой на *-а*. Так, в Двинских гр. XV в., где, как мы видели, после „два“ в мужеском роде сохраняются формы двойственного числа (а после 3, 4 множественного) находим в среднем роде: *два рѣпища*, № 2 (*не рѣпищи*); *ѿ поля*, № 35; *два перевесища*, № 28. Отсюда заключаем, что *поля, рѣпища, перевесища* — формы не множественного числа, а новообразования со значением двойственного числа. Ср. еще в Новор. сп. Новг. 4-й: *бывъ два лѣта*, вместо: *двѣ лѣтъ*, 667 б; *два солнца помѣркаста*, Сл. о п. Иг., 25; *ваю храбрая сердца... скована, закалена*, ib., 26; *два села*, Дух. Климента XIII в., Молд.

гр. 1431, Молд. гр. 1434. Но в отдельном употреблении древние формы двойственного среднего рода удерживались: *кольни* (фонетически вместо *кольнь*), *плéчи* (с перенесенным под влиянием множественного числа ударением, ср. *на плечí*, Домостр. Конш., 42), *брыль* (ср.: Ёль смердъ блины да засалиль брылы, Послов. XVII в., Симони, 160).

Совершенно ясно, что отмеченные выше нарушения правильного употребления двойственного числа вели неминуемо к полному его исчезновению. С представлением о формах „города“, „женѣ“ после числительных „два“, „двѣ“ соединялось представление о двойственности, но как скоро представление о двойственности исчезало вообще у говорящих, заменяясь представлением о множественности, оно отошло и от сохранявшихся после числительных форм двойственного числа. В сочетаниях *два городá*, *два брата*, *два селá*, *двѣ сестрѣ* с формами *городá*, *братá*, *селá*, *сестрѣ* естественно было бы сочетаться представлению о множественном числе. Но это самое представление вызывало другие формы, а именно *города*, *брати*, *села*, *сестры*; поэтому неминуемо возникала замена древних форм двойственного числа формами множественного. И уже в древнем языке можно указать ряд примеров для такой замены: приступльша два свѣдители, Ев. 1339, 171в; гдѣ были оба коуты, Молд. гр. 1439, № 52; за два рокы, Молд. гр. 1411, № 22; два годы, Дв. гр. 1536, № 9. Ср. в современных великорусских говорах в единичных случаях: двá годы, Онеж. (Прогр. № 41); оба королí, ученикí, Пинеж. (Обл. сл., № 6); обы столы, Арханг. (Кузмищев); весьма часто: два рублí, например, Кадник. (Отв. № 25), Нолин. (Отв. № 68), Шенк. (Отв. № 80), Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); по два рубли, Мещов. (Шахм.); более обычно в белорусских: два сталы, Могил. (Отв. № 4), Слуцк. (Отв. № 5), Игум. (Отв. № 8), Быхов. (Отв. № 9), Речицк. (Отв. № 17), Витеб. (Отв. № 18), а также в украинских: два волí, два столí.— Приведу примеры и для женского рода, хотя возможно, что в некоторых из приведенных случаев является уже не форма именительного множественного, а заменившая ее форма родительного падежа (об этой замене см. ниже): по двѣ коуны, Новоросс. сп. Новг. 4-й XV в., 322а; двѣ головы, íв., 223 б; по две гривны коунъ, Троицк. сп. Новг. 1-й, 716; в рыбы, (вин.), Пантел. ев., íв., 15 б; по обѣ стороны, Дв. гр. XV в., № 122; в рыбы (при—обѣ рыбѣ), Новг. ев. XIV в. (Фп., I, 17). Современное белорус.— дзве хаты.

Но сочетания *два по́па, два городá, два селá* могли продолжать свое существование. „Попа́“, „городá“, „селá“ уже не вызывали представления о двойственном числе, но они не вызывали и представления о множественном (результатом этого была бы замена их формами множественного числа). Потеряв категорию числа, эти формы, естественно, сблизились с тождественными с ними формами родительного единственного: в сочетаниях *два брата, два по́па, два кли́на, два челове́ка* форма, следующая за числительным *два*, была тождественна с формой родительного падежа. Это повело к общей замене формой родительного падежа единственного числа формы двойственного числа, потерявшей свое значение, и там, где форма двойственного числа по звуку не была тождественна с формой родительного падежа. Такая замена, как кажется, имела место вообще во всех говорах русского языка, хотя в некоторых из них, как мы видели, укрепилось употребление множественного числа на месте древних форм двойственного числа. Приведу доказательства и подробнее разовью выставленное только что положение.

В словах с подвижным ударением в общерусском и общеславянском праязыках ударение в формах им.-вин. двойственного числа падало на окончания, ибо окончания *-а* в мужеском роде, *-ь* в женском и среднем имели некогда длительную долготу, перетягивавшую¹ на себя ударение. Поэтому, например, слова *город, нос, сад, год, глаз, волос, род, воз* и т. д. в родительном падеже имели ударение *гóрода, нóса, сáда, гóда, глáза, вóлоса, рóда, вóза*, а в именительном двойственного: *городá, носá, садá, годá, глазá, волосá, родá, возá*. Это доказывается как ссылкой на литовский язык, где соответствующие слова имеют в именительном-винительном двойственного ударение на окончании, например, *ropù, kraštù* (род. *rópo, krásto*), так и теми словами русского языка, которые по самому своему значению являются остатками двойственного числа: *глазá* (род.—*глáза*), *рогá* (род.—*ро́га*), укр. и великорус. *поводá* (род.—*пóвода*), сюда же укр. *два годá*. В настоящее время в русском языке слова с подвижным ударением по общему правилу имеют в сочетании с числительным „два“ то же ударение, что в родительном единственного: *два гóрода, два сада, два гóда, два глáза, два вóлоса, два вóза*. Только в виде исключения сохраняется первоначальное место ударения

¹ В рукописи. притягивавшую. (Ред.)

и притом в особенности в сочетаниях наиболее частых и обычных (в литературном языке: *два разá, два шагá, два рядá*; ср.: *два разá*, Петерб. (Прогр. № 5); *два рядá*, Жиздр. (А. Никольский), Моздок. (М. Караулов); реже диалектически в других случаях, причем возможно, что мы имеем дело с формами множественного числа: *два барских дамá, я ячо учил чадá три, три волосá*, Мосал. (Шахм.). Следовательно, в великорусском языке произошло систематическое передвижение ударения с тех форм двойственного числа, которые отличались от родительного падежа местом ударения. Это подтверждает наше положение о замене форм двойственного числа формами родительного единственного. То же сближение древних форм двойственного числа с родительным единственного замечается в великорусском языке и в женском роде; в сочетаниях *две лiны, две берёзы, две ворóны* (*лiна, берёза, ворóна* — слова с ударением неподвижным) *лiны, берёзы, ворóны* могут быть признаны формами именительного множественного, но из сочетаний, как *две рукi, ногi, сестры, версты, реки* (это слова с ударением подвижным); ясно, что после „две“ стоят формы родительного единственного, ибо во множественном было бы *руки, ноги, вёрсты, реки* и т. д. Правда, можно предположить, что в сочетаниях *две рукi, две версты* и т. д. сохранилось исконное место ударения форм двойственного числа (*двѣ руцѣ, двѣ верстѣ*), но, останавливаясь на вопросе о замене окончания *-ть* окончанием *-ы*, мы можем допустить, что это *ы* заимствовано или из формы именительного множественного, в таком случае, однако, мы ожидали бы другое ударение (*две рúки, две нóги*), или из формы родительного единственного; последнее предположение представляется более вероятным. В украинском, как увидим, известно и *двi рúци, нóзи* (о месте ударения см. ниже), и *двi рукi, ногi*. Это, думаю, подтверждает то, что мы сказали выше: великорус. *две рукi, ногi*, укр. *двi рукi, ногi* не представляют форм множественного числа с ударением, измененным под влиянием двойственного числа (в украинском мы вправе бы ожидать *двi руци, нози*), но содержат формы родительного единственного, заменившие по указанной выше для мужского рода причине формы двойственного числа.

Великорусские говоры доказывают выставленное выше положение еще тем, что диалектически в единичных случаях в них являются после числительного *два* (а под влиянием этого и после *три, четыре*) формы на *-у* от имен мужского рода, т. е. формы,

которые можно понять только как родительный единственного (окончание -у восходит к склонению основ на -й). Ср. в древнем языке: два году, Хожд. Аф. Ник. по сп. XV в., 387а; на два году, Двинск. гр. XV в., № 76; два году, Гр. 1534 (А. Калач., I, 173 и 190), Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9), Гр. 1503 (А. Ю. № 10); два корму, Гр. 1474—1516 (А. Калач., I, № 63); тѣ два стану, Дух. моск. 1462 (С. Г. Гр. и Д., № 87). В современном: два, три году, Новг. (Отв. № 20); три го́ду, Вытег. (Филимонов); с три году, Олон. (Отв. № 29); три го́ду, Остр. (Отв. № 33); три ра́зу, Вытегор. (Филимонов.) Возможно, что в *два дни*, Соликам. (Луканин, Обл. сл., № 137), Великолуцк. (Отв. № 45), Казан. (Будде, в Сборн. в ч. Фортунатова) и др., мы точно так же имеем форму родительного падежа, ср. с *того дни*, Буйск. (Отв. № 18); *тре-тѣво дни*, Орл.-Вят. (Отв. № 63) и др.

Третьим доказательством в пользу вытеснения древних форм двойственного числа формами родительного единственного может служить еще следующее. Мы видели выше, что первоначально сочетания *два города великая, двѣ церкви деревянны* заменялись вследствие утраты двойственного числа у слов, не зависевших непосредственно от числительного *два*, через *два города велиции, двѣ церкви деревянныѣ*. Весьма рано такие сочетания уступили место другим, где прилагательное стоит в родительном множественного; эти сочетания обычны и в современном языке. Ср. в Ипат. лет.: во двѣ же вѣрви чудныхъ, 221а; в Новоросс. сп. Новг. 4-й XV в.: поставиша ѿ церкви деревяныхъ, 457а; ѿ моста дспѣша велики, 475а; в Гр. 1462—1565: да два селища поповскихъ малыхъ (Собр. Мух., № 56). В современном языке литературном: два красивых, два уютных уголка, мальчика, два сосуда полных вина, два больших села, и даже диалектически: две тѣмных комнаты; ср. в белорусском: три горошинки гэтых зъела, Быхов. (Ром., III, 92); дав ёй три красных ягодки зьесь, ib., 1918; выдув два стўлы золотых, Рогач. (ib., 230); и здзелались три прекрасных девушки, ib., 351; жило себе три браты: два разумных, а трецьций дурень, Быхов. (Ром., III, 413); рядом — два чарты стары, ib., 343. Понять такие обороты можно лишь при предположении, что то или другое основание послужило причиной замены формы именительного множественного формой родительного множественного. Если допустим, что *два велиции моста* заменило форму *моста* (именительный двойственного) формой *моста* (роди-

тельный единственный), как указано выше, мы поймем, что такая замена не могла не отразиться и на прилагательном: *велиции* — им. мн. должно было замениться через *великихъ* — род. мн. То обстоятельство, что при словах мужского и среднего рода последовательнее держится определение в родительном множественного, чем при словах женского рода, объясняется тем, что в ряде случаев существительное женского рода после *двъ* совпадает по форме с именительным множественного, почему, может быть, согласовано с прилагательным в именительном падеже множественного числа, между тем как в мужском роде подобное согласование представлялось бы затруднительным, после того как формы существительных после имени числительного потеряли возможность сами по себе означать множественное число. Думаю, что соединение *две больших рукі, две глубоких рекі* представляются нам естественнее, чем сочетания *две темных комнаты*, ибо *рукі, рекі*, в противоположность *комнаты*, не могут означать множественного числа.

Замена форм двойственного числа формами родительного единственного принадлежит преимущественно великорусскому языку. Но, кажется, следы такой замены можно указать и в белорусском и в украинском. Ср., например, Пинск. *два сэла* (Отв. № 4), *не сэла*, а также указанные выше укр. *дві рукі, дві ногі* (Себеж. *два столá* (Отв. № 26), едва ли не под великорусским влиянием, но *дзве рукі, нагі* обычно в белорусском). Но, как указано, в белорусском и украинском более обычно вытеснение форм двойственного числа формами множественного числа. Едва ли не в связи с этим стоит то ударение, которое имеют в украинском сохранившиеся в нем формы двойственного числа женского и среднего рода. Ударение *дві зімі, біді, рúці, нóзі* явилось вместо *зімі, біді, руці, нозі* под влиянием ударения именительного-винительного множественного числа, как известно, исконно оттягивавшего его с конечного слога (ср. великорус. *зімы, беды, руки, ноги*); равным образом *дві дерéві* явилось под влиянием именительного множественного *дерéва* (ср. великорус. *озёра* при *óзеро*). Ср. древнее место ударения в белорус.: *дзвѣ рутцѣ, назѣ*, Игум. (Отв. № 8); *тры сялѣ*, Слуцк. (Отв. № 12); *тры бядзѣ*, Речицк. (Отв. № 17) и т. д. В украинском передвинулось с окончания: ударение и в остатках двойственного числа мужского рода — вместо ожидаемого *рукавá* находим *рука́ва* (под влиянием *рука́, ви*, ср. *рукавы* в Зап. Петра Могилы, изд. в А. Ю. З. Р., т. VII

ч. 1, стр. 86; *рука́вы*, Мосал.; *на рука́вы не хва́титъ*, Жиздр.), вместо ожидаемого *вуса́* — *вúса* (усы). Украинскому и белорусскому чуждо следующее явление, стоящее в связи с исчезновением двойственного числа и свойственное великорусскому. Мы видели выше, что в известное время с формой *города́* в сочетании *два города́* уже не соединялось представление о двойственном числе. Это было причиной систематической замены в украинском и белорусском формы *города́* и т. д. множественным числом (*городи*, *городы*), а в великорусском родительным падежом единственного числа (*два го́рода*). Но замена именительного-винительного *города́* через родительный *го́рода* в великорусском предполагает сложный посредствующий процесс и напряженную борьбу форм. Как мы видели, с *города́* в *два города́* после исчезновения двойственного числа должно было сочетаться прежде всего представление о множественном числе (и это тем более, что рядом с *два города́* неминуемо являлись *три*, *четыре города́*); в украинском и белорусском вызванное этим обстоятельством появление *два города* вытеснило *два города́*; но в великорусском победа оказалась за сочетанием *два города́*, уже потом уступившим место сочетанию *два го́рода*. И вот результатом чередования *два города́* и *два городаы* и следовавшего затем вытеснения *два городаы* явилось представление о форме *города́* как о форме именительного-винительного множественного числа. И подобно как *городаы* вытеснялось через *города́* в сочетаниях с „два“, „три“, „четыре“, оно вытеснено было им и вне подобных сочетаний с числительными; вместо старой формы именительного-винительного множественного *городаы* стали употреблять новую — *города́*. Появление таких форм множественного числа (от существительных мужеского рода с подвижным ударением) принадлежит уже только великорусскому языку. Ввиду этого мы вернемся к ним впоследствии ниже и рассмотрим их там подробнее. Здесь же отметим еще раз, что это обстоятельство доказывает сравнительно позднее исчезновение двойственного числа в русском языке; уже по распадении его на обособленные наречия и после образования великорусской группы наступило то окончательное падение двойственного числа, которое привело к систематическому вытеснению его¹ формами множественного или единственного числа в именах мужеского рода.

Нам необходимо рассмотреть еще несколько явлений, стоящих

¹ В рукописи по описке „их“. (Ред.)

в той или другой связи с падением двойственного числа. Как указано, в пределах счета от 2 до 10 наблюдалось в древнем языке три различные системы согласования числительного с существительным. Это привело к вытеснению некоторых из них, к обобщению других. Нам более близки были те две системы, что наблюдались, с одной стороны, при числительном 2, а с другой— при числительных 3, 4, ибо в обеих них числительное употреблялось как прилагательное. Как мы видели, *три городи, четыре липы* рано могли вызвать употребление множественного числа и после 2: *два городи, две липы* вместо *два городá, двѣ липѣ* (примеры указаны выше). С другой стороны— и это еще до утраты двойственного числа,— *два городá, двѣ липѣ* могло вызвать *три, четыре городá, липѣ*, причем со словами *городá, липѣ* в таких соединениях естественно связывалось представление о множественном числе. В результате в объеме всего русского языка конструкция при 2, 3, 4 оказалась общою: за ними стоят или формы множественного числа, или остатки двойственного числа, претерпевшие соответственные изменения. Ср. множественное число в укр. и белорус.: два, три, чотырі чоловіки, воли, столи; два, тры, чатыре сталы́. Двойственное число после 3, 4 в древнем языке: платити ģ гривнѣ продаже, Русск. Пр. (Р. Д., I, 49); то ģ гривне продаже, ib., 50; д̄ гривне, Дух. Климента XIII в.; по ģ гривнѣ, Новг. 1-я, 148, 162, 208; и быша ģ брата, Ипат., 5б; избърашася трие брата, Ипат., 14; бѣше три брата, Троицк.

сп. Новг. 1-й; собраше ихъ три брата, ib.; бѣхуть бо... три князѣ, Ипат., 232в; по три воробѣи, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 79а. Остатки двойственного числа: современные великорусские: три, чатыре брата, города, хлеба; рукы́, ногы́, сестры́; селá, гнездá; укр.: три, четири рибі́, мýсі, хаті́, кни́жці, селі́, вікні́, гнізді́, відрі́; белорус.: три, чатыря бядзе (Отв. № 5); хаце, рутце, Пинск. (Отв. № 6); тры сяле, Слуцк. (Отв. № 12); тры сяле, бядзе, Речицк. (Отв. № 17); чатыре бядзе, сяле, Минск. (Отв. № 23) и т. д. Под таким же влиянием двойственное число проникает и после *пол*: *поль гр̄вне* (гривнѣ) в Дух. Климента XIII в., *поль гривне* в Русск. Пр. (Р. Д. I, 53), а за дерево *поль гривнѣ*, ib., 50.

Таким образом, при счислении от 2 до 10 две системы согласования: 2—4 согласуются с существительными как прилагательные, между тем 5—10—это существительные и от них зависят существительные в родительном множественного; ср. великорус.—

2, 3, 4 города, но 5, 6, 7, 8, 10 городов. В отдельных русских говорах, частью в единичных случаях, видим вытеснение одной из этих систем другою. Замену первой системы второю находим, например, в обороте *два, три, четыре раз* вместо *два, три, четыре раза* — и это под влиянием *пять, шесть, десять раз*; ср.: *два, три раз*, Кадник. (Отв. № 25); *два раз*, Петергоф. (Отв. № 5); *два, три, четыре раз*, Буинск. (Отв. № 18). Чаше, вероятно, встречается родительный падеж такого рода при антиципации: ср. в Ипат. под 1199 г.: отъ того же боголюбивого Всеволода, иже созда церковь тоу родовъ четыре. Любопытно, что такой оборот обязателен, если в качестве существительного употреблено прилагательное, например в Хожд. Афан. Ник. по сп. XV в. читаем: *Ѣ золоты^х* (Ермол., 391а). Замену второй системы первой наблюдаем несколько чаще, а именно в украинском языке и южных белорусских говорах; при этом менее редка замена родительного множественного после 5—10 остатками двойственного числа, более редка замена именительного множественного числа. Так, в Пинском уезде диалектически не только *два, тры, чотыры чоловика*, но также *пять, дэсять* и т. д. *чоловика* (Отв. № 3). Укр. *сто чоловіка, невольника пів чвѣртакта* и т. п. предполагают наличность и распространенность оборотов, как *шість, дэсять чоловіка*, откуда *чоловіка* переносилось на место род. мн. *чоловік* и дальше. Случай, как *даша ему гѣ града*, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 620б, *гѣ ногате*, Дух. Климента, должны быть рассматриваемы отдельно. В них *града, ногать* согласовано с *три*; они относятся поэтому к указанной выше замене множественного числа через двойственное после „три“, „четыре“. Ср.: по двенадса^т гривны, Тр. сп. Новг. 1-й, 5г; между тем как в *дванадцьсѣтъ моужь*, ів., 53а, так же как в *вѣ моужь*, Гр. 1189—1199 (в сп. 1263), видим уже согласование со второю частью числительного. Именительный множественного вместо родительного множественного видим, например, в мозырских говорах, где под влиянием *два, три, четыре годѣ, волѣ* говорят и 5, 6, 7, 8, 9, 10 *годѣ, возы, рублѣ, чаловіѣки, мешкѣ*, также в женском роде *хаты*, равным образом *11, 12 возѣ, корѣвы* (Отв. № 10).

Ряд дополнений к сказанному здесь о падении двойственного числа и его последствиях сделаю ниже, в отделах, посвященных отдельным диалектам. Там же укажу на перенос окончаний двойственного числа (например, *-ма*) во множественное число.

УТРАТА РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НЕКОТОРЫМИ ПАДЕЖАМИ

1. ЗАМЕНА РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ВИНИТЕЛЬНОГО
В ИМЕНАХ ОДУШЕВЛЕННЫХ

Как мы видели, употребление родительного падежа вместо винительного в словах мужского рода восходит еще к общеславянской эпохе: причину его видим за всеми предшествующими исследователями в совпадении в одной форме именительного и винительного падежей мужского рода, после того как оба первоначальные окончания *-os* и *-ot* перешли одинаково в *-ъ*. В языке явилось стремление яснее отличить форму объекта (дополнения) от формы субъекта (подлежащего), а так как особенное затруднение представляли фразы, где и субъект, и объект составляли имена одушевленные (например, *отць любить сынъ, аче мужь убиеть мужь*), то различие объекта от субъекта началось именно в таких именах и уже в общеславянском винительный падеж имен мужского рода одушевленных стал заменяться родительным (*отць любить сына*). Указанная замена в общеславянском праязыке ограничилась, по-видимому, категорией имен одушевленных мужского рода. Впрочем, она, естественно, распространилась на вопросительное местоимение личное *къто*; здесь уже в общеславянском вместо винительного **къ* употреблялась форма родительного *копо*. Равным образом и личные местоимения получают возможность употреблять родительный вместо винительного: *мене, тебе, себе* стали обозначать и винительный падеж, хотя окончательное вытеснение не было необходимо, ибо форма винительного падежа отличалась от формы именительного. Однако старые формы винительного падежа, тождественные с именительным, продолжали сохраняться в общеславянском праязыке в именах мужского рода одушевленных. И в древнерусском, как можно убедиться из приведенных при образцах склонения примеров, еще держались старые формы, в особенности при некоторых благоприятных условиях. А такими условиями были, как нами уже отчасти было отмечено: 1) соединение с притяжательным местоимением *свои*: посла ^хвтрокъ свои, Лавр.; чему вси слѣпилъ братъ свои, *ib.*; тивоунъ свои держати, Новгор. дог. 1265, № 1; посади посадникъ свои, Ипат., 30а, и т. д.; 2) употребление в виде приложения к другому существительному, имеющему уже новое

окончание: сына же своего Ярославъ посади Туровъ, Лавр., 298; хотя возможно, что такой случай — результат ошибки переписчика, прочитавшего написание „Яросла^в“ как „Ярославъ“ вместо „Ярослава“; даль жо еси приставъ своего члѣв^ка Прокопию, Рижск. гр. ок. 1300; убиша Прусі Овъстрата и сынъ его Луготу, Новг. 1-я, Син., 81а; 3) употребление при приложении, уже принявшем форму родительного падежа вместо винительного: послалъ посоль свои Вячеслава, Ипат., 264а; 4) употребление при стоящем рядом дополнении, принявшем форму родительного вместо винительного: слати ѡсетръникъ и медовара, Гр. 1265, № 1, хотя в данном примере возможно предположить, что „ѡсетръникъ“ — именительный падеж единственного числа при инфинитивной форме; а оже оубьють Новгородца посла за моремъ или нѣмецкыи посоль Новгородъ, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); также при другом дополнении вообще: оже оубьють таль или попъ Новгородскою или нѣмецкою, *ib.*; 5) в некоторых определенных выражениях после предлогов: а поиде за мужъ, въсьде на конь; 6) отчасти и при других условиях, например: поемъши дѣтскыи оу соудье, Гр. ок. 1240. Но уже в древнем языке во всех указанных выше случаях встречается и родительный падеж вместо винительного: аже разгнѣваются князѣ (вместо *князь*) на своего члѣв^ка, Гр. 1229 (А); а за Волокъ ти слати своего мужа, Новг. дог. 1308, № 6, и т. д. С течением времени старая форма винительного падежа единственного числа в именах мужского рода вытеснена была окончательно. В современном языке она совсем не известна, сохраняясь лишь в нескольких наречных выражениях, как укр. — за між, угро-рус. — про милий біг (Верхр., II), русск. — за муж, про семью и про гость, Домостр. Конш., 50.

Быть может, та же причина вытеснила почти окончательно из личных местоимений древние формы винительного падежа *мя, тя* формами родительного падежа *мене, тебе* (*меня, тебя*). Старые формы, как видно из приведенных выше при парадигмах примеров, сохраняются лишь диалектически, причем такому сохранению способствовало то обстоятельство, что они получили также функцию родительного падежа; ср. в примерах случаи, как *у тя, до тя*. Форма винительного падежа местоимения личного 3-го лица *-и* (из *-ь*) держалась в древнем языке, не заменяясь вообще формой родительного падежа, вероятно, потому, что в именительном падеже употреблялась другая, не тождественная форма (*онѣ*). Но с течением времени форма винительного *и*, когда относилась к

одушевленным именам, вытеснялась через форму род. *jeho*. Ср., например, в Пов. вр. л. по Лавр. сп.: *ѡрѣваите его ѡ берега,* ^сцѣловавъ юго, наказавъ юго и наоучивъ, блгви и ѡпусти юго, емъ юго с слугами своими. Вытеснение *и* через *юго* в подобных случаях вело и к дальнейшему вытеснению *и* (там, где оно относилось к предметам неодушевленным); ср. в Лавр.: блюда со *ѡпа-сенъемъ юго* (т. е. монастырь). Древняя форма винительного падежа сохранилась, кажется, только в соединении с предлогом *на* у лемков: *на ни, за ни не піду* (Верхр.) вместо *на нь, за нь*, под влиянием *и*. С течением времени форма *его* стала вытеснять и винительный среднего рода *e*, теперь также исчезнувшее в русском языке; укажу пример *его* вместо *e* из XV в.: а где *ѡруд(ь)е почнет(ъ) ту его и кончат(и)*, Новг. дог. 1426—1461, № 18. Рано стала исчезать из языка и форма винительного падежа женского рода *ю*; ее заменила форма родительного падежа *ее*. Таким образом, в этом случае в женский род передалось явление, зародившееся в мужеском роде; при этом, как и в местоимении мужеского рода, форма родительного падежа вытеснила форму винительного не только там, где местоимение относилось к лицу, но и к предмету. Примеры: *за нее*, Ипат., 236в; *ее*, Гр. 1462—1505 (Г. Др., I, р. IV, № 9), Хожд. Афан. Ник., 382а; *зложил(ъ) г(осподи)не ее* (т. е. пожню), Гр. 1462—1505 (С. М., № 52); *и мы ее раздѣлили* (т. е. пожню), Дв. гр. XV в., № 133; *а вы въкупите ее* (т. е. пожню) *с(вя)т(о)му Николи*, Дв. гр. XV в., № 7; *пошлетъ ее*, Виленск. сп. Лит. лет.; *ее положили*, Крас. сп. Лит. лет.; а Кирило *еѣ* и в *рыло*, Послов. XVII в. (Симони, 76). Древнее *ю*, как мы видели при парадигмах, сохранилось лишь в немногих говорах: Каргоп. (Колосов), Холмог. (Отв. № 50), Петроз. (Отв. № 34)¹, ср. укр. — *ю, ню*; лемк. — *ю*. Ниже мы увидим, что в великорусских говорах *ее* вместо *ю* вызвало и *тое, самое, одное, сее* вместо *ту, саму, одну, ею*.

Кроме того, в именах существительных мужеского рода был еще один путь для проникновения родительного падежа на место винительного. Это именно могло иметь место уже в древнем языке в случае индивидуализации того или другого отвлеченного или собирательного понятия. Для первого случая приведу пример:

¹ Известны свидетельства о сохранении этой формы также в отдельных пунктах Новгородской группы северновеликорусского наречия. (Ред.)

потвердихомъ мира стараго, Гр. 1189--1199 (в копии 1263). Здесь отвлеченное *мир*, индивидуализируясь и применяясь к определенному мирному договору, получило в винительном падеже *мира* вместо *мир*. Для второго случая укажу на обычное для всех русских говоров (великорус., белорус., укр.) употребление родительного падежа вместо винительного в названиях отдельных растений: *гриб*, *груздь*, *тополь*, *дуб* и т. д. означают прежде всего родовое понятие; если же из родового понятия выделяются отдельные особи, то *гриб*, *груздь*, *тополь*, *дуб*, индивидуализируясь, могут получать в винительном падеже форму родительного. Приведу примеры. Великорус.: я съел гриба, Котельн. (Отв. № 35), Олон. (Отв. № 29), Петроз. (Отв. № 30), Галич. (Отв. № 55), Белоз. (Отв. № 162), Кинеш. (Отв. № 65); я нашол боровика, масляна, березовика и др., Петроз. (Отв. № 30); посадил тополя, Кирилл. (Отв. № 186); я сорвал огурца, Камышл. (Отв. № 89); белорус.: знайшоў гриба, Могил. (Отв. № 4), Слуцк. (Отв. № 5), Дисн. (Отв. № 6); видзев баравина, Новоалекс. (Отв. № 16); сцев дуба, Пинск. (Отв. № 4); сцяў дуба, Слуцк. (Отв. № 5), Могил. (Отв. № 4); зрубаў граба, Пруж. (Отв. № 9); укр.: найшла осокора, найшов гриба и т. д. Дальнейшее обобщение такого словоупотребления принадлежит уже отдельным говорам и свойственно особенно украинским. Отмечу *-а* в винительном в собирательных: ети господа и солому стелют под скота, Послов. XVIII в. (Симони, 208).

В оборотах, подобных следующему: роди Всеволода великог(о) гнѣзда, Тр. сп. Новг. 1-й, 74а,—родительный падеж *великого гнезда* вместо винительного *великое гнездо* вызван формой предшествующего имени (Ср.: Нашего мешка обманули, Ломоносов, Грамм., № 187; *мешок* как означение мешковатого человека).

Замена форм винительного двойственного и винительного множественного формами родительного двойственного и родительного множественного в именах одушевленных. Вытеснение винительного единственного родительным в именах одушевленных мужеского рода имело последствием, по-видимому, еще в общеславянском праязыке сходное явление во множественном числе в категории некоторых имен. Так, появление в винительном *брата* вместо *братъ* вызвало *мене*, *тебе* вместо *мѧ*, *тѧ* в винительном, а это дальше *насъ*, *васъ* вместо *ны*, *вы*. В древнейшую эпоху жизни русского языка видим, что вытеснение винительного падежа родительным в единственном числе не отражалось на таком же

явлении во множественном числе имен; ср. обороты, как: за своего с(ы)на за князя за Ивана и за свои дѣти, Догов. 1405, № 38 (впрочем, *дѣти* — основа не мужского рода); изъгнаша Варяги за море, Лавр.; про послы про коупче Новѣгородскыю, Новг. гр. 1270, № 3; на волостели, Дух. моск. 1389, № 34; то ты княжо тые коне сбизрель и улюбиль еси одного коня, Рижск. ок. 1300; оставили есмо и дети и его намѣсткы и его шаткы, Крак. гр. 1388; изъимаша намѣстникы Михайловы, Новг. 1-я, 158а; посла намѣстникы свои, *ib.*, 160а; на люди гладя, Домостр. Конш., 26; про гости, *ib.*, 48; аже бчелы выдереть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 50) и т. д. Ср. в современном великорусском языке винительный множественного после предлогов, например, в предложениях, как: идти в гости, произвести в полковники, голал в рекруты, посвятить в монахи; оборот: сходить на родители, Каляз. (А. Кузнецов, Арх. II Отд.), объясняется тем, что „родители“ означает здесь „кладбище“; в говорах находим: надо продать утки, Саратов.; ловить, варить, исть раки, Дон. (Калмыков). Более последовательно держался винительный множественного в Соликамском говоре, где отмечено: послал два человека, нанял четыре бабы, продал две лошади, купили три коровы (Словцов, Арх. II Отд.). Гораздо консервативнее языки украинский и белорусский, где находим не только *на люди, в монахи, в рекруты*, но также, например, *я бачу воли, вівци, діти, ворогі*. В старом белорусском языке, например в Западнорус. пс. XVI в., как отмечено Карским (стр. 215 его исследования), винительный множественного сходен вообще с именительным и лишь редко с родительным: поднесоу тобѣ волы, козлы, попалил(ѣ) грешникы, на неприятели мои; в пс. XVII в.: *уфировали сыны и дочки свои бѣсом(ѣ), поразил(ѣ) египтяны, вседали на кони, выгнал(ѣ) поганы* и т. д. То же в Литовских летописях: *збирати вои свои, а иные жены и дѣти тыкаху на колье*, и т. д., Крас. сп. В современном белорусском: *пыра прыгэць кони, пасвиць валы, даиць каровы*, Могил. (Отв. № 4); *ганяя блохи, заганяя парасята*, Игум. (Отв. № 8); *гани валы*, Новоалекс. (Отв. № 11); *хвалю наши жанце*, Витеб. (Отв. № 18); *хвалю наши жанке*, Нсвогр. (Отв. № 25); *пора похвалици дзеўки, побачици женцэ*, Пруж. (Отв. № 9): *raspracl'ěje rabót'n'iki, pastáv'ić dva syné, adahnáć zlaz'ěji, uhl'ezéć svaie braté* (Клих), ср. еще обороты, как *u sváty, u hósći*.

Но рядом с этим и в белорусском, и в украинском, в особенности же в великорусском, решительно преобладают случаи за-

мены винительного множественного родительным, что и побуждает отнести такое явление к древней эпохе. Совершенно ясно, что оборот *за моего сына* вызывал *за моихъ сыновъ* вместо *за мои сыны*, а *за моихъ сыновъ* вызывало и *за моихъ стѣтий, дочерий* и т. д. На раннее появление этой замены находим указания и в памятниках. Например: а лѣтъ ѡздити на ѡзвядъ звѣрии гонитъ, Новг. гр. до 1308, № 6; знають своего истѣца или дѣтѣи ѡго, Новг. гр. 1371, № 8; а велѣлѣ миръ имати на семь аже брат(ь)ю нашу попущати без окупа, новгородскихъ боиръ и новоторьскихъ боиръ, житѣихъ людѣи и чорныхъ людѣи и сирот(ъ) Новгородской волости, Новг. гр. 1372, № 13; суд(ити) порубежныхъ(ъ) люд(ей) и татей и розбойниковъ, Новг. гр. 1426—1461, № 18; одариша князь Роусьскыхъ, Новг. 1-я, 97а; и изъгониша Рушанъ съ конь, *ib.*, 95б; побѣди Вятчъ, Ипат., 26а; м(а)т(е)рѣ твою и дѣтѣи твоихъ, *ib.*, 26г; бл(аго)с(ло)ваю дѣтѣи своихъ(ъ), Дух. моск. 1389, № 35; в мн.—людии, Догов. моск. 1362, № 27; и б(ог)а за нихъ(ъ) молят(ь), Гр. 1425—1462 (С. М., № 37); градѣ ихъ разъбиша а самѣхъ расточиша по странамъ(ъ), Ипат., 34б; тѣхъ послѣ (вместо *послѣ*) вѣсти, Гр. 1229 (А); младенци рыдаху зраше м(а)т(е)ри

своихъ, Ипат., 194г. Любопытно: блгви дѣти своихъ псковиць, Новг. 1-я, 169а (вместо *дѣтѣи*); і избиша Новгородци нѣмецъ і корѣлоу перевѣтниковъ, Новг. 1-я, 158а; робать (вин. мн.), Домостр. Конш., 20; какъ дѣти и слѣжокъ оучать, *ib.*, 32; то надъ нихъ не ходать иѣрѣи, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 96); оже погребоуть ихъ (т. е. кости мертвыхъ), Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 37); и за инѣхъ (т. е. коней) по двѣ гривнѣ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 37); а на инѣхъ не складывати, *ib.*, 41; то которѣи дѣчкѣи ихъ делить, *ib.*, 46; выгнал(ъ) погановъ(ъ), розжени языковъ(ъ), преступцеи закону ненавидель есми, Западнорус. пс. XVI в. (Карский). В современном великорусском: я люблю братьев и сестер, он продал своих лошадей и коров, он нанял мастеров, он забыл своих родных, он бросил родителей, жену и детей; в укр.: я бачу людей, чоловіків, дітей, ворогів; в белорус.: кушій тых волю, Мозыр. (Отв. № 10); забачыў тых людей, *ib.*

Для двойственного числа укажу: снѣде кудеснику (вместо ожидаемого — кудесника), Ипат., 66б; сею снемше, *ib.*, 92а; ѡюже прокленше, *ib.*, 43б. Ср. др. польск. вин. *obu kazimierzu, dwu rasnoŃki* и т. п. Любопытны в позднейшем языке обороты,

как дву бояринов(ъ), Догов. 1434, № 53; выгрьбоша двоу кн(я)-зеи, Ермол., 300б; постава обою старьцевъ, Гр. 1425—1462 (С. М., № 31).

2. СОВПАДЕНИЕ ФОРМ ИМЕНИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО И ВИНИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО В СКЛОНЕНИИ ИМЕН МУЖЕСКОГО РОДА

Падежи именительный и винительный множественного имели одну общую форму и в женском, и в среднем роде: *сестры, села* (общеславянское и общерусское). Одну общую форму имели в мужеском роде падежи именительный и винительный единственного числа: *мостъ, домъ*. Оба эти обстоятельства повлияли на то, что падежи именительный и винительный множественного мужеского рода совпали в одной общей форме. Что на такое совпадение могло оказать влияние первое из указанных обстоятельств, видно из совпадения в одной форме именительного-винительного множественного прилагательных и местоимений всех трех родов. О таком совпадении скажу ниже. Ясно, что именительный-винительный падежи мужеского рода вошли в ближайшую ассоциативную связь с именительным-винительным падежами женского и среднего рода. Указание на то, что и второе обстоятельство могло оказать активное влияние на отмеченное совпадение, видно из того, что в некоторых одушевленных именах, где в единственном числе различались именительный-винительный (последний заменялся родительным падежом), перевес при совпадении форм именительного и винительного множественного получила форма именительного множественного, между тем как в неодушевленных по общему правилу перевес принадлежал форме винительного множественного. Отсюда следует, как кажется, что древняя форма именительного падежа множественного числа в именах одушевленных дольше сохранялась, отличаясь от формы винительного падежа, чем в именах неодушевленных. Различие *поп — попа* (им.-вин. ед. ч.) поддерживало дольше различие *попи — попы* (им.-вин. мн.), между тем *мост — мост* (им.-вин. ед.) вело, естественно, к *мосты — мосты* вместо *мости — мосты* (им.-вин. мн.). Впрочем, необходимо принять во внимание еще и то, что одушевленные имена в винительном множественного рано получили в русском языке окончание родительного множественного: *попи — попы* рано перешло в *попи — попов*. Одушевленные имена мужеского рода, уже выделившиеся в особую грамматическую категорию, благодаря различию от не-

одушевленных в форме винительного единственного обособились еще более вследствие возникшего между ними и неодушевленными различия в форме именительного множественного. Ввиду этого рассматриваемое нами явление — совпадение в одной форме именительного и винительного падежей множественного числа — мы изучим в двух отделах: в первом отделе (а) остановимся на вытеснении формы именительного множественного формой винительного множественного; во втором отделе (б) перейдем к вытеснению формы винительного множественного формой именительного множественного.

а) Вытеснение формы именительного множественного мужеского рода формой винительного множественного

Такое вытеснение, согласно предыдущему, началось в именах неодушевленных; но оно быстро передалось и в одушевленные имена. Поэтому в приводимых ниже примерах не отличаю одушевленных имен от неодушевленных. Располагаю их по частям речи и по основам. Существительные со старой основой на *ѣ* и *ѣ*: а церквии съгорѣ 15, а у камяныхъ върхы огорѣша и притворы, Новг. 1-я под 1217; се приѣхаша послы, Новг. гр. 1270, № 3; вси талшикы, Новг. гр. 1314, № 12; а се послушны, Двинск. гр. XV в., № 27, 33, 123 и др.; и си сквернии изыкы, Лавр.; рускыя плѣкы отступиша, Сл. о п. Иг., 13; и ѡступиша полкы Рускыи, Ипат., 100а; рѣша еп(и)с(ко)пы и старци, ib., 47г; и ркоша философы, ib., 10г; ношаху слы, ib., 19а; възвѣяша вѣтры, Новг. ев. XIV в. (Fn., I, 17); городы, Молд. гр. 1433, № 33; многи кумы доводятъ до сумы, Послов. XVII в. (Симони, 120); и т. д. Примеры из современного языка: поясы, Жиздр. (Шахм.); гробы, Кинеш. (Отв. № 250); пруты, Мещов. (Чернышев); погребы, Остр. (Отв. № 33); лясы, Обоян. (Резанов); лугы, Брянск. (Отв. № 259); сваты, Петроз. (Шахм.); сады, плоды и др. Эти формы представляют не только окончание, но и ударение вин. мн. числа, между тем: го́ды, во́лосы, по́гребы, Олон. (Отв. № 29), по́ясы, ib.; гла́зы, Гдов. (Отв. № 11); ро́ги, Петроз. (Отв. № 12); сва́ты, Нолинск. (Отв. № 51), — при окончании вин. мн. представляют старое ударение им. мн.; отмечу еще: сосе́ды, Дон. (Калмыков); белорус.: гарады́, дамы́, Слуцк. (Отв. № 5); сваты́, кумы́, Новоалекс. (Отв. № 11); чарты́, суседы́, Новоалекс. (Отв. № 14); роги́ и ро́ги, Быхов. (Ром., III, 191); укр.: боби́, голоси́, пояси́, суди́, листи́ и т. д.

Существительные со старой основой на *-jō*: в них же людье на конихъ одени въ бръне и коне (чит.— конѣ) ихъ, Новг. 1-я под 1204, 69а; инии же корабли ихъ, *ib.*; а сторожѣ изъимани, Лавр.; закладнѣ твои, Новг. гр. 1371, № 8. В современном языке: белорус.— жанцэ, касцэ, Минск. (Отв. № 23); жанцэ, Витебск. (Отв. № 18); ковалэ, Гродн. (Отв. № 19); коніэ, купцыэ, Новогр. (Отв. № 29); ключіэ, обручіэ Пруж. (Отв. № 9); укр.: ножі, мечі, женці, мерці, господарі, товарищі.

Существительные со старой основой на *-ī*: люди рекуть, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54); люди избиты, Лавр., 441; ядыху люди сосновую кору, Новг. 1-я Син., 81б; а што поімани люди моі, Новг. дог. 1368—1371, № 16; чернѣи люди, Догов. моск. 1362, № 27; тие люди, Полоцк. гр. 1265 (Р. Л. А.); голуби, Лавр.; къмети, Сл. о п. Иг., 8; пути имь вѣдоми, *ib.*, 8; звѣри кровь полизаша, *ib.*, 34; а люді вылѣзоуть, Русск. Пр. (Р. Д., I, 42). Современ.: зяті, Грайвор. (Отв. № 279) с ударением вин. мн.

Существительные со старой основой на согласную: козары, Тр. сп. Новг. 1-й, 14а; придоша Болъгары, Лавр.; Полочаны, Лавр., 290; егѣптаны, Тр. сп. Новг. 1-й, 3б; горожаны, Ипат., 265а. В современном языке: великорус.— кресьяны, Покров. (Отв. № 244); хресјаны, бары, Самар. (Отв. № 40); крестьяны, Грязов. (Отв. № 36); кузараны, Петроз. (Шахм.); хрестьяны, напогощаны, поезжаны, Петроз. (Рыбников); укр.— болгары, татары.

В именном склонении прилагательных и причастий: скоры суть, Ипат., 50а; казимы есмы, *ib.*, 82в; помыслы ихъ суетны, *ib.*, 35г; мы есмы приставлены, *ib.*, 236б; врази побежены быша, Ипат., 97б; бѣхом(ъ) порабощены, Син. сборн. XV в., № 53/255; бояре Дарьевы, Син. сборн. XV в., № 154; Самсоновы дѣтъ, Дв. гр. XV в., № 11; тѣмъ юсма юму не виноваты, *ib.*, № 66; быша ѡбидимы, Лавр.; суть бо Грѣци льстивы, Тр. сп. Новг. 1-й, 17г; Илашевы сынове, Молд. гр. 1443, № 55; да се мы готовы, Ипат., 92а. Другие примеры в главе „Именное склонение прилагательных“.

Местоимения. В личном местоимении 1-го лица, очевидно, под влиянием общей замены именительного через винительный: *ны* вместо *мы*, Гдов. (Отв. № 11). В притяжательных: мое людье, Ипат., 292б; великорус.— мое, твое, свое (вместо *моѡ* и т. д.), Покров. (Отв. № 10), Буинск. (Отв. № 18), Шуйск. (Отв. № 19), Алатыр. (Отв. № 32), Костр. (Отв. № 44), Яранск. (Отв. № 101); белорус.— мае, твае, свае, Могил. (Отв. № 4), Дисн. (Отв. № 6), Витебск. (Отв. № 18), Пинск. (Отв. № 1); укр.— мої, твої (из

моль, твою). В других местоимениях: самы са содомско съмѣ-
 шаются, Палея 1494 (Каринский); самы, Повен. (Шахм.), Холмог.
 (Отв. № 50), Холмск. (Отв. № 54), Петроз. (Отв. № 30); всѣ
 пошлинники, Гр. 1447—1453 (А. Калач., I, № 31), Гр. 1490
 (А. Калач., I, № 52); всѣ, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62);
 современ. русск. — все; белорус. — ўсе; укр. — всі; эты, Новг. (Отв.
 № 20); еты, Петроз. (Отв. № 30), Брянск. (Отв. № 259); эты,
 Верхотур. (Отв. № 51); ты, Шенк. (Отв. № 235).

Прилагательные в членном их склонении: собращаса лучышиє
 мужи, Лавр.; первые, *iv.*; безбожныѣ же снове измаилови, *iv.*;
 русскыѣ князи, *iv.*; русскиѣ сторожеве, *iv.*; ратныѣ воеводы и
 дѣти боирыскиѣ и всакіѣ ездоки, Гр. 1472 (С. М., № 54); мана-
 стырские люди, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46). Современ.: чор-
 ные грибы, Дмитр.-Моск. (В. Черныш.); злыѣ люди, сильныѣ
 ветры, Великоуст. (Отв. № 199), с нефонетической заменой ко-
 нечного *je (ъ)* через *jo*; укр. — добриї, сильниї. Что до окончания
-ии вместо ожидаемого *-ыль*, то оно заимствует конечное *и* из
 другого окончания именительного множественного *-ии*; таким об-
 разом, *-ии* — это комбинация двух окончаний — вин. мн. и им. мн.
 мужеского рода: люди ратныи, Виленск. сп. Лит. лет.; князи
 и бояре Литовьскыи, *iv.*; ать и друггыи (им. мн.), Вопр. Кир.
 1282 (Р. И. Б., VI, 36); в юные дни, *iv.*, 30; подперъ горы Угор-
 скыи, Сл. о п. Иг., 30; подъ тыи мечи харалужныи, *iv.*, 32;
 храбрыи князи (им. мн.), *iv.*, 32; златыи шеломы и сулицы Ляц-
 кии, *iv.*, 32; заднѣпрьскыи князи, Ипат., 290а; новыи людие, Тр.
 сп. Новг. 1-й, 56б; володимерьскыи пискоупѣ, Ипат., 245б; вое-
 воды ладьскыи, *iv.*, 307б, и др. Контаминация *добрии* и *добрыль*
 давала *добрыль*: и вы люди добрыѣ, Гр. Новг. 1418—1420 (Собол.
 и Пташ., Отв. № 41).

В числительном точно так же исчезла форма им. мн. *триє*;
 вместо нее форма вин. мн. *три*.

б) Вытеснение формы винительного множественного формой именительного множественного

Как указано, старые окончания формы им. мн. мужеского рода
 (*-и, -е, -ове, -ые*) в именах одушевленных держались дольше, чем
 в неодушевленных, где они уступили окончаниям винительного
 множественного. Это зависело, как мы видели, главным образом
 от того, что винительный множественного таких имен не сохранял

своей старой формы, а заменялся формой родительного множественного. Вследствие этого в этих именах винительный падеж множественного числа в своей старой форме, не вытесненной формой родительного множественного, подвергся влиянию формы именительного множественного, вытеснялся ею по той именно причине, что в других именах (неодушевленных и одушевленных) винительный и именительный множественного совпали в одной форме. В древнем и частью современном языке имеются поэтому формы именительного множественного в значении винительного. Приведу примеры для имен одушевленных и для относящихся к ним определений (прилагательных и местоимений).

Основы на старое -*ѡ*: въ холопи, Гр. 1541 (А. Ю., № 21), Дух. моск. 1452 (С. Г. Гр. и Д., № 82); на холопы и на конюси свое, Новг. 1-я, 976; а Новгородце съзва... вси мужи и гостьбници, *ib.*, 83а; изоима даньници, Ипат., 87в; сквозе Печенези, Тр. сп. Новг. 1-й, 14г; видѣхъ и звѣри и гади, Апост. 1307; пред(ъ) наши намѣстници, Догов. 1368 (XV в.), № 28; да призовоуть знаѣмъи соуѣди, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 89); притопта хлѣми и яругы, Сл. о п. Иг., 21; гради подѣлиша, *ib.*, 32. Современ.: в холопи, Моск.; в суседи, Мышк. (Отв. № 76). Основы на -*ї*: людие пойма, Ипат., 278а; оустанови людѣю, *ib.*, 1776. Основы на -*й*: почне пословѣ свои слати, Новг. гр. 1372, № 13; пойдоща в Лахове, Ипат., 288а; послаша послове, Лет. Авр. Именное склонение прилагательных: един(ъ) левъ мнози елени побѣждает(ъ), Син. сборн. XV в., № 154 (Каринский); обрѣташе звѣри мнози, *ib.* Основы на согласные: изнарядивъ свое дворяне, Новг. 1-я, 896; и изма дворянѣ Свято-славли, *ib.*, 75а; на Българе, *ib.*, 45а; созва бояре и сановники, Лавр.; инѣи бояре многы, Ипат., 261б; созва Княие вси, *ib.*, 119а; Кианѣ исѣклъ, *ib.*, 87в; свои бояре (вин. мн.), Догов. моск. 1388, № 33; за вса хртїане, Домостр. Конш., 11. Местоимения: свои (вин. мн.), Гр. 1434—1447 (А. Калач., I, № 31); мои недругы, Новг. гр. 1314, № 12; послаша мужѣ свои, Лавр.; вси городы, Увар. сп. Лит. лет. Членное склонение прилагательных: князи изъимахом(ъ) лѣпшии, Лавр.; позва... и вячшии мужи по сынѣ, Новг. 1-я, 61а.

В редких случаях такое окончание им.-вин. мн. передавалось и в неодушевленные имена, причем, быть может, отчасти и здесь обнаруживается индивидуализация таких имен. Так, названия карт

индивидуализируются вообще: ср. *убил туза*; поэтому находим: *вини, крести, буби*, Петроз. (Шахм.). Неясно белорус. *гони*; ср. *патери гонь* (вместо *гони*), Дв. гр. XV в., № 28. Появление в укр. галицк. *столове, хлібове* (*mensas, panes*, Огоновский), быть может, стоит в связи с появлением там же винительного единственного с окончанием, свойственным именам одушевленным, как *столá, хлеба*. В древнем языке имеем *нача полци ставити*, Ипат., 496б; *вин. мн.—судове* в Псковск. судн. гр. Отмечу еще в *вин. мн. колоколы пр(и)сно движима*, Син. сборн., № 154 (Каринский). Что до *льни*, Повен. (Шахм.), *ильни*, Мосал. (Шахм.) *льни*, Мышк. (Отв. № 76), то здесь, быть может, имеем результат фонетического процесса, а именно ассимиляции *и* к предшествующему *л* палатальному, ср. диалект. *льдю* вместо *льду*. Не держалось ли *-и* дольше в *pluralia tantum*. Ср. ударение *вóлосы, глáзы, зúбы*.

В тесной связи с рассмотренными явлениями, а именно вытеснением окончаний именительного множественного окончаниями винительного множественного в словах мужского рода неодушевленных и, напротив, вытеснением окончаний винительного множественного окончаниями именительного множественного в словах мужского рода одушевленных, стоит то обстоятельство, что старые окончания именительного множественного держались в древнем языке, держатся до сих пор в современном, преимущественно в словах одушевленных или в относящихся к ним определениях (в форме местоимений или прилагательных), между тем как в словах неодушевленных такие окончания вытеснены окончаниями винительного множественного.

Приведу ряд примеров. Окончание *-и*: *холопи*, Ипат., 193в; *конюси Миндовгови*, *ib.*, 286г; *волхви*, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 55б; *дѣди*, Новг. 1-я, 79б; *попѣ* (т. е. — *попи*), Двинск. гр. XV в., № 54; *послуси*, *ib.*, № 17, 25, 28, 34; *д̄ паробци*, Ипат., 286г; *тивуни*, Гр. 1425—1428 (А. Калач., I, № 34); *игумени, попи, дьякони*, Гр. 1468 (А. А. Э., I, № 85); *намѣстници*, Гр. 1391—1425 (А. Калач., I, № 31); *бобровьници*, Гр. 1423 (А. Калач., I, № 41); *данници, ямьщици*, Гр. 1361—1365 (А. А. Э., I, № 5); *десятинници*, Гр. 1462 (А. А. Э., I, № 71); *сли*, Ипат., 21б; *дьякони*, *ib.*, 67б; *даньници и ямьщики*, Переясл. гр. после 1356; *баскаци*, Догов. 1381, № 32; *деяци, бортници, свидци*, Галицк. гр. 1371; *свѣдци*, Краковск. гр. 1394; *бискупци*, Галицк. гр. 1404; *намѣстци*, Галицк. гр. 1424; *передци*, Молд. гр. 1448, № 58; *намѣстьници*

мои, тивуни, Гр. 1447 (С. М., № 40); слбри, Отв. запись Вастеч. земли близ р. Псковы (Срезн., Древн. пам., 300); аггели, Послов. XVII в. (Симони, 74); бѣси, *ib.*, 79; черти, *ib.*, 82, апли обличаютъ, Послов. XVIII в. (Симони, 173); бѣси плачють, *ib.*, 174. Современ. моск.— черти, соседи, холопи, нехристи; суседи, Мышк. (Отв. № 78), Новосил. (Отв. № 77); белорус.— черци, Быхов. (Ром., III, 342); *czercsi*, Волков. (Fedegowski, I, 40); укр.— короли (при *корол*) (у Осадцы); птаси, вовци, карпаторус. (Огоновский); пастуси, птаси, волци, вояци, угрорус. (Верхр., II); рыбацци, друзи, дуси, парібци, урядници, лемк. (Верхр.). Это же окончание видим в именах прилагательных, употребленных в качестве сказуемого, если оно относится к лицам: мы ради дамы, Ипат., 292б; ради быхомъ, Новг. 1-я, 46а; баху мужи мудри и смыслени, Лавр.; князи правдиви бѣвають, аще ли и зли и лукави бѣвають, Лавр.; ради даемъ, *ib.*; быша пьни, Ермол., 59. В современном языке: сыти, ради, виновати, Дон. (Калмыков); млади, ради, сыти, голодни, глуховати, виновати, Мещов. (В. Черныш.); пьяни, Егорьев. (В. Черныш.); вы и будете перед богом прави, Мещов. (В. Черныш.); пьяни, довольни, молоди, сыти, богати, голодни, виновати, ради, Скоп. (Будде); мы сыти, богати, Мышк. (Отв. № 78), согласни али нет, Жиздр. (Добровол., Арх. II Отд.). То же окончание сохраняется в местоимениях, как *они*, *сами*, относящихся преимущественно к лицам; ср. *сами* в Дв. гр. XV в., № 99 (*сами* отмечено нами выше). Наконец, по той же причине — преимущественной связи с именами лиц (как естественными субъектами) — удерживается окончание *-и* в причастных формах на *-лѣ*: *были*, *играли*, *носили* и т. д.; ср. эти формы и в русском, и в белорусском (отмечу *унылы* *голоси*, Сл. о п. Иг., 34).

Окончание *-е* (ср. имена на *-инѣ*, *-анинѣ*, *-јанинѣ*) по указанной причине держится в древнем и современном языке как окончание именительного множественного лиц: татаре, Ипат., 264а; оугре, *ib.*, 6а; Обре, *ib.*, 6а; христиане, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); бояре, Галицк. гр. 1371; Берестыне, Ипат., 93б, Саракине, *ib.*, 86а. Современ.: бояре, крестьяне, татаре, цыгане, болгаре; укр.— міщане, бережане; угрорус.— горяне (Верхр., I).

Окончание *-ове* было свойственно исконно основам на *й-*. Но в большей части имен оно вытеснено было с течением времени окончанием винительного множественного *-ы*: *домы*, *ряды*, *станы* и т. д. В именах одушевленных, как *сын*, *вол*, вытеснение по

указанной причине не имело места; напротив, *-ове*, став окончанием, свойственным лицам и одушевленным предметам, стало переноситься и в другие основы для образования именительного множественного от слов, обозначающих лица и предметы одушевленные (после мягких согласных являлось *-еве*), например: еп(и)-с(ко)пы и попове, Ипат., 81в; псареве, *ib.*, 179а; сторожеве, *ib.*, 157б, 165а; оуеве, *ib.*, 126а; воробьеве, Лавр.; лахове, *ib.*; панове, Молд. гр. 1404, № 18; бесове, Жит. Бор. и Гл. по сп. XII в.; приставове, Гр. нач. XV в. (Собр. Мух., № 56); волостелеве, Гр. 1229 (Д); намѣсткове, Галицк. гр. 1424, и т. д. Бóльшее число примеров я приведу ниже, там, где буду говорить о замене одних окончаний другими, причем отмечу там и случаи перенесения окончания *-ове* в имена неодушевленные (отчасти в связи с индивидуализацией их).

Таким образом, окончания именительного множественного *-и*, *-е*, *-ове* стали свойственными преимущественно именам одушевленным; это устанавливало между ними ассоциативную связь и возможность замены одного из этих окончаний другим. Так, вместо окончания *-и* является *-ове* (*попове* вместо *попи*, см. выше), является *-е* (например, *Готе* вместо *Готи*, Ипат., 8 в; *суседе* вместо *суседи*, Гал. гр. 1371; укр.— *люде*; русск.— *холопя*, т. е. *холопе*, вместо *холопи*, Брянск., № 259). Наоборот, вместо окончания *-е* находим *-и* (например, *бояри*, Ипат., 44 б; *татары*, Лавр., 438), находим *-ове* (например, *татарове*, Лавр., 438). Наконец, вместо *-ове* является *-и* (*сыни*), вместо *-ове* находим и *-ови* (*сынови*, Ипат., 271 в, Парем. 1271, 20 а). К таким заменам я вернусь ниже, где рассмотрю вообще всякие случаи замены одного падежного окончания другим. Здесь я хотел только обобщить одну из причин, действовавших при такой замене.

3. СОВПАДЕНИЕ ИМЕНИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО МЕСТОИМЕНИЙ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ВСЕХ РОДОВ В ОДНОЙ ФОРМЕ

Как мы знаем, в общеславянском и общерусском праязыках все падежи множественного числа, кроме именительного и винительного, были в склонении как местоимений, так и членных прилагательных тождественны во всех родах: *тъхъ, тъмъ, тъми; добрыхъ, добрымъ, добрыми*. Родовые различия обнаруживались только в именительном и винительном падежах: м. р. *ти, ты*, ж. р. *ты, ты*,

ср. р. *та, та*. Выше было указано, что в мужеском роде формы именительного и винительного падежей под влиянием их тождества в других родах стали принимать одну общую форму; так явились *ти* или *ты* в значении именительного и винительного множественного мужеского рода: *добрии* и *добрыѣ* и т. д. Сближение между родами в местоимениях и членных прилагательных пошло еще дальше: формы именительного-винительного множественного числа мужеского и женского рода, оказавшиеся в большей части случаев тождественными, вытеснили формы среднего рода. Таким образом, именительный и винительный множественного всех родов получили в местоимениях и членных прилагательных одну общую форму, которая по происхождению была или формой именительного множественного мужеского рода (например, *ти, вси, мои, добрии*), или формой винительного множественного мужеского рода, тождественною с именительным и винительным множественного женского рода (например, *ты, всѣ, моѣ, добрыѣ*). Из местоимений это морфологическое явление распространилось и на именное склонение прилагательных (*мнози* и *многы* стало означать именительный-винительный всех родов), также на именное склонение причастий (*ведоми* и *ведомы, пущени* и *пущены* стало означать именительный-винительный всех родов). Под тем же влиянием причастие на *-ль*, употреблявшееся как *verbum finitum*, получило общую форму на *-ли* во множественном числе для всех родов (*мужи, жены, дерева пали*). Между тремя окончаниями *-и* (ти, дали), *-ѣ* (всѣ, добрыѣ), *-ы* (ты, ведомы), естественно, произошла борьба. Окончание *-и* получило перевес над *-ы* в причастиях на *-ль* и некоторых местоимениях, определявших преимущественно лица, вследствие того что *-и* было излюбленным окончанием именительного множественного для имен лиц и одушевленных предметов мужеского рода, кроме того, *-и* вместо *-ѣ* преобладало в неударяемых окончаниях в силу фонетического ослабления (по крайней мере, диалектического) *ѣ* в *и* (*добрыѣ* в великорусском уступает место *добрыи, этѣ* — форме *эти, нашиѣ* уступает форме *наши*, а отсюда также *мои, свои* вместо *моѣ, своѣ*); за этими ограничениями перевес получают окончания *-ы* (виноваты, пущены, тѣ, всѣ).

Приведу примеры из старого языка, указывающие на наличность рассмотренных явлений. Формы мужеского рода по происхождению при существительных женского рода и среднего рода: ношаху сли печати злати, а гостѣе серебрани, Лавр.; жены ведоми

быша въ плѣнѣ, различаеми нужею отъ) мужии свои, Ипат., 194 г; яко трѣсти мнози, *ib.*, 273 а; бахуть бо лоды покрыти досками, *ib.*, 153 в; обители мнози суть, Ев. 1339, 27 а; были силы, Пантел. ев., 34 б; в данстие книги, Гр. 1470 (А. Калач., I, № 31); тии земли, Дв. гр. XV в., № 16; ти земли, Дв. гр. XV в., № 12, 22, 90; свои главы сложимъ, Лавр.; доцери мои, Дв. гр. XV в., № 78; яругы имъ знаеми, Сл. о п. Иг., 8; сабли изъострени, *ib.*, 8; дети бѣсови, *ib.*, 13; страны ради, *ib.*, 44; о чюдеса достойни дѣва, Палея 1494; помрачени бо бѣахоу (правила церковные) ... нынѣ же вблисташа, рекше истолкованы быша, Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 85); вже боудють молоди (жены), Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 60); они же сами (струны), Сл. о п. Иг., 4; древа подобил егупетскымъ, Син. сборн. XV в., № 154; твои мѣста, Виленск. сп. Лит. лет.; сами стада, *ib.*; ти три села, Дв. гр. XV в., № 90; въ свои села, Гр. 1462—1505 (Г. Др., I, р. IV, № 8); села боярьский, Догов. 1428, № 43. *Формы вин. мн. м. р. = вин.-им. ж. р. при существительных среднего рода: оуста лвовы, Палея 1477 г.; вин. мн. ср.: своѣ, Гр. 1471 (А. Калач., I, № 31); о ты села, Гал. гр. 1404; в ты лѣта, Псков. судн. гр.; в ты села, Догов. 1368, № 28; тые села, Житомирск. гр. 1433; тые имѣнѣя дал женѣ своей, Киевск. гр. 1446; рыбные ловища, Двинск. гр. 1527 (Собр. Бел., № 5); с тѣми селы которыѣ тагли, Дух. моск. 1389, № 34; а котораѣ мѣста слободскийѣ, *ib.*, которыи озера, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); бобровыи ловища, за малыи села, в иныи болота, *ib.*; и т. д. В современном русском языке старые формы *им.-вин. мн. среднего рода* употребляются лишь в единичных случаях, например *звонить во вся* (хотя, может быть, это церковнославянский *вин. мн.*, относящийся к *вин. мн.: колоколы*); мужеский и женский род не различаются: различие *они* для мужеского рода, *оне* для женского¹ искусственно и не оправдывается ни живым языком, ни историей; *они, сами*, диалект. *вси* относятся ко всем родам; также, с другой стороны, *все* и явившиеся под его влиянием *те*, диалект. *оне; мои*, а диалект. *мое* также относятся ко всем родам; то же в прилагательных. Равным образом одну общую форму для *им.-вин. мн. всех родов* видим в белорусском и украинском.*

¹ Соответственные написания (*они, онѣ*) употреблялись до реформы русского правописания 1918 г. (Ред.)

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО СКЛОНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОСНОВ

Еще в общеславянском праязыке некоторые слова, образованные от основ на *-й*, утратили исконные формы склонения, свойственные этим основам, и стали склоняться как основы на *-ѣ*; так, прилагательные с основой на *-й* не сохранили в общеславянском своего склонения и стали изменяться как основы на *-ѣ*. Впоследствии, вероятно еще в общеславянскую эпоху, и отдельные существительные из основ на *-й* переходили в склонении в основы на *-ѣ*, вообще во всех падежах или только в некоторых. Так, слово *сынъ*, по-видимому, еще в общеславянском образовало винительный падеж единственного под влиянием основ на *-ѣ*, а именно слов, означавших предметы одушевленные: *сына* вместо и при старом *сынъ*. Такому полному или частичному переходу из основ на *-й* в основы на *-ѣ* содействовало то обстоятельство, что они имели общие формы в именительном падеже единственного числа (*домъ* и *родъ*), а также еще и в винительном единственного, а в общерусском праязыке, кроме того, в творительном единственного (*домъмь* и *родъмь*). Примеры для перехода основ на *-й* в основы на *-ѣ* как из старославянских, так и из древнерусских памятников даны были выше, там, где я приводил образец склонения основ на *-й*. Тем не менее мы не имеем основания думать, чтобы уже в общерусском праязыке исчезло окончательно различие между исконными основами на *-й* и основами на *-ѣ*: оно исчезло позже, как это показывают русские памятники; с течением времени все основы на *-й* стали склоняться, как основы на *-ѣ*, но зато передали этим основам ряд своих падежных окончаний. О последнем явлении скажу ниже. Укажу здесь на передачу окончания основы *-ов* в основы на *-ѣ*. Имею в виду случаи, как: пановомъ, Псковск. 2-я лет. (V, 18); пановом(ъ), Молд. гр. 1389—1419, № 17; городовомъ, *ib.*; свои листови (вин. мн.), *ib.*, своими листови (вин. мн.), с Туркови, *ib.*; пословы (им. мн.), Новг. гр. 1373, № 17; тотаровы (им. мн.), Новор. сп. Новг. 4-й лет., 448 а; дарови (вин. мн.), Погод. сп. Псков. 1-й лет. № 1413; Передачу *-ов* в основы ср. рода видим в *на плечевоу*, Ипат.

Основы мужеского рода на *-й* в общеславянском и, по-видимому, также в общерусском праязыке не смешивались с основами

на *-jǔ*; в общеславянском это зависело, между прочим, от различия в самом окончании именительного падежа: в словах на *-jǔ* этому окончанию предшествовала смягченная согласная (*мѣжъ*, *коѣ*), в словах на *-ĭ* — согласная твердая или в крайнем случае полумягкая (*зѣтъ*, *зѣтърь*). В общерусском языке полумягкие согласные стали мягкими (*z'at'ь*, *zv'ѣr'ь*); вследствие этого именительный и винительный единственного в старых основах на *-ĭ* стали в своем окончании тождественны с основами на *-jǔ*; это неминуемо вызывало сближение между теми и другими основами. Тем не менее в древнейшем языке по свидетельству памятников выдерживалось различие между склонением основ на *-ĭ* и основ на *-jǔ* (ср. выше указания, данные при образцах). С течением времени, однако, старые основы на *-ĭ* стали образовывать падежные формы по склонению основ на *-jǔ*, и это повело к окончательному исчезновению самостоятельного, цельного склонения основ на *-ĭ* во всем составе русского языка. Приведу примеры новообразований по склонению основ на *-jǔ* из памятников: род. ед. — оу тѣстя, Ипат., 268 б; оу тѣста, *ib.*, 230 а; госта, Новг. гр. 1314, № 12, Новг. гр. 1317, № 14, Волинск. гр. 1366; до юго зѣта, Дв. гр. XV в., № 86; ис каждого кметѣ, Гал. гр. 1378; вин. ед. от имен лиц — тѣта, Гр. 1229 (А); на тѣста, Ипат., 236 г; тѣста, *ib.*, 290 в; за тѣта, Новг. гр. 1373, № 17; зѣта, Молд. гр. 1443, № 56; зѣта его, Молд. гр. 1443, № 54; тѣта, Новг. гр. 1426—1461, № 18; з гуся вода, Послов. XVII в. (Симони, 157); дат. ед. — гостю, Гр. 1266—1272 (Р. Л. А.), Гр. 1189—1199 (ок. 1263), Новг. гр. 1426—1461, № 18, Новг. гр. 1373, № 17, Полоцк. гр. ок. 1265 (Р. Л. А.), Смол. гр. ок. 1240 (в приписке, при *гости*); ко зѣтю, Ипат., 236 г; ко цтю, *ib.*, 229 г; зѣтю, Дв. гр. XV в., № 76, 78; претръгоста бо своя бръзая комонѣ, Сл. о п. Иг., 41; не боудеть ли тѣта, Русск. Пр. (Р. Д., I, 50); сюда же: ко тѣстоу своему, Ипат., 261 б; зѣтоу своему, *ib.*, 116 а; с зѣтомъ — твор. ед., *ib.*, 147 г (надо, вероятно, читать *зѣтѣм*, а *зѣтоу* — *зѣтю*); род. дв. — вѣ локѣтю, Ипат., 86 в; твор. мн. — со зѣри, Житомир. гр. 1433. Замечательно, что почти все приведенные примеры (кроме *локѣтю*) относятся к именам одушевленным. Возможно поэтому, что началом исчезновения склонения основ на *-ĭ* было появление винительного *гостѣя*, *тѣстѣя*, *зѣтѣя* и т. д. под влиянием одушевленных мужеского рода основ на *-ǔ* для различения винительного падежа от именительного. Что неодушевленные дольше могли склоняться по старому склонению основ на *-ĭ*,

видно из того, что и до сих пор некоторые из них его не утратили. Ср. великорус. род., дат., местн.—пути; белорус. род., дат.—пуці; угрорус. род., дат.—путі, род., дат. местн.—огни; великорус. местн.—в дехті. Впрочем, диалект.: пуця, Витеб. (Отв. № 18), Быхов. (Ром., III, 413); пуцю, Игум. (Отв. № 15); угрорус.—путя, зват.—пуге. В связи с сохранением склонения на *-ї путь*, оказавшись одиноким среди иных имен мужского рода, переходит в женский род: эта путь, Петроз. (Отв. № 30), Алатыр. (Отв. 32); твор. ед.—путёй, Остров. (Отв. № 33); пуцёй, Себеж. (Отв. № 28). Ср. переход еще других слов мужского рода в женский; в угрорус. *желудь, печать, го́льнь, гы́ртань* стали женского рода; великорус. *гортань* женского рода, также диалект. *гусь, лебедь*; укр. *лебедь, ступень, путь, курень (колодязь), полонинь* женского рода (Осадца). Объясняя начало и причину исчезновения склонения на *-ї* новообразованием в винительном единственного имен одушевленных, мы получаем объяснение и того, что во множественном числе это склонение держалось гораздо дольше, в сущности держится в русском и до сих пор (ср. в родительном множественного *гостей*, отнюдь не *гостёв, людей, людьми*; ср. белорус.—*гусьмі, гасцьмі*, Могил. (Отв. № 4); угрорус.—*зятьми*). Впрочем, в отдельных диалектах находим и здесь влияние основ на *-ѣ*: угрорус. род. мн. *тестюв* (но *го́стий*), мн. *зятёве, тестёве, гостёве*. Появление *-ами* и т. д. в великорус. *гостями, гостях, гостям* сопоставьте с проникновением этих окончаний и в основы женского рода: *костям, костях, костями*. Сохранение множественного числа от основ на *-ї* тогда, когда уже исчезли в них старые формы склонения в единственном числе, объясняет нам и то, почему именно окончания множественного числа из склонения основ на *-ї* передавались в склонение основ мужского рода на *-ѣ, -ю* в позднейшем языке. Об этом явлении скажу ниже.

Основы на согласную мужского рода, как мы видели, еще в общеславянском праязыке подверглись сильному влиянию основ на *-ї* и заимствовали из них ряд падежных окончаний. В общерусском праязыке, а затем и в древнерусском это влияние пошло, естественно, еще дальше. Древние формы от основ на согласную, уцелевшие отчасти в общерусском праязыке, стали почти систематически заменяться формами от основ на *-ї*. Основы на согласную отличались от основ на *-ї* в формах род. ед. (дъне), местн.

ед. (дьне), род.-местн. дв. (дьноу), им. мн. (дьне), род. мн. (дьнъ). Приведу из русских памятников новообразования по склонению основ на -й: род. ед.—ни ясна д̄ни, Новг. 1-я, 24 а; тог(о) д̄ни, ib., 102 в; до велика д̄ни, Новг. гр. до 1327, № 15; дни, Жит. Феод.; которого дни, Увар. сп. Западнорус. лет.; до Семена д̄ни, Догов. моск. 1368; с С̄мена д̄ни, Домостр. Конш. 41; ичмени, солодъ, ib., 43; того же дни, Лет. Авр. (Карский); до Юрьева дни, Гр. 1524 (А. Ю., № 25); ѿ гр̄ховьнаго корени, Лавр.; собака есть, а камѣни нѣтъ, Послов. XVII в. (Симони, 140); камени, Гр. 1532 (А. Ю., № 155); ѿ цѣла камени, Ипат., 282 а; корени, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 122 а; ремени, Ев. XIII в., № 6, 207 а; рѣка пламани, Поуч. Ефр. Сир., 203 в; четка ячмени, полчетки ячмени, Новг. писц. I, 253. Местн. ед.—приходящимъ д̄ни, Жит. Феод.; по петровѣ д̄ни, Новг. гр. 1265, № 2; по велицѣ д̄ни, Новг. гр. до 1327, № 15. Местн. дв.—по д̄вою д̄нью, Жит. Феод.; по двою д̄нью, Микул. ев., 79 г. Им. мн.—д̄нью, Пантел. ев., 84 в, 89 г; вси д̄нью, д̄нью, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 38); д̄нью, Лавр.; д̄нью, Новг. 1-я, 30; деиье, Тр. сп. Новг. 1-й, 42 г. (Возможно, что подобные образования уже в общеславянском праязыке вытеснили старое окончание -е. Ср. кз леиье, д̄нью в XIII Сл. Гр. Бог.) Род. мн.—постъ м̄ д̄нии, Лавр.; за й̄ д̄нии, Гр. 1229 (А); д̄нии, Жит. Феод.; по шти д̄нии, Микул. ев., 68 г. Ср. в современном языке: дни-то нынѣ не хватает, Шенк. (Отв. № 80); к Ильину дни, Олон. (Отв. № 29); к Дмитриеву дни, Алатыр. (Отв. № 32); из дни творила ночь, в XVIII в. у В. Майкова (Черныш.); с корени, Обоян. (Резанов); белорус.: на дни, Дисн. (Отв. № 6), Быхов. (Отв. № 9), Себеж. (Отв. № 26), Пинск. (Отв. № 3); род. ед.—дни, Пинск. (Отв. № 6), Себеж. (Отв. № 26). Понятно, что подобные формы уступили место дальнейшим новообразованиям от основ на -jō; ср. рус.—дня, сегодня, ко дню, на дне; др.-русск.—днєвь (см. ниже); каменя, Повен. (Шахм.); белорус.—дня, Пинск. (Отв. № 3); каменя, каменю, Минск. (Отв. № 7); угрорус.—каменя. Остатки склонения основ на согласную (формы, как *д̄ни*) перечислены нами выше при образцах. Ниже укажу на передачу окончаний основ на согласную в основы на -й на почве русского языка.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ОКОНЧАНИЙ ОСНОВ НА -Й В СКЛОНЕНИЕ ДРУГИХ ОСНОВ

Ряд причин способствовал тому, что некоторые из падежных окончаний склонения основ на -й не исчезли, несмотря на потерю самостоятельного склонения основами на -й, а переносились в склонение других основ, т. е. прежде всего основ мужеского рода на -ѡ и -јѡ. Такими, живущими до сих пор в русском языке, окончаниями оказываются: -у в род. ед., -у в местн. ед., -ови в дат. ед., -ове в им. мн., -ов в род. мн., в древнем языке, кроме того, диалектически -ох в местн. мн. Эти окончания распространены, впрочем, неравномерно во всех трех отделах русского языка, причем начало их распространения надо относить к глубокой древности, к эпохе общих явлений в русских наречиях.

1. РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ НА -У

Как указано выше, одним из первых окончаний, вторгшихся из основ на -ѡ в основы на -й, было окончание -а в винительном падеже имен одушевленных: *сына, вола*. Понятно, что это повело к образованию формы *сына, вола* и в родительном падеже. По-видимому, это обстоятельство имело следствием то, что в основах на -й обе категории имен — одушевленных и неодушевленных — стали различаться не только в винительном падеже, но и в родительном; первые получили окончание -а, а вторые сохраняли -у: род. *сына, вола, но меду, олу, верху, низу, дому, миру*. Это обстоятельство, с одной стороны, затруднило замену окончания -у окончанием -а в словах, как *меду, олу, дому* и т. д., а с другой — способствовало распространению его в других словах неодушевленных, в словах, образованных от основы на -ѡ. По-видимому, во всех русских наречиях с окончанием -у соединилось представление не о неодушевленности предмета, но об отсутствии его индивидуализации, о невозможности мыслить о нем как о чем-то индивидуально определенном и отдельном. Возможно, что это зависело от того, что большая часть основ на -й, не означавших предметов одушевленных (как *сынъ, волъ*), соединялась со значением отвлеченным или собирательным, или еще того или иного вещества, например *миръ, върхъ, низъ, вьнъ* (внешнее; наружное), *поль, долъ, рядъ, даръ, домъ* (в значении также „домашние“), *медъ, олъ* (масло). Таким образом, сначала в основах

на -й, а потом под их влиянием в основах на -ѣ создано пред-
ставление о грамматической категории, долженствующей объять
слова, означающие отвлеченные понятия и собирательные пред-
меты, и противоположной категории, означающей индивидуальные
предметы (одушевленные и неодушевленные). Первая из этих ка-
тегорий получала в родительном падеже окончание -у, а вторая—
окончание -а. Таким образом, окончание -у переносилось в те
основы на -ѣ, которые не обозначали индивидуальных предметов.
Это положение я считаю нужным доказать примерами из древнего
языка и подтвердить данными языка современного. Среди слов
с родительным на -у различаю: 1) слова, означающие вещество
или собрание предметов; 2) слова, означающие местности; 3) слова,
означающие отвлеченные понятия. Приведа данные из древнего
языка, а затем из современных языков— великорусского, бело-
русского и украинского,— я отдельно рассмотрю при каждом из
этих языков те примеры родительного на -у, которые не подходят
к трем намеченным категориям.

Родительный на -у в древнем языке, разумея под этим
вообще язык памятников русских, украинских, белорусских.

1) Слова, означающие вещество или собрание предметов: зо-
л(о)та ли женчугу ли, Дух. 1353, № 24; того моего полону,
Догов. ок. 1433, № 47; въску, Гр. 1229 (А); воску, Гр. 1281—
1297 (Р. Л. А.), Ипат., 292 б; по патитцать десаткъвъ лноу,
Ипат. 306 б; бѣаше корма (а переправлено в у) оу них много,
Ипат., 261 а; взявша полоноу много, ів., 268 а; нашего товару,
Хожд. Афан. Ник., 374; люду добраго, ів., 390 а; сладкаго овощу
нѣтъ, ів., 385 б; алмазу, ів., 382 а; много раздаша брынцоу да
перцоу, ів., 391 а; вешнаго соку, Колом. Пал. 1406, 32; гривенка
перцю, Гр. сп. Новг. 1-й, 71 б; и съ ячменю, Луцк. гр. 1487;
отъ льноу, Сборн. 1073; скарбу, Увар. сп. Западнорус. лет.; по-
среди мху, со мху, Гр. 1504 (А. Ю., № 11); мошку, Гр. 1534
(А. Ю., № 20); росолу, Гр. 1578 (А. Ю., № 90); лѣсу кустарю,
Гр. 1570 (А. Ю., № 158); солоду, Гр. 1574 (А. Ю., № 229);
гною, 1530—1532 (Письма русск. госуд.); изо мху, Гр. XV—XVI вв.
(А. Калач., II, 149); ѿ воску, Полоцк. гр. ок. 1330; ѿ хмѣлю,
ів.; от горѣловъ (т. е. горѣлово) дубу, Гр. нач. XV вв.
(С. М., № 56); с дубу, ів.; поперек(ъ) мошку, ів.; товару,
Карамз. сп. Русск. Пр. XV в.; до товароу, Новоросс. сп. Новг.
4-й, 302 б; пълкоу, Лавр. 86; от(ъ) лну, Новг. гр. 1265, № 1;
полону, Новг. дог. 1456 (А. А. Э., I, № 58); дадять ему корму

и подводы, Гр. 1294—1304 (А. А. Э., I, № 1); пополнку, Гр. 1490 (А. Калач., I, № 69); съ того товару, Гр. 1473—1489 (А. Калач., I, № 32); і-ть бѣрковъсковъ воску, Гр. 1285 (Р. Л. А.); ни корму... не емлот(ь), Гр. 1428—1436 (Г. Др., I, р. IV, № 4); ѿ полкоу его, Ипат., 293 б; а что полону новторского, Гр. 1373, № 17; оброку, Гр. 1490 (А. Калач., I, № 69); от міру (mundus), Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); всаково запасѣ, Домостр. Конш., 38; хмелю и масла, ів.; шелку цвѣтно́го, ів., 39; много промѣслѣ, ів., 40; всакого кормѣ, ів., 41; а приплѣдѣ и прохладѣ много, ів., 42; солодѣ, горохѣ, ів., 43; борщѣ сее, ів., 45; вишневого морсѣ, ів., 46; приспѣхѣ всакого, ів., 48; ѿ снегѣ беречі, ів., 53; всакого вбихѣдѣ и всакого запасѣ, ів., 55; худого товару не дастѣ, ів., 68; храброго плѣку, Сл. о п. Иг., 20, 32; до плѣку Кобякова, ів., 39; ѣ вѣдерѣ солодоу, Русск. Пр. 1282 (Р. Д., I, 30); горохоу ѣ оубороковѣ, ів., 30.

2) Слова, означающие местности (после предлогов): оу пѣсчана броду, Волынск. гр. 1366; с мостоу, Лет. Авр.; ис Торъжку, ів. (Карский); до берегу моря, Молд. гр. 1393, № 8; ѿт мостку, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); ѿ броду, ів.; ис Торъжку, Догов. 1368 (XV в.), № 28; Козлова броду, Догов. 1389, № 35; Василцева стану, Дух, 1356, № 26; из Бѣжыцьского Верху, Догов. 1433, № 49; по конецѣ Матвѣевского лугу, Гр. 1497 (С. М., № 51); до Торъшку, Лавр., 440; из Ріму, Син. сборн. XV в., № 154; с Нового Торгу, Ипат., 182 в; из Раю (местность), ів., 299 г; оу Доноу, ів., 245 а; из Бозкоу, ів., 248 в; около Бозкоу, ів., 259; рѣкы Саноу, ів., 269 в; из Дербентоу, Хожд. Афан. Ник., 371 а; оу бору, Ипат., 90 а; из валу, ів., 81 б; до езу, Хожд. Афан. Ник., 370 а; с мостоу, Тр. сп. Новг. I-й, 20 а; до концаньског(о) мостоу, ів., 72 в; съ ѣзу, Гр. 1461—1464 (А. Калач., I, № 118, III); Пехорского стану Гр. 1462—1464 (А. Калач., I, № 52); по конецѣ логоу, Гр. 1148 (сп. XIV в.); оу Микулина ѣзу, Дв. гр. XV в., № 19; лугу половина, Дв. гр. XV в., № 24; посреди логоу, Дв. гр. XV в., № 75; до розлогу, ів., № 32; ис Торъжкоу, Новг. гр. 1305, № 10; с Низоу, Новг. гр. до 1308, № 6; с Торъшку, Новг. гр. 1372, № 13; с мосту, Лавр.; въсреди тѣргоу, Новг. I-я, 27 а; до тѣргоу, ів., 30 б; съ новаго тѣргоу, ів., 58 б; оу Шелвова боркоу, Ипат., 120 б; не проходяче валу, ів., 157 б; Игорева броду, ів., 181 б; ѿ берегу, Гр. 1527 (Собр. Бел., № 5); до лѣсу, Гр. 1568 (А. Ю., № 85); около по-

саду, Гр. 1568 (А. Ю., № 86); от мостку, Гр. 1555 (А. Ю., № 151); покрай лому, *ib.*; у ручію, *ib.*; поперекъ бору, Гр. 1536 (А. Ю., № 156); до перелогу, Гр. 1557 (А. Ю., № 228); выпуску, Гр. 1574 (А. Ю., № 229); за косу, Гр. 1529 (А. Ю., № 237); съ стану, 1620 (Письма русск. госуд., № 68); от(ъ) броду, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 13); от(ъ) мостку, *ib.*; Югу (река), Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); среди лугу, Гр. 1395 (А. Калач., I, № 53); ис тог(о) ѣзу, Гр. 1474—1478 (А. Калач., I, № 36); Бугу (река), Холмск. вкл. 1376 г.; бору, Гр. 1437—1461 (А. А. Э., I, № 35); съ луху, съ Сенгу, Гр. 1389—1404 (А. А. Э., I, № 9); синего Дону, Сл. о п. Иг., 6; у Дону, *ib.*, 19; испити шеломомъ Дону, *ib.*, 6; съ Дону великаго, *ib.*, 12 (но: от Дона и от моря, *ib.*, 13); от великаго Дону, *ib.*, 40.

3) Слова, означающие отвлеченные понятия: до сроку, Гр. 1525 (Собр. Бел., № 39); съ году на годъ, Гр. 1532 (А. Ю., № 19); из(ъ) веку, Гр. 1528 (А. Ю., № 6); за четверть году, Гр. 1585 (А. Ю., № 214, I); до вѣку, 1619 (Письма русск. госуд., № 16); до свѣту, Гр. 1631 (А. Ю., № 374); от(ъ) мору от(ъ) великаго, Гр. 1462—1505 (А. Калач., I, № 52); с году на год(ъ), Гр. 1470 (А. Калач., I, № 31); того году, Гр. 1438 (А. А. Э., I, № 36); третьяго году, Гр. 1493—1494 (А. Калач., I, № 103); до другого року, Галицк. гр. 1386; просить сроку не ждатель, от сроку, Гр. 1471 (А. А. Э., I, № 92); до сроку, Дв. гр. XV в., № 99; а дѣлу, Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9); промыслу, Гр. 1532 (А. Ю., № 19); найму, *ib.*; приносу, *ib.*; долгу, Гр. 1571 (А. Ю., № 23); от всего порядку, Гр. 1571 (А. Ю., № 87); спору, Гр. 1556 (А. Ю., № 104); походу, от лову, Гр. 1577 (А. Ю., № 179); присуду, Гр. 1594 (А. Ю., № 216, II); доходу, Гр. 1557 (А. Ю., № 228); без росту, Гр. 1562 (А. Ю., № 243); из приросту, Гр. 1571 (А. Ю., № 246); закладу, Гр. 1576 (А. Ю., № 248); безъ выкупу, 1579 (А. Ю., № 249); ходу, походу, без остатку, 1619 (Письма русск. госуд., № 14); мимо указу, приходу, *ib.*; для привозу, какого погрому, 1619 (Письма русск. госуд., № 19); послѣ отпуску, 1619 (Письма русск. госуд., № 21); от страху, 1652 (*ib.*, № 382); для переводу, 1631 (*ib.*, № 363); для покою, 1622 (*ib.*, № 70); для распросу, *ib.*; без остатку, 1620 (*ib.*, № 69); того наказу, 1619 (*ib.*, № 33); задору, 1619 (*ib.*, № 35); без мироу, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); безъ росту, Гр. ок. 1450 (А. А. Э., I, № 48, I); безъ череду, Гр. 1450 (А. Калач., I, № 49); без докладу, Гр. ок. 1484 (А. Калач., I, № 91 (А. А. Э., I, № 92)); у докладу, *ib.*; моего роду, Дв. гр.

XV в., № 5; шедъ (съ) суду, Дв. гр. XV в., № 86; ни доброго родоу, Ипат., 284б; проса мироу, ib., 274г; роду моего, ib., 25в; всакого роду, Колом. Пал., 92; старовъ разводу, Гр. нач. XV в. (С. М., № 56); от(ъ) роду, Гр. 1476—1490 (С. М., № 63); азъ есмь роду княжа, Лавр.; печать маистату нашего, Молд. гр. 1433, № 33; долгу старого, Догов. 1405, № 38; без мироу, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); мироу не взяша, Син. сборн. XV в., № 154; своего закладу, Псков. судн. гр.; до зароку, ib.; с голодоу, Хожд. Афан. Ник., 390а; от(ъ) бою... падъшемъ, Жит. Феод.; грабежу не будет(ь), Псков. судн. гр.; великого ѣздоу, Ипат., 227г; до четвергоу, Лат. Авр.; от(ъ) початку, Крас. сп. Западнорус. лет.; з голоду, ib.; всего моего грабежу, Гр. 1579 (А. Ю., № 46); от правезу, Гр. 1562 (А. Ю., № 243); ѣзду, Гр. 1398 (XVI в., А. А. Э., I, № 13); опроч(е) бою, Догов. 1433, № 49; ѿ посѣлѣ, Домостр. Конш., 21; ѿ поклепѣ, ib., 21; безъ шбыскѣ, ib., 34; шговорѣ не слушати, много прохладѣ, ib., 41; оу всакого бы годѣ, ib., 44; ѿ морозѣ, ib., 45; шдново часѣ (род. ед., ударение), ib., 46; долгѣ, ib., 59 и т. д.

Оговорю еще несколько случаев: *из вѣсоу воцаного*, Гр. сп. Новг. 1-й, 50б, не означает конкретных весов, а есть отвлеченное понятие, ср. там же: ни вѣсу имѣ не вѣсити Иваньского; подлугъ того нашего листу, Молд. гр. 1438, № 51; того листу, Гал. гр. 1409; сего листу, Гал. гр. 1424 (здесь „лист“ означает содержание листа; следовательно, понятие отвлеченное). *Пир* имеет *пироу*: с того пироу, Увар. сп. Западнорусск. лет.; из пиру, Гр. 1398 (А. А. Э., I, № 13); *из Посолского Приказу*, 1619 (Письма русск. госуд., № 17) — потому, что в основании лежит слово „приказъ“ с отвлеченным значением. *С межевого съѣзду*, 1619 (ib., № 33) — то же; *опроче... службы и яму*, Гр. нач. XV в. (С. М., № 56); *опроче... яму*, Гр. 1462—1463 (А. Калач., I, № 31); — „ямъ“ означает здесь ямскую повинность. В число примеров не включены слова, исконно склонявшиеся, как основы на -ѣ; ср. эти слова выше, при образце (ср. в особенности *рядѣ, дарѣ, чинѣ* и т. д.). *В на ель без верху*, Гр. XV—XVI вв. (А. Калач., II, № 178), — „верхъ“ означает вершину и тем не менее имеет окончание -у. Не ясно, почему *амбару*, Гр. 1582 (А. Ю., № 212), *порогу*, Гр. 1557 (А. Ю., № 228), *гробѣ* в Мстисл. ев.; отмечу ударение *шт домѣ* нашего, Домостр. Конш., 64.

Отмечу, что какого-нибудь ограничения при распространении -у в древнем языке как будто не замечается; окончание это яв-

ляется не только в основах на старое -*ǫ*, но также на старое -*jǫ* (*перцю, хмелю, бою, кустарю, правезу, грабежу*) и даже в исконных основах на согласную или -*ǐ* (*ячменю*). Равным образом -*у* заменяет не только неударяемые окончания, что обычно, но и ударяемые: *пополнкú, полкú, льнú, мхú, кустарю, ячменю, Торжкú, мосткú, правезú, грабежú, четвергú, у ручю*. Как увидим ниже, диалектически в этом именно отношении наступили значительные ограничения. Рядом продолжали свое существование старые формы на -*а*: *луга не косят(ь)*, Гр. 1462—1464 (А. Калач., I, № 31); *шодъ суда* (вместо *с суда*, ср. выше *с суду*), Дв. гр. XV в., № 88; *до срока*, Дв. гр. XV в., № 99; *ни рода княжа*, Лавр.; Бѣжыцкаго Верха, Догов. 1433, № 49.

Родительный на -у в современном великорусском. Привожу примеры только для тех же отмеченных выше в древнем языке категорий, оставляя в стороне -*у* в именах, означающих индивидуальные предметы и даже лица (*без носу, из самовару, со стулу, ат ату*); распространение -*у* в этих словах принадлежит уже к специально великорусским, частью только диалектическим явлениям.

1) Слова, означающие вещество или собрание предметов: *без капиталу*, Кадн. (Отв. № 26); *из ячменю*, Никольск. (Отв. № 266); *нету гороху*, Слобод. (Отв. № 222); *от чаю*, Кирилл. (Отв. № 186); *из ячмёню*, Брянск. (Отв. № 259); *дай пеплю, достань огню*, Пинеж. (Пругавин, Обл. сл., № 6); *лёду кусок, лену горсть*, Борович. (Обл. сл., № 112); *с вогню*, Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В., 1893); *винаградчку ирвать*, Обоян. (Резанов); *мядкú на палтину*, *ib.*; *ат агню*, Жиздр. (Никольский); *бѣлава снегу*, Щигр. (Халанский); *из саману*, Моздок.-Терск. (М. Караулов); *назьму*, Пудож. (Шахм.); *ис камню*, Мосал. (Шахм.); *куляшкú нет*, *ib.*; *угалю*, *ib.*; *ячменцú*, Мещов. (Шахм.); *пайкú*, Вытег. (Отв. № 22); *есте и ельнякú у нас*, Вытег. (Отв. № 22); *безо льну*, Орл.-Вят. (Отв. № 37); *без сахару*, Грязов. (Отв. № 36); *кулешику сварила*, Мещов. (В. Черныш.); *из ячменю*, *ib.*; *распространение народу*, *ib.*; *не было льну*, Дмитров. (В. Черныш.); *большая часть ракинику*, *ib.*; *людю было меньше*, Богородск. (В. Черныш.); *березнику*, *ib.*; *осиннику*, *ib.*; *назьмú*, Егорьев. (В. Черныш.); *с вагню да в полумя*, Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В., 1893); *дробнава дóжжу*, *ib.*; *пóсля дóжжу*, Мосал. (Шахм.); *ат дóжжу*, *ib.*; *пескú, сáхару, коньякú, рóму, табакú, мёду, супу, гороху, картофелю, маку, перцу, уксусу*, Моск., и т. д. У Пушкина: *хлопья снегу*,

мало мозгу, нюхайте табакú, воску, луку, соку, песку, за чашкой шоколаду, мёду, яду, семь пуд пороху, сброду, множество народу, рейнвейну, изюму, черносливу, перцу, товару.

2) Слова, означающие местность, место: из рынку, Покров. (Отв. № 10); с базару, íв.; с потолка, íв.; из рынку, Петроз. (Отв. № 13); еду из городу, Буйск. (Отв. № 18); с уголкú, íв.; из лесу, из саду, íв.; с рынку, Олон. (Отв. № 29), Вытег. (Отв. № 22); íз городу, Устюжн. (Отв. № 28); с сенокосу, íв.; из лесу, íв.; с порогу, Петроз. (Отв. № 30); со шкапу, íв.; с берегу, íв.; с чулану, íв.; из дому, Кадн. (Отв. № 31); из саду, с рынку, íв.; из огороду, Орл.-Вят. (Отв. № 37); с дому, íв.; из коробу, íв.; из-под мосту, íв.; яблоки нашева саду, Самар. (Отв. № 40); з базару, íв.; без бога не до парогу, íв.; из Казельску, Мещов. (В. Черныш.); с-за Серпейску, íв.; с лесу, Великол. (Отв. № 45); из заводу, Холмог. (Отв. № 50); с потолоку, с порогу, Яранск. (Отв. № 59); для саду, с базару, Карсун. (Отв. № 67); из лугу, Сольвыч. (Отв. № 193); с сенокосу, Тотем. (Отв. № 198); упало с потолоку, Малмыж. (Отв. № 103); со стулу, с дому, Слободск. (Отв. № 120); с огороду мало собрали, Слобод. (Отв. № 222); онамедни дуло с полу, íв.; из-за úглу, Кинеш. (Отв. № 250); мимо оврагу, íв.; из вóзу, íв.; из сараю, из краю, Кирилл. (Отв. № 186); из овину, Камышл. (Отв. № 89); со забору, Арханг. (Кузмищев); близ бульвару, Яросл. (Тихвинский); близ ручијёчку, íв.; выша берюшку, Обоян. (Резанов); из саду, Моздок.-Терск. (М. Караулов); до погосту, Петроз. (Шахм.).

3) Слова, означающие отвлеченные понятия: с того году, Олон. (Отв. № 29), Кадн. (Отв. № 25); без роду, без племени, Устюж. (Отв. № 28); с того году, Алатыр. (Отв. № 32); таво году, Остров. (Отв. № 33); сёгоду, Онеж. (Отв. № 41); сёўгоду и сево году, Вытег. (Филимонов); с роду, Карсун. (Отв. № 67); без толку, íв.; без спросу, íв.; биз весу, íв.; с будущова году, Костр. (Отв. № 264); без покою, Камышл. (Отв. № 89); ни ходу, ни ездy, Обоян. (Резанов); ответу нет, Петроз. (Шахм.); с великого по́сту, íв.: сё году, Повен. (Шахм.); до са́мага свету, íв.; рóсту не былó, íв.; для примеру, В. Майков (Черныш.); с размаху, íв.; без страху, íв., роду, íв. У Крылова: от ветру, проку, не минуло и гóду, и росту стал просить большого, какого роду, с úмыслу, из вашего роду, сбили с толку, не кончить веку, у поро́гу. У Пушкина: с бою, зною, покою, ни шагу, блеску, сроку, без умолку, толку, крику, не до смеху, с размаху, ни духу, ни слуху,

со страху, промаху не дам, году, ролу, от роду, доходу, ходу, следу (при *следá*), с виду, броду, голоду, с перваго взгляду, насаду, с налёту, вздору, от ушибу, шуму, до зарезу, часу, росту, весу, уговору, приговору, спору нет, свету (рядом с этими абстрактными находим: у порогу, с порогу, из дому, из носу, из лесу, с возу).

В отделе, посвященном великорусским явлениям, я рассмотрю не только дальнейшее распространение родительного на -у на другие категории слов, но также и те ограничения, с которыми распространение родительного на -у вообще встретилось в русских говорах. К таким ограничениям принадлежит, например, в московском и литературном наречии ударяемость падежного окончания: -у по общему правилу вытесняет только неударяемое -а, и только в словах первой категории в родительном со значением разделительного может употребляться -у (медкú, табакú), но, например: *изо лба, без сна, с потолка, с уголка, с угла* и т. д.

Родительный на -у в современном белорусском. Располагаю и здесь примеры по трем категориям.

1) Слова, означающие вещество или собрание предметов: мёду, дзёгцю, пяску, лёну, Могил. (Отв. № 4); аўсу, Слуцк. (Отв. № 5); ячмяню, жвыру, Минск. (Отв. № 7); огню, цукру, перцу, Новолукс. (Отв. № 11); воску, мэду, песку, дёгту, Пинск. (Отв. № 3); оцту, Пинск. (Отв. № 4); от крепкаго дожджу, Быхов. (Ром., III, 97); камню, Быхов. (III, 138); купи мне белаго шовку, Рогач. (Ром., III, 155); много народу, Рогач. (ib., 179); яна тоды яму ше крапчайшаго напиту дала, ib., 183; надо пороху, Быхов. (Ром., III, 212); вару, Рогач. (ib., 412); воды б напився ци квасу, Быхов. (ib., 259); хоць ба мы... пспытали кашки ци крупничку, Быхов. (ib., 271); пуд гороху, Быхов. (ib., 274); повесмо кужалю, Рогач. (ib., 289); куль лёну, ib., 291; от огню, ib., 310; огню нема, ib., 414; гороху, горошку, ib., 416; одовжи огоньку, ib., 414; ни коня не маш, ни припасу, Рогач. (ib., 162).

2) Слова, означающие местность, место: от гэтаго городу, Быхов. (Ром., III, 98); з боку на бок, Быхов. (ib., 134); коло шляху, ib., 135; пошли глядеть саду, Рогач. (ib., 151); з якого боку, ib., 160; зь яé дому, Рогач. (ib., 175); до верху, ib., 179; из раду (т. е. ряду), ib., 179; обапол мосту, Быхов. (ib., 169); выше лесу, ib., 196; от берягу, Быхов. (ib., 203); гэтаго саду, ib., 216; до верху, Рогач. (ib., 292); со всяго лесу, ib., 311; пришли до дому, ib., 410; ли запячку, ib., 398; огледзиць склепу, ib.

411; ли косцелу, *ib.*, 412; кругометаго раю, *ib.*, 416; *z tarhú*, Волков. (Federowski, I, 24); *z radýspadu*, *ib.*, 15; з миру по нитцы, Быхов. (Ром., III, 274).

3) Слова, означающие отвлеченные понятия: прóтыру, примўсу, для прýкликү, Могил. (Отв. № 4); нацерпеўся голоду, Новоалекс. (Отв. № 11); з голоду, Быхов. (Ром., III, 136); с прокорму, *ib.*, 136; надзелав ён крику, *ib.*, 139; знаку няма, *ib.*, 141; плачу мяняй, Рогач. (*ib.*, 153); до веку, Рогач. (*ib.*, 174); ли спокою твойго ношлегу, Быхов. (*ib.*, 200); гукая ратунку, *ib.*, 190; надзелали смеху, Рогач. (*ib.*, 186); отзыўу, *ib.*, 186; до Марочковаго приезде, Быхов. (*ib.*, 200); до твойго приходу, *ib.*, 202; ни разу, *ib.*, 217; ён тольки часу дождавая, Быхов. (*ib.*, 259); ўсходу, *ib.*, 271; пан тоды хóду (т. е. бежать), *ib.*, 276; до веку, Рогач. (*ib.*, 292); без пороку, Быхов. (*ib.*, 305); до которого часу, *ib.*, 306; от злучаю, *ib.*, 308; без яго дозволу, *ib.*, 341; два дни строку, Рогач. (*ib.*, 350); мойго приказу, Быхов. (*ib.*, 395); толку мало, *ib.*, 413; ответу, *ib.*, 416; *hrechü na duszý nie miec*, Волков. (Federowski, I, 31); *dachodu ni było*, *ib.*, 31; *z z'alu*, *ib.*, *z strachu*, *ib.*, 46; *bicz pierästauku*, *ib.*, 55; *do toho pokoju*, *ib.*, 52; *da s'wietu*, *ib.*, 69.

В белорусском, так же как в великорусском, родительный на -у получил распространение и в другие категории. Об этом я скажу ниже в белорусском отделе¹; также укажу и на то, что в белорусском вытеснение -а через -у едва ли не ограничено в общем тем же условием, что в великорусском, т. е. его неударяемостью (исключение, как в великорусском, составляют слова с собирательным значением: пяску́, аўсу́, огню и т. п.).

Родительный на -у в современном украинском. Здесь едва ли не консервативнее, чем в других наречиях, сохраняются старые отношения. Распространение в другие, кроме указанных для древнего языка, категории редко.

1) Слова, означающие вещество или собрание предметов: укр. — сыру, гороху, терну, перцю, оцту, дiгтю, вогню, люду, льоду, шовку, попелу, снiгу, лiсу, народу, олю, дощу; галицк. — каменю, ячменю (Огоновский); угрорус. — сыру, лену, вицту, бервинку, кменю, хреню, дожджю (Верхр., I); гороху, чесноку, цукрю (Верхр., II); лемк. — мху или моху, попрю, поломiню, меду, льну или лену, сыру, леду, чiснику (Верхр.).

¹ Соответствующая часть курса А. А. Шахматовым не была обработана. (Ред.)

2) Слова, означающие местность или место: укр. — краю, дому, двору, раю, Дону; лемк. — саду, лісу (Верхр.); угрорус. — краю, Дунаю (Верхр., I).

3) Слова, означающие отвлеченные понятия: укр. — чину, дару, смутку, гріху, груду, болю, розуму; угрорус. — не маю часу́, рочьку, року (Верхр., I), гріху (Верхр., II); укр. — жалю́, плачу́, смаку́, разбо́ю; лемк. — страху, року, рочку (Верхр.).

Во многих словах замечается колебание: *сорому* и *сорома*, *гріху́* и *гріха́*; угрорус.: *ро́зуму* и *розума́*, *краю* и *края*, *Дунаю* и *Дуная*. В ряде случаев колебание зависит от значения: *замка́*, но *за́мку* (в значении за́мка), *збіга́* (сбежавшего, убежавшего), но *збігу* (убегания), *листа́*, но *лісту*, *лиця́*, но *ліпцю* (меду) и т. д.

Во всем русском языке, за немногими исключениями в великорусских диалектах, -у не переносится в имена одушевленные; перенесение их в категорию слов, означающих орудия, растения и вообще предметы, мыслимые как единицы, отличные от других, в украинском также не имеют места в связи с тем, что подобные слова образуют винительный падеж на -а, т. е. сходно с родительным.

2. МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ НА -У

Распространению этого окончания -у из основ на -й в основы на -ѵ содействовало, конечно, прежде всего появление -у вместо -а в родительном единственного. Этим, вероятно, объясняется и то, что окончание местного единственного -у почти не проникло в имена одушевленные, так же как -у родительного единственного осталось чуждым для этих имен. Но, как кажется, для укоренения нового окончания требовались еще и другие благоприятные условия. Сюда относятся: во-первых, окончание основы на задненёбный звук, изменявшийся в свистящую или аффрикату перед окончанием местного единственного -ть. Очевидно, формы, как *в песку*, *в полку*, легче ассоциировались с прочими падежами, чем старые формы *в песць*, *в полць*, звук *ц* которых не находил себе соответствия в других падежах (*песци*, *полци* рано уступили место формам *пескы*, *полкы*, как мы уже знаем). Это способствовало вытеснению старых форм на -ть в основах на задненёбные согласные новыми формами на -у. Впрочем, в великорусских говорах, где *ц*, *с*, *з* систематически заменялись в склонении и спряжении задненёбными по грамматической аналогии, вновь возникали

(частью диалектически) образования, как *в песке, в полке*, и вытесняли произношение *в песку, в полку*. Во-вторых, подвижность ударения соответствующей основы; в основах с подвижным ударением местный падеж на *-у* имел ударение на этом *-у* в силу того, что в исконных основах на *-й* с подвижным ударением (а большинство основ на *-й*, нам известных, имели подвижное ударение) ударение местного единственного падало на окончание в противоположность большинству других падежей, сохранявших его на корне (род. *дóму*, твор. *дóмьмь* при местн. *дому́*). Это зависело от того, что окончание местного единственного *-у* в литовско-славянскую эпоху имело такую долготу, такой вид долготы, которая перетягивала на себя ударение с предшествующего краткого слога или слога с другим видом долготы. Итак, в словах с подвижным ударением ударение новых форм местного единственного на *-у* отличалось от ударения старых форм местного единственного на *-ь*, которые в словах с подвижным ударением имели всегда ударение на корне. Это обстоятельство содействовало упрочению новообразований на *-у* в словах с подвижным ударением, ибо обе формы местного падежа — старая на *-ь* и новая на *-у*, — различаясь не только окончанием, но и ударением, получили благодаря этому двойному различию возможность вступить в различные ассоциации морфологические и синтаксического характера. Так, в соединении с предлогами *въ, на* могли преобладать одни формы (формы на *-у*), а в соединении с предлогами *о, при* другие (формы на *-ь*). Формы на *-у* могли употребляться тогда, когда существительному не предшествовало определение, напротив, формы на *-ь* — при наличии этого условия (ср. ниже современные русские отношения, а для древнего языка примеры, как в Гр. 1571: *не въ дѣлу*, А. Ю., № 23; но в Гр. 1532: *въ семь дѣли*, А. Д., № 155; в Ипат.: *на холму*, 85 г; но: *на Вытечевскомъ холмѣ*, 846). Приведу примеры для местного падежа на *-у* из древнего и современного языка, располагая их по указанным выше рубрикам.

Местный единственного на *-у* в древнем языке, в положении после предлогов *въ* и *на* (включаю и старые основы на *-й*).

1) В основах на задненебную согласную: на лукине берегу, Гр. 1525 (Собр. Бел., № 39); на беломъ пѣску, Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9); на островку, Гр. 1568 (А. Ю., № 85); въ кабалномъ долу, Гр. 1579 (А. Ю., № 249); на снѣгу, 1620 (Письма русск. госуд., № 101); в возку, 1630 (ib., № 351); въ иску, 1691 (Барс.,

Палестр., 150); въ списку, Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); въ починку, Гр. 1584 (А. Ю., № 24); въ Можайску, Гр. 1577 (А. Ю., № 171); въ переулку, Гр. 1574 (А. Ю., № 229); на Боркоу, Гр. 1137 (1282, Р. Д.); въ боркоу, Ипат., 267в; в полкоу, *ib.*, 270а; в полку, *ib.*, 96а; на полку, *ib.*, 28в; на берегу, Гр. 1462—1505 (С. М., № 50), Гр. 1498—1499 (А. Калач., I, № 112); у Луцку, Луцк. гр. 1388; въ торгу, Гр. 1466—1478 (А. А. Э., I, № 81); на Михѣевѣ берѣгу, Дв. гр. XV в., № 93; на писку, Дв. гр. XV в., № 28; на Торжку, Новг. гр. 1265, № 1; в Торожкоу, Новг. гр. 1265, № 2; Торъшку, Новг. гр. 1372, № 13; в лику стыхъ, Лавр.; въ Хороужькоу, Новг. 1-я, 49а; на новѣмъ Търгоу, *ib.*, 56а; на коньнемъ търгоу, *ib.*, 69б; въ полкоу, *ib.*, 86а; в кроугу, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 224а; въ вѣлицѣ полку, Ипат., 198г; во Торжькоу, *ib.*, 296в; в полкоу его, *ib.*, 224б; во снѣгоу, *ib.*, 238б; во Смоленскоу, *ib.*, 242б; на брегоу, Ев. 1339, 47а; в Торжку, Догов. 1368, № 28; в долгу, Догов. 1436, № 56; в Торжку, Лавр., 461; в Полотьску, Син. сборн. XVв., № 154; на полку, *ib.*; на Волоку, *ib.*; в Полочку, Погод. сп. Псков. лет., № 1413; оу торгу, Псков. судн. гр.; у Луцьску, Луцк. гр. 1386; в Полоцку, Вкладн. кн. Анофрия 1399 (Л. Васильев); у Новомъ Городку, *ib.*; в Торжьку, Лет. Авр. (Карский); в Полочку, *ib.*; въ Смоленскоу, *ib.*; на Смоленскоу, Увар. сп. Западнорус. лет.; у Витебску, Виленск. сп. Западнорус. лет.; на Югу, Гр. 1485—1505 (А. Ю., № 3); о пълку Игоревѣ, Сл. о п. Иг., I и т. д. Рядом, однако: на пѣски, Дв. гр. XV в., № 116; на Лукини береги, *ib.*, № 1; в Новотържьце, Новг. 1-я, 49а; на Торъжки, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 318б.

2) В основах с подвижным ударением, обычно при отсутствии перед формой местного падежа определения, притом после предлогов *въ* и *на*: у собя въ дому, Гр. 1471 (А. А. Э., I, № 92); на бору, Дв. гр. XV в., № 99, 98; на низу, *ib.*, № 8, 19, 90; на носу, *ib.*, № 12, 6, 21, 22; на низоу, Новг. гр. 1270, № 3; в миру, Новг. гр. 1373, № 17; в горну, Лавр.; на холму, Лавр. (но: на томъ холмѣ); въ дому своемъ Лавр.; на часу, Новг. 1-я, 46а; на холму, Ипат., 103а; на дару, *ib.*, 151б; в бору, *ib.*, 110в; на Дону, *ib.*, 112г; на ледоу, *ib.*, 135в; в Руту (река), *ib.*, 158в; на Саноу, *ib.*, 296в; на броду, *ib.*, 43г; на бороу, *ib.*, 217а; в пироу, *ib.*, 258г; на острову, *ib.*, 373а; на мѣстци и часоу, Молд. гр. 1434, № 35; в городу, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); в миру, Догов. 1368, № 28; въ мироу, Гр. 1229 (А); на крому, *ib.*; у крому

и в крему, Погод. сп. Псков. 1-й; на стану, *ib.*; в пиру, Псков. судн. гр.; на дѣлу, Гр. 1504 (Собр. Бел., № 22); в острову, Гр. 1532 (*ib.*, № 51); на лѣсу, Гр. ок. 1490 (А. Ю., № 6); на езу, Гр. 1510 (А. Ю., № 14); на углу, Гр. 1571 (А. Ю., № 23); на ледѣ, Домостр. Конш., 41; в соку, *ib.*, 43; на ледоу, Чуд. Кормч. XIV в. (Р. И. Б., VI, 100); на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ, Сл. о п. Иг., 43; въ пироу, Русск. Пр. (Р. Д., I, 29); на търгоу, *ib.*, 34; в тылу, Послов. XVIII в. (Симони, 191); во лбу, *ib.*; на вѣку, *ib.*, 188; в богатомъ в доу, *ib.*, 192; пришла баба на брезгу принесла кочергу, *ib.*, 193; родился на свѣту, а пошелъ во тму, *ib.*, 194; на дору на заросломъ, Гр. 1555 (А. Ю., № 151); на острову, *ib.*; на броду, Гр. 1577 (А. Ю., № 171); въ росту, Гр. 1524 (А. Ю., № 235); в вечеру, 1620 (Письма русск. госуд., № 86); въ году, Гр. 1448 (А. А. Э., I, № 41); на стану, Гр. ок. 1330 (Р. Л. А.); въ пиру, Гр. 1398 (А. А. Э., I, № 13); оу Вагру, Ипат., 935 (вероятно, с подвижным ударением); в Сану; *ib.*, 936 (вероятно, то же); в роду своемъ), Ипат., 5в; в Судѣ, *ib.*, 25а; в раду англѣстѣ, Поуч. Ефр. Сир., 244г; в Руту, Лавр.; а коли товаръ на стану станеть, Полоцк. гр. ок. 1330; в часу, Галицк. гр. 1424; в ручью, Гр. 1568 (А. Ю., № 85), Гр. 1691 (Барс., Палеостров, 139); ср. им. ед. севернорусск. *рѹчей* с подвижным ударением.

Несмотря на предшествующее определение находим форму на -у: в Максимовѣ жару, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); въ Вяичевскомъ) ѣзу, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); въ Берестовѣ стану, Гр. 1490 (А. Калач., II, № 147); въ моемъ роду, Гр. 1496 (А. Калач., № 118); по своемъ роду, Гр. 1484 (А. Ю., № 151); в томъ миру, Гр. 1189—1199 (ок. 1263); во мницькомъ чину, Догов. ок. 1392 (С. М., № 18); на нашемъ стану, 1619 (Письма русск. госуд., № 17); въ Угожскомъ стану, Гр. 1539 (А. Ю., № 80); на одномъ часу, Лавр., 461; на томъ миру, Молд. гр. 1434, № 39; на томъ сниму, Молд. гр. 1435, № 38; на Романовѣ радоу, Ипат., 232б; в томъ радоу, *ib.*, 232б; на мале часоу, Новг. 1-я, 44а; на семь листу, Житомир. гр. 1433. Замечу, что слова *миръ*, *чинъ* принадлежат к исконным основам на -й, а *рядъ* образует формы по склонению на й уже в древнейших памятниках; таким образом, только примеры с *жаръ*, *льзь*, *станъ*, *родъ*, *часъ*, *листъ* и *снемъ* представляются нарушающими обычные отношения. Отмечу старые формы на -ль, как: во рте, Послов. XVIII в. (Симони, 81); на яве, *ib.*, 94; во лбе, *ib.*, 128; на носѣ, Лавр., 317;

въ ростѣ, Гр. 1524 (А. Ю., № 235); в Холмѣ, Ипат., 297а (город). Не ясно: рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ аркучи, Сл. о п. Иг., 38 (ср. в Путивлѣ на забралѣ аркучи, *ib.*, 39), погасоша вечеру зари, *ib.*, 40.

В положении после другихъ предлоговъ формы на -у вообще не известны. Исключение составляетъ слово *мирѣ*, какъ исконная основа на -*й* (ср. выше): жена о дому прилѣжать, Послов. XVII в. (Симони, 101); о миру, Лавр. 450, Ипат., 142в, Лет. Авр.

Диалектически уже в древнемъ языкѣ замечаются более или менее значительные отступления отъ выяснившихся отношений, а именно в белорусскомъ, древнепольскомъ и украинскомъ. Такъ, -у проникаетъ в имена лицъ. В основахъ на задненебную: на Воитку, Галицк. гр. 1412; также в положении после предлога *при*: при пану Блотишевскомѣ, Галицк. гр. 1371; при Борису, Псков. Паракл. 1369 (Собол. Очерки); при попе Федосу, Прол. 1383 (Соболевский); при кролю, Молд. гр. 1395, № 10; при господарю, *ib.*; наконецъ, в единичныхъ случаяхъ в основахъ с неподвижнымъ ударениемъ после предлоговъ *в*, *на*: у Галичю, Гал. гр. 1401, Гал. гр. 1409; у Гюргеву, Молд. гр. 1383—1419, № 17; въ Киеву, Ипат., 204г; на Днепру, Син. сборн. XV в., № 154 (Псков.); на столу, Погод. сп. Псков. 1-й, № 1413; в храмоу, Лет. Авр. (Карский). Отдельно отмечу односложное *во рву*, Гр. 1574 (А. Ю., № 229). Ср. моск. *во рту* (а в Хожд. Афан. Ник. по списку XV в. — *во рть*, 385б).

Местный единственного на -у в современном великорусскомъ языкѣ после предлоговъ *в*, *на*.

1) В основахъ на задненебную согласную с ударениемъ неподвижнымъ: на чердакѣ, Петроз. (Отв. № 12); на чердаку, Олон. (Отв. № 29); на волоску, на потолку, *ib.*; на чердаку, Вытег. (Отв. № 22); в рынку, Кадн. (Отв. № 26); на волоску, на потолку, *ib.*; на лужку, Устюжн. (Отв. № 28); в рынку, Петроз. (Отв. № 30); на волоску, *ib.*; в цветнику, в сапогу, *ib.*; в цветку, *ib.*; на волоску, Остров. (Отв. № 33); в чайнику, Мещов. (В. Черныш.); в садочку, *ib.*; на шестику, на большаку, *ib.*; в пяску, Дон. (Калмыков); на полкѣ, Холмог. (Отв. № 50); на гвоську, *ib.*; на пескѣ, на чердаку, *ib.*; на волоску, Холмог. (Отв. № 54); на потолкѣ, *ib.*; на затылку, Льгов. (Отв. № 67); на потолку, на волоску, Брянск. (Отв. № 259); на большаку, Новосил. (Отв. № 77); на девишнику, *ib.*; на столику, *ib.*; на затылку, *ib.*; спасибо на чайку, Никол.-Волог. (Отв. № 266); в рынку, Слобод. (Отв. № 120); в сундуку,

Слобод. (Отв. № 222); на песочку, Уфим. (Отв. № 166); на пяску́, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В., 1880); на камушку, на крутом бы на бѣришку, *ib.*; в сундукú, Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В., 1893); на камушку, Обоян. (Резанов); на желтым пясочку, *ib.*; ва первом садочку, *ib.*; ва садику ва зеленым, Обоян. (Резанов); ва садику ва садочку, *ib.*; на седельничку залатом, *ib.*, на мясьтечку, Жиздр. (А. Никольский); на празьнику, *ib.*; ы́ пяску́, *ib.*; на затылку, *ib.*; на дявѣшнику, *ib.*; ы́ садику, *ib.*; ф пяску́, Терск.-Моздок. (М. Караулов); на дьячку, *ib.*; на рынку, Петроз. (Шахм.); на чердаку́, на чердачку́, *ib.*; на крѣжыку, Пудож. (Шахм.); в мешку́, Повен. (Шахм.); у Масальску, Мосал. (Шахм.); на большакú, *ib.*; у Мящоску, *ib.*; на задворку, *ib.*; в закаулочку, Жиздр. (Шахм.); на затылку, Мещов. (Шахм.).

2) В основах с подвижным ударением (включая в них и основы на задненебные согласные), притом обычно при отсутствии перед формой местного падежа определения: в пару, Чистоп. (Отв. № 1); в лесу, Гдов. (Отв. № 11); в саду, Кадник. (Отв. № 25); на полú. Устюжн. (Отв. № 28); на берегу, *ib.*; на листú, *ib.*; на волосú, *ib.*; на глазú, *ib.*; на ветру́, *ib.*; в мозгу́, Петроз. (Отв. № 30); в неводу́, *ib.*, на дому́, Кадник. (Отв. № 31); у шарú, Мещов.; (В. Черныш.); в илу́, Дон. (Калмыков), в гараду́, Егорьев. (В. Черныш.); впереду, *ib.*; на рагу́, Новосил. (Отв. № 77); в боку́, *ib.*; на мохú, *ib.*; на городу была, Никол.-Волог. (Отв. № 266); в глазú, Слобод. (Отв. № 222); на волосú, Белоз. (Отв. № 191); в коробú, Камышл. (Отв. № 89); в пепелú, Солик. (Словцов, Арх. II. Отд.); дому, в пруду, в городе, Волог. (Баженов); у садú, Обоян. (Резанов); в халаду́, *ib.*; ф тирямú, Терск.-Моздок. (М. Караулов); на поду, *ib.*; на вересú, Пудож. (Шахм.); в неводу, *ib.*; на лугú, в носú, на мостú, на полú, на пухú, на шелку́, на годú, на глазú и т. д., Моск. В основе на старое *-jõ (-ĭ)*: на камнѣ, Покров. (Отв. № 10), Олон. (Отв. № 29), Вытег. (Отв. № 22); весь в дяхтю, Мещов. (В. Черныш.); на гребнѣ, *ib.*; в мисяцю, Пудож. (Шахм.); в маю, Петроз. (Шахм.); в мае месяцу, Мещов. (В. Черныш.); в каменю, Пудож. (Шахм.); на углѣ, Холмог. (Отв. № 50). Гораздо реже при наличности предшествующего определения: на окружном сúду (ср. род. *сúда*, твор. *сúдом*), Мещов. (В. Черныш.); в каждом дому́, Дмитр. (В. Черныш.); на етом прудú, Богородск. (В. Черныш.); на сыром дубú, Обоян. (Резанов).

Оставляю в стороне случаи диалектического распространения *-у*, во-первых, в словах с ударением неподвижным (*на сосунú*,

в огню, в хлеву, на каню, на канцу, на кастылю, на хрясту, в углу, в овсу, даже в одушевленных: на вору); во-вторых, после предлогов *при* и *об* (*при отцу, при стуку, при брату, об рублю, при вечеру*); в-третьих, в словах односложных (*во рту, на лбу, диалект. на пню*). Эти явления можно признать позднейшими, относящимися уже к эпохе отдельной жизни великорусского языка и тех наречий, которые входят в его состав. Поэтому я рассмотрю эти явления ниже в русском отделе. Рядом сохраняются и формы на *-е*: в саде, Грязов. (Отв. № 36); в доме, Вытег. (Отв. № 22); в лесе, Новг. (Отв. № 20); в глазе, Орл.-Вят. (Отв. № 42).

Местный единственного на *-у* в современном белорусском языке после предлогов *в* и *на*.

1) В основах на задненебную согласную: *ў* нашем раўчаку, Минск. (Отв. № 17); *в*исиць на калку, Игум. (Отв. № 8); на лайдаку, *ib.*; *ў* саседним домику, Новоалекс. (Отв. № 11); *ў* зяленым чайку, *ib.*; на сивым конику, *ib.*; *ў* мяшкú, Новоалекс. (Отв. № 14); *ў* кутку, *ib.*; *у* острогу, Пруж. (Отв. № 9); на сивуом конику, Мозыр. (Отв. № 5); *у* карманику, Рогач. (Ром., III, 184); *у* запячку, *ib.*, 291; *у* гресьнику, Быхов. (*ib.* 309); на шметьнику, *ib.*; сядзиць на стулку, *ib.*, 305; на сметьничку, Рогач. (*ib.*, 380); *у* мяшку, Быхов. (*ib.*, 363); *у* хвольверку, *ib.*, 397; *ц* samцам kutoczku, Волков. (Federowski, I, 19); на katku, *ib.*, 20; на stólku, *ib.*, 39; на padwцogku, *ib.*, 22; на rušn'ikú, Новогр. (Клих); *g* b'erežkú, *ib.*

2) В основах с подвижным ударением: *у* бару, Игум. (Отв. № 7); *ў* даму, Новоалекс. (Отв. № 14); *ў* лясу, Витеб. (Отв. № 18); в хлеву, Себеж. (Отв. № 26); на лугу, *ib.*; *ў* саду Пинск. (Отв. № 7); *у* лугу, Пруж. (Отв. № 9); на вярху, Рогач. (Ром., III, 65); на берягу, Быхов. (Ром., III, 197); *у* том дому, *ib.*, 196; *у* вечару, Быхов. (*ib.*, 188); на стогу, Рогач. (*ib.*, 228); *ў* мяху, *ib.*, 412; на'дным боку, Быхов. (*ib.*, 259); на жару, Рогач. (*ib.*, 270); *ў* тым дому, *ib.*, 305; *у* суду, Рогач. (*ib.*, 391); на сёмым году, Быхов. (*ib.*, 393); на полу, Рогач. (*ib.*, 397); *ў* царским скляпу, Рогач. (*ib.*, 411); на tuóm боку, Волков. (Federowski, I, 72); на nizú, Новогр. (Клих), на bakú, *ib.*; на краю, Рогач. (Ром., III, 63); *у* саду, *ib.*, 151.

Ниже в белорусском отделе рассмотрю случаи дальнейшего диалектического распространения окончания *-у*, во-первых, в основы с ударением неподвижным (например, *на каню, на вагу, на старуом дзеду, на чужым двару, аб тым каню*); во-вторых, в положении после предлогов *при* и *об*: *ab miercu*, Волков. (Federowski, I, 60); *ab dziedu*, *ib.*, 70; *ab chłorcu*, *ib.*, 29. Кроме того, видим,

что местный падеж на -у в основах с подвижным ударением может принимать ударение дательного падежа: в лёсу, Себеж. (Отв. № 29); и hódu, bóku, и v'égхи, Новогр. (Клих). Отмечу, что рядом держатся и старые формы на -ть: на самым верси, Быхов. (Ром., III, 312); ў доми, ib., 384; ў другим доми, ib., 306, при: ў тым дому, ib., 305; у вашам склепи, Рогач. (Ром., III, 411), при: ў царским скляпу, ib.; на гэтым дуби, ib., 97; на бэрази, ib. 65; у лўзи, ib., 35; у дўби, Пруж. (Отв. № 9); у лёси, ib.; ў сáдзе, на стóзе, Игум. (Отв. № 8); ў мёди, у цвечи, у доми, Витеб. (Отв. № 18); в хлёви при: в хлевú, Себеж. (Отв. № 26) и т. д.

Местный единственного на -у в современном украинском языке.

1. В основах на задненебную согласную. Как указывают грамматики, местный на -у имеет в украинском слова: *льоx, сміx, міx, пух, моx, запах, лопух, цибух, сніг, вік, сік, звук, рак, цьях, дах, бук, знак, скік, крик, капшук*, далее слова на -ик, -ок, -ак, -як, -ко, -вк, -ск (например, в мішкú, на горбóчку, в сіряку, в вóску, на шовкú, в повкú, на козакú, на гусакú, на кулаку). (Ср. Тимченко, Украинская грамматика, стр. 102—103.)

2. В основах с подвижным ударением: садú, Квитка, изд. Потебни, I, 33; лисú, ib., 36; полú, ib., 46; борú, ib., 58 (ср.: бóром, ib., 61); чынú, ib., 69; домú, ib., 86; цвиту́, ib., 102; на выдú, ib., 110; на явú, ib., 166; мырú, ib., 237; разú, ib., II, 89; гробú, ib., II, 299; возú, ib., II, 206; домú, ib., II, 247; станú, ib., II, 263; об новóму годú, ib., II, 312; у жéньскому полú, ib., II, 280; умú, ib., II, 77; пылú, ib., II, 80; потú, Энеида Котляревского (изд. Катранова), 22; в Рымú, ib., 59; торгú, ib., 71; мырú, ib., 91; раю, ib., 99; краю, ib., 99; на валú, ib., 163, 182; в бою, ib., 234; в лисú великому, ib., 12; в земному раю, Грамáтка, изд. Кулиша, стр. 63 и т. д.

Замечательно, что в украинском держится то же различие в ударении форм на -ть и форм на -у, которое известно в русском и восходит к древнему языку: при даху находим *дáси*, при *льоxú—льóси* (Тимченко), *на бродú—на брóде* (Осадца); ср. еще ударение *в нóси, на бéрезі, в вóлосі, на вéрсі, в лўзі, на Тóрзі, по сім бóці, на дўбі* и др. (Тимченко); у Квитки: *ліси*, I, 29; *чыни*, II, 316; у *сúди*, II, 9; на *вéрси*, II, 4; у *нóси*, I, 130; *бóци*, II, 235; *доми* II, 242; на *вóзи* II, 66; в Энеиде: в *ліси*, 47; на *вóзи*, 241; в *нóси*, 229 и т. д. Чередование *на вóзі* и *на возú, на вéрсі* и *на верхú* вызвало и *на двóри* (Квитка, I, 106, II, 3, 253; Энеида, 31, 33, 49), вместо *на дворі* при *на дворú*.

Ниже в отделе украинском¹ рассмотрю случаи распространения окончания -у в основы с неподвижным ударением: галицк. — *вітцю́, хлѡнцю́*; угрорус. — *на коню, в приятелю, на рихтарю*; лемк. — *учарю*, также случаи совпадения ударения местного единственного с дательным: *в далѣкому краю*, „Основа“, 1851, I; равно еще появление местного на -у после предлогов *при* и *о*: *при батьку, при медю́*; наконец, проникновение -у в местный единственный среднего рода.

3. ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ НА -У

Перенос этого окончания в основы на -ѣ имеет место только в белорусском и украинском; в великорусском его нет. Отсюда заключаю, что перенос этот относится к позднейшим эпохам. Звательный *свату* в Ипатьевской летописи принадлежит, очевидно, южнорусскому источнику.

4. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ НА -ОВИ

В современном великорусском окончании -ови не известно совсем. Но памятники доказывают, что его знал старый язык. Нет основания думать, что Новгородские и Суздальские летописи или Двинские акты употребляют формы на -ови под влиянием книжного южнорусского языка. Ввиду этого думаю, что -ови из основ на -й перешло в основы на -ѣ еще в старшие периоды и притом едва ли не одновременно с другими выше рассмотренными окончаниями. Замечательно, что употребление -ови, вместо чего после мягких основ является -еви, ограничивается, строго говоря, в севернорусских памятниках только одной категорией имен, а именно только имен одушевленных. И в южнорусских памятниках -ови значительно преобладает в именах одушевленных. В белорусском языке -ови в настоящее время употребляется почти исключительно в именах одушевленных. Это позволяет утверждать, что общим для всего русского языка было распространение -ови в имена одушевленные, в неодушевленные -ови проникало вообще в единичных случаях, за исключением, однако, украинского, где, как увидим впоследствии², оно получило широкое распространение.

¹ Соответствующая часть курса А. А. Шахматовым не была обработана. (Ред.)

² Имеется в виду предполагавшийся специальный отдел, посвященный явлениям украинского языка, который А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

Это последнее явление едва ли не стоит в связи с тем, что в украинском неодушевленные получили и другие окончания одушевленных, например *-а* в винительном единственного. Остановившись на вопросе, почему *-ови* ассоциировалось с категорией имен одушевленных в эпоху общерусских явлений, я думаю, что это зависело от следующей причины: как мы видели, из основ на *-й* в старые основы на *-ѣ* заимствовались окончания *-у* в родительном и *-у* в местном. То и другое окончание первоначально переносилось только в имена неодушевленные; понятно, что таким образом *-у* в родительном, *-у* в местном входили в тесную и постоянную ассоциативную связь с окончанием *-у* в дательном. В ряде слов (слов с неподвижным ударением) все три падежа оказывались тождественными, например: *Торжку* — местн., род., дат. В словах с подвижным ударением форма местного падежа отличалась от формы дательного и родительного только местом ударения: *вѣрху* — род. и дат., *верху́* — местн. Окончание дательного *-ови* основ на *-й* осталось, таким образом, в стороне и не ассоциировалось уже со старыми окончаниями в склонении этих основ (*-у* в родительном и местном). Понятно, что ему было естественно ассоциироваться с другими окончаниями в склонении мужеского рода, т. е. с окончаниями *-а* и *-ь*. В первоначальные основы на *-й* окончание *-а* в родительном проникало только в имена одушевленных, как *сына*, *вола* (это имело место, как мы видели, еще в общеславянскую эпоху). Таким образом, усилилась связь окончания *-ови* именно с этими словами, как именами одушевленными; при *мѣду* — родительный, *меду́* — местный единственного естественно возникало в дательном *мѣду* (ср. в основах на *-ѣ* *со́ку*, *соку́*, *со́ку*); *медови* исчезало (как не было известно *сокови*); напротив, при *сына* продолжало существовать *сынови*, и это вело к распространению *-ови* и в другие имена одушевленные (с основой на *-ѣ*, *-јѣ*, первоначальные на *-й*).

Приведу данные, свидетельствующие о распространении *-ови*, *-еви* в древнем языке. Выдвигаю на первое место данные памятников не южнорусских, ибо в южнорусском языке, как сказано, имело место дальнейшее распространение *-ови* и в имена неодушевленные: Геургиеви, Гр. Мстислава ок. 1130; гостеви, Смол. гр. 1284; броветови (Probst), Полоцк. гр. ок. 1330; купцѣви, ib.; вѣсцѣви, ib.; Жихневе (вм. Жихневи), Дух. Новг. до 1270; Иванкови, Новг. гр. 1265, № 1; о(т)ц(е)ви, Новг. 1-я лет., 94а; Іакоунови, ib., 35а; Давыдови, ib., 46а; б(ого)ви, ib., 54б; Исакови, ib., 1204 год;

Филипови, доужеви, ч(е)с(а)р(е)ви, *ib.*; Рагоуилови, *ib.*, 146; Курови, Дв. гр. XV в., № 68; попови, Смол. гр. 1229 (Д); с(ы)н(о)ви, Гр. 1281—1297 (Р.Д.А.); гостеви, Рижск. гр. ок. 1300; послови, Смол. гр. 1229 (Д); богови, Гр. 1229 (В, № 1); мастерови, Смол. гр. ок. 1240; богови молитиса, Домостр. Конш., 62; ни мужеви, ни женѣ, Вопр. Кир. 1282 (Р.И.Б., VI, 43). Окончание *-ови* в неодушевленных в памятниках не южнорусских почти не известно. Могу указать только в Рижск. гр. ок. 1300: монастыреви и к мостови. В южнорусских памятниках *-ови*, *-еви* решительно преобладают в именах одушевленных. Так, в Пов. вр. л. по Лавр. сп. находим: воробьеви, Борисови, Василкови, Володареви, коневи, Рюрикови, мужеви, Глебови, Игореви, д(у)хови, Ідневи и т. д.; рядом только: Дунаеви, монастыреви, wгневи и боеви. В Ипат. летописи *-ови*, *-еви* в именах одушевленных в десятках случаев, например: попови, 189а; Глѣбови, 179г; к вепреви, 299г; к медвѣде, 299г; Петрови, 166в; зятеви, 173в, 174б; королеви, 174в; тьстеви, 269а; ко Александрови, 249б; ко строзви, 234г; оуєви, 222а; Павлови, 301а; коневи, 135в; и т. д. В неодушевленных находим *-ови*, во-первых, в именах рек и городов: к Санови, 161в; Рутови, 158в; к Выреви, 130в; Холмови, 281а, 288а; к Донови, 225б (ср. на *Донь*, 225в); во-вторых, в некоторых именах с основой на *-jō*: по ручаеви, 44б; к боеви, 87г (то же в соответствующем месте Лавр.); зноеви, 98б; wгневи, 17в (wгневи и в соответствующем месте Лавр.); монастыреви, 59а (то же в соответствующем месте Лавр.); в-третьих, в нескольких других словах: по валови, 196а; по ледови, 293а, 296а; по лугови, 139в; к валови, 157б; ко wсѣкови, 293а; даже — соньмови, 288б (мирови, 207а — это старая основа на *-й*). В Слове о полку Игореве только имена собственные: красному Романови, 4; Игореви, 6; Хинови, 25; великому Хрьсови, 36; по Дунаеви, 38; Кончаккови, 43. В Книгах законных по списку XV в. — одушевленные: волкови, звѣреви, моужеви, wсподареви, ц(а)реви и др., но также: wгневи, по грошеви (ср. вин. *гроша* в украинском). В Перемышл. гр. 1378¹: Иванови, Ивашкови, Ходорови, зятеви, протодьяконови, но и: монастыреви. В Перемышл. гр. 1391: Яшкови, но и: к тому листови. В Галицк. гр. 1401: Кундратови, Васковѣ. В Молд. гр. 1433, № 33: Стефановѣ; в Молд. гр. 1434, № 35: Казымирови, Владиславови; в Молд. гр. 1431, № 28: къ ихъ оурикови; и т. д.

¹ В рукописи грамота датирована 1371 годом. (Ред.)

В белорусской псалтыри XVI в.: помочникови, но и: голосови (Карский). В Житии Бориса и Глеба по Усп. сп. XII в.: Бърнови, Глѣбови, Ольгови, Д(а)в(ы)д(о)ви и т. д. В Западнорус. лет. по сп. Крас. XVI в.: Шварнове.

Как указано, в современном великорусском *-ови* исчезло совсем. Замечу здесь, что фонетически вместо *-ови* явилось бы, и не только в великорусском, но и в других русских наречиях, *-ов* (непосредственно из *-овѣ* с напряженным *ѣ*); ср. наречия: *домовѣ, доловѣ*, также диалект. великорус. *ежегодовѣ*, или также *-ой*, ср. *домой, долой*. Сохранению *-ови* в белорусском, *-овы* в украинском способствовало влияние со стороны дательного единственного основ на *-ї* (как *зяти, тести*); ср. дальнейшую замену *-овы* через *-ові* (из *-овѣ*) в украинском под влиянием *і* (из *ѣ*) в местном мужеского рода. Итак, в белорусском находим *-ови*; при этом оно известно почти только в одушевленных: *сынóви, жабракови, жарабцѣви*, Сокольск. (Отв. № 2); *ясеви, коневи, Гродн.* (Отв. № 19), *Пинск.* (Отв. № 3, 6); *бацькови, казакови, ковалеви, Слуцк.* (Малевиц); весьма редки, единичны случаи, где *-ови* употребляется в неодушевленных: *столови, Свенц.* (Отв. № 13), *Пинск.* (Отв. № 7), *Пруж.* (Отв. № 9); *дубови, ів.* Замечательно, что в одном из пинских говоров с формами дательного на *-ови* соединяется оттенок презрения и негодования: *коневи, Петрови* (Отв. № 4).

В украинском *-ови* (так на западе, а в самой Украине — *-ові*) вытеснило почти совсем окончание *-у* как в одушевленных, так и в неодушевленных: *по лóбові, пáнові, кожúхові, лúгові, козакові, батькові, Дніпрóві, робітникові, хлóпчикові, дúрневі* и т. д. Замечательно, что *-ові* проникло и в местный единственного, но только имен одушевленных: *на козакові, на братові*; думаю, что и это стоит в связи с тем, что первоначально окончание *-ови* проникло в имена одушевленные и уже оттуда распространилось на неодушевленные.

5. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА *-ОВЕ*

Это окончание почти совсем исчезло, как увидим¹, в украинском и белорусском и окончательно вытеснено в великорусском (частью формами на *-овья*, едва ли не непосредственно заменившими формы на *-овя*). Но памятники свидетельствуют о значи-

¹ Имеются в виду специальные отделы курса, посвященные белорусским и украинским явлениям; эти отделы А. А. Шахматовым не были, однако, обработаны. (Ред.)

тельном его распространении в древнем языке. Выше я уже говорил об этом окончании, указывая на то, что первоначальной областью его распространения были слова со значением одушевленных. Это зависело от того, что *-ове* в склонении основ на *-й* сохранилось именно в одушевленных, между тем как неодушевленные заменили *-ове* через *-ы*, т. е. форму винительного множественного (а в одушевленных форма винительного множественного заменялась, могла заменяться формой родительного множественного: *сынов* вместо *сыны*). Общим для всех частей русского языка явлением я считаю вытеснение окончания именительного множественного *-и* через *-ове* именно в именах одушевленных. Это доказывается, во-первых, отсутствием *-ове* в древних памятниках не южнорусских, в словах, означающих нечто неодушевленное; во-вторых, тем, что остатки окончания *-ове* (*-овья*) в великорусском только в именах одушевленных, причем также и в украинском и белорусском — *-ове* почти только от одушевленных; в-третьих, наконец, самым фактом исчезновения этого окончания; это свидетельствует об ограниченности его употребления. В южнорусских памятниках видим распространение *-ове* и на неодушевленные предметы. Вероятно, это стоит в связи с общим распространением в украинском окончаний, свойственных одушевленному, в слова со значением неодушевленных. Приведу данные из древнего языка для *-ове* (после мягких согласных *-еве*) в именительном множественного.

Памятники не южнорусские: соловарове, Гр. 1449 (А. Калач., I, № 31); поп(о)ве, Новг. 1-я, 296; Чехове, Ляхове, *ib.*, 92а; пословѣ, Гр. 1294—1304 (Р.Л.А.); волостелеве, Гр. 1229 (Д); Берендѣеве, Лавр., 310; сторожеве, *ib.*, 303, 460; татарове, *ib.*, 438, 1368, № 28; приставове, Гр. нач. XV в. (С.М., № 56); приставе, Псков. судн. гр. (вм. *приставове*); воеве, Ермол., 13; послове, пословѣ, Погод. сп. № 1413 Псковск. лет. Встречающиеся в таких памятниках формы на *-ове* от имен неодушевленных едва ли не обязаны книжному языку, языку, находившемуся под влиянием южнорусского: дворове мнози, Новг. 1-я, 44а; полкове, *ib.*, 92б; бродовѣ, Погод. № 1413 Псков. лет.; борове, дождеве, громове, Лавр., 460, 461; судове, Псков. судн. гр. (вин. мн.). Что до *домове величии*, Новг. 1-я, 54а, то *домъ* — старая основа на *-й*.

Памятники южнорусские. Слова со значением одушевленных: бѣсове, Жит. Бор. и Гл. по Усп. сп. XII в.; сторожеве, Ипат., 1576, 159г, 165а; оуеве, *ib.*, 126а; псареве, *ib.*, 179а;

приятелеве, *ib.*, 193в; Берендѣевѣ, *ib.*, 199б; црве, *ib.*, 297г; татарове, *ib.*, 252г, 252в; Лахове, *ib.*, 268а; вожевѣ, *ib.*, 275в; хрустове, *ib.*, 63б; Волохове, *ib.*, 10б; воробьева, *ib.*, 23г; рыболовѣ, *ib.*, 61в (вм. *рыболовова*); панове, Молд. гр. 1404, № 18; предкове, *ib.*; предькове, Молд. гр. 1433, № 31; передкове, Молд. гр. 1434, № 34; передькове, Молд. гр. 1437, № 47; намѣсткове, Молд. гр. 1433, № 33, Галицк. гр. 1424; продкове, Киев. гр. 1459; попове, Галицк. гр. 1371; ратаевѣ, Сл. о п. Иг., 17; дятлове, *ib.*, 43. Также в памятниках литературных, восходящих к южнославянским оригиналам: вожеве, Ев. 1339, 160а; вожевѣ, Син. сборн., № 53, 1255; мытаровѣ, клеветаревѣ, *ib.*; вожевѣ, Сборн.

Соф. XV в., № 1262; бесовѣ, ѡрежвѣ, *ib.*; црве, Толк. апост. 1229; врачеве, Палея 1477; змиевѣ, слонове, *ib.*; змиеве, Колом. Пал., 64; мравиеве, *ib.*, 65; бѣсове, *ib.*, 76; послоухове, Кн. зак.; прелюбодѣеве, *ib.*; иѡрѣеве, Отв. митр. Ион. 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV, № 4)¹; Данила в рове убоялися лвові, Послов. XVII в. (Симони, 96). В западнорусских памятниках: Ляхове, Виленск. сп. Лит. лет.; Ляховѣ, Лет. Авр.; послове, татарове, *ib.*; пановѣ, Крас. сп. Лит. лет.; быковѣ, Псалт. XVI в.; англове, бгве, бесове, моуринове, паганове, послове (Карский), ѡслове, лѣкарове, богове, потомкове, ѡтцове, Псалт. XVII в.; кролеве, богачеве, Псалт. XVI в.; цареве, кролеве, Псалт. XVII в. (Карский).

Слова со значением неодушевленным: борове, полкове, разбоеве, монастыриве, Пов. вр. л. по Лавр. сп.; медове, Ипат., 134б; дарове, *ib.*, 178в, 180в., 206г; станове, *ib.*, 284в; боровѣ, *ib.*, 288б; борове, *ib.*, 224а; дворовѣ, *ib.*, 216б; громове, *ib.*, 55г; оудове, *ib.*, 61в; вшитци вжиткове, *ib.*, Гал. 1370²; листове, Гал. гр. 1421; чюдове, Палея 1477; соудовѣ, крестове, пирове, *ib.*; полковѣ, Лит. лет. сп. Крас.; ѡвощевѣ, Лет. Авр.; видове, Колом. Пал. 26; днѣве, *ib.*, 45; градове, Поуч. Ефр. Сир., 105в.; снове, *ib.*, 251г; воплеве, *ib.*, 251г; часове, Яросл. сп. Панд. Ник. Черног. XII—XIII вв. (Тихвинский); тропареве, монастыриве, *ib.*; морове, Син. сборн. XV в., № 53, 255; оудовѣ, *ib.*; пирове, Соф. сборн. XV в.; № 1212, Палея 1494; голодове, морове, вѣтрове, Пересопн. ев.

В современном великорусском *-ове* исчезло. Фонетически оно должно было измениться в *-овя*; это *-овя* под влиянием собира-

¹ Далее следовал отмеченный выше пример из Слова о п. Иг. (*Ред.*)

² В рукописи дата 1371 г. (*Ред.*)

тельных на *-ья* перешло в *-овья*. Таким образом, окончание *-овья* можем считать остатком старого окончания *-ове*. Мы находим его только в именах с одушевленным значением, даже точнее — в именах лиц: сыновья, кумовья, шуровья, сватовья; диалект. — зятевья, братовья, дружевья, мужевья, татаровья, улановья¹ (см. ниже в отделе русских особенностей). В современном белорусском *-ове* совсем почти не известно. Формы на *-ове* Карский признает полонизмами: пановя, сватовя, братовя, швагровя, Слуцк. (Малевич); *ludkowie* (Federowski, II, 234); старялове, Новогруд. (Отв. № 24); людкове, Пинск. (Отв. № 3); господаровэ, Пруж. (Отв. № 9); панове, сватове, кумове, Пинск. (Отв. № 6); *rapow'ę*, *svatow'ę*, Новогр. (Клих). В украинских говорах *-ове* также исчезло, но в галицких оно местами сохранилось: *вітрове*, *столове*, *хлібове* (Огоновский); карпаторус.: *вірлове*, *ворогове*, угрорус. (в именах лиц): *сусідове* (Верхр., I); лемк.: *дідове*, *свидкове*, *братове*, *кісцёве*, *вітцове*, *ткачове*, *людкове*, *збуйове*, *пташкове* и даже — *плугове*, *дымове* (Верхр.).

6. РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА НА *-ОВ*

Наибольшее распространение сравнительно со всеми вообще окончаниями основ на *-й* имело окончание родительного множественного *-ов*. Оно началось, как увидим, в ранние эпохи, и, по-видимому, скоро наступило сначала частичное, а потом и полное вытеснение старых форм. Эти формы в большинстве слов мужского рода (исключение составляли случаи, как *волос* при *волок*) сходствовали с формами именительного, винительного единственного числа и не имели, таким образом, характерных падежных окончаний. Понятно, что именно это обстоятельство и послужило основанием для успеха окончанию *-ов*, ибо с этим окончанием соединялось представление о родительном падеже множественного числа.

Приведу примеры из древнего языка: *грѣховъ*, *пѣлковъ*, *бѣсовъ*, *дховъ*, *троудовъ*, *манастыревъ*, Жит. Феод. по сп. XII в.; *грѣховъ*, Усп. сборн. XII в., № 175/18; *видовъ*, *ів.*; *скотовъ*, *ів.*; *троудовъ*, *ів.*; *члвкѣвъ*, *ів.*; *р* псалмо, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 23); *і* соколовъ, Сл. о п. Иг., 3; *бес щитовъ*, *ів.*, 27; *заклад-*

¹ Ср., впрочем, диалектные *дерновья* (от *дери*), *кустовья*, *пеневья* (от *печь*), *платовья*, *пузовья*, *сноповья*; в былинном языке встречаются формы *даровья*, *луговья*, *путевья* (от *путо*), *ратовья*, *тоневья*. (Ред.)

никовъ, Новг. гр. 1265, № 1; оу коупцевъ повозовъ не имати, *ib.*; новгородцевъ, Новг. гр. 1265, № 2; оу новоторъжьцевъ, Новг. гр. 1294—1301, № 4; оу истъцевъ, Новг. гр. 1305, № 10; закладневъ, Новг. гр. до 1308, № 7; оу талщиков, Новг. гр. 1314, № 12; вброковъ, Новг. гр. 1325—1327, № 15; из новгородскихъ пригородовъ, Новг. гр. 1371, № 8; изо всехъ пяти кончевъ, Новг. гр. 1372, № 13; новгородцовъ, Новг. гр. 1373, № 18; к̄ пузовъ, Дв. гр. XV в., № 116; б(ог)овъ, Лавр.; бѣсовъ, городовъ, даровъ, лапотниковъ, Лаховъ, сторожовъ, Лавр.; дневъ, *ib.*; коневъ, Новг. 1-я, 87б, 95б; пълковъ, *ib.*, 98б; дворовъ, *ib.*, 54а, 54б, 76а; кораблевъ, *ib.*, 69а; коубъковъ, *ib.*, 70б; црвъ, *ib.*, 72а; кроуговъ, *ib.*, 21а; новгородцевъ, *ib.*, 83а; новгородцевъ, *ib.*, 101б; товаровъ, *ib.*, 101а; иблъковъ, *ib.*, 30б (очевидно, мужеского рода); коневъ, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 309б; коневъ, *ib.*, 317а; братовъ в̄, *ib.*, 452а; батыровъ, *ib.*, 318а; в̄ кораблевъ, *ib.*, 45а; вбручевъ, *ib.*, 28б; помсовъ, Дух. моск. 1328, № 21; и съсудовъ, *ib.*; казначевъ, Дух. 1389, № 34; тиуоновъ, *ib.*; бѣрковъсковъ, Гр. 1281—1297 (Р.Л.А.); ратмановъ, Рижск. гр. ок. 1300; отчв, *ib.*; по нѣколицѣ дневъ, Ипат., 118б; што его городовъ, *ib.*, 141а; полковъ, *ib.*, 156б; черныхъ(ъ) клобоуковъ, *ib.*, 154г; даровъ, *ib.*, 188 г; е̄ дновъ, *ib.*, 192г; троуповъ, щитовъ, *ib.*, 280г; шеломовъ, *ib.*; ѿ огневъ, *ib.*, 284в; десяткввъ, *ib.*, 306б; мало городовъ, *ib.*, 45г; Лаховъ, *ib.*, 54а; новгородцевъ, *ib.*, 53б; сторожевъ е̄, *ib.*, 226в; господчичевъ е̄, *ib.*, 226в; і̄ д̄невъ, *ib.*, 228а; до трехъ становъ, *ib.*, 229а; приителевъ, *ib.*, 229в; стаговъ, *ib.*, 232г; княжичевъ, *ib.*, 234в; вороговъ, *ib.*, 235а; ѿ сватовъ, *ib.*, 235б; ѿ пословъ, *ib.*, 236а; родовъ четьри, *ib.*, 243б; и становъ своихъ(ъ), *ib.*, 268 г;птаковъ, *ib.*, 270а; воевъ, *ib.*, 271а; епповъ, *ib.*, 277а; вепревъ шесть, *ib.*, 277г; волюхвовъ, *ib.*, 15б; пороговъ, *ib.*, 29б; безбожныхъ татаровъ, *ib.*, 264а; ино с̄ ни члковъ на коне, *ib.*; тыса, Хожд. Афан. Ник., 376б; в̄ з̄ оубо д̄нв̄, Колом. Пал., 127; зраковъ, *ib.*, 26; попввъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 72г; сторвжввъ, *ib.*; ѿ коупцевъ, *ib.*, 70г; козарв, *ib.*, 14а; приателевъ, Погод. сп. № 1413 Псков. лет.; коневъ, рублиевъ, *ib.*; оубытковъ, *ib.*; пословъ, *ib.*; грошювъ, Перемышл. гр. 1378; господаревъ, Стародуб. гр. 1400; и съ гороховъ, Луцк. гр. 1487; псалмовъ, Яросл. сп. Панд. XII—XIII в. (Тихвинский); братовъ, Лет. Авр.; павосковъ,

ив.; роублевъ, ив.; моужов(ъ), Крас. сп. Лит. лет.; зоубрев(ъ), ив.;
 рублевъ, ив.; втроковъ, Уваров. сп. Лит. лет.; татаровъ, Крас.
 сп. Лит. лет.; волков(ъ), Западнорус. пс. XVI в.; хртїано, ѿ по-
 гано, ѿ вошо, млоденеце, с крае, днѣв(ъ), стоупене, ив.; до роговъ,
 Западнорус. пс. XVII в.; з народовъ, в сусѣдов(ъ), наших(ъ), з дожчо,
 до коцо, възневъ, ив.; слюбовъ, Молд. гр. 1411, № 23; записовъ,
 Молд. гр. 1433, № 29; пановъ, Молд. гр. 1437, № 47; записовъ,
 бояровъ, ив.; жолниревъ, Молд. гр. 1438, № 51; передковъ, Молд.
 гр. 1448, № 58; сороковъ, Дв. гр. XV в., № 33, 42 и др.; пузовъ,
 ив., № 1, 35 и др.; смердовъ, ив., № 33; лоскутовъ, ив., № 8;
 братениковъ, ив., № 37; половниковъ, ив., № 77; Ивановичевъ, ив.,
 № 1; церенцевъ, ив., № 16; княжоштровчовъ, ив., № 88 и др.;
 на е постыныхъ дновъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 51); велико
 дновъ, ив.; хлѣбовъ з, Русск. Пр. (Р. Д., I, 30); горохоу з оуборо-
 ковъ, ив., 30; не ѣсть колачовъ, Послов. XVII в. (Симони, 106);
 лутче ста рублевъ сто друговъ, ив., 117.

Из приведенных примеров видно, что *-овъ*, *-евъ* вытеснили ста-
 рые формы не только в основах на *-ѡ* (пороговъ), но также и на
-јѡ (коневъ); кроме того, окончания эти проникли в первоначаль-
 ные основы на согласную, ср. *-евъ* в *днѣвъ*, а также *-овъ* в слу-
 чаях, как *бояровъ*, *татаровъ*, *козаковъ*, *христїановъ*. Но, по-ви-
 димому, в подобных случаях окончание *-овъ* явилось лишь
 диалектически. О вытеснении *-евъ* через *-ий*, *-ей* скажу ниже.
 Примеры употребления старых форм в основах на *-ѡ* и на *-јѡ* см.
 выше при соответствующих парадигмах.

В современном великорусском господствует в положении после
 твердых согласных почти исключительно *-ов*, после мягких *-ев* и
-ей (*рублев* и *рублей*), причем *-ей* вытеснило, по-видимому, именно
-ов. Старые формы сохраняются лишь в ограниченном числе слу-
 чаев; большая часть их обязана сочетаниям с числительными
 пять, шесть и т. д.), ср. *аршин* (но *аршинов*, Жиздр.); *раз* (но
разов, Соликам.); *пуд* (но и *пудов*); *год* (*шесть год*, Великол.,
 № 45, *сем гот*, Жиздр., А. Никольский, при обычном *годов*).
 Кроме того, видим старые формы от слов, означающих такие
 предметы, которые обыкновенно мыслятся во множественном числе
 (или и в двойственном в старое время): *глаз* (но и *глазов*), *рог* (без
рог у В. Майкова, но обыкновенно и *рогов*), *волос* (здесь дей-
 ствовало, быть может, и различие ударения с именительным един-

ственного мужеского рода, хотя для *во́лос*. Скоп. (Будде) ср. *волосов*, Пинеж. (Обл. сл., № 6); *дождемъся побой*, Послов. XVII в. (Симони, 147); *сапог* (но *сапогов* у Пушкина, знавшего и другую форму); *чуло́к* (но *чулков* у Пушкина), *зуб* (ср. и *зоубъ*, Вопр. Кир., 40, у Пушкина и Крылова; *нет зуб*, Скоп. (Будде); *зуб*, Петергоф. (Отв. № 5), при *зубов* у Пушкина же); *солдат* (у Пушкина и современное литературное), но *солдатов*, Покров. (Отв. № 244); *кирасир* (у Пушкина), *гренадер* (у Пушкина), *гусар* (у Пушкина, но у него же и *гусаров*), *турок* (и *турков*). Отсюда видно, что *-ов* проникало вместо старой формы преимущественно там, где старая форма родительного множественного сталкивалась в употреблении с формой именительного единственного. Слово *человек* имеет также старую форму, употребляясь, однако, почти исключительно после числительных количественных (*пять, шесть человек*) и неопределенных (*несколько человек*). Приведу диалектические формы на *-ов* при отмеченных старых формах род. м. р.: *гла́зов*, Белоз. (Отв. № 162); *глазо́в*, Крест. (Отв. № 160), Брянск. (Отв. № 259); *обоих глазо́в*, Красноуф. (Отв. № 139); *глазо́в*, Никольск.-Волог. (Отв. № 266); *зубо́ф*, Самар. (Отв. № 40); *зубоу́*, Петроз. (Отв. № 30); *зубов*, Новосил. (Отв. № 77); *сапогов*, Сольвыч. (Отв. № 193), Холмог. (Отв. № 50); *съпогоф*, Самар. (Отв. № 40); *солдатов*, Буйск. (Отв. № 18); *салдатоу́*. Петроз. (Отв. № 30); *человеков*, Алатыр. (Отв. № 32, но чаще *чылэк*), Яренск. (Отв. № 194), Тотем. (Отв. № 201), Карсун. (Отв. № 67), Макар. (Отв. № 56, но *сколько человек?*, *ib.*); *аршинов*, Новосил. (Отв. № 77); *турков*, Мещов. (В. Черныш.); *туркав*, Жиздр. (А. Никольский).

В основах на старое *-jō* в современном великорусском старые формы совсем не известны; вместо них в одних говорах господствует *-ов*, а в других *-ей*. Формы на *-ей* рассмотрим ниже, а здесь приведу примеры для *-ов*: *рублёв*, *грошов*, *ножов*, Белоз. (Отв. № 166); *богачёв*, *ib.*; *приятелев*, Белоз. (Отв. № 162); *ключов*, Крестецк. (Отв. № 160); *рублёв*, Брянск. (Отв. № 259); *дождев*, Переясл. Влад. (Обл. сл., 17); *кораблёв*, Макар. (Отв. № 56); *кряжов*, Буин.-Симб. (Отв. № 57); *калачёв*, Яранск. (Отв. № 59); *грачов*, Льгов. (Отв. № 76); *клюдо́в*, *приятелёв*, *кирпицов*, Меленк. (Отв. № 247); *товарищов*, Сольвыч. (Отв. № 193); *ежов*, Котельн. (Отв. № 46); *ландышов*, *карандашов*, *кочнёв*, Малмыж. (Отв. № 105); *учителёв*, *жителёв*, *смотря́телев*, Кинешм. (Отв. № 250); *родителёв*, Устюжн. (Отв. № 28); и т. д. Также в основах на *-ī*

и примыкающих к ним основах на согласную: оленев, Кирилл. (Отв. № 161); огнёв, Шенк. (Обл. сл., 9); огнёв, кремнёв, Кадник. (Обл. слов. 30); зверёв, Рыльск. (Обл. сл., 95); огнёв, Смол. (Обл. сл., 156); углёв, Буин.-Симб. (Отв. № 57); гостёв, Новосил. (Отв. № 77); гвóздёв, ломтёв, ногтёв, Уфим. (Обл. сл., 166); медведёв, Валуйск. (Отв. № 261); няктёв, Остров. (Отв. № 33); карасёв, Нолинск. (Отв. № 51); углёв, Холмог. (Отв. № 50); гусёв, Остров. (Отв. № 33); корёнёв, Мосал. (Шахм.) и т. д. Впрочем, при *днёв* (и *дней*) известно и *ден*; *днёв*, Мышк. (Отв. № 78), Новосил. (Отв. № 77), Владим. (Обл. сл., 15), Жиздр. (А. Никольский) и др. Слова на *-ий* в им. ед. во всем великорусском наречии имеют в род. мн. *-ов*: *воробьёв, краёв, устоев, обычаев*. Напротив, основы на согласную, в именительном множественного оканчивающиеся на *-е*, сохраняют до сих пор старую форму род. мн.: *бар, мещан, цыган*; ср., однако, *римлянов* у В. Майкова; *хресьяняф*, Дмитр. (В. Черныш.), *татаров*, Повен. (Шахм.)

В белорусском точно так же старые формы родительного множественного окончательно вытеснены новыми на *-ов*. Ср. основы на *-ѳ*: *рагѳ, сылдѳтоѳ, аршынуѳ*, Могил. (Отв. № 4); *глазоѳ*, Минск. (Отв. № 7); *дзесяць разоѳ*, Игум. (Отв. № 8); *гадоѳ, братоѳ*, Новоалекс. (Отв. № 11); *восим разоѳ, аршинов*, Витеб. (Отв. № 18); *комарѳв, вэчэрѳв*, Пинск. (Отв. № 2); *своих братѳв*, Рогач. (Ром, III, 229); *czārtoѳ*, Волков. (Federowski, I, 27). Основы на *јѳ, -ї* и согласные: *канѳѳ, рублѳѳ, акунѳѳ*, Могил. (Отв. № 4); *писароѳ, Игум.* (Отв. № 8); *сухароѳ, Мозыр.* (Отв. № 10); *конѳѳ, Свенц.* (Отв. № 13); *грошов.* Витеб. (Отв. № 18); *шинкарѳв, пынымарѳв, ів.*; *линѳѳ, сухароѳ, Себеж.* (Отв. № 28); *вўголѳѳ, рогалѳѳ, Пруж.* (Отв. № 9); *каменѳѳ, Мозыр.* (Отв. № 5); *сажняв, Быхов.* (Ром., III, 97); *коробку гвѳздзев, Быхов.* (Ром., III, 169); *днёв, ів., 260*; *на двананцать камянѳв, ів., 261*; *звяров, Рогач.* (ів., 355), *кораблѳв, ів., 356*; *певняв, ів., 380*; *rubl'оѳ*, Волков. (Federowski, I, 27), *uhloѳ, ів., 39*, *lѳкс'оѳ, leb'ез'оѳ, zlaz'ejeѳ*, Новогр. (Клих). Даже в основах на *-ан, -р*, как: *мещѳнаѳ, Слуцк.* (Отв. № 5); *мещаноѳ, Минск.* (Отв. № 7); *цыганѳѳ, мещѳаноѳ, Игум.* (Отв. № 8); *крестьянаѳ, мещѳанаѳ, Новоалекс.* (Отв. № 11); *татароѳ, Свенц.* (Отв. № 13); *мищѳаныѳ, татарыѳ, Новоал.* (Отв. № 14); *болгарѳѳ, Пруж.* (Отв. № 9). Старые формы известны, впрочем, как в этих основах: *мещан, татар, Слуцк.* (Отв. № 5), *Игум.* (Отв. № 15); *крестьян, мещан, Новоалекс.* (Отв. № 11), — так и в некоторых других случаях, совершенно аналогичных русским:

daróх, hod, čelav'ék, z'on, sažon, Новогр. (Клих); глаз, Речицк. (Отв. № 17), рог, 5 аршин, Игум. (Отв. № 15).

В украинском находим такое же вытеснение старых форм формами на *-ов* (*-iv*, диалект. *-ув*), причем, как увидим¹, *-iv* имеет при себе и *-ей*, *-ий*. Ср. основы на *-ǫ*: вітрів, років, воўків, панів, зубів, чортів, гóдів, рóгів, разів, часів, ворогів, братів, волосів, грóбів, слідів. Основы на *-jǫ*, *-ї* и согласные: саженив (у Квитки), лікарів, старців, приятелів, голубів, писарів, лебедів, крайів, днів, ліктів, сажнів (у Осадцы), каменів, госців, днів, приятелів — лемк. (Верхр.) и т. д. Но основы на *-ан* и *-р* удерживают старые формы: міщán, селян, славян, болгар, татар, яничар. Старые формы от некоторых слов удерживаются после числительных, а в украинском это, по-видимому, общее правило: сто вóрог (не *ворóг*, как можно бы ожидать), сім рік, шість день (не *ден*), сто раз, сім сажень (не *сажен*), пріятель мáло (*мало* — неопределенное числительное), сім день, кільки раз, шість віз (Огоновский), пять локот сукна, дорога сім сяжен широка (Осадца), пять аршин, сім сяг, сто раз, пять день (Осадца); то же в диалектах: угрорус. — пять, девять раз (Верхр., II); лемк. — пят, сто раз (Верхр.). Кроме того, старые формы держатся в некоторых выражениях: до сусід, до німець, до угір, до тых час (Осадца). У Квитки находим в род. мн. *хорóм* (II, 66). Имена местностей на *-ичі*, *-ці* оканчиваются в галицком на *-ичь*, *-ець*: Олексичь, Підгородець, Черновець (Осадца), также род. мн. — Винник, Куроматник (ib.).

Из предыдущего видно, что общими для всех частей русского языка явлениями оказываются: 1) полное вытеснение старых форм в основах на *-ǫ*, *-jǫ*; 2) частичное вытеснение старых форм в основах на *-ї* и согласную; 3) сохранение старых форм в основах на *-ан*, *-р*; 4) сохранение старых форм от более или менее единичных слов после числительных и в словах, употребляющихся преимущественно во множественном числе.

7. ДАТЕЛЬНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА *-ЪМЪ* (*-ОМЪ*)

Это окончание совпало с исконным окончанием дательного множественного в основах на *-ǫ*, по крайней мере в севернорусских и восточнорусских говорах (в южнорусских вм. *-ъмъ* явилось *-ом*, тогда как вм. исконного *-омъ* — *уом*, откуда диалектически

¹ Имеется в виду дополнительный отдел об украинских явлениях, который, однако, А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

-ум, -ім). Поэтому не имеем данных для утверждения, чтобы -ом (из -ѡмъ) могло иметь какое-нибудь распространение в русском и белорусском, но вместе с тем вероятно, что -ом в украинских говорах (вм. обычного -ам) восходит к окончанию -ѡмъ (см. об этом ниже в украинском отделе)¹.

8. ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА -ЪМИ

Заменял старые формы от основ на -ѡ только в украинских и белорусских говорах (рассмотрю эти явления ниже в соответствующих отделах²); в русском такая замена весьма единична; в случаях, как *глазмі*, имеем скорее окончание -ьми, то же относительно *братьми*. Примеры даны ниже.

9. МЕСТНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА -ЪХЪ (-ОХЪ)

Проник в основы на -ѡ в украинских говорах. Примеры будут указаны в соответствующем отделе¹, но в древнем языке -охъ проникло диалектически и в других областях, преимущественно, однако, в западнорусской: на гнево^х, Радзив., 213; в Греко^х, ib., 21; в Лахо^х, ib., 6; Псков. сборн. XVI в.; на з^х столпо, 264. Впрочем, сопоставление с польским языком, где находим в древнем языке w obrazoch, o synoch, o bratoch, o kopioch, указывает на возможность и иного объяснения русского окончания -охъ: *женахъ* при *женамъ* вызывало *братохъ* при *братомъ*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ОКОНЧАНИЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ОСНОВ НА -ї МУЖЕСКОГО РОДА В СКЛОНЕНИЕ ДРУГИХ ОСНОВ МУЖЕСКОГО РОДА

Мы видели, что склонение старых основ мужеского рода на -ї стало рано заменяться склонением основ на -jѡ. Но, кажется, переход основ на -ї в основы на -jѡ совершился в древнем периоде русского языка только в единственном числе. Я затруднился бы, например, указать на появление -ев в родительном множественного в словах типа *гость*, *зять* в древнем языке (ср. совре-

¹ Соответствующий отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

² Эти отделы А. А. Шахматовым не были обработаны. (Ред.)

мен. укр. *гостів*, великорус. *гусѣв*); объяснение тому, что окончания основ на *-ѡ, -jѡ* проникли именно в единственное число, я ищу в том обстоятельстве, что началом такого явления послужило проникновение *-а* в винительном падеже имен мужского рода одушевленных (*гостя* вм. *гость* вызвало *гостя* и в родительном и т. д.). Когда во множественном числе основ мужского рода на *-ї* окончание винительного множественного *-и* вытеснило по общему правилу старое окончание именительного множественного *-ѣе*, это окончание винительного-именительного множественного и оказалось тождественным с окончанием именительного множественного основ на *-ѡ, -jѡ*. Мы знаем, что именно в именах одушевленных сохранялось здесь старое окончание именительного множественного на *-и*, между тем как в именах неодушевленных оно вытеснялось соответствующими окончаниями винительного множественного (*-ы* или *-ѣ*: *столы, рубль*). Результатом ассоциативной связи, установившейся между формами именительного множественного *тати, зяти, гости, звѣри, люди*, с одной стороны, и формами *холопи, сосѣди, черти, послуи, бѣси* и т. д., *кони, мужи, князи, сторожи, родители* и т. п., с другой, было установление общего склонения для множественного числа: *тати, холопи, кони*, причем на место старых окончаний соответственных основ на *-ѡ, -jѡ* проникали окончания из склонения слов, как *тати*, т. е. из основ на *-ї*. Таким образом, вместо родительного множественного *холоп* (или *холопов*), *конь* (или *конев*), дательного множественного *холопом*, творительного множественного *холопы, кони*, местного множественного *холопѣх, коних* являлись в род. мн. *холопей, коней* (как *гостей*), в дат. мн. *холопом* (как *гостем*), в твор. мн. *холопами, коньми* (как *гостями*), в местн. мн. *холопах, конех* (как *гостех*). Памятники, а также данные современного языка доказывают, что это явление относится к эпохе общих переживаний во всем составе русского языка. При этом отмечу еще следующее. Рядом с *гости, люди* продолжали сохраняться как архаизмы формы *гостѣе, людѣе* в именительном множественного; чередование *гости* — *гостѣе* вызвало при *холопи* — *холопѣе*, при *мужи* — *мужѣе*. Далее: в основах на старое *-ї* окончание *-и* было свойственно не только одушевленным, но и неодушевленным, например: *пути, огни, угли, гвозди, локти* и т. д. Еще до исчезновения под влиянием винительного множественного (*-ѣ*) окончания именительного множественного *-и* в случаях, как *рубли, корабли, дожди, ключи, обручи,*

мечи и т. д., это окончание, естественно, ассоциировалось с соответствующим окончанием основ на *-ї*, а это повело к проникновению окончаний множественного числа из основ на *-ї* в основы на *-jǫ* и в других падежах: вместо род. мн. *ключь* (или *ключов*), твор. мн. *ключи*, местн. мн. *ключих*, вин. мн. *ключь* явились новообразования *ключей, ключми, ключех, ключи*. В некоторых случаях это обстоятельство могло иметь последствием вообще полное склонение той или другой основы на *-jǫ* как основы на *-ї* (ср. в ед. числе родительный падеж *рубли* вм. *рубля*). Сходное сближение с основами на *-ї* могло иметь место и в основах на *-ǫ* мужеского рода неодушевленных, ибо и в них одно время держались рядом в именительном множественного старое окончание *-и* и новое (из винительного падежа) *-ы*. Старое окончание, естественно, ассоциировалось с окончанием *-и* основ на *-ї*. Это вызвало новообразования и в других падежах множественного числа: при *гони* вм. *гон* (*гонов*), *гоном*, *гоны*, *гоньх* являлись *гоней, гонем, гоньми, гонех*.

Данные, подтверждающие выставленные положения, разбиваю на две группы: проникновение окончаний склонения основ на *-ї* в одушевленные основы: а) на *-ǫ*, б) на *-jǫ*; проникновение тех же окончаний в неодушевленные основы: а) на *-ǫ*, б) на *-jǫ*. В пределах той и другой группы распределяю факты по отдельным падежам мн. числа, отмечая принадлежность их древнему языку и современным наречиям.

1. ВТОРЖЕНИЕ ОКОНЧАНИЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИЗ ОСНОВ НА *-ї* В ДРУГИЕ ОДУШЕВЛЕННЫЕ ОСНОВЫ МУЖЕСКОГО РОДА

Основы на *-ǫ*. Именительный падеж. В древнем языке: оже будуть холопье тати, Русск. Пр. по Ком. сп., 468; ср. в списке 1282 года: оже боудоуть холопи татьѡ; *холопье* могло пониматься и как собир.: надъ своимъ холѡп'емъ, Послов. XVIII в. (Симони, 212). В современном языке: холопи, черти, соседи; белорус.: *šerс'і, sus'éz'і*, Новогруд.

Родительный падеж. В древнем языке: оувѣдав же ѡтѣзави, Ипат., 2796; ѡ сѣсѣдеи, Домостр. Конш., 26 (ср. ѡ сѣсѣдъ, ib., 15); послузей, Гр. 1416—1417 (XVI, А. Калач., I, № 63); отъ бѣсей, Стогл. (Казанск. изд., 337); кметей, Девген. деяние („Очерки“ Пыпина, 318); тетеревей, Стогл. (Казанск. изд., 389); зубреи, Крас. сп. Лит. лет. Современные великорусские: тетере-

вей (у Тургенева); из холопей, Мещов. (В. Черныш.), Брянск. (Отв. № 259); солдатей, Слобод. (Отв. № 141); чертей, соседей, комарей, Повен. (Шахм.); тараканей, Мосал. (Шахм.); не дѣржи сто рублевъ, держи сто друзей, Послов. XVIII в. (Симони, 213); белорус.: чарцеи, Быхов. (Ром., III, 344); у суседзей, Рогач. (ib., 176).

Дательный падеж. В древнем языке: кметемъ, Молд. гр. 1448, № 58; грѣцемъ, Ипат., 156.

Творительный падеж. Современные карпаторус. — сокѣльми (Тр., III, 386); угрорус. — сусѣдьми (Верхр., I); галицк. — брѣтьми (Осадца); русск. — двумя брѣтьми, Моздок.-Терск. (Караулов); с брѣтьми, Мещов. (Шахм.); белорус.: соседзьми, Пинск. (Отв. № 6).

Местный падеж: в сосѣдяхъ, Послов. XVIII в. (Симони, 100).

Основы на jѳ.

Именительный мн. В древнем языке: стражью, Новг. 1-я, 17 а; стражье, Ипат., 139 а; господаріе, Молд. гр., 1435, № 48.

Родительный мн. В древнем языке: у Муромьскихъ князии, Переясл. гр. после 1356; мужии, ib.; кнѣзии (вин. мн.), Ипат., 186 г.; князии к, ib., 96а; ѿ мужии своихъ, Лавр.; ѿ всѣхъ князии, ib.; велики^х кнѣзеи, Гр. 1425—1462 (С. М., № 34); помянувшѣ... прѣвѣхъ князей, Сл. о п. Иг., 37; князии, Догов. моск. 1371, № 29; закладнии, ib.; закладнеи, Догов. моск. 1368 (XV в.), № 28; закладней, Новг. 1456 (А. А. Э., I, № 57); мужей, ib.; родителей, Гр. 1442 (С. М., № 39). Гр. 1453 (А. Калач., II, № 147); знахарей, Гр. 1462—1464 (А. Калач., I, № 103); коней, Гр. 1462—1466 (А. Калач., I, № 31, XVII); неприятелей, Молд. гр. 1395, № 10; господарей, ib.; у своихъ господарей, Киев. гр. 1446; црѣи земны^х, Палея 1494 (Каринский); знахарей, Гр. 1462—1505 (С. М., № 50); тридцѣть кнѣзѣи, Луцк. гр. 1398 (С. М., № 2). В современном языке: в русском господствует окончание *-ей*: мужей, князей, родителей, приятелей (диалектически: приятелев, родителей, ср. выше). Это окончание вообще чуждо словам на *-ей* в именительном единственного; однако диалектически находим *воробѣей*, Холмог. (Отв. № 50), а также словам на *-ец*, им. мн: *цы*; однако диалектически: удальцей, Вытег. (Отв. № 22); отцѣй, купцѣй, молодцѣй, ib.; молодцѣй, Орл.-Вят. (Отв. № 42); глупцей, Холмог. (Отв. № 50); зайцей, Нолинск. (Отв. № 51); у хороших-то отцѣй, Шенк. (Отв. № 80); хлебопашцей, Кадник. (Обл. сл., 30); гордецей, Кирилл. (Отв. № 167). В белорусском: кѳней, кѳнѣй, Слуцк. (Отв. № 5); кѳней, Игум. (Отв. № 8); канѣй, Быхов (Отв. № 9); господарей, Пинск. (Отв.

№ 1); писарей, *ib.*; *paqu kopiej*, Волков. (Federowski, I, 27). В украинском: *кóней*, *коній*, *князій*, *мужій*, *приятелій* (Осадца); карпаторус.— *кóний* (Огоновский); угрорус.— *рыбарей*, *родичей*, *гробарей* (Верхр., II); лемк.— *кізярей*, *учарей* (Верхр.). Таким образом, в белорусском и украинском распространение окончания *-ий*, *-ей* гораздо ограниченнее, чем в великорусском.

Дательный мн. В современном языке: угрорус.— *чісарьом*, *чінкарьом* (Верхр., I).

Творительный мн. В древнем языке: *съ соболми*, 1622 (Письма русск. госуд., № 142); *мужми*, Гр. 1470—1471 (XVI, А. А. Э., I, № 87); *с мужми*, Ипат., 161 в; *комонми*, *ib.*, 152 б; *с мужьми*, *ib.*, 204 г; *с коньми*, *ib.*, 200 в; *кназьми*, *ib.*, 249 г; *мужьми*, *ib.*, 57 б; *съ их моужьми*, Гр. ок. 1240; *со кнами*, Гр. 1457 (С. М., № 23); *с коньми*, Рижск. гр. ок. 1300; *кнзьми*, Луцк. гр. 1454; *князми*, Виленск. сп. Лит. лет.; *коми*, Крас. сп. Лит. лет.; *крольми*, Западнорус. пс. XVI в. (Карский, 217); *муми*, *ib.*; *господарми*, Молд. гр. 1395, № 10. В современном языке: белорус.— *коньми*, Пинск. (Отв. № 6); *куньмы*, Пинск. (Отв. № 2); *кóньми*, Новогр. (Отв. № 25); *коньмі*, Дисн. (Отв. № 6); укр.— *кіньми*; лемк.— *кінми*; угрорус.— *куньми*; лемк.— *горцми* (Верхр.); угрорус.— *горцми* (Верхр., II), *приятельми*, *ib.*; ср. еще русск.— *за коньми*, Петроз. (Шахм.); *за кóньмы*, Петроз. (Отв. № 34).

Местный мн. В древнем языке: *въ трьхъ князьхъ*. Жит. Феод. (при — *кназихъ*); *кназехъ*, Лавр., 67. В современном языке: угрорус.— *кóньох* (Верхр., I).

Дательный двойственного. В древнем языке: *родителма*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 44).

2. ВТОРЖЕНИЕ ОКОНЧАНИЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИЗ ОСНОВ НА *-ї* В ДРУГИЕ НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ ОСНОВЫ МУЖЕСКОГО РОДА¹

Основы на *õ*:

Именительный мн. В древнем языке: *патери гонѣ*, Дв. гр. XV в., № 28. В современном языке: русск.— *ильни*, Мосал. (Шахм.); *льни*, Мышк. (Отв. № 76); *вини*, *крести*, *буби*, Петроз. (Шахм.); *льни*, Повен. (Шахм.).

¹ Не все из приведенных в данном абзаце форм удовлетворительно объяснялись бы вторжением окончаний мн. числа из основ на *-ї*. Так, великорус. *льни*.

Родительный мн. В древнем языке: бес порьтеи, Новоросс. Новг. 4-й, 543 б; ис пригородеи, Догов. моск. 1368, № 28. В современном: великорус.— зубей, Орл.-Вят. (Отв. № 63); белорус.— го́ней двое-трое, Быхов. (Ром., III, 98); топорей, Пинск. (Отв. № 1).

Дательный мн. В современном языке: великорус.— зубьям, Орл.-Вят. (Отв. № 63); ходить по дворям, Влад. (Обл. сл., 15); окончание *-ам* заменило более древнее *-ѣм*; белорус.— по глазе́м, Себеж. (Отв. № 26); по лузьям, Витеб. (Шейн, № 409).

Местный мн. В древнем языке: да и на ставях его же руки (*став* — составная часть свитка), Тверск. духовн. 1543 (Сборн. Лихачева, 18). В современном языке: в гла́зях, Влад. (Бодров); я был в лесах, Белоз. (Отв. № 168); во снях, в вечерах, на сносях, в глазе́х, Мосал. (Шахм.); в глазе́х, Брянск. (Отв. № 259); в видях украл, Костр. (Отв. № 266); у глазах, Жиздр. (А. Никольский); белорус.— на моих глазе́х, Себеж. (Отв. № 26); ў лузях, Витеб. (Шейн, № 409); кабыла ны часе́х, Могил. (Отв. № 4), ў штане́х, ib.

Твор. мн. В современном языке: глази́, Костр. (Отв. № 264); по глази́, Молож. (Обл. сл., 167); белорус.— абрусми́, Дисн. (Отв. № 6); абру́сми, Минск. (Отв. № 7); обру́сьмы, Пинск. (Отв. № 2); обру́сми и обрусми́, Пруж. (Отв. № 9); укр.— чо́бiтьми. Белорус. *глызя́м*, Себеж. (Отв. № 26), в знач. твор. мн.

Основы на *-jō*.

Родительный мн. В древнем языке: рублей, Гр. XIV в. (А. Ю., № 257, 1); с рубежей, 1619 (Письма русск. госуд., № 33); саженеи, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 15 а; сажении, Ипат., 282 а; кораблии, Ипат., 96; грошей, Позн. сборн. XVI в.; месяцеи, Увар. сп. Лит. лет. В современном языке: великорусским господствующим окончанием является *-ей*: ключей, рублей, кораблей; *-ей* исключено, однако, из слов с именительным на *-ей* (но диалект. *улье́й* при *ульёв*), Устюжн. (Отв. № 28), а также из слов с именительным

ильни — объяснимы как продукты фонетического изменения нормальных форм *льны*, *ильны*. В ряде случаев в языке в порядке архаизмов задержались старые образования им. мн. на *-и* (по основам на *-ō*), откуда далее в косвенных падежах формы на *-ей*, *-ям* и т. д. Ср. *крести*, *гони*, *лузи*, откуда и род. мн. *гоней*, в старом языке *пригородеи*, *порьтеи*, дат.— по *лузьям* и т. п. Формы *глазем*, *глазми*, *глазех* заставляют предполагать наличие в старейшую пору варианта существительного по основам на *-ī*. Особого характера полунаречные сочетания *в лесах*, *во снях*, *в вечерах*, *на сносях*, непосредственно образовавшиеся из старших форм местного падежа на *-ахъ*; их типу обязаны дальнейшие образования вроде *по дворям* и т. п. (Ред.)

на *-ец*, мн. *-цы*; но диалектически: квасцей, Вытег. (Отв. № 22); пальцей, образцей, святцей, *ib.*; огурцей, Бежецк. (Отв. № 6); месяцев, Кадник. (Отв. № 25); колокольцей, Кадник. (Отв. № 26); месяцев, Онеж. (Отв. № 42); месяцев, Нолинск. (Отв. № 51); огурцей, Малмыж. (Отв. № 103). В белорус.: грóшый, Дисн. (Отв. № 6); рублей, Быхов. (Отв. № 9); грóшый, *ib.*; грóшай, Мозыр. (Отв. № 10), Новоалекс. (Отв. № 11); грóши Новоалекс. (Отв. № 14), Новогруд. (Отв. № 25), Себеж. (Отв. № 28); грошей, Пинск. (Отв. № 1); грошей, Пинск. (Отв. № 3); *hetych hroszej*, Волков. (Federowski, I, 28); *pietnaccas' rubli*, *ib.*, 62. Укр.: грошій, лемк.— пінязи и пінязі (Верхр.), угрорус.— гроший (Верхр., I).

Творительный мн. В древнем языке: грошми, Молд. гр. 1411, № 22; зъ гаими, Перемышл. гр. 1378 (ср: и с гаи, Луцк. гр. 1454). В современном языке: грашмі, ключмі, Могил. (Отв. № 4); грошмі, Дисн. (Отв. № 6); грóшми, ключмі, Минск. (№ 7); грóшми, Игум. (Отв. № 8); ключмі, нóжми, Минск. (Отв. № 23); обручмі, Пруж. (Отв. № 9); над колодзяжмы, Рогач. (Ром., III, 231); грошмы, *ib.*, 383; *gròsm'i*, Новогр. (Клих); *gvòz'z'm'i*, *ib.* Угрорус.— с пінязьми, грóшми (Верхр., I), пінязьми, пальцми (Верхр., II); лемк.— пальцми, пінязми (Верхр.); укр.— грішми.

Местн. мн.: монастырьхъ, Злат. XII в., 102 а.

Как указано, под влиянием множественного числа некоторые основы на *-jǫ* и в единственном склонялись, как основы на *-ї*: полтора рубли, Гр. 1518 (А. Ю., № 417); полтрегья рубли, Гр. 1548 (А. Ю., № 420); объ рублі, Костр. (Отв. № 264); два рубли, Гр. 1582 (А. Ю., № 182), Гр. XV в. (А. Калач., II, № 149, I); два рубли денег, Костр. духовн. 1560 (Сборн. Лихачева, 39); четверть рубли, Гр. 1560 (Акты Холмог., № XXXVIII); также слово *пень*: со пни, Гр. 1462—1505 (С. М., № 269); *ѡо* пни, Гр. 1536 (Собр. Бел., № 9); при: со пня Гр. 1532 (А. Ю., № 155).

3. ВТОРЖЕНИЕ ОКОНЧАНИЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИЗ ОСНОВ НА *-ї* В ОСНОВЫ МУЖЕСКОГО РОДА НА СОГЛАСНУЮ

Появление *дний* — *дней*, *каменій* и т. п. не останавливает на себе особенного нашего внимания, так как подобные слова в единственном числе стали склоняться, как основы на *-jǫ*, а следовательно, получили во множественном, так же как эти основы, окончания, свойственные основам на *-ї*. Менее ожидаемо появление

окончаний основ на -ї в склонении множественного числа основ на -ан и -р. Приведу примеры из древнего языка: им. мн.—арьяни, крѣтъни, Син. сборн. XV в., № 53 255; крестьяни, Гр. 1578 (А. Ю., № 180); татары, Лавр.; словени, Тр. сп. Новг. 1-й, 4 г; болгары, иб., 17 б; вин. мн.—словени, иб., 21 а; им. мн.—крѣтъни, Ипат., 199 в; москѣвлани, иб., 211 в; смолянани, иб., 217 а; словѣни, иб., 9 г; бѣлобережани, иб., 20 б; пинани, иб., 93 б; татары, иб., 264 г; бояри, иб., 44 б; ѡбри Лавр.; козари, Лавр.; бѣлгари, Новг. 1-я, 45 б; Куряни, Сл. о п. Иг., 8. В современном языке: кресьяни, Шуйск. (Отв. № 19); хрисьяни, Алатыр. (Отв. № 32); бари, крестьяни, Буин.-Симб. (Отв. № 57), Карсун. (Отв. № 67). В твор. мн.—съ словеньми, Ипат., 10 б; в дат. мн.—хрестьянемъ, Гр. 1501 (А. Ю., № 62); рижанамъ, Гр. 1229 (В); в местн. мн.—крестьяняхъ, Гр. 1642 (А. Ю., № 346); Шуяняхъ, Гр. 1666 (А. Калач., I, 462); род. мн.—полан двор боярей, Обоян. (Рязанов); им. мн.—сынови, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ОКОНЧАНИЙ ОСНОВ НА СОГЛАСНУЮ МУЖЕСКОГО РОДА В ДРУГИЕ ОСНОВЫ

По-видимому, в древние периоды жизни русского языка основы мужеского рода на согласную сохраняли стойко свое склонение. Этим объясняется перенесение их окончаний в другие основы. Это имело место в двух случаях. Во-первых, в родительном-винительном падеже единственного числа, причем окончание -е из случаев, как *камене, корене, елене, дъне*, переносилось в старые основы на -ї на место окончания -и: *поуте, тате*, Гр. 1229 (Д), Гр. 1229 (Е); *емлетъ тате*, Гр. 1229 (Д); *оу зате*, Ипат., 114 г; *зате свое*, иб., 118 б; *ѡ зате его*, иб., 172 г; *ѡ цте*, иб., 182 а. Вероятно, появление *поуте* вместо *поути* было обусловлено чередованием *дъни* и *дъне, корени* и *корене* и т. д., т. е. вторжением окончаний основ на -ї в основы на согласную. Во-вторых, в именительном множественного: так, вместо *гѣти* или *готи* находим *готе*, Ипат., 8 в; *вм. хорвати — хрвате*, Лавр.; *вм. хвалиси — хвалисе*, Ипат., 86 а; сюда же: *сустѣде*, Гал. гр. 1371; *люде*, Западнорус. пс. XVI в. (Карский, 213); *погане*, иб.; *жолнѣре*, Пересопн. ев.; *пастыре*, иб. Вероятно, здесь сказалось влияние имен на -ане и -аре. Быть

может, сюда же относятся формы, как *холóня*, Брянск. (Отв. № 259); *суседя*, *суседушки*, Обоян. (Резанов); *суседя*, Мосал., причем конечное *-а* непосредственно из *-е*. В современном украинском находим *сусиде* (при *сусіди*), также *рекруте*; в угрорус. — *родиче* (Верхр., II); в галицк. — *труба́ше* (Огоновский).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ОКОНЧАНИЙ ЖЕНСКОГО РОДА *-АМ*, *-АМИ*, *-АХ* В ДРУГИЕ ОСНОВЫ ЖЕНСКОГО, МУЖЕСКОГО И СРЕДНЕГО РОДА

Творительный падеж множественного числа в основах мужеского рода на *-ѣ* совпадал с формой винительного множественного и замененною последнею формою именительного множественного: *дворы* — *дворы*. Между тем в женском роде являлось окончание *-ати*, характеристическое своим *-ті*, которое было известно и в основах мужеского рода на *-й*, и в основах на *-ї*, а также в именах прилагательных и местоимениях; ср. *высокими горами* при *высокими холмы*. Когда формы именительного-винительного множественного мужеского рода совпали по окончанию с соответственными формами женского рода, появление и в мужеском роде *-ами* вместо *-ы* в творительном множественного стало неизбежным: *вороны* — *воронами* вызывало, например, *морозы* — *морозами* вместо *морозы* — *морозы*, *душѣ* — *душами* вызывало *рубль* — *рублями* вместо старших *рубли* — *рубли*. Таким образом проникло в склонение мужеского рода окончание *-ами* вместо *-ы*, *-и*. Совершенно естественно оно перешло затем и в средний род: *селами* вместо *селы*, *полями* вместо *поли*. Неизбежным последствием вытеснения *-ы*, *-и*, окончаний творительного множественного, через *-ами* было вытеснение окончаний дат. мн. *-омъ*, *-емъ*, дат. дв. *-ома*, *-ема*, местн. мн. *-ѣхъ*, *-ихъ* через окончания основ женского рода *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*. Господство окончаний *-ами*, *-амъ*, *-ахъ* в словах как женского, так и мужеского и среднего рода повело к проникновению их и в основы мужеского и женского рода на *-ї*; *гостями* вм. *гостѣми*, *костяхъ* вм. *костехъ*. Доказательством того, что распространение окончаний мн. ч. женского рода в мужеское и среднее склонение началось с творительного падежа, я вижу, кроме указанных выше соображений, делающих это а priori вероятным, еще в том обстоятельстве, что *-ами* господствует в настоящее время во всех русских наречиях, между тем как *-ом* и *-ех*

вытеснены далеко не повсеместно. Напомню вам о распространенности в белорусском окончании *-ом*: примеры см. выше при парадигмах, ср. еще: парсюком, Игум.; братом и сестрам, Рогач.; царом, ів.; в украинском окончании *-ом* с его разновидностями *-ум* в северноукраинском (серпум), *-ум*, *-їм*, *-ім*, *-ом* в угрорусском (зубум, зубїм, зубім, снопом), *-ім* у лемков (хлопім, панім), *-ім* у бойков (псім, волім). Гораздо реже окончание *-ех* (*-іх* у лемков, бойков, угрорусов, см. при парадигмах), но зато весьма обычно и в украинском, и в белорусском *-ох*, восходящее к основам на *-й*: у стагóх, у вяликих мхох, Игум.; ў садох, Минск.; ў штанох, Могил.; на моих тввятох, Быхов.; ў вязох, ў бокох, Пинск. (дальнейшие примеры в белорусском отделе¹); быкох, чоловікох, угрорус. (Верхр., I); о іншакіх годоx, в потокох, угрорус. (Верхр., II). Дальнейшие примеры в украинском отделе¹. Между тем окончание *-ы* ограничивается в настоящее время только частью угрорусской и лемковской территории (примеры выше при образцах). В угрорусских говорах часть имеет в дат. мн. *-ім*, в местн. мн. *-ох*² (при редких *-ам*, *-ах*), между тем обычно *-ами* (Верхр., II). Что окончания *-ами*, *-ах*, *-ам* проникли в склонение мужеских и средних основ не сразу, видно, например, из того, что в Западнорусской псалтыри XVI в. довольно часты окончания *-ами* и *-ахъ* в словах мужеского и среднего рода, но отсутствует в них *-амъ*. Древнейшие примеры новых окончаний в мужеском и среднем роде находим в памятниках XIII в., но, по-видимому, еще в XIV—XV вв., местами еще строго выдерживались старые формы; ср. в относящихся к этому времени галицких грамотах: съ лѣсы, съ ставы, съ потоки, съ истоки. В западнорусских летописях XVI в. обычно *-омъ* в дательном множественного.

Приведу примеры для *-ами*, *-ам*, *-ама*, *-ах* в склонении мужеских и средних основ в древнем языке и в современных русских наречиях.

Твор. мн.: ножами, Новоросс. сп. Новг. 4-й 347 а; лесами, поутинами, Дв. гр. XV в., № 122, № 33; хмелниками, ів., № 90; истоками, ів., № 111; лесами, Дв. гр. 1536, № 9; за дворами, ів., 1527 (№ 5); поланами, Тр. сп. Новг. 1-й, 3 в; с Новгородцами, Син. сборн. XV в., № 154; с Псковичами, ів.; лесами, Киев. гр.

¹ Имеются в виду специальные отделы курса, которые А. А. Шахматовым не были обработаны. (Ред.)

² В рукописи по описке: „в местн. мн. *-ом*“. (Ред.)

1459; лесками, ів.; ярами, ів.; оустаи, Западнорус. пс. XVI в.; зубами, Западнорус. пс. XVII в.; полями, Киевск. гр. 1459; с ʋроужіаи, Палея 1477; ловищами, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); хмелищами, бортищами, ів.; ловищами, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); мѣстами, Дв. гр. 1536, № 9; з дворищами, Дв. гр. 1535, № 8; с товѣрищами, Домсстр. Конщ., 70. Современ. великорус.: городами, глазами, полями, вѣслами, вѣдрами (случаи твор. мн. на -ы в былинном языке указаны выше при парадигмах). Белорус.: ключами, брусами, салоўяи, вядзѣркаи. Укр.: панáми, зубами, братáми, товаришáми, короляи; угрорус.: снопаи (Верхр., I).

Твор. и дат. дв.: оучѣкома Ишновама, Пантел. ев. 75 в; къ Всеволодковичама, Ипат., 190 в; братама, ів., 121 в; братама своима, ів., 119 г; мученикама (дат.), Лавр., 280; колѣнома, їсовама, Пантел. ев., 71 б; по плещама, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 506 а. В современном языке отмечу, однако, в значении мн. числа: с робятома, Шенк. (Отв. № 235).

Дат. мн. В древнем языке: къ вълхвамъ, Вопр. Кир. (Р. И. Б., VI, 60); боурамъ, Новг. гр. 1571, № 8; дворамамъ, ів.; намѣстникамъ, ів.; боурамъ Новг. гр. 1373, № 17; купцамъ, ів.; браичамъ, Дв. гр. XV в., № 117; земцамъ, ів., № 127; попамъ, ів., № 54; салбрамъ, ів., № 110; посадникамъ, ів., № 186; чернцамъ, ів., № 15; кнжсостровъчамъ, ів., № 86; по островкам(ъ), Дв. гр. 1536, № 9; намѣстникамъ, Гр. 1479 (А. Калач., I, № 30); боурамъ, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); посадникамъ, ів.; по хоромам(ъ), Новоросс. сп. Новг. 4-й, 283 а; кртъланам(ъ), ів., 280 б; по своимъ городамъ, ів., 291 а; Пьсковичам(ъ), ів., 357 б; мужамъ, ів., 376 а; боурам(ъ), ів., 416 а; шѣамъ, ів., 446 а; поспам(ъ), ів., 446 а; кладазамъ ів., Ипат. 36 а; галичанамъ, ів., 229 г; ватичамъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 13 г; к порогамъ, ів., 19 б; к посламъ, ів., 21 б; сторожамъ, ів., 70 б; коупцамъ, ів., 71 а; вълхвамъ, Палея 1494; старцамъ, Палея 1477; по пригородамъ, Погод. сп. Псков. лет., № 1413; мастерам(ъ), ів.; новгородчамъ, ів.; моужамъ, Псковіцам(ъ), Лет. Авр.; Рижанамъ, Гр. 1229 (В); селамъ, Дв. гр. XV в., № 90; ʋзеркам(ъ), ів., № 73; ловищамъ, ів., № 89; внучатамъ, ів., № 5, 10; по постовниимъ, Новг. гр. 1305, № 10; по селамъ, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 445 а; воротам(ъ), ів., 338 а; по инымъ мѣстамъ, ів., 543 б; телесамъ, ів., 574 б; тѣмъ селамъ, Молд. гр. 1434, № 36; морамъ же и рѣкам(ъ), Палея 1477; кнжатам(ъ) и панатам(ъ), Крас. сп. Западнорус. лет.; посадникамъ рисковимъ, Новг. гр. 1418—1420

(Собол. и Пташ.), № 41; к ратманамъ, Новг. гр. 1418—1420 (ib., № 42); къ вълхамъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 60). В современном языке: великорус.— мужикам, дворянам, ключам; белорус.— волам, к дубам, по мохам; укр.— панам, сынам, коням; лемк.— псам, котам, лысам, быкам (Верхр.); угрорус.— хлопам, розбійникам, коням (Верхр., II). О формах на *-ом*, *-ум*, *-ім* в украинском, *-ом* — в белорусском сказано частью выше при парадигмах, частью ниже в украинском и белорусском отделах¹.

Местн. мн. В древнем языке: братана(х), Дв. гр. 1536, № 9; Шуяняхъ, Гр. 1666 (А. Калач., I, 462); островахъ, Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62); в лесахъ, Дв. гр. XV в., № 99; хмилникахъ, ib., № 92; на притѣрѣбахъ, ib., № 93; оу путикахъ, ib., № 112; мртвеча^х, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 447 а; исча^х, ib., 573 б; на всих(ъ) кривицах(ъ), ib., 30 а; радцахъ, Ипат., 605 в; на горожанахъ, ib., 306 б; на всѣхъ кривичахъ, ib., 8 в; въ сапогахъ, Тр. сп. Новг. 1-й, 26 в; въ пригородахъ, Догов. моск. 1368 (XV), № 28; на тферичах(ъ), ib.; мъртьвѣцахъ, Псков. Паракл. 1369 (Соболевский); на коняхъ, Палея 1494; в овощах(ъ), Палея 1477; в пѣскахъ, Син. сборн. XV в., № 154; на попах(ъ), о смердах(ъ), ib.; в порубах(ъ), Погод. сп. Псков. лет., № 1413, в кораблахъ, в сщенниках(ъ), в порубках(ъ), ib.; пригородах(ъ), ib.; на кривицахъ, Лет. Авр. (Карский); в радоновицахъ, ib.; оу вустах(ъ), оу словах(ъ), Западнорус. пс. XVII в. (Карский); оугод(ъ)ѣхъ, Дв. гр. 1528 (Собр. Бел., № 42); на взерцах(ъ), Дв. гр. 1527, № 5; на болотах(ъ), Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); угодыахъ, Дв. гр. XV в., № 78; оу перивисѣщахъ, ib., № 34; в ловищахъ, ib., № 90; в трехъ лицах(ъ), Лавр.; въ носилахъ, Ипат., 54 в; на сонмищахъ, Ев. 1339, 76 б; на сборищахъ, ib., 64 б; на говадах(ъ), Палея 1494; на вслахах(ъ), во вруж(ъ)ѣх(ъ), в корытищах(ъ), ib.; в железахъ, Погод. сп. Псков. лет., № 1413; при всѣхъ городищахъ и урочищахъ, Киевск. гр. 1459; въ поляхъ, ib.; о сѣняхъ, Архивск. леств. XIII—XIV вв. (Р. Ф. В., 1884); въ ведерцахъ, Домостр. Конш., 60. В современном языке: великорус.— домах, пирах, садах, ножах, сторожах, в товарищах; белорус.— штапах, подарах, болотах; укр.— слухачах, козаках, лысах; угрорус.— хлопах, дубах, конях, лысах (Верхр., II). О формах на *-ох* в украинском и белорусском см. ниже в соответствующих отде-

¹ Имеются в виду специальные белорусский и украинский отделы, которые, однако, А. А. Шахматовым не были обработаны. (Ред.)

лах¹; там же об окончании укр. — *іх* в случаях, как *лісіх, хлопціх, коніх*, явившемся вместо *-ох* под влиянием окончания дательного множественного *-ім*.

Вытеснив окончания дат., твор., местн. мн. в основах мужского и среднего рода на *-ѵ, -ѵѵ*, соответствующие окончания основ женского рода стали переноситься и в основы на *-ї* мужского рода, где они стали вытеснять окончания *-ем, -ми, -ех*. Ср. современ. великорус. — гостям, гостями, зверями, людях, путях, в гостях, Домостр. Конш., 32; белорус. — з людзями, людзям; укр. — гостям. Это повело к вытеснению тех же окончаний в основах на *-ї* женского рода. Ср. в древнем языке: прилег костями, Киев. гр. 1459; персамъ, Ипат., 101 б; волостямъ, Молд. гр. 1437, № 47; пустошамъ, Гр. XV в. (А. Калач., II, № 156); во многих(ъ) болестях(ъ), Западнорус. пс. XVII в.; в вчях(ъ), *ів.*; пѣснями, *ів.* В современном языке: великорус. — на грудях, костям, глупостями, с лошадьми, Пинеж.; с дочерями, *ів.*; белорус. — на грудзях, *кѵсцямі*, по сенях, сенями, дзѵвьярамі, вачаімі, Новоалекс. (Отв. № 11); укр. — рѣчам, рѣчах, рѣчами, тїням, тїнях, тїнями, частя́м, частя́х, частя́ми, гру́дям, двѣрям; лемк. — грудям, грудями, грудях, костях, костями, дверям, дверями (Верхр.). Впрочем, эти новые окончания далеко не вытеснили старых; ср.: белорус. — грудзѣх, лошаdzѣх и т. д.; укр. галицк. — костем, костех, гусем, кїстьми (Осадца); угрорус. — очех, учми (Верхр.); укр. — кїсми; белорус. — вочми, Леппельск. (Отв. № 27); ачмі, сянмі, пѣчми, Игум. (Отв. № 8); саньми, Минск. (Отв. № 7); также великорус. — людьми, детьми, дочерьми, лошаdzьми, костьми (устар.); белорус. — гусьмі, гасцьмі, Могил. (Отв. № 4); великорус. — под саньмі, на радостех, на санех, Вельск. (Баженов, Арх. II отд.).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НОВООБРАЗОВАНИЯ В СКЛОНЕНИИ ЖЕНСКИХ И СРЕДНИХ ОСНОВ, ВЫЗВАННЫЕ ПЕРЕНЕСЕНИЕМ ОКОНЧАНИЙ *-АМ, -АМИ, -АХ* НА МЕСТО СТАРЫХ ОКОНЧАНИЙ

1. Чередование старых окончаний *-ом, -ы* с *-ам, -ами* в дательном, творительном множественного мужского и среднего рода вызывало и в женском роде на месте *-ам, -ами* окончания *-ом, -ы*; также вместо и при *-ама* являлось *-ома*. Приведу примеры.

¹ Эти отделы А. А. Шахматовым не были обработаны. (Ред.)

Дат.-твор. дв. Флексия *-ома* в женском роде. В древнем языке: межю двѣма кладома, Ипат., 51 г; своима женома, Лавр.; по обѣма странома, ів.; по ланитома, Пантел. ев., 101 а.

Дат. мн. Флексия *-ом* в женск. роде. В древнем языке: по ямомъ, Гр. 1540 (А. Ю. № 103); в современном галиц.: ворóном, рибом, собаком, цѣрквом (Огоновский); белорус.: *z'âpkцóm* при *z'âpkám*, Волков. (Federowski, I, 56).

Твор. мн. Флексия *-ы* в женском роде. В древнем языке: с двѣма комнаты, Гр. 1568 (А. Ю., № 85); съ пасынки и съ падтчерицы, Гр. 1683 (А. Калач., II, 666); и старымы грамоты, Дв. гр. XV в., № 32; и зъкраины (чит.: и с закраины), и с притеребы, ів., № 38; со всѣми платы, што к тым имѣньем слушасть, Луцк. гр. 1438; полевыми землѣ (чит.: земли) и лѣшими, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); всякими многими торговли, Домострой Конш. XVI в., 66; благими воеводы, Послов. XVII в. (Симони, 154); промеж селы и деревни, Суд. Фед. Ив. 1589 (изд. Богоявленского, 44); меж селы и деревни, ів., 45. В былинном языке: со вдовы честны многоразумными (Кирша Данил., 4); со пьяницы с безумницы, ів., 31. В современном угрорус.— слезы (Головацкий, II, 540); лемк.— дрібныма сироты (Верхр.); гуцул.— вилы, дверцы (Огоновский).

Как увидим¹, в украинском и белорусском окончание *-ох* (вм. *-ъхъ* из основ на *-й*) чередовалось во множественном с *-ах* (заменившим *-ех* под влиянием основ на *-а*): *зубох* и *зубах*, *лісох* и *лісах*, *волох* и *волах*; ср. такое чередование в современных угрорусских говорах. Это вызвало *-ох* и в женском роде. В Луцк. ев. XIV в.: *у мучнахъ ситохъ*; галицк.— *дынѣх*, *свинѣх*, *душох* при *дынях*, *свинях*, *душах*. Одинокó стоит *на горохъ* в Лавр. сп.

2. Чередование в мужеском *ключами*, *мужами* с *ключи*, *мужи* вызывало, как мы видели, при *землями* — *земли*, а это при *волостями*, *податями* и т. п. стало вызывать в творительном множественном *волости*, *подати*. Ср.: со всеми волости, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 564 а; а верстатись... межи себя государевыми подати, Гр. 1574 (А. Ю., № 229); молотять че́пи харалужными, Сл. о п. Иг., 36.

3. Вторжение окончаний *-ам*, *-ами*, *-ах* в основы женского рода на *-й* имело следствием чередование в этих основах окончаний *-ьми* и *-ами*: *дочерьми* и *дочерями*. Такое чередование, естественно,

¹ Имеются в виду специальные отделы, которые А. А. Шахматовым не были обработаны. (Ред.)

передавалось и в основы на *-jā*, а затем дальше и в основы на *-a*. Ср. в современном языке. Основы на *-jā*: со свечьми, Мещов. (В. Черныш.); души, Касим. (Отв. № 47), Грайвор. (Отв. № 279); в белорус.: свіньми, шыйми, Минск. (Отв. № 7); свячми, свиньми, шыйми, Игум. (Отв. № 8); свіньми, шыйми, Быхов. (Отв. № 9); анучми, Минск. (Отв. № 23); грушми, Пруж. (Отв. № 9). Основы на *-a*: горючми слезьми, Покров. (Отв. № 10); ягодмы, слезмы, Вытег. (Отв. № 22); слезьми, Дон. (Калмыков); слез'ми, Касим. (Отв. № 47); горючми слезьми, Буин.-Симб. (Отв. № 57); ягодми, слезми, рукми, Малмыж. (Отв. № 103); слязьми, Грайвор. (Отв. № 279); за ягодмы, Петроз. (Шахм.); коровмы, *ib.* В белорусском: курми, Могил. (Отв. № 4); слезьми, Слуцк. (Отв. № 5); слязьми, Дисн. (№ 6), Новоалекс. (Отв. № 11); курми, Игум. (Отв. № 15); шкурми, Минск. (Отв. № 23); слезьми, *ib.*; короуми, Пруж. (Отв. № 9); слязьми, Рогач. (Ром., III, 354); *s'l'az'm'i*, Новогр. (Клих). В украинском: слізми; галицк.—слізьми и слізьми (Огоновский); вильми, *ib.* Отмечу: ноздрьма, на ноздрью (вм. *ноздрию*), Опред. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р. И. Б., VI, 94).

4. Ассоциация, установившаяся между *грудями, грудях, грудям* и, например, *свечами, свечах, свечам*, вызывала не только *свечми* (ср. *грудьми*), но также *свечей* (ср. *грудей*). Ср. в современном великорусском окончание *-ей* в словах, как *вожжя́, свеча́, шестерня́, распря, ноздря* (но *наздёр*, Мосал., Шахм.); диалектически еще: овцей, Тотем, (Отв. № 192); овчей, ножничей, Белоз. (Отв. № 162); овчей, Кунгур. (Отв. № 134); улицей, Пудож. (Шахм.); птицей, Котельн. (Отв. № 46); овцей, птицей, Холмог. (Отв. № 50); ножницей, Вытег. (Отв. № 22). Укр.: мудрошчі́, радошчі́, хитрошчі́; диалектически: землі́, вишній, сотній, головній, пёсній, черешній, кузній, краплій, рожій, пеній, чаплій и др. (Осадца, 60). В единичных случаях окончание *-ей, -ий* передается даже основам на *-a*. Великорус.: свадьбей, Алатыр. (Отв. № 32); свадьбей, верьбей, Котельн. (Отв. № 46); свадьбей, Холмог. (Отв. № 50), Буин.-Симб. (Отв. № 57); свадьбей, Карсун. (Отв. № 67); верьбей, Петроз. (Шахм.); также в словах заимствованных: персоней, Петроз. (Шахм.); партий (вм. *парт*), картей, Слобод. (Отв. № 141); комнатей, Рыльск. (Обл. сл., 95); курей, Мещов. (Шахм.) В белорус.: курей, Могил. (Отв. № 4), при *куры*. Единично *верьбэй*, Петроз. (Отв. № 30), с твердым *б*, может быть, под влиянием прочих падежей. В украинском находим диалектически: слёзи́ (Огоновский), бабэ́ (вм. *баб*), Переясл. (*ib.*). Вероятно, уже отсюда, из таких

родительных падежей, проникала мягкость согласной и в прочие падежи множественного числа, ср.: картями, Слобод. (Отв. № 222); в головах, Холмог. (Отв. № 50); зиямы, Пудож. (Шахм.)¹. Ср. с этим появление в мягкого в великорусском *церквями, церквях* при и вместо древних форм *церквами, церквах*. Ср.: *церквямъ божимъ*, 1574 (Акты Холмог., № IV).

5. Замечательно, что и в именительном единственного вместо окончания *-а* после мягких согласных переносится из основ на *-ї* старое их окончание, что ведет за собой окончательный переход слова из одного склонения в другое. Сюда относится, например, появление *тысячь* вместо *тысяча*²: *тысячь лѣтъ* и *чотыриста лѣтъ*, Стародуб. гр. 1400; *тисычей*, Западнорус. пс. XVI в. (Карский, 229). В белорусском при *tys'aśa* женского рода известно *tys'aś* мужского (Клих); у лемков: *еден тісяч, два тісячи*.

6. Мы объясняли выше появление *-ей, -ьми, -ьхъ* в основах мужского рода на *-jǫ* влиянием склонения основ мужского рода на *-ї*: *гости — гостей* вызывало *мужи — мужей* (вм. *мужь*). Указанное влияние основ на *-ї* могло усилиться еще с тех пор, как вместо *гостем, гостьми, гостех* явились чередовавшиеся с ними формы *гостям, гостями, гостях*. Вполне естественно, что *гостями* при *гостьми, гостях* при *гостех* вызывали при *мужами, мужах* формы *мужми, мужех*. Последние формы вызывались и поддерживались не только склонением мужских основ на *-ї*, но и женских: *лошадями* при *лошадьми* могло вызвать при *конями — коньми*. Отмечу здесь, что именно таким путем появились новообразования в склонении основ среднего рода на *-jǫ*; под влиянием *костями — костьми, костях — костех* явились при *полями, полях* формы *польми, полех*, и как при *костями, костях, гостями, путях* родительный множественного звучал

¹ Отдельные из приведенных здесь образований могут объясняться иначе. Род. мн. *персоней, комнатей* обязаны отправной форме ед. ч. *персонь, комнать*. Формы *партей, картей, курей*, как и далее твор. мн. *картями* и под., нормально сложились к типу им. мн. *парти, карти, кури*. Форма род. мн. *слезий* может быть возводима к отправной форме им. ед. *слезь*, ср. русские диалектные образования твор. ед. *слезью*, твор. мн. *слезьми*. Особого характера полуна- речное в *головах* и пудожская форма *зиямы*, образованная в процессе своеобразной слоговой диссимиляции из *зимама, зимами*. (Ред.)

² Вероятнее думать, что это существительное со старейшей поры было известно с двойственной основой — в виде *тысяча* и в виде *тысячь*. Ср. по свидетельствам русских диалектов обильное употребление форм твор. ед. *тысячью*, род. мн. *тысячей*, твор. мн. *тысячми*. (Ред.)

костей, гостей, путей, так при *полями, морями* явились формы родительного множественного *полей, морей*. Приведу примеры подобных новообразований. Род. мн.: великорус.— *полей, морей* (ср. *морь, поль*), Тотем. (Отв. № 192); *полей, поль* и *полёв*, Котельн. (Отв. № 46); белорус.— *палей*, Новоалекс. (Отв. № 11, 14); *полэй*, Пинск. (Отв. № 3); галицк.— *полій, морій, горій, ложій, городищій* (Осадца, при укр.— *полів, морів*; западноукр.— *піль*). Твор. мн.: с *польми*, Луцк. гр. 1454; с *полми*, Житомир. гр. 1433, Гал. гр. 1424; с *полями*, гр. 1457 (Собр. Мух., № 23); *помышленми* нечистыми исполнени, Послов. XVIII в. (Симони, 20); *оученми*, Лет. Авр.; белорус.— *kalen'm'i*, Новогр. (Клих); великорус.— за *плечьми*, Богородск. (В. Черныш.), Мещов. (В. Черныш.); за *плечи*, Послов. XVIII в. (Симони, 173); белорус.— *плячмы*, Быхов. (Ром., III, 308); укр.— *пільми, зільми*. Замечательно, что такие новообразования проникали и в некоторые основы на -*ѣ*; так, в твор. мн. находим: *дрыўмі*, Минск. (Отв. № 1); *колесьмі*, Мозыр. (Отв. № 10), *kalas'm'i*, Новогр. (Клих); в местн. мн.: *ў местѣх*, Брянск. (Отв. № 269); у *мисьтѣх*, Жиздр. (А. Никольский).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЕРЕНОС ОКОНЧАНИЙ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА ВО МНОЖЕСТВЕННОЕ

I. Мы увидим ниже, что в великорусском окончание им.-вин. двойственного числа мужеского рода -*а* (*городá, парусá*) при известных условиях (ударяемости в основах с подвижным ударением) стало окончанием им.-вин. множественного числа. Приведу здесь именительные множественного мужеского рода на -*а* по происхождению двойственные; в великорусском укажу только те формы, которые не подходят под указанные выше условия: великорус.— *рукавá*; укр.— *рука́ва, вуса, поводá*; *роукава же ризь*, Гр. 1470—1477 (Уч. Зап., V, 61). Отдельно стоят формы двойственного после числительных; о них было сказано¹ выше.

II. В различных частях русского языка окончание твор. дв. на -*ма* в местоимениях и прилагательных стало употребляться в значении твор. мн., следовательно, вместо -*ми*. Гораздо реже — в существительных: *здзелались яго руки крылушкама, а ноги ногама*, Быхов. (Ром., III, 271). Здесь эти формы являются точно

¹ В рукописи: говорено. (Ред.)

остатками двойственного числа; ср. еще: ногама, Новогр. (Отв. № 25); ср. еще: рукама, ногама (когда говорят о двух), Петроз. (Отв. № 34); дзьвярыма, очыма, плячыма (Карский); асуша, пласуша, Новогр. (Клих). Но в белорусском: слязыма, дровыма, грошыма, за ягодой и грибами, слугама (Карский, Белор. II)— перед нами уже формы множественного числа. То же в: с робятома, Шенк. (Отв. 235); с работнікама, Сольвыч. (Отв. № 14). Твор. и дат. мн. на *-ма* в местоимениях: твор.— всема́, Онеж. (Отв. № 41), Петроз. (Отв. № 34), Кадник. (Отв. № 25); всима (дат. и твор.), Петроз. (Отв. № 30); дал јима соломы, с јима, Петроз. (Отв. № 30); тыма́, ів., Вытег. (Отв. № 22); этыма́ дорогами, Петроз. (Отв. № 13). Белорус.-укр. твор. мн.— всіма. В числительных: великорус.— трема́, четырема, Петроз. (Отв. № 34); трема́, Онеж. (Отв. № 41); однима́, трема, четырема, пятима, Петроз. (Отв. № 30); тройма, Петроз. (Отв. № 34); ехать троима, Сольвыч. (Отв. № 14); трёма, Вытег. (Отв. № 22); трома, Холмог. (Отв. № 50); трема, Луж. (Отв. № 12), Великоуст. (Отв. № 202), Кемск. (Отв. № 194); четверыма, девятерыма и девятима, десятерыма и десятима, двадцатима, тридцатима, Холмог. (Отв. № 50); тройма (туды шли), Петроз. (Шахм.), ехать тройма, Волог. (Отв. № 14). Белорус.— пятьма, Пинск. (Отв. № 2); шыстьма, дватцатьма, Пинск. (Отв. № 4); двапассас'ма, Волков. (Federowski, I, 15); трыма́, чатырма́, Быхов. (Отв. № 16); чатырма́, трыма́, Млнск. (Отв. № 23), Новогруд. (Отв. № 25), Леппельск. (Отв. № 27), Дисн. (Отв. № 6), Слуцк. (Отв. № 5), Могил. (Отв. № 3); пяцьма, шасцьма, дваццацьма, Речицк. (Отв. № 17); пяціма, дваццаціма чалавекамі, Новоалекс. (Отв. № 11); пяцьма, Минск. (Отв. № 23); трыма́, чатырма́, Мозыр. (Отв. № 10). Укр.— пятьма, шістьма, свомá, десятьма́, стома; угрорус.— пятьма, сыма, вісьма, девятьма, десятьма́, сорокма́, девяностома (Верхр.); галицк.— пятьма, пятема и пятёма, десятьма, десятема и десятёма, тысяча (Осадца); лемк.— пятьма, пятма, пятома (Верхр.).

В прилагательных: к зимнима рамам, Вытег. (Отв. № 22); со старыма горямы, с большима палкамы, за добрыма людямы, к добрыма родителям, ів.; со старыма, Устюжн. (Отв. № 28); за добрыма, ів.; с большима палкам, Петроз. (Отв. № 30); с добрыма людями, Онеж. (Отв. № 41); с большима сапогами, ів.

В родительном находим *трею* вм. *треи* под влиянием *двою*: Ѡ трею сихъ, Лет. Авр.; в оустѣхъ двою или трею свѣдитель, Новг. ев. XIV в., Публ. Библ.

ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ КАТЕГОРИЙ СКЛОНЕНИЯ

1. СКЛОНЕНИЕ ОСНОВ МУЖЕСКОГО РОДА НА -Ѣ, -Ї

Из предыдущего видно, каким значительным изменениям подверглось в древнем языке, и притом в эпохи, когда еще не было окончательно нарушено единство русской семьи, склонение имен. Для более удобного обозрения описанных выше явлений я еще раз укажу на них, размещая их по склонению соответственных основ.

В склонении мужеских основ на -Ѣ мы отметили, во-первых, вторжение окончаний, восходящих к основам на -й; в родительном падеже находим окончание -у вместо -а в именах двух категорий: а) обозначающих вещество или собрание предметов (*воску, товару*); б) понятия отвлеченные (*роду, виду*); г) местности, города (*Риму, логу, лугу*). В дательном падеже находим -ови преимущественно в именах одушевленных (*Якунови, Глебови*). В местном падеже -у являлось по преимуществу в словах двух категорий: а) в словах с основой на задненебную согласную (*въ Торжку, на островку, въ Полоцку*); б) в словах, имевших основу с подвижным ударением (*на носу, на углу*). В именительном множественного -ове являлось в ограниченном количестве слов, обозначающих имена одушевленные (*послове, чехове*). В родительном множественного -ов стало окончательно вытеснять старую форму род. мн. (*ворогов, сватов*). Другие окончания основ на -й (звательный единственного, дательный, творительный, местный множественного) проникали в склонение основ на -Ѣ уже только в отдельных частях распавшейся русской семьи.

Во-вторых, мы отметили замену окончания -и в именительном множественного окончанием винительного множественного -ы (*сады, полкы*). Естественно, что такая замена имела место сначала преимущественно в словах со значением неодушевленных, ибо в одушевленных сравнительно реже стала употребляться старая форма на -ы в винительном множественного, замененная формой родительного множественного на -ов (*холопов* вместо *холопы*); вследствие этого в одушевленных удерживалось дольше окончание именительного множественного -и (*холопи, черти*). Это окончание ассоциировалось с окончанием именительного множественного (а по происхождению винительного множественного) основ

мужеского рода на *-ї* (*гости, люди*), а такая ассоциация вызывала появление и в других падежах множественного числа окончаний, свойственных основам на *-ї* (*послусей, Грецем, кметем*). В отдельных случаях удерживалось окончание *-и* также в именах неодушевленных, по-видимому, по преимуществу *pluralia tantum* (*льни, гони, *зуби, *порти, *штани, *глази*).

В-третьих, мы видели, что в именах одушевленных старые формы винительного единственного, тождественные с именительным, все более вытесняются формой родительного (такая замена была известна еще в общеславянском праязыке) и сохраняются только при некоторых условиях. При этом такая же замена винительного падежа родительным проникает и во множественное число (вин. мн. *разбойников*).

В-четвертых, старые окончания дательного, творительного и местного множественного вытесняются окончаниями *-ам, -ами, -ах*, заимствованными из основ женского рода на *-а* (*городам, попами, лесах*).

В-пятых, формы двойственного числа теряют свое собственное значение и получают значение множественного числа, частью независимо от конструкции с числительным (*рукава*), частью только в соединении с числительными (*два, три, четыре брата*).

В основах на *-jǫ* можно проследить те же явления, что только что отмечены. Ср. родительный падеж на *-у* в случаях, как *перцю, покою, у рўчью*; дат. пад. на *-еви*, как *коневи, Володареви*; местн. пад. на *-у*, как *на бою, на краю*; им. мн. на *-еве*, как *псареве, уеве*; род. мн. на *-ов*, как *рублёв, отцёв*. Влияние основ на *-ї* во множественном числе на основы на *-jǫ* было еще значительнее: как в одушевленных именах (*мужи*), так и в неодушевленных (*ключи*) старая форма именительного множественного, вообще заменявшаяся формой винительного множественного (*мужь, ключь*), могла удерживаться вследствие ассоциации с именительным множественного основ на *-ї* (*тати, пути* — формы, заменившие *татье, путье* под влиянием винительного множественного). Это вело к новообразованиям в других падежах множественного числа (род. — *мужей, ключей*; твор. — *мужми, князьми*; местн. — *мужех, ключех*, откуда — *мужох, ключох*). Как и в основах на *-ǫ* вместо старых форм винительного падежа, как единственного числа, так и множественного, являются формы, тождественные с родительным падежом (*князя, князь; князев, князий*). Во множественном числе находим и здесь *-ам, -ами, -ах* (*ключам, мужами, мертвецах*).

Двойственное число получило и здесь значение множественного в соединении с числительным (*два рубля, четыре гроша*).

Как мы знаем, основы на *-ǫ* и *-jǫ* в общерусском праязыке имели в большинстве падежей разные в звуковом отношении окончания. Допустив, что звук *-у* звучал после мягких согласных отлично от положения после твердых (а именно как *й*), мы увидим, что тождественны в основах на *-ǫ* и *-jǫ* были только окончания род. ед., им.-вин. дв. (*-а*) и им. мн. (*-и*). Сближение окончаний, а именно замена старых окончаний основ на *-jǫ* окончаниями, заимствованными из основ на *-ǫ*, произошло уже на почве отдельных русских наречий и будет поэтому рассмотрено в соответствующих отделах. Возможно, впрочем, что уже в древнейшую эпоху происходило взаимодействие между теми и другими основами.

2. СКЛОНЕНИЕ ПРОЧИХ МУЖЕСКИХ ОСНОВ

Основы на *-й*, на *-ї* и на согласную, как сравнительно малочисленные, рано подверглись влиянию основ на *-ǫ* и *-jǫ*. Возможно, что отдельные падежные формы проникали из этих основ в основы на *-й*, *-ї* и согласную еще в общерусскую эпоху, ср., например, возможность того, что одушевленные, как *сын* (основа на *-й*), *гость* (основа на *-ї*) уже в общерусском праязыке получили в винительном падеже единственного формы *сына, гостя*.

Основы на *-й* и в единственном, и во множественном потеряли уже в древнем языке свое отдельное склонение, причем их падежные окончания переносились в основы на *-ǫ* (о чем выше). Возможно, однако, что некоторые из старых основ на *-й* преимущественно перед основами на *-ǫ* сохраняли свои старые окончания. Ср. в особенности слово *дом* с его формами *дому* в родительном и местном, *домове* в именительном множественного, а также *сын*, сохранявшее в звательном падеже форму *сыну*.

Основы на *-ї* получили уже в древнем языке окончания основ на *-jǫ*, но по преимуществу в именах одушевленных, и притом только в единственном числе (*гостя, гостю*). Причина указана выше: *гостя* в качестве винительного падежа появилось вместо *гость* еще в общерусском праязыке. Неодушевленные стали переходить в женский род (*печать, гортань*) или продолжали сохранять свой род (например, *локоть*), или, сохраняя род, сохраняли и старые свои окончания (как *путь*, которое в женский род перешло только диалектически). Во множественном числе вообще

сохранялось старое склонение; но, уступая здесь влиянию основ на *-jō*, основы на *-ī*, напротив, сами передавали свои окончания тем основам, как мы видели выше, причем основанием к сближению послужило появление окончания *-и* в именительном множественного основ на *-ī*; это окончание винительного множественного и перенесено в именительный множественного по общему закону, охватившему все вообще имена мужского рода: *гости* вместо *гостье*. Древние памятники представляют несколько примеров для окончания *-е* вм. *-и* в родительном (*тате, госте*). Это *-е* заимствовано из основы на согласную. Возможно, что это явление стоит в связи со стремлением отличить форму винительного одушевленных имен от именительного, т. е. что *госте, зяте* явилось сначала в качестве винительного падежа, причем оно заимствовано из старых основ на согласную, если в числе их были основы со значением имен одушевленных. В таком случае появление *госте, зяте* восходило бы еще к эпохе общерусского праязыка. Как мы видели, совпадение склонения основ на *-ī* в единственном числе одушевленных с основами на *-jō* повело к проникновению¹ в основы на *-ī* окончаний, восходящих к основам на *-й*, например *гостеви, зятеви* в дательном падеже. Во множественном числе едва ли древни случаи появления окончаний *-еве, -ев* в именах с основой на *-ī* (как *зверёв, лебедёв*; укр.— *тестів, лебедів*; русск.— *зятевья* ведет, по-видимому, к более древнему **зятева*). Сближение с основами на *-jō* во множественном числе явилось на почве перенесения в основы на *-ī* окончаний *-ам, -ами, -ах* (*гостям, зверями, путях*): *сторожами* при *сторожеве, сторожов* вызывало при *гостями* — **гостеве, *гостёв*. Таким образом, сначала победа принадлежала множественному числу основ на *-ī* (она вызвала *мужи, мужей, мужми*), но потом она перешла к основам на *-jō* (и вызвала *зятеве, гостям, гостями* и даже **гости* в творительном множественного).

Основы на согласную, сближавшиеся с основами на *-ī* целым рядом падежных окончаний, продолжали стремиться к полному с ними совпадению. Но так как сами основы на *-ī* заменялись в единственном числе в своем склонении основами на *-jō*, то та же судьба постигла основы на согласную (ср.: *дня, камня, каменю*); лишь в единичных случаях сохранялось склонение по основам на *-ī* (как *пути*, ср.: *дни* — род., дат.). Во множественном числе

¹ В рукописи: повело проникновение. (Ред.)

видим полное совпадение с основами на *-ї* (*дѣн* в род. мн. при более обычном *дней*; укр. *днів* составляет исключение). Только основы на *-ан*, *-р*, благодаря именно тому, что во множественном они образовывали формы не от основ на *-ї*, а от основ на *-ѡ*, сохранили древнюю форму им. мн. (*дворяне*, *бояре*), но диалектически и сюда проникало влияние основ на *-ї* (*словени*, дат. мн. — *словенем*, род. мн. — *боярей*).

3. СКЛОНЕНИЕ ОСНОВ ЖЕНСКОГО РОДА

Эти основы сохранили свое склонение в древнейшую эпоху жизни распавшегося русского языка гораздо консервативнее, чем основы мужского рода. Это относится особенно к основам на *-ā*, *-jā*, но частью и к основам на *-ї*; напротив, основы на согласную потеряли с течением времени свои падежные окончания и перешли в основы на *-ї*, а частью и в основы на *-ā*.

Основы на *-ā*, *-jā* почти совсем не представляют отступлений сравнительно с более древним периодом. Случаи новообразований во множественном числе под влиянием основ на *-ї* (*слезми*) были весьма редки, единичны. Возможно, что сокращение окончания творительного единственного *-ою*, *-ею* восходит к эпохе общих явлений в жизни всего русского языка. Правда, *-ой*, *-ей* мы находим преимущественно в великорусской области, но оно есть и в белорусском; памятники белорусские указывают на сокращенное окончание уже в XV в., а в великорусских сокращение произошло еще раньше, судя по памятникам. Но то обстоятельство, что в украинском *-ой*, *-ей* вообще не известно, побуждает меня рассмотреть это явление ниже в соответствующих отделах, великорусском и белорусском¹; там же, в отделах великорусском и украинском, скажем о диалектическом появлении *-оў*, *-еў* вместо *-ою*, *-ею*, аналогичном с появлением *-ой*, *-ей* (*гороў*, *душеў*). Подобно тому как основы мужского рода на *-ѡ* в древнейшую эпоху еще не передавали своих окончаний основам на *-jѡ*, так же точно влияние основ на *-ā* на склонение основ на *-jā* отнесем к позднейшим эпохам и рассмотрим ниже.

Но во всяком случае к древнейшей эпохе относится вытеснение форм именительного женского рода на *-и*, как *княгыни*, *господыни*; в украинском они совсем не известны, а в русском и белорусском сохранились в слабых остатках; заменены эти формы

¹ Этот отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

образованиями на *-ня* (*княгыня, милостыня*). Окончательно исчезли именительные на *-ьи* (женского и мужского рода), хотя, как мы видели, сюда могут относиться формы именительного падежа от некоторых имен личных: *Юрьи, Васильи, Григорьи*, ср. рядом именительный — *Григорья*, твор. — *Григорьею*; итак, вместо *молньи, хартьи* явились под влиянием других основ на *-jā* *молнья, хартья*, вместо *судьи* явилось *судья*. Мы видели выше, что имена на *-ни, -ьи* еще в очень древнюю эпоху подверглись влиянию основ на *-ї*. Влияние вызвано общею формою звательного падежа (*кѣнягыни* как *кости*); влияние сказалось, между прочим, на появлении в родительном падеже окончания *-и* вместо *-ь* (примеры выше, при образцах). Возможно, что оно шло и дальше: ср. в твор. падеже: за княгинью, Дух. моск. 1356, № 25 и № 26; за княгинью за Мрѣею, *ib.*

Двойственное число, как мы знаем, исчезло в основах женского рода; слабые остатки его, но уже со значением множественного числа при числительных сохранились в украинском и белорусском (*дві, три, чотири риби, нозі; з'v'e, try bab'e*). По-видимому, в древнем языке слова мужского рода на *-ā* соединялись в двойственном с формой *дѣва*, а не *дѣвь* в именительном, винительном; ср.: два воѵводѣ, Новг. 1-я, 876; отсюда в позднейшем языке: два воеводы, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 3096; два старосты, Тр. сп. Новг. 1-й, 70г (с заменой винительного двойственного винительным множественным).

Основы на *-ї* женского рода в общем также мало потерпели в древнейший период. Впрочем, во множественном числе они подверглись влиянию основ на *-ā*, переняв из них окончание дат., твор., местн.: *костям, костями, костях* стали вытеснять первоначальные формы *костем, костьми, костех*. Не думаю, чтобы вторжение окончаний основ на *-ā* в единственном числе склонения основ на *-ї*, сделавшее такие успехи во всех русских наречиях, можно было возвести к явлениям древнейшей эпохи, а именно допустить, чтобы в эту эпоху в основы на *-ї* передавалось, хотя бы диалектически, окончание местн. и дат. ед. *-ь*. Вторжение *-ь* на место *-и* стоит, конечно, в связи с передачей окончания *-ь* на место *-и* в основы на *-jā*, а передача эта едва ли принадлежит, как уже указано, древнейшей эпохе.

Основы женского рода на согласную утрачивали с течением времени свои особенные, отличавшие их от основ на *-ї* окончания (следовательно, в родительном ед., дв. и мн.): вместо *матере,*

матеру, матеръ являлись новообразования *матери, матерью, материи (матерей)*; примеры приведены были выше, при образцах. Возможно, что к древнейшим эпохам относятся новообразования и в именительном единственного, где под влиянием формы винительного явились *матерь, дочерь* вместо *мати, дочи*; в особенности естественно возникало новообразование вместо *дочи*, так как фонетически *дъчи* изменилось в *дчи* (ср. эту форму в Лет. Авр. и в Ипат.). Ср. в современном языке: *матерь, дочерь*, Новг. (Отв. № 20), Котельн. (Отв. № 33), Холмск. (Отв. № 54), Холмог. (Отв. № 50), Яренск. (Отв. № 194), Петроз. (Отв. № 30) и др.; белорус.: *дочар, Свенц.* (Отв. № 13); укр.: *матір, матірь*. Вероятно думать, что *matī* еще в общеславянском праязыке звучало *mat'ǫ*, откуда в эпоху падения глухих древнерусское *mat'* (ср. эту форму в русском, белорусском, например, Могил., Отв. № 4, Свенц., Отв. № 13, и в укр. галицк.—*мать*). При *mat'ǫ*, однако, держалась и форма *matī* под влиянием *dъщĭ*; отсюда в общерусском праязыке *mat'i*: *мати (и доци)*, Слобод. (Отв. № 141); *мати (и дочи)*, Яренск. (Отв. № 194); *мати (и дочи)*, Нолинск. (Отв. № 51); белорус.—*маці*, укр.—*мати*, угрорус.—*мати*. Понятно, что вместо *матерем, матерьми, дочерех* явились *матерях, матерями, дочерях* одновременно с проникновением окончаний *-ам, -ами, -ах* в основы женского рода на *-ĭ*. Основы на *-ĭ, -ĭv* уже в древнейшую эпоху получали новообразования в именительном падеже единственного числа, причем в основание новообразований клалась одна из обеих вспомогательных основ, служивших еще в общеславянском праязыке для образования некоторых падежей единственного и множественного числа; это, во-первых, основа на *-ĭ (-ĭvĭ-)*, которая лежит, например, в основании таких падежей, как винительный (*любъвь*), творительный (*любъвью*), местный (*любъви*), именительный множественного (*свекръви*); ср. уже в общеславянском праязыке новообразования *кръвь* вместо **кръи* в им. ед.; так уже в древнейшую эпоху являлись формы именительного единственного *любъвь, цьркъвь, свекръвь* и т. п. вместо *любъи, цьркъи, свекръи*, как можно заключать из наличности таких форм во всех русских наречиях: рус.—*свекровь, церковь, хорюговь, морковь, любовь*, Домостр. Конш., 41; бѣла хорюговь, Сл. о п. Иг., 11; белорус.—*церкоў, свекроў, моркаў*; укр.—*цѣрков, мѣрков, любов*; угрорус.—*редьков* (Верхр., I), *крѣков* (Верхр., II). Во-вторых, это основа на *-ā (-ĭvā-)*, которая лежит в основании форм дательного, творительного и местного

множественного (*църкѣвамъ, църкѣвами, църкѣвах*); отсюда извлекался именительный падеж, как *църкѣва*; ср. рус. — свекрова, Олон. (Отв. № 29), Новг. (Отв. № 20); свекрова, Вытег. (Отв. № 22), Яранск. (Отв. № 101); свѣкрово́а, Петроз. (Шахм.); цѣркава, Вытег. (Отв. № 22); цѣръква, Алатыр. (Отв. № 32), Остр. (Отв. № 33), Льгов. (Отв. № 76); церква, Жиздр. (А. Никольский), Холмог. (Отв. № 50), Кинеш. (Отв. № 250), Онеж. (Отв. № 41); морква, Дон. (Калмыков); морква, Орлов. (Обл. сл. 124—125); брюква, свекра (вм. свекрова); ср. свекра́, Брянск. (Отв. № 259); съвикра́, Жиздр. (А. Никольский); редька (вм. редьква); ночвы, вин. мн., Домостр. Конш., 36; в белорусском — цѣркава, Могил. (Отв. № 4), Быхов. (Отв. № 9), Свенц. (Отв. № 13); церква́, Новогруд. (Отв. № 29); царква́, Дисн. (Отв. № 6); в укр. — цѣркава, мо́рква; галицк. — церква́, бруква, морква, редьква, коругва, любва. Равным образом *брѣвь* (уже общерусское) получило при себе *брѣва, брова*, что указывает на *бровамъ, бровами*; ср. белорус. — бры́ва и брова, Могил. (Отв. № 4); брѡва, Новоалекс. (Отв. № 14), лемк. — обы́рва (при: обырь). Понятно, что при именительном *церква, свекрова* являлось склонение *свекровы, церквы* (род.): белорус. — цѣрковы, цѣркаваю, Игум. (Отв. № 8); цѣркову, Пинск. (Отв. № 2); цѣркву, Быхов. (Ром., III, 217). Старая форма им. ед. *свекрѣ* до сих пор жива в южнорусских говорах (указания см. выше, при образцах). О появлении *церквям, церквях* (форм, весьма распространенных в русском) сказано выше.

4. СКЛОНЕНИЕ ОСНОВ СРЕДНЕГО РОДА

В основах на *-ѣ* и *-јѣ* мы отметили новообразования в именительном, винительном двойственного; диалектически в древнем языке вместо *двѣ лѣтъ, обѣ княжени, двѣ селѣ* являлись *два лѣта, два села, оба княженья* (примеры выше). Украинский и белорусский языки, где найдем *дві дереві, дві селі, зв'є л'ес'є*, указывают, однако, что приведенные формы ограничивались, быть может, областью севернорусских и восточнорусских говоров. Новообразования во множественном числе, где вместо окончаний *-ы (-и), -ом (-ем), -ѣх (-их)* явились *-ами, -ам, -ах*, отмечены нами выше (*села́м, поля́ми, лета́х*). Не имеем основания думать, чтобы уже в древнюю эпоху в основы среднего рода проникали окончания основ мужского рода на *-ѣ*; *ѣблѣковѣ* (род. мн.), Новг. 1-я, 30б, произведено не от *ѣблѣко*, а от *ѣблѣкъ*. Появление *-ови (-ови)* в дательном, как *польови, морьови, ділови* — угрорус.; *сер-*

цови — лемк.; *лістови* — галицк.; равным образом -у в украинском диалектически в *молоку, полю, веслю*; род. мн. — *полі́в, морі́в*, — принадлежит уже позднейшей эпохе; ср. подобное же явление в русском: *дело́в, местов, болотов, сенов, полев*; местный единственного: *у полю, в акну, в этом числу, на лицу́*; родительный: *возле полю*. Примеры приведу ниже в соответствующих отделах¹. Там же укажу на прои́зхождение окончания -ы в белорусском и русском вместо -а, окончания им.-вин. мн., когда оно неударяемо. Что уже в древнем языке диалектически единично вторгались в основы на -ǫ, -jǫ окончания основ на -ǐ, можно заключать из таких форм, как *на плечевоу*, Ипат., 245б, вместо *на плечю*; *плечевоу* указывает как будто на возможность *плечев, плечеви*. О новообразованиях под влиянием основ на -ǐ, например формах *полей, польми*, я говорил выше, указывая на то, что в единичных случаях они проникли не только в основы на -jǫ, но также в основы на -ǫ.

Об основах на -es в русском языке, как указано было выше, говорить не приходится. Они утрачены были, быть может, еще в общерусском праязыке. Мы видели, что в древнейших русских памятниках проводится написание *телес-* (*телеси, телеса* и т. д.), между тем как *тѣло, тѣла* и т. д. пишутся с ѣ. Это указывает на то, что формы *телесе, телеси* и т. д. были чужды уже древнему языку и заимствовались им из церковного (звук *e* служил обычной передачей церковного ѣ). При образце были указаны образования с основой на -ǫ вместо образований с основой на -es в русских памятниках. Образования, как: *солнце свѣтитя на небесь*, Сл. о п. Иг., 44, — принадлежат книжному языку.

Основы среднего рода на -at стали с течением времени утрачивать старые падежные окончания единственного числа, принадлежавшие склонению на согласную, заменяя их новыми, заимствованными из основ на -ǐ. Примеры для форм *теляти* — род. ед. и местн. ед. и т. п. — приведены выше, при образце. Там же указаны новообразования от основ на -ǫ, например: дат. мн. *внучатом* (также в местн. мн. *внучатѣх*) вместо старых форм от основ на -ǐ, как *внучатем, внучатех*; там же упомянуто о новообразованиях от основ на -jǫ в дат.-твор. дв.: *дѣтятема* вместо *дѣтятьма*. Возможно, что уже в древнейшие периоды, по крайней мере единично, в основах на -at появ-

¹ Эти отделы А. А. Шахматовым не были обработаны. (Ред.)

лялись новообразования с пропуском *-at*, — новообразования, приведшие в конце концов в русском к утрате¹ древних форм склонения в единственном, — а в белорусском и украинском формы, как *дзицём*, *дитям* в твор. ед. Эти новообразования рассмотрю ниже в соответствующих отделах².

Основы среднего рода на *-en* в своем склонении стали утрачивать в единственном числе свои старые окончания по склонению на согласные и заменяли их новообразованиями от основ на *-й*. Примеры, как *имени* в род. и местн. ед., из русских памятников приведены выше, при образце. Там же указано, что во множественном числе формы дательного и местного падежа, в старом языке образованные от основы на *-й*, заменялись новообразованиями от основы на *-й*: *временом*, *сьменом*, *именьх*. Новообразования с *-мян* вместо *-мен* принадлежат севернорусским и восточнорусским говорам и будут рассмотрены в великорусском отделе. Возможно, что уже в древнейшую эпоху, по крайней мере в единичных случаях, основы на *-en* в единственном числе опускали *-en* под влиянием формы именительного падежа, ср. великорус.: имя — имю; укр.: *імја* — *імју*; белорус.: *уремья* — *уремья* — род., *пóломья* — *поломью* — дат. Все-таки предпочитаю сказать об этих новообразованиях в соответствующих отделах по наречиям².

5. ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В общерусском языке, а также в древнейшие периоды по его распадению, сохранялось изменение прилагательных по именному склонению; склонение (т. е. сходное со склонением существительных) было обязательно там, где прилагательное употреблялось как сказуемое; замена именных форм местоименными в этом случае принадлежит уже отдельным наречиям (украинскому и белорусскому). Но замена именного склонения местоименным в атрибуте принадлежит к древнейшим, общим всему русскому языку явлениям, причем оно зависело от того, что атрибут при всяком синтаксическом положении мог изменяться как по именному, так и по местоименному склонению. Впрочем, притяжательные на *-ов* вообще никогда в древнем языке не переходили в склонение местоименное. (Случай, как *королевая* вм. *королева* являлись при употреблении прилагательного в субъекте; ср.: ѿ

¹ В рукописи (по описке): утрату. (Ред.)

² Эти отделы А. А. Шахматовым не были обработаны. (Ред.)

Иванковею, Новг. 1-я, 41б; Васковая Дядьковича жена, Перемышл. гр. 1378.) С течением времени именное склонение получило весьма узкие границы для своего употребления, а это повело к полному его исчезновению. Сначала рассмотрим те изменения, которые были вызваны в именном склонении явлениями, общими со склонением существительных и уже нами рассмотренными.

Формы двойственного числа прилагательных в атрибуте, как мы видели, исчезли еще раньше, чем формы дв. числа в существительных. Ср. примеры, как: два ковша золоты, Дух. моск. 1389, № 39.

Под влиянием замены окончания *-и* в именительном множественного существительных мужеского рода через *-ы* (а в основах на *-jō* через *-ь*) произошла подобная же замена в именном склонении прилагательных. Примеры были приведены выше. Ср. еще: Ильины дѣти, Гр. 1490 (А. Калач., II, № 147); Максимовы дѣти, Дв. гр. XV в., № 113; штроци Глѣбовы, Ипат., 51в; снѣве Симовы, ib., 4а; все есмъ готовы, ib., 295а; ходать нагы всѣ, Хожд. Афан. Ник., 372а; тѣ люд(и) не надобны, Дух. 1353, № 24; отроци Володимеровы, Тр. сп. Новг. 1-й, 20г; потыщимъса быти подобны стмъ, Поуч. Ефр. Сир., 128а. О сохранении *-и* в случаях *ради, виновати, пьяни* и т. д. сказано выше.

Как мы видели, в прилагательных и местоимениях совпали во всех родах формы именительного и винительного множественного. Примеры указаны были выше.

В именном склонении мужеского и среднего рода проникли так же, как в имена, окончания *-ам, -ами, -ах* вместо *-ом, -ы, -ьх*. Ср.: птенцемъ аспидовамъ, Син. сборн. XV в., № 53/255; сразивъшамаса полъкома, Тр. сп. Новг. 1-й, 17г. Возможно, впрочем, что эти образования искусственные, между тем как в живом языке во множественном числе употреблялись в то время только местоименные формы. Это подтверждалось бы и довольно частыми примерами с *-ома, -ом* вместо окончаний *-ама, -ам* женского рода: не оумовенома роукама, Ев. 1339, 53а; двѣремъ затвореномъ, ib., 6а; нечтама роукама рекъше не оумъвенома, Пантел. ев., 63в; тростемъ трасомомъ, Ипат., 16а; великома шчима, Ипат., 56б. Отмечу в творительном множественного *горючмѣ* вм. *горючими* (еще не замененного через *горючими*): *горючмѣ*, Покров. (Отв. № 244); *горючмѣ слѣзмѣ*, Буин.-Симб. (Отв. № 57); *горючми слезами*, Кинеш. (Отв. № 66).

Как увидим ниже, в склонении местоимений явилось стремление к сближению звуковой формы именительного множественного с формой прочих падежей (ср. появление *тих, тим, всих, всеми* под влиянием *ти, вси*). Это в единичных случаях могло передаваться и в именное склонение прилагательных. Ср. образования, как: *чѣмъ съитимъ быти*, Гр. 1644 (А. Ю., № 256); *Сасинимъ дѣтемъ, оу Сасинихъ дитеи, при: Сасини дѣтѣ, Дв. гр. XV в., 110; оу Ермолинихъ дѣтеи, ib.; Куровимъ дѣтемъ, ib., № 68.*

Перехожу к явлениям, связанным с полным вытеснением именного склонения прилагательных. Безразличие в синтаксическом отношении форм именного и местоименного склонения прилагательных привело к полному смешению их там, где этому благоприятствовал звуковой состав соответствующих форм. Это имело место в формах с некогда двусложными окончаниями, как-то: твор. ед.—*молодѣмъ* и *молодымъ*; дат.-твор. дв.—*молодома*, *молодама* и *молодыма*; дат. мн.—*молодомъ, молодамъ* и *молодымъ*; местн. мн.—*молодѣхъ, молодяхъ* и *молодыхъ*; твор. мн. женского рода — *молодами* и *молодыми*. Во всех остальных падежах местоименное склонение отличалось двусложностью окончания сравнительно с односложностью его в именном; только в указанных падежах являлись равносложные окончания (в твор. ед., дат., местн. мн. после падения глухих они стали односложными). На этой почве и произошло полное смешение именного и местоименного склонения, окончившееся вытеснением форм именного склонения. При этом по аналогии вытеснялась и старая форма род. мн. именного склонения (ибо эта форма в местоименном склонении была тождественна с формой местн. мн. и тесно ассоциировалась с формами дат. и твор. мн.): вместо *молодѣ* явилось *молодыхъ*. Таким образом произошло вытеснение именных форм во всех косвенных падежах множ. числа и в твор. ед. В остальных падежах: в именительном всех чисел и косвенных падежах ед. числа — именные формы продолжали употребляться. Приведу доказательства.

Имена прилагательные притяжательные на *-ов, -ин* и др. до сих пор в единственном числе мужского рода употребляются в формах именного склонения (*от Алексева двора, к Иванову гумну*). Между тем в творительном единственного и в косвенных падежах множественного числа находим формы склонения местоименного (*Ивановым двором, у Ивановых детей*). В древнем

языке: над Паритовымъ озеромъ, Дв. гр. XV в., № 14; конецъ Паритова озера, *ib.*; в мѣжахъ с Беръзниковымъ, Дв. гр., № 94 (възлѣ Беръзниковы земли, *ib.*); за Фатѣевымъ дворомъ, Дв. гр. XV в., № 20; с Ъвашомъ Нефедовымъ, *ib.*, № 18; с Павло Григорьевы сѣмь, *ib.*, № 133; за Ивановыми дитьми, *ib.*, № 110; кнѣжимъ лодьямъ Михайловымъ, Новг. гр. 1373, № 17 (вм. княжамъ лодьямъ Михайловамъ); ни моимъ братнимъ дѣтемъ Игнатьевымъ, Дв. гр. XV в., № 8 (ср. *ib.*: братню сѣу); а что сель и свободъ Дмитриевыхъ, Новг. гр. 1305, № 10; а что Олександровыхъ княжихъ сель коупленыхъ, Новг. гр. 1325—1327, № 15; со разбойниковымъ товаромъ, Рижск. гр. ок. 1300 (у разбойникове клети, въ разбойникову клетъ, *ib.*); с Ъвановы село, Дух. Дм. Ив.; наволоко стариковы, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46; ср. наволо старико); Ильинымъ дѣтемъ, Дв. гр. XV в., № 37; Іаковлимъ дѣтмъ, *ib.*, № 95; оу Іаковлихъ дѣтеи, *ib.*, № 95; у Ильиныхъ дѣтеи, *ib.*, № 37; ѿ Мѣкитины дѣтеи, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); до Клѣментиевыхъ, *ib.*; а что сель княже... твоихъ или княгынинныхъ, Новг. гр. 1305, № 10; Оуглечи поле, Дух. Дм. Ив.; златымъ шеломомъ, Сл. о п. Иг., 13; чрълеными щиты, мечи харалужными, *ib.*, 13; въ княжихъ крамолахъ, *ib.*, 17; лебединными крылы, *ib.*, 19; лютымъ звѣремъ, *ib.*, 35. При названии местности *Попково*, Гр. 1481—1505 (А. Калач., I, № 103), в твор. ед. *Попковымъ*, *ib.*

При *Новъгородъ*, *Новагорода*, *Новугороду*, *Новъгородъ* находим в твор. *Новымъ городомъ*; например: с новымъ городомъ, Новг. гр. 1373, № 17; со всімъ новымъ городомъ, Новг. гр. 1314, № 12 (но еще в Новг. гр. 1368—1371, № 16: со всѣмъ Новомъ городомъ).

Судя по великорусскому наречию, следующими формами именного склонения, подвергшимися вытеснению, были формы родительного, дательного и местного женского рода. Эти формы не известны в великорусском в притяжательных прилагательных: *от Ивановой избы, к Сергеевой жене, в Васильевой половине*, а не *Ивановы, Сергееве, Васильеве*. Ср. то же в фамилиях: *госпожу Петрову*, но *от госпожи Петровой, Ильиной*. Думаю, что здесь действовала та же причина, что при вытеснении форм

творительного мужеского рода единственного числа и всех косвенных падежей множественного числа мужеского, женского и среднего рода, а именно: формы род., дат, местн. падежей стали равносложными в местоименном и именном склонении (род. *-ой* вместо *-оѣ* нефонетически, как увидим впоследствии): *Ивановы, Ивановѣ* при *Ивановой*. Ввиду того что форма родительного падежа получила односложное окончание лишь позже, можно думать, что сначала стали исчезать формы дательного и местного единственного женского рода именного склонения, заменяясь формами склонения местоименного.

Таким образом, именное склонение сохранялось: в им.-вин. падеже ед. и мн. числа всех родов, в род., дат., местн. мужеского и среднего рода, в вин. и род. ед. женского рода. Потом исчезла и форма род. ед. женского рода. Понятно, почему с течением времени окончательно исчезла вообще возможность склонять прилагательные по именному склонению. В русском отмеченные выше падежи сохранились только в прилагательных притяжательных. Другие прилагательные склоняются, как имена, в тех же падежах только в песенном и былинном языке, сохранившем, однако, и такие формы, которые вообще исчезли окончательно еще в старое время; ср., например, в Др. стих. Кирши Данилова: над молодомъ Потокѣмъ Михайлою Ивановичемъ, 92; зеленомъ виномъ, 63; со молодомъ Иваномъ Годиновичемъ, 60; за молодомъ Иванушкомъ Годиновичемъ(ъ), 59.

Имена городов на *-ѣск*, по происхождению прилагательные, склонялись, как существительные. Однако диалектически и здесь вместо творительного по именному склонению являлась форма склонения местоименного: з городомъ(ъ) Смоленскимъ(ъ), Крас. сп. Лит. лет.; ср. местн. ед. с окончанием местоименным, например, в Егорьевском¹, в Зарайском, Егорьев. (В. Черныш.); в Богородском был, Богородск. (В. Черныш.).

6. СКЛОНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Рассмотрю здесь как те числительные, которые склонялись, как прилагательные, так и те, что склонялись, как существительные.

В склонении *три* и *четыре* замечательна замена древних форм родительного падежа *треи* и *четыр* (*четыреи*) формами *трех*,

¹ В рукописи: в Егорьевском. (Ред.)

четырёх; здесь сказалось влияние местоимений, где формы род. и местн. мн. совпадали. Ср. в древнем языке: от четырёхъ ебѣлисть, Киевск. гр. 1446; до трёхъ становъ, Ипат., 229а; тихъ трёхъ сель, Дв. гр. XV в., № 90. Современные великорусские — четырёхъ, трёхъ; белорус. — трох, четырёхъ; укр. — трох, чотирах; лемк. — трох, штырех.

Вместо *трем*, *четырем*, с одной стороны, *треми*, *четырьми*, с другой, являются формы *трема*, *четырма* под влиянием *двѣма*: *трема* сыновьямъ, Гр. 1612 (А. Ю., № 395); подъ *двѣма* или *трѣма* мѣръ, Пантел. ев., 4а; съ *трема* деваносты, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 368б; с *трема* тысащами, Ермол., 300б.; *трема* обжами, Новг. писц. I, 260; *трема* участки, Гр. XVI в. (А. Ю., № 414). В современном языке: *трема*, Каргоп. (Отв. № 166), Великоуст. (Отв. № 195), Сольвыч. (Отв. № 193) и т. д. (другие примеры см. выше); белорус. — *трыма*, *чатырма*, Минск. (Отв. № 23); *трима*, Себеж. (Отв. № 26); *трыма*, *чатырма*, Пинск. (Отв. № 1); укр. — *трома*, *чотирма*. Появление подобных форм доказывает, что двойственное число исчезло в языке, ибо с его окончаниями не соединялось представление о двойственности. Отмечу далее род. мн. *трею* под влиянием *двою*: во устѣхъ *двою* или *трею* свѣдитель, Новг. ев. XIV в. (Фп I, 17); ѿ *трею* сихъ, Лет. Авр.

Понятно, что это самое обстоятельство было причиной проникновения окончаний множественного числа в склонение числительного *два*; вместо *двѣма* — дат.-твор. явились формы *двѣм* — дат. мн., *двѣми* — твор. мн.; ср.: *дзьвем*, *дзьвѣми*, Пруж. (Отв. № 9). Равным образом в род. и местн. появлялась форма *двѣх* вместо *двою*: *дзьвех*, о *дзьвех*, Пруж. (Отв. № 9); у *двех* верстах, Мосал. (Шахм.). Ср. галицк. — *двѣм*, *двѣх* (Осадца). Но более обычными оказываются другие новообразования в склонении *два*. Форма *двѣма* ассоциировалась легче с *две* — им.-вин. женского и среднего рода, чем с *два* — им.-вин. мужского рода. Это обстоятельство послужило причиной того, что в основание формы дат.-твор. мн. клалась одна из следующих двух основ, извлеченных из склонения числительного *два*: это основа *дву-* (ср. род.-местн. *дву* при *двою*) и основа *дво-* (ср. род.-местн. *двою*). Основа *дву-* легла в основание, например, белорус. — *двумá*, Новогр. (Клих), Дисн. (Отв. № 6), Быхов. (Отв. № 9), Пинск. (Отв. № 11), Слуцк. (Отв. № 5), Пинск. (Отв. № 3); великорус. — *двумá*, Онеж. (Отв. № 41), Холмог. (Отв. № 50), Петроз. (Отв. № 34), Белоз.

(Отв. № 168), Кирилл. (Отв. № 215), Шенк. (Отв. № 235); двѹма делами, Петроз. (Шахм.). От этой основы производятся с окончаниями множественного числа в древнем языке: двух(ъ) сажен(ъ), Двинск. гр. 1532 (Собр. Бел., № 51); двѣхъ сѣновъ, Крас. сп. Лит. лет. Современные великорус. — двух, двум, также диалектически — двуми, например, Покров. (Отв. № 10), Кадник. (Отв. № 26), Касим. (Отв. № 47), Макар. (Отв. № 56), Мосал. (Шахм.), Яранск. (Отв. № 60), Карсун. (Отв. № 67), Новосил. (Отв. № 77), Влад. (Об. сл., 15); двѹми, Брянск. (Отв. № 259) и др.; белорус. — двух, Витеб. (Отв. № 18); двух, двум, Новоалекс. (Отв. № 11), Дисн. (Отв. № 6), Игум. (Отв. № 8), Быхов. (Отв. № 9), Себеж. (Отв. № 26). Основа *део-* легла в основание фсрмы *двома*, которую находим, например, в великорус. — двома, Белоз. (Отв. № 166); укр. твор. — двома; белорус. — двома, Игум. (Отв. № 15), Мозыр. (Отв. № 10), Пинск. (Отв. № 2) и др.; сюда же *dwamá*, Новогр. (Клих), *z dwama*, Волков. (Federowski, 1, 66). От этой основы с окончаниями множественного числа производятся: двома, Молд. гр. 1412; укр. — двох (род. и местн.), двом (дат.); белорус. — двом, двох, Новоалекс. (Отв. № 11), Мозыр. (Отв. № 10), Пинск. (Отв. № 7), Мозыр. (Отв. № 3); русск. — двох, двоими, Грайвор. (Отв. № 279), Льгов. (Отв. № 76); двох, двом, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236). Эти новообразования *двух, двум, двумя*, с одной стороны, *двох, двом, двома* — с другой, в белорусском неохотно сочетались с формой женского рода, где перед *в* вначале был другой звук *з'* (*дз'*); это было причиной того, что в женском роде *дз* переносилось и в указанные новообразования: *дзвюх, дзвюм, дзвюма* — женск. род. при: *двух, двумя* — мужеск. род, *дзвѣх, дзвѣм* — женск. род при: *двох, двом* — мужеск.; об этом подробнее скажу в белорусском отделе¹ (*двѣх рублѣв, Борович., Обл. сл., 112; двѣх, Бронниц., Даль,* — иного происхождения: *двѣх* под влиянием *трѣх, четырѣх*).

Как *два, две*, изменялось и *оба, обе*. Поэтому, с одной стороны, в дат., род., твор., местн. найдем: *обех, обем, обеми*, Влад. (Обл. сл., 15); *абех, абем*, Грайвор. (Отв. № 279); *обем, обех*, Тотем. (Отв. № 198), Шенк. (Отв. № 235), Покров. (Отв. № 244), Буин.-Симб. (Отв. № 57), Алатыр. (Отв. № 32) и др.; по *обем* сторонам, Онеж. (Отв. № 41); с другой стороны, с основой *обо-* в старом языке: по *обохъ* сторонахъ, Киевск. гр. 1459.

¹ Этот отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

В склонении *четыре* отметим еще появление *четырема* вместо ожидаемого и известного *четырьма* (см. выше) (*четырема*, конечно, под влиянием *трема*), а также форм *четырем*, *четырех*; также *четыреми* под влиянием *треми*. Ср. са *четыреми*, Обоян. (Резанов); *четыре́ми* (при *треми́*), Кирилл. (Отв. № 167); *четыре́ми*, Брянск. (Отв. № 259, под влиянием *четыре́м*); белорус. — *четыроми*, Могил. (Отв. № 3, ср.: *троми*, *четырох*); *четыро́ми*, Быхов. (Отв. № 9, при *тро́ми*).

Влиянием местоимений на числительные (ср. выше *трех*, *четырех* в родительном под влиянием *тех*) объясняется появление форм *двух*, *дсым*, *двыми* (ср. *тых*, *тым*, *тыми*): *двух*, *двым*, Великоуст. (Отв. № 202), Белоз. (Отв. № 151); *двым*, Холмск. (Отв. № 54); *двыма*, Пинск. (Отв. № 2); белорус. — *абудвух*, *абудвым*, *абудвыми*, Игум. (Отв. № 8); *ободвух*, Бухов. (Отв. № 9); *узав их ободвух*, Быхов. (Ром., III, 342) и т. д. Также: *обых*, *обым*, Вытег. (Отв. № 22); *обых*, *обым*, *обыма*, Петроз. (Отв. № 30); *обых*, *обым*, Кем. (Отв. № 104); с *обых* сторон, Повен. (Шахм.); отсюда и: *обы*, Кем. (Отв. № 104), Вытег. (Отв. № 22); *обы холосты*, Яросл. (Тихвинский); *обы*, Петроз. (Отв. № 34); *обы*, Петроз. (Отв. № 30); *обы* находим уже в Палее 1494 г. Тем же влиянием объясняются формы *двим*, *двих*, *обйм*, *обих*, заменяющие *двым*, *обым*; ср. в указательном местоимении *ти*, *тих*, *тим* при *ты*, *тых*, *тым*: *обих*, *обйм*, Нолинск. (Отв. № 51); *обих*, Малмыж. (Отв. № 103); так доспелось, што обим захотелось, Послов. XVIII в. (Симони, 197).

Особенное влияние оказали местоимения на склонение *один*, которое уже в общерусском праязыке склонялось по местоименному склонению. Так объясняются формы, как: *одная*, *одную*, Новг. (Отв. № 20); *одную*, Гдов. (Отв. № 11); *одную*, Котельн. (Отв. № 35), Холмск. (Отв. № 54); *одную я оставил жену*, Сольвыч. (Отв. № 193); *одная*, *одную*, Крест. (Отв. № 160); *ня́дны́е кобылицы*, Быхов. (Ром., III, 196); *одны́и и едны́и* — им. мн., Пинск. (Отв. № 4); *во́дные* — им. мн., Свенц. (Отв. № 13); *ни во́дная*, Рогач. (Ром., III, 289); *одны́е* — род., Минск. (Отв. № 23); ср. новообразования в местоимениях *тая*, *тую*, *тыи*, *тые*. Так же объясняются формы мн.: *одне*, *однех*, *однеми*, Шуйск. (Отв. № 19), Покров. (Отв. № 10), Кологр. (Отв. № 61), Алатыр. (Отв. № 32), Устюжн. (Отв. № 28); *одне*, *однех*, *однем*, Тотем. (Отв. № 201), Соликам. (Луканин, Арх. II. Отд.); *одне*, *еднех*, *еднем*, Камышл. (Отв. № 89); ср.: *те*, *тех*, *тем*, *теми*. Так же

русск. — одни, одних, одними; ср.: ти, тих, тими. Так же — одны, одных, Яранск. (Отв. № 59), Вытег. (Отв. № 22); одны, одных, одними, Новг. (Отв. № 20); одны, одных, Онеж. (Отв. № 41), Каргоп. (Отв. № 106); белорус. — одны, одных, Пруж. (Отв. № 9); одним, Пинск. (Отв. № 2); одны́, одных́, одним́, Пинск. (Отв. № 1) и т. д.; адным дваром, твор. ед., Мосал. (Шахм.); одним словом, Рогач. (Ром., III, 148) и т. д.; вдінымы вороты, Ипат., 12в; ср.: ты, тых, тым.

Из предыдущих примеров видно, что в ряде числительных установилась ассоциативная связь между формой именительного множественного и формой косвенных падежей множественного числа: при *две* — *двем*, *двех*; при *одне* — *однем*, *однеми*; при *одни* — *одним*, *одних*; при *обы* — *обых*, *обым*; при *одны* — *одных*, *одным*. Такая связь обобщалась, распространяясь и на другие случаи, чему способствовало в особенности то, что и в местоимениях формы именительного множественного и косвенных падежей множественного числа были связаны между собой. Так, при именительном *три* возникали *трима*, *трими*: *трима* путыми, Лет. Авр.; со *трими* присѣлки, Крак. гр. 1388 (надо, впрочем, заметить, что укр. и белорус. *трима*, *трими*; белорус. *трыма* может являться фонетически вместо *трѣма*, *трѣми*). Возможно, что формы *триех*, встречающиеся в памятниках, возникали под влиянием им. мн. *трие* (ср.: под трѣе «пархиа, Лет. Авр., вм. *три*), как мы знаем, рано исчезнувшего: по тѣх триех(ѣ), Кн. зак. XV в. (Павлов, 63); род. — тріехъ, ів.; по трее ^х лѣте, Ермол., 300б.

Отмечу, наконец, влияние склонения *двои*, *обои* на *два*, *две*, *оба*, *обе*. Мы видели ограниченное употребление этих числительных в древнейшем языке, во всяком случае соединение их с именами, образывавшими двойственное число, было невозможно: они соединялись только с *pluralia tantum*. Но когда двойственное число исчезло в языке и когда основа *дво-* стала соединяться с окончаниями множественной формы, *двоих*, *двоим*, *двоими*, *обоих*, *обоим*, *обоими* стали употребляться вместо форм от *два*, *оба*. Ср.: двоими записми, 1619 (Письма русск. госуд., № 33); двоими или трети свѣдѣтелми, Кн. зак. XV в. (Павлов, 49); современ. — двои колѣса, при: два колесá, Буинск. (Отв. № 16); абѣи мужыки, Грайвор. (Отв. № 279). Понятно, что вместо *двоима*, *двоим* и т. д., когда они стали косвенными падежами при *два*, *две*, явились новообразования *двѣима*, *двѣим*. Ср.: двѣима

копы, Ипат., 199б; межю двѣма кладома, ib., 51 г; со двѣма сѣома, ib., 221в; с двѣма дѣтатама, ib., 231а; двѣма сѣома, ib., 245б; по вѣма сторонама, межи вѣма полкома, ib., 46в; со вѣма сѣма своима, ib., 283а; вѣма нама, ib., 133в; обѣма полкома, ib., 110г; дат. мн. — вѣма, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 405а. Ср. в современном языке новообразования *обеи, обеим, обеих*: *обѣи и обѣи*, Олон. (Отв. № 29); *обѣи и обѣи*, Кадник. (Отв. № 26); *обеи* (вместо *оба*), Шуйск. (Отв. № 19); *вы обея виновати*, Дон. (Калмыков); *обеим идти надо*, Орл.-Вят. (Отв. № 42); *абѣи глаза*, Терск.-Моздок. (М. Караулов). Замечательно при этом, что в некоторых говорах *обеи, обеих, обеим* относится только к мужчинам, а о женщинах говорится *обе, обеих, обем*, например Онеж. (Отв. № 41); *абѣи, абѣи*, при: *вѣбе* в женском роде, Брянск. (Отв. № 259). Понятно и новообразование *обыи*, явившееся вместо *обои* под влиянием *обых, обым*, ср.: *обыи*, Слобод. (Отв. № 53); *обыѣ*, Слобод. (Отв. № 141); *обыя*, Буин.-Симб. (Отв. № 57); *обыи*, Петроз. (Шахм.); *вѣбыя*, Могил. (Отв. № 4); *обыи* стороны, Повен. (Шахм.). По-видимому, под влиянием *обоих, обоим* и *троих, троим* употребляются вместо *трех, трем*; аналогично с *двѣма* появление *треима дѣьми*, Ипат., 295в. В дальнейшем распространении находим: с питярыми дитяма, Мосал. (Шахм.); также: четверыма, восьмерыма, десятерыма в. — четырма, семью, десятью, Холмог. (Отв. № 50); *пяцерма, шасцярма чылавеками*, Новоалекс. (Отв. № 14). У Ломоносова: *оба* или *обе, обоих* или *обеих* и т. д.; *двое, двоих, двоими* и т. д., *пятеро, пятерых, пятерым, пятерыми* и т. д.; *лутче старикъ семерыхъ молодыхъ*, Послов. XVII в. (Симони, 117).

Замечательна замена всех (кроме им.-вин.) падежей от *два* формой *дву* (по происхождению род. пад.): *к дву или къ тремъ*, 1619 (Письма русск. госуд., № 14).

В склонении числительных *пять, шесть* и т. д. отметим прежде всего, что они перестали быть существительными в русских наречиях. Правда, они до сих пор соединяются с родительным множественного, но только в именительном и винительном падежах: *пять собак, взял десять овец*. Между тем в остальных падежах они употребляются атрибутивно и, таким образом, согласуются в падежах с тем существительным, которое к ним относится; ср. великорус.: *к пяти избам, от шести огородов, с семью рублями, в десяти копейках*; белорус.: *пяцю чалавеками*. Старое склонение указанных числительных вообще сохраняется: великорус. род.,

дат., местн. — пяти, твор. — пятью; белорус. — пяці, пяцю; укр. род., дат., местн. — пяти. Творительный падеж был единственным косвенный падеж, не имевший господствующей формы *пяти*. Вместо *пятью* является, однако, *пяти*: с тридцати пети, Повен. (Шахм.), или — с трицетью пяти, *ib.* Согласование числительных *пять, шесть* и т. д. с существительными имело следствием перенос в их склонение окончаний множественного числа, при этом обычно заимствуются окончания из *трех, четырех, двох*. Ср. великорус.: с пятьми, девятьми рублями, Влад. (Обл. сл. 15); в пятых шахах, симых гадков, Брянск. (Отв. № 259); у пятых, у сямых, Жиздр. (А. Никольский); у пятых, у сямых, у шастых, Мосал. (Шахм.); белорус.: пяцых, шасцых, шасцем, пяцем, Могил. (Отв. № 4); пяцми, шасцми, Свенц. (Отв. № 13); пяцых, пяцем, шасцем, Речицк. (Отв. № 17); пяцем, у пяцых, шасцых, Витеб. (Отв. № 18); пяцых, Минск. (Отв. № 23); пятьми, шастыми, Леппельск. (Отв. № 27), и т. д.; укр.: пятьох, пятьом, шістьох, шістьом, десятьох, сімох. Сюда же к *пятма варницамъ*, Гр. 1551 (А. Ю., № 170). Но иногда в основание новообразованных форм с окончаниями множественного числа кладется форма *пяти* как основа: *десятымъ*, Ссф. 2-я лет. XVI в. (П. С. Р. Л., VI, 150); белорус. — пяцых, шасцых, пяцим, шасцим чалгвекам, Новоалекс. (Отв. № 11); пятим, шастим, Леппельск. (Отв. № 27); пяцим, шасцим, Себеж. (Отв. № 28). В творительном являются и окончания двойственного числа: *пятма* (с окончанием, заимствованным из *двома, трема* и т. д.); ср. укр.: *пятма, шістьма, сьома, десятьма*; белорус.: *пяцма, шысцьма* (примеры см. выше). Вместо *пятма* находим *гятма*, причем в основание кладется *пяти* как основа: *пятима*, Петроз. (Отв. № 30); *девятима, десятима*, Холмог. (Отв. № 50).

Точно так же числительные *двенадцать, тринадцать* и т. д. во всех падежах, кроме именительного и винительного, согласуются с существительными. Склоняться они стали, как одно целое, по образцу *пять, десять*. Вместо древних *треми на десяте, трии на десате* (вм. чего позже *трехъ на десяте*, ср.: с *трехъ* натцати обежъ, Новг. писц., I, 267), *двою на десате* (вм. чего и *двунадесате*: *двунадцати саженьъ*, Гр. 1585, А. Ю.,

x

№ 230; *в двоунатцати версѣ*, Лет. Авр.) явились формы *двенадцати, тринадцатю*, ср.: *усим двананцаци посланцам*, Рогач. (Ром., III, 179). Любопытны новообразования со склонением обеих

частей: съ двѣма на десятѣма тысящѣма, Лук. ев. 1409 (Соболевский). В творительном и здесь указанные выше новообразования: с одной стороны — с двенадцати служанками, Повен. (Шахм.); с другой — *dwanapaccas'ta*, Волков. (Fedegowski, I, 15). И так же проникают сюда окончания множественного числа из *трѣх, четырёх*: *dwanátcas'm'i*, Новогр. (Клих).

Числительные *двадцать, тридцать* склоняются также, как одно целое; вместо *двоюдесяти, трьмидесятью* — *двадцати, тридцатью*: косили лѣ^т боле дватцати, Гр. 1425 — 1462 (С. М., № 46); у два^ацати тисача^х копа^х, Крас. сп. Лит. лет. В творительном иногда форма на *-и*: с трицяти пети, Повен. (Шахм.); творительный множественного на *-ма, -мя*: дваццацѣма чылавеками, Новоалекс. (Отв. № 14); дватцатьма, Пинск. (Отв. № 4). Окончания, заимствованные из *трѣх, четырёх*: двадцатѣх, Зубцов. (Отв. № 60); в двадцатѣх верстах, Брянск. (Отв. № 259); из дваццацѣх чылаvek, Мосал. (Шахм.); двадцатѣх, Жиздр. (А. Никольский); белорус. — двыццацѣх, Могил. (Отв. № 4); дваццацѣм, Речицк. (Отв. № 17); дваццацѣми людзьми, Свенц. (Отв. № 13); двыццацѣм, Витеб. (Отв. № 18); у трыццатѣх, Леппельск. (Отв. № 27); дваццацѣм человетекам, Себеж. (Отв. № 28); укр. — двадцятьо́х, тридцятьо́м и т. д.

Числительные *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят*, изменявшие раньше только первую свою часть (*пятьюдесять, шестидесять*), получили возможность изменять обе составные части; ср. русск. — *пятидесяти, шестьюдесятью, семьюдесятью* (впрочем, в творительном обычна и замена *пятью, шестью* формами *пяти, шести*: с *пятидесятью, восьмидесятью*). Ломоносов („Грамматика“, § 263) дает *пятьюдесятью, но восьмидесятью*; укр. — *пятидесяти*. Впрочем, эти числительные рано теряют диалектически самую возможность склонения; ср. отсутствие склонения их в украинском; в Ев. 1339 читаем: патьдесать лѣ^т не имаши, 19г. В остальных, кроме именительного-винительного, падежах эти числительные согласуются с существительными.

Сорок утрачивает все формы склонения, кроме родительного: *сорока́*; ср. укр. — *сóрок-сорока́*; великорус. — *сорок-сорока́*; в великорусском *сорока́* получает функцию всех остальных падежей. Возможно, что на это повлияла наличность одной формы для род., дат., местн. (а частью и для твор.) в *десять, двадцать, тридцать*: с *сорока́ рублями, о сорока мучениках*. Диалектически в украинском *сорок* получает окончания из *трѣх, четырёх*, как и прочие

десятки: у сороко́х лю́дбох при у сэрок лю́дбох, сорокма́ (Верхр.); сарако́х также в белорус., Леппельск. (Отв. № 27).

Девяносто продолжает склоняться только в отдельных говорах: *дѣвяноста, дѣвяносту*, Леппельск. (Отв. № 27); вообще же утратились формы склонения, кроме *девянѣста*, которое употребляется в великорусском для всех косвенных падежей: *с девяноста рублями*; укр. — *девяносто* в родительном имеет *девяноста*.

Сто только в именительном единственного подчиняет себе падеж существительного, требуя его в родительном, а в остальных падежах *сто* согласуется со следующими существительными. Но формы склонения от *сто* вообще утрачены; в русском сохранилось *ста*, получившее функции всех вообще падежей: *к ста человекам, со ста рублями, о ста рублях, на ста столбах*. В украинском *сто* вообще не склоняется, но образует в творительном *стомá*. В старом языке *сто* склонялось и при согласовании с существительным: съ стомъ тысящами вои, Ермол., 12 об.; во стѣ рублѣхъ, Догов. 1440, № 60; сту человѣкомъ, 1619 (Письма русск. госуд., № 25).

Двѣсти (известное и в форме *дваста* под влиянием *триста*, например: *дваста*, Никол.-Волог. (Отв. № 266); *дваста*, тыся^ч, Хожд. Афан. Ник., 387а; в укр. — при *двісті* — *двіста*; угрорус. и лемк. — *двáсто*) склоняет обе части в великорус.: *двух сот* (двоу сотъ гриве^н, Тр. сп. Новг. 1-й, 1г), *двум стам, двумя стами, о двух стах*; в украинском не склоняется, кроме как в родительном: *двух сот*. Любопытно новообразование в *двоу соть*, Лет. Авр. То же с *триста* (угрорус. — *тристо*, лемк. — *тристо*, при *триста*), *четыреста*: великорус. — *трѣх сот, тремя стами*; в укр. только в родительном: *трох сот, чотирох сот*. *Пятьсот* и т. д. склоняются так же, но в творительном вместо *пятью стами* также возможно *пятистами*; укр. только в родительном — *пятисот*. (Ломоносов, „Грамматика“, § 263: *пятисот, пятьюстами, девятистам*.)

О появлении в диалектах *тысячь* вместо *тысяча* мы говорили выше.

Итак, общим для всех числительных явлением оказывается сохранение ими старого или аналогичного со старым согласования с последующими существительными только в именительном и винительном единственного: *два попа, две рыбы (дві риби), три сестры, пять домов, сто человек, двадцать рублей, семьдесят копеек*. Во всех этих случаях форма существительного зависит от числительного. Напротив: *к двум попам, в двух рыбах, от*

трех сестер, от ста человек, к двадцати пяти рублям — здесь форма числительного зависит от формы существительного. Объединение числительных и взаимное их влияние сказалось еще в том, что все они в именительном и винительном падеже в древнем языке получили женский род. Влияние на другие числительные оказали, очевидно, числительные *пять, десять, двадцать* и прочие десятки. Ср.: ту сто купъ, Гр. 1421 (А. Ю. З. Р., 1, № 14, но там же: тѣхъ ста купъ; та сорокъ рублевъ денегъ, Гр. 1568 (А. Ю., № 86); в тоу же двѣнадцать тысячи серебра, Новг. гр. 1314, № 12; а на рожество Христово другаѣмъ триста, Молд. гр. 1421, № 25; подѣ другую шестсѣтъ золотыхъ дукаговъ, *ib.*; за ту три рублѣ, Дв. гр. 1515, № 1. Но рано явилась и возможность согласовать им.-вин. числительных, как *пять, десять, сто* (по происхождению существительных единственного числа), а также числительных *два, три, четыре* со множественным числом: в тѣ два года, Гр. 1479 (А. Калач., II, № 156).

7. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное. По-видимому, к древней эпохе относится появление в дательном и местном *меня* вместо *мнѣ* под влиянием родительного *мене*. Эту форму находим в великорусском: дат. — мене, Холмог. (Отв. № 50), Шенк. (Отв. № 80), Олон. (Отв. № 29); причем параллельная форма *минѣ* может объясняться или ослаблением гласной *е*, или влиянием формы *ми*, до сих пор не вполне исчезнувшей: мене, Олон. (Отв. № 29), Устюжн. (Отв. № 28), Орл.-Вят. (Отв. № 42), Холмог. (Отв. № 50), Малмыж. (Отв. № 103), Слобод. (Отв. № 53), Шенк. (Обл. сл., № 9), Рыльск. (Обл. сл., № 95), Жиздр. (А. Никольский), Мещов. (В. Черныш.); мене, Терск.-Моздок. (М. Караулов), Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В., 1893). В белорусском — мене, Новогр. (Отв. № 25), Рогач. (Ром., III, 270), Пинск. (Отв. № 6). В украинском — мені, міні в дат. и местн.

Замечательно общее для русских наречий исчезновение энклитик *ми, ти, си, ны, вы* в дательном единственного и множественного. Как указано при парадигмах, *ми, ти, си* держатся лишь в некоторых говорах. Рано исчезли и краткие формы *мя, тя, ся*; они сохраняются лишь в немногих говорах.

Вместо *въ* диалектически в 1-м лице двойственного *ва*: *ва дали*, Перемышл. гр. 1378, вместо: *вѣ дала*.

К древней эпохе, быть может, относится и диалектическое *ны* вместо *мы*, ср. такую форму в Гдов. (Отв. № 11), если видеть здесь замену именительного множественного формой винительного множественного. Но возможно, что перед нами новообразование: *вас, вам* при *вы* вызвали при *нас, нам* новообразование *ны*.

В местоимении 3-го лица отметим общее всем русским наречиям исчезновение старых форм вин. пад. ед. числа мужского рода (*и*), среднего рода (*е*) и множественного числа мужского (*ль*), женского (*ль*) и среднего рода (*я*). Эти формы заменены формами родительного падежа (*его, него, их, них*). Примеры из древнего языка: а гдѣ ѿруе^а почне^т ту его и конца^т, Гр. 1426 — 1461, № 18; и бга за ни^х мола^т, Гр. 1425 — 1462 (С. М., № 37). Так же исчезла форма *ю* в винительном женского рода, но не вполне; диалектически она известна до сих пор (примеры при парадигмах), причем замена *ю* через *еъ* восходит к древней эпохе. Возможно, что *еъ* вместо *ю* обязано влиянию *его* вместо *и* в мужеском роде, когда местоимение относилось к предмету одушевленному; ср.: и вы въкупите ее (т. е. пожню) стму Николи, Дв. гр. XV в., № 7; и мы ее раздѣлили (т. е. пожню), ib., № 133; за нее, Ипат., 236в; пошлетъ ее, Виленск. сп. Лит. лет.; ее положили, Крас. сп. Лит. лет.; заложитъ г^{не} ее (т. е. пожню), Гр. 1462 — 1505 (С. М., № 52); ее (вин. ед.), Хожд. Афан. Ник., 370а; современные русск. — еѣ, еѣ (при редком *ю*); белорус. — яѣ; укр. — еі, ѿ (при *ю, ню*). Форма *ею* представляет контаминацию *еъ* и *ю*, ср.: выменаль ею (т. е. полосу земли), Дв., XV в., № 7; укр. диалект. — jejú.

К древним явлениям относится исчезновение в диалектах приставного *н*. В белорусском это явление господствующее: за им, у ём, за яѣ, на ём. В русском оно обычно: за еѣ, Холмог. (Отв. № 50); в ём, в им, Каргоп. (Отв. № 106); от яе, Духовщ. (Добровол.); о ём, Белоз. (Отв. № 166); смотри за ём, Чистоп. (Отв. № 1); в ём, об ём, Буйск. (Отв. № 18). В украинском левобережном: без його, на йому, на йй (Тимченко). Понятно, что формы без *н* были более частыми, тогда как формы с *н* являлись исключительно после предлогов. Реже обратное явление: вытеснение форм без *н* формами с *н*, перенесенными из положения за предлогами: цего него боетьце, Холмог. (Обл. сл., № 3). Вместо *он, она, оно, они* и т. д. под влиянием форм *ѣго, ѣму, им* с начальным *ј*, по-видимому, уже в древнюю эпоху являлись: *јон, јона, јоно, јони*; ср. русск. — ён, Новг. (Отв. № 20); ёна, Вытег.

(Отв. № 22); ён, ёна, ёно, Устюжн. (Отв. № 28); ён, яна, Великолуцк. (Отв. № 45); ён, Касим. (Отв. № 47); ён, яна, Зубцов. (Отв. № 60); ён, Мышк. (Отв. № 78), Грайвор. (Отв. № 279), Льгов. (Отв. № 76); ён, Жиздр. (А. Никольский); белорус. — ён, яна́, яно́, Могил. (Отв. № 4); Слуцк. (Отв. № 5), Минск. (Отв. № 7); ён, яна́, Пинск. (Отв. № 1); іоп, іапа́, іапо, Новогр. (Клих).

О чередовании *они* и *оны* мы говорили выше. В одних говорах обобщилась форма именительного мужского рода *они*, вытеснив и *оны* в женском роде, и *она* в среднем. В других говорах обобщилась форма *оны*, заменившая *они* (частью из формы женского рода) под влиянием общей замены окончания именительного множественного мужского рода *-и* через *-ы* в именном склонении; ср.: аны́, яны́, Великолуцк. (Отв. № 45); аны́, Егорьев. (В. Черныш.); яны́, Касим. (Отв. № 47); ены́, Холмск. (Отв. № 54); яны́, Зубцов. (Отв. № 60); аны, Жиздр. (А. Никольский), Мешов. (Шахм.); белорус. — яны́. Появление *оне* (под влиянием *те, все*) относится уже к великорусской эпохе.

О вытеснении творительного *цѣмь* через *кымь*, быть может еще в общерусском праязыке, сказано выше, при парадигмах. Великорус. *кем* вместо *кым* под влиянием *тем*, так же, как *чем*, вместо общерусского *чим*. Форма *чо* почти окончательно вытеснена через *что* во всех русских наречиях; сохранилась она, например, в Олон. губ.: чѣ, Васинька; цѣ баять (см. при парадигмах). Быть может, диалектически вместо *что* являлась форма *чото* под влиянием формы *чо*. се купи... в Ождоръми землю... а чото вымѣнѣлъ ѡсмѣ ту землю на матери своєи штьчну, Дв. гр. XV в., № 124.

Равным образом окончательно вытеснена форма *чесо, чо* в родительном. В древнем языке она в некоторых выражениях заменялась формой *что*, получавшею, таким образом, функцию родительного падежа: что ради, Ипат., 55а, 60, Лавр., Тр. сп. Новг. 1-й, 66а; што хошеши оу насъ ради даемъ, Лавр.; ср.: чего ра^а, Ипат., 58б. Неясны белорусские — *ча, чѣж* вместо *чаго ж*, например Могил. (Отв. № 4), *ча ж*, Быхов. (Отв. № 9), Пинск. (Отв. № 6). В склонении *чий* (чей) отмечу проникновение уже на украинской и белорусской почве звука *и* из именительного падежа (*чий* вместо *чьі*) в прочие падежи: белорус. — чыйго (вм. *чьего*), чыйму, чыим, об чыём; им. мн. — чые, чых, Новоалекс. (Отв. № 1); чыйго, чыѣй, Игум. (Отв. № 8); чыей, нечыей, Быхов. (Отв. № 9); род. — чыеи, нѣчыєи, Мозыр. (Отв. № 10); укр. — чий, чийого,

чийо́му; им. мн. — чий. По-видимому, в русском произношении *чия*, *чйѣ* — фонетический переход *ĭ* в *i* в начальном слого.

В склонении *кой, коя, кое* отмечу новообразование под влиянием *тѣ, та, то*: по ка мѣста, Гр. 1462 — 1505 (С. М., № 52). То же в *никой, нѣкой*: на нѣцѣхъ мѣсте^х, Ипат., 16а; помощиников же, Лет. Авр., 234; до кехъ мѣсть, Суд. Фед. Ив. (изд. Богоявленского, 55).

Притяжательные *мой, твой, свой* получили новые формы во множественном числе. С одной стороны, в именительном множественного мужского рода вместо *мои* явилась форма *мое*, заимствованная из винительного множественного. Ср. общую замену формы именительного множественного винительным в мужском роде: *моѣ людѣ*, Ипат., 292б. В современном языке: *мое, твое*, Покров. (Отв. № 10); *мое, твое, свое*, Буйск. (Отв. № 18), Шуйск. (Отв. № 19), Алатыр. (Отв. № 32), Малмыж. (Отв. № 38), Онеж. (Отв. № 41), Костр. (Отв. № 44), Кологрив. (Отв. № 61) и т. д.; белорус.: *мае, твае, свае*, Могил. (Отв. № 4), Дисн. (Отв. № 6), Минск. (Отв. № 7), Быхов. (Отв. № 9), Витеб. (Отв. № 18), Новогр. (Отв. № 25), Пинск. (Отв. № 6) и т. д. С другой стороны, форма именительного множественного мужского рода *мои* обобщилась для всех трех родов, причем такому обобщению содействовало, конечно, влияние косвенных падежей *моих, моим, моими* (мы знаем, что вообще форма именительного множественного мужского рода обобщалась очень редко). *Мои* вытеснило, таким образом, не только им. мн. женского и среднего рода *моѣ, моѣ, моя*, но также вин. мн. мужского, женского и среднего *моѣ, моѣ, моя*. В старом языке: *послаша мужѣ свои*, Лавр.; *дѣти твои*, вин. мн., Лавр.; *свои главы сложимъ*, Лавр.; *мои мѣста*, им. мн., Догов. 1405, № 38; *мои недругы*, вин. мн., Новг. гр. 1314, № 12; *доцери мои* — вин. мн., Дв. гр. XV в., № 78; *твои мѣста*, Виленск. сп. Лит. лет.; *въ свои села*, Гр. 1462 — 1505 (Г. Др., I, р. IV, № 8). В современном языке: великорус. — *мои, твои, свои* для всех трех родов; также в белорус., например, Дисн. (Отв. № 6). Связь между *мои* и *моих, моим* доказывается и тем, что новообразование *мое*, вытеснившее *мои* (в мужском роде), повлияло на появление форм *моехъ, моемъ, моими*: ср. в старом языке: *своехъ*, род. мн., Гр. 1669 (А. Калач., II, 821); и *зъ дѣтьми своѣми*, Перемышл. гр. 1378; *си внучаты своѣми*, ив., также затем и в твор. ед.: *зятѣмъ своѣмъ*, Перемышл. гр. 1378; *умышлѣнѣемъ своѣмъ*, Перемышл. гр. 1391; *своѣмъ молодымъ оумомъ*, Ипат., 305 г.

В современном языке: моих, моим, Чистоп. (Отв. № 1), Бежецк. (Отв. № 6), Покров. (Отв. № 10), Буйск. (Отв. № 18), Шуйск. (Отв. № 19), Алатыр. (Отв. № 32), Малмыж. (Отв. № 38), Онеж. (Отв. № 41); своими, Самар. (Отв. № 40); твор. — моим, твоим, Макар. (Отв. № 56). Уже в древнем языке вместо некоторых форм единственного числа склонения *мой, твой, свой* могли возникать новообразования, обязанные влиянию склонения местоимения *тъ*, в особенности часто находим в родительном женского *своѣ* вместо *своеѣ*, *моѣ* вместо *моеѣ*: род. — мое, Гр. 1462 — 1472 (А. Калач., I, № 31); моѣ грамоты, Гр. 1479 (А. Калач., I, № 30); своя милѣя хоти, Сл. о п. Иг., 14; боязни свое, Стеф. и Ихн., 7; дат. — свои княгини, Дух. 1356, № 26; твор. — попь бывѣ съ своею женою, съ женою своею, Вопр. Кир. по сп. 1282 (Р. И. Б., VI, 309); братьи свои, Ипат., 237; на свои части, Новг. гр. 1371, № 8. В современном языке: мои, твои (род. ед.), Макар. (Отв. № 56); маѣ, тваѣ, сваѣ (род.), Минск. (Отв. № 7), Быхов. (Отв. № 9), Пинск. (Отв. № 6); з руки с своѣ, Рогач. (Ром., III, 162); мое работы, Быхов. (Ром., III, 93); у своѣ жонки, Быхов. (Ром., III, 133); моѣ, твоѣ, Пруж. (Отв. № 9); таѣ, Новогр. (Клих); укр. — мої (при моѣ). Быть может, сюда же относятся новообразования, как: мого, мому — великорус.: мого — укр.; ср.: в своемъ смыслѣ, Гр. 1460 (А. Калач., I, № 85).

Отмечу здесь несколько вновь образованных притяжательных; в основание новообразования положена форма родительного падежа. Так, от *их* произведены *ихний* и *ихный*: русск. — за ихнею порукою, Гр. 1690 (А. Калач., II, 812); ихний, Гдов. (Отв. № 11); йихный дом, Петроз. (Отв. № 12); ихний, Олон. (Отв. № 29); ихней хозяин, Буйск. (Отв. № 18); ихный, ихной, Устюжн. (Отв. № 28); ихнѣ, Самар. (Отв. № 40); ихной, Онеж. (Отв. № 41); ихний, Холмск. (Отв. № 54), Покров. (Отв. № 244); ихней дом, Шенк. (Отв. № 235); ихный, Петроз. (Рыбников); ихний, Никол.-Волог. (Отв. № 266); ихной дом, Белоз. (Отв. № 162); ихной, Борович. (Обл. сл., 112), Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.); ихний, Вят. (Верещагин); белорус. — ихні, Могил. (Отв. № 4), Быхов. (Отв. № 9); ихны, Игум. (Отв. № 8); ихный, Дисн. (Отв. № 6), Свенц. (Отв. № 13), Витеб. (Отв. № 18), Себеж. (Отв. № 26) и др. Форму *ихий, ихой* находим в великорус.: ихой дом, Малмыж. (Отв. № 38); ихий, йха, Орл.-Вят. (Отв. № 63); ихий, Покров. (Отв. № 244). От родительного *его, ево* образованы: великорус. — евоный, евоный, Гдов. (Отв. № 11); евоный, Устюжн. (Отв.

№ 28); евоной, Онеж. (Отв. № 41); егонный, Холмог. (Отв. № 50); евоный, Холмск. (Отв. № 54); ево́нной, Шенк. (Отв. № 235); ево́нный, Галич. (Отв. № 55); евоный, Великоустюж. (Отв. № 195); евоный, ево́нный, Никол.-Волог. (Отв. № 266); белорус. (по-видимому, приводимые ниже формы заимствованы из великорусского, ср. *в* вместо ожидаемого *з*) — ево́нный, Себеж. (Отв. № 26); яво́ный, Леппельск. (Отв. № 27). Другие подобные образования рассмотрю в великорусском отделе.

В основание новообразования положена форма притяжательного местоимения. Так, от *наш*, *ваш* образованы белорус.: *наськи*, Могил. (Отв. № 4); *наський*, *васький*, Витеб. (Отв. № 18); *наський*, Быхов. (Отв. № 9). Однородны: *мойский*, *твойский*, Вят. (Верещагин); *мойской*, Соликам. (Словцов), и: *своисково двора*, Дв. гр. XV в., № 132; *а погоубить (с)воискъи конь*, Русск. Пр. (Р. Д., I, 48). Другие подобные образования укажу в великорусском отделе.

В склонении указательного *тъ* особенно ясно сказалось влияние косвенных падежей множественного числа на форму им. мн., а также и обратное влияние. Под влиянием *тъх*, *тъм*, *тъми* образуется форма им.-вин. мн. *тъ* для всех родов, находящая себе поддержку в формах, как *моъ*, *всѣ* и т. п. Приведу примеры из древнего языка: *тъ же люди*, Дв. гр. XV в., № 95; *тъ* (им. мн. муж.), Гр. 1456 (А. А. Э., I, № 60); *тъ люди*, Гр. 1361—1365 (А. А. Э., I, № 5), 1439 (А. Калач., № 31), 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); *тъ земли* (вин. мн.), Гр. 1391—1425 (А. Калач., I, № 31); *тъ три годы* (вин. мн.), Гр. 1447—1453 (А. Калач., I, № 31); *в тѣ лѣтѣ*, Дв. гр. XV в., № 99; *тъ* (им. мн. ж.), Гр. 1314, № 12; *на тѣ ти грамоты кня^ж не наступатиса*, Гр. 1371, № 8; *тъ* (им. мн.), Ипат., 142г, 216б; *ако тѣ оутѣшатиса*, Пантел. ев., 26б; *в тѣ же дни*, Хожд. Афан. Ник., 373а; *тъ* (им. мн.), Догов. 1362, № 27; *тъ*, Домостр. Конш., 7; *тъ села*, Догов. 1368, № 28; *в тѣ лѣта*, Псков. судн. гр. В современном великорусском — *те*; укр. — *ті*. Напротив, могла обобщаться на все роды форма им. мн. мужеского рода *ти*, и это вызывало новообразования *тих*, *тим*, *timi* и даже в творительном *тимь*. Ср. такие формы в древнем языке: *за всѣ ти землѣ*, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); *за тимъ*, Дв. гр. (Собр. Бел., 1532, № 51); *тимъ* (дат. мн.), Гр. 1464—1501 (А. Калач., I, № 81); *с тимъ*, Гр. 1266—1272 (Р., Л. А.); *тихъ мен(ъ)*, А. Калач., II, № 160; *ти земли* (вин. мн.), Дв. гр. XV в., № 12, 22, 90; *тимь* (твор.), 1б.,

№ 24, 74, 81, 90; тими лоскуты, *ib.*, № 77; тими землями, *ib.*, 77, 81; тимъ сабрамъ, *ib.*, № 110; в тихъ кунахъ, *ib.*, № 15; на тихъ трехъ селехъ, *ib.*, № 90; тихъ сель, *ib.*; ти три села, *ib.*; тихъ сѣманъ, *ib.*, № 116; тимъ листомъ нашимъ, Молд. гр. 1434, № 34; тимъ то листомъ, Молд. гр. 1435, № 46; тимъ словомъ, Рижск. гр. ок. 1300; с тимъ ся самъ вѣдаю, Гр. ок. 1240; передъ тими нашими боары, Молд. гр. 1423. В современном языке такие образования мне не известны. Форма *ты*, по происхождению вин. мн., обобщалась в им. мн. всех родов (ср.: в ты села, Догов. 1368, № 28) и ассоциировалась с формами *тых*, *тым*, *тыми*, твор. — *тымь*, которые по происхождению могли быть формами сложного склонения, ср. отмеченные выше при парадигмах образования: *тый*, *тая*, *тое*. Формы им. мн. *тыи* — новообразование вместо *тии* под влиянием вин. мн. *тымь*; ср.: тыи села, Гр. XIV в. (А. Ю., № 260, II), вызывало: тыим, Белоз. (Отв. № 162); тыих, Брянск. (Отв. № 259). Форму *тии* находим также для всех родов: тии земли, Дв. гр. XV в., № 16; также *тий*, что под влиянием *тымь* тие лю^а, Гр. ок. 1265 (Р. Л. А.); также *тий* под влиянием *тѣ*: тѣи земли, Дв. гр. XV в., № 8; теи, Зубцов. (Отв. № 60), Петроз. (Отв. № 12), Грайвор. (Отв. № 279), отсюда: теих, теим, Крестецк. (Отв. № 160); тѣи (им. мн.), Ипат., 47а; къ тѣимъ землемъ, Гр. 1523 (Акты Устюжск. I, 1). Сложное указательное *этот*, *зэтот*, *етот* образует так же, как *тот*, во мн. числе: *эти*, или *эте*, или *эты*. Первую форму ср. в современ. моск. *эти*, отсюда — *этих*, *этим*; вторую *эты*, Петроз. (Отв. № 30); отсюда — *этых*, *этым*, *ib.*: *эты*, Новг. (Отв. № 20); *этых*, *этым*, *ib.*; *эты*, *этых*, *этым*, Вытег. (Отв. № 22); *эты*, *этых*, Верхотур. (Отв. № 51); *эты*, *этых*, Брянск. (Отв. № 259); третью форму *эте* — ср. *ете*, *етех*, *етем*, Соликам. (Арх. II Отд.); *этех*, Яросл. (Тихвин.); *етем* (твор.), Череп. (Отв. № 268); *этем* лесом, Костр. (Отв. № 264); *эте*, Меленк. (Отв. № 247). Общим для русского, белорусского, украинского языков является утрата именительного единственного *то* (из *тѣ*); он заменяется новообразованиями, как *той*, *тот* (примеры выше при парадигмах), диалект. *теи* (см. в укр. отделе¹).

Замечательны образования, обнаруживающие влияние местоимения *тот* со стороны другого указательного *сей* (ср. ниже

¹ Этот отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

обратное влияние): от тяе старане, Мосал. (Шахм.); с тей то стороны, *ib.*

В склонении *сь, сей* отметим влияние местоимения *тот*: сую, Полоцк. гр. ок. 1265 (Р. Л. А.); сѣмъ листомъ, Молд. гр. 1434; с сѣмъ листом, Молд. гр. 1431, № 28; в сѣ ж(е) времена, Тр. сп. Новг. 1-й, 26; сь сѣми всеми, Ипат. 11г; сь сѣми и с тѣми, *ib.*, 149а; сого ради, Поуч. Ефр. Сир., 182в; до сѣх(ъ) мѣсть, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); су, Гр. 1462—1472 (А. Калач., I, № 31); отъ тѣхъ мѣсть и до сѣхъ мѣсть, Гр. 1462—1464 (А. Калач., I, № 103); сѣми часы, 1530—1532 (Письма русск. госуд.); су запись, Гр. 1530 (А. Ю., № 154); су грамо^т (вин.), Гр. Новг. 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 42); по сѣ поры, Пов. Азов. сид. Унд., № 794 (Орлов, 112). В современном языке: до сех пор, Костр. (Отв. № 264); сех, Касим. (Отв. № 47); соводни, Макар. (Отв. № 56); сѣй, сѣя, сѣе, Игум. (Отв. № 15), Речицк. (Отв. № 17), Пинск. (Отв. № 1); сѣя, Слуцк. (Отв. № 12) (ср. там же: тоя); сѣе, Новоалекс. (Отв. № 11); сѣй, сѣя, сѣя, Игум. (Отв. № 8), Могил. (Отв. № 4); сѣм (твор.), Пинск. (Отв. № 3); сѣй, сѣя, то сѣе, Рогач. (Ром., III, 390); лемк. — сеса, сого, сому, сесы (им. мн.), сесу (вин. ж.) (Верхр.).

Древнее относительное местоимение *иже, яже, еже* исчезло в русском, белорусском, украинском языках, заменяясь новообразованиями. Во-первых, относительное местоимение заменяется несклоняемыми формами, как *еже, иже* (примеры при парадигмах); во-вторых, несклоняемым *что*, ср. великорус. — это те семена, что я купил в городе; укр. — жінка, що він бачив; в древнем языке: тие лю^{дѣ} што ныне живи суть, Полоцк. гр. ок. 1265; тотъ споускати обѣ въ ѣдино мѣсто что лѣжить оу стовѣ бѣе на горе, Гр. 1229 (А); со всѣми ужитки, што нинѣки могутъ быти, Гал. гр. 1378; пришедъ предъ на^{сѣ} и предъ ты добре, што с нами у тотъ час сѣдѣли, Гал. гр. 1412. Иногда вместо *что* является *что же*: со всѣми пожитки, што ж здавна прислухаютъ там, Гал. гр. 1424; дали смы ему Годлѣ поле, што же лежитъ отъ Бохоря болше милѣ, Гал. гр. 1378. В-третьих, вместо *его же, ему же* и т. д. могутъ являться *его то, ему то*: оу него то, Гр. ок. 1130. В-четвертых, вместо *иже, еже* и т. д. являлись *кто, что* (склоняемые): а темъ кто напоследѣ придуть, тѣмъ вѣдомо буди, Полоцк. гр. ок. 1265; и темъ кто правду любить, а кривду ненавидить, Рижск. гр. ок. 1300; то томоу за нь платити, кто и изеталь

Гр. ок. 1240. При этом возможны: *кто то, кто же, что то*, например: како было любо Рѣси и всѣмоу Латинескому языкоу кто то оу Роусе гостить, Гр. 1229 (А); визнаваем то тым нашим листом каждому доброму, кому жь буде его потребизна, Луцк. гр. 1445; аже капь чимь то весатѣ излѣмльна боудете, Гр. 1229 (А). В-пятых, местоимение *который*, ср. великорус. *который*, как обычное относительное местоимение. В древнем языке: по рѣчку Рашковку, которая в Днѣстръ впадаетъ, Киевск. гр. 1459; *который же*: рѣчи которыи жь в часу бывають, Гал. гр. 1424; диалектически *кторый*: кторая прозвиска суть, Гал. гр. 1421. В-шестых, местоимение *кой*: иные люди добрые городские и волостные старожилци кое то мѣсто знаютъ, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46).

Местоимение *весь* во множественном числе может обобщать форму *вси*: за ты за вси землѣ, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); всимъ (твор. ед.), Дух. Климента XIII в.; вси городы (вин. мн.), Увар. сп. Лит. лет. Отсюда и в косвенных падежах: всимъ, Дв. гр. XV в., № 15, 110; всихъ, *ib.*, № 37, 86, 87; во всихъ угодахъ, *ib.*, № 78, всеми оугоды, *ib.*, № 81; со всимъ володѣньемъ, *ib.*, № 103; въ всихъ волостехъ, Новг. гр. 1371, № 8; съ всеми городы, *ib.*; изо всихъ пяти кончевъ, Новг. гр. 1372, № 13; со всихъ волости, Новг. гр. 1373, № 17; всѣмъ (твор. ед.), Новг. гр. 1314, № 12; ѿ вси^х еповъ, Ипат., 277а; хто всихъ князь, *ib.*, 94в; всимъ великимъ княжьнемъ, Догов. 1389, № 35; оусимъ, Молд. гр. 1411, № 22; съ оусими оужиткы, Молд. гр. 1421, № 25; вси^м земля^м, Крас. сп. Лит. лет.; с скарбомъ своимъ со всимъ, Увар. сп. Лит. лет. В современном языке: вси, всих, всеми, Гдов. (Отв. № 11), Новг. (Отв. № 20); вси, всих, Вытег. (Отв. № 22), Петроз. (Отв. № 30), Остр. (Отв. № 33), Великолуц. (Отв. № 45), Холмог. (Отв. № 50), Шенк. (Отв. № 235), Каргоп. (Отв. № 106); ѱси, Себеж. (Отв. № 26); ѱсих, *ib.*; ѱси, ѱсих, Новоалекс. (Отв. № 14), Пинск. (Отв. № 3); ѱсих, Новоалекс. (Отв. № 11); усих, Игум. (Отв. № 8). Но рядом находим и обобщение формы *всть* по происхождению вин. мн. мужского рода и им.-вин. мн. женского: всѣ пошлинникы (им. мн.), Гр. 1447—1453 (А. Калач., I, № 31); всѣ, Гр. 1490 (А. Калач., I, № 52), Гр. 1459—1470 (А. А. Э., I, № 62). Это поддерживало старые формы *встѣм*, *встѣх*, *встѣми*: ср. в современ.: все, всехъ, Моск., Великолуц. (Отв. № 45), Макар. (Отв. № 56); усе, Игум. (Отв.

№ 8), Себеж. (Отв. № 26); *цзе*, Новогруд. (Клих); *всі*, *всіх*, *всім*, *всіма*, *всіх* — укр.

Возможно, что издавна на склонение *весь* оказывало влияние склонение местоимения *сь* (ср. уже в древних памятниках написания *всь* вместо *вьсь*), также влияние *сей*: *усей*, Могил. (Отв. № 4), Пруж. (Отв. № 9), Себеж. (Отв. № 26), Новогр. (Отв. № 26); *цс'еі*, Новогр. (Клих); влияние ¹ *сѣй* (вместо *сей*, см. выше): *всѣй*, Пинск. (Отв. № 4); *ўсѣй*, Пинск. (Отв. № 7). Поэтому же *всу* вместо *всю* (ср. выше *су* вместо *сю*): треть свою деревню *всу*, 1538 — 1539 (Акты Холмог., № XXI).

Сам во множественном числе обобщало в разных диалектах три формы: *сами*, *самъ*, *самы*; отсюда возможность образований: *самихъ*, *самими*, или *самъх*, *самъм* или *самых*, *самым*. Для *сами*: *подъ самимъ городомъ*, Ипат., 293а; а *вѣса ... сами вѣдаимы*, *ів.*, 1416; *самимъ* (дат. мн.), *Тр. сп. Новг. 1-й*, 30а, *Догов. 1371*, № 31, *Гр. 1585* (А. Ю., № 183), *Гр. 1498 — 1499* (XVI в., А. Калач., I, № 70); *вѣдаите са с ними сами*, *Гр. ок. 1240*; *сами* (стада), *Виленск. сп. Лит. лет.*; *самих*^х, *Погод. сп. № 1413*; современ. моск. — *сами*, *самих*, *самим*; *мы сами*, *Быхов. (Ром., III, 362)*; *они самі*, *Мещов. (Шахм.)*; *самъ*: *самъ 2 братника*, *Лавр.*, 458. Эта форма поддерживала древние формы *самъх*, *самъм* и т. д.; ср. *самъхъ* (вин. мн.), *Новг. 1-я*, 203; современ. — *самех*, *самем*, *Кологр. (Отв. № 61)*, *Шенк. (Отв. № 235)*, *Котельн. (Отв. № 35)* и т. д. *Самы*: *храми самы*, *Син. сборн. № 154 (Каринский)*; *смоланъмъ платити самымъ дългъ платити*, *Гр. 1229 (А)*; *самы са Содомско сѣмѣшаються*, *Палея 1494*; совр. — *самы*, *Повен. (Шахм.)*; *самы*, *самых*, *Слобод. (Отв. № 222)*; *самы*, *самых*, *самым*, *Новг. (Отв. № 20)*, *Гдов. (Отв. № 11)*, *Вытег. (Отв. № 22)*; *самых*, *самым*, *Яранск. (Отв. № 59)*; *самы*, *самых*, *Холмог. (Отв. № 50)*, *Холмск. (Отв. № 54)*; белорус. — *самы*, *Рогач. (Ром., III, 229)*; *саму* и *саму*, *Новогр. (Клих)*.

Кожьдо, *кажьдо* в русском, белорусском, украинском языках перестало изменять первую свою часть и приняло окончания прилагательного, склоняясь по всем родам и числам. Ср. в древнем языке: *кождоє*, *Киев. гр. 1459*; *кождый днь*, *Крас. сп. Лит. лет.*; современные великорус. — *каждый*; белорус. — *каждый*, например: *кажды*, *Игум. (Отв. № 8)*; *каждый*, *Новоалекс. (Отв. № 11)*; *кождый*, *Витеб. (Отв. № 18)*, *Новоалекс. (Отв. № 11)*; угрорус. —

¹ В рукописи: под влиянием. (Ред.)

каждый (Верхр.); укр. — кождый (Осадца). Вместо *-ждый* во всех трех языках может являться *-жрый* под влиянием какой-то аналогии, скорее всего слова *едный, одный, ниэдный*, диалект. — *жадный* (в значении „ни один“); сопоставьте еще форму *кажисный* с *одиный, единый*. В древнем языке: кажному, Луцк. гр. 1454. Современные великорус. — кажный, кажинный, кажен, например, *кажен*, Мосал. (Шахм.); белорус. — кóжны, Слуцк. (Отв. № 5), Игум. (Отв. № 8); кóжный, Пинск. (Отв. № 1), Витеб. (Отв. № 18); кожное, Быхов. (Рсм., III, 168); кожному (дат. ед.), Пинск. (Отв. № 4); кáжный, кэжен, Дисн. (Отв. № 6); кáжен, Игум. (Отв. № 8); кáжный, Новоалекс. (Отв. № 11); кáжный и кажыный, Новоалекс. (Отв. № 14); кáжен, Игум. (Отв. № 15); кáжин, кáжный, кáжиный, кажыный, Витеб. (Отв. № 18); кáжен, Пинск. (Отв. № 1); кажэн, кáжинный и кажинный, Пинск. (Отв. № 4); укр. — кожний. Форма *куждый*, Свенц. (Отв. № 13), ср. там же *кужрый, кужен*, явилась, вероятно, из старого винительного женского рода: *куюжьдо, *кужьдо*.

В числительном *один* отмечу формы множественного числа: *одни, одне* и *одны*. *Однй* находим, например, в великорусском, отсюда *одних, одним, с одним*. *Одне* великорус., например: *одне, однеми*, Макар. (Отв. № 56); *одне, однеми*, Шуйск. (Отв. № 19); *одне, однех*, Устюжн. (Отв. № 28), Алатыр. (Отв. № 32); *одне, однех*, Самар. (Отв. № 40); *одне, однех*, Кологр. (Отв. № 61), Буин.-Симб. (Отв. № 57), Холмог. (Отв. № 50), Онеж. (Отв. № 41), *едне, еднех, еднем*, Камышл. (Отв. № 89); *одне, однех*, Галич. (Отв. № 55) и др. *Одны* в белорусском: *аднў*, Новогр. (Клих); великорус: *одными*, Покров. (Отв. № 10); *одны*, Гдов. (Отв. № 11); *одны, одных, одными*, Новг. (Отв. № 20); *одны, одных*, Вытег. (Отв. № 22); *анны, анных*, Остр. (Отв. № 33); *одны, одных*, Яранск. (Отв. № 59); *одны, одных*, Холмог. (Отв. № 50), Онеж. (Отв. № 41), Каргоп. (Отв. № 106), Малмыж. (Отв. 103); *одны*, Холмог. (Отв. № 54). Форма *оден* в им. ед. не известна в великорусском и белорусском, но сохраняется в украинском (где, кроме *одэн, іден* и *еден*).

8. СЛОЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Уже в общерусском праязыке сложное склонение прилагательных подверглось сильному влиянию со стороны местоимений. Старые формы сохранялись только во множественном числе, в творительном единственного и в дательном-творительном множественного,

т. е. там, где в окончаниях был звук *ы*: *новыхъ*, *новыми*, *новымь*, *новыма* и т. д., а также еще в именительном-винительном всех родов и чисел. Но одно время держались рядом с новыми формами, образованными по склонению местоимений, также и старые. Ясно сказало это в некоторых дальнейших явлениях в родительном падеже женского рода: старое окончание *-ѣть* (*новѣть*) заменилось через *-ѣ* диалектически (об этой замене скажу ниже); ср. отсюда диалектически *-ый*, например: *с святой*, Мосал. (Шахм.), а также *-эй*. Последнее изменение имело место в белорусском и южновеликорусском наречии. В слабоударенных словах-местоимениях *тъ*, *одинъ*, когда они стояли под сильным ударением: итак, род. *тый*, *одный* заменялись через *тэй*, *однэй*, отсюда *-эй* передавалось и в дательный, и местный женского рода, а также и в творительный: *тэй*, *однэй*, — переходя отсюда и в прилагательные (примеры в фонетике). Фонетически *-ить* переходило в *-иц*; отсюда в разных говорах в результате диссимиляции, с одной стороны, *-ыѣ*, а с другой *-ыя*: белорус. — мимо поповыя нивки, Быхов. (Ром., III, 416); великорус. — от добрыѣ сестры, Орл.-Вят. (Отв. № 42); у которой избы-то, у старыя или у новыя, Буйск. (Отв. № 18), и др. По-видимому, упорно держалось *-тьмь* в местном единственного мужеского и среднего рода: *новтьмь*. По-видимому, это окончание поддерживалось влиянием конечного *ть* в именах, ср. *въ новтьмь городъ*. В местоимениях окончание *-тьмь* было известно в творительном падеже, между тем как в местном было *-омь*; отсюда новообразование *въ новомь городъ*. Но форма *новтьмь* вследствие влияния местоименного склонения получала значение также и творительного единственного, а это повело к диалектическому, весьма, однако, распространённому совпадению окончаний творительного и местного единственного. Когда *-тьмь* было вытеснено через *-ымь*, в творительном и местном единственного оказалось одно общее окончание *-ым*. Отсюда столь упорное в диалектах совпадение творительного и местного единственного в одном окончании *-ым*. Уже в старинном языке отмечу: в Полоцкимъ повѣтъ, Гр. 1507 (А.Ю.З.Р., I, № 42); оу высокимъ городе, Увар. сп. Лит. лет. Ср. в современ. великорус. диалект.: на худым, в большым, во фторым, на вараным кане; отсюда и в местоимениях: в ним, — а с другой стороны: в тым, в тем, в однем, на другом. Приведу примеры: в большым городи, Остр. (Отв. № 33); на высоким, Гдов. (Отв. № 11); в прошлым году, в большым, Великолуц. (Отв. № 45); в прикрасным саду, Котельн. (Отв. № 46); в зеленым саду, Буин.-

Симб. (Отв. № 57); на худым, на дурным, на больным, Зубцов. (Отв. № 60); в галубым плати, Карсун. (Отв. № 67); на худым конце, в таком случае, Новосил. (Отв. № 77); на дурным месте, Мышк. (Отв. № 78); на высоким дереве, на другим месте, Меленк. (Отв. № 247); в большим селе, Малмыж. (Отв. № 105); на другим бирегу, Белоз. (Отв. № 166); в чужим, Ирбит. (Отв. № 204); в синим армяке, Влад. (Обл. сл., 15); в белым шолковым платке, Яросл. (Тихвинский); ф старым доми, во фтором окне, в русским платьи, Казан. (Будде); на барским дворе, Казан. (Будде в Сборн. в ч. Фортунатова); на вараным кане, в шестым гаду, в худым мести, Терск.-Моздок. (Караулов). В местоимениях: в ним, Алатыр. (Отв. № 32); в тым, Великолуц. (Отв. № 45), Котельн. (Отв. № 46); о всим, Остр. (А.Г.О.). Окончание *-ем* в местоимениях: ф тем доме, Самар. (Отв. № 40); в тем кливе, Карсун. (Отв. № 67); в тем, Ирбит. (Отв. № 204); в тем доме, Малмыж. (Отв. № 103). То же в белорусском: на сивым конику, Могил. (Отв. № 4), Дисн. (Отв. № 6), Пинск. (Отв. № 1); на чужым двару, Минск. (Отв. № 7); у золотым кресли, Быхов. (Ром., III, 215); также: аб адным кане, Минск. (Отв. № 7); о маим, Свенц. (Отв. № 13); у другим месци, Рогач. (Ром., III, 185). То же диалектически и в украинском, например: лемк. местн. ед.—добрым, великим, синим (Верхр.). С течением времени исчезло совсем окончание *-ьм* в местном единственного в русском, белорусском, украинском языках, а также окончания женского рода *-ьй* в дательном и местном. Предложенное объяснение находит себе подтверждение и в том, что диалектически является *-ом* в творительном единственного: чередование *новом*, *новьм* и *новым* в местном единственного имело следствием появление *новьм*, *новым* и также *новом* в творительном, ср.: с добром отцом, с белом лицом, Белоз. (Отв. № 162). Сюда, думаю, не относятся формы, как: за молодом Иванушком Годиновичем, Кирша Дан., 59; со молодом Иваном Годиновичем, *ib.*, 60, и др., о которых мы говорили выше: они являются в определенных формулах и должны быть поэтому признаны старыми формами.

Скажу несколько слов об окончаниях. В им.-вин. мн. всех трех родов господствующим являются окончания *-ые*; по происхождению это формы вин. мн. мужского и женского рода. Приведу примеры: рыбные ловища, Дв. гр. 1527 (Собр. Бел., № 5); всякие ловища, Дв. гр. 1535 (Собр. Бел., № 8); оурочные лѣта, Гр. 1447 (С.М., № 40); которые, Гр. 1455—1462 (А. Калач., I, № 37); лѣ-

шебные лѣсы, Дв. гр. XV в., № 104; безбожные же сѣнове измаилови, Лавр.; русские князи, русский сторожеве, *ib.*; монастырские люди, Гр. 1462—1505 (С. М., № 46); с теми селы которые тагли, Дух. 1389, № 34; а которая места слободский, *ib.*; ратные воеводы и дѣти боярский и всякѣ ездоки, Гр. 1472 (С. М., № 54). Ср. в современном языке: новые, добрые, Моск.; черные грибы, лутчие места, Дмитров. (В. Черныш.); злые, добрые, Холмог. (Отв. № 50); белые коровы, Тотем. (Отв. № 192). В северновеликорусском наречии вместо *-ые* нередко *-ыѣ* и *-ыя*; *jo* и *ja* являются фонетическим изменением звука *je* в конце слова — диссимиляция (см. фонетику). Так, находим: белые коровы, Тотем. (Отв. № 192); темные ночи, Тотем. (Отв. № 196а); злые люди, белые коровы, сильные ветры, топкие болота, сырые места, Великоуст. (Отв. № 199); злые собаки, Орл.-Вят. (Отв. № 63); деревянные крыши, Слобод. (Отв. № 222); ясные дни, Нолин. (Отв. № 68), Рядом: злыя люди, ясныя дни, сильныя лошади, Великоуст. (Отв. № 195), Кологр. (Отв. № 61); новыя ворота, сырыя места, Слобод. (Отв. № 222); белыя руки, белыя гуси, Чухлом. (Отв. № 62); злыя, красныя, Холмог. (Отв. № 50); сюда же относится *-ыя*, *-ия* в южновеликорусском наречии: чужыя, Дон. (Калмыков); сухыя, Богородск. (Черныш.) и т. д. Фонетически вместо *-ые* ждем *-ыи*, которое и находим во многих говорах; замена через *-ые* нефонетическая, под влиянием *e* из *ь* в *те*, *мое*, *оне*, *одне*; ср. *-ыи*, *-ии*: синии, Дон. (Калмыков); желтыи нивы, узкий окны, Великоуст. (Отв. № 45); разныи, Дмитров. (Черныш.); хорошии, Богородск. (Черныш.); белыи овечки, Орл.-Вят. (Отв. № 63); тонкий жерди, Слобод. (Отв. № 222); сухии ветки, какии дела, Брянск. (Отв. № 259). Ср. в южновеликорусском в слогах неударяемых другую диссимиляцию: *-ыи* заменяется через *-аи*: дѣбраи люди, Мещов. (Черныш.); тѣпкаи балѣты, Брянск. (Отв. № 259). Впрочем, *-ыи* в именительном множественного могло возникать и иным путем (см. ниже). Окончание *-ые*, несомненно, старое окончание вин. мн.; но *-ие* в случаях, как *синие* [отсюда *синие нитки*, Орл.-Вят. (Отв. № 63)], представляет соединение старого окончания вин. мн. *синьѣ* с окончанием им. мн. *синии*. Таковую же контаминацию обнаруживают нижеследующие формы из древнего языка: в книги данстие (А. Калач., I, № 31, где *т* из формы им. мн. мужского рода *даньстии*); рустии сѣы, Лавр.; первые, Лавр.; собращаса лучышии люди, Лавр. В древнем языке, а частью и в современном находим указание и на обобщение окончания им. мн. мужского рода для

всех родов: шляхетнии листове, Гал. гр. 1421 (при: инъѣ листы судовыѣ — в вин. мн.); современ.— пьянии, они голоннии, Мышк. (Отв. № 78), где сказалось влияние *пьяни, голодни*. Но особенно обычно и в древнем, и в современном языке окончание *-ии* для им.-вин. мн. всех родов; мы видели, что частью оно заменяло *-ые* фонетически, но частью под влиянием *-и* в им. мн. таких случаев, как *ради, виновати*, и в особенности местоимений *ти, они, мои, вси* и т. д. Приведу примеры из древнего языка: добрьи, Гр. 1529 (Собр. Бел., № 43); за мальи селца, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); во школнѣи села, *ів.*; никоторѣи дѣла, Гр. 1425—1462 (С. М., № 34); ни в какии проторѣи, Гр. 1447—1456 (А. Калач., I, № 31); ꙗ поути горнии (вин. мн.), Гр. ок. 1301 (Р. Л. А.); всакѣи оугодѣи, Дв. гр. XV в., № 105; рыбнѣи ловища, *ів.*; орамѣи земли, вин. мн., Дв. гр. XV в., № 1, 7; горнии земли, Дв. гр. XV в., № 8; никольскіи (им. мн.), Дв. гр. XV в., № 1, 2; бобровѣи ловища, *ів.*; № 103; иренскіи озора, *ів.*; № 111; волости новгороскѣи, Новг. гр. 1305—1308, № 6; дроугѣи ꙗ (вин. мн.), Новг. гр. 1314, № 12; люди ратнѣи, Виленск. сп. Лит. лет.; князи и бояре литовскѣи, *ів.*; никоторѣи дѣла, Гр. 1425—1462 (С. М., № 34); села боярскіи, Моск. Догов. 1428, № 43; новыи людие, Тр. сп. Новг. 1-й, 56б; заднѣпрескѣи князи, им. мн., Ипат., 290а; воеводы ладскѣи, *ів.*, 307б; бояре галичскѣи и володимерьстии, *ів.*, 245б; грамотѣи дерноватѣи (вин. мн.), Новг. гр. 1372, № 13; гвозди желѣзнѣи (вин. мн.), Лавр.; князи изымахо^м лѣпшии, Лавр. и т. д.

В винительном падеже женского рода вместо окончания *-ую* рано является *-ою*; *-ою* вместо *-ую* под влиянием *-оѣ* вместо *-ыѣ*, *-ои* вместо *-ѣи*, а также случаев, как *мою, кою*. Приведу примеры из древнего языка: в жизнь вѣчною, Поуч. Конст. Болг. XIII в., 169а; н. пороцьною влѣчцоу, Минея 1095 г., № 194, 65в; въ моюку въ негоньзьною, Сборн. 1073, 44с; дроугож десатиноу, *ів.*, 88д; въ вѣторою и въ третиж, *ів.*; кнѣгину кирѣ Михайловою, Нсворосс. сп. Новг. 4-й, 285б; третьею часть, *ів.*; 289б; золотопечатьною грамотѣ, *ів.*, 564а; третьею, *ів.*, 643а; льсть еретичьскою, Минея XII в., № 221, 45а; вселеною всю, *ів.*, 98а; залѣшею землю, Новг. рядн. XV в. (С. М., № 15); великою дорогу, Гр. 1483 (А. Ю. З. Р., I, № 31); купчею, Гр. 1683 (А. Калач., II, 667); нѣгобужскою дуброву, которою дорогу, нѣнѣшнею новою дорогу, Гр. 1677 (А. Калач., I, 309); на тое мое вкладною, въ монастырьскою вотчину, подлинною вкладною запись (А. Калач., I, 457);

всякою мелкою скотину, Гр. 1688 (А. Калач., I, 536); домовую посуду, Гр. 1687 (А. Калач., II, 515); Литовскою землю, Увар. сп. Лит. лет.; поставиша третью цркъвъ, Лет. Авр.; страсть такую, Лавр., 56; сестру свою двоюродною (А. Калач., I, 486); чьстьюю кровь, Пост. Ильи Новг. (Кормч. 1282, Р. И. Б., VI, 78). В современном языке находим, например, в северновеликорусском: красною девку, Слобод. (Отв. № 48); новою, красною, тёплою, Волог. (Отв. № 82). Под ударением я примеров не знаю; это наводит меня на мысль, что в значительном числе случаев современное *-ою* вместо *-ую* обязано диссимиляции и новому влиянию на форму винительного падежа форм других падежей с *а, о* (*добрая, доброй*); для южновеликорусского такая диссимиляция должна быть принята во всяком случае; ср. *краснаю*, но *худую*, Брянск. (Отв. № 259); *белаю*, но *злую*, Обоян. (Резанов). Приведу еще примеры: *добраю*, *рябаю*, Грайвор. (Отв. № 279); хорошою дорогу, Холмск. (Отв. № 54); добраю женщину, Мещов. (Черныш.); краснаю рубаху, синяю шубку, Влад. (Бодров, Обл. сл., 15); также в белорусском: *мокраю*, *цёплаю*, Свенц. (Отв. № 13); *мокраю*, *цёплаю*, синяю, Пинск. (Отв. № 5). Полную аналогию с появлением *-ою* вместо *-ую* в древнем языке под влиянием окончания род. *-оѣ* представляет появление *-ыю* вместо *-ую*, диалектически в северновеликорусском под влиянием окончания родительного *-ыѣ*: красную девку, белую корову, на большую дорогу, Котельн. (Отв. № 46); ср. там же: род. — старыѣ чашки¹.

О появлении в родительном женского рода *-ой* вместо *-оѣ*, в творительном *-ой* вместо *-ою* скажу ниже, в отделах великорусском и белорусском². Это нефонетическое сокращение окончаний не можем отнести к древнейшим эпохам ввиду отсутствия его в украинском (лемковские формы родительного, как *доброй, великой*, рассмотрим ниже в украинском отделе³). Равным образом к позднейшим явлениям относим формы множественного числа на *-ых, -ым, -ыми* или на *-ых, -ем*: они возникли под влиянием формы именительного множественного числа и передавали свое *-ии, -ие* также в творительный единственного.

Особого рассмотрения требует сложное склонение прилагательных с основой на старое *-ij* (*третии, божии, козии*, ср. лат.

¹ Далее со знаком Ѣ написано: *-уя* вместо *-ую*. (Ред.)

² Последний отдел А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

³ Этот отдел также не был обработан. (Ред.)

medius). Выше при образцах были рассмотрены формы именного склонения. В сложном склонении особую судьбу имела форма именительного падежа единственного числа: *koz'ъjъ* — в именном, *koz'ъjъjъ* — в сложном (точнее *koz'ъj̆j̆* — в именном и *koz'ъj̆j̆j̆* — в сложном). Но сочетание *ъjъ* (точнее *ъj̆j̆*) вследствие выпадения *j* (или *j̆*) между обоими *ъ* стянулось в одно *ъ* (точнее *ъ̆*) еще в общеславянском праязыке: так явилось *koz'ъj̆* в именительном падеже сложного склонения, т. е. форма, тождественная с формой именительного падежа склонения именного. Это уже в древнерусском языке повело к тому, что в именительном-винительном всех родов и чисел вместо форм сложного склонения стали употребляться формы склонения именного: вместо *koz'jaja*, *koz'juju*, *koz'jeje*, *koz'jiji*, *koz'jъjъ* и т. д. стали употреблять формы *koz'ja*, *koz'ju*, *koz'je*, *koz'ji*, *koz'jъ*. Ср. современные великорусские *лисья*, *лисью*, *лисье*, *лисьи* в именительном-винительном падежах при *лисьего*, *лисьем* и т. д. в других падежах; в древнем языке: *третья*, при: *дрюгая*, Хожд. Афан. Ник., 373б; *третье*, Дух. 1328, № 22, *осмичье*, Дух. 1356, № 26; а *третья межа*, Дв. гр. XV в., № 54; *шюба боранья*, ib., № 116; *шюбу боранью*, ib., № 121. Необходимо отметить возможность новообразований в именительном единственного, поддерживавших старые формы и в других именительных и винительных падежах. Так, в Ипат. находим *рыбьи хвостъ* вместо *рыбии*; ср. также современ. *лисьей*, *медвежьей*, Устюжн. (Отв. № 28), с *-ой* вместо *-ей* под влиянием *доброй*. Примеры древних окончаний, как *божьюю*, *третьяя* в русских памятниках приведены выше при образцах.

ВЕЛИКОРУССКИЙ ЯЗЫК

Как указано выше, ряд особенностей в области явлений морфологических объединил оба древние наречия, вошедшие друг с другом в ближайшее общение и образовавшие один общий язык — великорусский: говорим о севернорусском и восточнорусском наречиях. Объединившись в одних явлениях, оба наречия эти продолжали, однако, отдельную жизнь в других. В формах склонения видим в великорусском языке ряд новообразований, чуждых остальным — белорусскому и украинскому — языкам. Одни из них общи великорусскому языку во всем его составе; другие развились или только в северновеликорусском, или только в южновеликорусском наречии; наконец, третьи свойственны отдельным говорам северновеликорусским и южновеликорусским. Таким образом, нам придется ниже рассмотреть все эти диалектические явления, а пока остановимся на общих великорусских явлениях.

1. Звуки *ц, з, с*, находившиеся в древнем языке в чередовании с *к, г, х* в формах склонения, систематически заменены звуками мягкими средненебными *к', г' (γ'), х'*. Мы видели, что в общерусском праязыке подобная замена имела место в именах с основой на *-ск*: *дѣскѣ, Смольнѣскѣ*.

В именах мужеского рода с основой на задненебную согласную находим уже в древнейшем языке перенесение окончания *-у* из основ на *-й*, что объясняется стремлением избежать в склонении чередования задненебных с *ц, з, с* (ср. выше). В вопросительном местоимении *кто* по той же причине *цѣльмь* — твор. ед. — рано вытеснено было формой *кымь* (откуда *кимь*, например, Домостр. Конш., 9). Древнейшие примеры таких *к', г' (γ'), х'* в русских памятниках восходят к XIII в.: в *лахѣхѣ*, Ипат., 566; в *баскакѣхѣ*, Ермол., 170 об.; *приказшикѣ*, Гр. 1441—1442 (А. Калач., I, № 31); *озеркѣ*, Гр. 1448—1468 (А. Калач., I, № 35); на Лю-

тохъ, Гр. 1490 (А. Калач., II, № 147); в Ѡнѣгѣ, на Маснегѣ, Гр. 1137 в сп. 1282 (Р. Д., I); слободкѣ, Гр. 1453 (А. Калач., I, № 31); по двѣ долгѣи, Новг. гр. 1305—1308, № 6; по двѣ дългѣи, Новг. 1305—1308, № 7; на городкѣ, Новг. гр. 1314, № 12; в сроднѣ^лкехъ Домостр. Конш., 11; не в толке стало, *ib.*, 17; в догѣхъ, *ib.*, 26; женки, дѣвки (дат.), *ib.*, 26; в сѣндѣкѣхъ, *ib.*, 31; собакѣ (дат.), *ib.*, 44; в сѣхе, *ib.*, 55; въ сѣнникѣхъ, *ib.*, 56; въ вѣликѣ полку, Ипат., 198г; в ѡтрокѣ, Гр. сп. Новг. 1-й, 25а; другѣи (им. мн.), *ib.*, 28г; по лоугѣ, Новг. 1-я (3-я часть), 128б; на боини оулкѣ, *ib.*, 152б; на доубенкѣ, *ib.*, 156а; на Черехи, Новг. 1-я (Ком.), 439; на Вагѣ, *ib.*, 449; на Лоугѣ, *ib.*, 449; влкѣ, *ib.*, 490. Формы с *ц*, *з*, *с* держались, по-видимому, в XV—XVII вв.: бобровьници, Гр. 1423 (А. Калач., I, № 41); десятинници, Гр. 1462 (А. А. Э., I, № 71); на вразе, по вразе, Гр. 1395 (А. Калач., I, № 53); на Подолцѣ, Гр. 1391 (А. Калач., I, № 63); в Прилуцѣ, Гр. 1434—1447 (А. Калач., I, № 31); в Бѣжицком Версѣ, Гр. 1447—1456 (*ib.*); Волоцѣ, Гр. 1462—1464 (*ib.*); в приказницѣ, Гр. 1462—1472 (*ib.*); приказницѣхъ, Гр. 1471 (*ib.*); дензѣ (дат.), Гр. 1455—1462 (А. Калач., I, № 31); рецѣ (местн.), Гр. 1490 (А. Калач., II, № 147); в Волзѣ, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 63); оу Вѣкшензѣ, Пинезѣ. Гр. 1137 в сп. 1282 (Р. Д., I); в пурозехъ, Домостр. Конш., 43; на Волзѣ, Новг. гр. 1314, № 12; на городцѣ, Новг. гр. 1317, № 14; в каки^х приспѣсехъ, Домостр. Конш., 32; в сѣсе (вариант: в сухе), *ib.*, 53; на Молозѣ, Новг. 1-я (Ком.), 448. В настоящее время они исчезли совсем: *руке, в сапоге, в горохе, в боге, мухе, на дороге*. Державшиеся некоторое время формы именительного множественного имен со значением одушевленных на *-ци, -зи, -си* (вообще же именительный множественного, как мы знаем, заменялся винительным множественного) могли вызывать в косвенных падежах множественного числа новообразования, в которых были проведены звуки *ц, з, с*; ср. оувѣдав же ѡтвазии, Ипат., 279б; Грѣцемь (дат. мн.), *ib.*, 15б; съ Греци, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 595б; с па^аѡци, *ib.*, 585а. Сюда же относится песенное „во лузях“. (*Вкратце* — форма книжная; старое — *у худа ума не болозе ногамъ*, Послов. XVII в., Симони, 149.)

2. В древнейшую эпоху жизни русского языка нельзя проследить влияния окончаний основ мужеского, среднего и женского рода с твердой согласной на окончания основ с мягкой согласной. Это зависело от того, что падежные окончания в тех и других

основах были различны. Общим было только окончание род. ед. *-a* (*s'õla*, *pol'a*), дат., твор., местн. женского *-amъ*, *-am'i*, *-axъ*; ср. в дат. *-u* при *-ÿ*, местн. *-ъ* при *-i*, твор. *-o* при *-e*, вин. мн. *-y* при *-ъ*, род. женского то же, дат. мн. *-o* при *-õ* и т. д. С течением времени, однако, число общих окончаний прибавилось: это зависело от фонетического перехода *õ* в *o*, *ÿ* в *u*: *s'õlu*, *pol'û*, *stołom* — *m'eřom*, *porov* — *rubl'ov* и т. д.; при этом *-emъ* в творительном мужского и среднего вследствие падения глухих перешло в *-em*, откуда *-õm*: *koğol'õm* вместо *koğol'emъ*; отсюда дальше *-om*: *koğol'om*. Следствием этого было общее перенесение окончаний твердых основ в мягкие основы; звуки *e*, *i* в окончаниях мягких основ были систематически вытеснены звуками *o*, *ъ* из соответствующих окончаний твердых основ; точно так же звук *ъ* в мягких основах вытеснен звуком *y* соответствующего окончания твердых основ, который, однако, после мягкой согласной стал произноситься, как *i*: *z'eml'eju* под влиянием *zołõju* перешло в *z'eml'oju*; *z'eml'i* (дат.-местн.) — в *z'eml'ъ*; *kl'ũřix* (местн. мн.) — в *kl'ũřx*; *z'eml'ъ* (род. ед.) — в *z'eml'i*; *z'eml'ъ* (им.-вин. мн.) — в *z'eml'i*. Таким образом, исчезло старое различие в склонении твердых и мягких основ; последние отличаются от первых только тем, что вместо окончаний *-y* твердых основ представляют *-i*: *goğy*, *gõry*, *stoły* (им.-вин. мн.), *stoły* (твор. мн.) при *z'eml'i*, *z'eml'i*, *kl'ũři*, *kl'ũři*. Древнейшие примеры подобных новообразований в русских памятниках восходят к XIV в. Оставляю в стороне написания с *-ovъ*, *-omъ* (твор.), *-omъ* (дат. мн.) в основах на мягкую согласную, ибо *o* объясняется здесь из *õ* фонетически. Приведу примеры для *o*, *ъ*, *i* в соответствии с исконными *e*, *i*, *ъ* в окончаниях мягких основ: в Переяславль, Гр. 1425—1428 (А. Калач., I, № 34), 1453 (А. Калач., I, № 31); в рубль, Гр. 1459 (А. Калач., I, № 84); о розбое, Гр. 1462—1463 (А. Калач., I, № 31); в раменеиць, Гр. 1442—1443 (А. Калач., I, № 30); в монастырь, Гр. 1428—1436 (Г. Др., I, р., IV, № 4); в Суждалъ, Гр. 1399 (ib., № 3); новгородце^x, новоторжче^x, Новг. гр. 1426—1461, № 18; земли (вин. мн.), Гр. 1391—1425 (А. Калач., I, № 31); в деревни, Гр. 1434—1447 (ib.); варници (род. ед.), Гр. 1391 (А. Калач., I, № 63); троци, Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 31); княгини, Гр. 1441—1442 (ib.); земли, Новг. гр. 1426—1461, № 18; земль (местн. ед.), Гр. 1391—1428 (А. Калач., I, № 82); дшъ (дат.), ib.; троиць, ib.; в деревнъ (местн.), Гр. 1432—1443 (А. Калач., I, № 31); въ Порозовиць, Гр. 1471 (ib.); на Талице. Гр. 1490

(А. Калач., II, № 156); деревнѣ (дат.), Гр. 1490 (ib.); дядѣ (дат.), Гр. 1362—1374 (Г. Др., I, р. IV, № 1); братьѣ, братьѣ (дат.), Дух. Климента до 1270; в ѿцѣхъ, Домостр. Конш., 11; пѣниці, хищниці (им. мн.), Домостр. Конш., 12; в обычєехъ, ib., 22, на сѣнцѣ, ib., 61; в бережєньє, ib.; в монастырѣхъ, Отв. митр. Иоан. 1080—1089 (Чуд. Кормч. XIV в., № 4); в силцѣ (вариант: сильцѣ, ib.), Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 47); водици (род. ед.) родоу (дат.) и рожаницѣ, Вопр. Кир. (ib., 37, 31); до обѣдни, ib., 39, нѣтоу опитєми, ib., 43; наложници водать ѿвѣ, ib., 41; въ полѣ, Сл. о п. Иг., 8; въ гридницѣ Святѣславли, ib., 22, на полѣ незнаемѣ, ib., 29, обѣсися синѣ мьглѣ, ib., 35; на синѣ морѣ, ib., 38; ѿ векше, Русск. Пр. (Р. Д., I, 30); ѿвци (вин. мн.), Русск. Пр., ib., 37; въ малѣ тажѣ, ib., 41; по ноуже, ib., 41; плавать по рекѣ в божье рукѣ, Послов. XVII в. (Симони, 132); на плечехъ, ib., 158; на краєхъ, Радзив. лет., 32 об. В современном языке: землѣю, душою, земле, земли, в ключе, ключи, ножи. Единичная форма двойственного числа *брѣле* вместо *брыли*. Как увидим, в словах мужского рода окончание именительного множественного *-ы* имело при себе в родительном множественного *-ов*, а окончание *-и* имело *-ей*: *столов*, но *ножей*, *ключей*. Это зависело от того, что это окончание *-и* ассоциировалось с окончанием именительного множественного *-и* основ на *-ї* (*гости*, *люди*). Таким образом, во множественном числе мужского рода благодаря влиянию указанных основ поддерживалось различие между склонением твердых и мягких основ.

Такое же перенесение твердых основ в мягкие имело место в склонении местоимений и прилагательных. Вместо древнего *чим* в твор. ед. явилось *чем*: *чѣмѣ*, Гр. 1441—1442 (А. Калач., I, № 31), 1447—1456 (ib.), 1462—1463 (ib.); *сѣ чѣмѣ*, Гр. 1453 (ib.); *ничѣмѣ*, приписка к Гр. 1462—1472 (ib.) и т. д. Вместо *ким* (из *кым*) явилось *кем*: *с кѣмѣ*, Домостр. Конш., 6.

В прилагательных вместо окончаний *-ей* в им. ед., *-еть* и *-ей* в род. женского, *-ей* в дат. и местн., *-ее* в им.-вин. среднего систематически явились *-ой*, *-ое*, *-ой*, *-ое*. Ср. современные московские (под ударением): чужой, меньшей, большой; в севернорусском и в неударяемых слогах: синѣй, свежой, хорошей и т. д. Отсюда следует, что современ. моск. синѣй, свежай, хорошей восходят к формам с *-ой*; ср. синѣй, Устюжн. (Отв. № 28); охочой, Послов. XVII в. (Симони, 130); пешой, ib., 131. В стороне от такого влияния остались старые основы на *-ї*: сам третѣй, не *третѣй*; ср.

особенное склонение таких основ: третья, третью (не *третья, третью*); ср. Соликам.: через два в третей, лисей, соболей, но: синей (Луканин, Арх. II Отд.). Однако в новообразованиях проникает *-ой* и в эти прилагательные: лисьей, медвежьей, Устюжн. (Отв. № 28).

В указательном местоимении *сей* держится *-ей*, ср. особенно формы женского и среднего рода; также в *чей* (*чия, чий*); о прилагательных *мой* вместо *моей* см. ниже. Отмечу, однако: передь стрьемь своємь, Новг. 1-я (3-я ч.), 148б.

3. К общим великорусским явлениям относится полная утрата старых форм двойственного числа в именах женского и среднего рода; слабые остатки в единичных словах (как *брыле*) отмечены при соответствующих парадигмах. Ср. великорусское *две сестры, два весла*, между тем как в украинском возможны и *дві сестри, дві веслі*, в белорусском *дзве хаце*. Напротив, формы именительного-винительного мужского рода продолжали сохраняться, и притом в двойном употреблении: во-первых, в положении после числительного *два* (а под его влиянием также и после числительных *три, четыре*): *два пона, три старика, четыре клина*. Впрочем, как мы видели, эти формы двойственного числа приняли облик родительного падежа там, где форма родительного падежа отличалась от формы именительного-винительного двойственного (вследствие подвижности ударения в соответствующем слове); ср. *два города, два волоса, два воза* вместо первоначальных *два городá, волосá, возá*. Древнее место ударения сохраняется только в некоторых словах, особенно часто по своему значению сочетающихся с числительными, при счете: *два шагá, два рядá* (ср. родительный *шага, ряда*), *два разá* (но и: *два раза*). Во-вторых, в положении не после числительных; формы двойственного числа получили при этом значение множественного числа. По-видимому, однако, такие формы извлечены были из соединения с числительными (не только с *два*, но, как указано, и с *три, четыре*); это видно из того, что по общему правилу в великорусском языке сохранились со значением множественного числа только те формы двойственного числа, которые по месту ударения отличались от родительного единственного (ср. *домá, голосá, городá*, но род.: *дома, голоса, города*). Мы только что упоминали о том, что старые формы двойственного, как например *городá, голосá*, заменялись в положении после числительных формами родительного падежа. Но до такой замены, раньше, чем она наступила, *городá, голосá*, употребленные без числительных, получили значение мно-

жественного числа, причем, однако, формы двойственного числа, по ударению совпадавшие с формами родительного падежа, такого значения не могли получить по тому самому, что в положении после числительных эти формы были отождествлены с родительным падежом единственного числа. Итак, различаю три момента: 1) *два брата́, два городá* со значением двойственного числа; 2) *два брата́* (род. пад.), *два городá*; 3) *два брата́* (род. пад.), *два города́* (род. пад.). Извлечение *городá* со значением множественного числа произошло во второй момент. Причина, почему *городá* могло означать именно множественное число, заключается в употреблении этой формы после числительных *два, три, четыре*. По-видимому, отдельно развилось значение множественности у слов, означающих парные предметы: *глазá, рогá* (с древним местом ударения); хотя утрата значения парности и приобретение значения множественности зависело от того, что и после *три, четыре* употреблялись те же формы. На то, что парные предметы должны быть рассматриваемы все-таки отдельно, видим указания, во-первых, в слове *рукава́*, которое известно в самостоятельном употреблении, несмотря на тождественность ударения с формой родительного падежа; во-вторых, в том, что и белорусский, и украинский языки, не знающие окончания *-а* во множественном, в парных предметах могут его иметь, ср. укр. — *поводá, вуса́!* (с новым ударением), *рука́ва* (с новым ударением). Итак, слова мужеского рода с подвижным ударением древнюю форму двойственного числа обратили в форму множественного. Приведу примеры из древнего языка: добрые жорнова, Послов. XVII в. (Симони, 96); простите нас, леса темныя, Пов. Азов. сид. Унд. № 794 (Орлов, 114); въ новыя мѣсяца, Стогл. (Казанск. изд., 400). Из современного языка приведу: моск. и литературные — парусá, города, домá, голосá, поварá, годá, векá, возá, пологá, лугá, ветра, жерновá, бегá, цветá и т. д. Отмечу в диалектах: у него плохо мозгá работают, Глазов. (Отв. № 7); кустá (очевидно, в род. *куста́*), приговорá, Кадник. (Отв. № 25); хлевá, труда (в род., значит, *хлева́, трудо́*), мостá, поводá, месецá, дьяканá, далее — ячменя́ (старая основа на согласную), жерновá, боровá, Устюжн. (Отв. № 28); дьяволá, дьяконá, потроха, приговорá, Вытег. (Отв. № 22); мостá, Орл.-Вят.; витярá, Щигр. (Р. Ф. В., 1880, № 3); луга, ва иныя гарадá, мисицá, Обоян. (Резанов). В некоторых только случаях видим нарушение указанных отношений, а именно совпадение формы именительного множественного на *-а* с формой

родительного: *песка́, овса́, льна́*, Устюжн. (Отв. № 28); все да-рошки, все лушка, Щигр. (Р. Ф. В., 1880, № 3). Старые формы на *-ы* продолжают свое существование, сохраняясь иногда как параллельные образования; например, литературные — *возы́, сады́, го́ды* при *года́, ве́тры* при *ветра́* (ударение *го́ды, ве́тры*, вероятно, книжное, церковнославянское), иногда же только диалектически — *ветры́* при *ветра́*, Устюжн. (Отв. № 28); там же: *пескí, овсы́, льны́* при *песка́, овса́, льна́*. Но многие слова не получили вообще возможности образовать множественное на *-а*, несмотря на подвижность их ударения. Сюда относятся, например, слова: *по́лы, пиры́, долги́, сады́, ряды́, шагы́, разы́, пары́, носы́, лады́, дары́, торгы́, сыры́, валы́, меды́*, литературные — *мозгы́, кормы́, переды́, зады́, верхы́* и т. д. Причины, почему от этих слов не образуется именительный множественного на *-а*, различные: частью множественное число искусственно и редко (*носы́*), частью — и это главная причина — при множественном возможно единственное число, но недопустимо употребление слова после числительных. А мы знаем, что формы на *-а* развивались именно после числительных: *плоды́ — плод* (но не *два плода*), *дары́ — дар* (но не *два дара́*), *мозги́ — мозг* (но не *два мозга*), *меды́ — мед* (но не *два меда*), *кормы́ — корм* (но не *два корма*), *лады́ — лад* (но не *два лада*), *по́лы — пол* (но не *два пола*). Частью форма на *-а́* до сих пор сохранилась после числительных: *шагы́* (потому что *два шага́*), *ряды́* (потому что *два ряда́*), *разы́* (потому что *два раза́*); частью в единственном и после числительных употребляются иные основы, чем во множественном: *цветы́* (потому что *цветок, два цветка́*), *переды́* (*передок, два передка́*). Диалектически находим: *ветры́*, Устюжн. (Отв. № 28); *погребы́*, Остр. (Отв. № 33); *поясы́*, *ив.*; в писары́, Мещов. (Черныш.); *домы́, пруты́*, *ив.*; *гробы́*, Кинеш. (Отв. № 250); *снегы́*, *ив.*; *дамы́, лугы́, паясы́*, Грайвор. (Отв. № 279); *лугы́*, Брян. (Отв. № 259); *лясы́, дамы́*, Обоян. (Резанов); *лугы́, патрахы́, варахы́, акараки*, Жиздр. (А. Никольский); *луны́*, Мосал. (Шахм.); на *ўси боки́*, *ив.*; *домы́*, *ив.*; за *поводы́*, *ив.*; *поясы́*, Жиздр. (Шахм.), — и так преимущественно в южновеликорусском наречии.

4. Общерусский праязык получил ряд собирательных слов женского рода на *-а*, например *господа́*, и на *-ья*, например *братья́, князья́, друзья́*. Ср.: и *изъбрашася 3 братья́* с роды́ своими, Лавр.; *аже паробья́ка господа́ важють*, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 46); *ѡ господы́*, Русск. Пр. (Р. Д., I, 41). (Сопоставьте др.-польск. *bracia, księża*, которые изменялись в единст-

венном числе, а теперь имеют: w braciach, księżom, braci, но szlachta (единственного числа и теперь). Еще: братья русии, Ипат., 104г; братья наша исѣченѣ суть, Ипат., 53б; ѿ всеи княжьи, ib., 18в; сѣдаху княжьи, ib., 12б (позже исправлено ж в з); да господа моя приказщики, Волокол. Духовн. 1558 (Сборн. Лихачева, 35); у отца нашего и у дѣды у Яфимья и у Никлюда въ закладѣ, 1570 (Акты Холмог., № 11); наши братіа, Новг. дог. 1456 (XVI в., А. А. Э., I, № 58); отъ отца дѣтемъ или отъ тестя затіи или от братіи братіи, Стогл. (Казанск. изд., 413); и ина шурья даша ему многы дары, Пов. о Девг. (Пыпин, Очерк, 86); своѣи шоурьи, Лет. Авр. (Карский); гдо братья — зват., Новг. 1-я Ком., 360. В синтаксическом употреблении эти слова, как видно из приведенных примеров, сходились с формами множественного числа. Это имело следствием чередование их с формами множественного числа соответствующих имен несобирательных; вместо *братья* употреблялось *брати* и обратно: *была суть 3 братья Кий, Щекъ, Хоривъ*, Лавр. Это повлияло на самую форму некоторых из собирательных имен, а также и на их значение: утратив склонение, перестав изменяться по падежам в единственном числе, эти собирательные получали с течением времени значение именительного множественного и в дальнейшем, не образуя самостоятельных форм множественного числа, соединялись с формами множественного числа соответствующих имен несобирательных. Слово *братья* под церковным влиянием сохранило свое древнее склонение, хотя и получило при этом особенное значение (монастырской братии), но, например, *господа, князья, дружья, дядья* и т. д. утратили свое древнее склонение и получили значение именительного множественного. Ср. такие образования в значении звательного падежа множественного: *браи* и *дружино*, Ипат., 162а; *ѿдайте братья мои*, Дв. гр. XV в., № 11 (*братья* еще согласовано с *мои*); *господа, отци и братья*, Лавр., 464; и вы гда исправливающе читите, Прол. 1383 (Собол., Очерки, 127). Слова *князья, дружья* под влиянием именительного множественного *князи, друзи* изменились даже в *князья, дружья*: *кныи*, Новоросс. сп. Новг. 4-й, 46а. Приведу примеры, где старые собирательные имена выступают в функции именительного множественного¹.

¹ Далее в рукописи „В древнем языке“, но примеры не приведены. (Ред.)

В современном великорусском: *брат — братья, друг — друзья, князь — князья, дядя — дядья, зять — зятья, сват — сватья, шури́н — шурья*. *Сватья*: Покров. (Отв. № 10), Макар. (Отв. № 56), Карсун. (Отв. 67); *зятья*: Новосил. (Отв. № 77). Под влиянием этого и *братья*: Новг. (Отв. № 20), Онеж. (Отв. № 41), Холмог. (Отв. № 51). В старшем языке эти и подобные им слова, как указано, не имели самостоятельного склонения: родительный от *братья* было *братовъ*, дат. *братомъ*; от *князья* — *князей, княземъ*; от *друзья* — *друзовъ, другомъ* (или новообразования под влиянием *друзи*: *друзей, друземъ*; ср. *черти, чертемъ*) и т. д. Ср. и в современном языке формы род. *друзей, князей, зтей* (примеры у В. Чернышева „Правильность и чистота русской речи“, 58). Но с течением времени именительные множественного на *-ья* получили при себе в склонении новообразования: вместо **друзём*, откуда, после замены *-ом* через *-ам*, *друзям*, явилось *друзьям*, вместо **друзёх* — *друзьях*; ср. также *дружьям*, Обоян. (Резанов); ср. *ва́ лужьях*, Тульск. (Благовещенский, Р. Ф. В., 1880): в основании новообразований положена, очевидно, самая форма именительного множественного. Так же *братьям, братьях, зятьям, зятьями*. Уже эти падежные формы вызывали новообразования и в родительном множественного, причем, однако, старые формы, как мы видели (формы на *-ей*), далеко не вытеснены: *соловьям, ульям, воробьях*, имевшие при себе *соловьёв, воробьёв, ульев*, вызывали при *зятьям, братьям, дядьям* — *зятьёв, братьев, дядьёв*. Ср. в современном языке: *дружьев, зятьев*, Жиздр. (А. Никольский); *друзьев*, Сольвыч. (Отв. № 193). У Ломоносова (Грамматика, 199) еще: *братей, сватовей, кумовей*. Так же явились: *господам, господ* и т. д.; ср. *господамъ своимъ*, Волокол. Духовн. 1558 (Сборн. Лихачева, 35). *Сторо́жа* заменено через *сторожа́* под влиянием *сторожéй*.

Под влиянием чередования *друзи — друзья, князи — князья* окончание *-ья* могло являться и при других именительных множественного мужского рода от слов со значением имен одушевленных. Так, при *мужи*, естественно, являлось *мужья* (род. — *мужей*) и *мужьёв*, Жиздр. (А. Никольский); при древнем **сыни* являлось *сынья*, Дон. (Калмыков), Мосал. (Шахм.); *зверья*, Обоян. (Резанов). Равным образом при окончании *-ови, -еви*, заменившем, по-видимому, систематически исконное *-ове, -еве* (см. выше), явилось *-овья, -евья*: *моск. — кумовья, сыновья, зятевья; братовья* (род. — *братовей*), Буинск. (Отв. № 18), Никол. (Отв. № 266);

братовья, Нолин. (Отв. № 51), Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); сватовья, Устюжн. (Отв. № 28), Онеж. (Отв. № 41), Нолин. (Отв. № 51), Кинеш. (Отв. № 66), Слобод. (Отв. № 141); зятевья, Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.), Никол. (Отв. № 266); затёвья, Мышк. (Отв. № 78); мужевья (род.—мужевей), Никол. (Отв. № 266). Под влиянием этих *-овья, -евья* являются дальше: дружовья, Кирилл. (Отв. № 170); дружевья, Кинеш. (Отв. № 66); друзевья, Кинеш. (Отв. № 66), Костром. (Отв. № 264). Ср. кумовя (им. мн.), 1561 (Акты Устюжн., № VII).

5. Из предыдущего видно, что в великорусском языке образовалось особое окончание именительного множественного числа для слов со значением одушевленных. Другим таким окончанием стало *-а*. Возможно, что на появление этого *-а* повлияли старые собирательные, как *латина*. Но более вероятно предположить, что *-а* восходит к старому окончанию *-е*. Конечное *-е* в великорусском (и притом во всем его составе) перешло в *-а* со смягчением предшествующей согласной: *крестьяне, бояре, татаре* фонетически перешли в *крестьяня, бояря, татаря, сынове* в *сыновя* (примеры даны в фонетике). Таким образом, после замены старых окончаний дат., твор., местн. мн. новыми *-ам, -ами, -ах* при *крестьяня, бояря, сыновя* эти падежи звучали: *крестьянам, боярами, сынавах*. Это послужило причиной отвердения согласной и в именительном множественного, где поэтому явились формы *крестьяна, бояра, сынова* (а при *сыновам*, которое едва ли не под влиянием *сыновьям, — сыновя́*). Ср. такие формы в древнем языке: *псы бесермена*, Хожд. Афан. Ник. XV в., 374а; *ни хртїмне* *ни бесерьмена*, *ib.*, 374а; все православные крестьяна, Пов. Азов. сид. (Орлов, 148); *кехтяна*, 1590 (Акты Холмог., № LVIII, 14). В современном: *крестьяна*, Петроз. (Отв. № 13), Буйск. (Отв. № 18), Новг. (Отв. № 20); *хресьяна*, Вытег. (Отв. № 22), Кадник. (Отв. № 26), Малмыж. (Отв. № 38); *хресьяна*, Орл.-Вят. (Отв. № 37); *поезжана*, Вытег. (Отв. № 22), Буйск. (Отв. № 18); *дворяна*, Орл.-Вят. (Отв. № 37), Буйск. (Отв. № 18); *горожана, селяна, прихожана*, Буйск. (Отв. № 18); *цыгана*, Орл.-Вят. (Отв. № 37); *бара*, Петроз. (Отв. № 13), Кадник. (Отв. № 26), Вытег. (Отв. № 22), Малмыж. (Отв. № 38), Орл.-Вят. (Отв. № 37); *сыновя́*, Петроз. (Отв. № 34), Новг. (Отв. № 20); *сватова́*, Новг. (Отв. № 20); *зятева*, Петроз. (Шахм.); *сыновя́, ib.*; *крестьяна, татаря, зыряна*, Солик. (Словцов) при: *зыряны, ib.* Под влиянием таких слов: *эты*

*брата*на, Кемск. (Цейтлин); ср. там же: *взял братан* в значении вин. мн. и *стали братана приданно вздымать на ремнях*, *iv*. Как мною было указано выше, окончание *-е* переносилось на место *-и* в именительный множественного одушевленных; и это *-е* перешло в *-а* со смягчением предшествующей согласной: сосѣде наши ближняя, Пов. Азов. сид. (Орлов, 132); ср.: суседя, Мосал. (Шахм.), Обоян. (Резанов); холóпя, Брян. (Отв. № 259). В *сва-товя́*, Петроз. (Отв. № 30), видим сохранение мягкости согласной, но ударение перенесено, вероятно, под влиянием *сыновей*, *сыновьям*.

6. Однородную судьбу с рассмотренными выше собирательными женского рода на *-ья* имели в великорусском собирательные среднего рода на *-ье*, хотя, по-видимому, не во всех говорах. Общерусские *листья*, *гвоздь*, *клинья*, *трупья*, *колья*, *зубья*, *деревь*, *волосья*, *крылья* и т. д. склонялись как существительные единственного числа. Примеры из древнего языка: по(дъ) деревьемъ, Домостр. Конш., 15; къ тростию, Сл. о п. Иг., 40; от челоуѣческаго трупия, Пов. Азов. сид. Унд. № 794 (Орлов, 112); а што на той деревни есть колья и жердья, 1590 (Акты Холмог., VIII, 9); тѣмъ кольемъ и жердьемъ, *iv*.; брусьемъ огорожено, Беседа о святынях Цареграда XVII в. (Л. Майков, 18); по брусью врѣзаны еуангелисты, *iv*., 18; акы сноповье, Ипат., 294в, 284в, по троупью, *iv*., 284в, столпи ѿ земли до нѣси, Радзив. лет., 172; в троупи, Сузд. 75 об. Присоединяю сюда же примеры из языка современного: зеленым деревьем, Устюжн. (Отв. № 28); род. ед.— гвозья, кося, Соликам. (Словцов); под еловым деревьом, Пошех. (Яросл. губ. Вед. 1856, № 6). В им.-вин. ед. окончанием было в общерусском праязыке *-iä* (kol'biä); в великорусском это *-iä* сохранилось и после падения глухих, но затем перешло в *-ia*, когда происходил общий переход *й* в *и* (или *й*), *ө* в *о* (или *о*); таким образом, древнее kol'biä изменилось в kol'ia (kol'ia). Быть может, уже в древнейшие эпохи формы, как *колья*, *трупья*, ассоциировались с именительным множественного *коли*, *трупя*, заменяя их и получая таким образом значение именительного множественного. Но последовавшие за этим явления, как-то: потеря склонения, разобщение с падежными формами единственного числа,— имели место уже позже, в великорусскую эпоху. Став по значению формами именительного множественного, формы *листья*, *колья*, *деревь* и т. п. вызвали при себе в косвенных падежах *листьям*, *кольях*, *деревьями*, далее *листьев* и т. д.; ср. указанные выше но-

вообразования *друзьям* при *друзья, братьях, братьев* при *братья*. Это повлекло за собой утрату форм единственного числа (род.— *листья*, дат.— *листью*, твор.— *листьем*). *Колья, кольев, кольям, клинья, брусья, трупья* стали формами множественного числа к единственному числу *кол, клин, брус*, вытесняя при этом или частью, или окончательно формы *колы, брусы, клины, гвозди, стулы, колосы* и т. д. Точно так же *деревья, деревьев, поленья, поленьев, крылья* и т. д. стали формами множественного числа к единственному числу *дерево, полено, крыло*. Приведу примеры из древнего языка: *трупіа себѣ дѣляче*, Сл. о п. Иг., 17; *троупья* (им.-вин. ед.), Лет. Авр. (Карский). Из современ.: *колья, колы* (в другом значении), *клинья, листья* (*листы книги, печатные*), *брусья, стулья, зубья* (но *зубы во рту*), *каменья* (при *камни*), *жердя* (при *жерди*), *гвоздя* (при *гвозди*), *прутья, коренья* (*корни* в другом значении); ср. еще диалектически: в *каменьях*, Петроз. (Отв. № 30); в *кореньях*, в *снопьях*, в *волосьях*, ів.; *поьясья*, Петроз. (Отв. № 34); *кустовья*, Петроз. (Отв. № 34); *крендѣлья*, Буйск. (Отв. № 18). Для среднего рода: *деревья, поленья, вешалья*, Пудож. (Шахм.).

Диалектически такие же формы множественного числа, и притом таким же путем, возникали и при словах женского рода. Собираательные *березье, ямье, лопатье* (ср.: все *могылье*, Лет. Авр., Карский), перейдя фонетически в *березья, ямья, лопатья* и ассоциируясь со словами *береза, яма, лопата*, становились формами множественного числа при них, вытесняя частью или совсем старые формы: *березы, ямы, лопаты*. Ср. *ямья, горья* и даже — *кучевья* (вместо *кучи*), Гдов. (Отв. № 11); *ямья, нивья*. Петроз. (Отв. № 34); *березья, лопатья, травьев нет*, Петроз. (Отв. № 30); *осинья, ивинья*, ів.; *ямья, нивья*, Вытег. (Отв. № 22); *полянья, лединья, деревинья, травья, пустелья, в лужьях, сосонья, горья, жилья, лудья*, Петроз. (Шахм.); *щапья* (от *щепы*), в *грудьях*, ів.; *шубья, овцинья, мостовицинья, дядинья*, Пудож. (Шахм.); в *полосьях*, Петроз. (Отв. № 30); в *грядьях*, ів. У Ломоносова („Грамматика“, § 202): *крылья* или *крылье, поленья*.

7. В общерусском праязыке слова на *-ьїä* были известны не только с ударением на основе, но также и на окончаниях, ср. *žit'ĕjã, r'it'ĕjã* и т. д. В украинском судьба слов с ударением на окончаниях однородна с судьбою слов, имевших ударение на основе; ср. укр. *кілля* и *життя*, галицк. *кіле* и *житѣ*. Но в русском окончание *-ьѣ (їä)* ударяемое систематически заменено окончанием

-*ьѣ* под влиянием основ среднего рода с твердой согласной перед -*о*: *перѡ, селѡ, веслѡ* и т. д. изменили *житьѣ, питьѣ* в *житьѣ, питьѣ*; ср. рассмотренное выше влияние основ с твердой согласной на основы с мягкой согласной. Поэтому и собирательные с конечным ударением, в именительном оканчивающиеся на -*ьѣ*, сохранили свое древнее значение и склонение; ср.: *тряпьѣ, вороньѣ, девьѣ, Покров.* (Отв. № 11); *кольѣ, ив.; сучьѣ, дурачьѣ, ворьѣ, Устюжн.* (Отв. № 28) и т. д. Диалектически, и притом именно в северно-великорусском (где *о* сохранялось в слогах неударяемых) -*о* из слов среднего рода проникло на место -*ѣ, -а* и в окончания неударяемые. Это было причиной частью сохранения, а частью, может быть, восстановления старых собирательных среднего рода. Приведу примеры: *пѣньѣ, кѡльѣ, каменьѣ, гроздьѣ, Луж.* (Отв. № 12); *лѣсьѣ, клѡчьѣ, Буйск.* (Отв. № 18); *зѣчьѣ, прѣчьѣ, кѡльѣ, лѣсьѣ, брѣсьѣ, волѡсьѣ, дерѣвьѣ, полѣньѣ, решѣтьѣ, Вытег.* (Отв. № 22); *гвѡзьѣ, стѣльѣ, лѣсьѣ, Кадник.* (Отв. № 25); *сѣчьѣ, волѡсьѣ, угѡльѣ, лѣсьѣ, крѣльѣ, окѡньѣ, даже — кирпичевьѣ, Устюжн.* (Отв. № 28); *гвѡзьѣ, Олон.* (Отв. № 29); *брѣсьѣ, жѣрьѣ, Петроз.* (Отв. № 30); *стѣльѣ, кѡльѣ, лѣсьѣ, Петроз.* (Отв. № 34); *зѣчьѣ, кѡльѣ, Котельн.* (Отв. № 35); *кольѣ, клиньѣ, колосьѣ, Орл.-Вят.* (Отв. № 37); *поѣсьѣ, гвѡзьѣ, стѣльѣ, кѡльѣ, лѣсьѣ, Онеж.* (Отв. № 41); *куствѡвьѣ, Устюжн.* (Отв. № 28); также: *ямьѣ, березьѣ, при — ямя, березья, Петроз.* (Отв. № 30). Что в таких словах мы имеем дело не со старым изменением *je* в *jo* (отрицаю такое изменение в конце слова, ибо *je* звучало *jǎ*, откуда *ja*), видно, во-первых, из того, что в говорах, представляющих собирательные на -*ѣ* неударяемое, встречаются и формы множественного числа, предполагающие им. мн. на -*ья* (исчезнувшие или сохраняющиеся). Так, при *волѡсьѣ, Устюжн.* (Отв. № 28), отмечено *волѡсьѣв* в род. мн. Во-вторых, на возможность позднейшего вытеснения -*ья* через -*ьѣ* в им. мн. указывают случаи вытеснения -*ья* через -*ьѣ* в именительном множественного имен мужского рода одушевленных (по происхождению собирательных женского рода). Ср. *сватьѣ, при: сватья, Покров.* (Отв. № 10); *сватовьѣ, а в род. мн. — сватовѣй, Буйск.* (Отв. № 18); *князьѣ, Новг.* (Отв. № 20); *сватовьѣ, кумовьѣ, братовьѣ, мужевьѣ, Вытег.* (Отв. № 22); *сватовьѣ, Устюжн.* (Отв. № 28, при *сватовья*); *князьѣ, братьѣ, Петроз.* (Отв. № 30); *сватовьѣ, ив.; сватовьѣ, Котельн.* (Отв. № 35); *брѣтьѣ, Нолин.* (Отв. № 68); *сынѣ, Жиздр.* (А. Никольский); *дружьѣ, сватьѣ, зятьѣ, сватьѣ, ив.*

Думаю, что чередованием -*ьѣ* и -*ья*, -*ьѣ* и -*ья* объясняется

появление *-ья* вместо ожидаемого, согласно предыдущему, *-ьѣ* в словах, по происхождению своему бывших именами собирательными среднего рода; получив вместо *-ьѣ* окончание *-ья*, они становились формами именительного множественного мужеского рода. Сюда относятся, например: *кlochья*, Пудож. (Шахм.); *гвозья*, Петроз. (Отв. № 13); *полозья*, при *полóзьи*, Буин.-Симб. (Отв. № 57).

8. К общевеликорусским явлениям относится утрата дательного падежа на *-ови* и именительного множественного на *-ове*. Как мы видели, распространение *-ови* в древнем языке было ограниченное, в противоположность позднему, хотя и весьма древнему его распространению, в украинском. В настоящее время *-ови* в великорусском совсем не известно. Любопытно отметить и исчезновение его, а также его фонетического видоизменения *-овь* в наречиях *домови*, *долови*. Вместо *домовь*, *доловь* (примеры см. в „Фонетике“) находим *домой*, *долой*. Это изменение не могло быть фонетическим; оно вызвано причинами морфологическими. Попытку объяснения предложу ниже, там, где рассматриваю судьбу окончания творительного единственного женского рода *-ою*.

Окончание именительного множественного на *-ове* было гораздо распространеннее, чем дат. на *-ови*, но и оно исчезло; точнее выразимся, если скажем, что оно систематически заменялось окончаниями *-овья* и *-ова* (о происхождении обоих окончаний сказано выше). Приведенные нами *сынова*, *зятева*, *сыновья*, *зятевья*, *сватовья*, *кумовья*, *братовья* и т. д. предполагают существование форм *сынове*, *зятеве*, *сватове*, *кумове*, *братове*.

9. К общевеликорусским явлениям относится и полная утрата форм звательного падежа от имен мужеского рода: *брате*, *сыну*, *коню* сменились формами именительного падежа. Возможно, что при этом действовало стремление иметь в звательном падеже формы столь же краткие, что в именительном. Сопоставьте с этим диалектическое сохранение звательного падежа от имен женского рода, о чем скажу ниже. В сказках находим: да, царю, говорит, я в ваших руках, Петроз. (Шахм.).

10. Имена мужеского рода на *-о*, вообще довольно многочисленные, склоняются в великорусском не только с мужескими, но и с женскими окончаниями. Причиной являются параллельные, родственные образования на *-а*, как, например, при *Михайло*, *Гаврило* было известно еще в древнем языке *Михайла*, *Гаврила*¹. Так, на-

¹ Далее в рукописи: „Ср.“, но примеры не приведены. (Ред.)

пример, имена, как *батько, батюшко, дедушко*, рядом с формами, как дат. ед.—*батюшку*, Петроз. (Шамх.); *батюшка не стало*, Послов. XVIII в. (Симони, 210); *со дедушком*, Кемск. (Цейтлин),—могут образовать формы: *батюшка*, род.—*батюшки*, дат.—*батюшке* и т. д. Чередование *батюшка* и *батюшко* было причиной появления *корóвенко* вместо *коровёнка*, Петроз. (Шахм.), у *старушóнка*, со *старушонком*.

11. В творительном единственного женского рода, притом, как в существительных, так и в местоимениях, и в прилагательных, вместо *-ою* является во всем великорусском языке *-ой*. Изменение *-ою* в *-ой* не фонетическое, оно обязано морфологической причине, а именно стремлению сократить окончание творительного падежа, отличавшееся лишним слогом от всех остальных падежных окончаний единственного числа: *гора, горы, горе, гору*, но *горою*. По-видимому, в результате этого стремления конечный звук окончания *-ою* становился неслоговым, а это вело за собой выпадение предшествующего неслогового *i*. При этом, как кажется, возможно различать два конечных результата подобного изменения: во-первых, *оїй* (не забудем, что в таком положении в древнем языке слышалось именно *ї*) перешло в *-ої* и далее в *-ої*; во-вторых, *-оїи* (в позднейшую эпоху *ї* заменено было через *и*) перешло в *-ої*. Результаты первого изменения у нас налицо; они могут быть прослежены по памятникам, начиная с XV века¹. Приведу примеры из древнего языка: съ *Шртѣмьѣи*, Гр. Новг. 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 42). Примеры из языка современного: *вадой, с тобой, с той головой* и т. д. Результаты второго изменения можно видеть в некоторых древнерусских диалектах преимущественно Суздальской области; *оў* изображалось при этом через *овъ*, что показывает наличность *ў* на месте правописного *в, въ* и в других случаях; например, *девка, дровъ* произносились, очевидно, *деўка, дроў*². Но по одному явлению, общему всему великорусскому языку, можно заключить о том, что *-оў* в окончании творительного падежа вместо старого *-ою*, которому в говорах, не знавших *ў*, а только *в*, соответствовало *-ов*, было гораздо распространеннее, чем об этом можно было думать на основании памятников. Явление это следующее: наречия *домоў, долоў* или *домов, долов* си-

¹ В рукописи: „с века“, с пропуском цифрового указания. (Ред.)

² Далее фраза: „Сюда относятся следующие написания памятников“, но самый материал не приведен. (Ред.)

стематически заменены формами *домой, долой*. Такая замена может быть объяснена только наличием в древнем языке чередования творительного падежа *гороу, горов* и *горой, водоу, водов* и *водой; гороу (водов, горов)* через *водой, горой* произошло и вытеснение *домоу, долоу (домов, долов)* через *домой, долой*. Ср. в искусственном языке, например, в Духовных стихах, формы *домою*, подобно как там сохраняются формы *горою, водою*. Следовательно, можно думать, что сначала вместо *vodoiŭ, gogoŭ* явились формы *vodoi, gogoi*, но рядом продолжали существовать *vodoju, gogoj*; когда эти формы, все под тем же влиянием других падежей, перешли в *vodoŭ, gogoŭ* — *vodov, gorov*, они уступили место старшим по времени появления формам *vodoi, gogoi*. Вытеснение *vodoŭ, gogoŭ* или *vodov, gorov* через *vodoi, gogoi* имело последствием вытеснение наречий *домоŭ, долоŭ* или *домов, долов* через *домой, долой*. Приведу примеры для *домой, долой*: да домои ходи, Домостр. Конш., 33 (домовъ, *ib.*, 33); середь грязи долой, Послов. XVII в. (Симони, 139). О диалектическом окончании *-эй* вместо *-ой* см. ниже.

12. Всему великорусскому языку принадлежит также замена в родительном женского рода прилагательных окончания *-оѣ* через *-ой*. И здесь имеем дело с процессом нефонетическим; замена произошла под влиянием других падежей, а именно творительного, дательного, местного. Все эти падежи в местоименном склонении сближались общностью основной части (*то-ѣ, то-й, то-ю*). Когда окончание *-ой* вместо *-ою* проникло в местоимения из имен существительных, неминуемо стало сокращение окончания родительного падежа: *тою, доброю* заменились через *той, доброй*, и это повлекло за собой замену *тоѣ, доброѣ* также через *той, доброй*, в особенности потому, что так же звучала форма дательного и местного единственного. Приведу примеры для *-ой* в родительном местоимений и прилагательных из древних памятников: *оу дѣброи жены*, Домостр. Конш., 42, из нѣкоторои зап(о)вѣди, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 44); а сичеи рати не слышано, Сл. о п. Иг., 17; среди земли Половецкѣи (NB.), *ib.*, 17; от земли Половецкѣи, *ib.*, 35; пѣрвои жены, Русск. Пр. (Р. Д., I, 44); ѡдиной матери, *ib.*, 45; ѡт ролеиноѣ земли, *ib.*, 46; ѡ бортьноѣ земли, *ib.*, 46. Из древнего и современного языков отмечу диалектическое *-ей* в родительном и винительном местоимения 3-го лица женского рода: *по ей дѣи сорокоустѣ*, Домостр. Конш., 14; *оу ней*, *ib.*, 64; *не хотѣти ли ѡи дѣти начнѡуть*, Русск. Пр. (Р. Д., I, 45); он ударил

ей, Онеж. (Отв. № 41); за ней (вместо *за нее*), Вытег. (Отв. № 22); ей (вин.), Вытег. (Отв. № 22), Петроз. (Отв. № 30). Рядом с *-оть* продолжало существовать окончание *-ыль*; не было ему основания измениться в *-ый*, ибо это окончание и в первой своей части отличалось от окончаний дательного и местного, а также совпавшего с ними творительного единственного; ср. указанные выше формы *-на ые*, существующие диалектически и теперь. Но в отдельных говорах *-ыль* под влиянием краткого окончания *-ой* переходило в *-ый*¹. Это *-ый* переходило затем во всем почти великорусском языке в *-ой* в силу общего звукового изменения *ый* в *ой*, которое я теперь понимаю как диссимиляцию звуков *ы* и *й*, но в одном из великорусских говоров всякое вообще *-ый* перешло в *-эй* (поэтому *-эй* также в *мэю*, *слепэй* — им. муж.). В этом говоре явилось *-эй* и в родительном прилагательных, ср.: сырэй травы, Вытег. (Отв. № 22); от злэй собаки, Петроз. (Отв. № 30). Отсюда, из формы родительного падежа, *-эй* проникло также и в дательный-местный, а также и в падежи²: на дрúгэй жены, Петроз. (Отв. № 30); на густэй травы, Вытег. (Отв. № 22). Понятно, что *-эй* проникло в творительный падеж и существительных и личных местоимений: за бáбэй, пшонэй, Вытег. (Отв. № 22); мнэй, тобэй, *ib.*; под подошвэй, Петроз. (Отв. № 30); под ногэй, под плитэй, *ib.*

13. Вместо *тоь*, *самоь*, *одноь*, *всеь* в родительном и винительном находим во всем великорусском языке произношение *тоё*, *самоё*, *одноё*, *всеё*. Ср. вин. — *тоё*, Устюжн. (Отв. № 28); вин. — *всеё*, Алатыр. (Отв. № 32); *всеё*, Покров. (Отв. № 10); *всеё*, Самар. (отв. № 40); род. — *всеё* травы, Кадник. (Отв. № 25); вин. — *тоё*, Самар. (Отв. № 40) и т. д. Старое произношение с *е* вместо *ь* сохранилось лишь диалектически: *её*, Устюжн. (Отв. № 28). Процесс появления *её*, *тоё* вместо *её*, *тоё* представляется мне таким: в окончании *-ые* (из *-ыль*), в сложном склонении прилагательных, произошла диссимиляция: *е* перешло в *о*; так явилось *-ыю*. Следовательно, родительный *густыё*, *добрыё*; отсюда *ё* переносилось и в положение за *о* как в ударяемых, так и в неударяемых слогах: *одноё*, *тоё*. Такой же процесс видоизменил окончания им.-вин. мн.: *добрые* перешло в *добрыё*, а в говорах акающих — *добрыя*. Приведу примеры для *-ыё*: ясныё дни, силь-

¹ Далее в рукописи: „Ср.“, но материал не приведен. (Ред.)

² Далее в рукописи: „а также и в падежи“, причем перед „падежи“ было написано „творительные“, которое потом было зачеркнуто. (Ред.)

ные лошади, Слобод. (Отв. № 48); хорошие плотники, горячие ватрушки, Орл.-Вят. (Отв. № 37); для *-ья* см. выше.

14. Мы видели выше, какое влияние оказывала в склонении местоимений форма именительного множественного на формы других падежей множественного числа. В связи с этим влиянием стоит появление в великорусских диалектах форм на *-ых*, *-ым* или *-ых*, *-ым* в сложном склонении прилагательных. Им. мн. *красныи* вызывало *красных*, *красным*, *красными*; им. мн. *красные* вызывало *красных*, *красным*, *красными*¹.

15. Сложное склонение прилагательных диалектически подверглось влиянию местоимений и в тех формах, которые вообще ограждены от такого влияния тем, что в соответствии с *-ь* в окончаниях местоимений имеют *-ы*; диалектически это *ы* заменяется звуком *э*; очевидно, имеем дело с перенесением *ь* при сохранении твердости предшествующей согласной. Такие формы отмечены в Самарском уезде (Отв. № 40), причем *э* находим не только в окончаниях множественного числа (*-эх*, *-эм*, *-эми*), но также и в творительном единственного (*-эм*): *пустэм бабэм*, *пустэх* (местн. мн.), *на сырэм песку*, *ф сырэм доми* (здесь форма на *-ым*, по происхождению форма твор. падежа, заменила старое *-ом*), *в худэм деле*, Буин.-Симб. (Отв. № 57). После *к*, *г* находим такой же перенос, но эти согласные произносятся смягченно: *какеми судьбами*, *другех*, *в каком мести*, *каком шабрам*, *в другом месте*, Буин.-Симб. (Отв. № 57); *на другом месте*, Малмыж. (Отв. № 103). Из косвенных падежей множественного числа окончания *-эи*, *-еи* переносятся и в именительный множественного: *сухеи*, *другеи*, Самар. (Отв. № 40); *другеи*, *какеи*, Алатыр. (Отв. № 32). Сокращенная форма *какэ*, Самар. (Отв. № 40), может быть, под непосредственным влиянием *те*, *одне*.

16. Диалектически на склонение прилагательных оказало влияние склонение притяжательных местоимений. Ср.: *в большоём окне*, *в зеленоём саду*, Устюжн. (Отв. № 28).

17. Диалектически находим стяженные формы в именительном-винительном единственного и множественного числа прилагательных: вместо *ая*, *ую*, *ое* — *а*, *у*, *о*, вместо *ые* — *ы*. Думаю, что необходимо допустить фонетическое объяснение таких форм, а именно, что они возникли в результате выпадения неслогового *ѣ*

¹ Далее в рукописи: „Приведу примеры“, но примеры не были приведены. (Ред.)

между однородными гласными: *aia, oio, iui* переходили в *aa, oo, ui*, откуда *a, o, u*, а отсюда краткие окончания *i* в именительном множественного: красно солнышко, мила жонушка, тёмна ночь, Кадник. (Отв. № 26); добра, велика, добро, синё, черство, Устюжн. (Отв. № 28); синю рубаху, мила доць, мостовá, тёмны ноци, сыновны, зимны, сини, дики, сыры, Вытег. (Отв. № 22); другу свадьбу, аглицки рубахи, тёмна ночь, красно, черно, Новг. (Отв. № 20); сильня лошадь, добра мать, Петроз. (Отв. № 13); длинна палка, красно яблоко, Алатыр. (Отв. № 32); добры молодцы, *ib.*; дубовы полозья, Орл.-Вят. (Отв. № 37); новы ворота, сыры места, красно, бело, Малмыж. (Отв. № 38); белы груди, Самар. (Отв. № 40); ясны дни, топки болота, Покров. (Отв. № 10); здешни мужики, добры люди, Гдов. (Отв. № 11); красно, добра, какá, Луж. (Отв. № 12) и т. д. От этих форм надо отличать подобные же краткие формы в языке песен и сказок; в них можно видеть остатки именного склонения прилагательных; ср. *красно* в сказках, а иначе *красное*. Кажется, вообще (однако, как видно из приведенных примеров, не без исключений) в сокращенном виде являются только неударяемые окончания: ср. *аглицки рубахи*, Новг. (Отв. № 20), но *злыи люди, топкии болота*, *ib.*

18. Совпадение в одной форме падежей родительного, с одной стороны, дательного и местного — с другой, в именах прилагательных и местоимениях женского рода имело следствием диалектическое совпадение в одной форме тех же падежей в существительных женского рода. Когда вместо *густоь* явилось *густой* под влиянием такой формы в дательном и местном, существительные, как *трава, вода, гора* и т. д., в которых форма дательного и местного совпала издавна (*травь, водь*), стали переносить эту форму и в родительный падеж. Но возможно было и другое явление: форма родительного падежа на *-ы* (*воды, травы*) стала употребляться в значении дательного и местного. Быть может, на совпадение родительного, дательного, местного в одной форме в словах женского рода на *-а* оказала влияние однозвучность их в словах женского рода на *-ь* (*кости*), но вероятнее думать о влиянии со стороны прилагательных. Я только что сказал, что в именах на *-а* падежи дательный и местный издавна совпали в одной форме; замечу здесь, что некогда в словах с подвижным ударением они должны были различаться, так как в окончании местного падежа был дифтонг (первоначально *ai*) с таким качеством долготы, которое перетягивало на себя ударение, а в окончании дательного

был дифтонг (первоначально *āi*), который не перетягивал на себя ударения. Различие между дательным и местным по ударению сохраняется до сих пор в некоторых словах в сербском языке (вода, душа, рука, глава, земля). В русском языке лишь в немногих словах сохранилось в дательном падеже старое накоренное ударение в словах с ударением подвижным; ср. современные диалектические *к стéне, к зíме*. Во всяком случае незначительное количество подобных слов не дает основания думать, чтобы в русском языке поддерживалось старое различие между дательным и местным: оба падежа совпадали не только в одном окончании, но также и своим ударением. Совпадение дательного, местного в одной форме с родительным встречается в разных русских говорах, но преимущественно северновеликорусских. Приведу примеры для окончания *-ь* в родительном падеже из древнего языка: до Москвѣ, Ипат., 2126; ѿ папѣ, *ib.*, 276 г; съ Москвѣ, Лодомск. 1571, № ХСVIII; отъ рѣке, 1580 (Акты Холмог., № LXIII); с ѣноу сторонѣ, Новг. гр. 1371, № 8; блгвлениу ѿ влѣдцѣ, Новг. гр. 1305—1308, № 67; оу ѿца своѣго оу влѣдцѣ, Новг. гр. 1304—1305, № 11; блннѣ ѿ влѣдцѣ, Новг. гр. 1325—1327, № 15; оу Кюрили (вместо *Кюрилѣ*), Новг. гр. 1269—1270, № 3; стго Николѣ, Дв. гр. XV в., № 5, 6, 15, 16; до юго женѣ, *ib.*, № 86; ѿ рѣкѣ, *ib.*, № 75, 77; до Гавриловѣ земли, *ib.*, № 25; микулѣ максимовица (печать), *ib.*, № 35; петрови жони, *ib.*, № 19, до Лукини земли, *ib.*, № 36; трофимови ѿцини, *ib.*, № 8, с ѣви, *ib.*, № 27; ѿ ими, *ib.*, № 22; ищучи себе чти а князю славѣ, *ib.*, Сл. о п. Иг., 8; из дѣдней славѣ, *ib.*, 35; кузми тереньтѣевица, Новг. гр. 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 41); влци Семена, Новг. гр. 1418—1420 (*ib.*, № 42) и т. д. В современном языке: у сестре, у жене, Гдов. (Отв. № 11); у сестре, Петроз. (Отв. № 13); у сестре, из реке, около голове, Новг. (Отв. № 20); у вдове, у невесте, Алатыр. (Отв. № 32). Примеры для окончания *-ы* в дательном и местном: а пришло мне то в тадбы, Дв. гр. XV в., № 85; в тѣ малои Юры рѣкы, *ib.*, № 33; по Лавкоты рѣки, *ib.*, № 111. В современном языке: к воды, к зимы, Гдов. (Отв. № 11); на горы, на пятой версты, к воды, Петроз. (Отв. № 13); к горы, к воды, к берёзы, на горы, в избы, Новг. (Отв. № 20); к избы, к трубы, в беды, на коровы, Вытег. (Отв. № 22); к горы, к березы, г воды (в значении „в воде“), к заутрины, о рыбы, Петроз. (Отв. № 30); к горы, на рекы, на

пятой версты, Онеж. (Отв. № 41); не рад сёстры, на стены, на той сторонѣ, Петроз. (Отв. № 34); к воды, к берёзы, к зимы, на горы, в избы, Остр. (Отв. № 33). Замечательно, что в некоторых случаях удерживается старое ударение дательного падежа: к горы, Остр. (Отв. № 33); к зимы, к стѣны, Петроз. (Отв. № 34). Понятно, что и в таких случаях, как *к землі, к избы*, Вытег. (Отв. № 22), мы не имеем основания считать *землі* формой родительного падежа по происхождению, ибо вытеснение *избѣ* через *избы* в основах на твердую согласную не предполагает такого же вытеснения *земль* через *земли* в основах на мягкую согласную; напротив, здесь издавна могла получиться одна форма в родительном, дательном, местном вследствие перехода *ь* и *и*.

Вообще можно поставить в виде вопроса другое объяснение указанного явления. В основах на мягкую согласную, где дательный-местный оканчивался на *-и*, а родительный на *-ь* (*земли, земль*), произошло совпадение этих падежей по двум причинам: во-первых, как мы знаем, твердые основы передавали свои окончания мягким: в дательном-местном явилось *земль* под влиянием родительного *земль*; во-вторых, диалектический переход конечного *ь* в *и* (см. в „Фонетике“) имел последствием появление *земли* вместо *земль* в родительном. Совпадение в основах на мягкую согласную падежей родительного, дательного, местного (или *земль*, или *земли*) вело за собою такое же совпадение в основах на твердую согласную (или *водѣ*, или *воды*).

19. Весьма распространенным в великорусском явлением оказывается проникновение окончания *-ь* (*-е*) из основ женского рода на *-а* с предшествующей мягкой согласной в основы на первоначальное *-ѣ* в падежах дательном и местном. Мы видим здесь, таким образом, явление, обратное тому, которое только что нами рассмотрено: в основах, как *земля, воля*, формы родительного падежа, с одной стороны, дательного и местного — с другой, некогда между собою различавшиеся, совпали диалектически в одной форме (*земль* или *земли*), в основах, как *кость, печь*, форма дательного, местного, совпадавшая с формой родительного, получила особое от родительного падежа окончание (*кость, печь* — дательный-местный, при *кости, печи* в родительном). Ясно, что такое различие имело место только в тех говорах, где не произошло совпадения в указанных падежах в основах на *а*. Приведу примеры. Из древнего языка: на ельѣ, Гр. 1518 (А. Ю., № 147); по матерѣ, 1568 (А. Ю., № 116); по сей записѣ, Гр. 1530 (А. Ю.,

№ 154); въ сей записѣ, Гр. 1577 (А. Ю., № 179); по росписѣ, Гр. 1582 (А. Ю., № 212); на Ловотѣ, Гр. XIV в. (А. Ю., № 260, I); въ Припетѣ, Новг. 1-я Син. сп., 7б; въ соборной церквѣ, 1619 (Письма русск. госуд., № 6); отцу матери мило, Послов. XVII в. (Симони, 150); дочери моей, 1568 (Акты Холмог., № 2); въ своей вѣтѣ 1567 (ib., № LXVII). Из современного языка: на степѣ, в грязѣ, на цепѣ, на печѣ, Дон. (Калмыков); на лошаде, в грязе, к лошаде, к дочери, на пече, Холмог. (Отв. № 50); в грязе, к матери, Нолинск. (Отв. № 51); на площади, Макар. (Отв. № 56); в кровѣ, на пече, к дочери, к матери, Яранск. (Отв. № 59); дай лошаде корму, Мышк. (Отв. № 78); на пече, Волог. (Отв. № 82); на лошаде, к лошаде, к дочери, Тотем. (Отв. № 201); на пече, по ночи, Великоуст. (Отв. № 202); к лошаде, Белоз. (Отв. № 184); в Перме, в шале, в пече, Камышл. (Отв. № 89); в грязи, в горсти, в рже, по груди, Волог. (Баженов); по видимости, на старости лет, ib.; в грязѣ, ф кравѣ, на грудѣ, на площади, Терск.-Моздок. (Караулов); на двери, кстате, в болѣсти, в степе, на радости, Устюжи. (Отв. № 28); на лошаде, в грязи, Алатыр. (Отв. № 32); к дочерѣ, к матерѣ, к лошаде, ib.; нъ лъшадѣ, на печѣ, Самар. (Отв. № 40); на лошаде, в пече, в грязи, Астрах. (Отв. № 17); в грязи, на лошаде, Чистоп. (Отв. № 1); на пече лежа, Послов. XVII в. (Симони, 206); не кстате, ib., 210; по шерсте собаке и имя, ib., 214.

Отмечу здесь, что в многих именах ударение местного падежа отличается от ударения дательного падежа, а именно оно падает в местном на окончание; ср. такие ударения и в формах на *-ть*. Едва ли не под влиянием местного является наконецное ударение и в дательном: к лошаде, Белоз. (Отв. № 184); к дочерѣ, Никол. (Отв. № 266), Нолин. (Отв. № 68), Нолин. (Отв. № 51). Любопытно в Буйском у. сохранение *-и* в местном под ударением: в печѣ, в кровѣ, в грязи, замена *-и* через *-ть* (*-е*) в дательном не под ударением: к дочерѣ, к матерѣ, к лошаде, в пече (Отв. № 18).

Гораздо реже проникали в основы на *-ї* из основ на *-jā* другие падежные окончания. Так, находим в винительном: дверью, папертью, матерю, дочерю, Терск.-Моздок. (Караулов); осенью, лошадю, матерю, дочерю, Мещов. (Черныш.); матерю, дочерю, Дон. (Калмыков); матирю, дочирю, Жиздр. (Никольский); дочирю, дочярю, Обоян. (Резанов); дочярю, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В. 1880); дочирю, Жиздр. (Добровольский, Арх. II Отд.); матерю, дочерю, Новосил. (Отв. № 77), матерю (вин.), Моршан. (Обл. сл., 164);

дочере (дат.), Костр. (Отв. № 44); также у В. Майкова, писателя XVIII в. И в именительном явилось дальше образование: дочеря, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В. 1880); матеря, дочеря, Кем. (Отв. № 104). Совершенно единично *костий* в твор. ед., Великолуцк. (Отв. № 45), едва ли не под белорусским влиянием.

20. В противоположность мужескому роду, женский в основах на *-ā* сохраняет звательную форму до сих пор. Ср. приведенные выше при парадигмах примеры из северновеликорусских говоров, а также из южновеликорусских с перенесенным на окончание ударением. В южновеликорусских говорах весьма обычным является новообразование в звательном, представляющее отпадение окончания. Отпадение это произошло, по-видимому, под влиянием того сильного экспираторного ударения, которое падало в звательном падеже на основу, в особенности, например, при призыве: *мам, баб* вместо *мама, баба*. Возможно, что мы имеем дело не с древнею формой звательного падежа, утратившею свое окончание, а с формой именительного падежа, употребленной в значении звательного¹.

21. Общим для всего великорусского языка явлением надо признать исчезновение в единственном числе склонения основ среднего рода на *-at* при именительном на *-a*. Формы на *-a*, как видно из указаний, данных при парадигмах, сохранились теперь только в двух, трех примерах (в пословицах). Вообще же их заменили новообразования на *-ёнок* мужеского рода. По-видимому, издавна при *-a* существовали уменьшительные на *-еня*: при *порося* — **поросеня*. Эти уменьшительные получили окончание *-ок*, свойственное вообще уменьшительным, и вытеснили старые формы на *-a*. Таким образом, в единственном числе находим в великорусском: *телёнок, жеребёнок, поросёнок, ребёнок, козлёнок* и т. д., причем во множественном сохраняются старые образования от основы *телят-* и т. д.: *телята, козлята, щурята* (молодые шуки), Чистоп. (Отв. № 1). Любопытно и *телетко*, Послов. XVII в. (Симони, 118). Отмечу *шюрятomъ своимъ* (т. е. — шурьям молодым), Ипат., 259 г. Отмечу появление *-ata* и при *щенок*; вместо *щенки* известно и *щенята*. Под влиянием установившейся в ряде имен ассоциации между *-ёнок* в единственном и *-ята* во множественном при *опёнок* вместо и при более обыкновенной форме *опёнки* явилась форма *опята*, ср. эту форму, например, в Кологрив. (Отв. № 61), Костр. (Отв. № 44), Слобод. (Отв. № 120). Замечу, что имени-

¹ Далее в рукописи: „Приведу примеры“, но материал не приведен. (Ред.)

тельные множественного на *-ата* окончательно вытеснили формы на *-ёнки* (при единственном *-ёнок*): *поросёнки, ягнёнки, медвежёнки* сохраняются лишь диалектически, например Нерч. (Обл. сл., 81); *щенёнки*, Великоуст. (Отв. № 199); *бобрьонки, поросьонки*, Послов. XVIII в. (Симони, 197). Одно только слово *дитя* не вытеснено параллельным образованием *дитёнок*. Это объясняется тем, что во множественном при *дитя* являлось не **дитята*, а *дети*. Однако старое склонение *дитя, дитяти, дитятемъ* исчезло и заменилось склонением равносложным, причем *дитя* или рассматривалось как основа женского рода на *-jā* (ср. женский род во множественном числе: *дети*), или заменялось формой *дитё* и склонялось как основа среднего рода на *-jō* (средний род из первоначальной формы). Склонение *дитя* как существительного женского рода находим, например, в Зубц. (Отв. № 60): род.— дити́, дат.— дите, вин.— дитю́, твор.— дитёй, местн.— о дите; в Богородск. (Черныш.), где в твор.— дитёй; в Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.), где род.— дити, дат.— дите, вин.— дитю, твор.— дитею; в Жиздр. (Никольский), где вин.— дитю, твор.— дитёю; во Влад. (Обл. сл., 15), где род.— дити, дат.— дите, вин.— дитю, твор.— дитёй, местн.— о дите; в Мышк. (Отв. № 78): род.— дити, дат.— дите, вин.— дитю, твор.— дитёй, местн.— о дите; в Новосил. (Отв. № 77): дитею. Впрочем, Ломоносов дает еще в образце: жеребя, жеребяти, жеребятем („Грамматика“, § 159), щеня, цыпля, щеняти, цыпляти (§ 205); „однако в единственном числе употребительны их умалительные: щенок, цыпленок, жеребенок“. Склонение *дитё* как существительного среднего рода видим, например, в Дон. (Калмыков): род.— у дитя, дат.— дитю, твор.— дитём, местн.— о дите; Никол. (Отв. № 266): дат.— дитю, местн.— дите; Дмитр.-Кур. (Отв. № 236): дитю, дитём; Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.): дитю, дитем; Жиздр. (Никольский): род.— дитя, дат.— дитю, твор.— дитём; Новосил. (Отв. № 88): дитё; Мышк. (Отв. № 78): дитё, дитём. Под влиянием *дитя — дети* явилось при **кура — кури*: ср. *курей, курям*, Мещов. (Черныш.); много *курей*, Дон. (Калмыков); при **утя — ути*: *утей*, Дон. (Калмыков); *кура* (дат. мн.), Домостр., Погод. № 1137, 115.

22. К общим великорусским явлениям относится переход суффикса *-ен* в склонении основ среднего рода на *-я* в *-ян*, причем переход этот вызван влиянием формы именительного падежа на формы косвенных падежей. Древнерусские памятники доказывают, что этот переход восходит к XIV в.: *племани*, Дв. гр. XV в.,

№ 7, 5; сѣмана, ів., № 116; сѣманъ, ів., № 116, I; во мнозѣхъ
времѣнѣхъ, Лавр.: бремѣны, Поуч. Ефр. Сир., 141а; рѣка пламѣни,
ів., 203в; времѣна, Ипат., 31г; племѣни Новоросс. сп. Новг.
4-й лет., 297б; писмѣнемъ (твор. ед.), ів., 423б; времѣни, ів., 443б;
племѣнѣ (дат.), Гр. 1548 (А. Ю., № 423); имяномъ, Гр. 1547
(А. Ю., № 22); имяны, Гр. 1577 (А. Ю., № 179); племѣни (дат. ед.),
Белоз. гр. 1529, № 43; ни однѣмъ веремѣнемъ, Северск. гр. 1393;

отсюда также в производных словах: племѣни^нцѣ, Белоз. гр. 1528,
№ 42; сѣманого, Дв. гр. XV в., № 93, 25; сѣманного, ів., № 35, 75,
17 и др.; времѣннѣа, Новоросс. сп. Новг. 4-й лет., 44 об.; безве-
ремѣніа, ів., 632а, имѣнинѣ, Ипат. 88г; пламѣнемъ, Поуч. Ефр.
Сир. 203в; знамѣнати, ів., 229а; пламѣньна, Колом. Пал., 25;
имѣны (твор. мн.), Домостр. Конш., 8; оу плѣмѣни, ів., 34; въ
пламѣнѣ розѣ, Сл. о п. Иг., 20¹; безвремѣнье, Послов. XVII в.
(Симони, 85); времѣна (им. мн.), ів., 125. Под влиянием замены -мен-
через -мян- в именах среднего рода такая же замена происходит
в слове² *игумень*, вместо которого в древнем языке диалекти-
чески *игумянѣ*, также в имени³ *Семень*, которое звучит как *Се-
мянѣ*. В современном языке сюда относятся: *семѣян*, Петроз. (Отв.
№ 30), Котельн. (Отв. № 35), Грязов. (Отв. № 36), Онеж.
(Отв. № 41), Буин.-Симб. (Отв. № 57), Нолин. (Отв. № 68),
Буйск. (Отв. № 18), моск.; с ударением — *сѣмян*, Орл.-Вят. (Отв.
№ 37); *сѣмян*, Нолин. (Отв. № 51); *имѣян*, *времѣян*, Олон. (Отв.
№ 29); *имѣян*, *Вытег.* (Отв. № 22); *времѣян*, *симѣян*, *Никол.* (Отв.
№ 266); *времѣян*, *Кадник.* (Отв. № 25); *времѣян*, *Устюжн.* (Отв.
№ 28); *имѣян*, *Петроз.* (Отв. № 30); *времѣян*, *Котельн.* (Отв. № 35);
имѣян, *времѣян*, *Грязов.* (Отв. № 36); *имѣян*, *Онеж.* (Отв. № 41);
имѣян, *времѣян*, *Нолин.* (Отв. № 68); *имѣян*, *времѣян*, *Нолин.* (Отв.
№ 51); *имѣян*, *Малмыж.* (Отв. № 105); *бремѣян*, *Холмог.* (Отв.
№ 50); *знамѣян*, ів.; *имѣян*, *времѣян*, *Белоз.* (Отв. № 162) и др.
Отмечу еще: *бремѣнѣа*, *знамѣнѣа*, *Холмог.* (Отв. № 50); *времѣнѣа*,
Устюжн. (Отв. № 28). Далее отмечено: *вымѣяни*, *симѣяни*, *знамѣяни*,
Вытег. (Отв. № 22). Но мне остается неясным, как понимать эти

¹ Этот пример, очевидно, попал по случайному недоразумению: здесь не
субстантивное образование (*пламя — пламен-и*), а прилагательное *пламян-ъ*
(старослав. *пламѣн-ъ*), с особым суффиксальным элементом из старейшего -еп,
выступающего в русском языке в виде -ши, в старославянском в виде -ѣи. (Ред.)

² В рукописи „проходит в слово“. (Ред.)

³ В рукописи: „имѣя“. (Ред.)

формы: если они действительно свойственны народному языку, не проникли ли образования с *-ен* в единственном числе все-таки из книжного языка? Ср. формы с *-ен-* не с *-ян-* в единственном числе, которые почти наверное можно объяснять как церковнославянизмы: моск.-лит. — семени, времени (*время* — слово церковное), бремени (*бремя* — тоже церковное слово); времени, имени, Онеж. (Отв. № 41); имени, времени, симени, Кадник. (Отв. № 26); времени, имени, Новг. (Отв. № 20); знамени, знаменем, Холмог. (Отв. № 50); времени, времиним, о времини, Великолуцк. (Отв. № 45); ўремини, Жиздр. (Никольский); в скоромь време, Петроз. (Шахм.). Думаю, что и родительные на *-ѣн* должны быть признаны церковнославянизмами: моск. — времѣн; имѣн, Буйск. (Отв. № 18); имѣн, времѣн, Олон. (Отв. № 29), Вытег. (Отв. № 22), Кадник. (Отв. № 26), Котельн. (Отв. № 35); времѣн, Орл.-Вят. (Отв. № 37); имѣн, Буин.-Симб. (Отв. № 57); семѣн, Слобод. (Отв. № 65). Не отрицаю, однако, возможности, что диалектически или же в некоторых словах могло удерживаться *-ен*; сюда в особенности относится *сьмена*, *семьна* (вин. мн.), Домостр. Конш., 45; *на сьмена* или *на ѣмена*, Домостр. Погод., № 1137, 90; ср. род. мн. — *семен*, Меленк. (Отв. № 247); *сѣмин*, Карсун. (Отв. № 67), хотя возможно, что и *сьмена* должно понимать как *сьмяна*.

Предыдущие указания делают вероятным, что формы с основой *-ен* в единственном числе сохранились в русском языке под книжным влиянием. Поэтому мы в единственном не находим вообще *-ян* (*вымяни*, *симяни*, *знамяни*, Вытег., составляют, как мы видели, исключения). Объясняется это тем, что имена, как *имя*, *время*, *семья* и т. д., в единственном числе во всем вообще великорус. наречии заменились образованиями на *-јѣ* среднего рода: им.-вин. — *семѣ* (отсюда в акающих говорах — *семья* или *сем'а*), род. — *семья*, дат. — *семю*, твор. — *семем*, местн. — *о семе*. Приведу примеры: *семѣ*, *семья*, *имю*, *времю*, *семѣм*, *о време*, Буйск.-Костр. (Отв. № 18); *нет время*, *имя*, *вымя* (род.), Покров. (Отв. № 10); *время* (род.), *времю*, *времем*, *о време*, Шуйск. (Отв. № 19); *времѣ* и *време*, Новг. (Отв. № 20); *вымѣ*, *пламѣ*, *стремѣ*, *на выме*, в *пламе*, в *семе*, *о време*, Устюжн. (Отв. № 28); *имѣ*, *семѣ*, *симѣ*, *времѣ*, Кадник. (Отв. № 26); *времѣ*, Котельн. (Отв. № 35); в худом *семе*, *весь дом в пламе*, Орл.-Вят. (Отв. № 37); *имѣм*, *семѣм*, *ів.*; *времѣ*, *имѣ*, *время*, *имя* (род.), Костр. (Отв. № 44); *время* (род.), *времю*, *времем*, *о времи*, Великолуцк. (Отв. № 45); *бремя*, *знамя*

(род.), знаем, бреми, знами (местн.), Холмог. (Отв. № 50); время, Буин.-Симб. (Отв. № 57); времё, время, времю, времем, о време, сею, семем, о семе, Меленк. (Отв. № 247); имё, времё, Никол. (Отв. № 266); тия, сия (род.), Сольвыч. (Отв. № 193); времю, времём, Кинеш. (Отв. № 250); времё, времю, о време, времем, Влад. (Обл. сл., 15); семё, семя, сею, семем, о семе, Нерч. (Обл. сл., 181); ўремя, ўремя (род.), ўремю (дат.), ўремем, Жиздр. (Никольский) и др. Гораздо реже видим проникновение этой новообразованной основы во мн. число: время (вин. мн.), временем, временем, времях, Буин.-Симб. (Отв. № 57); вре́мям (дат.), о времях, Кинеш. (Отв. № 250), имя (им. мн.), Казанск. (Будде, Сборн. в ч. Фортунатова).

23. Мы видели, что во всех русских наречиях окончания *-ов*, *-ев* сменило древнее окончание *-ъ* в именах мужского рода. Проникновение их в основы женского рода, известное, впрочем, не только в великорусском, но также в белорусском и украинском произошло уже в отдельной, обособленной жизни этих наречий. Это видно из того, что подобные образования, во-первых, свидетельствуются почти только современным языком; во-вторых, из того, что и в современном языке они не получили общего распространения.

В именах женского рода окончания *-ов*, *-ев* являются особенно часто в замену такой формы род. мн., где требовалась вставка беглых *о*, *е*. Так, вместо *свадеб*, *ложек*, *барок*, *деревень*, *песен* явились *свадьбов*, *ложков*, *барков*, *деревнев*, *песнев*. Приведу примеры: *избов*, *палков*, Астрах. (Отв. № 17); *кохточков*, *девушкав*, *девачкав*, Мещов. (Черныш.); *удочкав*, *песняв*, Дон. (Калмыков); *деревнев*, Котельн. (Отв. № 46); *избов*, *ib.*; *поварешков*, *чашков*, *ложков*, Холмог. (Отв. № 50); *книжков*, *рукавичков*, Яранск. (Отв. № 59); *избов*, *палков*, *чашков*, *лошков*, *ib.*; *избов*, Кинеш. (Отв. № 66); *песняв*, Новосил. (Отв. № 77); *избов*, *чашков*, *ложков*, Великоуст. (Отв. № 195); *палков*, Малмыж. (Отв. № 79); *картошков*, *пуговков*, *книжков*, Орл.-Вят. (Отв. № 63); *барков*, *барошнёв*, Слобод. (Отв. № 222); *ложков*, Галич. (Отв. № 55); *ложков*, *чашков*, Камышл. (Отв. № 89); *избов*, Красноуф. (Отв. № 139), Кунгур. (Отв. № 134); *вилков*, *болезнев*, Влад. (Обл. сл., 13); *ложков*, *болезнев*, Переясл. (Обл. сл., 17); *свадьбов*, *песнёв*, Уфим. (Обл. сл., 166); *красных* *девушкѣф*, Чебокс. (Будде, Сборн. в ч. Фортунатова); *печкаф*, *рюмкаф*, *деньгаф*, *песьниф*, *пригоршеф*, Терск.-Моздок. (Караулов) и др.

Далее находим *-ов* преимущественно в словах, попавших в народную речь из книжной, притом, быть может, в форме множественного числа: книгов, Малмыж. (Отв. № 79), Холмог. (Отв. № 50), Котельн. (Отв. № 46), Слобод. (Отв. № 222), Великоуст. (Отв. № 195), Яранск. (Отв. № 59), Красноуф. (Отв. № 139); птицов, Котельн. (Отв. № 46), Малмыж. (Отв. № 79), Галич. (Отв. № 55), Красноуф. (Отв. № 139); комнатав, Дон. (Калмыков); комнътаф, Касим. (Отв. № 47); комнатав, Новосил. (Отв. № 77), Грайвор. (Отв. № 279); картинов, Малмыж. (Отв. № 79); иконов, Камышл. (Отв. № 89); фабрикаф, Дмитров. (Черныш.); менинницав, Мещов. (Черныш.); нахлебницав, *ib.*; житницав, Терск.-Моздок. (Караулов); тетрадяв, Мещов. (Черныш.); картов, Орл.-Вят. (Отв. № 63); азбуков, *ib.*; ножницов, *ib.*; бумагов, *ib.*; милостёв, Уфим. (Обл. сл., 166); бумагов, Малмыж. (Отв. № 105). Кроме этого, *-ов* является только в единичных случаях; например в *pluralia tantum*, как: дверев, Холмог. (Отв. № 50); кудрев, Уфим. (Обл. сл., 166); или, например в: пастеляф, Касим. (Отв. № 47); пастелиф, Терск.-Моздок. (Караулов); лопатов, Яранск. (Отв. № 59); звездов, *ib.*; ягодов, Орл.-Вят. (Отв. № 69); дугов, Малмыж. (Отв. № 103); жерьдяв, Жиздр. (Никольский); сваяв сколько побили, Мещов. (Черныш.); невестов, Уфим. (Обл. сл., 166); душеф много надо, Чебокс. (Будде, Сборн. в ч. Фортунатова); козов, Яросл. (Тихвинский). Совершенно единичны случаи с ударением на окончании: вадóв у нас нет, Егорьев. (Черныш.).

24. В единичных случаях проникало в великорусской области окончание *-у* в местном единственного среднего рода. Приведу известные мне примеры, отметив, что они большею частью относятся к западным говорам южновеликорусского наречия, причем это стоит в связи с распространенностью рассматриваемого явления в белорусской области: на однём зярнóу, Грайвор. (Отв. № 279); на плячю нясётъ дубинку, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В., 1880); ва чистóm пóлю, *ib.*; на синём мóрю, *ib.*; у гнёздушку, *ib.*; на паветтю, Жиздр. (Шахм.); в Полесью. Мещов. (Черныш.); в этом числу, *ib.*; в акну, об сену, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236); у полю, Мосал. (Шахм.), Льгов. (Отв. № 76); у вакну, *ib.*; на мясьтечку, Жиздр. (А. Никольский); у полю, у вакну, у варешанью, у вишанью, у морю, Новосил. (Отв. № 77). Восточнее находим: у полю, в акну, Касим. (Отв. № 47). Единично в северновеликорусском: на лицóу, Устюжн. (Отв. № 28). Еще реже найдем *-у* в род. падеже: возле полю, Кинеш. (Отв. № 250).

25. Весьма распространено в великорусской области окончание родительного множественного *-ов* в именах среднего рода. Преимущественно находим его под ударением при ударяемом окончании *-а* в именительном множественного. Ясно, что здесь сказалось влияние мужеских слов с окончаниями *-а*, *-ов* во множественном (*городá — городóв*). Приведу примеры: полёв, Гдов. (Отв. № 11); полёв, делов, сенов, Буйск. (Отв. № 18); делов, местов, Кадник. (Отв. № 25); телов, делов, местов, Кадник. (Отв. № 26); делóв, местов, бельмóв, Устюжн. (Отв. № 28); местоў, телоў, Петроз. (Отв. № 30); делов, местов, телов, Кадник. (Отв. № 31); полёв, делов, местов, Остр. (Отв. № 33); делоф, местоф, Самар. (Отв. № 40); войсков, средствов, семянóв. Мещов. (Черныш.); делов, местов, Великолуцк. (Отв. № 45); делов, Богородск. (Черныш.); дялоф, Касим. (Отв. № 47); делов, Холмог. (Отв. № 50); делов, местов, Нолин. (Отв. № 51); делов, местов, Макара. (Отв. № 56); полёв, пивов, делов, местов, Буин.-Симб. (Отв. № 57); полёв, телов, делов, местов, Яранск. (Отв. № 59), Кинеш. (Отв. № 66); полёв, местов, делов, Карсун. (Отв. № 67); дялóв, Новосил. (Отв. № 77); полёв, делов, местов, Покров. (Отв. № 244); делов, полёв, Тотем. (Отв. № 198); телов, делов, местов, полёв, Тотем. (Отв. № 201); делов, телов, Великоуст. (Отв. № 199); полёв, Орл.-Вят. (Отв. № 63); полёв, телов, Слобод. (Отв. № 65), Слобод. (№ 222); делов, Волог. (Отв. № 82); пивóв, делóв, местóв, Никол. (Отв. № 266); семянóв, Валуйск. (Отв. № 261); семенов, стременóв, Слобод. (Отв. № 53); местов, Галич. (Отв. № 55); мястов, дялов, Грайвор. (Отв. № 279); полев, пивов, Крестецк. (Отв. № 160); дялов, мястов, Брянск. (Отв. № 259); полёв, Красноуф. (Отв. № 138); делов, сенов, озерóв, Рыльск. (Обл. сл., № 96); симянóв, дялов, Жиздр. (Никольский); дялоф, Терск.-Моздок. (Караулов). По видимому, можно выставить как общее правило, что слова среднего рода, имеющие в именительном множественного ударение на *-а*, образуют в диалектах род. мн. на *-ов*: пивá, делá, телá, поля, войска, местá, семенá, стременá, диалект.— болотá, озерá. Отметим: симёв, Казанск. (Будде, Сбóрн. в ч. Фортунатова), при *симя*.

Совершенно отдельно от приведенных образований стоят те родительные множественного на *-ов*, которые имеют при себе неударяемое окончание *-а* в именительном множественного. Появление *-ов* в таких случаях находится в связи с заменой *-а* через *-ы*, окончание мужеского рода (см. ниже).

26. Общим для всей великорусской области явлением оказывается замена неудараемого окончания именительного-винительного множественного среднего рода *-а* через *-ы*, заимствованное из слов мужеского рода. Приведу примеры. В древнем языке: унѣша бо градомъ забралы, Сл. о п. Иг., 22; взмути рѣки и озеры, *ib.*, 21; чрезъ облаки, *ib.*, 30; поросѣты, Послов. XVII в. (Симони, 129); патны своѣ вѣсклалѣ, Ипат., 193 в; житы, у В. Майкова; вороты, болоты, брѣвны, теляты, ягняты, Покров. (Отв. № 10); брѣвны, вѣслы, вороты, Олон. (Отв. № 29); вороты, болоты, брѣвны, вѣслы, окны, кольцо, Шуйск. (Отв. № 19); ворóты, брѣвны, вѣслы, Новг. (Отв. № 20); зѣрны, вороты, болоты, вѣслы, Алатыр. (Отв. № 32); вороты, брѣвны, вѣслы, балóты, Остр. (Отв. № 33); кольцо, болоты, вороты, Котельн. (Отв. № 33); окны, гумны, кольцо, гнезды, ѣицы, Дон. (Калмыков); гнезды, седлы, ведры, вороты, болоты, бревны, веслы, окны, кольцо, сукны, житы, ребята, дровы, Великолуцк. (Отв. № 45); семѣйствы, болоты, Богородск. (Черныш.); вороты, веслы, бревны, стекла, Холмск. (Отв. № 54); вороты, гнезды, бревны, колены, Буин.-Симб. (Отв. № 57); выскресеньи, *ib.*; болоты, бревны, стойлы, веслы, Яранск. (Отв. № 59); полотны, гумны, окны, сѣлы, кольцо, болоты, Зубцов. (Отв. № 60); вороты, окны, зерны, стекла, Карсун. (Отв. № 67); вороты, болоты, брѣвны, вѣслы, Нолин. (Отв. № 68); окны, сѣлы, гумны, яйцы, кольцо, Новосил. (Отв. № 77); вороты, брѣвны, вѣслы, болоты, Покров. (Отв. № 244); болоты, Великоуст. (Отв. № 199); вороты, болоты, веслы, Слобод. (Отв. № 141); ребята, Слобод. (Отв. 120); кольцо, Слобод. (№ 222); окны, ѣйцы, вѣслы, креслы и кряслы, *ib.*; вороты, болоты, бревны, веслы, Меленк. (Отв. № 247); вороты, веслы, бревны, Великоуст. (Отв. № 195); окны, Валуйск. (Отв. № 261); вороты, болоты, бревны, Малмыж. (Отв. № 79); вороты, брѣвны, веслы, Галич. (Отв. № 55); вокны, сѣлы, кольцо, Грайвор. (Отв. № 279); болоты, Карсун. (Отв. № 67); вороты, Белоз. (Отв. № 166); вокны, сѣлы, полотны, Брян. (Отв. № 259); варóты, балóты, бѣрны, дровы, *ib.*; кольцо, Камышл. (Отв. № 89); за вароты, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В. 1880); балóты, *ib.*; ведры, вокны, стекла, карамыслы, Обоян. (Резанов); сѣлы, вароты, дровы, пятны, вазѣры, вѣдры, стѣклы, писмы, уши, Жиздр. (Никольский); палóтны, гумны, окны, балоты, Терск.-Моздок. (Караулов); дровы, балоты, ребята, Мосал. (Шахм.); гумны, *ib.* Белинский: окны, стекла, солнцы, полотенцы (при *окна, стекла*). И в литературной нашей речи окончание *-ы, -и* утвердилось в умень-

шительных на *-ечко, -ышко*; мы говорим и пишем: *колечки, крылечки, крылышки* (*колечка, крылечка, крылышка*, Соликам., Луканин, Арх. II Отд.). Впрочем, вообще *-ки* вместо *-ка* неудараемого, что доказывает существование и *-ы* в неударенном слого вместо *-а*: *яблоки*; но *-а* держится там, где в ед. числе ударение на *-о* (как, например, *сѣла* при *селѡ*). Отмечены: бревна, Олон. (Отв. № 29); ворота, Новг. (Отв. № 20); дружища, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.).

Понятно, что в родительном множественного при таком окончании *-ы* под влиянием слов мужеского рода явилось *-ов*. Примеры: полотѣнцев, блюдцев, Устюжн. (Отв. № 28); сѹднов, писѣмов, болотов, *ib.*; окноѹ, Петроз. (Отв. № 30); бревнов, болотов, отделений, Мещов. (Черныш.); гнездѣф, Касим. (Отв. № 47); креслов, пряслов, окнов, Холмог. (Отв. № 50); окошков, Нолин. (Отв. № 51); выскресеньив, Буин.-Симб. (Отв. № 57); рѹжьев, Яранск. (Отв. № 59); окнов, *ib.*; ѡкнов, Карсун. (Отв. № 67); кольцов, ѡкнов, Новосил. (Отв. № 77); окнов, Тотем. (Отв. № 201), Великоуст. (Отв. № 199); сукнов, Малмыж. (Отв. № 103); окнов, Орл.-Вят. (Отв. № 63); одеялов, *ib.*; коромыслов, окошков, Слобод. (Отв. № 222); окнов, Малмыж. (Отв. № 79), Галич. (Отв. № 55); телятов, Красноуф. (Отв. № 139); лицов, прошеньѣв, Шенк. (Обл. сл., 9); стѣклов, намереньев, Влад. (Обл. сл., 15); веслов, ведров, окнов, Уфим. (Обл. сл., 166); также *пѹвов* в нескольких сообщениях, если это не *пѹвѡв*, ср. *пѹвѡв*, Покров. (Отв. № 244), *зеркалов* при *зеркал* (Белинский, Основ. русской грам.), *солнцев*, *ib.*; современные литературные *кушаньев, платьев, угодьев, устьев*, у Белинского: *ружьев, вареньев, зельев*. Сюда же относятся некоторые родительные на *-ов* с ударяемым окончанием, являвшимся при именительном множественного на *-ы* под влиянием того, что и в мужеском роде при неударенном *-ы* было известно в некоторых словах в родительном *-ов* (*годы — годов, волки — волков*): *вядрѡв, сялов, вяслов, гняздов*, Новосил. (Отв. № 77); *сѣлѡв*, Покров. (Отв. № 244), мало *селов*, Орл.-Вят. (Отв. № 63); *селов*, Малмыж. (Отв. № 79); *сядлов*, Грайвор. (Отв. № 279); *гняздоф*, Терск.-Моздок. (Караулов). Старые формы: *полотѣнец, блюдец*, Устюжн. (Отв. № 28); *сѹдѣн, писѣм, ib.* В форме *двух ведер*, Петроз. (Шахм.), можно видеть контаминацию двух форм: *ведер* и *ведров*. От *время*, имя имеем род. мн. *врѣмев, ѹмев*, Слобод. (Отв. № 15)¹.

¹ Ср. еще *симѣв*, указанное на стр. 354. (Ред.)

27. Рассматривая в числе общих всем русским наречиям особенностей вторжение окончаний *-ов*, *-ёв* и *-ей* в родительном множественного старых основ на *-ǫ* и *-jǫ*, мы отложили до настоящего, великорусского отдела указание на диалектическое явление, состоявшее в следующем распределении этих окончаний: *-ов* употреблялось только в именах, оканчивавшихся в именительном множественного на *-ы*, а *-ей* только в именах, имевших окончание *-и*. Такое явление свойственно многим великорусским говорам, между прочим, и московскому: *городов, плодов, годов, но царей, товарищей, плащей, палачей, людей, путей, соседей*; *-ей* находим также при именах на *-а* после мягкой согласной: *учителей*. Что это явление древнее, видно из следующего: от основ, оканчивающихся на *ш* и *ж*, находим род. на *-ей*, несмотря на то, что в настоящее время именительный множественного звучит с *-ы* вместо *-и*: *ножы — ножей, ковшы — ковшей*, также *сторожа — сторожей*. Что было бы основание ожидать вместо *-ей* в таких именах *-ов*, видно из того, что в основах на *-ц* родительный множественного оканчивается на *-ов*, именительный множественного на *-ы*: *купцы, купцов*. Между тем ясно, что *купцы* звучало некогда *купци*. Из этого обстоятельства возможен, кажется, такой вывод: интересующее нас распределение окончаний произошло после отвердения *ц* (в великорусском оно было, как мы знаем, диалектическим, но широко распространенным явлением), но до отвердения *ш*, *ж*. В говорах, сохранявших мягкость *ц*, естественно являлось в род. мн. *-цей*, а не *-цев*: ср. *огурцей*, Кадник. (Обл. сл., 30); *отцей*, Верхот. (Отв. № 154); *молодцей, месяцев, Каргоп. (Отв. № 106); отцей, огурцей, купцей, молодцей, Тотем. (Отв. № 196а), Онеж. (Отв. № 41), Петроз. (Отв. № 30) и т. д.* В московском наречии колебание между *-ей* и *-ёв* обнаруживается только в именах, оканчивающихся во множественном на *-ья*: *князья, друзья, сыновья* имеют *князей, друзей, сыновей*; но *кумовья — кумовьёв* (однако у Крылова: *кумовей* в басне „Крестьянин в беде“), *зятья — зятьёв* (при *зятей*). Слова на *-ья* (неударяемое) имеют последовательно *-ёв*: *братьёв, холопьёв* (например, у Пушкина при именительном множественного *холопья*), *листьёв, прутьёв*. Равным образом находим *-ёв* от имен на *-ьи*: *воробьёв, соловьёв*. Можно думать, что *-ёв* не было вытеснено в таких случаях через *-ей* ввиду того, что языку были вообще чужды родительные множественного на *-ьей*; диалектически является, однако, отмеченная нами и раньше форма *воробьей*, Холмог. (Отв. № 50). Род. *тетеревей* (у Тургенева)

при *тетеревов* (у него же) предполагает в им. мн. форму **тетеревья* при *тетерева* (по аналогии *сыновья* при древнем *сыновá*).

28. Диалектически в великорусском является окончание *-а* вместо *-и* в именительном множественного слов женского рода, и притом не только в южновеликорусском, но и в северновеликорусском наречиях. Такое *-а* проникло, конечно, из имен мужского рода. Чередование в мужеском роде *учѣтели* и *учителя* и т. п. повлияло на появление при *лошади* — *лошадя́* и т. д. Приведу примеры: *податя́, яблоня́, зеленя́*, Саратов. (Шахм.); *лошадя́, податя́; вешша́*, Остр. (Отв. № 33); *пустоша́*, Остр. (Отв. № 33), Гдов. Отв. № 25), Петроз. (Отв. № 30); „Мы въехали в „мелочá“ (т. е. в мелкий лес), Тургенев „Записки охотника“ („Смерть“). Отмечу еще *комнатя́* от им. ед. *комната́*, Медын. (Лебед. Е., Слов. Акад.).

29. Диалектически, и притом, как кажется, только в северновеликорусской области, вместо окончания *-ми* является в творительном окончание *-мы*. Как увидим, такое же окончание свойственно некоторым белорусским говорам¹ (определенной группе их). Думаю, что *-мы* явилось вместо *-ми* под влиянием твердого *-м* в дат. мн., а также окончания² дат.-твор. дв. *-ма*, которое, как видели, до сих пор заменяет диалектически окончание творительного множественного. Подобно тому как это *-ма*, подвергшись влиянию окончания *-ми*, перешло в *-мя* (см. об этом ниже), так же точно *-ми* под влиянием *-ма* изменилось в *-мы*. Приведу примеры: за *ягодмы, лошадымы, слезмы, конямы, деньга́мы, рука́мы, жерды́мы*, Вытег. (Отв. № 22); с *корова́мы, за ягода́мы, за гриба́мы, с ва́мы, с на́мы, за добра́мы людьми́*, Петроз. (Отв. № 30); с *работника́мы, за коня́мы, с робя́тамы*, Петроз. (Отв. № 34); с *людя́мы, за гриба́мы*, Новг. (Отв. № 20).

30. Более широкое распространение получило произношение *-мя* вместо *-ма*, явившееся под влиянием *-ми*. Увидим ниже, что это произношение свойственно и некоторым белорусским говорам³. Общим русским должно признать *двумя, тремя, четырьмя* непосредственно вместо *двумá* и т. д. под влиянием *двуми́*. Ср. еще диалектические формы: *двумя́*, Холмск. (Отв. № 54); *трёмя́*, Яранск.

¹ Имеется в виду специальный отдел о белорусских явлениях, который А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

² В рукописи. „в окончании“. (Ред.)

³ Имеется в виду специальный отдел, который А. А. Шахматовым не был обработан. (Ред.)

(Отв. № 59); чаты́рмя, Грайвор. (Отв. № 279); четы́ремя, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.); четыремя скалами, у Державина („Водопад“); трюмы́, Алатыр. (Отв. № 32). Такого же происхождения форма *обемя*, Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.). Как мы знаем из предыдущего, окончание *-ма* (по происхождению окончание твор.-дат. дв.) проникало диалектически на место *-м* и *-ми* в дательном и творительном множественного местоимений и прилагательных (и лишь в единичных случаях существительных, см. выше). Замечательно, что это *-мя* сохранилось только в местоимениях, и притом только под ударением; такое *-мя* находим особенно часто в восточных севернорусских говорах, и притом как в творительном, так и в дательном падежах: *я* сколько раз *имя* говорил, Орл.-Вят. (Отв. № 37); *я* уж с *имя* толковал, *ив.*; *дайте имя*, Котельн. (Отв. № 35); с *имя*, *ив.*; *всемя* (твор.), *имя́* (дат.), Глазов. (Отв. № 7); с *нимя́*, Алатыр. (Отв. № 32); *всемя́*, Покров. (Отв. № 10), Новг. (Отв. № 20). Наречия на *-ма* точно так же изменялись в *-мя*: *ва́льмя валит*, Никольск. (Отв. № 266); *стоймя*, *кишмя*.

31. В северновеликорусской области вместо окончания *-ми* находим *-м*. Думаю, что *-м* нельзя возвести фонетически к *-ми*: оно заменило *-ми*, проникши из формы дательного множественного. Смешение дательного и творительного множественного вызвано совпадением обеих падежей в двойственном числе и стоит в прямой связи с проникновением окончания *-ма* из двойственного во множественное число. Форма *-мы* вместо *-ми*, как мы видели, свидетельствует о широком распространении *-ма* во множественном числе; но *-ма* в настоящее время свойственно почти исключительно местоимениям и прилагательным. То же, можно думать, было и в древности, а отсюда возможность предположения, что и *-м* вместо *-ми* явилось первоначально в прилагательных и местоимениях: *с нам*, *с большим*, *с милым*, *с красным*; и уже отсюда: *с большим сапогам*, *с милым девушкам*, *с красным девушкам*. В настоящее время *-м* находим вместо всякого вообще *-ми* и даже вместо ударяемого, а также вместо *-мя* в числительных. Приведу примеры: *двум*, *трем* (вместо *двумя*, *тремя*), Малмыж. (Отв. № 38), *с нам*, *с лошадям*, Гдов. (Отв. № 11); *с лошадям*, *с детям*, Бежецк. (Отв. № 6); *за лугам*, *за грибам*, Буйск. (Отв. № 18); *за рыба́м*, *с добрым люда́м*, Новг. (Отв. № 20); *с лошадям*, *с мужикам*, *под домам*, Вытег. (Отв. № 22); *рука́м*, *нога́м*, Волог. (Отв. № 24); *под нога́м*, *когтя́м*, Кадник. (Отв. № 25); *слеза́м*, *ягода́м*, *с милым девушкам*, *с березовым*

дровам, с большим сапогам, с нам, Кадник. (Отв. № 26); с дитям, с ногам, с тем, Устюжн. (Отв. № 28); за полям, за ягодам, слышать ушам, Петроз. (Отв. № 30); с красным девушкам, тым делам, Остр. (Отв. № 33); под ногам, с детям, Котельн. (Отв. № 35); с кускам, берут рукам, жнут серпам, Орл.-Вят. (Отв. № 37); с трём лошадям, *ib.*; с осиновым дровам, за полям, рукам, Малмыж. (Отв. № 38); с лошадям, под ногам, Новорж. (Отв. № 39); с нам, с милым девушкам, с лошадям, Онеж. (Отв. № 41). Неясно: своими добрымъ домами живѣтъ, Домостр. Конш., 66.

Приведенные формы сознаются говорящими и как дательный множественного, и как творительный. Возможность употребить *рукам* и в том, и в другом значении ведет за собой следующее явление в речи тех лиц, которым свойственна эта особенность, когда они усваивают себе городскую речь. Они заимствуют из нее окончание *-ми* и употребляют его не только как окончание твор., но и дат. множественного. Ср. благодарим вами, по камнями ходить худо, Новг. (Отв. № 20, с указанием, что это свойственно „деревенским модникам“); дать корму лошадьми, к добрыми родителям, Котельн. (Отв. № 35); ходил по полями, подъехал к лугами, Орл.-Вят. (Отв. № 37, с указанием, что так говорят только люди бывалые); к добрыми людьми, Буйск. (Отв. № 18, с указанием на редкость подобных оборотов).

32. Во многих великорусских говорах имел место переход *ь* в конечном неударяемом слого в *и*. Вследствие этого в некоторых падежных окончаниях оказывалось налицо чередование двух звуков: *-е* (или *-ь*) под ударением и *-и* в неударяемом слого. Результатом этого было или перенесение *-е* на место *-и* в неударяемые окончания, или обратное перенесение *-и* на место *-е*. Первого рода явление находим, например, в московском наречии. Фонетически конечное *-ь* перешло здесь в *-и*, что видно из таких примеров, как *двести, колени*. Поэтому *-е* (откуда вследствие редукции *ε*: в *ка-рѳвѣ, в гѳрадѣ, в гѳрѣ*) заимствуется из случаев, где *е* под ударением (*галавѣ, на канѣ* и т. д.). Обратное перенесение находим в ряде севернорусских говоров. Его можно доказать уже в XV в. Большая часть Двинских грамот этого времени не изменяет *-ь* под ударением, так же как вообще в середине слова в *-и*; но такое изменение обязательно в конце слова: *по сили, по Степани, оу глухомъ погости, на Коневѣ островѣ, в заклади, Федосьини вѣни* (род.) и т. д. Отсюда *-и* переносится и в ударяемые окон-

чания: на *Лукинѣ береги*, на *двори*, по старини, на *лѣтної сторони*, на *гори*, на *голови*, на *маломъ островки* и т. д. В современных говорах отмечу, например: на *сукні*, Вытег. (Отв. № 22); на *потолки*, в *платки*, на *чердаки*, Петроз. (Отв. № 30).

33. Вытеснение винительного падежа *ю* через *ее*, *еѣ* вызвало появление родительного падежа на месте винительного падежа женского рода и в других местоимениях: *ту*, *саму*, *всю* могли вытесниться формами *тое*, *тоѣ*, *самое*, *самоѣ*, *всее*, *всѣѣ*: пишу сее духовную грамоту, 1568 (Акты Холмог., № 1). Но, кроме того, диалектически в великорусской области возникали в результате взаимного чередования старой и новой формы в винительном падеже женского рода и новообразования. Так, вместо *всю* известно *всѣ*, Котельн. (Отв. № 35). Путем контаминации явились *всюю*, Покров. (Отв. № 10); *ею*, Петроз. (Шахм.); обратно: *всюѣ*, *туѣ*, *самуѣ*, *однуѣ*, *ѣтуе*, Устюжн. (Отв. № 28).

34. Мы говорили выше об общем великорусском вытеснении окончаний мягких основ окончаниями, заимствованными из твердых. Местоимения сохранили, однако, старые окончания, ср. *-ей* в *моей*, *-их*, *-им* в *моих*, *моим* (при *-ой*, в *той*, *одной*, или при *-ех* в *тех*). Уже на почве влияния одних местоимений на другие или одних форм на другие явилось вытеснение старых окончаний. Об изменении *моих*, *моим* в *моех*, *моем* мы говорили выше: оно вызвано влиянием на косвенные падежи именительного множественного *мое* (с *е* из *ь*) (по форме это исконный вин. мн.). Здесь укажем на диалектическое вытеснение *-ей* через *-ой* под влиянием *-ой* в *той*, *одной*, *самой* и т. п. Так явилось произношение *с ней*, *моѣй*, *со своѣй* и т. д., проникшее частью в литературную речь (преимущественно северян); ср. *ѣй* — род. и вин., Петроз. (Шахм.).

35. Мы отметили выше ряд новообразований в притяжательных местоимениях, свойственных всем вообще русским говорам; отнесли мы сюда *егоный*, *ихный* или *ихний*, *мойский*, *твойский*, *свойский*, *ихый*. В великорусской области явился еще ряд подобных новообразований, имеющих большей частью только диалектическое распространение. Сюда относятся: *ейный*, произведенное, по-видимому, от формы род. *ей*; ср. *ейный*, Гдов. (Отв. № 11); *ейно*, Петроз. (Отв. № 12); *ейная* дочка, Буйск. (Отв. № 18); *ейный*, Олон. (Отв. № 29), Новг. (Отв. № 20), Устюжн. (Отв. № 28); *ейнѣи*, Самар. (Отв. № 40); *ейной*, Онеж. (Отв. № 41), Шенк. (Отв. № 235); *ейный*, Галич. (Отв. № 55), Великоуст. (Отв. № 195),

Никол. (Отв. № 266) и т. д.; ёйный, Олон. (Отв. № 29), Новг. (Отв. № 20). Далее: *ёйнин*, Петроз. (Рыбников). Далее: *егонов*, Вытег. (Обл. сл., 119); *евонов*, Борович. (Обл. сл., 112). Далее: *нашинский, вашинский, ихинский*, Вят. (Верещагин, Арх. II Отд.); *нашинской*, Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.); *жихънскъй*, Самар. (Отв. № 40); *эвоинский*: *евоинский*, Вят. (Верещагин). Далее: *твоённый, своённый*, Холмог. (Отв. № 50); *твоейный*, *ib.*; *своейный*, *ib.*

36. Как мы знаем, еще в древнейшую эпоху жизни русского языка сравнительная степень перешла в разряд несклоняемых слов. В великорусском наречии особенного внимания заслуживают следующие явления. Формы на *-ъје (-еје), (-аје)* (*сильнѣе, сильнее, ближе*) должны были фонетически измениться в *-ъја (-еја) -аја*. Ср. в южновеликорусском, например, *сярея, худея, краснея*, Касим. (Отв. № 47); *синея, Обоян.* (Резанов), в северновеликорусском¹.

Таким образом, форма сравнительной степени сблизилась с формой деепричастий на *-ья (-ея)*, как *краснея, стареясь, желтея, богатея* и т. д. Это было основанием для появления целого ряда новообразований. Во-первых, вместо *-ея* диалектически явилось *-еючи*: *здоровеючи*, Дон. (Калмыков); *левеючи, сереючи*, Мосал. (Шахм.); во-вторых, книжные причастные формы на *-еющий* получили значение превосходной степени: *дobreющий*, Верхотур. (Отв. № 154). Окончание *-ея* под влиянием *-ая* (в положении за шипящими) перешло диалектически в *-ая*, а именно в северновеликорусских говорах находим: *скорая, добрая, веселяя*, Бирск. (Отв. № 112); *беляя, добрая* (там же: *жарчяя, жальчяя, лучшяя*), Никол. (Отв. № 266); *доброе, скурое*, Вытег. (Отв. № 22, там же: *ловцяе*); *добрая, новья, быстрая, зеленяе, миляё*, Верхотур. (Отв. № 154); *скорое, веселяе* (там же: *тишае, громчае, корочае*), Арханг. (Кузмищев); *слабье* (там же: *громчае, кручае, тишае, строжае*), Шенк. (Обл. сл., 9); *веселяя*, Кирилл. (Отв. № 205); *бияя* (там же: *бойчая, строжая*), Соликам. (Луканин, Обл. сл., 137); *бедные*, Нерч. (Обл. сл., 181; там же: *ближае, лучшае*); *доброе, тепляе, холодные* (там же: *жарчае*), Соликам. (Словцов, Арх. II Отд.); *бияя, глупья, тяжеляя, крутяя* (там же: *сушая, строжая, ближая*, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.)). Известны также и сокращенные (благодаря стяжению) образования: *добря́, та рубаха новя́*, Верхотур. (Отв. № 154); *тесня́, сушя́, строжа́*, Соликам. (Луканин, Обл. сл., 137); *миля́, горча́, тяжеля́*, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.). Другим

¹ Далее примеры не приведены. (Ред.)

изменением окончаний *-ее, -ея, -яе, -яя* было изменение их в *-ей, -яй*; вызвано оно параллельными формами, как *сильнейше, скорейше*: ср.: мой конь сильнейши тваяго, ён хитрейши тебе, Брян., (Отв. № 259); пажывейшы, паскарейшы, Жиздр. (Никольский); паскарейши, Мосал. (Шахм.); сюда будить крючнейши, ів.; паскарейша, Грайвор. (Отв. № 269). Очевидно, такие образования свойственны только западной группе южновеликорусских говоров. Так явились наши литерат.: скорей, веселей, сильней, горячей; диалектически — богáтей, Новосил. (Отв. № 77); скаряй, веселяй, Касим. (Отв. № 47); смеляй, Арханг. (Кузмищев); поливай, Повен. (Шахм.). Окончания *-ее, -ей, -яе, -яй* довольно последовательно вытеснили старое окончание *-е*: должей, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236); дешейше, Кирилл. (Отв. № 167); тончей, шыпчей, жарчей, далжей, ближай, тишей, Брян. (Отв. № 259); жарчее, Мышк. (Отв. № 78); шипчей, должей, жарчей, Новосил. (Отв. № 77); должее, шибчее, Льгов. (Отв. № 76); прощее, жарчей, шыпчей, Зубцов. (Отв. № 60); лучшей, хужай, Касим. (Отв. № 47); плóшей, бóльшей, мёньшей, лучшей, Егорьев. (Черныш.); шипчея, Великолуцк. (Отв. № 45); ближáе, Дон. (Калмыков); прощее, Жиздр. (Шахм.); пращей, далжей, шыпчей, выший, Жиздр. (Никольский); дешевля, Соликам. (Луканин, Арх. II Отд.). Однако старое окончание местами сохраняется: мене, тоне, дале, боле, Вытег. (Отв. № 22); мене, боле, Мещов. (Черныш.); боля, меня, даля, тоня, Обоян. (Резанов); и в особенности после *ж, ч, ш*, как: выше, крепче, ближе и т. д. Перенос *-е*: поскúпе, тёпле, Мещов. (Черныш.). Окончание *-е* заменяется окончанием *-ше* под влиянием аналогии: при *боле* существовало *больше* (образованное от основы *больш-*); так, находим: ширшы, Брян. (Отв. № 259); ширьше, Мещов. (Шахм.); блище (из *ближше*), Мосал. (Шахм.); длиньшы, тижельша, лучча (из *лучше*), Жиздр. (Никольский); прошше, Новосил. (Отв. № 77); дяшовшы, чажельшы, Брян. (Отв. № 259); тяжельше, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236); дешевше, Валуйск. (Отв. № 261); тяжёльше, Никольск. (Отв. № 266); дешевше, Новосил. (Отв. № 77). Кроме того, *-ше* заменяет и *-ее*: длинше, здоровше, Никол. (Отв. № 266); длиньше, здоровше, Онеж. (Отв. № 262); длиньша, Грайвор. (Отв. № 279), длиньше, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236); слапше, Валуйск. (Отв. № 261); слабже, Мещов. (Черныш.). Окончания *-ейше* и *-ше* подвергались нефонетической замене через *-ейче* и *-че*, по-видимому, под влиянием *-че* в *крепче, шибче, мельче, легче* и т. д. Так явились: скорейча, Льгов. (Отв. № 76); скорейча, Новосил. (Отв. № 77);

поскарейчи, поживеичи, Мещов. (Шахм.); памирьнеича, вяселеича, Жиздр. (А. Никольский); скорееиче, Моршан. (Обл. сл., 164); скореича, Дмитр.-Кур. (Отв. № 236). Тот же суффикс *-че* может заменять и *-је*: ср., ловчаіе, Моршан. (Обл. сл., 164). Отмечу еще несколько случаев смешения суффиксов: при *глыбчи, крепчи, мягчи*, Брян. (Отв. № 259) находим *глыпша*, Жиздр. (Никольский); *поглыбше, поглубше, мягше, легше*, Мещов. (Черныш.); *глубже*, Моск.; при *прытче*, Моск., — *прыже*, Моршан. (Обл. сл., 164); при *дóлжи*, Брян. (Отв. № 269), — *долже, подолже*, Мещов. (Черныш.) — *дольше*, Моск.; вместо ожидаемого *швыдче* — *швыжа*, Грайвор. (Отв. № 279).

37. Мы видели, что общим для всех русских наречий было появление окончания родительного *-у* вместо *-а*: 1) в словах со значением вещества или собрания предметов; 2) в словах, означающих местность или место; 3) в словах со значением отвлеченным. Едва ли при этом можно доказать наличие ограничительных условий в зависимости от ударения. Эти ограничительные условия явились уже в русском языке. А именно здесь по общему правилу ударение на окончании родительного *-у* допускается только в словах первой категории: *пескú, коньякú, табакú, медкú, сахаркú* и т. д. В остальных двух категориях ударяемое *-у* вообще не известно; окончание *-у* не вытесняет ударяемого окончания *-а*. Так, например, ударяемое *-у* в родительном в литературном наречии известно исключительно в словах первой категории. Но диалектически сохранились и формы с ударяемым *-у*, которые и свидетельствуют, думаю, о том, что исчезновение ударяемого окончания *-у*, вытеснение его через *-а* — явление позднейшее. Различаю две категории случаев: 1) областному *-у* соответствует в литературном наречии *-á*; 2) областному *-у* соответствует в литературном наречии неударяемое *-а* или *-у*. Приведу примеры: без сну, Покров. (Отв. № 10), Петроз. (Отв. № 13), Олон. (Отв. № 29), Новг. (Отв. № 20), Остр. (Отв. № 33), Кадник. (Отв. № 25), Онеж. (Отв. № 41), Орл.-Вят. (Отв. № 37), Тотем. (Отв. № 198), Вытег. (Отв. № 22), Алатыр. (Отв. № 32); измучался без сну, Малмыж. (Отв. № 103); бсзо сну, Кологрив. (Отв. № 61); со сну, Великолуцк. (Отв. № 45), нет сну, Мещов. (Черныш.); у меня нет вовсе сну, Кадник. (Отв. № 31); без зву, Сольвыч. (Отв. № 193); с потолка, Кадник. (Отв. № 25), Алатыр. (Отв. № 32), Покров. (Отв. № 10), Буйск. (Отв. № 18), Макар. (Отв. № 56), Кинеш. (Отв. № 66); с уголку, Буйск. (Отв. № 18); канцú не будет, Егорьев. (Черныш.). Примеры для случаев

второй категории: без толкú, Орл.-Вят. (Отв. № 63); ни часú, Повен. (Шахм.); ат радú жызни, Жиздр. (Шахм.); с тово годú, Макар. (Отв. № 56); еду из городú, Буйск. (Отв. № 18); мово домú, Самар. (Отв. № 40); у парú (вместо — у páра), Чистоп. (Отв. № 1). Эти случаи мне не ясны: непонятно, почему ударение перенесено на окончание. Третьим ограничением, происшедшим в большинстве русских говоров и выдержанном также в литературном наречии, является отсутствие¹ форм на -у после числительных. Но, как мы видели, и в древнем, и в современном областном языке -у может проникать и после числительных. Приведу примеры: с три году, Олон. (Отв. № 29); три году, Вытег. (Отв. № 22); три году, Повен. (Шахм.); трí году, Остр. (Отв. № 33); два гóду, Петроз. (Отв. № 30); два году, три году, Петроз. (Отв. № 34), три разу, Вытег. (Отв. № 22). Во всех этих случаях областной язык сохранил архаизмы, исчезнувшие в большинстве русских говоров, а в частности, в литературном наречии. Но некоторые из областных говоров представляют в распространении окончания -у также и новые явления. Так, в древнем языке совсем не было известно -у в окончании имен одушевленных; между тем диалектически находим: ат вóтьчиму, ат атцу, Жиздр. (А. Никольский); для свово сынú, Малмыж. (Отв. № 105). Далее окончание -у получают диалектически такие слова, как лоб, зуб: изо лбу, Буйск. (Отв. № 18); без зúбу, Котельн. (Отв. № 35); без нóсу, Орл.-Вят. (Отв. № 37); между тем *íз носу* является обычным; далее: с морозу, Великолуцк. (Отв. № 45); биз марóзу, Щигр. (Халанский); нет фарточку и платочку, Слобод. (Отв. № 222); с карману, Петроз. (Отв. № 30); из самовару, Буйск. (Отв. № 18), Костр. (Отв. № 264); того месяцу, Кологрив. (Отв. № 61); не нашли кладу, Кинеш. (Отв. № 66).

38. В местном падеже мужеского рода распространение -у было ограничено несколькими условиями: требовалась или основа на задненебную согласную, или же основа с падежным ударением. Кроме того, местный на -у употреблялся только после предлогов *в* и *на*. Наконец, имена одушевленные вообще не получали этого окончания. В говорах находим -у после предлога *при*: при стуку не спится, Мещов. (Черныш.); при отцú, *ib.*; при тцу, Жиздр. (Шахм.); при отцу, Брян. (Отв. № 259), Новосил. (Отв. № 77); при атцú, Касим. (Отв. № 47); при атцу, Терск.-Мозд. (Караулов);

¹ В рукописи по описке: „это отсутствием“. (Ред.)

при брату, при отцу, Льгов. (Отв. № 67); при бóльшем брату, Мосал. (Шахм.); при боку (у Гоголя). Далее после предлога *об*: об рублю, Брян. (Отв. № 259), Дмитр.-Кур. (№ 236). Далее в словах со значением одушевленных: на каню, Грайвор. (Отв. № 279); на каню, Брян. (Отв. № 259), Льгов. (Отв. № 67), Новосил. (Отв. № 77), Терск.-Моздок. (Караулов), Обоян. (Резанов); на вóранам каню, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В., 1880), Тимск. (Отв. № 246); на дьячку, Грайвор. (Отв. № 279), Терск.-Моздок. (Караулов); на дьячку, Новосил. (Отв. № 77); на Василью Ильичу, Мещов. (Черныш.); на ворú шапка горит, Дон (Калмыков). Как видно из примеров, это явление распространено только в южновеликорусском. Более распространено -у в неодушевленных с неподвижным ударением: на огню, Холмог. (Отв. № 50); в дождю, Петроз. (Отв. № 30); в агню, Великолуцк. (Отв. № 45); на огню, Кадник. (Отв. № 26); на концú, Новосил. (Отв. № 77), Льгов. (Отв. № 67), Тимск. (Отв. № 246); на костылю, Новосил. (Отв. № 77); на кастылю, Брян. (Отв. № 259); на концú, *ib.*; на костылю, Дмитр.-Кур. (№ 236); на концú, Грайвор. (Отв. № 279); в рукаву, Петроз. (Отв. № 30); в овсу, *ib.*; на дождю, Мещов. (Черныш.); на канату, *ib.*; в овсу, Уфим. (Отв. № 166); на концú и в концú, Терск.-Моздок. (Караулов); у Ярослаўцу, Мосал. (Шахм.); на канцú, Жиздр. (А. Никольский); у вагню, Обоян. (Резанов); в огню, Старобельск. (Ветухов, Р. Ф. В. 1893); у калодязю, Щигр. (Халанский, Р. Ф. В. 1880); у сараю, *ib.*; на караблю, Жиздр. (А. Никольский); у имению, *ib.*; на сосуну, Мещов. (Шахм.); на гвоздю, Устюжн. (Отв. № 28); на путю, Жиздр. (Никольский); на хрястú, Грайвор. (Отв. № 279). Кроме того, весьма распространено едва ли не в большей части русских говоров -у в односложных: во рту, на лбу, моск. и др.; на пню, Покров. (Отв. № 10); на дню, моск.; отсюда и: на лопу (вместо *на лбу*), Вытег. (Отв. № 22). Отмечу: во лбе, Грязов. (Отв. № 36); Шуйск. (Отв. № 19), Орл.-Вят. (Отв. № 42); во лбе и во лбу, Никол. (Отв. № 266); во лбе, Красноуф. (Отв. № 137).

Отмечу еще неясное перенесение ударения с окончания -у в случаях, как: на вóранам кóню, Обоян. (Резанов); на стúлу сидítь, Терск.-Моздок. (Караулов); на кáмню, Брян. (Отв. № 259).

Диалектически сохраняются формы на -е: в угле, Никол. (Отв. № 266); в лесе, в саде, Великоуст. (Отв. № 199); в у́гле, в саде, Кре-стецк. (Отв. № 160); на дубе, в угле, Кирилл. (Отв. № 152); в са́де, в лисе, Белоз. (Отв. № 162); в са́де, Костр. (Отв. № 264);

в угле, в глазе, Слобод. (Отв. № 222); в саде, в лесе, Слобод. (Отв. № 120); на угле, в суде, Холмог. (Отв. № 50); назаде, впереди, в леси, на пески, *ib.*; на камне, в угле, Буин.-Симб. (Отв. № 59); в саде, в посте, в пруде, Шуйск. (Отв. № 19); в угле, в лесе, в саде, Олон. (Отв. № 29); в глазе, Орл.-Вят. (Отв. № 42).

39. Отмечу диалектическое смешение родительного и местного множественного в существительных. Оно вызывалось, вероятно, тождественностью этих падежных форм в местоимениях и прилагательных. Примеры: и на женѣ твоеи и на чадехъ твоихъ и на всѣхъ вашихъ доброхотахъ, Домостр. Конш., 69.

40. Формы звательного падежа мужеского рода передавали свое окончание *-е* форме именительного единственного, когда именительный падеж стал употребляться в значении звательного. Это имело место преимущественно в именах, также в отчествах на *-ов*, *-ин*. Примеры: олександре труфановъ, Новг. в 1418—1420 (Собол. и Пташ., № 41).

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание печатается по рукописи акад. А. А. Шахматова, хранящейся в Архиве Академии наук СССР. По этой рукописи в свое время данная часть „Курса истории русского языка“ А. А. Шахматова печаталась в литографированном издании.

Вся рукопись обнимает 207 листов (в $\frac{1}{4}$ долю листа), из них листы 1—169 составляют собственно содержание морфологии; на листах 170—195 содержатся выписки из разных источников — материал, на основе которого слагался данный раздел морфологии; наконец, остающиеся листы, 196—207, представляют собою черновые наброски плана и конспекта данного раздела „Курса“. Здесь, между прочим, есть наброски плана (на листах 205 и 206) к белорусскому и украинскому разделам третьей части морфологии, которые фактически А. А. Шахматовым не были обработаны.

В основной части рукописи, содержащей курс морфологии, в разных местах вложены отдельные листы с дополнительными материалами. Этот материал, очевидно, периодически вносился А. А. Шахматовым позднее, после написания основного текста морфологии. Здесь главным образом дополнительный текстовый материал к разным явлениям морфологии, извлеченный из отдельных памятников русского языка, сравнительные данные из польского и чешского языков, выписки из „Грамматики“ Ломоносова (также — Белинского) по поводу отдельных явлений склоняемых форм и др. Не всегда приводимый материал по содержанию соотносится с текстом основного изложения окружающих страниц. Приведу этот вставной материал в том порядке, в каком он содержится в рукописи, с означением (насколько это возможно было сделать) тех мест (страниц) данного издания, с которыми соотносились бы данные вставки.

л. 64 (к стр. 178):

внѣ двѣ части вѣземъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 54).

л. 70 (им. ж.: вставившим, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 49); живущия, ib (к стр. 192 и след.):

въ предъдную славу, Сл. о п. Иг., 27; великѣи княже Всеволоде, ib., 28; за ранѣ Игоревы буюго Святславлича, ib., 30; на жестоцѣмъ его тѣлѣ, ib., 38; на своею нетрудною крилицю (местн. дв.), ib., 38; горячую свою лучю (вин. ж. ед.), ib., 39; претръгоста бо своя бръзая комоня, ib., 41; ангеловѣ согрѣшшихъ не любить и богъ, Послов. XVII в. (Симони, 76). есть в немъ сѣрые овчинѣи клокъ, ib., 38; а покорные головы і мечь не сечегъ, ib., 123.

третья бѣда, *ib.*, 101; крадьи чюжая не обогатѣтъ, *ib.*, 111; утопшии пить не просить, *ib.*, 147.

л. 76 (к стр. 205 и след.):

Быть может, *устроен* — *устроена* по аналогии *достоеи* — *достойна* изменялось в *устройна*; ср. въ доброй домъ в устройной, Домостр. Публ. б., № 38; ср. устроенной, Домостр. Погод., № 1628, оустроиная, Домостр. Публ. б., № 38 и № 180 (Орлов, 93). швецамъ, Послов. XVII в. (Симони, 76), Смоленскъ, *ib.*; подъ каменемъ, *ib.*, 152; ѿ добрава корені, *ib.*

л. 78 (к стр. 209):

тии бо два храбрая Святъславлича Игорь и Всеволодъ, Сл. о п. Иг., 21.

л. 80 (к стр. 210):

два луки а оба туги, Послов. XVII в. (Симони, 93); два воеводы, *ib.*, 97.

л. 83 (к стр. 216):

на битомъ два небитыхъ дають, Послов. XVII в. (Симони, 128).

л. 85 (к стр. 220 и след.):

а бобръ оу госта цѣлон купить, Домостр. Конш., 39; а ѣже пьмнъ моужь попьхноули бахоу запьнъше ногою, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 60); всякой избираетъ другъ по своему нраву, Послов. XVII в. (Симони, 88); не ѣдчи на конь, да поѣхалъ в огонь (*ib.*, 126); опалень бобръ не наси в торгъ, *ib.*, 130.

Польск. наречные выражения. *zamaż*, *na koń*, *za rąb brat*, *przebóg*, *na święty Jan...* (*zapłacić rubla*, *dostać arbuza*, *tańczyć mazurę* и др.).

В древнечеш. как будто различались и в ед. ч. лица от жив(отных) по от(ношению) к род.-вин.: лица имели *-a* в род(ительном), а жив(отные) нет: *boha*, но *býk*, *beran*, *črv*, *jelen*, *pták*, *gak* и т. д.

(Gebauer, III, 1, 26—29), но есть и *-a*: *duba*, *czbana*, *myesha* в персонифик(ации), с. 29.

Совр. о деревьях, прозвищах, играх карт(очных), танцах...

л. 89 (к стр. 227 и след.):

В польск. *-i* теперь только в им(енах) лиц мужского рода с тв(ердой) основой. *mnisi*, *chłopi*, *urzędnicy*, *Polacy*; *-owie* теперь только в именах лиц мужского рода, а также народов и родов: *zięciowie*, *Mickiewiczowie*, *Persowie*, а в древнепольск. она распр(остраняется) и на неодуш(евленные) (*sądowie*, *dębowie*, *biczowie*).

-u — животные и неодуш(евленные) (а частью и лица: *posły*, *żaki*, *anioły* и др.) *katy*, *chłopy* обыкнов(енно) с оттенком (*nie*)*uważenia* lub *pogardy dla samych osób*.

-e — мягк(ие) основы, лица одуш(евленные) и неодуш(евленные) (*króle* — *królowie*, *ogacze*, *ludzie*, *goście*).

л. 90 (к стр. 227 и след.):

подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, Сл. о п. Иг., 8; поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя, *ib.*, 13; были плъци Олговы, *ib.*, 14; акы тури ранены саблями калеными, *ib.*, 29.

- л. 91 (к стр. 227 и след.):
уже понизить (2 л. повел.) стязи свои, вонзить свои мечи верезени, Сл. о п. Иг., 34; тугою имъ тули затче, *ib.*, 39; вже на нь выведеть послоу-си, Русск. Пр. (Р. Д., I, 38).
- л. 93 (к стр. 232):
волки бы сыти и овцы бы цѣлы, Послов. XVII в. (Симони, 86).
- л. 95 (к стр. 223 и след.):
В польск. только личные совп(адают) с род(ительным) мн.: *rapów, ludzi*; а другие одуш(евленные) и неодуше(вленные) имеют окончания -у и -е: *bagany, ogły, wozy, dwory, kopie, kraje, miecze* (а в ед. все одушевленные) в вин(ительном) имеют окончания род(ительного): *lwa, lisa, wrża*. «сердяся на блохи да одѣяло в печь, Послов. XVII в. (Симони, 130); мыши ловить, *ib.*, 156; щебечеть соловей в клѣтке забывъ свои дѣтки, *ib.*, 159; на овчинѣ сидить, а про соболи сказываегъ, Послов. XVII в. (Симони, 213).
- л. 97 (к стр. 238):
в путѣ, Послов. XVII в. (Симони, 77). Р(од). мн. — люди спать анъ жол-вей искать, Послов. XVII в. (Симони, 119).
- л. 101 (к стр. 244 и след.):
По Ломоносову („Грамматика“, § 171) одушевленные, „знаменующие животных“, имеют всегда окончание -а в род(ительном); в § 172: „Происшедшие от глаголов употребительнее имеют в род(ительном) -у и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят; а славенские, в разговорах мало употребляемые, лутче удерживают -а“: *размаху, чесу, взгляду, визгу, грузу, попреку, переносу, возрасту и возраста, виду и вида, трепета*; § 173: *святого духа, человеческого долга, ангельского гласа, но: розового духу, прошлогоднего долгу, птичьа голосу*; § 174: „Имена собирательные и тех вещей, которые по мере, по числу или по весу разделяются, в родительном больше кончатся на -у, нежели на -а“: *анису, бархату, бисеру, укладу, воску, гонту, дерну, квасу, чесноку, льду, хрящу, короводу, полку, содому*; § 175: „Время и место значащие существительные по большей части в род(ительном) ед. на -у склоняются“: *базару, берегу, верху, низу, переду, заду, вечеру (и вечера), веку (и века), караулу, лугу (и луга)*; § 176: „Которыми именами значатся снасти, платье, строение, посуда и сим подобные, те в родительном больше -а содержат“: *топора, клина, бруса, двора, кафтана, сапога, чулка, пояса, водовика, амбара*; § 177: „Имена, выключаящие в род(ительном) из окончания самогласные и соединяющие согласные, больше на -а кончатся“: *желудка, конца, мизинца, овса, пальца (но песку, перцу)*; § 179: „Вообще служить может для разбору помянутых родительных сочинение имен с числительными *два, три, четыре*, ибо они родительного на -у отнюдь не терпят. Итак, рассудив по натуре вещей, о которых можно сказать: *два, три, четыре*, тех имена имеют род(ительный) падеж на -а, хотя иногда и -у в других случаях не отметывают, например, *два блина, три боба, три волка, четыре закона*; а не толь свойственно сказать можно: *два аниса, четыре воска*; но лутче: *четыре разные воски, два разные анисы*“.

(Приписка карандашом)

Б(ыть) м(ожет) в древности здесь сказалося обратное влияние дв. числа! То есть *два двора* удерживало *двора* в род(ительном), а отсутствие *два вечера* давало предпоч(тение) род(ительному) *вечеру*. Исчезн(овение) *овсу*, ср. с исчез(новением) *без сну*.

§ 200: „Кончающиеся на *и* краткое... состоя из одного склада, в род(ительном) ед. принимают *-ю*: *краю* и *края*, *спою* и *споя*, *клею*, *рою*, *слою* и *слою*, *бою*, *чаю*, *рая* и *раю*; в предл(ожном) всегда на *-ю*: *на краю*, *в слою*, *в спюю*, *на бою*, *в чаю*, *в раю*, *на клею*, *в рою* (вычитай животные: *змея*, *зюя*)“.

Примеры:

без року, Послов XVII в. (Симони, 80, 83); веку не изжить, *ib.*; быть на Диому разгрому¹, *ib.*; платежу нет, *ib.*, 87; вольнее торгу нет, *ib.*, 89; из Крѣму, из дѣму, *ib.*, 92; до порогу, *ib.*, 93; дурак стыду не знаетъ, *ib.*, 96; безъ вѣку, *ib.*; дошоль черт броду, *ib.*; добился... солоду, *ib.*, 97; запросу в мошну не кладутъ, *ib.*, 103; не для туку, *ib.*, 105; жалить пчелка жалѣвъ медку, *ib.*, 104; жару... не любить, *ib.*, 103; з дубу, *ib.*, 100; хто не ѣлъ чесноку, *ib.*, 112; смраду не пустить, *ib.*, 114; ладану бегаеть дьяволь, *ib.*, 117; любя жену потерпѣть стыду, *ib.*, 118; малъ чирей да гною полонъ, *ib.*, 123; не толко свѣту что в окошке, *ib.*, 124; не спрашивай броду, *ib.*, 120; послѣ дѣлу, *ib.*, 125; и з духу пьянь, *ib.*, 128; не мозгу искагъ, *ib.*, 130; плачетъ Ероха не хлебавъ гороха, *ib.*, 133; голоду не разумѣть, *ib.*, 140; трѣску боятца, *ib.*; у страху, *ib.*, 145; у спаса не безъ запасу, *ib.*; а убытку богъ избавиль, *ib.*, 155; чаеть слѣпъ свѣту, *ib.*; не для смѣху, *ib.*; часъ отъ часу, *ib.*, 154; от берегу, *ib.*, 153; много люду много и труду, Послов XVII в. (*ib.*, 186); при светлѣ сидѣть стыду болѣ, *ib.*, 192; стона не мала гдѣ река мостъ сломала², *ib.*, 196; с вѣтру, *ib.*, 209; со всево свѣту, *ib.*, без запросу, *ib.*, 213.

л. 105 (к стр. 251 и след.):

в стльскомъ и сщеническом чинѣ, Домостр. Конш., 11; в иномъ годѣ, *ib.*, 44; в вѣсѣ, *ib.*, 47; в домѣ, *ib.*, 69; в квасѣ, *ib.*, 61; в стогѣ, *ib.*; в долгу своемъ, *ib.*; и в домѣ и в торгѣ, *ib.*; в ледѣ, *ib.*; в дьяконьскомъ чинѣ, *ib.*; на вороту, Послов XVII в. (Симони, 78); в Крѣму, *ib.*, 82; в дому, *ib.*; голова на кресу а товаръ на берегу, *ib.*, 91; в лесу, в квасу, *ib.*, 92; в пару, *ib.*, 106; на цвѣту, *ib.*, 107; ичется з голоду а дрожится с холоду, *ib.*, 109; искаль дѣдъ маку³, *ib.*; из дому, из лѣсу³, *ib.*, 110; на дѣлу, *ib.*, 129; в зобу, *ib.*, 142; на баку, *ib.*, 135; в мѣху, *ib.*, 156; в стругу, *ib.*, 161.

л. 106 (к стр. 240 и след.):

Род(ительный) п(адеж) *-а* в польском⁴.

На *-а*: одушевл(енные) (*rana*, *komaga*), отдельных предметов, орудий, сосудов, частей тела (*pieca*, *kłosa*, *młota*, *zęba*, *noza*, *bicza*, *poża*), умень-

¹ Этот пример приведен по ошибке: „разгрому“ — форма дат. падежа. (Ред.)

² В записи ошибочно „стона“ вместо „спона“, т. е. препятствие, помеха. (Ред.)

³ По ошибке пример на родительный (не предложный) падеж. (Ред.)

⁴ Приписано карандашом. (Ред.)

ш(ительные) (kotka, groszka, kawalka), назв(аний) мер, монет, игр, танцев (łokcia, wista, grosza), месяцев.

На *-и*: отвлеченные (boju, moru); zbiorowie, означ(ающие) массу или такие предметы, в которых различ(аются) составные части (grodu, piłku, wieku, śniegu, lasu), дни недели (piątku); иностр(анные) слова неодушевл(енные) (organu, ganku, statutu).

В именах местностей б(ольшая) часть своих, польских на *-а*: Lwowa, Torunia; или давних заимств(ований): Hamburga; на *-и* б(ольшая) часть иноземных: Dorpatu, Крути, wieczoru (zabawy), wieczora (schyłku dnia), zbiegu (сходки, встречи) и zbiega, zamku и zamka, lipca и lipcu.

В древнечешском род(ительный) на *-и* не б(ывает) в лицах, а в животных он известен: hadu, črvu, raku, volu zemiplczu (běsu, duchu; jáz biesu neumám, duchu swatého). Неодушевл(енные) имеют *-а* и *-и* в старочешском: z bluda и z bludu, z boka, ot боку, с. 34 можно проследить постепенное распростр(анение) окончания *-и* на счет *-а*; *-и* преимущ(ественно) в двусложных; в старочешском lesu, а новочешском lesa, старочешском čtvrtku, а новочешском čtvrтка; стар. Římu, Reínu, а теперь *-а*, теперь ze sna, но perad bych tu snu rušila; do roka, но půlroku: tvrdého dubu, но do toho duba < >; zakusil do boba, но bobu coll.; slézali z vrcha (-s кору), syřál z vrhu.

В совр(еменном) яз(ыке): *-а* имеют названия мест (но Brodu, Mostu), месяцы, дни (но pátku), ряд имен: oves, ocet, kotel, chléb, chlév, sýr, večer, popel, mlýn и др.; *-а* и *-и*: duch, sen, les, kus, jazyk и др. Остал(ьные) имеют *-и*.

л. 107 (к стр. 249 и след.):

Ломоносов („Грамматика“, § 188): Предложный единственный падеж *-ль* переменяет часто на *-у*, когда значит место или время, а особливо тех имен, которые *-у* в родительном имеют*: *берег — на берегу, на верьху, в низу, на лугу, в вечеру, в нынешнем веку, на песку, в шестом часу, в полку*. Вычитаются некоторые татарские и другие иностранные: *на карауле; на базаре; на пикете; в кирмазине; на кипарисе*; § 189: „Сня перемена бывает больше с предлогами *в* и *на*, с протчими часто *-ль* удерживает свое место*: *при береге, о луге, о часе*; § 190: „Как во многих других случаях, так и здесь наблюдать надлежит, что в штиле высоком, где российский язык к славенскому клонится, окончание на *-ль* преимуществует*: *очищенное в горне золото, жить в доме бога вышнего, в поте лица труд совершать, скрыть в рове зависти, в свете лица господня; но... медь в горну плавить, в поту домой прибежал, на рву жить, в свету стоять*.

л. 110 (к стр. 257 и след.):

В польском в наст(оящее) вр(емя) преобл(адает) *-owi* (duchowi, krzyżowi), а *-и* в односложных преимущ(ественно) (człeku но człowiekowi), также ojcu, chłopc, owsu и т. д. Кажется, нет следов различия одушевл(енных) и неодушевл(енных). В чешском *-ovi*; у одушевл(енных): chlopovi, sedlákoví; в неодушевл(енных) — *-ovi* редко.

л. 113 (к стр. 263 и след.):

хлопотóвъ и штуды нѣтъ, Домостр. Конш, 30. Азовъ не о сте глазовъ, Послов. XVII в. (Симони, 74); бѣзъ обоихъ глазъ, ib., 74; безъ рукавъ,

ib., 80; бодливой корове богъ рогъ не даетъ, ib.; хошь зубовъ нѣтъ, ib., 75; сапоговъ нѣтъ, ib., 86.

л. 115 (к стр. 270).

Древнеп(ольские): o pisarzoch, o oraczoch, koniach — далее bogoch, w duchoch, na listoch, w obrazoch, w smętkoch, w roganoch, w uczynkoch, o synoch, w bratoch. Но теперь т(олько) *-ach*: gościach, grobach, grzechach (а *-ech* w Niemczech, w Prusiech, we Włoszech).

Что же это такое за *-ech*? М(ожет) б(ыть), и наше *-ох* нельзя возв(одить) к *-эхъ*. Б(ыть) м(ожет), *gostьmь* — *gostьxь* вызвало *možьmь* — *možьxь*, откуда *možech*, но до *-och* не дошло бы. Скорее, что *ženamь* — *ženaxь* вызвало *grѣxomь* — *grѣxoxь*! Ср. древнеп(ольские) w serczech, poloch, działoch, na kolanoch, w miastoch, o trzech uchoch, w oczoch, po latach — древнепольск. w postaciach, w rzeczodі, w kaźniach (из w postaciach, we krwiach, w głębokościach, w gęsech).

л. 117 (к стр. 271 и след.): во пни, Послов. XVII в. (Симони, 85, 90).

л. 119 (к стр. 272):

В польском *konі, sążni, liści, śledzi, groszy, miesięcy, zajęcy, pieniędzy, tysięcy* и др. (а вообще *-ów*); рядом: *króli* и *królów, wielbicielów* и *wielbicieli, uczniow* и *uczni, słuchaczów* и *sluchaczy, badaczów* и *badaczy, pi-sarzów* и *pisarzy, lekarzy* и *lekarzów, aptekarzy* и *aptekarczów, dorożkarzy* и *dorożkarzów, poźów* и *poży, widelców* и *widelcy, talerzów* и *talerzy* и т. д.

л. 119 об (к стр. 273):

Древнепольск. *królmi, pasterzmi, groszmi, mieczmi, końmi, krajmi* — *sąsiadmi, panmi, apostołmi, głosmi, wozmi*; рядом др(евние) и совр(еменные) *panami, synami, sąsiadami, kmieciami, kamieniami, lwami, mężami*; до сих пор: *gośćmi, liśćmi, księżmi, braćmi, pieniądzmi, neprzyciołmi, ludźmi*. Старое ок(ончание) до сих пор после прилаг(ательных): *szybkіemi kroki, z mojemi sąsiady, długiemi laty, cichemi sioły, głośnemi słowy*.

л. 121 (к стр. 278):

окояинными Турки, Послов. XVIII в. (Симони, 152).

л. 122 (к стр. 279):

по швомъ по рукавомъ, Домостр. Конш., 30.

л. 124 (к стр. 278—280):

В древнепольском б(ыло) изв(естно): *grzecham, pastucham, ptakam*, но перевес оказался за *-om* (*konіom, ptakom, sąsiadom*, кот(орое) было *rochylone*); *słowam, prawom, lekarstwam*.

л. 124 об. (к стр. 278—280):

Польск. *żonom, siostram, duężom, matkom* (о будто вместо *-am*).

В древн(ем) и совре(менном) книж(ном): *pierwszemi barwy, s tugiemi godziny, iskrzącemi gwiazdy, swojemi panęty, usilnemi kary*.

Древнепольском: *w głowiech, o grzywniech na jagodziech, po ziemiech, po struniech*.

Польском: *kościам, myśląm, częściami, powieściami, rzeczami, gęslami*; но *kośćmi, dłońmi, skrońmi, nićmi*.

л. 126 (к стр. 283):

По Ломоносову („Грамматика“, § 167): „кончащиеся на *жа, ча, ша* переменяют в род(ительном) мн. -а на -ей, когда перед ними стоит согласная*. *ханьжей, епанчей* (но и *епанеч*), *каланчей, парчей, векшей, вершей, пищей*. Кроме того, в § 170 *лютней, башней, вишней, каплей, цаплей* (при *лютен, башен, вишен, капель*).

(к стр. 284):

Старопольск.: *żonmi, górmi, niedzielmi, godzinmi — zmajętności, memi śmertelnemi ciemności*.

л. 126 об. (к стр. 284):

Тв. мн. мечтаньми, Домостр. Конш., 22. (Не ясно: о́аки^x таглеи, *ib.*, 39; ни в какихъ таглехъ, *ib.*, 60.)

Древнепольск.: *piógmí, ziółmi, ciatmi, winmi, polmi, jeziormi, dziełmi, zbożmi, sercemi* (*oczmi, ustmi, uszmi*).

л. 132 (к стр. 297)

с кйслы штами, Домостр. Конш., 51; надъ младомъ дѣтатемъ, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 36), при: надъ великъмъ члѣвомъ, *ib.*

В польск(ом) XIV—XV вв. знал(и) именное скл(онение) прилагательных; но потом оно б(ыло) вытеснено. Сохр(анилось) в прилаг(ательном) ска-з(уемом): *jestem gotów, łaskaw, mocen*; далее прилаг(ательные) на -*ow* и -*in*. Но так) в им(енительном), а в род(ительном) только в наречных выражениях) (как *zdaleka, znowa* и *znowu, za młodu*), также и др. под.

л. 133 (к стр. 297 и след.):

Отмечу прилагательное-существительное на мокрѣ не сѣсти, Домостр. Конш., 35; на ма́ккѣ держа^r, *ib.*, 42; в сусе и в покрыте, *ib.*, 53.

Имена городов и прозваний, кончащиеся на -*ов, -ев, -ин, -ск** по Ломоносову, § 193: твор. — *Серпуховым, Годуновым, Ржеввым, Лихвиным, Скопыным, Тобольским*, а во мн(ожественном) как прилаг(ательные): *Скопыных* и т. д.; § 204: *Тушино — Тушиным, Осташков(-о?) — Осташковым*.

л. 135 (к стр. 302):

бѣзь обѣихъ глазъ, Послов XVII в. (Симони, 74).

л. 135 об. (к стр. 304):

намъ однѣмъ, Послов. XVII в. (Симони, 88).

л. 139 (к стр. 339):

10-а. Отмечу здесь переход увеличительных на -*ище* в м(ужеский) и ж(енский) р(од). Ломоносов признает слова, как *столище, долище, детищище* м(ужеского) р(ода), а *бабище, избище, силище* ж(енского) р(ода), но „однако чаще в среднем употребляются. *великое долище, дурное бабище* (§ 140); *наш столишко, наша скатертишко, старое пивенцо**; „некоторые со всеми прилагательные в ср(еднем) роде употребляют: *дряхлое стариченцо, старое бабенцо, утлое суднишко** (§ 248).

л. 141 (к стр. 328 и след.):

Польск. р(одительный) *duszy, baní, szyi* (древн. *dusze, szyje*), а в дат(ельном) не было влияния тв(ердых) основ на мягкие дат. *ziemi, duszy*.

Gen. sg., телячьи кожи, Послов. XVII в. (Симони, 151); 1. sg. в зяте, Послов. XVIII в. (в. 188); въ бжїе рукѣ, *ib.*, 192; въ хрѣтномъ целованіи, Ипат. 1432; на конѣхъ, *ib.*, 155а; в друземъ кладазѣ, *ib.*, 486; двѣ лицѣ (вин. дв.), Ермол., 69; въ епѣѣ дворѣ, *ib.*, 45 об.; в полутрѣсте, *ib.*, 41; на море, Хожд. Афан. Ник. XV в., 374а; сруби городци, Новг. 1-я (3-я часть), 126а; на нѣмци, *ib.*, 1286; на боехъ, Пов. Аз. сид., Бусл., XVII в. (Орлов, 142);

л. 143

томуу ити ротѣ оу кого то лѣжалъ товаръ, Русск. Пр. (Р. Д., I, 39); своего истыча кто же ѿго оудариль, *ib.*, 50; а дѣчери можетъ дати кто ю кѣрмить, *ib.*, 45.; за жеребець ѿже не въсѣдано на нь, Русск. Пр. (Р. Д., I, 38); нѣтъ тово поца не убиль бы кои клопа, Послов. XVII в. (Симони, 126).

л. 145 (к стр. 319):

Польск. w nim, w tym, w naszym, w moim (а в древн(ем) w niem).

л. 147 об.

Формы местного падежа сохранились только после предлогов; самостоятельно форма м(естного) п(адежа) перестала употребляться. Исчезли и такие наречные формы, как *лѣтъ*, *зимѣ*. Ср. *зимѣ*, *лѣте*, Домостр. Конш., 40 (ср., *ib.*, в лете).

Отмечу: дорузѣмъ мѣстѣ в той же заповѣди молвить, Вопр. Кир. 1282 (Р. И. Б., VI, 43).

л. 150 (к стр. 331 и след.):

мн. от *медъ*: шесть медовъ, Домостр. Конш., 46; жолобы (им.-вин. мн.), *ib.*, 58; серебряные мастера, *ib.*, 68; по вса вѣчеры, *ib.*, 47; меды (им. мн.), *ib.*, 52.

чюжие хлѣбы спать не даютъ, Послов. XVIII в. (Симони, 216).

У Ломоносова § 195: бѣреги и берега, луги и луга, лѣсы и лѣса, острова и острова, снеги и снега, струги и струга, колоколы и колокола. Только -а: рогá, бокá, глазá.

л. 150 об.

Польск. z niemi и z nimi, mojemu, naszemi.

л. 152 (к стр. 335):

бояря пьютъ, Послов. XVII в. (Симони, 79); турѣченя и янгѣченя, Пов. Аз. сид., Бусл., XVII в. (Орлов, 154).

чуваша хотя сто человекѣ соидутся, Послов. XVII в. (Симони, 156).

п. 152 об. (к стр. 336 и след.):

Ломоносов („Грамматика“, § 194): брусья, лоскутья, колья, листья, кусья (от *кус*), клочья, пенья; однако ж говорят и *листы* и *пни*. „Сни все употребляются и в ед. ч. на -ье, в ср(еднем) р(оде), имея силу множественного: *брусье*, *колье*, *листье*“.

елье березье все то деревье, Послов. XVII в. (Симони, 99); безъ клинья кафтана не здѣлать, Послов. XVIII в. (в. 175); ворону знать и по перью (*ib.*, 178); увезиль клинье в кривое деревье (*ib.*, 198).

Древнепольск. to gałęzie, kamienie, liście, rożdże, węgle и др.; совр(еменные) kwiecie, to ostrze, to pierze.

В древнепольском Jagieńo, Fredro, в род(ительном) Jagieńa, Fredra; дат. Jagieńowi, Fredrowi, а в совр(еменном): род. Fredry, дат. Fredrze.

л. 160 (к стр. 352 и след.):

Польск. м(ужеского) р(ода) starostów, wojewodów, sędziów; древнеп(ол). trosków, boginiów, władzów; совр(еменные) нар(одные) michów, rapiów, wiszniów, gospodyniów

Белинский учил, что слова ж. рода на -ья под ударением имеют -ей, а без ударения -ьев: колдуньев, лгуньев (Основания русской грамматики); женские отеч(ественные) имена: Андреевнов, Петровнов (ib.).

л. 162 (к стр. 352 и след.):

бл̄говонных з̄е́леи (р. мн.), Домостр. Конш., 46. Старопольск: uczuciów, oknów, zwalisków, zgromadzeniów, позже: wzgórzów, nadbrzeżów, совр. народн. kopytów, miejsców, jabłków, naczyniów, narzędziów, литер. pleców, oczów, konisków, chłopisków (личн.).

л. 166 (к стр. 362 и след.):

и есть поганого гор̄ѣ, Домостр. Конш., 16; борзее, ib., 33,34; суша вытирати, ib., 45; бочку и болши, ib., 46; не мне полу л̄ л̄тъ, Определ. Влад. соб. 1274 (Соф. перг. Кормч., Р.И.Б., VI, 92); наибол̄ѣ кланяются, Вопр. Кир. 1282 (Р.И.Б., VI, 26); а л̄пше ино́го ч̄лв́ка въскоупити, ib., 42, или лоучьши съпати, а не лоуче ба молити, ib., 53; л̄жаж, ib., 58; лег̄чаж, ib.; аже ли мьн̄ѣ (т. е. меньше), Русск. Пр. (Р. Д., 1,32); богат̄ѣ себя взаем не даваи, Послов. XVIII в. (Симони, 177).

Ломоносов („Грамматика“, § 212): „Российские прилагательные в рассудительных степенях не склоняются, но как наречия неподвижны остаются *смирен, смирнее; весел, веселее*“.

л. 168 и 168 об. (замечки смешанного содержания):

како д̄ѣтемъ ѿца и м̄ти любити, Домостр. Конш., 15
в те поры, Домостр. Конш., 62.

Отметим, что по Л(омоносо)ву („Грамматика“, § 200) „имена, с причастиями и прилагательными сродные, кончащиеся на -ей и -ой, склоняются, как прилагательные: *певчей, певчего..., стряпчей, прохожей, проежжей, подъячей, кравчей, нищей, носящей, сотской, посадской, тысяцкой* и др. сим подобные“.

У Л(омоносо)ва (§ 233) от Смоленск — Смольянин. Ср. об этом статью С(оболевско)го в одном из его сб(орников) (Горяин(ов), Козляинов из Горяинов)¹

полгора, род.—полоторых, дат.—полоторым, вин.—полтора, твор.—полоторыми, пр.—полоторых; полтретья, полутретьих и под. у Л(омоносо)ва (§ 262). Л(омоносо)в § 263 различает *девятью, пятью, десятью* как твор(ительный падеж) и *девятью, пятью, десятью* как наречия (ср. *пятью пять*).

п. рl. *робятка*, Послов. XVIII в. (Симони, 194) под вл(иянием) *робята*.

¹ Статья напечатана в сборнике акад. А. И. Соболевского „Лингвистические и археологические наблюдения“, Варшава, 1910, стр. 48. (Ред.)

Из иных приписок к основному тексту можно отметить:

к стр. 80, снизу 8-я строка:

№. древнепольск. kazańim, miłosierdzim, pienim, orędzim, rządzenim.

к стр. 120—121 (приписка карандашом):

дву сажени, Лавр. под 1051, может быть, это по осн(овам) на согласные!

к стр. 393 (приписано на полях карандашом):

а м(ожет) б(ыть), совпадение прилагат(ельных) и мест(оимений).

Издание воспроизводит рукопись с возможной точностью. В немногих случаях явных недоразумений в тексте внесены необходимые исправления. Всякие сколько-нибудь значительные поправки к тексту оговорены в подстрочных примечаниях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А. А. Э.— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Академии наук, дополнены и изданы высочайше утвержденной комиссией, т. I—IV, СПб, 1836.

А. Г. О.— Архив Русского географического общества (рукописи).

А. И.— Акты Исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. 1, 1334—1598 гг.; т. 2, 1598—1613 гг.; т. 3, 1613—1645 гг.; т. 4, 1645—1676 гг.; т. 5, 1676—1700. С указателем, СПб, 1841—1843.

А. Калач— Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией, под редакцией члена комиссии Николая Калачева, тт. I—III, СПб, 1857—1884.

Акты Устюжск.— Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. 1, 1500—1699 гг. (Сообщены И. К. Зинченко, ред. Л. Н. Майков и А. И. Тимофеев.) Р.И.Б. изд. Археографической комиссией, т. XII, СПб, 1890, ч. II, т. XIV, ч. II, СПб, 1894.

Акты Холмог.— См. Акты Устюжск.

Алатыр.— Алатырский у. См. Отв.

Ant. Kalina— См. Калина А.

Апост. 1307, 1309—1312 гг. См. Собол., Очерки.

Арханг.— Архангельский у. См. Кузмищев.

Арханг. ев. 1092 г.— Архангельское евангелие 1092 г. (рукопись). В 1912 г. было воспроизведено при помощи трехцветной фотоцинкографии, в издании Московского и Публичного Румянцевского Музеев (ныне Библиотека имени В. И. Ленина).

Арх. II Отд.— Рукописи Архива Второго отделения Академии наук (Отделение русского языка и словесности).

Арх. Ю.-З. России— Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. Часть первая. Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России, т. I—VII, IX, Киев, 1859.

Архивск. леств. XIII—XIV вв. (Р.Ф.В., 1884)— Архивская лествица XIII—XIV вв. См. Соболевский.

Ассем. ев.— Ассеманово евангелие (изд. Рачкого, 1865 г.).

Астрах.— Астраханский у. См. Отв.

А. Ю.— Акты Юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданы Археографической комиссией, СПб, 1838 г.

А. Ю. З.— Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, т. 1, СПб, 1863.

А. Юр.— См. А. Ю.

Баженов — Баженов. См. ркп. Арх. II Отд.

Барс. (Палеостр.) — Елп. Барсов, Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 1, 1868).

Бежецк.— Бежецкий у. См. Отв.

Бессонов — П. А. Бессонов, Калки переходные, ч. 1 и 2, М., 1861.

Бел.— Беляев. См. Собр. Бел.

Белинский, Основ. русск. грамм.— В. Г. Белинский, Основания русской грамматики для первоначального обучения, ч. 1, Грамматика аналитическая (Этимология), М., 1837.

Белор.— белорусский.

Белорус. сборн. Романова — См. Ром.

Белоз.— Белозерский у. См. Отв.

Беседа о святынях Цареграда XVII в. (Л. Майков) — См. Майков.

Библ. кор. Соф.— Библия королевы Софии, изд. Малецкого, Львов. 1871.

Бирск.— Бирский у. См. Отв.

Благов.— В. Благовещенский, Некоторые обычаи, поверья и образцы народной речи Тульской губ., Русский филологический вестник, т. 3, № 2, 1880.

Богородск.— Богородский у. См. Чернышев (Черныш).

Бодров, Обл. сл.— См. ркп. Арх. II Отд.

Борович.— Боровичский у. См. Обл. сл., Пардалоцкий.

Бронниц. (Даль)— Бронницкий у. См. Даль.

Брянск.— Брянский у. См. Отв.

Будде — 1) Е. Ф. Будде, Диалектические заметки. Сборник в честь Ф. Ф. Фортунатова, Варшава, 1902.

2) Е. Ф. Будде, К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора, Русский филологический вестник, тт. 27, 28, 1892.

3) Е. Ф. Будде, К истории великорусских говоров, Казань, 1896.

4) Е. Ф. Будде, Материалы по русской диалектологии. 1. Образцы народного говора Скопинского у. Рязанской губ. (Этнографическое обозрение, кн. II, 1894).

Будде в Сборн. в ч. Фортунатова — См. Будде (1).

Будилович — А. Будилович, XIII Слов Григория Богослова, в древнеславянском переводе, по рукописи Публичной библиотеки XI века, изд. Отделения русского языка и словесности АН СПб, 1875.

Буин.-Симб.— Буинский у. Симбирской губ. См. Отв.

Буйск.— Буйский у. См. Отв.

Быхов — Быховский у. См. Отв., Романов (Ром.).

Валуйск.— Валуйский у. См. Отв.

Васильев — Л. Л. Васильев, Новгородское евангелие Публичной библиотеки и его западнорусские вклады, Русский филологический вестник, т. 47, 1902.

Великолуцк.— Великолуцкий у. См. Отв.

Великоуст.— Великоустюгский у. См. Отв.

Вельск.— Вельский у. См. Баженов.

Верещагин — См. ркп. Арх. II Отд.

Верхотур.— Верхотурский у. См. Отв.

Верхр.— И. В е р х р а т с к и й, Знадобы для пізнання угрорусских говорів, чч. I—II, Львів, 1899—1901 (Зап. Н. Т-ва ім. Шевч., тт. 27—30, 40, 44, 45).

Ветухов, Р.Ф.В., 1893 — А. В. В е т у х о в, Говор слободы Бахмутовки Старобельского уезда Харьковской губернии. Говор слободы Новой Айдары Старобельского уезда Харьковской губернии, Русский филологический вестник, т. 30, 1893.

Виленск. сп., Виленск. сп. Западнорус. лет., Виленск. сп. Лит. лет.— Виленский список Западнорусской (Литовской) летописи. См. П.С.Р.Л.

Витеб.— Витебский у. См. Отв., Шейн.

Вкладн. Варл.— Вкладная Варлаама Хутынского монастырю после 1192 г.

Вкладн. кн. Анофрия 1399 г.— Вкладная князя Анофрия 1399 г. См. Васильев.

Вкладн. Ив. Ник. XIV в.— Вкладная Ивана Никитина XIV в. См. Соболевский.

Влад.— Владимирский у. См. Бодров.

Волков.— Волковыский у. См. Отв.

Волог.— Вологодский у. См. Баженов, Отв.

Волокол. духовн. 1558 г.— Волоколамская духовная грамота 1558 г. См. Лихачев.

Волынск. гр.— Волынская грамота.

Вопр. Кир.— Вопрошания Кирика 1282 г., Памятники древнерусского канонического права, ч. 1, СПб, 1880; изд. 2, 1908. См. Р.И.Б., т. VI.

Воскресенский — Г р и г. В о с к р е с е н с к и й, Древнеславянский Апостол. Послания Апостола Павла по основным спискам четырех редакций, вып. I—III, Сергиев Посад, 1892—1908.

Вытег.— Вытегорский у. См. Обл. сл., Отв., Филимонов.

Вят.— Вятский у. См. Верещагин, Колосов.

Гал. гр.— Галицкая грамота.

Гал. ев.— Галицкое евангелие 1144 г., см. „Четвероевангелие Галицкое 1144 года, сличенное с древнеславянскими рукописными евангелиями“, изд. архим. Амфилохия, тт. I, II, III и Дополнение, М., 1882—1883 гг.

Гал. ев. 1266—1301 — Галицкое евангелие между 1266—1301 гг. (рукопись). См. также Соболевский, Очерки.

Галицк.— Галицкий у.

Галич.— Галицкий у. См. Отв.

Гдов.— Гдовский у. См. Отв.

Г. Др.— Государственное древлехранилище.

Gebauer — Jan Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého. V Praze a ve Vrbdni, I—IV, 1894.

Глазов.— Глазовский у. См. Отв.

Головац.— 1) Я. Ф. Г о л о в а ц к и й, Песни Галицкой и Угорской Руси, Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1863, 1865, 1871 и 1872 (отд. изд.— М., 1878).

2) Я. Ф. Головацкий, Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем галицко-володимирском княжестве в XIV — XV столетии, Львов, 1867 (Научный Сборник галицко-русской матицы, 1860—1867 гг.).

Горбат.— Горбатовский у. См. Обл. сл.

Грайвор.— Грайворонский у. См. Отв.

Грама́тка, изд. Кулиша — Грама́тка (Типография П. А. Кулиша), СПб, 1857.

Гр.— Грамоты вкладные, данные, договорные, духовные и др. (по рукописям, фототипиям, печатным изданиям). См. А.А.Э., А. Калач, А.Ю., Арх. Ю.-З. России, Г. Др., Головац., Лих., Р.Д., Р.Л.А., Сборн. Мух. (С. М.), Сибирц. и Шахм., Собол. и Пташ., Собр. Бел., Шахм. и др.

Гр. Мстислава, *Грам. Мстислава около 1130 г.*— Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода около 1130 г.

Гр. 1229— Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригю и Готским берегом 1229 г.

Гродн.— Гродненский у. См. Отв.

Грязов.— Грязовецкий у. См. Отв.

Гуцул.— Гуцульский,

Даль — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка.

Дв. гр. XV в.— Двинские грамоты XV в., См. Шахматов (Шахм.).

Девг. деян.— Девгениево деяние. См. Пыпин, Очерк.

Дисн.— Дисненский у. См. Отв.

Дмитр.— Дмитриевский у. См. Отв.

Дмитр.-Моск.— Дмитровский у. Московской губ. См. Чернышев (Черныш.).

Добрил. ев.— Добрилово евангелие 1164 г. См. Собол., Очерки.

Добровол.— Добровольский. См. ркп. Арх. II Отд.

Дог., Догов.— Договорная грамота.

Дог. Моск.— См. Моск. Дог.

Домостр. Конш.— Домострой по Коншинскому списку. См. Орлов.

Домостр. Публ. б., Домостр. Погод.— См. Орлов.

Дон.— Донская область. См. Калмыков.

Дух. Дм. Ив.— Духовная грамота Московского князя Дмитрия Ивановича до 1378 г. См. С.Г.Гр. и Д.

Дух. Калиты — Духовная грамота Московского князя Ивана Даниловича Калиты 1327—1328 гг. См. С.Г.Гр. и Д.

Дух. Климента — Духовное завещание новгородца Климента до 1270 г.

Дух. Моск. 1389 г.— Духовная грамота Московского князя 1389 г.

Дух.— Духовная грамота.

Духовщ.— Духовщинский у. См. Добровол.

Ев. 1144 г.— См. Гал. ев.

Ев. 1339 г.— Московское евангелие 1339 г.

Ев. XII в. № 1, 6 — См. Типогр. ев. № 1, 6.

Ев. Типогр.— См. Типогр. ев.

Ев. XIII в., Еванг. XIII в.— Евангелие XIII в.

Ев. XIV в.— Евангелие XIV в.

Егорьев.— Егорьевский у. См. Чернышев (Черныш.).

Ермол.— Ермолинская летопись. См. П.С.Р.Л.

Жит. Бор. и Гл. XV в.— Житие Бориса и Глеба XV в. См. Лихачев (Лих.).

Жит. Бор. и Гл. по Усп. сп. XII в.— Сказание о св. мучениках Борисе и Глебе. См. Усп. сборн. XII в.

Жиздр.— Жиздринский у. См. Добровол., Никольский, Шахм.

Жит. Феод.— Житие Феодосия. См. Усп. сбор. XII в.

Западнорус. ев. XV в. № 391 — Западнорусское евангелие XV в., № 391. См. Карский.

Западнорус. пс.— Западнорусская псалтырь. См. Карский.

Западнорус. сб. XV в.— Западнорусский сборник XV в. См. Карский.

Зап. Н. Т-ва ім. Шевч.— Записки наукового товариства імени Шевченка у Львові.

Зап. Петра Могилы — Собственноручные записки Петра Могилы, Архив Юго-Западной России, т. VII, ч. 1, Киев, 1887.

Злат. XII в.— Златоструй XII в., сборник (рукопись).

Зогр. ев.— Зографское евангелие. Quattuor ewangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani, edidit W. Jagić, Берлин, 1879.

Зубцов.— Зубцовский у. См. Отв.

Игум.— Игуменский у. См. Отв.

Изв., Изв. II Отд. АН — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Ипат., Ипат. лет.— Летопись по Ипатьевскому (Ипатскому) списку. См. П.С.Р.Л.

Ирбит.— Ирбитский у. См. Отв.

Ист. слов.— Исторический словарь (Тимченко).

Кадник.— Кадниковский у. См. Обл. сл., Отв.

Казанск. (Будде, Сборн. в ч. Fortunatova) — Казанский у. См. Будде.

Калина А.— A. Kalina, prof., *Historija języka polskiego. Tom pierwszy. Formy gramatyczne języka polskiego do końca XVIII wieku*, Lwów., 1883.

Калмыков — См. ркп. Арх. II Отд.

Камышл.— Камышловский у. См. Отв.

Карамз. сп. Русск. Пр. XV в.— Карамзинский список Русской Правды XV в. (в издании Н. Калачева, М., 1846).

Каргоп.— Каргопольский у. См. Колосков, Отв.

Караулов — М. А. Караулов, *Говор станиц б. Моздокского полка Терского казачьего войска*, Русский филологический вестник, т. 44, 1900.

Каринск.— Н. М. Каринский, *Язык Пскова и его области в XV веке*, СПб, 1909.

Карпаторус.— Карпаторусский. См. Отв.

Карский — 1) Е. Ф. Карский, *Белорусы*, т. II. Язык белорусского племени, вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия, Варшава, 1908.

2) Е. Ф. Карский, *Западнорусские переводы псалтыри в XV — XVII веках*, Варшава, 1896.

3) Е. Ф. Карский, *Западнорусский сборник XV в.* (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. II, 1897.)

4) Е. Ф. Карский, Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого Летописью Араамки, Варшава, 1899.

Корсун.— Корсунский у. См. Отв.

Касим.— Касимовский у. См. Будде, Отв.

Квитка — Гр. Ф. Квитка-Основьяненко, Повести, тт. I—II, СПб, 1858.

Кемск. — Кемский у. См. Отв., Цейтлин.

Киев. гр. 1446 г.— Киевская грамота 1446 г.

Киев. Ст.— Киевская Старина, журнал.

Кинеш.— Кинешемский у. См. Леонов, Отв.

Кирилл.— Кирилловский у. См. Отв.

Кириша Данил.— Сборник Кириши Данилова, изд. Публичной библиотеки, под редакцией П. Н. Шеффера, СПб, 1901.

Клих — Edward Klich, Teksty białoruskie z powiatu Nowogródzkiego, 1903.

Materijaly i praci Komisji językowej. W Krakowie II, 1, 1903.

Клоц. сборн.— Клоцов сборник (в издании В. Вондрака, 1893).

Кн. зак.— Книги законные. См. Павлов.

Кологр.— Кологривский у. См. Отв.

Колом. Пал. 1406 г., Коломенская Палея — Толковая Палея, писанная в Коломне в 1406 г., изд. „Толковая Палея по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова“, вып. I, М., 1892; вып. II, М., 1896.

Колосков — См. ркп. Арх. II Отд.

Колос.— М. Колосов, Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия, СПб, 1876.

Ком. сп. Новг. 1-й, Комиссионный список Новгородской первой летописи. См. П. С. Р. Л.

Кормч. 1282 г.— Кормчая 1282 г., рукопись Синодального собрания.

Костр. — Костромской у. См. Отв.

Костр. Духовн. 1560 г. — Костромская духовная грамота 1560 г. См. Лихачев.

Котельн.— Котельнический у. См. Отв.

Котлярев. — И. Н. Котляревский, Полное собрание сочинений на малороссийском языке, изд. 2, под ред. С. Капранова, Киев, 1874.

Крак. гр. 1394 г.— Краковская грамота 1394 г.

Красноуф.— Красноуфимский у. См. Отв.

Крас., Крас. сп. Западнорус. лет., Крас. сп. Лит. лет.— Список Красинского Западнорусской (Литовской) летописи. См. П. С. Р. Л.

Крестецк.— Крестецкий у. См. Отв.

Кузмичев — См. ркп. Арх. II Отд.

Кунгур.— Кунгурский у. См. Отв.

Курск.— Курский у. См. Маляревский.

Лавр. (Некрасов) — Лаврентьевская летопись. См. Некрасов (Некрас.).

Лавр., Лавр. сп., Лавр. сп. пов. вр. лет — Повесть временных лет, Лаврентьевский список. См. П. С. Р. Л.

Лебед. Е. Слов. Акад.— Сообщения Е. Лебедевой в издании Словаря русского языка Академии наук.

Лемк.— лемковский.

Леонов — См. ркп. Арх. II Отд.

Леппельск. — Леппельский у. См. Отв.

Лескин — А. Л е с к и н, Грамматика старославянского языка, М., 1892.

Лет. Авр. — Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. См. П. С. Р. Л. См. также Карский.

Лет. Пер. Сузд. XV в. — Летописец Переяславля Суздальского. Временник Московского общества истории и древностей российских, М., 1851.

Лечебн. XVIII в. — Лечебник XVIII в., издание Потемкина (Киев. Ст., т. XXVIII, 1890).

Лит. Лет. сп. Крас. — Список Красинского Литовской (Западнорусской) летописи, См. П. С. Р. Л.

Лит. лет. XV—XVI вв. — Литовские летописи XV—XVI вв. См. П. С. Р. Л.

Лих. — Н. П. Л и х а ч е в, Лицевое житие св. благоверных князей русских Бориса и Глеба по рукописи конца XV века, СПб, 1907.

Лихачев — Н. П. Л и х а ч е в, Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. I. Духовные и сговорные грамоты. II. Грамоты правые, СПб, 1895.

Ломонос., Грамм. — М. В. Л о м о н о с о в, Российская грамматика, СПб, 1755.

Луж. — Лужский у. См. Отв.

Луканин, Обл. сл. — См. ркп. Арх. II Отд.

Лук. ев. 1409 г. — Лукино евангелие 1409 г. (Рукопись). См. также Соболев, Очерки.

Луцк. гр. — Луцкая грамота.

Луцк. ев. XIV в. — Луцкое евангелие XIV в. (Рукопись). См. также Соболев, Очерки.

Льгов. — Львовский у. См. Отв.

Майков — Л. Н. М а й к о в, Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. Беседа о святынях и других достопамятностях Цареграда, СПб, 1890.

Майков В. — См. Чернышев (Черныш.).

Макар. — Макарьевский у. См. Отв.

Малевич — См. ркп. Арх. II Отд.

Малмыж. — Малмыжский у. См. Отв.

Малояр. — Малоярославецкий у. См. Шейн.

Малыревский — См. ркп. Арх. II Отд.

Медын. — Медынский у. См. Обл. сл.

Меленк. — Меленковский у. См. Отв.

Мещов. — Мещовский у. См. Чернышев (Черныш.).

Микул. ев. — Микулино евангелие (Рукопись).

Миня 1095 и 1096 г. — Памятники древнерусского языка, т. 1. Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям (1095—1097 гг.) Труд. орд. акад. И. В. Ягича. С 6 табл. снимков, изд. Отделения русского языка и словесности АН, СПб, 1886.

Миня XI в., № 294 — См. Миня 1095 г.

Миня XI—XII вв. № 221 — Миней служебные конца XI — начала XII в. за январь, апрель, июль и август (Рукопись).

Минск. — Минский у. См. Отв.

Могил. — Могилевский у. См. Отв.

Моздок.-Терск.— Моздокский уезд Терской области. См. Караулов.
Мозыр.— Мозырский у. См. Отв.
Молд. гр.— Молдавская грамота. См. Гр.
Молож.— Моложский у. См. Обл. сл.
Моршан.— Моршанский у. См. Обл. сл.
Мосал.— Мосальский у. См. Шахматов (Шахм.).
Моск. Догов. 1381, 1428 г.— Московские договорные грамоты 1381, 1428 гг. См. Гр.

Мстислав. ев.— Мстиславово евангелие начала XII в. См. Симони.
Мышк.— Мышкинский у. См. Отв.

Некрас.— Н. П. Некрасов, Заметки о языке „Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи“, Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, кн. 4, 1896, и кн. 1, 1897.

Нерч.— Нерчинский у. См. Обл. сл.
Никол.— Никольский у. См. Отв.
Никол.-Волог.— Никольский у. Вологодской губ. См. Отв.
Никольский — А. А. Никольский, Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губернии, Русский филологический вестник, тт. 45 и 46 1901, т. 47, 1902; т. 49, 1903.

Новг. гр. 1265 г., Новг. догов. 1265 — Новгородская договорная грамота с великим князем Ярославом. См. Шахм.

Новг. ев. XIV в. Публ. Библ.— Новгородское евангелие XIV в. см. Васильев.

Новг.— Новгородский у. См. Колос., Отв.
Новг. 1-я Ком., Новг. 1-я по Ком. сп.— Новгородская первая летопись по Комиссионному списку. См. П. С. Р. Л.
Новг. 1-я Тр. сп., Новг. 1-я по Тр. сп.— Новгородская первая летопись по Троицкому списку. См. П. С. Р. Л.
Новг. 1-я Син., Новг. 1-я по Синод. сп.— Новгородская первая летопись по Синодальному харатейному списку, СПб, 1875.

Новг. Писц. I — Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею, т. 1. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г., первая половина, СПб, 1859.

Новг. рядн. XV в.— Новгородская рядная XV в. См. Сборн. Мух.
Новоалекс.— Новоалександровский у. См. Отв.
Новогр.— Новогрудский у. См. Кlich, Отв.
Новорж.— Новоржевский у. См. Отв.
Новор. сп. Новг. 4-й, Новоросс. сп. Новг. 4-й — Новороссийский список Новгородской четвертой летописи. См. П. С. Р. Л.
Новосил.— Новосильский у. См. Отв., Тр. диал. ком., 1.
Нолин. — Нолинский у. См. Отв.

Обл. сл.— Областной словарь. Рукописи Архива II Отделения Академии наук.
Обоян.— Обоянский у. См. Резанова.
Общ. Л. Др. П.— Общество любителей древней письменности.
Огоновский — D m. O g o n o w s k i, Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache, Lemberg, 1880.

Олон.— Олонецкий у. См. Отв.

Онеж.— Онежский у. См. Отв.

Опред. Влад. соб. 1274 — Определение Владимирского собора 1274 г., изложенное в грамоте митрополита Кирилла II, Русская историческая библиотека, т. VI, Памятники древнерусского канонического права, ч. I, СПб, 1880; изд. 2, 1908.

Орлов — 1) А. С. Орлов, Домострой по Коншинскому списку и подобным, М., 1908, и Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 2, 1908.

2) А. С. Орлов, Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты, М., 1906.

Орл.— Орловский у. См. Обл. сл.

Орл.-Вят.— Орловский у. Вятской губернии. См. Отв.

Осадца — М. Осадца, Грамматика русского языка, Львів, 1876.

„Основа“ 1861—1862 гг.— журнал, выходивший в Петербурге.

Остр.— Островский у. См. А. Г. О. и Отв.

Остр. ев.— Остромирово евангелие 1057 г. (в издании А. Востокова, СПб, 1843).

Отв.— Ответы на Программы для собирания особенностей народных говоров. Частью в рукописи, частью напечатаны в „Материалах для изучения великорусских говоров“ в Известиях Отделения и Сборниках Отделения русского языка и словесности Академии наук и в „Материалах для изучения белорусских говоров“ (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, тт. II—III, 1897—1898).

Отв. запись Вастеч. земл. бл. р. Псковы (Срезн. Древн. пам., 300) — Отводная запись Вастечьской земли близ р. Псковы. См. Срезн.

Отв. митр. Иоан., Отв. митр. Иоанна — Канонические ответы митрополита Иоанна, II, 1080—1089 гг. (по Чудовской пергаментной Кормчей XIV в.), т. VI. Памятники древнерусского канонического права, ч. I, СПб, 1880; изд. 2, 1908.

Оч. Собола.— См. Собола., Очерки.

Павлов — А. С. Павлов, „Книги законные“, содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. Издал вместе с греческими подлинниками и с историческо-юридическим введением А. Павлов, СПб, 1885; изд. 2, СПб, 1908.

Палея 1447 — См. Каринский.

Палея 1494 — См. Каринский.

Панд. XII—XIII вв., Панд. Ник. Черног. XII—XIII вв.— Пандекты Никона Черногорца XII—XIII вв. См. Тихвинский (Тихвин.).

Пантел. ев.— Пантелеймоново евангелие XII в.

Пардалоцкий — См. ркп. Арх. II Отд.

Парем. 1271—1378 — Паремейники 1271 г. и 1378 г.

Парем. 1313 г.— Паремейник 1313 г. См. Каринский.

Перемышл. гр. 1378 г.— Перемышльская грамота 1378 г. См. Гр.

Пересопн. ев.— Пересопницкое евангелие 1556 г.

Переясл.-Влад.— Переяславльский у. Владимирской губ. См. Обл. сл.

Переясл.— Переяславльский у.

Переясл. гр.— Переяславская грамота.

Петергоф.— Петергофский у. См. Отв.

Петроз.— Петрозаводский у. См. Отв., Рыбн., Шахм.

Пинеж.— Пинежский у. См. Пругав. Обл. сл.

Пинск.— Пинский у. См. Отв.

П.Р.Г., Письма русск. госуд.— Письма русских государей и других особ царского семейства, изд. Археографическою комиссиею, т. 1 (1526—1658), М., 1848.

Плечев — См. ркп. Арх. II Отд.

Пов. вр. л. по Лавр. сп.— Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. См. П. С. Р. Л.

Пов. о Девг.— Девгениево деяние. См. Пыпин, Очерк.

Повен.— Повенецкий у. См. Шахм.

Погод., Погод. сп. Псков. 1-й лет.— Погодинский список Псковской первой летописи (Рукопись). См. также Каринский.

Позн. сборн. XVI в.— Познанский сборник XVI в.

Пов. Азов. сид. Унд. № 794 — Повесть Азовского сиденья. Рукопись собрания Ундольского, № 794, См. Орлов.

Покров.— Покровский у. См. Отв.

Полоцк. гр. 1265 г.— Полоцкая грамота 1265 г., См. Р. Л. А.

Послание Ионы 1450 — См. А. И., 1, № 50.

Послов. XVII в.— см. Симони.

Послов. XVIII в.— см. Симони.

Пост. Ильи Новг. 1164—1168 гг. (Кормч. 1282) — Постановление Ильи, архиепископа новгородского, и неизвестного белгородского епископа по двум случаям при совершении литургии, Русская историческая библиотека, т. VI, Памятники древнерусского канонического права, ч. I, СПб, 1880; изд. 2, 1908.

Поуч. Влад. Мон.— Поучение Владимира Мономаха (в составе Лаврентьевской летописи под 1096 г.). См. П. С. Р. Л.

Поуч. Ефр. Сир. 1377 г.— Переяславский список слов Ефрема Сирина 1377 г.

Поуч. Зарубск. чернор. XIII в.— Поучение Зарубского черноризца XIII в. См. Срезневский, Св. и зам. (№ 7).

Поуч. Konst. Болг. XIII в.— Поучение Константина Болгарского XIII в. Рукопись Публичной библиотеки в г. Ленинграде.

Пошех.— Пошехонский у. См. Обл. сл., Яросл. губ. вед., Прол. 1383 г., См. также Собол., Очерки.

Прол. 1383 г.— Пролог 1383 г. См. Собол., Очерки.

Пругав. Обл. сл.— А. С. П р у г а в и н, Областной словарь (Рукопись). Архив II Отделения.

Пруж.— Пружанский у. См. Отв.

Псалт. XII в.— Толковая псалтырь XII в.

Псалт. XVI в., XVII в.— Псалтыри XVI в. и XVII в. См. Карский.

Псков. 1-я лет. Погод. № 1413 — Псковская первая летопись, Погодинский список. См. Каринский.

Псков. 2-я лет.— Псковская вторая летопись. См. П. С. Р. Л.

Псков. Паракл. 1369 — Псковский Параклитик 1369 г. См. Собол., Очерки.

Псков. сборн. XVI в.— Псковской сборник XVI в.

Псков. судн. гр.— Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 г., изд. Н. Мурзаковичем, изд. 2, Одесса, 1868.

П. С. Р. Л.— Полное собрание русских летописей, изданное Археографической комиссией.

Пудож.— Пудожский у.

Пыпин, Очерк — А. Н. Пыпин, Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, СПб, 1857 (Ученые записки Академии наук, т. IV).

Радзив. лет.— Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись XIV—XV вв. (Рукопись); также: Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись, ч. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи; ч. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи, изд. Общества любителей древней письменности, вып. CXVIII, СПб, 1902.

Рамзевич — См. Обл. сл.

Р. Д.— Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, учрежденном при Московском университете, ч. 1, М., 1815.

Резанова — Е. И. Резанова, Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского у. Курской губ., Известия II Отд. АН, т. XVII, кн. 1, 1912.

Речицк.— Речицкий у. См. Отв.

Р. И. Б.— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, СПб, 1872.

Риж. гр.— Рижская грамота. См. Р. Л. А.

Ркп.— рукопись.

Ркп. 1296 г. Син.— Псалтырь 1296 г. Синодального собрания.

Р. Л. А.— Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским, изд. Археографической комиссией, СПб, 1868.

Рогач.— Рогачевский у. См. Романов (Ром.).

Ром.— Е. Р. Романов, Белорусский сборник, вып. I—VI, Киев — Витебск — Могилев, 1886—1901.

Русск. Пр. по Комис. сп.— Русская Правда по Комиссионному списку.

Русск. Пр.— Русская Правда по списку 1282 г. См. Р. Д., 1.

Р. Ф. В.— Русский филологический вестник.

Рыбн.— Н. Н. Рыбников, Песни, чч. I—IV, М. — Петрозаводск — СПб, 1861—1867.

Рыльск.— Рыльский у. См. Обл. сл.

Рязанск. — Рязанский у. См. Тр. диал. ком., 1.

Савв. кн.— Саввина книга, изд. Академии наук (Памятники старославянского языка, т. 1, вып. 2), СПб, 1903.

Самар.— Самарский у. См. Отв.

Сарат.— Саратовский у. См. Шахматов (Шахм.).

Сборн. II Отд.— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Сборн. в ч. Фортунатова — Сборник статей в честь Ф. Ф. Фортунатова, Русский филологический вестник, Варшава, 1902.

Сборн. Лихачева — См. Лихачев.

Сборн. Мух. — Сборник Н. И. Муханова, изд. 2, дополн., СПб, 1866.

Сборн. Соф. XV в. № 53/255 — Сборник Софийского собрания XV в., См. Каринский.

Сборн. 1073 г. — Изборник Святослава 1073 г. (Ркп., также в фототипическом воспроизведении), Общество любителей древней письменности, СПб, 1880.

Свенц. — Свенцянский у. См. Отв.

С. Г. Гр. и Д. — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел, чч. I—V, М., 1813—1819—1822—1828—1894.

Себеж. — Себежский у. См. Отв.

Северск. гр. — Северская грамота.

Сергеев — См. ркп. Арх. II Отд.

Сибирц. и Шахм. — Н. М. Сибирцев и А. А. Шахматов, Еще несколько Двинских грамот XV в., Исследования по русскому языку, II, выпуск 5, СПб, 1909.

Симони — 1) П. К. Симони, Мстиславово евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношении, изд. Общества любителей древней письменности, вып. СХХIII, СПб, 1904.

2) П. К. Симони, Старинные сборники русских пословиц, СПб, 1899 (Сборн. II Отд. АН, т. 61, № 7).

Син. сборн. XV в. № 154 — Синодальный сборник XV в. См. Каринский.

Син. Молитв. — Синайский молитвенник (требник), изд. Гейтлера, Загреб, 1865.

Син. ркп. 1296 г. — Псалтырь 1296 г. Синодального собрания.

Син. Пс. — Синайская псалтырь, в издании Гейтлера, Загреб, 1883.

Син. требн. — См. Син. Молитв.

Скоп. — Скопинский у. См. Будде.

Сл. Ипп. об Ант. XII в. — К. Невоструев, Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века, М., 1868.

Слобод. — Слободской у. См. Отв.

Слов. Андр. — Словарь Андреева. Ркп. Арх. II Отд.

Слово Феод. Печ. — Слово Феодосия Печерского (Ученые записки Академии наук, СПб, кн. II, вып. II, 1856).

Сл. о п. Из. — Слово о полку Игореве, М., 1800 г.

Словцов — См. ркп. Арх. II Отд.

Служебн. Миняя 1096 г. — См. Миняя 1096 г.

Слуцк. — Слуцкий у. См. Малевич, Отв.

Слуцк. пс. — Слуцкая псалтырь XI века, в „Древних памятниках“ Срезневского.

С. М. — см. Сборн. Мух.

Смол. — Смоленский у. См. Обл. сл.

Смол. гр. 1284 г. — Смоленская грамота 1284 г.

Собол. — А. И. Соболевский.

Соболевский — А. И. Соболевский, Два древних памятника галицко-волынского наречия, Русский филологический вестник, т. 12, 1884.

Собол., Очерки. — А. И. Соболевский, Очерки из истории русского языка, Киев, 1884 (Университетские Известия, 1883—1884 гг.).

Собол. и Пташ. — Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XV века. Составили А. И. Соболевский и С. Л. Пташицкий, изд. СПб Археологического института, СПб, 1903.

Собр. Бел.— Д. П. Лебедев, *Собрание историко-юридических актов* И. Д. Беляева, М. 1881.

Собр. Мух.— См. *Сборн. Мух.*

Соликам.— Соликамский у. См. Луканин, Слобцов.

Сольвыч.— Сольвычегодский у. См. Отв.

Соф. 1-я по сп. Ак. Н. XVI в.— Софийская первая летопись по списку Академии наук XVI в. См. П. С. Р. Л.

Соф. 2-я лет. XVI в.— Софийская вторая летопись. См. П. С. Р. Л.

Соф. сборн. XV в. № 1262— Сборник Софийской библиотеки № 1262. См. Каринский.

Соф. перг. Кормч.— Софийская пергаменная Кормчая конца XIII в.

Срезн.— И. И. Срезневский, *Древние памятники русского письма и языка X—XIV веков*, СПб, 1863.

Срезневский, Св. и зам.— И. И. Срезневский, *Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, I—XI, СПб, 1867; XI—XXX, XXXI—XC, СПб, 1876.*

Старобельск.— Старобельский у. См. Ветухов.

Стеф. и Ихн.— А. Е. Викторов, *Стефанит и Ихниллат*, изд. Общества любителей древней письменности, вып. 64 и 78, СПб, 1881.

Стих. XII в. № 279— Стихирарь XII в. Рукопись Патриаршей библиотеки, № 279 (Моск. Историч. музей).

Стих. 1157 г.— Стихирарь 1157 г. См. Срезневский (Срезн.).

Стогл. (Казанск. изд.)— Субботин, *Стоглав*, Казань, 1887.

Суд. Фед. Ив. 1589 г.— Судебник царя Федора Иоанновича 1589, изд. Комиссии печатания государственных грамот при Московском архиве Министерства иностранных дел. С предисловием С. К. Богоявленского и мнением проф. В. О. Ключевского, М., 1900.

Сузд.— Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.

Супр.— Супрасльская рукопись.

Терск.-Моздок.— Моздокский у. Терской области. См. Караулов.

Тимск.— Тимский у. См. Отв.

Тимченко— Е. Тимченко, *Украинская грамматика*, Киев, 1907.

Типогр. ев. № 1, 6, 7— Рукописные евангелия Типографской библиотеки № 1, 6, 7, XII в. См. Соболев, *Очерки*.

Тихвин.— 1) А. Тихвинский, *Особенности говора Ярославского у. Ярославской губ. по правую сторону р. Волги*. Русский филологический вестник, т. 24, 1890.

2) А. Тихвинский, *Ярославский список Пандект Никона Черногорца XII—XIII вв.*, Русский филологический вестник, тт. 28, 30, 31, 32, 1892—1894.

Толк. апост. 1220 г.— Толковый апостол 1220 г. См. Воскресенский.

Тотем.— Тотемский у. См. Отв.

Тр. сп. Новг. 1-й— Троицкий список Новгородской 1-й летописи. См. П. С. Р. Л.

Тр. диал. ком.— Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 1, Варшава, 1908.

XIII Сл. Гр. Бог.— XIII (тринадцать) слов Григория Богослова, См. Будилович.

Тульск.— Тульский у. См. Благов.

У.— уезд.

Увар. сп. Западнорус. (Лит.) лет.— Уваровский список Западнорусской (Литовской) летописи. См. П.С.Р.Л.

Угрорус.— угрорусский.

Указ. ев. чт. XIII в.— Указатель евангельских чтений XIII—XIV вв. См. Соболя, Очерки.

Укр.— украинский.

Усп. Минея XII в.— Успенская Минея XII в.

Усп. сборн. XII в.— Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. 1, издан под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М., 1899 (из Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 2, 1899).

Уст. 1137 — Устав 1137 г. См. Р. Д., I.

Устюжн.— Устюжанский у. См. Отв.

Уфим.— Уфимский у. См. Обл. сл., Отв.

Уч. Зап.— Ученые записки Академии наук.

Feder.— Federowski, Lud bialoruski na Rusi litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877—1893 przez Michala Federowskiego. W Krakowie. Nakładem Akademii umiejętności, tom I, 1897; tom II, 1902.

Филимонов.— См. ркп. Арх. II Отд.

Флор. пс., Флор. псалт.— Флорианская псалтырь, изд. В. Неринча, Познань, 1883.

Халанский — 1) М. Г. Халанский, Народные говоры Курской губернии, СПб, 1904 (Сборн. II Отд., т. 76, № 5).

2) М. Г. Халанский, Черты народного говора Щигровского у. Курской губ., Русский филологический вестник, т. 3, 1880.

Хиланд. листки — Хиландарские листки.

Хожд. Афан. Ник., по сп. XV в.— Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. (в издании И. И. Срезневского, Ученые записки II Отделения Академии наук, кн. II, вып. 2. СПб, 1856).

Холмог.— Холмогорский у. См. Обл. сл., Отв.

Холмск. ев. XIII—XIV вв.— Холмское евангелие XIII—XIV вв. См. Соболя. Очерки.

Холмск.— Холмский у. Люблинской губ. См. Отв., Сергеев.

Холмск.-Псков.— Холмский у. Псковской губ. См. Отв.

Хрест. Смирнова — А. А. Смирнов, Сборник древнерусских памятников и образцов народной русской речи, Варшава, 1882.

Цейтлин — См. ркп. Арх. II Отд.

Чебокс.— Чебоксарский у. См. Будде.

Чердын.— Чердынский у. См. Обл. сл.

Череп.— Череповецкий у. См. Отв.

Черныш.— 1) В. И. Чернышев, Заметки о языке басен и сказок В. И. Майкова. Сборник „Памяти Леонида Николаевича Майкова“. СПб, 1902, стр. 125—159.

2) В. И. Чернышев, Краткие сведения о некоторых говорах Дмитровского, Богородского и Егорьевского уу., Изв. II Отд. АН, 1900, т. V, кн. 2.

3) В. И. Чернышев, Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда, Сборн. II Отд. АН, т. 71, № 7, СПб, 1901.

4) В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, СПб, 1911.

Чистоп.— Чистопольский у. См. Отв.

Чуд. Кормч. XIV в. № 4— Кормчая XIV в. Чудовского монастыря, № 4.

Чуд. сп. 1270 г.— Чудовский список 1270 г. См. Каринский.

Чухлом.— Чухломской у. См. Отв.

Шадр.— Шадринский у. См. Отв.

Шахм.— 1) Диалектологические материалы по записям А. А. Шахматова.

2) А. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах XV в., ч. I и II. В книге: Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3, изд. АН, СПб, 1903.

3) А. А. Шахматов, Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV веков. В книге: „Исследования по русскому языку“, т. I, изд. АН, СПб, 1885—1895.

Шейн— П. В. Шейн, Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1 и 2, СПб, 1898—1900.

Шенк.— Шенкурский у. См. Обл. сл., Отв., Плечев.

Шуйск.— Шуйский у. См. Отв.

Щигр.— Щигровский у. См. Халанский.

Энеида Котляревского— см. Котлярев.

Юрьевск. ев. ок. 1128— Юрьевское евангелие около 1128 г. (Моск. Историч. музей, б. Синодальная библиотека).

Яранск.— Яранский у. Вятской губ. См. Отв.

Яренск.— Яренский у. Вологодской губ. См. Отв.

Яросл. губ. вед.— Ярославские губернские ведомости, 1856, № 6.

Яросл. сп. Панд. Ник. Черног. XII—XIII вв.— см. Тихвин.

Яросл.— Ярославский у. См. Тихвин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Общие вводные замечания	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
СОСТАВ ФОРМ ОБЩЕРУССКОГО ЯЗЫКА	15
Глава первая. Имя существительное	16
Вводные замечания	—
Отдельные падежные окончания	21
Единственное число	—
Именительный падеж	—
Звательный падеж	22
Родительный падеж	23
Дательный падеж	24
Винительный падеж	25
Творительный падеж	26
Местный падеж	—
Двойственное число	27
Именительный-звательный-винительный падежи	—
Родительный-местный падежи	—
Дательный-творительный падежи	28
Множественное число	—
Именительный и звательный падежи	—
Родительный падеж	29
Дательный падеж	—
Винительный падеж	—
Творительный падеж	30
Местный падеж	31
Ударение имен существительных	—
Соотношение основ имен существительных	40
Глава вторая. Склонение имен существительных	42
I. Основы на -ѣ мужеского рода	—
1. Основы на твердую согласную	43
Сопоставление с другими славянскими языками	44
Примеры из древнерусских памятников	45
Примеры из современного языка	48
Замечания к отдельным падежным формам	49

	Стр.
2. Основы на смягченные аффрикаты <i>с'</i> и <i>з'</i>	52
Сопоставление с другими славянскими языками	—
Примеры из древнерусских памятников	53
Примеры из современного языка	54
3. Основы на прочие смягченные согласные и на <i>-i (j)</i>	55
Сопоставление с другими славянскими языками	56
Примеры из древнерусских памятников	—
Примеры из современного языка	58
Замечания об отдельных падежах	59
II. Основы на <i>-ǫ</i> среднего рода	60
1. Основы на твердую согласную	—
Сопоставление с другими славянскими языками	61
Примеры из древнерусских памятников	—
Примеры из современного языка	62
Замечания по поводу некоторых форм	63
2. Основы на мягкую согласную	—
Сопоставление с другими славянскими языками	64
Примеры из древнерусских памятников	—
Примеры из современного языка	65
Замечания об отдельных падежах	—
3. Основы на <i>-i (j)</i>	—
Сопоставление с другими славянскими языками	66
Примеры из древнерусских памятников	67
Примеры из современного языка	68
Замечания об отдельных падежах	—
III. Основы на <i>-ā</i> женского рода	69
1. Основы на <i>-ā</i> с предшествующею твердую согласную	70
Сопоставление с другими славянскими языками	—
Примеры из древнерусских памятников	71
Примеры из современного языка	73
Замечания к отдельным падежам и формам падежей	74
2. Основы на <i>-ā</i> с предшествующею мягкою согласною	—
Сопоставление с другими славянскими языками	75
Примеры из древнерусских памятников	—
Примеры из современного языка	77
Замечания об отдельных падежах и формах	78
3. Основы на <i>-iā</i> и <i>-jā</i>	—
Сопоставление с другими славянскими языками	78
Примеры из древнерусских памятников	79
Примеры из современного языка	80
Замечания об отдельных формах и падежах	81
IV. Основы на <i>-i</i> мужского рода	82
Сопоставление с другими славянскими языками	83
Примеры из древнерусских памятников	—
Примеры из современного языка	84
Замечания об отдельных падежах	85
Переход основ на <i>-i</i> в основы на <i>-ǫ</i>	—

	<i>Стр.</i>
V. Основы на -ĭ мужского рода	86
Сопоставление с другими славянскими языками	87
Примеры из древнерусских памятников	—
Примеры из современного языка	88
Замечания об отдельных словах	89
VI. Основы на -ĭ женского рода	—
Сопоставление с другими славянскими языками	90
Примеры из древнерусских памятников	—
Примеры из современного языка	92
Замечания об отдельных словах и формах	93
VII. Основы на согласные мужского рода	94
1. Основы на -n	95
а) Основы на -n, образующие единственное, двойственное и множественное число	—
Сопоставление с другими славянскими языками	—
Примеры из древнерусских памятников	96
Примеры из современного языка	97
Замечания по отдельным формам	—
б) Основы на -n, образующие только множественное число	—
Сопоставление с другими славянскими языками	98
Примеры из древнерусских памятников	—
Примеры из современного языка	99
Замечания к отдельным формам	—
Параллельные образования от других основ	100
2. Основы мужского рода на -t	101
3. Основы мужского рода на -r и -l	102
Примеры из древнерусских памятников	103
Примеры из современного языка	104
VIII. Основы на согласные среднего рода	—
1. Основы на -n (-en)	—
Сопоставление с другими славянскими языками	—
Примеры из древнерусских памятников	105
Примеры из современного языка	—
Замечания об отдельных формах	—
2. Основы на -s (-es, -os)	106
Сопоставление с другими славянскими языками	—
Примеры из древнерусских памятников	107
Примеры из современного языка	—
Замечания об отдельных падежах	—
3. Основы на t (ġt)	108
Сопоставление с другими славянскими языками	109
Примеры из древнерусских памятников	—
Примеры из современного языка	110
Замечания об отдельных словах и падежах	—
IX. Основы на согласные и на -ĭ женского рода	111
1. Основы на -r	—
Сопоставление с другими славянскими языками	—

Примеры из древнерусских памятников	112
Примеры из современного языка	113
Замечания об отдельных падежах	—
2. Основы на $-\bar{i}$ ($-i\bar{v}$)	114
Сопоставление с другими славянскими языками	115
Примеры из древнерусских памятников	116
Примеры из современного языка	—
Замечания об отдельных падежах	117

Глава третья. Именное склонение прилагательных —

1. Склонение основ на $-\bar{o}$, $-\bar{a}$ с предшествующею твердой согласной	119
Примеры из древнерусских памятников	121
Сопоставление с другими славянскими языками	124
Примеры из современного языка	125
Замечания об отдельных падежах	—
2. Склонение основ на $-j\bar{o}$, $-ja$	—
а) Основы на мягкие согласные	—
Примеры из древнерусских памятников	127
Сопоставление с другими славянскими языками	128
Замечания об отдельных падежах	—
б) Основы на $-i$ (j)	—
Примеры из древнерусских памятников	129
Замечания об отдельных падежах	130
Сопоставление с другими славянскими языками	—
Примеры из современного языка	—
3. Склонение основ со значением сравнительной степени	—
Примеры из древнерусских памятников	133
Замечания об отдельных формах и окончаниях	—
Сопоставление с другими славянскими языками	134
4. Склонение причастных основ настоящего времени	—
Замечания об отдельных падежах	136
Сопоставление с другими славянскими языками	137
Примеры из древних памятников	138
5. Склонение причастных основ прошедшего времени	139
Сопоставление с другими славянскими языками	140
Примеры из древнерусских памятников	—
Замечания об отдельных падежах	—

Глава четвертая. Склонение некоторых числительных 141

Глава пятая. Склонение местоимений 150

1. Склонение личных местоимений (местоимений, заменяющих лица)	151
Сопоставление с другими славянскими языками	154
Примеры из древнерусских памятников	155
Данные из современного живого языка	157
Замечания об отдельных формах	159
2. Склонение местоимения 3-го лица (заменяющего и лица, и предметы)	160
Сопоставление с другими славянскими языками	162
Примеры из древнерусских памятников	—

Примеры из современного языка	164
3. Склонение местоимений вопросительных	—
Сопоставление с другими славянскими языками	165
Примеры из древнерусских памятников	166
Примеры из современного языка	167
Дополнительные замечания	—
4. Склонение местоимений притяжательных	171
Примеры из древнерусских памятников	172
Примеры из современного языка	173
Дополнительные замечания	—
5. Склонение указательных местоимений	174
а) Склонение местоимения <i>тѣ</i>	—
Примеры из древнерусских памятников	175
Примеры из современного языка	—
Дальнейшие замечания	176
б) Склонение местоимений <i>онѣ, оуѣ, такѣ, сичь</i>	178
в) Склонение местоимения <i>сь</i>	—
Примеры из древнерусских памятников	179
Примеры из современного языка	181
Дополнительные замечания	—
6. Склонение относительных местоимений	182
7. Склонение местоимений с обобщающим и определительным значением	183
Примеры из древнерусских памятников	—
8. Склонение некоторых числительных	185
Примеры из древнерусских памятников	186
Глава шестая. Сложное склонение прилагательных	187
Примеры из древнерусских памятников	192
Сопоставление с другими славянскими языками	197
Примеры из современного языка	198

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СКЛОНЕНИЯ, ОБЩИЕ ВСЕМ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИМ НАРЕЧИЯМ 200

Глава первая. Изменения в склонении, вызванные падением глу- хих	203
Глава вторая. Исчезновение двойственного числа	207
Глава третья. Утрата различия между некоторыми падежами	220
1. Замена родительным падежом винительного в именах одушевленных	—
2. Совпадение форм именительного множественного и винительного множественного в склонении имен мужского рода	226
а) Вытеснение формы именительного множественного мужского рода формой винительного множественного	227
б) Вытеснение формы винительного множественного формой имени- тельного множественного	229
3. Совпадение именительного-винительного множественного местоимений и прилагательных всех родов в одной форме	233

Глава четвертая. Исчезновение самостоятельного склонения некоторых основ	236
Глава пятая. Перенесение падежных окончаний основ на <i>-й</i> в склонение других основ	240
1. Родительный падеж на <i>-у</i>	—
Родительный на <i>-у</i> в древнем языке	241
Родительный на <i>-у</i> в современном великорусском	245
Родительный на <i>-у</i> в современном белорусском	247
Родительный на <i>-у</i> в современном украинском	248
2. Местный падеж на <i>-у</i>	249
Местный единственного на <i>-у</i> в древнем языке	250
Местный единственного на <i>-у</i> в современном великорусском языке после предлогов <i>в, на</i>	253
Местный единственного на <i>-у</i> в современном белорусском языке после предлогов <i>в</i> и <i>на</i>	255
Местный единственного на <i>-у</i> в современном украинском языке	256
3. Звательный падеж на <i>-у</i>	257
4. Дательный падеж на <i>-ови</i>	—
5. Именительный множественного на <i>-ове</i>	260
6. Родительный падеж множественного числа на <i>-ов</i>	263
7. Дательный множественного на <i>-ъмъ (-омъ)</i>	269
8. Творительный множественного на <i>-ъми</i>	—
9. Местный множественного на <i>-ъхъ (-охъ)</i>	—
Глава шестая. Перенесение падежных окончаний множественного числа основ на <i>-й</i> мужского рода в склонение других основ мужского рода	—
1. Вторжение окончаний множественного числа из основ на <i>-й</i> в другие одушевленные основы мужского рода	271
2. Вторжение окончаний множественного числа из основ на <i>-й</i> в другие неодушевленные основы мужского рода	273
3. Вторжение окончаний множественного числа из основ на <i>-й</i> в основы мужского рода на согласную	275
Глава седьмая. Перенесение падежных окончаний основ на согласную мужского рода в другие основы	276
Глава восьмая. Перенесение окончаний женского рода <i>-ам, -ами, -ах</i> в другие основы женского, мужского и среднего рода	277
Глава девятая. Новообразования в склонении женских и средних основ, вызванные перенесением окончаний <i>-ам, -ами, -ах</i> на место старых окончаний	281
Глава десятая. Перенос окончаний двойственного числа во множественное	285
Глава одиннадцатая. Общее обозрение категорий склонения	287
1. Склонение основ мужского рода на <i>-ѡ, -jѡ</i>	—
2. Склонение прочих мужеских основ	289
3. Склонение основ женского рода	291

4. Склонение основ среднего рода	Стр. 294
5. Именное склонение прилагательных	296
6. Склонение числительных	300
7. Склонение местоимений	309
8. Сложное склонение прилагательных	319

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕЛИКОРУССКИЙ ЯЗЫК 326

1. Замена звуков <i>з, ц, с</i> звуками <i>к, г, х</i> в формах склонения	—
2. Влияние окончаний основ с твердой согласной на окончание основ с мягкой согласной	327
3. Утрата старых форм двойственного числа в именах женского и среднего рода	330
4. Судьба собирательных существительных женского рода на <i>-а</i> и <i>-ья</i>	332
5. Образование именительного множественного на <i>-а</i> от одушевленных имен существительных	335
6. Судьба собирательных существительных среднего рода на <i>-ье</i> с ударением на основе	336
7. Судьба собирательных существительных среднего рода на <i>-ье</i> с ударением на окончании	337
8. Утрата окончаний дательного единственного <i>-ови</i> и именительного множественного <i>-ове</i>	339
9. Утрата звательной формы	—
10. Переход имен мужского рода на <i>-о</i> в склонение по женскому роду.	—
11. Судьба окончания творительного единственного женского рода <i>-ою</i> (у существительных, местоимений, прилагательных)	340
12. Замена окончания <i>-оль</i> в родительном женского рода прилагательных через <i>-ой</i>	341
13. Судьба форм родительного-винительного <i>тоь, самоь, одноь</i> и т. п.	342
14. Образование форм косвенных падежей прилагательных на <i>-ых, -ых</i> и т. п.	343
15. Образование диалектических форм косвенных падежей прилагательных на <i>-эх, -эм</i> и т. п.	—
16. Образование диалектических форм в предложном падеже единственного числа на <i>-оем</i>	—
17. Образование диалектических стяженных форм в склонении прилагательных	—
18. Диалектическое совпадение в одной форме падежей, родительного, с одной стороны, дательного и местного — с другой, у существительных женского рода	344
19. Диалектическое проникновение окончания <i>-ь (е)</i> из основ женского рода на <i>-ā</i> в основы на <i>-ĩ</i> в дательном и местном падежах	346
20. Диалектическое сохранение звательной формы у существительных женского рода с основой на <i>-ā</i>	348
21. Исчезновение в единственном числе склонения основ среднего рода на <i>-at</i>	—
22. Изменение суффикса <i>-ен</i> в склонении основ среднего рода на <i>-я</i> в <i>-ян</i>	349

	<i>Стр.</i>
23. Проникновение окончания <i>-ов, -ев</i> в имена женского рода	352
24. Проникновение окончания <i>-у</i> в местный единственного числа существительных среднего рода	353
25. Проникновение окончания родительного множественного <i>-ов</i> в существительные среднего рода	354
26. Замена неударяемого окончания именительного-винительного множественного среднего рода <i>-а</i> через <i>-ы</i>	355
27. Окончания <i>-ов</i> и <i>-ей</i> у существительных мужского рода с основами на первоначальные мягкие согласные	357
28. Распространение окончания <i>-а</i> в именительном множественного у существительных женского рода	358
29. Происхождение окончания <i>-мы</i> в творительном множественного в северновеликорусском наречии	—
30. Диалектическое окончание <i>-мя</i> в дательном-творительном множественного	—
31. Диалектическое окончание <i>-м</i> в дательном-творительном множественного и <i>-ми</i> в дательном множественного	359
32. Диалектическое окончание <i>-и</i> (вместо <i>-ь</i>) в предложном единственного у существительных с основами на <i>-ѣ</i> и <i>-ѧ</i>	360
33. Диалектические формы винительного единственного местоимений <i>ею, всею, всюю, тую</i> и т. п.	361
34. Диалектические формы <i>ѣй, моѣй</i> и т. п.	—
35. Диалектические новообразования в категории притяжательных местоимений	—
36. Судьба форм сравнительной степени прилагательных	362
37. Диалектическое распространение окончания <i>-у</i> в родительном единственного	364
38. Диалектическое распространение окончания <i>-у</i> в местном единственного	365
39. Диалектическое смешение родительного и местного множественного у существительных	367
40. Диалектическое окончание <i>-е</i> в именительном единственного у существительных с основами на <i>-ѣ</i>	—
Примечания	368
Список сокращений	378

Алексей Александрович Шахматов
Историческая морфология русского языка

Редактор *В. В. Иванов.* Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий*
Корректоры *Т. А. Кузнецова* и *С. М. Березина*

Сдано в набор 9/IV 1956 г. Подписано к печати 28/I 1957 г. А01451. 60×92^{1/16}.
25 печ. л. + 0,125 вкл. Учетно-изд. л. 22,56 + 0,04 вкл. Тираж 20 тыс.
Заказ № 1883. Цена без переплета 6 р. 15 к., переплет 1 р. 50 к.

Министерство культуры СССР Главное управление полиграфической промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
3	4 снизу	1834	1864
43	1 снизу	doroše	goroše
112	1 сверху	алезандра	алеџандра
240	2 сверху	на -и	на -й
383	15 сверху	Konysyi	Komysyi

А. А. Шахматов